

Петро Федір

**Острів русів. Легенда чи реальність?
Що не так з норманською теорією росіян?**

**Остров русов. Легенда или реальность?
Что не так с норманской теорией россиян?**

Петро Федір

Острів русів. Легенда чи реальність?
Що не так з норманською теорією росіян?
(мова російська)

Остров русов. Легенда или реальность?
Что не так с норманской теорией россиян?

На правах рукописи

Харьков, Украина, 2023

Об авторе.

В 2002 окончил исторический факультет Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Область интересов - домодерная история Украины.

Книга о самой политизированной исторической теме нашего времени - истоках Руси. Ее задача - показать вам кое-что скрытое, о чем не расскажут вам другие книги.

Содержание

Введение_____	3
Глава 1. КАК ВЫГЛЯДИТ ВАРЯЖСКАЯ ПРОБЛЕМА СЕГОДНЯ? НОРМАНСКАЯ ТЕОРИЯ И РУССКИЙ КАГАНАТ_____	13
Глава 2. ТАВРОСКИФЫ_____	64
Глава 3. «РОСИЯ»_____	93
Глава 4. «ОСТРОВ РУСОВ» _____	120
Глава 5. ЭЛЛИПАЛТАР _____	143
Глава 6. СКАНДИНАВЫ? _____	169
Глава 7. РОСОМОНЫ_____	196
Глава 8. О ТОМ, КАК ЛЖЕТ ЛЕТОПИСЬ_____	246
Глава 9. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ_____	262

Введение

«ДЖАЗИРА РУСОВ» - ЛЕГЕНДА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Якби ви вчилися так, як треба,

То й мудрость би була своя. (Т.Г. Шевченко)

Откуда идет имя Руси, и каким образом положено было ей начало? Кто были те люди, на которых впервые примерено было это прозвание? Эта потерянная повесть больше имеет отношение к истории России или Украины? Хорошая постановка вопроса? Сегодня, думаю, да. Почему? Потому что украинцам кое-что в связи с этой темой важно знать. Сразу может возникнуть вопрос – кто ты такой, чтобы говорит об этих вещах? Отвечаю, - я тот, кто может на них вменяемо ответить, так как немало времени посвятил их изучению. Десять лет я держал эту тему в поле зрения, пытаюсь разобраться во всех нюансах этой головоломки. Кроме того, немного знаю историю Украины, а также, точно знаю то, что именно украинская история на сегодняшний день может дать на них ответы. Железобетонно, а не на уровне очередной гипотезы. Насколько далеки от правильного понимания их россияне? Настолько, насколько они знают и понимают историю украинцев. А вы быстро убедитесь, что они ее не знают. Специалисты? Российские историки? Не уверен, но, по некоторым признакам, могу предположить, что некоторые из них, знают о тех фокусах, которые я собираюсь показать вам. Знают, но не болтают. Именно так, в прямом смысле. Очень странно видеть полемику вокруг норманнской теории среди российских историков. Создается такое впечатление, что основным назначением этого потока словоблудия, является элементарное запутывание интересантов. С целью одурачить, в том числе. В качестве кандидатов на первоначальную «русь» там у них есть секта сторонников скандинавов, поморских славян – варягов-руси, секта аланистов – приверженцев иранского происхождения «русского каганата», но, естественно, нет сторонников происхождения этого сообщества с той территории, которая всегда с этим именем была связана. Совсем не странно да?

Украинские историки? О, на удивление, они стерильны в этом плане. Никакого намека на то, что они могут дать адекватные ответы хотя бы на один из предложенных вопросов. Не знаю почему. Без обид. Слишком мало людей в Украине всерьез занималось этой темой. Те же, кто ею занимается, в большинстве своем, по сей день, живут в плену старых схем и российских исторических сказок. Может быть им нравятся сказки. Не знаю. В любом случае, то, что мне придется вам показать, этим слепым глашатаям норманнского, северного начала Руси, вряд ли понравится. Еще меньше нравится их вклад в науку на данном направлении мне. Мало того, что поддержки ожидать от них бессмысленно – ведь это равносильно тому, как, если бы они расписались в собственной некомпетентности в вопросах истории Украины. А также в том простом факте, что они на должном уровне не знают проблемы. Благодаря этому, на какие бы очевидные вещи мне не пришлось указать историкам, людям одного со мной образования, нашими специалистами по рассматриваемому периоду все будет воспринято в штыки или проигнорировано. По понятным причинам. В лучшем случае они сумеют стать в позу страуса. В данном вопросе они имеют давние традиции хождения по кругу, каковую манеру почерпнули от россиян, а значит, воевать с очевидностью умеют вполне неплохо.

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

Зарубежные? Там проделана большая работа, но ответов не будет. Однозначных, таких, которые мы можем проверить на истинность, испытать. А нам нужны именно такие. Без маразма любителей и мнений-сомнений специалистов. На каждого – по несколько. Иначе,какая ценность пустой болтовни, которую и подкрепить то адекватным образом нечем? Только своим именем. «Знающий не говорит, говорящий не знает» - мы хотим жить в таком мире? Не дурачат ли вас, и есть ли вообще однозначные ответы на поднятые в начале вопросы? Ну, так проверите. Зачем верить на слово? На сегодня они есть. Только не ищите их у россиян или посредственностей от украинской исторической науки. Почему сейчас иметь верное знание об этих вещах важно, наверное, объяснять не нужно. Если почитать бред российских имперцев про сакральность Киева для русских людей, и украинцев, которые к нему, непонятно каким боком. Понимаете ли, когда украинские историки шутят про цветущий столичный Киев 12ст. и Москву, на болотах которой тогда еще квакали жабы; что, мол, Русь была тут, у нас, и никакая московитская пропаганда изменить этого не в силах,- они стреляют мимо. В белый свет. Поскольку в сознании россиян та Русь, которая, в узком, древнем значении этого слова, плюс – Киев, не имеет и не имела субъектности. Так их учили со школы. Поколениями. Некие сказочные безродные бомжы излетописи, с пропиской «из-за моря», могли претендовать на право владеть им. В российской историографии их принято называть Рюриковичами. Якобы какая-то дружина варягов – до сих пор спорят о том, кто это такие, и их «российских» подданных с ладожско-волховских пустошей, спустившись от летописного Новгорода, по мифическому пути «из варяг в греки», легко захватила эти земли, принесла сюда само имя Руси. И эта наивная сказка, глубоко укорененная в их сознании, издавна настолько им нравится, что,не смотря на то, что сейчас 21в. ее всячески пытаются историзировать. Сделать историческим фактом. На ней стоит целая научная теория. Норманнская. Только вдумайтесь в это – теория, которой уже более двух столетий!Ее продолжают культивировать в общественном сознании россиян вот уже второе столетие, и совсем не по научным основаниям, - не стоит быть такими наивными. Эта книга как раз о том, стоит ли она того кредита доверия, который мы ей выписываем сегодня; стоит ли доверять людям, которые сегодня продвигают ее в Украине?

Тем не менее, по тем или иным причинам, сегодня ее придерживаются почти все российские историки. Да, и большинство украинских, - это академический mainstream, что бы кто не думал об этом. Поэтому-то довольно безрассудно и бессмысленно выступать против нее – люди привыкшие доверять авторитету науки и далекие от проблемы, могут просто остаться глухими к сомнительному источнику информации. Не зная о тех подводных камнях, которые ее сопровождают, не захотеть тратить свое время. Только из-за этого, я и утверждаю в самом начале, что покажу вам суть российской аферы по данной, якобы - исторической проблеме, таким образом, чтобы вы могли убедиться в факте ее наличия своими глазами. Пытаюсь заинтересовать вас и попробовать убедить проявить терпение. Предубеждение в данном случае могут позволить себе россияне, но со стороны украинцев, в данном случае, такое отношение может оказаться непозволительной роскошью. Так что - дело ваше. Я попытался. Тех, кому нравится, когда их дурачат, - просьба не беспокоиться.

Что касается, всем известной со школы летописной истории о приходе варягов - цену этой басни из летописи я вам покажу наглядно. Ее исказили, когда Киев уже лежал в руинах после т.н. монгольского погрома. И, честно говоря, довольно трудно понять, почему этой вставной сказке доверяет столько людей. В самом деле, просто подумайте об этом. Достаточно ли оснований для доверия к ней, помимо авторитета тех, кто вас в

этом убеждает? Так что, касательно российского взгляда – увы, в их представлениях Русь – от них, из России. Ведь их Рюриковичи якобы пришли сюда с российского Севера. Это часть их истории, как и Киев. А вот, часть ли она истории украинской – для их массового сознания совсем не очевидно. Спасибо российским историкам. Каким боком украинцы к Руси? В большинстве своем, российский обыватель искренне удивится. Нормальная шутка? Не стоит думать, что та летописная басня в руках российских историков совсем безобидна. Из этой странной уверенности в «российских» корнях руси и растут корни пренебрежения к истории украинской, которую они толком и не знают по сегодня. Удовлетворяются брехнями своих историков 19 века. Уверяю вас - если бы было иначе «варяжской проблемы» не существовало бы давно. Так что Киев для них или Русь, в узком смысле этого слова, - не колыбель, а давнее приобретение, объект притязаний. Исконно русская земля. Так они в массе своей и думают и их ученые тут им мозги не вправляют. Я надеюсь, не открыл никому Америку? Почитайте на досуге введение к книге С. П. Шелухина «Звідкіля походить Русь» 1929 года издания. То, что он писал о сути норманнской теории – актуально и теперь.

Кого-то в Украине устраивает эта древняя российская лапша под соусом академической науки от «старших братьев»? В 2022 году. Кто-то думает, что там все чисто и на нее нечего возразить? Наука же. Чистая. Пусть и от россиян. Но у меня для вас, тех, кто все еще верит в ее принципы, есть прививка от излишнего к ним доверия. Нам кое-что важно знать по заявленной теме. Понимать и знать разумом, а не фальшивой навязанной соседями верой сектантов. Русь – это Украина. От рождения этого имени! Какие бы статьи не писал президент России или их РАН. О том, почему мы можем безошибочно утверждать это, не обращая внимание на исторические сказки россиян должны обстоятельно рассказать вам историки украинские. Со временем. Я только начну, так чтобы хотя бы стало ясно, для начала, на чьей стороне правда, а не правдоподобие, а заодно и – проза жизни. Россиянам, кстати, также знать полезно, как, возможно, и белорусам. Не даром же написано на общепонятном. «Попробовать на зуб», как в старое время – монету. Осторожно только, так, чтобы не поломать. Поскольку украинская история для них в вопросах происхождения Руси – это тот самый камень, который отвергли строители. Им же ж больше всех интересно «откуда есть пошла Руская зем[л]я». Российские историки, к сожалению, по понятным причинам, - они скоро станут понятны и вам, им и врать не будут, но, и правды не расскажут. У них все – «бабка надвое сказала», а что толку от такого познавательного процесса? Там они всей душой вложились в какую-то разновидность камлания: от скандинавов ли пришла русь или от поморских славян. Норманисты против антинорманистов. Двухсотлетний спор глухого и слепого. Пишут статьи, книги, снимают передачи. Вопросы ставят, но ответов не находят или не хотят искать. При этом всех все устраивает. Прогресса в «варяжской проблеме», давно уже нет, но российских историков вполне устраивает. В эту никчемную басню про приход варягов-руси не верят даже дети, но они с упоением историзируют ее на разные лады, возводя чуть ли не в предание о том, что, якобы, действительно имело место. Уникальное дело - целая научная теория стоит на одной летописной сказке. Ее, естественно, нечем подтвердить, поскольку она, как вы скоро сами поймете, была вмонтирована в Повесть временных лет много позднее ее составления и никакого отношения к прошлой реальности не имеет. Первичные исторические источники в угоду этой летописной басне, делятся на две категории – те, которые могут ее подкрепить, и остальные – противоречивые и фантастические. С полным доверием к первым, и - отказом давать адекватную интерпретацию или просто умалчивать – вторые.

За последние тридцать лет россияне настолько загадели всем мозги своей бурной научно-просветительской деятельностью на ниве утверждения северных начал Руси, что иначе как зомбированием их усилия назвать сложно. Каждый, кто, читая эти строки, возмущается тому, что здесь постулируется и искренне полагает автора – нехорошим человеком, шарлатаном и т.д. – давно уже их жертва. Поскольку, если я, пусть и с историческим образованием, но, не имея научных степеней, в состоянии увидеть всю фальшивость их исторических схем, не смотря на налет академичности и престиж науки, то, как тогда быть с вами? Российская школа, условно говоря «неонорманистов», провела достаточно хорошую подготовительную работу, зачистив все альтернативные гипотезы и всему, прозорливо, навязав свои ярлыки-интерпретации. Буквально недавно. Начиная с девяностых. Насколько научен такой подход, судить, в конце концов – вам.

Приазовская (Черноморская) Русь – историографический курьез, «джазира русов» – красивая легенда Востока, свидетельства, не укладывающиеся в прокрустово ложе этой модифицированной теории – заблуждения средневековья. Скандинавские данные – эти ребята вообще молчат. Как воды в рот набрали. Их книги, лекции, фильмы сознательно или неосознанно все время уводят ваше внимание в сторону от тех мест, где действительно стоило бы искать подсказки. Новгорода не было во времена сказочного Рюрика? Не беда, Ладога есть. Источники скандинавские о походах на Константинополь за тысячи км молчат? Ну, так забылось многое. Не знает Скандинавия о том, что ее боевой актив в погоне за дорогими мехами и рабами некогда основал Русь? Исторический склероз, с кем не бывает? Не доказано, что финское руотси – от шведского, древнескандинавского исходного названия? Ничего страшного. Робкие возражения некоторых византинистов, филологов, скандинавистов либо игнорируются, либо – забалтываются. Ну, а нелепая басня про приход каких-то варягов из-за моря – вот то, конечно же, так и было, – предание старины седой, отголосок правдивого прошлого. Чистая наука, никакой политики.

Кого при знакомстве с данной теорией не смущал когнитивный диссонанс, ощущаемый на каждом этапе погружения в ее дебри? На самом деле, это происходит от того, – мало кто отдает себе отчет в этом, что она настолько слаба, что на плаву ее держит разве что всеобщее признание и инерция мышления. Ввиду объяснительной слабости самой теории, которая, по здравому рассмотрению, сегодня, никакой критики не выдерживает, ее сторонники способны разве что выдавать желаемое за действительное. Манипулируя вашим вниманием, главным образом. Я постараюсь пояснить, как это делается. Обилие же ее сторонников среди представителей российского официоза, производимого ими интеллектуального продукта, более всего и сигнализирует о том, что дело тут не в научных доводах и прогрессе исследований. Для тех, кто в теме, понятно, что его давно нет. Нет, главная ее задача, пусть для большинства это и не очевидно – идеологическая. Как сто лет назад, так и сейчас. На этой теории империя строила мифическую «триединую народность» под управлением мифических «Рюриковичей», на ней же сейчас стоит и российский «русский мир» с их исконной «русскостью», мнимым старшинством по отношению к украинцам, претензиями к соседям и т.п. идеологемы. Тех, кто, по должности, ее отстаивает, вопреки здравому смыслу, больше волнуют и заботят не научный поиск и установление фактов, а карьерные соображения и солидарность со своей исторической школой. В лучшем случае. В худшем – вопросы мифической «исторической справедливости», разговоры о которой так любят россияне, идентичности русских в России, власти, идеологии.

И это те же люди, которые обвиняют своих доморощенных антинорманистов в фальшивом патриотизме. Смешно. И чего они добились? Можно ли верить всем тем бравым заверениям российских и некоторых украинских историков о том, что проблема в целом решена, а кто не с нами, - тот дурак или шарлатан? Посмотрите, насколько они продвинулись в изучении этой темы с их ладожскими каганатами и теориями «ряда» и спросите себя – этот прогресс научного знания вообще им нужен? В какой-то момент вы все поймете. Может им просто нравится копать Гнездово. Когда сегодня кто-либо компетентный говорит или пишет, что альтернативы норманнской теории нет, знайте, - он просто не говорит всей правды. Поскольку все прекрасно понимают, что, не смотря на ее предпочтительность перед другими, что-то с ней не клеится. Это давно уже ясно. По крайней мере, для тех, кто прикладывает усилия, чтобы разобраться в вопросе. Просто об этом не принято говорить. Между тем, как вы скоро поймете, накопленной наукой информации по проблеме уже лет 20 как с избытком, чтобы дать результат, с которым она, выйдет на новый уровень понимания. Почва для этого давно уже подготовлена. Но готовы ли к этому россияне? Вот в чем вопрос. Они не демонстрируют, что такая цель есть. Представьте себе – ребята уверенно расправились с наследием российских византинистов и их неудобными вопросами, похоронив их под горой работ о скандинавском влиянии на славян и их присутствии в Восточной Европе 9-10ст., охотно рассуждают о том, существовал ли Рюрик или это фигура легендарная, но при этом на южные земли теперешней Украины даже не смотрят, и способны выдавать такие перлы: «Добавим, что проблема локализации местопребывания руси в IX в. по данным письменных источников выходит за рамки нашей задачи, однако, отметим, что ни один письменный источник IX в. не содержит непосредственной эксплицитной информации о географических локусах, связанных с русью. Если не использовать методологически неприемлемый прием тотальной ретроспекции данных X в., письменные источники не дают оснований для локализации руси вообще где-либо в конкретном месте на карте Европы. Мы знаем, только те места, где русь «появлялась»: Севилья, Ингельхайм, Баварская Восточная марка, Константинополь, Амастрида (?), Таматарха, Поволжье, Южный берег Каспия и Багдад». (А.С. Щавелев, А.А. Фетисов К исторической географии Восточной Европы IX В. 2. 2015).

Не разобравшись еще с фундаментом, они уже реконструировали для нас несколько этажей этого здания, всем, рассказав, почему они должны были выглядеть так, а не иначе. Русь первоначально – это прозвание дружин скандинавов среди славян и точка. Ни одно направление так часто и наглые пользуется постулатами в своей работе. Поверьте на слово. Им уже скандинависты в прямую говорят, что с древнескандинавским прототипом для финского руотси – большие проблемы, не говоря уже о чисто логических проблемах с гипотезой о передаче данного прозвания от скандинавов, через финское посредство, к славянам. Еще хуже обстоят дела с эволюцией этого прозвания дальше – у греков и немцев. Но кого это останавливает?

Уже давно нет былого доверия к сведениям Повести временных лет – спасибо археологии. Противоречивость и путанность ее вводной части не бросалась в глаза разве, что слепому. Об этом хорошо написано у Толочко П.П. в его книге «Откуда пошла Русская земля» 2016 года- там он сравнивает летописные сообщения вводной части Повести Временных Лет по разным спискам. О том, что летопись редактировали, по крайней мере, несколько раз, каждый исследователь прекрасно осведомлен, тем не менее, с критикой ее россияне выступать не спешат. Это делают, главным образом, украинские историки и без особых последствий для науки. Вдумайтесь, что констатирует

в 21 веке этот украинский археолог (А. Комар): «Непросто отыскать пример другого исторического периода, о котором было бы известно так мало, но написано так много, как о IX веке в истории Руси и Восточной Европы в целом. Диспропорция объема фактических данных источников и аналитических работ просто огромна, а количество взаимоисключающих концепций, пожалуй, давно перешло разумные рамки. Модификации старомодных „норманизма” и „антинорманизма” постепенно обособились в самостоятельные современные историографические направления, в свою очередь, дробящиеся далее, накапливая всё новые точки расхождений между исследователями. В обобщающих, монографических и диссертационных работах начальных десятилетий XXI века весь спектр таких расхождений в концептуальных и методических подходах представлен особенно ярко. Заметно эволюционировали и оценки достоверности древнейшей части сообщений Повести временных лет – от безусловного доверия повествованию до его восприятия лишь как поздней компиляции топонимических легенд с греческими хронографами и криптоцитатами из христианских религиозных текстов. При жестком критическом подходе от событийной канвы истории Руси IX века и вовсе остаются всего два достоверно верифицированных события – посольство русов 838–839 гг. в Византию и затем в Ингельхайм в 839 г., а также нападение флота на Константинополь в 860г. Что же происходило ранее 838 г. или в промежутке 839–860 гг. – реконструируется исключительно благодаря догадкам или моделированию по аналогиям. Несмотря на крайнюю лаконичность сведений письменных источников о периоде, полноценное привлечение данных археологии происходит медленно, прежде всего, из-за специфики процедуры трансформации „археологических фактов” в исторические, требующей уверенной и максимально узкой хронологизации материала».

Вот такой прогресс в изучении проблемы. Кого-то явно устраивает это болото, нет? Российские неонорманисты и антинорманисты будут еще хоть сто лет выяснять, кто из них более ловко перекручивает факты, но никто из них и не подумает о том, чтобы, хотя бы допустить, что их выдуманные скандинаво-русы пришли сперва в Среднее Поднепровье или, что имя руси идет из Украины. Как думаете почему? Дело ли только в археологии фиксирующей скандинавское присутствие в Среднем Поднепровье много позднее, чем на российском Севере или картировании монетных кладов, свидетельствующих о коммерческой активности в пользу того же российского Севера? Да, все в курсе, что русский список днепровских порогов у Константина Багрянородного, содержит древнескандинавские прозвания, только, причем тут российский Север? Он как-то подкрепляет доверие к варяжской легенде? Поручитесь за это своей головой?

А что делать с проблемой т.н. «русского каганата»? Сделать вид, что ее нет, как получается у некоторых российских историков или А. Толочко? Между тем, я не знаю никого из российских историков кроме А.В. Назаренко и В.В. Седова, кто, как это было в советское время, призывал бы сместить исследовательские акценты на юг, в Среднее Поднепровье. Кто-то из российских неонорманистов, - про остальных вообще молчу, прислушался к их советам? Чистая наука, никакой политизации вопросов истории, так? Зато как они все умеют писать книги. Я не говорю, что эта историческая головоломка с происхождением руси легка для постижения, но свертывать поиски решения, ограничиваясь констатацией тупика, в который на этом направлении зашла наука, лишь бы не оказалось, что его может дать Украина, - такой подход пусть останется позицией россиян. Что же касается украинских историков, то, видя повторение ими российских нарративов, я не уверен, что они вообще понимают, в чем проблема. По их работам и высказываемым взглядам никак не получается этого заметить. Уровень понимания

подобных вопросов, к сожалению, здесь на порядок ниже, чем у соседей. Не согласны? Докажите. Впрочем, мне нет до них дела, потому, прежде чем дать вам на проверку решение этого уравнения с происхождением Руси, - оно ведь должно быть любопытно, само по себе, - я постараюсь показать вам, сколько в нем неизвестных, поскольку далеко не все историки и интересанты этой темы в курсе подводных камней с ней связанных. Опять же, дело не в «теории заговоров», не нужно примитивизировать ситуацию. Дело в том, что российская историческая наука сознательно поддерживает миф, за которым никакой исторической реальности нет. Почему? Риторический вопрос.

Итак, какое место у разбитого корыта оставляют нам сегодня российские неонорманисты, уверяя, что в целом проблема решена, ну или, что ее вообще нет? Смещение внимания на скандинавов и Север Восточной Европы параллельно с дискредитацией советского вклада в изучение темы, как следствие приводит к тому, что ее изучение приходится начинать чуть ли не с Адама, с работ исследователей 19ст. Речь о добросовестных исследователях, действительно ищущих, где мы «свернули не туда», которые, хотя бы понимают, что такой «поворот» имел место быть. Как вы понимаете это не самая благодарная тема, историография просто огромна. На адекватное освоение материала и хорошее знакомство с проблемой уходят годы, и далеко не у каждого есть на это время и усердие. Что уже говорить о языках, необходимых для работы с источниками. Благо – основной и самый важный их корпус усилиями специалистов переведен и не раз публиковался. Вряд ли кого-то в исторической науке устраивает такая ситуация, но на сегодня она именно такая. Хочешь разобраться в проблеме – придется преодолевать гипнотическое влияние ленинградской школы и копать глубже. Поэтому, прежде чем ворчать на очередного «шарлатана», посягнувшего на светлое здание РАН, лучше – дочитайте, а то будете сами отделять зерна от плевел, переваривая все эти тонны информации, раз наука отказалась от научного поиска. И хорошо еще, если ваше внимание не отвлекут работы любителей и фантазеров возомнивших себя дипломированными историками. В 21 веке, дорогу в мир мертвых, показывают уже не шаманы, а историки, но без специальной подготовки, это не делается и сегодня, и то о чем пойдет речь, для людей без исторического образования, должно быть лишним тому подтверждением. Я постараюсь не тратить зря ваше время, но стоит понимать, что вы все-таки имеете дело с настоящей головоломкой и за пять минут ее суть и решение не изложишь. Главное, что я попытаюсь вам показать – варяжской легенде доверять нельзя! Против нее все имеющиеся в распоряжении исторической науки источники – арабские, скандинавские, византийские, западноевропейские. И, зная это, ставить ее во главу угла, означает профанацию науки. Сознательную!

В качестве извинения, за потраченное ваше время, я покажу вам кое-что удивительное, чего наука, в силу разных причин, не желала замечать более двухсот лет! Рады будете, нет – но, я собираюсь показать вам эту «роусь» или «роусьскую землю», словами княжеской хроники, в том самом изначальном значении, которое и утратилось со временем. Показать, в данном случае, означает - доказать, что речь идет не о фантоме или какой-то аберрации оптики исследователя, а о вполне конкретной локации, которую все еще возможно опознать. Причем посредством строгого доказательства или демонстрации, выводящих данное утверждение из разряда предположений автоматически. Только убедившись, что речь действительно идет о сокрытой прошлой реальности, сокрытой, в очень давнее время – еще в позднем средневековье, вы поймете, что скрывает эта история с началом Руси. Но лишь, в том случае, если, будете думать, и, перепроверять предоставленную информацию, хотя бы

ее часть. Поскольку, только тогда вы поймете, что и как стараются от вас скрыть, а главное – кто!

Правда, скорее всего, без всяких последствий для науки. Не стоит питать иллюзий. Люди, которые сегодня «сидят» на данной теме вряд ли будут рады, это понятно, но какое кому до них дело? Штука в том, что согласно замыслу мне предстоит идти против господствующих сегодня в науке представлений, хотя, у меня и в мыслях нет выступить «возмутителем спокойствия». Книга написана не для тех, кто думает, что знает и понимает в ней больше остальных, а для тех из нас, кому искренне интересна та давняя загадка Руси. Нас ведь побольше будет, чем тех, кого можно назвать «профильными специалистами». Украина или Россия? Славяне или скандинавы? Все-таки вопрос открытый, чтобы там не сочиняли эти специалисты. Это же интереснее, чем разбираться в конкуренции научных школ, ангажированности историков, заданных направлениях научных исследований или с политизированностью отдельных вопросов.

В первую же очередь, она адресована тем из нас, кто связан с Украиной. Ее прошлым и настоящим. Ее историей. Так что хотелось бы, чтобы она попала в поле зрения студентов наших исторических факультетов, а иначе, кто будет задавать своим преподавателям неудобные вопросы? Поскольку само имя Руси идет отсюда. Из тех суровых по виду мест, по которым так стремительно когда-то тек Днепр в нижнем своем течении. И, похожа чем-то на путеводитель - пособие для припоминания давно забытого. Следуйте ориентирам, думайте, узнавайте больше, и пелена гарантированно спадет сама собой. Да, представленная информация, вполне возможно, может дать опору, способную скорректировать наши теперешние представления о зарождении государственности у восточных славян. Такую, которая, позволит будущим исследователям, в вопросах об истоках Руси чувствовать землю под ногами. Если на то, есть или будет желание и добрая воля. Но такой цели автор себе не ставил. Моя главная задача показать, где вас обманывают, и для чего.

И тут вряд ли стоит задавать себе преждевременный вопрос, возможно ли такое в изложении от случайного человека, без ученой степени. Тем, кого интересуется данная тема, полезнее будет запастись терпением и все-таки «послушать» о чем «говорит» данный текст.

Но, чтобы было ясно с самого начала, тот, кто имеет наглость, отвлечь ваше внимание, разделяет господствующую на сегодня в науке точку зрения, что «варяги» летописи это не славяне. Здесь двух мнений быть не может, и я искренне не понимаю, есть ли предмет для спора? Спасибо Л.С.Клейну и его единомышленникам. Маргинальных гипотез современных российских антинорманистов, в виду их полной несостоятельности, я даже не буду упоминать. К сожалению, эти люди так и не поняли или, в угоду какой-то идее, сделали вид, что не поняли, с чем имеют дело. Но, тем, кто совершенно уверен, что начальная «русь» - это скандинавы, изложенное ниже, вряд ли понравится. Так что вы должны видеть сразу, что сюрприз, с двойным дном, и понимать, что, пусть такой задачи автор и не ставит,- ваши убеждения атакуют. Их хотят проверить на прочность. Поскольку, помимо того, что выпадает мучиться с заявленным опознанием «месторазвития» этой руси, мне придется сформулировать несколько неизбежных следствий проистекающих из факта этого опознания. Обратитесь на них ваше внимание, поскольку они далеко не самоочевидны и наталкивают на некоторые парадоксальные выводы. Сделать это достаточно кратко, чтобы восполнить недостающую уточняющую информацию лишь опосредованно касающуюся поднятой темы, при желании, вы могли

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

самостоятельно. Главной моей задачей не является рассказывание занимательных историй. Вам нужен краткий обзор и важная информация по поднятой теме, с которой вы еще не сталкивались, без лирических отступлений? Именно ее я и постараюсь изложить. Ничего лишнего. Кто виноват в ее «новизне», думайте сами.

КАК ВЫГЛЯДИТ ВАРЯЖСКАЯ ПРОБЛЕМА СЕГОДНЯ?

НОРМАНСКАЯ ТЕОРИЯ И РУССКИЙ КАГНАТ

Удивительно, что в наше время еще интересуются такими абстрактными вещами, как происхождение старых народов, правда, в случае с Русью, внимание к истокам которой, как кажется, не ослабевает никогда, такой интерес все-таки еще можно понять. Даже в наше время. Даже, когда никто не пытается делить ее наследство. Ведь истоки ее скрыты в темноте времени не полностью. Отрывочные свидетельства о первоначальных носителях этого имени дошли до нас через целое тысячелетие, породив достаточно любопытную головоломку. Через все неприятности, которым подвержены книги. Они дожили до рождения исторической науки, выявившей их в старых книжных собраниях, разбросанных от Лондона до Самарканда, работающей с ними, выставившей на всеобщее обозрение и суд, и, с тех пор, дразнят историков своей странной противоречивостью и фрагментарностью. Как будто люди, оставившие их, были какими-то профессиональными путаниками, а три четверти из них, вообще не умели работать с информацией. Такой часто напрашивается вывод у современного человека знакомого с проблемой. Так мыслят многие наши современники сегодня, невольно примитивизируя доиндустриальный мир и его ученость. И, если фрагментарность этих свидетельств, когда она осознается исследователями, относится на счет естественной утраты многих письменных источников, то их характер, зачастую, ставится в вину исключительно средневековой ограниченности кругозора. Иначе, как можно было об одном и том же феномене – в нашем случае речь идет о носителях имени «русь» в раннем средневековье, писать такие разные вещи? Вряд ли будет преувеличением сказать, что сумма этих свидетельств, имеющаяся в распоряжении исторической науки, способна поставить в тупик начинающего исследователя и сегодня. Спустя два столетия развития! Выход есть, он давно найден – принимать на веру одни, прошедшие испытания критикой, историческим методом и археологией, и отметать, дискредитируя другие. Но, как все, касавшиеся темы происхождения этого сообщества знают, такой рациональный подход не помогает. В рамках принятой теории он просто не работает.

Ситуация достаточно необычная. И не только для историков, занимавшихся и занимающихся этой проблематикой профессионально, но и для всех тех, кто приобщился к самой этой тысячелетней загадке. Особенно в наше время, когда по теме накоплено значительное количество археологической информации. Главным образом потому, что эти свидетельства, пусть и корректно переведенные с десятка разных языков, завязаны в такой сложный узел, что историкам, замкнутым каждый на своем периоде, довольно трудно его распутать. Как так получается, что за одними из них, в начале этой Руси, по некоторым признакам мы с изумлением различаем выходцев из Скандинавии, активно действующих в совершенно чуждом для них окружении, в тысячах км от Скандинавии, а за другими – славян? Каким образом могла возникнуть эта путаница и как такое возможно? Новичкам проще расшибить себе лоб, уверовав в неотразимость натиска норманнов эпохи викингов, чем добратся до решения этой задачи.

Но тайна, слава Богу, рождает любопытство, которое, как можно заметить по обилию книг на эту тему, побуждает к научному поиску даже тех, кому за это не платят, и кто не строит

карьеры на историческом поприще. Прошло двести лет, но исследователи не опускают руки в надежде найти ключ к ней. Уже нет того благоговения перед Повестью временных лет, арсенал методов используемых исторической наукой по сравнению со временами первых исследователей древней Руси расширился несказанно, в дело подключилась археология, менялись подходы, теории, но людям все еще не спешат предоставить ответы. Эта странная загадка продолжает дразнить любопытство людей, не смотря на все заверения историков. О кажущейся решенности всех базовых вопросов, связанных с происхождением названия Руси, и того восточноевропейского протогосударства, которое было создано в 9ст. носителями этого имени, в пользу скандинавов – варягов, сейчас, наверное, не пишут только ленивые. Такая успокаивающая мысль действительно внушается менее любопытным. Особенно активно последние два десятилетия. Не смотря на то, что из подобной, дошедшей еще через Повесть временных лет, объяснительной модели, выпадает целый спектр не вписывающихся в такую скандинавоцентричную канву свидетельств источников, с которыми так или иначе приходится иметь дело историкам. Они не единичны, что самое неприятное, и списать все на плохую осведомленность информантов, убедительно, вряд ли у кого-то получится, даже у профессоров. Тем не менее, научный «mainstream» успешно приноровился их игнорировать и преодолеть гипнотическое влияние работ, написанных в рамках этой «варяжской» концепции сегодня довольно трудно. Ваше внимание все время уводят в сторону, а количество интерпретаций тех или иных сведений источников просто поражает.

Проблема действительно сложна для постижения и при надлежащем знакомстве с ней, по-прежнему выглядит, как хорошая головоломка. Что ключ к ее решению, на самом деле, до сих пор все еще не найден, видно, как раз по дискуссиям, разворачивающимся время от времени вокруг т.н. «норманнской проблемы». Историки ждали, что решающее слово скажет археология, чьи немые свидетельства способны пролить свет на то, как все происходило «на самом деле». Но они обладают таким особенным свойством, как умение молчать, и даже опровергая данные летописной хронологии, лишь создавали иллюзию приближения решения. Правда в том, что строго говоря, не смотря на все заверения болтунов-популяризаторов, как и на заре становления исторической науки, вопросы, связанные с происхождением Руси, месторождением этого имени, и тем, что первоначально представляли из себя его носители, являются все так же дискуссионными. Утверждения, что при сохранении и дальнейшей разработке отдельных вопросов в рамках данной проблематики, в целом, для науки, проблема закрыта, - блеф. Вам продают иллюзию, при которой, вступая в знакомство с темой, вы оказываетесь, как те случайные люди в японских садах камней, когда они думают, что видят их все, и загадки нет. Такие утверждения, если они исходят от профессиональных историков – работа людей, заинтересованных в продвижении подобных представлений. О посредственностях от науки я тут не говорю вообще, хватает и таких.

Итак, что же на сегодня показывают нам историки, в плане понимания происхождения Руси и генезиса этого сообщества? Речь о профессиональном сообществе неонорманистов разных стран – ведущих специалистов, в ведении которых находятся данные вопросы. Вы будете разочарованы, но, на самом деле, на удивление не много. Ничего определенного, кроме консенсуса по поводу того, что Повесть временных лет, сколько бы редакций она не выдержала, в форме старых преданий, будто бы отражает прошлую действительность, а именно - приход в Восточную Европу скандинавов. Предполагается, что мы имеем дело с очень старой устной традицией, записанной еще в домонгольское время. Что заставляет специалистов с осторожным доверием относиться

к Начальной летописи, рассказывающей о приходе варягов-скандинавов, несмотря на всю фантастичность и нелепость данного рассказа? Почему ей прощают все те противоречия и загадки, которыми она полна? Закрывают глаза на ее уникальность, странные несообразности и отсутствие ясности во вводной части? На первый взгляд кажется, что элементарная честность перед собой и другими, но это только на первый взгляд. Скандинавский след в истории ранней Руси сейчас отрицать довольно трудно. Как, впрочем, и оценивать. К тому же, усилиями сторонников той же теории, глухих к критике и увещаниям лингвистов, продолжают бытовать старые представления о древнескандинавском происхождении самого имени Руси. Насколько они состоятельны, вы сможете увидеть сами.

Тем не менее, как констатирует в одной из своих статей 2020 года некий Олег Губарев: «Почти все современные российские историки, как и большинство историков XIX в. и практически все зарубежные историки, считают варягов скандинавами и полагают, что роль скандинавов на Руси в период складывания государства была значительной». (Л.С. КЛЕЙН И «ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС») И это – чистая правда. Даже автор данной работы, в этом смысле, не исключение. Довольно затруднительно называть черное белым. Славян действительно, как правило, не называли варягами. И дело тут не в заговоре историков, а в той картине, которую рисуют источники. Но, что стоит за подобными обтекаемыми заявлениями? За ними стоит элементарное злоупотребление интерпретациями, вполне сознательное, но неочевидное для большинства. Поскольку, если сразу же перейти к сути, как метко замечает современный российский писатель Владимир Егоров: **«современный норманизм опирается не на постулаты и фантазии, а на вполне научные источники. Он стоит, до сих пор незыблемо, как мать сыра-земля, на трёх китах: - сообщении Бертинских анналов от 839 года о послах кагана народа Rhos к византийскому и франкскому императорам, оказавшихся свеонами; - именах владык начальной руси и их послов, донесённых до нас текстами договоров руси с греками, в первую очередь договором 911 года; - и русских названиях днепровских порогов середины X века в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей»**. А из них, строго говоря, лишь последний позволяет и санкционирует эти злоупотребления, поскольку, является самым весомым и решающим аргументом в арсенале сторонников этой теории. Поскольку, эти «русские» названия, как давно уже доказано, имеют древнескандинавское происхождение.

При этом, как убеждал еще недавно российский археолог, историк Л.С.Клейн, суть его в российской исторической науке, на сегодня, заключается в том, что варягов летописи и династию Рюриковичей считают скандинавскими по происхождению. Что же касается происхождения древнерусской государственности, то никто не выводил ее из Скандинавии, говорили лишь о более или менее значительном участии норманнов в этом процессе. (Клейн Л. С. Ленинградский неонорманизм – в самом деле?). Непонятно, как древнескандинавские названия днепровских порогов могут подкреплять летописную басню о приходе на Север России неких «варягов-руси» из-за моря, тем более, когда ее давным-давно со времени Шахматова А.А. большинство считает позднейшей вставкой в летопись, но этим аргументом активно злоупотребляют. При том, что никто не в состоянии объяснить, каким образом, и по каким законам лингвистики имя руси трансформировалось у греков в «народ рос», чьи прозвания порогов Днепра и донес до нас византийский трактат 10 века. А варяги стали - не наемниками на службе ромеев, как показывают все исторические источники, а неким скандинавским племенем «русь», что известно только из уникальной Повести временных лет. Само это понятие,

заимствованное славянами, происходит из лексикона ромеев, а не из Скандинавии. Пусть с 11ст. корпус варангов и пополнялся активно выходцами из Скандинавии. Надеюсь, никому не открыл Америки. Но, кого останавливают такие мелочи? В своем месте об этом еще пойдет речь. И пусть я, насколько хватит терпения, наглядно постараюсь показать вам, что начальная «русь», как и само это имя, скандинавскими никогда не были, готов подписаться под этим определением полностью. Если это «Ленинградский неонорманизм», то и я искренний его последователь: варяги=скандинавы (с 11ст.), династия – скандинавская, принимали ли норманны деятельное участие в процессе создания древнерусской государственности – да, принимали. Но, что стоит за этими излишне корректными тезисами? А за ними стоит нечто совсем другое – старая реанимированная усилиями россиян, сомнительная теория, стоящая на одной единственной основе – летописной басне про приглашение варягов, за которую, где не возьмись – все шито белыми нитками. Согласно ей, теперь, за ними, оказывается, стоит признание начальной Руси - скандинавским «military government» - «дружинным государством» с «норманнским» правящим слоем, и фальшивое признание в полной несостоятельности адекватно разобраться с византийскими и арабскими источниками или дискредитация их в угоду принятой концепции. Сколько в этом чистой науки судить, в конце концов, вам.

К сожалению, согласиться с этим не получится у каждого кто захочет вникнуть в проблему, как и с происхождением от скандинавов самого прозвания, увы. Не смотря на то, что, усилиями россиян именно эта точка зрения сейчас господствует в мировой исторической науке. Почему нет? Потому что в этой объяснительной модели, как оказывается, кое-что не захотели учесть. Кое-что достаточно важное, что способно поставить под сомнение все ее вариации, находящиеся в разработке сегодня, всю теорию. Поскольку проблема, а это, надеюсь, скоро станет очевидно и вам, более сложна, чем представляется большинству интересантов. Об этом недоразумении просто не спешат рассказывать. А стоило бы.

Что за феномен этой «руси» 9 столетия, чем он был порожден? Кто были те люди, взявшие под контроль разделенные громадными пространствами малонаселенные территории Восточной Европы? Каким образом они способствовали созданию того, на удивление, прочного аппарата принуждения, который ассоциируют со знаменитой некогда домонгольской Русью? Ни для кого не секрет, что ответы на все эти вопросы сегодня призвана давать т.н. «норманнская теория», модифицируемая уже более двух столетий. По понятным причинам, она пережила всех своих критиков, начиная с Ломоносова М. В., становясь только крепче, со временем приобретая все большее число сторонников, и все большую гибкость. Сегодня, оспаривать ее, кажется делом невозможным, а тех, кто без серьезных причин, пытается заниматься чем-то подобным, не без оснований, уличают в научной недобросовестности. Однако мало кто знает, что принимаемые в ее рамках объяснительные модели, не работают с целым рядом давно выявленных источников. В рамках господствующей парадигмы они выглядят необъяснимо, что просто не замечают, благодаря умело расставленным современными историками акцентам.

Норманнская концепция на сегодня действительно сильна как никогда, только той поддержкой, которую оказывают ей российские ученые, а не адекватными аргументами, качество которых, что касается Северных начал Руси – сомнительно, хоть и вполне дружит с логикой. Поскольку откуда еще можно ожидать прихода скандинавов? Естественно, что с Севера. Адепты этого направления вполне справедливо отмечают, что: **«Современный норманизм настолько же далеко ушёл от примитивного**

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

норманизма Г. Байера, насколько далеко ушла наука XX–XXI веков от средневековой схоластики. Норманизм сильно изменился, отказался от одиозных крайностей, в соответствии с веяниями времени освободился от расистской подоплёки, но он жив-здоров и будет здравствовать, пока антинорманистами не будут потоплены три прочно держащих его на своих спинах кита, пока не будут аргументированно дезавуированы три неумолимых свидетельства независимых неангажированных источников. Это понимают современные антинорманисты и либо осторожно лавируют, стараясь не задевать непотопляемых китов, либо бескомпромиссно идут на таран и расшибают себе лбы».

Вот так исторические источники выборочно, да, да, достаточно избирательно,- скоро вы в этом убедитесь, ставят на службу российским интересам, которые представляет эта якобы научная теория. Естественно, что многим кажется, что она сейчас, и вправду, наилучшим образом объясняет ту накопленную наукой сумму данных о происхождении народа «русь». Ведь кроме этих «трех китов» и Повести временных лет, известны и другие письменные источники, подавляющее число которых четко различает русь и славян. Есть и такие, которые прямо отождествляют ее с некими норманнами или путают с викингами, совершавшими в 9ст. нападения на Испанию. И никакие завиральные гипотезы российских скандинавофобов тут не помогут. Природа этих странностей до конца не выяснена по сегодня, но, как вы понимаете, льет воду на мельницу адептов «строгой» науки. Советские историки старого времени со своим осторожным, чаще всего, взвешенным подходом им не указ.

Как все это работает? Наличный фактаж таков, что исследователь вынужден закрывать глаза на свои сомнения, имеющие, как правило, чисто интуитивную природу, на уровне чутья, хватающего за руку при осмыслении проблемы и хорошем знакомстве с географией. Попытки разобраться в том, что могло быть, а чего не могло, наталкиваются на сухие сведения редких источников трактующих эту «русь», как сообщество чуждое славянам, пришлое. Единичные свидетельства, утверждавшие обратное, логично и легко, объявляются заблуждением средневекового информанта. Лингвистика с 19 ст. ставит на вид одну известную всем специалистам «шведскую» схему Вильгельма Томсена, согласно которой термин «русь» якобы происходит от финского слова «Ruotsi», имеющего древнескандинавское происхождение, и легшего в основу западнофинского обозначения шведов. При заимствовании славянскими поселенцами Севера, на славянской почве оно должно было дать – «русь». Точнее говоря – могло, с точки зрения лингвистики, - это правда. Дальнейшие исторические приключения этого прозвания в Византии или Германии она не объясняет и не может объяснить, как и доказать древнескандинавское происхождение этого финского словечка. О чем обычно рассказать забывают. На уязвимость данной гипотезы указывалось не раз, тем не менее, эта схема до сих пор не преодолена, - россияне она вполне устраивает, и, как кажется, при поверхностном с ней знакомстве, только подкрепляет сведения источников. Короче говоря, она не преодолена, только потому, что устраивает людей пришедших на смену советской исторической школы – российских историков!

Точно так же, на этих, однобоко трактуемых источниках, держится и летописная история про призвание варягов-руси, так любимая российскими историками. Они, не спешат сдать ее в архив. Какого-либо скандинавского аналога ей, естественно, не существует, историческая ценность ее очень сомнительна, тем не менее, именно она поставлена во главу угла всей теории! Справедливости ради, стоит заметить, что скандинавистика по сей день к своему смущению пребывает в полном неведении относительно причастности

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

выходцев с Севера к созданию Руси, - их известные на сегодня источники молчат об этом, хотя и знает о грабительских походах или торговых предприятиях в этой части света. Но такими мелочами российских историков с толку не сбить. Археологический аргумент, давший о себе знать только сравнительно недавно, действительно, выявил в Восточной Европе большое количество скандинавских древностей, относящихся к той темной эпохе. Присутствие скандинавов подтверждается на целом ряде древних поселений Восточной Европы. Но, только, что из этого должно следовать?

На этом фоне, отрицать очевидное для современных т.н. антинорманистов, оспаривающих тождество между скандинавами и варягами Повести временных лет, в пользу поморских славян, становится делом все более неблагоприятным. Ведь оба эти направления во главу угла поставили летописную сказку. Причем, как утверждают специалисты, объем находок вещей скандинавского характера на территории Руси сопоставим с объемом таких находок в Скандинавских странах, например в Дании. Более того, недавнее генетическое тестирование Рюриковичей доказало, что Владимир Мономах принадлежал к гаплогруппе N1c1 и его предки были скандинавами, вероятнее всего, шведами. Учитывая хорошо документированную линию от Игоря до Владимира Мономаха, исследователи берутся утверждать, что и князь Игорь Старый, как называет его «Слово о законе и благодати», принадлежал к той же гаплогруппе и имел то же происхождение. Таким образом, противники этой концепции, ухватившиеся, как за спасательный круг, за те же данные летописи, сегодня, с полным правом, могут повторить слова норманиста 19 века Н. П. Ламбина: **"Слишком сто лет уже боремся мы с этой ненавистною нам теориею и все не можем ни уничтожить ее, ни примириться с нею. Время от времени против нее все еще слышатся протесты, в сущности старые, только с новыми вариациями. Сколько их было от Ломоносова до наших дней – сосчитать трудно; но все они имели одинаковую участь: в свое время каждая новая попытка заменить варяжскую Русь славянскою или хоть родственною с нею литовскою, была обыкновенно встречаема русскою читающею публикою с большим сочувствием и производила некоторый шум, но перед судом критики оказывалась несостоятельною и тем самым только яснее выставляла преимущества норманнской теории..."**

Суть в том, что один из «трех китов» упомянутых Егоровым, действительно, весил и весит больше, чем все «обличения» антинорманистов. Речь о знаменитом описании Константином Багрянородным путешествий росов в Константинополь середины 10ст. Оно содержится в 9 главе сочинения «Об управлении империей» и, кроме прочего, растолковывает, как росы, на своем пути, преодолевали днепровские пороги. Поданы два вида названий порогов. Один – по-росски, другой – по-славянски. И, надо же, еще в 19ст. было доказано и окончательно установлено, что - «так называемые «росские» названия порогов на самом деле являются «скандинавскими», а «славянские» — действительно славянскими, точнее не славяно-русскими, а, несомненно, южнославянскими». Как пишет об этом тот же Егоров: «Для этимологизации названий порогов несущественно, кто, когда и с какой целью пригрел на Русь. Поиск этимологий — задача не географическая, не историческая, а лингвистическая. Ещё А. Куник справедливо утверждал невозможность «...разрешить варяго-русский вопрос чисто историческим путем, решение его выпадает на долю лингвистики». Для определения этнического лица начальной руси и, тем самым, её географической и исторической локализации, как раз лингвистически корректная этимологизация русских названий днепровских порогов имеет едва ли не решающее значение... Между тем, широко

растиражированная дилетантская попытка Брайчевского этимологизировать названия днепровских порогов на основе «скифо-сарматских» языков [5] не случайно в уже упоминавшемся академическом комментарии к IX главе «Об управлении империей» названа фантастической».

Все эти искусственно соединенные вместе, далеко не равнозначные по силе, аргументы, даже без четкого представления о том, что конкретно происходило в тот темный век в лесах северо-западной России, вполне себе позволяют сегодня россиянам утверждать, что рождение «руси» связано непосредственно с «эпохой викингов». Яснее, постулат они продвигают такой – **«Скандинавских викингов называли в Англии и Франкии норманнами («северными людьми») и данами, на Руси — русью и варягами».** Так действуют российские историки, вполне хорошо представляющие их действительную силу или слабость. В отличие от сторонних интересантов.

Такова суть этой старой теории в ее современной модификации. За редким исключением, ее придерживаются почти все современные историки занимавшиеся проблемой. Мало кто в наше время считает варягов летописи не скандинавами, как будто это имеет какое-то значение, пока не выяснено само происхождение данного понятия.

Как они, эти аргументы, ловко логически непротиворечиво увязываются в одну теорию можно коротко обрисовать на примере выдержки из одной научно-популярной статьи Л.С.Клейна: **«Впрочем, даже попросить людей IX-X веков на «пути из варяг в греки» поговорить по-шведски можно. Тот же Константин Багрянородный сообщает два ряда названий Днепровских порогов. Один ряд славянский — император неплохо передает греческими буквами славянские звучания: «островунипрах» — островной порог, «неясыть» — современный Ненасытец, «вулнипрах» — волновой порог и т. д. Всё можно понять. А вот ряд его «русских» названий понять сходу нельзя: Улворси, Аифор, Варуфорос, Струкун, Леандри — со славянских языков они совершенно не читаются, зато расшифровываются со старошведского: «островной», «свирепый», «волновой», «падающий» и т. д. Кто же это сообщил императору шведские названия Днепровских порогов? Да еще назвался при этом «русскими»? А вспомним, что финны и эстонцы до сих пор называют «руосси» не славян, а скандинавов, шведов. А русская летопись сообщает о приходе из-за моря варягов, зовомых «Русь», «от них же и ны прозвашася» (от них же и мы прозвались)».**

Все выглядит более менее научно и пристойно, но, как известно, дьявол кроется в деталях, а внимание к деталям показывает, что со «старошведского» эти названия, как известно, читаются далеко не гладко. Особенно при сличении их со значениями подаваемыми греками, хоть никто всерьез сегодня и не оспаривает, что древнескандинавский язык при выяснении их этимологии наиболее предпочтителен. Имеет ли это значение для историков? На первый взгляд нет. Такие тонкости смущают скорее филологов. Для большинства историков достаточно и обобщенных выводов лингвистов, но некоторые таки обращают внимание на второстепенную проблему с переводом этих древних прозваний. Ситуация аналогичная гипотезе о древнескандинавском прототипе для финского «руотси», выявить который до сих пор не удается. Не доказано, но в умозрительных схемах используется, со ссылкой на лингвистов – сторонников норманнской теории, живших еще в 19 веке. Критика же современных зарубежных скандинавистов - игнорируются. Но дело - подвох даже не в

этом. Еще раз, – задумайтесь, каким образом «росские» названия порогов Днепра подтверждают летописный рассказ о приходе неких варягов на российский Север?

Да, российские «норманисты» в глазах вменяемой публики выиграли свой двухсотлетний спор с «антинорманизмом». Когда историки заявляют про его «не столько научный, сколько политический характер», [Данилевский, 1998] с этим чаще всего вполне можно согласиться, но, возможно ли такое объяснение принять за чистую монету? Все ли гладко с их теорией, если этот спор то, затихая, то возобновляясь, продолжается почти двести лет? Все ли представители противоположного лагеря были отъявленными славянофилами и скандинавофобами или все-таки стоит проявлять внимание к деталям? Как бы их схема на первый взгляд гладко не выглядела, вам стоит принимать в расчет, что сторонники «норманнской теории» не в состоянии объяснить всей суммы накопленных исторической наукой фактов по проблеме. Скоро вы это поймете. Они не в состоянии этого сделать именно потому, что их теория – фальшивка. Она стоит на ложном основании и сама носит политический характер. Там нет никакой науки, пусть для вас это и не очевидно, она обслуживает интересы государства. Интересы России. И чем быстрее вы это осознаете, тем скорее поймете суть «варяжской проблемы» и причину, по которой она до сих пор существует в науке.

Все в курсе, что «белых пятен» по-прежнему хватает, но перед внутренним взором каждого исследователя неизбежно стоят те самые «три кита» Егорова, и чаша весов, логично склоняется на сторону «норманистов», а эти ребята мастера по части обобщений и невнимания к деталям. Главное, что, в общем, то все понятно, так? И тут не помогут отсылки на то, что средневековые скандинавские источники не знают никакого племени русь и не приписывают своим правящим династиям основания Руси и т.д. и т.п. Подобную искусственную схему нам предлагают, как тот самый отправной пункт, который вносит хоть какую-то конкретику в представления большинства и структурирует взгляд на ее начала.

Далее тропы исследователей расходятся. Картина размывается, и вас заводят на зыбкую почву предположений и интерпретаций, где трудно найти какую-либо опору, кроме археологических датировок тех колодцев в прошлое, которые копают археологи. Что это было? Серия вторжений и захватов, совершавшихся безымянными скандинавскими группировками с их вождями, о которых изредка упоминают средневековые саги, повествуя о походах викингов на Аустрвег? Постепенное установление власти этих новых пришельцев, распространившейся от Приладожья и Поволжья, выводящих на верхнюю Волгу, аж до Среднего Поднепровья? Мирное проникновение военизированных групп торговцев, проторивших пути к рынкам Хазарии, сопряженное с колонизацией отдельных районов Севера России выходцами из Скандинавии? А следом, – постепенное утверждение в их среде единовластия на новых землях, выстраивание системы договорных отношений, с местным славянским и финским населением, встраивающимся в эту новую, ориентированную на коммерцию корпорацию? Гипотез масса. Вполне правдоподобных и логичных. Опирающихся на аргументы по аналогии, доставляющих достаточно пищи для размышлений. Выявленная синхронность активности скандинавов в 9ст., как на Западе, так и в Восточной Европе, позволяет предполагать некоторое сходство в ее проявлениях, и по сведениям, сохранившимся в источниках западноевропейских, осторожно судить о том, каков мог быть характер этого проникновения на Востоке.

Одной рукой вам рисуют картину скандинавской экспансии, более или менее вполне осознанно историзируя не имеющую аналогов летописную басню про варягов, только теперь с опорой на археологию. А другой – незаметно, убирают с дороги все, что может повредить этой складной сказке. Против нее, как вы скоро сами увидите, свидетельствует

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

большинство исторических источников происходящих с цивилизованного Юга – региона средиземноморья, в том числе и источники скандинавские, о чем вам точно никто не расскажет. Профессиональные манипуляторы довольно ловко расправляются с ними, объявляя просто «загадочными» или вовсе не ставя их на вид. Посредством искусства интерпретации вас убеждают в их малозначимости, как например, с византийским прозвищем росов – «тавроскифами», подсовывая мнимые объяснения, но именно на этом этапе можно заметить, что усилия неонорманистов начинают ощутимо терять в убедительности; тем более, чем плотнее они вынуждены соприкасаться с историческими источниками, что людей внимательных не может не настораживать. Шутка ли, наши искренние искатели истины вполне сносно, в духе науки, историзируя летописную сказку, пасуют перед действительными свидетельствами о прошлой реальности, расписываясь в своей полной или частичной несостоятельности при их объяснении. При этом уверяют, что их теории это нисколько не вредит. Но, такое гипнотическое повторение одних и тех же сюжетов о проникновении скандинавов на российский Север, и далее – на Юг, все-таки действует, усыпляя бдительность.

Как бы там ни было, эта «варяжская теория» в ее современном виде предполагает одно действительно важное, хотя и недоказанное, но вполне последовательное, с точки зрения логики, честное, допущение, а именно – скандинавское происхождение не только киевской династии, но и древнерусской государственности как таковой. Равно, как и признание, правящим слоем ранней Руси – скандинавов, дружинная культура которых, как говорит нам археология, на фоне славянской «простоты» той эпохи, имела все черты элитарной. На этом фоне, голоса антинорманистов, не устающих указывать на противоречивость источников и отрицающих за «норманнской теорией» какую-либо целостность, не предлагая ничего взамен, звучат все менее убедительно, и все чаще просто игнорируются.

При этом, думаю, не лишним будет заметить, что, как всем известно, археологические раскопки на памятниках северо-запада России показали, что скандинавское присутствие для 9ст. уверенно можно соотнести лишь с несколькими пунктами, скромные размеры которых, противоречат тем заявленным, масштабам активности, которые, неонорманисты неизменно приписывают деятельности скандинавов в Восточной Европе. Ведь они уверенно продвигают свой главный постулат – скандинавы в Восточной Европе – это и есть ранняя «русь», которую описывают письменные цивилизации Юга.

Поэтому, сейчас, нередко, считается, что господство этой мифической скандинавской руси там, долгое время опиралось на возможность привлекать значительные людские ресурсы из Скандинавии. Таким образом, не только контроль над местным населением, но и такие масштабные акции, как, к примеру, нападение на Константинополь 860 года или грабительские походы на Каспий, все чаще объясняются при помощи подобной кабинетной схемы, которую одинаково трудно, как доказать, так и опровергнуть. Дискуссия по подобным сложным вопросам в рамках варяжской концепции продолжается. Любой, кто касался этой проблематики, сталкивался с целым спектром различных уточняющих версий и предположений, которые, в сущности, мало кого убеждают, поскольку, и так, возникают в обстановке естественной в данном случае неопределенности. Как трава на воде. Может ли вырасти трава на воде? Под пером некоторых заинтересованных лиц, имеющих вес в науке, оказывается – может. Не верите? Вам всегда охотно разъяснят, что источником этой неопределенности, является, то, честно констатируемое обстоятельство, что мы по сей день практически ничего не знаем достоверно не только о том, где и когда возникло это сообщество скандинаво-русов, но, и о том, что из себя, в действительности, представляло. Какой-то скандинавский правящий клан, - шведский, датский, несколько таковых, военизированную социальную группу или несколько групп?

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

На этих поселениях, где фиксируется скандинавский материал, якобы подтверждающий летописный рассказ о приходе русо-варягов, кстати, до сих пор, не обнаружено каких-либо следов того, что уверенно можно было бы назвать «центром власти» этой ранней Руси. Спустя сто с лишним лет раскопок. Характер их сейчас трактуют через образ ОТПП – открытых торгово-ремесленных поселений, по аналогии с «виками» северной Европы. Археологическими исследованиями давно доказано, что информативность списков Повести временных лет, в части ранней истории, где под второй половиной 9 ст. фигурируют - Новгород, Белоозеро, Киев, довольно сомнительна, поскольку упомянутых поселений в 9 ст. в указанное летописью время, как сколько-нибудь значительных центров, еще просто не существовало. Тем не менее, на сегодня, кто бы из серьезных исследователей ни отважился, связным образом, удовлетворить ваше любопытство о происхождении «руси», предлагается ли модель завоевания или проникновения на Восточно-Европейскую равнину некой стихийно организовавшейся военизированной торговой корпорации, ставшей у истоков сложения государственности у восточных славян, речь традиционно заходит о скандинавах «эпохи викингов». На основе данных археологии и достижений скандинавистики вам стараются дать приблизительное понимание тех хронологических вех и направлений, по которым шло это проникновение. Разъяснить, чем оно было обусловлено. Опустить фонарь в эту темноту времени. За всем этим стоит труд сотен добросовестных исследователей и ни одного заговора коварных «норманистов». Ведь, строго говоря, на самом деле, вам рассказывают историю скандинавского проникновения в Восточную Европу, которое действительно имело место, не более. Афера состоит в другом. В том, что этих людей, на основании одной единственной летописной басни, кому-то оптом очень хочется записать в «русь», в ущерб всем принципам, принятым в науке. Элементарная подмена понятий в комплекте с тактикой умолчания. Что это за тактика такая? Это, когда сознательно не замечают сведения источников византийских, арабских и скандинавских, ну или толкуют их в нужном ключе. На какую дорогу выводит этот путь?

Контур той канувшей в небытие реальности, якобы сделавшей возможным рождение Руси, в обобщающих статьях и книгах подаются, в рамках общепризнанной наукой концепции, согласно которой, движение скандинавов в Восточную Европу было обусловлено их стремлением получить доступ к рынкам Востока. На такой вывод наталкивают не кабинетные прозрения, как это было в 18-19 веках, а результаты столетних археологических разведок, раскопок, и опыт изучения древностей этого региона. Давайте коротко рассмотрим тот набросок, который предлагает нам российская историческая наука.

Главной мотивацией предприимчивых людей из приморских сообществ региона Балтийского моря, имевших давние торговые связи и затронутых рыночными отношениями, были те сверхприбыли, которые сулила им с конца 8 столетия торговля на дальние расстояния.

Судя по «ранним»кладам арабского серебра, происходящим с южного побережья Балтики, вовлечены в нее были, не только скандинавы, но именно они, со временем достигли на этой ниве впечатляющего прогресса. Схема состояла в том, чтобы обменивать ремесленные изделия балтийского региона на пушнину у западно-финских племен в верховьях Волги, и перепродавать этот ценный товар южнее, на рынках Хазарии, куда притекало монетное серебро из Арабского Халифата. Развитые богатые цивилизации Юга формировали спрос, общества Севера реагировали и, не смотря на опасности и всевозможные логистические трудности, обеспечивали предложение. В этой

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

погоне за прибылью среди них были и скандинавы. Нечто подобное, как показывают археологи, уже имело место, во времена поздней Римской империи, когда в Скандинавию попадало римское серебро и золото. Как только отношения Хазарии и Халифата во второй пол. 8ст. стабилизировались, археология фиксирует приток на север арабских дирхемов, оказавших впоследствии влияние на сложение денежно-весовой системы Руси. И тогда же там появляются скандинавы, которые, согласно старому расхожему мифу языковедов, получили свое новое славянское прозвание – «руси», именно там, в славяно-финской среде северо-запада теперешней России. О том, почему его до сих пор активно тиражируют, не смотря на вал критики со стороны современных лингвистов, еще будет сказано. Их следы выявлены и в Приладожье и в Поволховье и на верхней Волге, и, как считают российские археологи, маркируют налаживание скандинавами-русью торговых контактов с Хазарским каганатом. Главные из этих маршрутов, судя по найденным монетнымкладам, с конца 8ст. проходили реками, с выходом на Волгу и Дон, по которым торговцы достигали территорий, контролировавшихся хазарами. В том, что именно в тот период скандинавы, через посредство Хазарии, получили доступ к серебру исламского мира, сомневаться, благодаря археологам, сегодня, в общем, не приходится. Всмотревшись в карты, можно только представить насколько опасными и долгими были эти предприятия среди лесов и пустошей Восточной Европы.

Как все это выглядит сегодня с точки зрения археологии? Нумизматические данные, накопленные наукой и систематизированные исследователями, по 8-9ст. показывают нам не только картографию находок, годы чеканки и монетные дворы, но и позволяют судить о периодах изменений потока дирхемов в Восточную и Северную Европу. Их условно делят на хронологические отрезки – этапы обращения куфического дирхема, как правило, по периодизации Р. Р. Фасмера. Начиная с конца 8ст. н.э. – так датируют первые из известных кладов Ладоги и о-ва Готланд, по конец 10ст., когда поток серебра из Средней Азии иссяк окончательно. За этот период, по подсчетам американского нумизмата Т. Нунана, в кладах, главным образом, Северной и Восточной Европы, накоплено было почти 319тыс. дирхемов. Около 70тыс. из них были импортированы с Ближнего Востока в конце 8-9ст. через Хазарский каганат – в 1и2 этапы обращения куфического дирхема. И примерно 248,5 тыс. было ввезено из Средней Азии в саманидскую эпоху, до падения правящей там династии, т.е. до конца 10ст. Чтобы, на этом фоне, наглядно можно было оценить, сколько из этого количества дирхемов оказалось, в конце концов, в кладах скандинавских стран, стоит знать и их долю – более 56 тысяч монет. (Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. 2005г). Это несколько устаревшие данные, но никто не ошибется, взявшись утверждать, что Скандинавия по числу обнаруженных дирхемов той эпохи, уступает лишь странам Восточной Европы, равно, как и то, что в кладах до нас дошла лишь ничтожная часть монетного серебра, которое попало тогда в Европу. Но это то, что известно на сегодня. Значительная часть этих монет была обнаружена в кладах Готланда – в этом плане, настоящей сокровищнице Скандинавии. Большая часть их в 9ст. попадала в Европу, как установлено, двумя основными путями: с Ближнего Востока, через Кавказ на рынки столицы Хазарии – Хамлиджа-Итиля, откуда уходила вверх, вдоль Волги, в земли волжских булгар, и дальше на север; и в хазарское Подонье, где, судя по всему, также существовали торговые площадки, где пересекались хазарские торговцы и поставщики пушнины с севера. Оттуда дирхемы уходили на Оку, и по Волге дальше, опять же, на север, либо вывозились через Западную Двину. Причем, судя по археологии, ни среднее, ни верхнее Поднепровье на 1 и 2м этапах обращения дирхема, вплоть до 10ст. в этих обменах не участвовало! Как писал об этом В. Я. Петрухин: ««По данным археологии, в 9 в. основным международным

торговым маршрутом Восточной Европы был путь к Черному морю по Дону, а не по Днепру. С рубежа 8/9 ст. вплоть по 11 ст. по этому пути из стран Арабского халифата в Восточную Европу, Скандинавию и страны Балтики почти непрерывным потоком движутся тысячи серебряных монет – дирхемов. По каким-то причинам часть из них оседают в кладах на тех поселениях, где велась торговля, и жили купцы. Такие клады 9 в. известны на Оке, в верховьях Волги...по Волхову вплоть до Ладоги (у Нестора – озеро «Нево»), но их нет на Днепре». (Петрухин В. Я. Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации // Путь из варяг в греки и из грек в варяги. М., 1996. С. 9). Зачем ваше внимание обращают на это обстоятельство? Так внушается целиком логичная мысль, что археология лишь подтверждает летописную басню о русо-варяжском проникновении в Среднее Поднепровье с Севера. С какой целью это могло происходить, и, каким образом, придумать уже не так просто. Отдельные клады, относящиеся к тому темному времени таки выявлены на днепровском левобережье в бассейне Десны и Сейма, и в нескольких пунктах верхнего Поднепровья, но каких-либо отрезков торговых речных маршрутов, как считается, они не маркируют, говоря скорее об эпизодичности поступления сюда серебряной монеты. Это правда. Их скопления отмечены в транзитных пунктах - Приладжье, Поволховье, Поочье и на верхней Волге, где археологи исследуют Сарское и Тимеревское городища в Ярославской области. Именно там, где, наряду со славянскими и финно-угорскими, древностями, выявлены и скандинавские.

Эти, закопанные вдоль разных речных систем, по которым тогда только и осуществлялось сообщение в лесной зоне Европы, ценности, указывают, как нам любезно подсказывают адепты «неонорманизма», не только на направление торговых связей, но и на активность ранних группировок руси 9 ст. Будто бы картирование этих находок позволяет судить, как о динамике развития торговли, так и о хронологии продвижения интересов этой группировки в северных землях на ранних этапах скандинавской экспансии.

Поочье в этом списке несколько выделяется из перечня. Кто и зачем закапывал монеты в землях вятичей, муромы или мерян? Если до 60 гг. 9 ст. там известны лишь редкие находки кладов, от нескольких дирхемов, до, более чем, сотни, то в 60-70 гг. того же столетия в Поочье выпадает почти две тысячи дирхемов в 11 кладах. А в последнюю четверть 9 ст. разгрому подвергается и хазарское Супрутское городище, контролировавшее переход из Оки в Дон. На нем, кстати, также раскопано немало предметов скандинавского происхождения. Являлось ли это серебро платой местному населению за услуги или закапывались торговцами на этом отрезке их пути по каким-то другим, более драматическим причинам? Этим вопросом задавался еще В. Л. Янин, полагая, что в то время и славяне, сами по себе, все больше включались в торговые операции, которые ничего общего с международным транзитом не имели.

Как бы там ни было, что можно кратко сказать о хронологических вехах этого важного для нашей темы балтийско-волжско-донского торгового взаимодействия Севера и Юга, в 9-10 ст. Как все это выглядит в ретроспективе с учетом возможностей современной науки, пытающейся опустить фонарь в эту тьму? Как утверждают исследователи, первым освоен был путь с Балтики по Финскому заливу до Ладоги, недавно объявленной россиянами первой столицей Руси. Историки называют его Волжским или Балтийско-Волжским торговым путем, так как от Невы он вел мимо Ладоги в реку Волхов, к ее верховьям, где маршрут разветвлялся, выводя разными реками к верховьям Волги. Эта дорога сложилась еще во второй половине 8 ст. Позднее, в 9 ст. к ней прибавился путь из Балтики по Западной Двине. В районе современного Смоленска он пересекал Днепр,

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

выводя на Оку, и далее – опять же, на Волгу. Также как и его, более северный собрат, он также отмечен многочисленными находками восточных серебряных монет VIII-IX в. По обоим этим направлениям археологи подтверждают активность скандинавов в 9ст. Как пишет Е.А. Мельникова о главном из этих маршрутов: «Благодаря разветвленной речной системе, которая образовывала множество альтернативных путей, Балтийско-Волжский путь охватывал огромную территорию, населенную финскими племенами. Важнейшими вехами формирования пути было основание вдоль него торгово-ремесленных центров, таких как Ладога, и контрольных пунктов, как «Рюриково» городище (на территории Новгорода) в середине IX в. Гарнизон, стоявший на «Рюриковом» городище, контролировал второе по значению разветвление на Балтийско-Волжском пути. Последующие этапы освоения пути связаны с возникновением поселений у дер. Тимерево под Ярославлем, на Сарском городище у оз. Неро, с концентрацией кладов арабских монет на повороте Волги к югу в IX в». (Е.А. Мельникова. Норманны и Даны, Русь и варяги: скандинавы на западе и востоке Европы).

Лишь с середины того столетия наблюдается определенная активизация восточной торговли – поток восточного серебра на Север увеличивается и становится действительно заметным. Все больше людей вовлекается в обмены. Но, далее происходит нечто, на что четкого ответа дать никто не может.

В 60-70гг. 9ст. количество выпавших кладов значительно увеличивается. Как констатировал изучавший исследование Нунана и динамику поступления на Север арабского серебра российский археолог В.Н. Седых: «именно в эти годы было захоронено более половины всех дирхамов, зарытых в Восточной Европе в период между 780 и 899гг». (В.Н. Седых. Клады. 2008). Периодом военно-политической нестабильности, вслед за Томасом Нунаном, называет это время сам В.Н. Седых. Вспышкой военных действий, «которые нарушали картину нормального, равномерного и довольно редкого невостремования кладов» объясняли его, цитируемые Седых В.А. Булкин и Д.А. Мачинский, в связи с появлением двух сгустков кладов в те десятилетия – волго-балтского и среднеокского. Российский археолог, вполне в духе линии партии, связывал такую нестабильность с событиями, нашедшими отражение в предании о призвании варягов, и отмечал, что именно к тому периоду относятся первые выявленные скандинавские погребальные комплексы Руси в юго-восточном Приладожье, Смоленской и Ярославской областях современной России. Тем же временем, к слову, датируются сейчас большие пожары в вышеупомянутых Старой Ладоге и Рюриковом городище - между 863 и 871гг. Большинство российских исследователей склонны трактовать подобные «сигналы о периоде нестабильности», как своеобразное эхо процесса сложения единого скандинавского «дружинного протогосударства» - начальной Руси, естественно, контролировавшего в 9ст. Балтийско-Волжский торговый путь. Что, якобы, и нашло отражение, в попавшем каким-то чудом, столетия спустя, в Повесть временных лет рассказе о призвании Рюрика с братьями.

При этом, странным образом, никто не замечает, что от того времени до нас дошел один арабский источник впервые засвидетельствовавший торговую активность именно русов - «Книга путей и стран»Ибн Хордадбега, начальника почтового ведомства Халифата – 80гг. 9 столетия: «Что же касается купцов ар-рус — а они вид славян, — то они вывозят бобровый мех, мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны славян к Румскому морю, а с них (купцов) десятину взимает царь Рума (Византии), и если они хотят, то они отправляются по Тнс, реке славян, и проезжают проливом столицы хазар Хамлых, и десятину с них взимает их (хазар) правитель. Затем они отправляются к

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

Джурджанскому морю и высаживаются на любом его берегу. Диаметр этого моря 500 фарсангов, и иногда они привозят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад, где переводчиками для них служат славянские рабы. Выдают они себя за христиан и платят джизию». Помимо упоминания славян, как подобную информацию соотнести с тем фактом, что скандинавы на то время, как показывает археология, не торговали с Византией и не проникали так далеко на Юг? Археологам для того периода не известны скандинавские захоронения южнее Гнездово или клады византийских монет ни в Скандинавии, ни на российском Севере. Но, кого смущают такие мелочи?

Несколько позднее произошло следующее: как доказал американский ученый и нумизмат Т. Нунан, долгое время занимавшийся интерпретацией находок монет на территории Древней Руси, в последней четверти 9ст. приток на Север дирхемов по Волжскому пути резко сокращается. Он назвал это «первым серебряным кризисом». Причем, вынужден был констатировать, что с вероятным сокращением эмиссии в Халифате этот кризис никак не связан. Доступ серебра в Восточную Европу был искусственно приостановлен. Перестало оно поступать и в Скандинавию. Никто этого вывода до сих пор не оспорил, но и убедительного объяснения причин феномена пока также не существует. Есть предположения, что это как-то связано с теми самыми «сигналами о периоде нестабильности» на Севере и реакцией на них Хазарии, - все. В этом месте тема времени обступает историка со всех сторон, заставляя еще больше ценить, то небольшое что, благодаря подобным кропотливым исследованиям мы знаем достоверно. За ними стоят годы труда специалистов, с каждым десятилетием приближающих нас к предметному пониманию того, что в действительности происходило в те отдаленные времена в Восточной Европе, и эти результаты, на самом деле, впечатляют.

И вот, с начала 10ст. как показывает археология, замирает Донское - хазарское ответвление Северного пути. Площадка для тамошних обменов – Супрутское городище – разгромлено. О причинах можно только гадать. На то время «русь» россияне уже видят в Среднем Поднепровье – там впервые археологически фиксируется скандинавское присутствие. Такая вот логическая цепочка, навеянная летописью и попытками увязать ее с археологией. Поступление восточного серебра снова оживляется, но уже, за счет Волжской Булгарии.

Как судит об этой коммерческой активности российский археолог Рафаэль Валеев, занимавшийся изучением материалов по торговле Поволжья: «В конце IX — начале X веков наступают фундаментальные изменения. Новый караванный маршрут из саманидской Средней Азии через Волжскую Булгарию вытесняет традиционные пути через Хазарию. Это ярко иллюстрируется нумизматическими материалами. Если в кладах 875—899 годов в Восточной Европе и Балтии подавляющее количество составляли аббасидские дирхемы, чеканенные на монетных дворах Ближнего Востока и ввезенные в Северную Европу через Хазарию, то к 910 году старые аббасидские дирхемы почти полностью исчезли из обращения, и клады 900— 910 годов преимущественно состоят из новых саманидских дирхемов. Следовательно, примерно с 900 годов большая часть торговли переходит к Волжской Булгарии. Саманидские дирхемы впервые появляются на землях Балтии также в начале X века. Их количество неуклонно росло и к 940 году составляло свыше 90% от общего оборота». Объемы торговли и поступления саманидских дирхемов среднеазиатской чеканки могут поразить. Количество ввозимого восточного монетного серебра с начала 10 в. утроилось, а к 940-м гг. выросло не менее чем в 10 раз. По подсчетам Т. Нунана, из Средней Азии в течение X века было ввезено

125 млн. саманидских дирхемов, или 375 тонн серебра, то есть, условно, ежегодно ввозилось 3750 кг серебра, или 1млн.250 тыс. целых дирхемов.

Именно в это время – третий период обращения дирхема по Р.Р. Фасмеру (нач. 10ст.-938г.) наблюдается резкое расширение ареала кладов, что, как считал еще В.Л. Янин, говорит о включении в торговлю непосредственно славян, а дирхемы начинают повсеместно встречаться в древнерусских и восточнославянских закрытых археологических комплексах. Итак, исследования отмечают, что саманидский чекан начинает доминировать, вытесняя монеты Аббасидов. Но, в это же время его процент в кладах, к примеру, Швеции наоборот резко падает, и такая ситуация наблюдается до 40х гг. 10ст. Таким образом, историки вынуждены констатировать, что скандинавы, судя по всему, практически утратили прямой доступ к поволжским рынкам, а контроль перешел к восточно-европейской группировке русов. «Тогда же, - как упоминает Рафаэль Валеев, но не ранее первой четверти X в., первые клады дирхемов появляются в самом Киеве. Теперь не только «Северо-Западная Русь», но и Среднее Приднепровье включаются в процесс распространения восточного серебра. Свыше 10 тысяч куфических монет этого времени обнаружено в кладах на обоих берегах Днепра. Путь из Булгара в Киев в средние века становится трансконтинентальным».

О чем способны рассказать эти безмолвные свидетельства былой активности людей в лесной зоне Восточной Европы? Как считается сейчас, в рамках «варяжской теории», - о сложении раннегосударственных структур в транзитной зоне Великого Волжского пути, где в борьбе скандинавских кланов, вовлекавших в нее местное славяно-финское население, нарождалась будущая Русь. Такая точка зрения, в основе которой лежит скорее логика, строго заданная теорией - тут она работает безукоризненно, чем достоверное знание, и служит отправным пунктом почти всех исторических реконструкций.

Интерпретаций, претендующих на то, чтобы в рамках, заданной этой парадигмой, модели, непротиворечиво согласовать известную на сегодня археологическую информацию с теми немногими письменными источниками, которые есть в распоряжении историков, известно довольно много. Такие попытки предпринимаются постоянно. Как правило, с привлечением Повести временных лет. В «клубе по интересам» их встречают неизменно благосклонно. Несмотря на то, что многие ее сведения, в части начальной истории Руси, как все знают, не только противоречивы, но и откровенно легендарны или недостоверны. Но вот незадача – почему-то эти усилия лишь пополняют историографию вопроса, не находя достаточного признания со стороны российского исторического сообщества, чтобы быть приняты без возражений, хотя бы, в качестве какого-то временного консенсуса. Подобные работы обсуждают, приветствуют, но дело не спорится. Сами же творцы новой «скандинаво-русской» реальности, не веря в прогресс своей искусственной химеры, не дают им хода, играя в справедливого арбитра. Сами. Одергивая зарвавшихся неопитов, своими рецензиями, они в любой момент демонстрируют прекрасное понимание проблемы, и добросовестность ученых, но, как можно заметить, совершенно не стремятся к ее решению. И не потому, что не способны выйти на него, нет. Это их маленький секрет. Он состоит в том, что теперешняя ситуация сложившаяся в науке вокруг проблемы происхождения Руси, россиян вполне устраивает. Констатация тупика, в который российские историки искусственно завели науку на этом направлении, позволяет обслуживать российскую идеологию и ее основные мифологемы. Поэтому, не стоит быть наивными, такая ситуация надолго. В чем состоит проблема? Попытки непротиворечиво согласовать данные археологии и исторических реконструкций

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

в рамках заданной неонорманистами летописной схемы, от которой они, упорно не хотят отказываться, наталкиваются на целый ряд трудностей. Успешно преодолеть эти «подводные камни», естественно не удастся, несмотря на фальшивый оптимизм исследователей. Элементарная логика и скучные, но неумолимые данные археологии, позволяющие историкам выводить этот их «скандинаво-русский» фантом с Севера на Юг Восточной Европы по пути «изваряг в греки», в какой-то момент, спотыкаются о скудные сведения разных источников о т. н. в историографии «каганате русов», порождая просто неразрешимые противоречия.

Все строго Повести временных лет. Других вариантов они даже рассматривать публично не будут, потому, как не могут себе этого позволить. В итоге – тупик. Как только их летописная химера выходит из своих лесов на свет и попадает в поле зрения зрелых письменных цивилизаций Юга, мы автоматически перестаем узнавать ее. Более того, - понимать. Поскольку эти исторические источники рисуют настолько причудливую картину жизни этих русов, что любому скандинависту остается только развести руками.

Дело даже не в том, что элементарно трудно объяснить, что могло побудить некое скандинавское сообщество Севера переориентироваться с проторенного им Волжского пути, на – Днепровский. Не просто – переориентироваться, - и это в то время, когда по Волге вот-вот потечет на Север поток серебра из Средней Азии, а перенести в Среднее Поднепровье центр своего присутствия в Восточной Европе. Пусть и известно, что торговый путь вниз по Днепру, в Черное море, археология замечает не раньше первой четверти 10ст. И такая информация соотносится с фиксацией в Среднем Поднепровье скандинавских древностей и курганных могильников – их присутствие становится заметным с рубежа 9/10ст. Хотя, довольно любопытно было бы узнать мнение адептов «варяго-русов». Что заставило их отклониться от привычной схемы и сделать ставку на торговлю с Византией, доступ на рынки которой еще только предстояло выбить, обустроиваясь на опасном пограничье со степью за тысячи км от проторенных маршрутов и дома? Почему молчат об этом скандинавские источники? Они ничего не знают о торговых предприятиях в столь отдаленных краях. Сама постановка проблемы, что некая автономная, порвавшая с домом и транзитной торговлей, укоренившаяся в северных лесах, скандинавская группировка, решила посягнуть на территории, контролируемые их главным торговым контрагентом и переселиться, черт знает куда, на границы степи – настолько искусственна, что ее, вообще, трудно рассматривать в серьез.

Обычно берутся рассуждать об упоминавшемся выше кризисе поступления восточного серебра в последнюю четверть 9ст., о летописном Пути из варяг в греки, вдоль которого, якобы, и сложилось, в конце концов, государство. Якобы, такой маневр, мог позволить скандинавской группировке русов или одной из них, выйти на новые рынки в период волжского кризиса или хазарской блокады. Диверсифицировать риски, как сказали бы сегодня. И даже не в том, что по сей день, попытки доказать существование пути «из варяг в греки», в том числе, и опытным путем, оканчивались, мягко говоря, не вполне удачно. О том, функционировал ли на самом деле такой речной торговый маршрут, который связывал Поволховье с Поднепровьем, написано уже довольно много. И аргументация некоторых пытливых российских исследователей, ставящих под сомнение его реальность вне летописи, где он только и упомянут, вряд ли может игнорироваться. Нет. Штука в том, что вся вздорность их фальшивой, искусственно подчиненной летописи, схемы, становится, наиболее очевидна, в тот момент, когда она соприкасается с первичными источниками.

Главное противоречие, а, следовательно, и проблема, в двух словах состоит в том, что письменные источники по 9ст. рисуют нам сообщество русов, соседящих с венграми, к тому же- живущих на некоем «острове-междуречье», правителем которых является каган. И подобные свидетельства, в которых угадать скандинавских торговцев на дальние расстояния, мягко говоря, сложно, к сожалению, никак не коррелируют ни с летописью, ни с археологией. Почти весь 9 век она не видит скандинавов южнее Гнездово, а тем более – в Украине, на границе степи и леса. И тут мы сталкиваемся с еще одной неразрешимой проблемой, о которой написано и сказано уже достаточно. Это еще одно сплошное белое пятно, настолько диссонирующее с той Повестью временных лет, изводы которой дошли до нас, а заодно, и с «росскими» - древнескандинавскими прозваниями днепровских порогов, что многие пасуют перед такого рода загадкой. Или стараются как-то ее обойти, ну или хотя бы отчасти – игнорировать. Те же, кто не может себе позволить такой ловкости, вынуждены упоминать о ней в научных статьях и проблемных обзорах. Для иллюстрации сути вопроса можно обратиться к одному из таких кратких обзоров. Статье 2003г. французского византиниста Константина Цукермана «ДВА ЭТАПА ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА», где он натягивает сову на глобус, отстаивая Северное происхождение Руси:

1. Шесть упоминаний о русском каганате

Упоминания о русском каганате, которых всего шесть, делятся на две хронологические группы. Первая группа включает в себя три или четыре источника.1а. Как сообщают Вертинские Анналы, византийскую миссию, принятую императором Людовиком Благочестивым в Ингельзгейме на Рейне 18 мая 839 г., сопровождала группа людей, которые своим королем, называемым каганом (chaganus), были посланы к императору Феофилу; эти люди утверждали, что они из народа Rhos. А так как обратный их путь был прегражден «народом варварскими и дикими, жестокости непомерной», Феофил попросил Людовика Благочестивого позволить им беспрепятственно вернуться в свою страну через его империю. Легко подсчитать, что послы кагана должны были выехать из своей страны не позднее весны 837 г., а то и на год-два раньше, если нашествие «варваров» (венгров) заставило их отложить отъезд из Константинополя4. 1б. Примерно 30 лет спустя, весной 871 г., византийский император Василий I направил резкое письмо императору Людовику II Итальянскому, известное нам из длинного ответа последнего, сохраненного в Салернской Хронике5. В феврале 871 г. франкская армия отвоевала у арабов город Бари в южной Италии; в операции принимал участие византийский флот, но, вопреки ожиданиям Василия I, город ему отдан не был. Уязвленный Василий I не нашел ничего лучшего, чем заметить Людовику II, что тот не имеет права именовать себя императором, а должен довольствоваться титулом гех. По мнению Василия, каждый государь имеет собственный титул: например, титул кагана (chaganus) носят верховные правители аваров, хазар (Gazani) и норманнов (Nortmanno). Защищая свое право на императорский титул, Людовик II пространно прокомментировал доводы Василия и указал, что «заметил» (gerregimus) - вероятно, в исторических сочинениях - лишь аварского кагана, но не хазарского и не норманнского. Норманский каган, неизвестный франкскому императору, может быть только каганом народа Rhos, упоминаемого в Вертинских Анналах. В самом деле, скандинавское происхождение руси, настойчиво отрицаемое некоторыми современными историками, отнюдь не было секретом для современников. Приведем лишь один пример: Иоанн Диакон в Венецианской Хронике описывает набег росов (Ros) на предместья Константинополя

в 860 г. (см. ниже) как нападение *Normanonim gentes*. 1в. Далее следует упомянуть арабское описание Восточной Европы, использованное некоторыми восточными географами. Этот источник, названный польским востоковедом Тадеушем Левицким «Анонимной запиской», датируется 870-880 гг. Я процитирую лишь начало «русской» главы текста в древнейшем из сохранившихся его вариантов, принадлежащем Ибн Русте (около 920 г.): «Русы живут на полуострове, окруженном болотами. Этот полуостров на расстоянии трехдневного пути состоит из лесов и болот; он зловонен, и земля его настолько сырая, что движется при ходьбе по ней. Государь их носит титул кагана русов. Они ведут разбойную войну против славян, захватывают пленников, которых продают хазарам и болгарам»⁷. Автор «Анонимной записки» стремится указывать точные титулы правителей описываемых народов, что увеличивает ценность его свидетельства о кагане русов. В этом тексте, как и в современном ему письме Василия I, упоминаются лишь два «действующих» кагана (аварский каган давно уже принадлежал к истории) - хазарский и русский. Сюда же можно отнести и сообщение, содержащееся в Книге стран аль-Якуби (889-890), согласно которому цанары, осажденные в 854 г. у себя на родине в горах к югу от Дарьяла арабской армией под предводительством Буги «старшего», «писали византийскому государю, хазарскому государю и государю славян (*al-Sakaliba*)»⁸. Трудно себе представить, кто бы мог быть этим государем славян, упоминаемым наравне с византийским императором и хазарским каганом, кроме кагана русов. Первые арабские географы, в том числе Ибн Хордадбех, смешивали русов со славянами. Выбор государей в безусловно легендарном рассказе аль-Якуби о цанарах, призвавших международную помощь, возможно, объясняется тем, что после нападения на порт Абаскун на южном побережье Каспийского моря в эпоху владычества алида аль-Хасана ибн Зайда (864-884) русь завоевала определенную известность в Закавказье⁹.

Таким образом, первая группа сообщений с упоминанием титула «каган» выпадает на короткий промежуток в 40-50 лет в середине IX в. Тексты второй группы появились на 200 лет позже и принципиально отличны от предыдущих. Если в первой группе текстов, несомненно, упоминается официальный титул русского суверена, то более поздним сообщениям отнюдь не свойственна подобная протокольная точность.

2а. Иларион, поставленный митрополитом Киевским в 1051 г., в своем «Слове о законе и благодати» несколько раз употребил слово «каган» по отношению к прославленному им первому князю-христианину Владимиру и его сыну Ярославу, княжившему в то время¹⁰. 2б. Короткая надпись на стене собора Святой Софии Киевской выражает мольбу о божественном избавлении для (не названного) «нашего кагана», которым, по мнению издателя, мог быть сын Ярослава Святослав, княживший в Киеве в 1073-1076 гг.¹¹ 2в. Автор «Слова о полку Игореве» (конец XII в.) называет «коганом» Олега, сына Святослава и внука Ярослава, который, однако, не унаследовал стол своего отца в Киеве¹².

Парадоксальность ситуации состоит, в данном случае, в том, что кроме упоминания кагана этих русов, - титула, никак не подходящего предполагаемому Цукерманом лидеру скандинавов, контролировавших Волжский путь, ни один из упомянутых источников, к сожалению, не содержит прямой информации о том, где они находились и какие территории контролировали. Все они давно прошли горнило исторической критики, признаны аутентичными, переведены, но все еще составляют фрагменты пазла, который с такими византистами, далек от того чтобы быть правильно сложенным. У многих

российских и украинских историков нет даже уверенности в том, что им можно доверять. Почему? Трудно сказать. Скорее всего, потому, что российские скандинависты, по совместительству – главные апологеты норманнской теории, не спешат делиться своими наработками с непосвященными.

Два уже давно озвученных допущения, - что каганом называли их верховного владыку, правителя Хазарии, а «джазира русов», - один из фантастических образов, порожденных воображением Востока, способны свести на нет все познавательные усилия в этом направлении. Разумеется, к вящей радости неонорманистов.

Как бы там ни было, историки впервые «видят» это сообщество, только тогда, когда оно попадает в поле зрения письменных цивилизаций Византии и Халифата. Фрагментарно, - далеко не все дошло до нас, большинство информации, очевидно, – утрачено, о многом, что тогда и так всем было известно, просто не считали нужным упоминать. Обычная ситуация. В письменных источниках 9ст. мы видим эту русь исключительно глазами их ученых, хронистов, образованных слоев общества, их информантов. И что же нам предлагают профильные специалисты? Объявить их баснословными в пользу уникальной сказки из Повести временных лет! Если это историческая наука, то радуйтесь, что не имеете к ней отношения. Не все имеют такую смелость. Где по ним, возможно, заметить мытарства по рекам гастролирующих скандинавских торговцев и воинов – ловцов дирхемов?

Как может вам пояснить обзор российского историка А.В. Назаренко: *«Круг подлежащих рассмотрению текстов довольно обширен, более того – он продолжает пополняться. Историки уже успели привыкнуть к этому обстоятельству, несмотря на то, что испытывают порой трудности при соединении в единой непротиворечивой картине всей полноты многообразных данных нескольких, причём далеких друг от друга, языковых и культурных традиций. Однако при всех сложностях бесспорно одно – что мы имеем дело с удивительным фактом: народ, до той поры совершенно не известный, со второй трети IX в. разом, как бы ex nihilo, появляется на страницах византийских, латинских, арабо-персидских источников самого разного характера – хроник, посланий, этно-географических трактатов, торговых уставов. И не просто появляется как ещё один элемент в экзотической номенклатуре варварской периферии, а буквально взрывает военно-политическую ситуацию в Северном Причерноморье, успев в течение полувека своей начальной истории заявить о своём не только чрезвычайно активном военном, но и прочном торговом присутствии на широком пространстве от среднеазиатских и столичных рынков Арабского халифата до «латинского» Среднего Подунавья».* (А. В. Назаренко Русь IX века: обзор письменных источников. 2012). Наиболее кратко и точно обрисовывает проблему также, не менее известный российский историк Н. А. Макаров: *«Документальная точность ранних дат Повести временных лет аргументированно оспорена исследователями летописания, показавшими, что хронологическая сетка Повести была создана летописцем на основе византийских хронографов (Шахматов, 2002; Гиппиус, 2006 а). Тем не менее сам факт появления руси как нового народа и новой политической силы на исторической сцене в середине IX в. надёжно засвидетельствован западноевропейскими и византийскими источниками. Одним из самых сложных моментов в реконструкции исторической ситуации IX в. остаётся согласование исторических известий о руси (народе «рос» «Бертинских анналов», «руси» греческих поучений и агиографических текстов, «русах» арабских географических сочинений) и археологических данных, характеризующих этнокультурные процессы и уровень развития средневековых*

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

обществ на Русской равнине. Согласно письменным источникам, народ «русь», управляемый каганом, выступает как заметная политическая и военная сила: он отправляет послов в Византию и к императору франков (839 г.), совершает нападение на Константинополь (860 г.), разоряет византийские владения на малоазиатском побережье Чёрного моря (ранее 842 г.). Столь же заметно и его присутствие на торговых путях: русь ведёт торговлю с арабскими купцами на Востоке, совершает регулярные поездки в Подунавье. Этот народ имеет скандинавские этнические корни, что прямо отмечено в «Бертинских анналах». Отсутствие в источниках однозначных географических ориентиров для локализации политического объединения руси, возглавлявшегося каганом, оставляет исследователям широкий простор для дискуссий о его местоположении и пространственном охвате – от Среднего Поднепровья до Поволжья и Скандинавии (Седов, 1999 б, с. 54–70; Франклин, Шепард, 2000, с. 54–70; Цукерман, 2001, с. 55–77; 2007, с. 347–350).

Главным камнем преткновения при соотнесении его с археологическими памятниками оказывается отсутствие в археологических древностях первой половины IX в. видимых следов централизованной военно-политической системы, способной создавать реальную военную угрозу византийским владениям. Малоаметны и археологические свидетельства скандинавского присутствия на Русской равнине в этот период. Большинство историков в настоящее время разделяет мнение о северной локализации «Русского каганата», полагая, что центром этого политического образования могло быть Рюриково городище (Франклин, Шепард, 2000, с. 54–70; Цукерман, 2001, с. 55–77; 2007, с. 347–350). Основанием для этого является концентрация на Севере скандинавских находок (пусть и более позднего времени) и наличие здесь поселений, на которых зафиксировано присутствие военизированного населения. Противники данной позиции указывают, что принятие заимствованного у хазар титула «каган» с политической точки зрения могло быть оправдано только для правителя Юга, а Приильменье, в силу своего географического положения, не могло быть непосредственным плацдармом для походов к Босфору и военных действий в Причерноморье (Назаренко, 2001, с. 108, 114). В. В. Седов предложил локализовать «Русский каганат» в лесных и лесостепных областях между Днпром и Доном, в ареале волынцевской, роменской и боршевской культур, отождествив их носителей с русами. Исследователь полагал, что строительство каменных крепостей на северо-западных рубежах Хазарского каганата имело целью противодействовать военной экспансии русов (Седов, 1999 б, с. 54–81). Развёрнутая аргументация в пользу расположения политического образования русов, возглавляемого каганом, в Среднем Поднепровье изложена А. В. Назаренко в обзоре письменных источников о руси IX в., помещённом в этой книге.

Археологические реалии дают серьёзные основания для корректировки сложившихся в науке представлений о масштабах военных предприятий руси в первой половине – середине IX в. и характере её политического объединения. Ни на Севере, ни на Юге мы не видим археологических памятников этого времени, которые могли бы выступать как места сосредоточения значительной военной силы, как административные центры, располагавшие ресурсами для организации грандиозных походов на Византию. Скромные размеры поселений, бедный набор оружия, отсутствие погребений военизированной знати заставляют усомниться в том, что «нашествие руси» на византийские владения в 860 г., очевидцем которого был патриарх Фотий,

действительно являло собой военную акцию, угрожавшую существованию Царьграда. Точно так же, как и в том, что послы народа «рос», появившиеся у императора Феофила и отправленные им далее к Людовиду Благочестивому, выступали как представители государственного образования со сложившимися властными институтами и административным аппаратом. Единственным приемлемым разрешением противоречий между письменными источниками и археологией является признание того, что политическая организация руси в это время была ещё достаточно эфемерной структурой, находившейся в самой начальной стадии формирования. Сеть административных центров в этом объединении ещё не сложилась, население, инкорпорированное в эту систему, было немногочисленно. В таком случае отсутствие археологических следов скандинавов или славянизированного скандинавского населения первой половины IX в., которые могли бы быть связаны с русью, в Среднем Поднепровье не может быть решающим аргументом против южной локализации «русского каганата». (Н.А. Макаров. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий. 2012). Любопытно да? Сколько мнений, сомнений, а в сухом остатке - «бабка надвое сказала». Вот нам рассказали, кроме прочего, о том, что А.В. Назаренко, давно, вопреки здравому смыслу и логике, призывает к перенастройке исследовательской оптики на Среднее Поднепровье. Как это ранее делал В.В. Седов. К такой переориентации подталкивают его результаты собственных исследований европейских латиноязычных источников, которые, фигурально выражаясь, выступая в роли дорожных ориентиров, подсказывают направление, в котором следует двигаться исследователям. Это и исследования по сложению древнерусской денежно-весовой системы, показывающие, что она складывалась под влиянием - византийской, и выявленные торговые связи с Подунавьем. И что же? Археология, в лице Н.А. Макарова, вынужденно разводит руками: конечно, все может быть, но присутствие скандинавов на Юге, до конца 9ст. неуловимо. К тому же, как, сразу может заметить большинство историков, - что бы они там делали весь этот 9 век, в сфере влияния Хазарии, если этот регион до самого начала 10ст. существовал, как выразился Константин Цукерман «в абсолютном экономическом вакууме»?

*«Возвращаясь к вопросу о русском каганате на Днепре, приходится констатировать, что любая усматриваемая в письменных источниках связь между событиями русской истории и этим гипотетическим образованием иллюзорна. Более того, масштабные археологические раскопки, в течение нескольких лет проводившиеся в Киеве, показали, что история города берет начало в конце IX в., а к середине X в. он превращается в важный городской центр. В критическом обзоре работ украинских археологов И. Каллмер датирует начало самого раннего «урбанистического» этапа истории Киева 880-ми годами, подчеркивая при этом, что IX в. - один из наименее интересных периодов в истории этой издревле заселенной местности⁶⁶. Следует также отметить полное отсутствие в Киеве и на всем Среднем Поднепровье каких-либо скандинавских находок ранее X в. **В таком случае, если только не отрицать скандинавское происхождение руси, которая отправилась к императору Феофилу около 837 г. и напала на Константинополь в 860 г., то как объяснить, что от их значительного присутствия в Киеве не осталось никаких следов, даже в захоронениях? С данными раскопок поселений согласуются и монетные находки. Распределение монетных кладов, исследованное В.Л. Яниным в 1956 г., обнаружило любопытный феномен: в течение двух последних третей IX в. (это «вторая фаза» обращения диргемов в Восточной Европе) иссякает приток диргемов в***

район нижнего и среднего Днепра. Янин констатировал, что в указанный период данный регион выпадает из зоны монетного обращения, связанной торговыми отношениями с халифатом. Однако эти торговые связи сохранялись на севере и на востоке. Кроме того, как отмечает Янин, указанное наблюдение потом часто игнорировалось - данные монетных находок не позволяют возводить начало функционирования «пути из варяг в греки», соединявшего Киев и Константинополь, к IX в.⁶⁷ Таким образом, в 830-860 гг. могучее Киевское государство должно было существовать в абсолютном экономическом вакууме. Более 20 лет спустя после публикации работы В.Л. Янина его выводы пересмотрел В.В. Кропоткин. Количество найденных кладов, относящихся ко «второй фазе», увеличилось с 35 до 45, но их по-прежнему почти нет по берегам среднего Днепра⁶⁸. Отсюда Т. Нунан логично делает вывод об отсутствии торговых связей между Киевом и Востоком ранее 900 г.⁶⁹ До сих пор эта странная лакуна, которую представляют собой две последние трети IX в. в истории Нижнего и Среднего Поднепровья, не получила никакого объяснения⁷⁰. Однако, как показано в нашей недавней статье, около 836-889 гг. этот регион находился на периферии венгерского протогосударства, отсекавшего от Хазарии ранее принадлежавшую ей причерноморскую степь. В «De administrando imperio» Константина Багрянородного страна к западу от Дона, занятая венграми, носит название Леведии. Соседние славянские племена, согласно Анонимной записке, подвергались грабёжам и насилию со стороны венгров. Около 889 г. печенеги по приказу хазарского каганата выгнали венгров из страны Леведии⁷¹. Этим объясняется новое оживление восточной торговли в направлении Среднего Поднепровья через посредство Хазарии и новой печенежской территории, о чем свидетельствуют два клада - в Новой Лазаревке, недалеко от устья Днепра (не ранее 893 г.), и в Полтаве (не ранее 883 г., по позднейшей монете, вероятно, зарыт несколько лет спустя). Но эта история тяготеет к X в. Здесь же достаточно подчеркнуть, что ни письменные источники, ни археологические и монетные находки, ни, наконец, анализ этнополитических аспектов истории региона не дают никаких сведений о существовании могучего русского и (или) славянского государства в Среднем Поднепровье на протяжении IX в. Ввиду бесперспективности киевской гипотезы остается лишь север современной России». (Константин Цукерман «ДВА ЭТАПА ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА»).

Гениально. Постойте, постойте, вдумайтесь, что пишет этот византист. А какие из письменных источников 9ст. показывают нам «русь», как сообщество коммерсантов или могучее государство? Или ему, как византисту не известно реноме «росов» в 9ст.? Мусульмане и греки пишут о военизированном сообществе морских налетчиков, действующих на южных морях. В Византии называют их северными скифами или более специфично – тавроскифами, народом незаметным, причисляемым к рабам, кочующим. Кстати, почему бы этому византисту не рассказать о том, откуда могло возникнуть такое странное прозвание? Мусульмане рассказывают о том, что они живут на «острове» протяженностью в три дня пути, откуда нападают на славян. Также отмечают, что они враждуют с венграми. Те скандинавы, которые в то время занимались на Севере торговлей на дальние расстояния подходят под эти описания? Тем не менее, Константин Цукерман считает, что речь идет о скандинавах контролировавших северные пути и выходы на Волгу. Seriously? Т.е. представьте себе, вам честно показывают массу косвенных улик указывающих именно на Поднепровье, но по этому следу сами идти отказываются. Почему? Из принципа. Сами не идут и другим не дают. Вам до сих пор не кажется, что вас просто водят за нос? В.В. Седов указывал на постройку в 30х гг. 9ст.

хазарами ряда крепостей на своих северо-западных границах, по Северскому Донцу и Нижнему Дону, А.В. Назаренко, на торговые маршруты, второй половины того же столетия, ведущие из Центральной Европы в Среднее Поднепровье.

Один исследователь, вообще отказывал русам в скандинавском происхождении, полагая, что летописные Рюриковичи, в конце того столетия, лишь захватили территорию уже носившую это, впоследствии унаследованное ими имя. Другой – осторожно полагал, что это таки были скандинавы первой волны их экспансии в Восточную Европу, на смену которым, в конце столетия пришла новая группа скандинавских захватчиков. Насколько искренне они в это верили? Трудно судить, но одно видно хорошо – оба, по какой-то странной причине, не забыли втащить в свои реконструкции летописную басню о приходе варягов с российского Севера в Киев. Вот какие у них были методологические основания ее историзировать? Кто как не историки знают, что такое летопись, как источник информации, ее критика, текстология? Но, даже при этом, кто-то прислушался к ним? Как видно, конечно, нет. Одно дело для галочки написать обзор проблемы, в привычном для российских историков духе - «бабка надвое сказала», и совсем другое – вести исследования в намеченном направлении. Если речь идет о чистой науке, как такое может быть?

«Объединение огромных территорий, простирающихся от Ладоги до Среднего Поднепровья, в одном государственном образовании, центром которого в конце IX в. стал Киев, разворачивается перед нами как ряд военно-политических предприятий, главным двигателем которых были интересы и амбиции элиты, стремившейся максимально расширить области, подконтрольные Рюриковичам, используя для этого силу оружия. Однако за внешней канвой событий просматривается действие глубинных факторов, получивших отчетливое отражение в археологических материалах. Присутствие скандинавов в ключевых точках этой системы хорошо документировано археологическими материалами X в. Находки скандинавского происхождения IX в. представлены лишь в северных областях, от Верхнего Поднепровья до Ладоги, за немногими исключениями они относятся ко второй половине – последней трети IX в. (Пушкина, 1997 б; Pushkina, 1997, p. 83–91). Значительные серии этих находок происходят лишь из Ладоги и Рюрикова городища. Важным свидетельством участия скандинавов в торговых операциях на магистральных водных путях являются восточные монеты со скандинавскими руническими знаками. Некоторые из них найдены в составе кладов, попавших в землю в начале IX в. (Мельникова, Никитин, Фомин, 1984, с.26–47; Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с.30, 35–51). Рассматривая вопрос о соотношении потенциала Севера и Юга как двух центров политической власти на Русской равнине и их роли в становлении Руси как единого политического организма с чисто археологических позиций, абстрагируясь от письменных источников, мы видим, что материальные следы выделения знати как особой социальной группы и кристаллизации властных институтов вплоть до середины X в. более заметны на Севере, чем на Юге. Так, именно на Севере в IX в. зарождается традиция возведения сопок – монументальных курганных насыпей, призванных обозначить особое положение элиты и создать «ландшафты власти», символизировавшие новые социальные отношения. В Северной Руси в конце IX в. формируется специфическая культура военно-торговой элиты с престижным костюмом, богатым набором оружия и пышным погребальным обрядом, позднее распространившаяся на Юге. Материалы раскопок в Ладоге и на Рюриковом городище указывают на то, что формирование раннегородских поселений,

выступавших местами сосредоточения торговли и ремесла и центрами власти, началось здесь раньше, чем в Среднем Поднепровье. Клады восточных монет IX в., найденные в северных областях Руси, свидетельствуют об особом благосостоянии части общества, о его способности накапливать в своих руках монетное серебро уже на самых ранних этапах развития международной торговли. Трудно согласиться, что монета не использовалась в платёжных операциях, а служила лишь как средство демонстрации социального престижа. Против этого свидетельствуют многочисленные находки целых дирхемов и их фрагментов в культурном слое северных поселений. Не следует в то же время переоценивать демографический и экономический потенциал Севера в IX – первой половине X в. Показательны, прежде всего, скромные площади торгово-ремесленных поселений и административных центров. Попадая на общие карты средневековой Европы и Средиземноморья, они постепенно стали восприниматься как соразмерные средневековым столицам. Площадь Рюрикова городища оценивается Е. Н. Носовым как 6–7 га, площадь Ладоги на раннем этапе её существования, по-видимому, не превышала 8 га., площадь Сарского городища вместе с посадом составляла около 3 га, городища в Приильменьи и Поволховье имеют миниатюрные размеры – 0,2–0,5 га. При всей значимости этих поселений кажется очевидным, что их собственные людские ресурсы и экономические возможности были недостаточны для установления контроля над территориями, простиравшимися от Балтики до границы степи. На Юге славянское сельское расселение имело более глубокие исторические корни. Здесь, несмотря на периодические военные потрясения и перегруппировки населения, сохранялась многовековая преемственность в использовании аграрных ландшафтов. Потенциал южного очага политической власти в большей степени определялся более плотной сетью расселения, большей устойчивостью земледельческого хозяйства. Именно Юг, в его широком географическом понимании, долгое время оставался исходной базой для славянского расселения на Русской равнине, в том числе и для начальной колонизации Приильменья». (Н.А. Макаров Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий. РУСЬ В IX–X ВЕКАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА 2012).

За Север – одна единственная летописная басня про призвание «варягов-руси», за Юг – все остальные письменные источники, от которых, оказывается, как-то можно абстрагироваться! Вон оно чё, Михалыч. Ну, давайте посидим, подумаем про русский Север. Там, на северо-западе современной России этих скандинавов 9ст. хоть фиксирует археология. Туда, под конкретные акции вроде похода на Константинополь 860г. могли теоретически наплывать искатели удачи из самой Скандинавии. К такому простому выводу, рано или поздно, придет любой сторонний наблюдатель попытающийся вникнуть в суть дискуссии. Как писал Г.С. Лебедев в своей известной книге: «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси», изданной в 2005г.: «Исследованиями последних лет установлена взаимосвязь «волн серебряного импорта» не только с динамикой восточноевропейского и западноевропейского денежного обращения в целом, но и с известиями о походах и войнах викингов как на Западе, так и на Востоке: количество западноевропейских монет в Бирке изменяется в зависимости от интенсивности нападений норманнов на Англию и Францию (Randsborg 1981:862-868), в поступлениях арабского серебра в тот же центр выявляются колебания, совпадающие с сообщениями о набегах «русов» 860-945 гг. на берега Закаспия (Лебедев 1982: 149-163; Jansson 1985: 178-179). Данные об участии варяжских дружин в этих комбинированных, морских и сухопутных, походах подтверждаются и другими, как письменными, так и археологическими источниками (Лебедев 1979а: 191-194; Лебедев 1982в: 149-163).

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

Разумеется, это не исключает как чисто торгового или «смешанного» военно-торгового (типичного для «русов» восточных источников) характера ряда скандинавских предприятий за рубежом, так и (главным образом) дальнейшего движения серебра во внутреннем и международном обращении (Фомин 1982:16-21). Однако для определения социальной природы «движения викингов» и места этого движения в общественном перевороте IX-XI вв. констатация теснейшей связи между набегами норманнов и поступлением значительной массы материальных ценностей на Север имеет принципиальное значение».

Сложно представить как, пусть и в эпоху «климатического оптимума», крупные силы викингов по речным системам могли совершать такие невиданные, небывалые рывки-походы, неоднократно пройти из Приладожья и Поволховья, такие огромные расстояния на юг, в Черное море и на Каспий, и забыть об этом, но что нам остается? Сложно представить титул кагана у предводителя скандинавов, но что остается, кроме как предположить вслед за некоторыми, что эти восточноевропейские скандинавы находились в то время в вассальной зависимости от правителя хазар? Последуем же пока совету российских специалистов по периоду: *«На основе этих географических и хронологических наблюдений, необходимо сформулировать несколько следствий, принципиальных для исторических реконструкций. Во-первых, необходимо решительно поставить под сомнение гипотезу о том, что в IX в. некая «первая волна скандинавов» («перво-русь») появилась на юге Восточной Европы, поселилась там и активно действовала, но не оставляла никаких археологически фиксируемых следов, кроме глобальных разрушений. Эти «ранние скандинавы» должны были обладать уникальной спецификой, которая заключалась бы в полном отказе от всех скандинавских и североевропейских этнокультурных признаков. Они не пользовались типичными формами скандинавского оружия, не использовали скандинавские погребальные обряды, не оставляли признаков торговой (клады, погребения с торговым инвентарем) и военно-административной (создание своих опорных пунктов, погребения воинов) активности. Нам феномен такой тотальной маскировки представляется крайне маловероятным».* (А.С. Щавелев, А.А. Фетисов К ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ IX В. 2. 2017.)

Как можно историю перевернуть с ног на голову? Учитесь у россиян. Все еще думаете это у «неонорманистов» от тупости? Как бы не так! Нечто подобное можно было бы предполагать, если бы не их маниакальное стремление разделаться с наследием своих предшественников и получить монополию на интерпретацию письменных источников. Они теперь сами себе не только скандинависты, но и византинисты и арабисты. Но, возможно, вы захотите сами составить себе мнение о сути парадокса. Если так, то обзорная статья А. В. Назаренко **«Русь IX века: обзор письменных источников»**, сейчас именно в пору.

Он начинается с авторского пояснения о том, что: *«Это – именно проблемный обзор, а не комментированная хрестоматия соответствующих фрагментов, ибо ограниченность объема заставила отказаться от цитирования источников in extenso, а также от погружения в глубины местами практически необозримой историографии, которая, к тому же, нередко производит впечатление бесконечного вращения в кругу одних и тех же аргументов и толкований».* С рассказа о том, что: *«народ, до той поры совершенно не известный, со второй трети IX в. разом, как бы ex nihilo, появляется на страницах византийских, латинских, арабо-персидских источников самого разного характера – хроник, посланий, этно-географических трактатов, торговых уставов. И*

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

не просто появляется как ещё один элемент в экзотической номенклатуре варварской периферии, а буквально взрывает военно-политическую ситуацию в Северном Причерноморье, успев в течение полувека своей начальной истории заявить о своём не только чрезвычайно активном военном, но и прочном торговом присутствии на широком пространстве от среднеазиатских и столичных рынков Арабского халифата до «латинского» Среднего Подунавья. Это отразилось и на характере информации о руси, ибо в большинстве важнейших случаев – что важно подчеркнуть – речь идёт не о наблюдениях издали или заметках по слухам, а об автопсии: автор «Бертинских анналов» лично видел «русских» послов при дворе императора Людовика I, патриарх Фотий воочию наблюдал «русский» флот со стен Константинополя, Ибн Хордадбех сталкивался с «русскими» купцами в Багдаде или своем родном Табаристане, мытники маркграфа Ар(и)бона непосредственно общались с «русскими» торговцами, собирая с них пошлины в Баварской восточной марке. Об этой крайней неординарности происходившего в целом надо помнить во избежание соблазна при случае закрыть глаза на те или иные не слишком «удобные» конкретные свидетельства в силу их кажущейся невероятности.

Древнейшим точно датированным известием о руси остаётся широко известное сообщение франкских «Бертинских анналов» под 839 г. о посольстве от «народа» (*gens*), что «зовётся *Rhos*»³, к франкскому императору Людовику I Благочестивому (814–840), который принял его 18 мая в своём пфальце (королевской резиденции) Ингельхайм на Среднем Рейне. [3 Перевод, на котором настаивает М.Б.Свердлов (Свердлов, 1989, с. 12, примеч. 6; 2003, с.98–99; см. также: Шаскольский, 1981, с.45), будто *Rhos* – не самоназвание, а так этот народ, по словам его послов, был называем со стороны, другими народами, является недоразумением].

«Бертинские анналы» – название условное (по местонахождению единственной полной рукописи, вероятно, второй половины IX в. в монастыре св. Бертина, близ Сент-Омера, на севере Франции); на самом деле речь идёт о западнофранкском продолжении «Франкских королевских анналов» – памятника официальной историографии VIII – первой трети IX в., а вовсе не об анналах периферийного и ничем не замечательного монастыря св. Бертина, как иногда думают (см., например: Цукерман, 1997, с.664). В части, касающейся правления Людовика Благочестивого, «Бертинские анналы» продолжают сохранять официальный общепфранкский характер, так что пространное сообщение о «русском» посольстве записано непосредственно по следам событий его очевидцем – придворным капелланом Пруденцием, безусловно, знакомым также и с протоколами переговоров. В сообщении «Бертинских анналов» выделяется несколько узловых моментов. Прежде всего выясняется, что «русские» послы явились на Рейн вместе с посольством к Людовику от византийского императора Феофила (829–842), к которому они прибыли ранее «ради дружбы». Причину тому объяснил в своём послании сам Феофил⁵: император не хотел, чтобы послы возвращались тем путём, которым пришли, «так как он пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов». [5 Именно из греческого текста происходит и уникальная для латинской традиции форма этнонима *Rhos*, которая, вопреки высказывающимся иногда сомнениям (Свердлов, 1989, с. 12, примеч. 6), явно представляет собой транслитерацию обычной для греческого формы *Ῥῶς*. М.Б.Свердлов указывает, что графема *Rh*- в средневековой латинской графике часто встречалась и вне транслитераций греческих имен. Теоретически это так, но в «Бертинских анналах», в том числе и в части, написанной Пруденцием, такая мода

украшать чисто графическим «придыханием» букву *r* не прослеживается: нетрудно проверить, что, за исключением традиционных *Rhenus* «Рейн» и *Rhodanus* «Рона» (да и то непоследовательно), автор пишет имена собственные исключительно с «простым» *r*: *Rotumum* «Руан», *Remi* «Реймс», *Ravanus*, *Ragenarius* (германские личные имена) и т.д.]. В науке установилось относительно единое мнение, что под последними Феофил имел в виду венгров: именно в это время они появились в причерноморских степях – той стране, которую, вслед за Константином Багрянородным, принято именовать Леведией (Λεβεδία) (Const. De adm. 38, p. 158.4, 8), – и столкнулись на Нижнем Дунае с войсками Феофила (см. последний подробный разбор проблемы: Zuckerman, 1997, p.51–74; Цукерман, 1997, с. 663–688). Поскольку византийские посольства к франкам отнюдь не были ежегодными, послы «народа *Rhos*» могли ждать okazji в Константинополе довольно долго, и их прибытие на Босфор приходится датировать достаточно широко – около 836/838 г. Но чаще в науке комментировалось другое следствие из сказанного: коль скоро Феофил направил «русских» послов к Людовуку, то приходится думать, что либо василевс, либо сами послы знали о каком-то маршруте, связывавшем франкские земли с местом, куда предстояло вернуться послам. А это уже самым непосредственным образом касается ключевого вопроса о локализации того политического образования, которое было создано «народом *Rhos*» и правитель которого вознамерился в 30-х гг. IX в. заключить «дружбу» с императором Византии, причём последний имел основания придавать такому предложению серьёзное значение. Дважды другими моментами рассказа «Бертинских анналов», существенными для ответа на названный вопрос и давно, хотя и с разным успехом, дискутирующимся в науке, являются титул «каган» (*chacanus*), который прилагал себе «король» (*rex*) *Rhos* 6, и этническая принадлежность послов, оказавшихся, в результате расследования при дворе Людовика, свеями (*Sueones*). Со времён А.Куника и В.Томсена (Kunik, 1844, S.96–97; Томсен, 1891, с.40–42)⁷ это известие «Бертинских анналов» служило одним из главных, если не самым главным, доказательством скандинавских корней первоначальной руси. Многократные попытки так или иначе релятивизировать его – свеями были якобы только послы руси, но не сама русь (Гедеонов, 1876, с.503–504; Сахаров, 1980, с.44–45; Шаскольский, 1981, с.54; Свердлов, 2003, с.98–99, 102; и мн. др.) или т.п. – не могут быть признаны состоятельными⁸ ввиду недвусмысленного свидетельства другого латинского источника IX в., которое являет собой абсолютный pendant к записи Пруденция о кагане руси-*Sueones*. Речь идёт о послании итальянского короля и франкского императора Людовика II (844–875) (не Людовика II Немецкого, как по недоразумению часто считается) к византийскому императору Василию I (867–886) от 871 г. Этот памятник исследователям известен меньше, чем «Бертинские анналы»; кроме того, его правильное понимание осложнено неисправностью первого критического издания и ущербностью отрывочных русских переводов. Поэтому остановимся на нём чуть подробнее. В 871 г. Василий I и Людовик II, внук Людовика I Благочестивого, выступали единым фронтом против арабов: франки с суши, а греческий флот с моря осаждали захваченный арабами южноитальянский город Бари. Осада затянулась, и между союзниками возникла нервная переписка, в ходе которой Василий I затронул также принципиальную для византийской политической доктрины тему императорского титула. С его точки зрения, только константинопольский василевс имел право на такой титул, тогда как его усвоение франкскими государями являлось узурпацией. Послание Василия не сохранилось, но его содержание без труда угадывается на основе подробного, по пунктам, ответа Людовика. Один из аргументов византийского императора сводился,

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

как видно, к тому, что правители разных народов носят разные имена, а император – один для всех христиан. Его франкский корреспондент пытается последовательно, со ссылками на латинские книги, оспорить все перечислявшиеся примеры такого рода титулований. В этой полемике есть и следующий небольшой пассаж: «Каганом же (*chaganus*), как мы убеждаемся, звался предводитель (*praelatus*) авар, а не хазар или норманнов (*Nortmanni*), а также не правитель (*princeps*) болгар, а король (*rex*) или государь (*dominus*) болгар»⁹. Следовательно, в послании Василия I титул кагана прилагался не только к главе хазар, в отношении которых то было известной официальной практикой византийской императорской канцелярии¹⁰, но и каких-то «норманнов»¹¹.

Искусственный этникон *Nortmanni* – специфически латинский, и потому возникает естественный вопрос, какому греческому термину он соответствовал? Ответ может быть двояким. Во-первых, позволительно думать о частичной кальке с греческих, также кабинетных, описательных названий типа τὰ βόρεια ἔθνη, τὰ βόρεια γένη «северные народы», οἱ βόρειοι Σκύθαι «северные скифы», что изредка применяются к руси в византийских источниках конца IX – середины X в. (Бибиков 1, с.541), – например, в трактате о морском бое императора Льва IV Мудрого (886–912), где читаем о небольших быстроходных судах «северных скифов», на которых они по рекам спускаются к Эвксинскому понту (*Leon.Naut.*, 78, р.32.27–33). Вместе с тем – и это во-вторых – у североитальянского автора (то есть земляка Людовика II) середины X в. Лиудпранда Кремонского застаём уже вполне сформировавшееся отождествление лат. *Nordmanni* = греч. Ῥῶς, причём текст источника недвусмысленно удостоверяет, что это отождествление сложилось на латинской почве, а не было скопировано с греческого словоупотребления¹².

[¹² Предваряя пространный рассказ о походе князя Игоря на Константинополь в 941 г., Лиудпранд даёт этнографическую справку: «Ближе к северу обитает некий народ, который греки, по внешнему виду, называют русью (*Rusii*), ῥοῦσιος, мы же, по местонахождению, именуем норманнами (*Nordmanni*). Ведь на немецком (*Teutonum*) языке *nord* означает север, а *man* – человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами» (*Liudpr. Antap. V*, 15, р.137; русский перевод: Назаренко, 2010, с.38). Народная этимология, производящая название руси от греч. ῥοῦσιος «рыжий», принадлежит, очевидно, самому Лиудпранду (который владел греческим), так как собственно византийским источникам форма этнонима *Ῥοῦσιοι неизвестна. Вряд ли стоит считать русином некоего Ἄτζος Ῥοῦσιος, упомянутого в числе свидетелей в одной южноитальянской грамоте 1135 г. (Бибиков 1, с.634); греч. Ἄτζος передает распространённое в Италии германское имя *Azzo* (уменьшительная форма от *Adalbertus* или подобного), так что в Ῥοῦσιος естественнее всего видеть прозвище-цветообозначение.)

Что перед нами не просто гапакс – результат рассуждений учёного епископа, доказывает ещё один, также североитальянский текст – «Венецианская хроника» Иоанна Диякона (рубеж X–XI вв.), где хорошо засвидетельствованное нападение руси на Константинополь летом 860 г. (о нём подробнее пойдет речь ниже) приписано именно «народу норманнов» (*Normannorum gentes*) (*Ioan.Diac.*, р. 116–117; Кузенков, 2003, с. 151; Назаренко, 2010, с.53–54). Отождествление скандинавов вообще, ставших широко известными в IX в. в ходе викингских набегов на Западную и даже Южную Европу, с русью проявилось и в арабской традиции того времени, как то видно по сообщению ал-Йа'куби (конец IX в.) о нападении в 843/844 г. на Севилью «маджусов»,

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

которых принято называть русью и которые поднялись на кораблях по Гвадалквивиру (*al-Jakûbi*, p.354; русский перевод: Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с.38; ср.: Куник, Розен, 1878, с. 161–191; о проблеме: Калинина, 2001, с. 190–210)¹³. [13 Название «маджусы» у арабских авторов означало язычников-огнепоклонников и применялось, наряду с персами и индусами, также и к другим народам, кремировавшим умерших, в частности – к скандинавским викингам.]

Стало быть, вполне допустимо думать, что в послании Василия I речь шла просто о *Ῥῶς* и их кагане. Однако в любом случае, независимо от реконструкции конкретного прототипа лат. *Nortmanni* из письма Людовика II, – и это важно подчеркнуть – «норманнам», управлявшимся собственным каганом, не видно никакого иного соответствия, кроме руси.

Этот принципиальный факт лишний раз безусловно подтверждается известной арабской традицией об «острове руси», у которой (руси) «есть царь (*malik*), именуемый хакан-рус (*Hāqān-Rūs*)»; впервые эта традиция зафиксирована у арабо-персидского географа Ибн Русте, писавшего в первой четверти X в. (*Ibn Rust.*, p. 145; Новосельцев, 1965, с. 303; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 48; см. также немецкий перевод с комментарием: *Göckenjahn, Zimonyi*, 2001, S. 81), и отражает, вне сомнения, историческую ситуацию IX столетия¹⁴.

[14 Так называемая «Анонимная записка», в отдельном виде не сохранившаяся, к которой, как считается, восходит блок восточноевропейской информации у Ибн Русте и некоторых других более поздних авторов (*ал-Мукаддаси*, *Гардизи* и др.), на основании её содержания (например, локализации печенегов ещё к востоку от Волги) обычно датируется последней четвертью IX в., вероятно – ближе к концу столетия (Мишин, 2002, с.50–58). Среди востоковедов издавна распространена также альтернативная точка зрения, согласно которой эта информация имеет источником несохранившуюся полную версию труда Ибн Хордадбега (см. о нём ниже) – непосредственно или через посредство работавшего в первой половине X в. *ал-Джайхани* (*Marquart*, 1903, S.XXXI; Новосельцев, 1965, с.283–284; *Lewicki* 2/2, s.12; *Göckenjahn, Zimonyi*, 2001, S.34–35; и др.). Для целей нашего обзора вовсе нет необходимости вникать в эту контроверзу, потому что при любом её решении датировка сведений Ибн Русте о руси IX столетием остаётся в силе.].

Таким образом, информация о «норманнах» из послания Людовика II вполне изоморфна более ранней информации «Бертинских анналов» о «народе *Rhos*» и их правителе-кагане¹⁵ и может служить доказательством того, что за истекшие после (первого?) посольства руси в Константинополь тридцать с лишним лет политические контакты между двумя этими сторонами должны были продолжаться. И тому есть прямые доказательства.

[15 Приведённые данные делают беспочвенной до сих пор имеющую хождение догадку, будто *свеи-Rhos* были представителями хазарского кагана (Васильевский, 1893, с.CXVII; *Laehr*, 1930, S. 16–17, 122–123, Anm. 18; *Golden*, 1982, p.77–97; Мельникова, 2010б, с.227; и др.); не говорим уже о том, что она плохо вписывается в контекст рассказа «Бертинских анналов», коль скоро путь из Византии в Хазарию через Крым, где владения той и другой непосредственно соседствовали, отнюдь не пролегал по землям свирепых варваров. В качестве торжественного архаизма титул «каган», применительно уже к киевским князьям, дожил, по крайней мере, до середины XI в.,

когда был неоднократно употреблён Иларионом, будущим киевским митрополитом, в отношении крестителя Руси князя Владимира и его сына, киевского князя Ярослава Мудрого (Молдован, 1984, с.73, 92, 99 [пять раз]; Сумникова, 1986, с.41). Не принимаем здесь в расчёт несколько смутного показания «Слова о полку Игореве», где каганом, кажется, титулован черниговский князь Олег Святославич (умер в 1115 г.). О проблеме в целом см.: Новосельцев, 1982а, с.367–379 (автору осталось неизвестным послание Людовика II); Коновалова, 2001 а, с. 108–135.]

Мы имеем в виду данные ряда аутентичных византийских источников IX в. о военной активности руси в Южном Причерноморье, которая имела политические и церковно-политические последствия. Сразу же вынесем за скобки «Житие св. Стефана Сурожского» ввиду источниковедческой шаткости его известия о том, что вскоре после смерти св. Стефана, случившейся около 787 г., на крымский Сурож (Сугдею) «приде рать велика русьская из Новагорода, князь Бравлинъ силенъ зъло» (Васильевский, 1893, с. 95; Ivanov, 2006, р. 16116). Несохранившийся 17 греческий оригинал «Жития», сильно расширенный при создании славянского перевода (Васильевский, 1893, с.ССXL–СCLXIII), можно ориентировочно датировать рубежом X–XI вв. (Ivanov, 2006, р. 111), но пояснение, что Бравлин 18 возглавлял «рать русьскую» из Новгорода, является, скорее всего, глоссой славянского перевода, который был выполнен предположительно в XIV столетии в колонии русских гостей-сурожан, среди которых новгородцы должны были занимать заметное место (Ivanov, 2006, р. 115). Прежде чем перейти к менее спорному свидетельству «Жития св.Георгия Амастридского», обратимся к абсолютно бесспорным данным о нападении «русского» флота на Константинополь (рис.2) в 860 г. Оно отразилось в целом ряде, главным образом, византийских источников, которые недавно были собраны и изданы с русским переводом и комментарием П.В.Кузенковым (2003, с.3–172), что принципиально облегчает нашу задачу. Центральное место среди них принадлежит сочинениям константинопольского митрополита Фотия (858–867, 877–886), бывшего современником и свидетелем нападения – двум гомилиям (поучениям) «на нашествие руси» («εἰς τὴν ἔφοδον τῶν Ῥώσ»), написанным непосредственно во время событий 19, и окружному посланию 866/867 г. 20 У Фотия нападение руси на Константинополь никак не датировано, и по косвенным данным его датировка в науке долгое время колебалась между 859/860 и 865/866 гг. (см. сжатый историографический обзор: Кузенков, 2003, с. 9–11), пока в 1894 г. не была опубликована сохранившаяся в единственном списке конца XIII в. так называемая «Брюссельская хроника» – источник, по всей видимости, середины XI в., поскольку изложение доведено до времени императора Романа III Аргира (1028–1034). Этот текст не был бы ничем особенным замечателен (ибо является достаточно типичным представителем обширного семейства византийских кратких хроник – перечней императоров с отдельными лапидарными заметками относительно того или иного правления), если бы не уникальное, в том числе и для самой «Брюссельской хроники», примечание к правлению Михаила III (856–867): «В его царствование, 18 числа июня месяца, 8 [индикта], в 6368 году, на 5-м году его правления пришла русь с двумястами кораблями» и т. д. (Anecd.Brux., р. 33; Кузенков, 2003, с. 156 [цитируем этот перевод с минимальной редакционной правкой]). Все три годовые датировки согласны друг с другом, так что нет никакой причины не доверять и дневной дате 21 – тем более, что наиболее благоприятные условия плавания по Черному морю, действительно, приходится на июнь-июль, и флот князя Игоря под Царьградом, как известно, также появился в июне 941 г. (Theoph. Cont., р. 423.14; Leon. Gram., р. 323.8). Количество кораблей – именно 200 – совпадает с

показанием византийской хронографической традиции, отразившейся у Симеона Логофета (Кузенков, 2003, с. 113–118), что ещё раз подтверждает достоверность информации, содержащейся в краткой заметке «Брюссельской хроники». Эта хронографическая традиция середины X в., включающая в себя, кроме разных редакций уже упомянутого труда Симеона Логофета²², также продолжение хроники Феофана (Кузенков, 2003, с. 123–124), к которому восходят более поздние сочинения, вроде хроники Иоанна Скилицы (конец XI в.) и т.д. (там же, с. 129–149), единодушно именуется нападавших русью (Ρῥῆς), что немаловажно, ибо в обеих гомилиях Фотия русь поименована только в заголовках, которые представляют собой наиболее изменчивую при переписке часть текста. В самом же тексте первой гомилии, написанной, когда осада ещё продолжалась, автор выражается метонимически: речь идёт о «гиперборейской грозе», «народе с севера» («ἀπὸ βορρᾶ»: в составе текстуальной аллюзии на Иер. 6, 22–25), «скифском (σκιθικόν) народе, жестоком и варварском» (Phot. Hom. / Laourdas, p. 5, 8, 17; Кузенков, 2003, с. 31–32, 36). Важнее для нашей темы, однако, те выражения, в которых нападавшие описаны во второй гомилии, созданной сразу после избавления от опасности: «те, кому некогда казался невыносимым один лишь слух о ромеях», и, чуть ниже: «народ незаметный, народ, не бравшийся в расчёт (ἀναρίθμητον), народ, причислявшийся к рабам (ἀνδραπόδοις)²³, неименитый (ἄγνωνστον) – но получивший имя от похода на нас, неприметный – но ставший значительным» (Phot. Hom. / Laourdas, p. 33, 35; Кузенков, 2003, с. 57 [цитируем этот перевод с одной редакционной поправкой]). К этим риторически несколько заострённым характеристикам следует добавить существенное пояснение из окружного послания: русь посмела «поднять руку на Ромейскую державу», ибо к тому времени «поработила [живших] окрест неё и оттого чрезмерно возгордилась» (Phot. Ep. 2, p. 50; Кузенков, 2003, с. 73, 75). Из сказанного вытекает, что неправы те, кто из уничижительной риторики Фотия, что «обрушившееся» на Царьград «племя» было «незаметно, незначительно и вплоть до самого к нам вторжения неведомо» («μηδὲ <...> γίνωσκόμενον») (Phot. Hom. / Laourdas, p. 32; Кузенков, 2003, с. 57), изымая их из контекста (усугубляя ничтожество врага, патриарх подчёркивал глубину падения Константинополя, чтобы с тем большим основанием призвать его жителей к покаянию²⁴), заключали, будто до лета 860 г. в Константинополе ничего не слышали о руси, и, в частности, о посольстве 830-х гг. было забыто (см., например: Laehr, 1930, S. 127, Anm. 49–50; Ahrweiler, 1971, p. 47–49).

Совершенно напротив: к 860 г. русь была уже известна византийским властям как достаточно обширное политическое образование, в которое входили разные народы; более того, она выступала, похоже, и как источник военной угрозы (в представлении патриарха Фотия, она до тех пор не нападала на Константинополь из страха перед славой «ромеев»), но не «бралась в расчёт» из-за своей бесславности, «неименитости». Таким образом, содержание сочинений Фотия скорее согласуется, чем диссонирует с единственным известием о нападении «русских» кораблей на земли Византийской империи до 860 г. – известием, источниковедчески более основательным, чем данные о нападении «князя Бравлина», но всё же далеко не безупречным. Речь идёт о разорении города Амастриды (рис. 2) на северном побережье Малой Азии, о котором сообщается в «Житии св. Георгия Амастридского». Этот сюжет, обсуждение которого началось ещё до полной публикации памятника В.Г. Васильевским (1893, с. 1–71, по единственной рукописи X в.) трудами А.А. Куника (Кипик, 1845), долгое время оставался предметом полемики, в последние десятилетия, похоже, затихшей (см. Её ёмкий, хотя и не совсем полный, очерк: Бибииков, 1999, с. 91–

92). В «Житии» читаем, что «варвары Ῥῶς, народ, как все знают, в высшей степени дикий и грубый», разорили черноморское побережье, «начав от залива Пропонтиды («ἀπὸ τῆς Προποντίδος <...> τῆς λύμης») и посетив прочее побережье» до Пафлагонии, центром которой была Амастрида, свирепствуя и убивая в силу «сохраняющегося у них древнего таврического избиения чужестранцев» («ἡ Ταυρικὴ ξηνοκτονία ἐκείνη ἢ παλαιὰ παρ' αὐτοῖς νεάζουσα»)25; однако последовавшее чудо при гробнице св. Георгия заставило нападавших прекратить грабежи и отступить (Васильевский, 1893, с. 64–71; греческий оригинал и русский перевод, который мы цитируем с некоторыми редакционными переменами)26. Согласно изысканиям В.Г.Васильевского (1893, с. XLIV–CVIII), которые, несмотря на скептические отзывы некоторых авторитетов (Beck, 1959, S. 512), были подкреплены новым анализом И.Шевченко (Ševčenko, 1977, p. 120–125), «Житие» было написано известным византийским агиографом Игнатием Диаконом, современником Георгия Амастридского, в период его (Игнатия) сотрудничества с иконоборцами, то есть до 842 г. Так как Георгий скончался в начале IX столетия (между 804 и 811 гг.) (Васильевский, 1893, с. XLIV–XLV; Treadgold, 1990, p. 138–139), то и создание «Жития», и, соответственно, нападение руси на Амастриду следовало бы отнести к 810–830 гг.27 По мысли В.Тредголда, создание самостоятельной фемы Пафлагония во главе с катепаном при Льве V (813–820) в 819/820 г. (она была отделена от фемы Армениак) явилось следствием нашествия руси, которое, тем самым, и датируется историком примерно 818/819 г. (Treadgold, 1990, p. 139–143); однако настаивать на такой именно датировке нельзя. Совсем условны другие попытки уточнить время нападения, которое либо из общих соображений сдвигается максимально близко к границе указанного *terminus ante quem* – около 840 г. (Laehr, 1930, S. 19, 22; ср. S. 95), либо, по аналогии с событиями 860 г., коррелирует с известными периодами активных внешних войн Византии, когда сухопутные и морские силы находились вдали от столицы – 809–814, 820–825, 837–839 гг. (Литаврин, 2000, с. 31). Сомнения в достоверности «Жития» основаны, главным образом, на том, что рассказ о нашествии руси содержится в самой концовке его (гл. 43–48). Между тем, она отделена от предшествующего текста словами: «Вот как это было» («καὶ ταῦτα μὲν οὕτως»), которые производят впечатление завершающих (у В.Г.Васильевского они, по недосмотру, остались без перевода), тогда как «русский» эпизод вводится особо: «То, что следует далее, ещё более удивительно». Поэтому не раз высказывалось мнение, что чудо «о руси» является позднейшим добавлением, имевшим в виду либо поход 860 г. (усматривается стилистическое сходство с текстами Фотия), либо даже нашествие 941 г., которое, как известно, захватило и Пафлагонию (Vasiliev, 1946, p. 70–89; NystazopoulouPélékidou, 1960, p. 160, not. 1; Markopoulos, 1979, p. 75–82; и др.). Однако такого рода сомнения заранее опроверг уже В.Г.Васильевский (1893, с. XLIV–LII), а И.Шевченко подтвердил стилистическое единство последних глав с остальным текстом «Жития». Приходится констатировать, что в настоящее время гипотеза Васильевского – Шевченко является единственным систематически обоснованным суждением о «Житии св. Георгия Амастридского» и содержащемся в нём свидетельстве о руси (Литаврин, 2000, с. 25–32). Максимум, на что решаются скептики, – это настаивать на невозможности с полной определённой решить проблему авторства Игнатия Диакона применительно к «Житию св. Георгия» (Каждан, 2002, с. 456–468). Заметим в заключение этого несколько затянувшегося экскурса, что не совсем уместно признавать атрибуцию «Жития» в целом Игнатию Диакону и одновременно отодвигать его создание на период после 860 г. (Schramm 2002, S. 249–250), ввиду того

что Игнатий родился не позднее 770-х гг. и умер, вероятно, не слишком много позднее 845 г. – признанного *terminus post quem* для его кончины (Kazhdan, 1991, p. 984).

Итак, есть достаточно серьезные основания считать, что «русское» посольство в Константинополь около 836/838 г., преследовавшее цель заключить с Византией мирный договор, должно было подвести черту под периодом военных нападений на Империю; свирепость руси, напавшей на Амастриду, была, согласно «Житию св. Георгия», общеизвестна («ὡς πάντες ἴσασιν»). Иными словами, то политическое образование, которое во второй половине 830-х гг. возглавлялось «каганом» «народа Rhos», имело определённую предысторию – что, собственно, диктуется и соображениями здравого смысла, ибо посольство в Византию, разумеется, не могло быть первым политическим действием новорождённой Руси. Уничжительная для неё риторика патриарха Фотия не может скрыть того факта, что после мира второй половины 830-х гг. при Феофиле и до войны 860 г. при его сыне Михаиле III эта прото-Русь занимала определённое место в политическом кругозоре византийских властей²⁸, продолжала государственно созревать, так что новый мирный договор 866/867 г., имевший, среди прочего, следствием учреждение «Русской» епархии, стал естественным завершением определённого этапа такого созревания. Договор был заключён ещё при Михаиле III и патриархе Фотии, но и свергнувший в 867 г. Михаила Василий I, основатель новой, Македонской, династии, не преминул воспользоваться в своей политической переписке ссылкой на хорошо ему известного «кагана» «норманнов»-руси.

Смена власти в Константинополе, очевидно, не привела к переменам в отношении к новому политическому партнёру. Более того, в историографической традиции, связанной с Македонской династией, усматривают тенденцию приписать заслугу этого первоначального крещения Руси, игнорируя его «аморийское» начало, Василию I и его ставленнику патриарху Игнатию (867–877; это было второе патриаршество Игнатия, первое приходилось на 847–858 гг.). В уже цитировавшемся окружном послании Фотия, написанном в конце 866 или начале 867 г., которое адресовалось восточным патриархам в связи с планами созвать церковный собор против «латинской» ереси *Filioque*, автор, заметно преувеличивая, сообщает о возвращении армян из монофизитства в православие (имеются в виду переговоры на эту тему между патриархом Фотием и армянским католикосом Захарией I), а также о недавнем крещении «варварского и христоненавистного народа болгар» (864/865 г.), среди которого сразу же (в 866 г.) стали незаконно действовать епископы и священники Западной церкви (факт хорошо известный). В таком контексте выглядит понятным и упоминание о руси (Ῥῶς): ведь «ныне и они переменяли языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя охотно поставив в ряд подданных и гостеприимцев («ὕπτηκοι καὶ πρόξενοι»)²⁹ вместо недавнего разбоя и великого дерзновения против нас. И при этом столь воспламенило их страстное влечение и рвение к вере <...>, что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам» (Phot. Ep. 2, p. 50; Кузенков, 2003, с. 75).

Между тем, в более позднем «Жизнеописании императора Василия I», составление которого приписывается внуку Василия Константину VII Багрянородному (913–959, самостоятельно с 945 г.), утверждается, что «народ руси» («τὸ τῶν Ῥῶς ἔθνος») был склонён к миру и крещению обильными дарами Василия I, а патриарх Игнатий рукоположил для них архиепископа (Theoph. Cont. V, 97, p. 342.20–343.2; Прод. Феоф., с.

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

142–143; Кузенков, 2003, с. 125–127; Бибиков, 2009, с. 265–266; 2010, с. 178–179). Для целей настоящего обзора нет нужды вникать в разницу между двумя этими свидетельствами, которая не раз подталкивала исследователей к попыткам согласовать их (см. комментарий: Кузенков, 2003, с. 128, примеч. 3). Надо признать, что показания к тому есть: ведь в первых пяти книгах Продолжателя Феофана, суммировавших македонскую традицию в середине X в., при Константине VII, и включивших в себя в качестве V-й книги также и процитированное выше «Жизнеописание императора Василия», при описании правления Михаила III тоже кратко упоминается о крещении руси. Сообщив о нашествии руси и её уходе (причём отнюдь не умалчивается и о роли патриарха Фотия), анонимный автор добавляет: «Немного же спустя в царственный город прибыло их (руси. – А.Н.) посольство, умолявшее сделать их сопричастными Божественному крещению, что и случилось» (Theoph. Cont. IV, 33, р. 196.12–15; Кузенков, 2003, с. 123–124). Таким образом, мысль, что «русского» епископа, поставленного Фотием, почти тут же сменил архиепископ, ставленник патриарха Игнатия, не была бы совсем беспочвенной.

Но в данном случае, повторяем, нам достаточно ограничиться констатацией прочно засвидетельствованного факта, что около 866/867 г. прото-Русь, одновременно с Болгарией, обрела церковное возглавление из Константинополя. Налицо ситуация, неоднократно повторявшаяся в дальнейшем: за военным походом следовало – с позиции силы – предложение и заключение выгодного мира. Эта неоспоримая аналогия настойчиво подсказывает и вероятное содержание мирного договора 860-х гг.: помимо непосредственно отмеченной и Фотием, и Продолжателем Феофана церковной темы, он должен был содержать статьи, которые регулировали бы торговлю «русских» купцов на территории Империи. Непосредственные данные о такой торговле скудны, но они есть и по-своему выразительны. В этом отношении положение дел ничем не хуже того, какое сложилось бы применительно к X в., если мысленно удалить из числа источников торговые статьи договоров руси с греками 911 и 944 гг.

Прежде всего, надо иметь в виду ту характеристику руси как торговцев *par excellence*, которая присутствует уже у Ибн Русте, то есть отражает реалии ещё IX в., прилагаясь именно к руси, у которой «есть царь, именуемый хакан-рус». Во-первых, эта русь торгует славянскими невольниками в Булгаре и столице Хазарии. Во-вторых, «нет у них <...> ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочей пушниной, которую они продают желающим. Получают они плату деньгами и завязывают их в свои пояса» (Ibn Rust., р. 145; Новосельцев, 1965, с. 303; Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S. 82–83; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 48). Понятно, что торговать мехами и рабами за «деньги» в IX в. можно было только на рынках Арабского халифата, Византийской империи, латинского Запада, а также, вероятно, Волжской Булгарии и Хазарии, в которых, впрочем, монеты было много меньше и она была привозной. Ибн Русте, вслед за своим вероятным источником («Анонимной запиской»), упоминает только о двух из этих возможностей, но есть достаточное количество других вполне доброкачественных текстов, которые надёжно удостоверяют, что «русские» купцы не упустили ни одной из них (рис. 2).

Начнём с известного показания арабо-персидского географа Ибн Хордадбеха (умер около 890 г.), который был начальником почт одной из иранских провинций (Джибал), а затем, видимо, и всего Халифата, а также приближённым («собеседником») халифа ал-Мутамида (870–892) (Велиханова, 1986, с. 10–12), что, безусловно, немало способствовало его незаурядной осведомлённости. Согласно «Книге путей и стран»

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

(«*Kitāb al-masālik wa'l-mamālik*») Ибн Хордадбега, «русские» купцы, а русь – это «вид славян», «везут меха бобра, чёрных лисиц и мечи из отдалённых [земель] славян к морю Румийскому, и берёт с них десятину властитель Рума»; по некой «реке славян» они плавают и в Хазарию, где также платят десятину, а оттуда, через «море Джурджана», то есть Каспийское, «иногда везут свои товары из Джурджана на верблюдах к Багдаду, и переводят им славянские слуги, и говорят они, что они – христиане, и платят джизью (подушную подать. – А.Н.)» (Ibn Khord., p. 154; Новосельцев, 1965, с. 291; Ибн Хорд., с. 124, § 73 в; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 30–31). Датировка этих сведений неоднозначна. Принято считать, что сочинение Ибн Хордадбега дошло в двух редакциях – сокращённой (около 846/847 г.) и более полной (около 885/886 г. или несколько позднее); первая представлена Оксфордским списком 1232 г., вторая – Венским XII в. (de Goeje, 1889, p.XV– XXI; Крачковский, 1957, с. 147–150; Новосельцев, 1965, с.282; Lewicki 1, s. 43–63; Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S.30; Мишин, 2002, с.49). Если так, то пассаж о «русских» купцах, который налицо в обеих редакциях, следовало бы отнести к первой половине IX в., к 830–840-м гг.30, как полагал уже первооткрыватель Венской рукописи и издатель критического текста Ибн Хордадбега М.И.деГуе (см. также: Васильевский, 1893, с.СХХII–СХХIII; Pritsak, 1970, p.242– 243; Коновалова, 1999, с.205; и др.). Но коль скоро сомнения в обоснованности выделения краткой первоначальной редакции всё же высказывались специалистами (Marquart, 1903, S.390; Булгаков, 1958, с. 127–136; Новосельцев, 1982б, с. 122; ср.: Велиханова, 1986, с. 17–29), не будем настаивать на столь ранней датировке (хотя она вовсе не противоречит тому, что известно о руси того времени), оставаясь в рамках максимально достоверного, и констатируем, что Ибн Хордадбег зафиксировал торговое присутствие руси на византийских, хазарских и арабских территориях не позднее 80-х гг. IX в.

Интерпретация его замечательного свидетельства сопряжена с источниковедческими сложностями. Главная из них состоит в том, что фрагмент о «русских» купцах представляет собой явную интерполяцию, разрывающую на две части повествование о международных путях еврейских купцов (о которых нам придётся ещё говорить). Однако ясно и другое. Поскольку использовавший труд Ибн Хордадбега (быть может, в более полном виде, чем он дошел до нас) или/и общую с ним основу Ибн ал-Факих включил в своё сочинение «Книга стран» («*Kitāb al-buldān*») аналогичный текст, то эта вставка либо была сделана самим Ибн Хордадбегом, либо содержалась уже в его общем с Ибн ал-Факихом источнике. Как и у Ибн Хордадбега, у Ибн ал-Факиха о путях «русских» купцов (он называет их, правда, «славянскими») также говорится в связи с путями еврейских торговцев, описание которых сильно сокращено – и только поэтому изложение выглядит более стройным. Для нас не столь уж важен вопрос, какой из двух, существенно отличающихся друг от друга, вариантов в целом ближе к первооснове. В любом случае, коль скоро Ибн ал-Факих работал в самом начале X в., около 903 г. (Lewicki 2/1, s. 10), его данные имеют для нашей темы также и самостоятельное значение. Приведём их: «Что же касается купцов славян, то они везут шкурки лисиц и зайцев из окраин [земель] славян и приходят к морю Румийскому, и взымает с них десятину владетель Рума. Затем прибывают по морю к Самкарш иудеев (*Samkarš al-Jahūd*)³¹, затем переходят к славянам; или следуют от Славянского (Балтийского. – А.Н.) моря в ту реку, которая зовется Славянской рекой (*baḥr aṣ-Ṣaḳāliba*)³², пока не достигнут Хамлиджа хазар³³, и берёт с них десятину властитель хазар»; затем они следуют в Каспий, на берегах

которого торгуют (*Ibn al-Fak.*, p.270–271; *Lewicki 2/1*, s.28–29; Новосельцев, 1965, с.292; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с.35).

[31 Во всех списках читается *Samkūš*, но вследствие графической близости в арабском *r* и *w* (*ū*) общепринята конъектура *Samkarš*, обеспечивающая сопоставление с *S-m-k-rš* из ответа хазарского кагана Иосифа кордовскому визирю Хасдаю Ибн Шафруту (около 960 г.) (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 204), которую, как правило, отождествляют с Тматороканью, а не с Керчью, ибо последняя названа у Иосифа непосредственно рядом в форме *K-rš*].

[32 Эту «Славянскую реку» то идентифицируют как Волгу или Дон (испорченное название реки у Ибн Хордадбеха даёт повод прочесть его как Танис, то есть Танаис Дон), то считают неким виртуальным гидронимом на учёной ментальной карте арабских географов, который вобрал в себя различные данные о водных путях славянского хинтерланда Восточной Европы (Калинина, Коновалова, 2007, с. 120–124, 158–163).].

[33 Предпочитаем в данном случае перевод Т.Левицкого и Н.Велихановой переводам В.В.Розена (которому следу-ет А.П.Новосельцев) и Т.М.Калининой, где говорится о «заливе / проливе хазар». В рукописях сочинения Ибн алФакиха в самом деле читается *ḥalīḡ al-Ḥazar* «залив (пролив) хазар», как и в Оксфордском списке труда Ибн Хордадбеха; но в Венском списке находим графически крайне близкий вариант *Ḥamliḡ al-Ḥazar*, то есть название хазарской столицы Хамлиджа (в другом написании – Хамлыха). Вслед за М. де Гве, принявшим это последнее чтение в качестве основного, такая трактовка закрепилась в науке, в том числе и среди тех исследователей, которые применительно к Ибн ал-Факиху предпочитают рукописное чтение, а не естественную, казалось бы, конъектуру, следующую написанию Венского списка (*Lewicki 2/1*, s.85, *przur.* 197). Нам видится в этом противоречие. Хамлидж (Хамлых) – более раннее название Итиля, столицы Хазарии, или, возможно, только восточной её части (Новосельцев, 1990, с.129–130).]

Текстуальная близость обоих фрагментов вне сомнения. Очевидно, надо положиться на Ибн Хордадбеха в том, что речь идёт именно о «русских», а не о «славянских» купцах (*Lewicki 2/1*, s.81, *przur.* 186). В целом отождествление руси (*ar-Rūs*) и славян (*aṣ-Ṣaqāliba*) совершенно не свойственно арабской историко-этнографической традиции, для которой, напротив, типично их строгое разграничение; надо думать, именно поэтому Ибн ал-Факих постарался устранить это противоречие. В таком случае уникальное суждение Ибн Хордадбеха должно было иметь свою причину. Чаще всего её видят в отмеченном самим географом славяноязычии приходивших в Багдад «русских» купцов (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с.31, примеч. 49). По всей вероятности, так оно и есть, но странно, что Ибн Хордадбех, в отличие от Ибн ал-Факиха, не испытал здесь никакого преткновения. Это было бы понятнее, если бы информация о «русских» купцах оформилась и была записана, действительно, достаточно рано, в 30–40-е гг. IX в., когда свойственный арабской этногеографической литературе комплекс знаний о руси как особом народе ещё не сложился. Термин «Румийское море» (*baḥr ar-Rūm*), помимо занимающего нас фрагмента, встречается у Ибн Хордадбеха четырежды, хотя и в одном контексте – разделе об истоках рек, и обозначает там Средиземное море (*Ibn Khord.*, p. 176–177; Ибн Хорд., с. 137 §79), как и обычно у средневековых арабо-персидских географов (*Dunlop*, 1960, p.934–936). В свою очередь, Чёрное море всегда именуется «Хазарским» (*Ibn Khord.*, p. 103–105, 156; Ибн Хорд.,

с.97–98, §55в; 125, §75). Возникает впечатление, что, согласно Ибн Хордадбеку, «русские» купцы торговали и платили десятину «властителю Рума» в самом Константинополе или его окрестностях. Но в таком случае маршрут, описанный Ибн ал-Факихом («затем прибывают по морю в Самкарш иудеев»), оказывается не слишком логичным; трудно избавиться от подозрения, что именно желание избежать этого неудобства побуждало некоторых комментаторов приводить «русские» корабли в Константинополь через Балтику, Атлантику и Средиземное море (Lewicki 2/1, p.82, рзур. 190). Вряд ли такое предположение можно признать удачным. Похоже, всё-таки речь идет о торговле на крымском побережье в его византийской части – прежде всего, в Херсонесе. (Это, разумеется, не означает, что торговые корабли руси в IX в. не могли достигать Царьграда или византийских городов на южном побережье Чёрного моря³⁴.) На территории Халифата «русские» купцы платили джизью – особый подушный налог, взимаемый с торговцев тех стран, которым арабские власти оказывали покровительство; остальным надо было платить ту самую десятину с везомого товара, о какой идёт речь применительно к византийской и хазарской территориям, а она была больше (Hrbek, 1968, p. 563–566). Ибн Хордадбех даже поясняет, почему руси оказывалось такое покровительство: потому что «говорят они, что они – христиане».

Нередко это замечание понимают так, что лукавые пришельцы выдавали себя за христиан в целях выгоды, но нам трудно представить себе наивных таможенников, которые бы руководствовались исключительно признаниями корыстолюбивых купцов; если бы это было так, то вряд ли бы кто-либо вообще платил торговую десятину. Думается всё же, что у мытников Халифата существовал перечень мусульманских и христианских народов и стран, и со всеми, кто не входил в него, обходились как с язычниками. Если так, то сообщение Ибн Хордадбека о «русских» купцах пришлось бы отнести ко времени не ранее примерно 870 г., когда образование в прото-Руси епархии Константинопольского патриархата было принято в Халифате к сведению в качестве официального факта. И это – ещё один повод датировать информацию Ибн Хордадбека о руси в целом ближе к концу жизни последнего. Чем же объяснить наличие в этой информации признаков как раннего, так и позднего её происхождения? Очевидно, компилятивным её характером (однако этапы такой предполагаемой компиляции, разумеется, никак не были бы связаны с созданием редакций, также гипотетических, 846/847 и 885/886 гг.) (Новосельцев, 1982 б, с.126); не исключаем, что финал фрагмента («русские» торговцы в Багдаде), отсутствовавший в том списке «Книги стран» Ибн Хордадбека, который был в распоряжении Ибн ал-Факиха, или в их общем источнике, составляет добавление, сделанное на самой завершающей стадии труда на основе личного опыта, тогда как основную часть «русского» фрагмента Ибн Хордадбех позаимствовал из какого-то существенно более раннего источника, характерной чертой которого было специфическое название Чёрного моря «Румийским»³⁵.

Примерно одновременно уникальному упоминанию о «русских» купцах в Багдаде (если датировать его последней четвертью IX в.) свидетельство об их присутствии на другом конце экумены – в Баварском Подунавье (рис.2; 3). Памятник, который мы имеем в виду, в единственном сохранившемся списке середины XIII в. заглавия не имеет, а в науке получил условное название «Раффельштеттенского таможенного устава»³⁶, которое не раз вводило прибежавших к этому тексту историков в заблуждение. Поэтому сразу заметим, что речь идёт о мытном уставе не города

Раффельштеттена (в нынешней Австрии), а всей Восточной Баварии (собственно Восточной марки и прилегавшему к ней с запада Траунгау – области по реке Траун, правому притоку Дуная), то есть территорий, подвластных с 870-х гг. маркграфу Ар(и)бону; в Раффельштеттене же всего лишь состоялось в 904/906 г. собрание восточнобаварских «судей» (*iudices*), на котором, в присутствии эмиссаров восточнофранкского короля Людовика IV Дитяти (900–911), устав был принят. В прелиминарной части этого небольшого по объёму документа зафиксированные в нём нормы квалифицируются как восстановление справедливых пошлин, существовавших во времена королей Людовика II Немецкого (840–876) и Карломана (876–880) – прадеда и деда Людовика IV, тогда как после них наступили те злоупотребления, против которых и направлена кодификация старых норм. В «Раффельштеттенском уставе» регламентируется торговля, прежде всего, солью, по Дунаю на обширном пространстве от Пассау до Маутерна, но наиболее подробен текст в отношении рынка в городе Линц (центре Траунгау) и прилегающих территорий. Среди установлений есть и такое: «Славяне (*Sclavi*) же, отправляющиеся для торговли от руси (*de Rugis*) или от чехов (*de Boemanis*), если расположатся для торговли в каком-либо месте на берегу Дуная или в каком-либо месте у реки Родль (*in Rotalariais*) или в Ридмархе (*in Reodariis*), с каждого вьюка воска [платят] две меры стоимостью в один скот (*scoti*) каждая, с груза одного носильщика – одну меру той же стоимости; если же пожелают продать рабов или лошадей, за каждую рабыню [пошлина] – одна тремисса, столько же – за жеребца, за раба – одна сайга, столько же – за кобылу. Баварам же и славянам из сей страны («*istius patrie*»), покупающим и продающим здесь, платить ничего не требуется» (*Tel. Raff. VI, p.251*; Назаренко, 1993, с.64–66; с мелкими поправками этот русский перевод фрагмента и ближайшего контекста см. также: Назаренко, 2010, с.32–35). В историографии с давних пор справедливо господствует мнение, что в ругах-*Rugi* «Устава» следует видеть русь; оно было высказано ещё классиками немецкой науки (*Dümmler 3, S.533, Anm.1*; *Waitz, 1885, S.72, Anm.4*) и прочно закрепилось не только в общих трудах, но и в работах специалистов (*Ganshof, 1966, p. 214–215*; *Harder, 1978, S.409, Anm. 10*; *Dopsch, 1995, Sp.397*; и др.).

Оно основано, прежде всего, на том, что латинский этноним *Rugi*, служивший в позднеантичных и раннесредневековых источниках для обозначения восточногерманского народа ругов, в целом ряде текстов X–XII вв., главным образом немецкого происхождения (см. их обзор: Ловмянский, 1971, с.42–53; Назаренко, 2001, с.46), применялся к руси. С этим ключевым обстоятельством, странным образом, совсем не считаются сторонники альтернативной точки зрения, согласно которой *Rugi* «Устава» – это славянское население древнего *Rugiland'a* на Дунае, то есть области расселения германских ругов в третьей четверти V в. Обосновать её на материале источников попытался австрийский медиевист Э.Цёлльнер (*Zöllner, 1952, S. 108–119*), но сделать этого ему не удалось (см. подробный разбор его аргументации: Назаренко, 1993, с.84–86; 2001, с.83–85). Однако тезис Э.Цёлльнера был подхвачен этнологами и археологами, а для «ругов» из «Раффельштеттенского устава» даже предложена конкретная идентификация – славянское население с центром в городище Гарс-Тунау (*Gars-Thunau*, на северном берегу Дуная, в бассейне реки Камп) (*Wolfram, 1985, S. 123–124, Anm. 135*; *Herrmann, 1985, S.44–45*; *Tatzreiter, 1991, S.207–208*). Следить за построениями такого рода бывает поучительно, ибо они наглядно показывают, насколько роковым для историка бывает утрата широты кругозора, часто сопутствуемая нечувствительностью к какому бы то ни было источниковедению. Ведь для сомнений в традиционной интерпретации был только

один мотив – кабинетное недоумение, как могли «русские» купцы в конце IX – начале X в. забираться так далеко? А для того, чтобы убедиться в несостоятельности предлагаемой альтернативной схемы, достаточно было просто ознакомиться с текстом источника. Ведь древний *Rugiland* почти целиком (включая и Гарс-Тунау) помещается в пределах тех восточнобаварских территорий, для которых издан «*Раффельштеттенский устав*», а это значит, что славяне из этого *Rugiland'a* попадали бы в категорию «баваров и славян из сей страны» (Назаренко, 1993, с.78–79, примеч. 28), отнюдь не плативших никаких пошлин. Есть у этой гипотезы и другие внутренние трудности (Назаренко, 2001, с.86–88). И напротив, сам текст содержит детали, которые красноречиво свидетельствуют в пользу идентификации *Rugi* = Русь. Если вернуться к процитированному фрагменту, то сразу же возникает вопрос, почему торговля купцов «от ругов» и «от чехов» концентрируется преимущественно в бассейне Родля и в Ридмархе, то есть в области на северном берегу Дуная, между его притоками Гроссе-Мюль на западе и Айтсом – на востоке (см. рис.3). В отношении чешских торговцев это понятно: коммуникации через Чешский лес (Шумау) выходили именно сюда, но зачем было идти так далеко на запад славянам из Гарс-Тунау, когда у них под боком был свой законный рынок – в Маутерне, который и фигурирует в «Уставе»? Выходит, купцы «от ругов» являлись в Баварское Подунавье вместе с чешскими, а это как нельзя лучше подходит к «русским» купцам, которые полвека спустя отмечены в Праге самовидцем Ибрагимом ибн Якубом (Йа'кубом) (его рассказ дошёл в составе сочинения XI в. ал-Бакри: Куник, Розен, 1878, с.49; *Ibr. Ja'k.*, p.49, 146; *al-Bakri*, p.333; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с.79).

Любопытно, что один из притоков Гроссе-Мюль ещё в документах XII в. носил два конкурировавших названия – «Русской» (*Rûzische Muchel*) и «Чешской Мюль» (*Böhmische Mühl*) (Назаренко, 1984, с. 108–110), что можно рассматривать как прямую гидронимическую иллюстрацию к данным «*Раффельштеттенского устава*». Есть в «Уставе» и латентная, подспудная информация о руси. Будучи расшифрована, она не только служит ещё одним, почти избыточным, доказательством тождества «ругов» «Устава» и руси, но и проливает яркий свет на роль Руси в международной торговле IX в.

Обратим внимание на одну необычную деталь денежно-весового счёта, употребляемого в «Уставе». Наряду с хорошо известными денежно-весовыми единицами, вроде солида, его трети – тремиссы или сайги (баварская весовая единица в 1/48 фунта, соответствующая скандинавскому эртугу), дважды упоминается некий скот. Первые три – обозначения стоимостей, обычных для раннесредневековых источников из южнонемецкого ареала; в них, например, разверстаны пени в «Алеманнской» и «Баварской правдах». Этого нельзя сказать о скоте, который впервые упоминается именно в «*Раффельштеттенском уставе*» и позднее фиксируется источниками как специфически восточнобаварская денежная единица. Если стоимость скота известна (1,5 франкских денария), то его название и метрологический смысл совершенно загадочны – настолько, что авторы новейшего «*Handbuch der germanischen Altertumskunde*» не нашлись, что написать о нём, хотя в остальном материал о германской денежно-весовой системе представлен в этой энциклопедии во всех подробностях. Между тем, как удаётся выяснить (подробнее об этой стороне дела см.: Назаренко, 2001, с. 131–156), у восточнобаварского скота оказывается одно (и только одно!) точное метрологическое соответствие –

древнерусская ногата: скот является 1/20 баварского солида (в 30 франкских денариев), тогда как ногата – 1/20 гривны «Русской правды».

Поскольку последняя, составляя 1/8 фунта в 408 г, равна баварскому солиду (конечно, неслучайно: оба соответствовали стоимости в серебре стандартного золотого – позднеримского солида, византийской номисмы и арабского динара), то скот оказывается тождествен ногате. Мало того, этот древнерусский двойник способен, что важно, объяснить и название баварской денежной единицы. Др.-бав. *scoti* естественно было бы рассматривать как извод др.-герм. **skatt*- «название серебряной монеты» (др.-англ. *sceatt*, др.-сканд. *skattr* и др.), но возникнуть на южнонемецкой почве он не мог, так как др.-герм. **skatt*- дало здесь др.-бав. *scaz* (ср. соврем. нем. *Schatz*). Следовательно, имело место посредство какого-то другого языка. На роль такого посредника идеально подходит восточнославянский, обеспечивающий как сохранение непередвинутого *t*, так и переход герм. *o* > слав. *a*: др.-сканд. *skattr* > (вост.-)слав. *skotъ* > др.-бав. *scot-* (*-i* – это окончание *nominativus singularis*)³⁷.

[³⁷ Таким образом, др.-русск. *скотъ* «деньги вообще» первоначально, очевидно, имело более специфическое значение «серебряная монета, дирхем» и только позднее, особенно со второй трети X в., когда стандартный вес дирхема (2,9 г) сильно расшатался, монеты нормативного веса стали именовать заимствованным из арабского словом *ногата* (< араб. *naḡd* «полноценная, отборная монета»). Что показательно, слав. *skotъ* имеет значение «деньги» только в древнерусском языке; откуда, между прочим, хорошо видно, насколько неверна популярная этимология др.-русск. *скотъ* «деньги»←*скотъ* «домашние животные», хотя она и опирается на почтенную аналогию: лат. *rescipia* «деньги»←*rescis* «скот»; будь такая этимология справедлива, она должна была бы, конечно же, носить общеславянский характер.]

Из сказанного со всей непреложностью вытекает неожиданный вывод: как восточнобаварский скот в качестве специфической фракции солида, так и его название явились заимствованиями из денежно-весовой системы и лексикона «русских» купцов, тогда как эти система и лексикон сами стали результатом интерференции арабского, византийского и западного культурных влияний в области международной торговли; подобная интерференция оказалась возможной только благодаря географически столь широкой торговой активности руси IX в.

Менее всего может смутить характеристика *Rugi* руси в «Уставе» как славян; она вполне аналогична характеристике Ибн Хордадбеха (только у последнего русь – разновидность славян, а в «Уставе», напротив, славяне представляют какую-то русь) и, надо полагать, имеет ту же причину: торговцы пользовались знакомым им славянским языком, потому что он был известен как в Багдаде, так и, тем более, в Баварском Подунавье, бóльшую часть населения которого в ту пору составляли славяне. Роль славянского как *lingua franca* в Центральной Европе подчёркивал в 965/966 г. Ибрагим ибн Якуб (Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 81). Эти наблюдения, изложенные здесь по необходимости лишь эскизно, убеждают в том, что проникновение «русских» купцов в Восточную Баварию нельзя отнести к моменту, непосредственно предшествовавшему кодификации «Раффельштеттенского устава», то есть к рубежу IX–X вв. Оно должно было состояться заметно раньше, так как для описанных заимствований требовалось время. Тем самым, остаётся только согласиться с уверением самого источника, что зафиксированные в нём нормы относятся к середине – второй половине IX столетия. В качестве подкрепления

такого заключения можно привести наиболее ранний пример из череды баварских и австрийских топонимов, производных от этнонима русь (вроде уже упоминавшейся *Rûzische Michel*), которые были собраны и проанализированы нами в отдельной работе (Назаренко, 1984, с.86–129). В одной из грамот восточнофранкского короля Людовика II Немецкого от 862/863 г. (сохранившейся, заметим, в оригинале) при описании владений баварского (Нижне-)Альтайхского монастыря (*Nieder-Altai*) в Восточной марке упоминается и населённый пункт под названием *Ruzaramarcha* (*DD Lud. Germ. Nr. 109*; Назаренко, 1993, с.53–54, где и подробный комментарий, к которому отсылаем за деталями).

Как удаётся показать (Назаренко, 1980, с.47–50; Назаренко, 2001, с. 15–21), первая часть этого композита³⁸ является *genetivus pluralis* от редкого древневерхненемецкого варианта имени русин – *Rûzâri*, латинизированной формой которого поименованы пресловутые *Ruzarii* «купцы, торгующие на Руси» из грамоты австрийского и штирийского герцога Оттокара (Отакара) V от 1192 г. (*UB Bab.Nr. 86*, р. 118; Назаренко, 2010, с.294), вошедшие в отечественную историографию под курьёзным именем «русариев / рузариев».

[38 Вторая часть (-*marcha*) является крайне распространённым в древневерхненемецком языке топонимическим формантом, служащим для обозначения мелкой территориальной единицы вроде сельской общины].

Ruzaramarcha – Русская марка³⁹ – располагалась на правом, южном, берегу Дуная, несколько восточнее той территории, которая отводилась для торговли «русским» и чешским купцам в «*Раффельштеттенском уставе*» (подробнее о локализации см.: Назаренко, 2003, с.51–56, где и карта). Здесь для кораблей, плывущих вверх по Дунаю, начиналась несудоходная Грайнская быстрина (*Grainer Strudel*), которую обходили берегом, из-за чего в этом месте товары перегружались на возы или, наоборот, грузились на корабли, плывущие в сторону Моравии («моравский рынок» – «*mercatus Marahorum*» – упоминается в «Уставе»); быть может, в связи с этим обстоятельством и возникло название.

[39 Её отнюдь не следует смешивать с Русской маркой (*marchia Ruthenorum*) – названием области на территории средневековой Венгрии, упоминаемом в первой половине XII в. в «Житии зальцбургского архиепископа Конрада» (*Vita Chonr. 18*, р.74), как то сделал, идя по следам наших разысканий, О. Прицак (*Pritsak, 1986*, р.50–51).]

Отсюда заключаем, что в середине IX в. «русские» торговцы приходили в Восточнобаварское Подунавье не только с севера, через перевалы Шумавы, как во времена «*Раффельштеттенского устава*», а и по Дунаю с востока, тогда как северный путь из прото-Праги возобладал, очевидно, в конце столетия, с возникновением венгерской опасности. Что же влекло сюда купцов из Восточной Европы? Ответ, в общем, очевиден: Баварская восточная марка была одним из перевалочных пунктов трансконтинентальной транзитной торговли, прежде всего, работоторговли. В «*Диденхофенском капитулярии*» Карла Великого (768–814) от 805 г. находившийся неподалёку от Линца Лорх (*Lauriasum*) назван в качестве одного из торгово-административных центров, которые регулировали связи со славяно-аварской периферией (*Sap.Theod. 7*, р. 123). Отсюда дороги вели прямоком на рынки Венеции, с одной стороны, и Южной Франции (Арль) – с другой (Назаренко, 1990, с. 121–136; 2001, с.81, 94–98). Раннесредневековая работоторговля в Европе находилась

практически исключительно в руках еврейских купцов. Что делали в Баварской восточной марке еврейские торговцы (*Iudei*), которых «Раффельштеттенский устав» упоминает в последней рубрике среди купцов *ex professo*? Закупали именно рабов (*Tel.Raff.* 9, p.252; Назаренко, 1993, с. 64, 67) – несомненно, в том числе и тех, которых, как сообщает тот же источник, привозили и «русские» купцы; для последних славянские невольники были одним из главных предметов экспорта, по почти единодушному свидетельству также и восточных авторов. Единственный источник, который очерчивает весь упомянутый трансконтинентальный путь в целом, – «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега. В ней он описан, что характерно, как один из маршрутов еврейских купцов *ar-Rādhāniyūa* 40. Описание сделано из перспективы наблюдателя, живущего в Халифате, которого по понятным причинам более всего интересовали начало и окончание пути, находившиеся на землях, подвластных арабам, и неудивительно, что русь при этом не названа. Тем не менее логика нашего изложения требует здесь небольшой цитаты. Кроме подробно описанного морского пути, еврейские купцы пользуются также двумя по суше; начало их – в Испании Омеядов или Франкском государстве, причём один из них идёт по Северной Африке до Багдада и Басры и далее вплоть до Китая, а другой пролегает «по ту сторону Румийи, в страну славян, затем в Хамлидж – главный город хазар, далее по морю Джурджан (Каспийскому. – А.Н.), затем в Балх (на севере современного Афганистана. – А.Н.) и Маверранахр (междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. – А.Н.)» и далее снова в Китай (*Ibn Khord.*, p. 154–155; Ибн Хорд., с. 124. §73г; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с.31–32). Выражение «по ту сторону Румийи» комментаторы понимают то как «севернее Рима (Италии)» (*Lewicki* 1, p. 77), то как «севернее Византии» (Калинина, 1986, с.72); проверка словоупотребления Ибн Хордадбега показывает безусловную правоту Т.Ле вицкого⁴¹. Ещё одна сложность обусловлена разночтениями списков: варианту *Rūtiya* Оксфордской рукописи в данном месте соответствует *Arminiya* (Армения) Венской, что дало повод для гипотезы, которая отправляет *ar-Rādhāniyūa* из Дамаска или Багдада через Кавказский хребет в «страну славян», оттуда в Хамлидж и т.д. (Калинина, 1986, с.78–79; 1994, с.217; в последней работе исследовательница, похоже, отказалась от своего предположения: Калинина, 2010, с.35, но оно получило тем временем хождение). Гипотеза опирается на географическое распределение кладов куфического серебра североафриканской чеканки в первый период распространения дирхема в Восточной Европе (первая треть IX в.). Хотя наличие транскавказских торговых коммуникаций в то время вне сомнения, но это вовсе не значит, что они обеспечивались непременно еврейскими купцами; монетное серебро могло попадать в области к северу от Кавказа и помимо них. Не говорим уже о том, что маршрут из Сирии или Ирака в Среднюю Азию не только через хазарский Хамлидж, но ещё и через «страну славян» представлял бы собой огромный и малопонятный крюк (Назаренко, 2001, с. 99–100). Таким образом, выбор, сделанный в своё время М.И. де Гуге, который предпочёл чтение Оксфордского списка в качестве основного, думаем, остаётся по-прежнему в силе. Итак, свидетельство Ибн Хордадбега даёт возможность с известной уверенностью говорить о существовании, по крайней мере, в последней четверти IX в. транзитного торгового маршрута, который связывал рынки Западного Средиземноморья с хазарскими и среднеазиатскими рынками через славянский массив Центральной и Восточной Европы.

Досадная топографическая неопределённость географа как раз относительно этого последнего, наиболее интересного для нас, отрезка пути отчасти компенсируется

позднейшим аналогичным, но более конкретным описанием того же маршрута в послании кордовского министра Хасдая ибн Шафрута к хазарскому кагану Иосифу (около 955 г.). Когда Хасдай, еврей по происхождению, узнал о существовании иудаизированной державы на востоке, то стал искать способ отправить к её правителю письмо. Его еврейские информанты, «посланцы царя Г-б-лим'ов», то есть, вероятно, чехов⁴², ответили ему: «Дай нам твои письма, и мы отправим их царю Г-б-лим'ов, а он <...> пошлёт твоё письмо к израильтянам, живущим в стране Х-н-г-рин (Венгрии. – А.Н.), точно так же [те] перешлют его в страну Рус и оттуда в [страну] Б-л-гар (Волжскую Булгарию. – А.Н.), пока не придёт твоё письмо <...> в то место, куда ты пожелаешь» (Коковцов, 1932, с.16, 65–66; см. также: Голб, Прицак, 1997, с.114–117). Хотя Бавария в тексте не названа, это не мешает принять его как одно из первых указаний (наряду с «Раффельштеттенским уставом» и запиской Ибрагима ибн Якуба) на существование торгового пути между Киевом, Прагой и далее Баварским Подунавьем (в частности, Регенсбургом), который хорошо отложился в более поздних источниках и, после выхода в свет классической работы В.Г.Васильевского (1888, с. 121–151) о торговле Киева с Регенсбургом, стал хрестоматийным в историографии, причём не только отечественной (статья В.Г.Васильевского в 1905 г. была переиздана по-немецки). Однако такая затвержённость отнюдь не имела следствием исследовательское внимание к этому замечательному феномену, изучение которого оказалось продолжено только век спустя (Назаренко, 1993, с. 121–136; 1994, с.20–61; 2001, с.71–112).

Таким образом, данные из послания Хасдая ибн Шафрута, явно изоморфные более неопределённому свидетельству Ибн Хордадбеха, которое хронологически близко к ситуации, зафиксированной в «Раффельштеттенском уставе», могут служить достаточно серьёзным основанием для реконструкции того пути, каким приходили на Средний Дунай «славяне от ругов» «Устава» – может быть, с той поправкой, что на рубеже IX–X вв. вместо венгерского (ранее – великоморавского) участка пути начал активнее функционировать обходный маршрут через Верхнее Повисленье (Краков). Если положиться также на косвенное показание грамоты Людовика Немецкого от 862/863 г., то начало торгового проникновения руси в Баварское Подунавье позволительно будет отодвинуть, как минимум, до 840–850-х гг. или даже несколько более раннего времени, учитывая неизбежный хронологический зазор между возникновением топонима и его фиксацией в документе.

Вооружённые этим результатом, вернёмся к вопросу о локализации «народа Rhos» «Бертинских анналов» и о том пути, каким они намеревались вернуться на родину из державы франков. Понятно, что вопрос, в сущности, один, и в историографии, как правило, тот или иной ответ на первую его часть предопределяет ответ на вторую. Логика предшествующих рассуждений подводит нас к перемене полюсов в подобных заключениях. Впрочем, толку от этого немного. Конечно, если «русские» послы имели в виду путь по Балтике, то такая посылка в принципе согласуется с любой локализацией их исходного пункта в пределах Восточной Европы (от крайнего северо-запада до Среднего Поднепровья). Но ведь, как известно, послы и купцы шествовали одними путями, более того – купцы зачастую и бывали послами. И если подразумевался внутриконтинентальный маршрут, то локализация руси 830-х гг. в Среднем Поднепровье становится наиболее естественной. Другое дело, что возможность такого маршрута не делает его единственно возможным... В то же

время существующие попытки подкрепить аргументами именно «балтийский» вариант тоже мало что доказывают 43.

[43 Как возможное доказательство Дж. Шепард приводит находки византийских артефактов времени императора Феофила в прибалтийских землях. Речь идёт о семи монетах, чеканенных при Феофиле (рис. 1; 4), обнаруженных в Хедебю (1), Бирке (3), Северной Швеции (Онгерманланде) (1) и на Рюриковом городище (1) (Shepard, 1995б, р.48–52); к этому списку следует добавить золотой Феофила из Гнёздова. Однако было бы неосторожно усматривать в такого рода находках непременно следы богатств, привезённых из Константинополя послами «народа Rhos», ведь в шести из семи случаев мы имеем дело с медными монетами (фоллами), тогда как в подарок послам вручались, как правило, серебряные милиарисии. Более информативна находка в 1966 г. в Хедебю византийской свинцовой печати, которую В.Лоран по сигиллографическим признакам датировал примерно второй четвертью IX в. (Laurent 2.Nr. 695). Судя по надписи, печать принадлежала «патрикию Феодосию, императорскому протоспафарию и хартулярию вестиярия». Предположение В.Лорана, что этот патрикий Феодосий тождествен патрикию Феодосию Вавуцику, возглавившему византийское посольство к франкам в 840–842 гг. (Gen., р.50; Theoph. Cont.III, 37, р. 135; Ann. Bert., а. 842, р. 28; RI 1. Nr. 1092), детально развил Дж.Шепард (Shepard, 1995б, р.55–60). Английский историк приводит достаточно убедительные соображения в подкрепление гипотезы, что Феодосий вёл какие-то переговоры с предводителями викингов (возможно, с датским конунгом Хориком, который поддерживал тесные отношения с императором Людовиком Благочестивым в последние годы его правления) относительно организации военных экспедиций против арабов; на эту мысль византийские власти могла, по Дж. Шепарду, привести информация, полученная от «русских» послов в 838 г. Вполне возможно – но в таком случае дары, полученные датскими контрагентами Феодосия в ходе переговоров, также могли стать источником появления в Прибалтике монет Феофиловой чеканки.]

Более того, вспомним, что Людовик I, в случае если послы Rhos были бы сочтены лазутчиками, собирался отправить их назад к Феофилу; поскольку о результатах разбирательства при франкском дворе «Бертинские анналы» ничего не сообщают, то неясно, воспользовались ли «русские» послы вообще каким-либо из двух альтернативных маршрутов. Видимо, надо смириться с тем, что источники не дают оснований для разрешения дилеммы. Остаётся исходить из тех косвенных указаний, какие можно извлечь из источников о вероятном местонахождении резиденции кагана руси IX в.

Арабо-персидская этно-географическая литература, рисуя столь развёрнутую картину повседневного, хозяйственного и политического быта ar-Rūs /ar-Rūsiyya в отношении её местоположения не вносит, увы, никакой ясности – более того, задаёт новые загадки. Оставляем здесь в стороне тексты, воспроизводящие традицию о трёх «группах» руси с центрами в Куйабе, Славии и Арсанийи, так как она впервые фиксируется у ал-Истахри, работавшего в 930-е гг., тогда как труд его, под традиционным названием «Книга путей и стран», дошёл вообще в редакции около 950 г.; хотя ал-Истахри в данном случае, вполне вероятно, воспроизвёл данные ал-Балхи, но и последний создал свои «Картины климатов» лишь немногим ранее – около 920 г. (Новосельцев, 1965, с.313–314; Коновалова, 1999, с.216). Поэтому сведения о троякой Руси могут относиться уже ко времени после захвата Киева Олегом («цари» руси сидят только в Куйабе и Арсанийи, в Славии его нет; кагана руси эта традиция не

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

знает) (*al-Ist.*, p.225–226; Новосельцев, 1965, с.316; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с.85–86).

По этой же причине не рассматриваем и знаменитый колоритный рассказ о «русских» купцах из «Записки» Ибн Фадлана, которая представляет собой отчёт о посольской поездке автора в Волжскую Булгарию в 921–922 гг., тем более, что никакой информации по интересующему нас вопросу мы там не найдём: откуда приплывали в Булгар на своих кораблях «русские» торговцы, наблюдательный араб не сообщает (Ковалевский, 1956, с.141–146; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с.67–77).

Если обратиться к сведениям Ибн Русте и другим, более поздним, авторам, опирающимся на «Анонимную записку» конца IX в. или, по другой гипотезе, на несохранившуюся часть полной версии труда Ибн Хордадбега, то они помещают русь (*ar-Rūsīya*) и её кагана на некоем «острове, окружённом озером. Остров, на котором они живут, протяжённостью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как она трясётся из-за обилия влаги»; эта-то русь и возглавляется каганом (*Ibn Rust.*, p.154; Новосельцев, 1965, с.303; Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S.81; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с.47–48). У более поздних авторов, использовавших тот же источник, например, у писавшего по-персидски Гардизи (середина XI в.), «остров» руси помещён в море, а не в озере, и добавлены (или сохранены?) указания на численность руси – сто тысяч человек (*Gard.*, p.277; Новосельцев, 1965, с.305; Göckenjahn, Zimonyi, 2001, S.180; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с.58).

«Остров» руси – как и третья группа руси с центром в Арсанийи – издавна представляет собой *stich interpretum*. Очевидно, что его описание – плод гиперболизации: сто тысяч человек не могут жить на болоте, которое служило бы странным местопребыванием для кагана, да и остров в три дня пути (около 100км) в поперечнике не поместился бы ни на одном из озёр Восточной Европы. Не исключаем, что именно поэтому Гардизи, переводя арабский рассказ на персидский язык, предпочёл перевод «море». Похоже, что мы имеем дело с соединением устных рассказов, в которых многое не только преувеличено, но и недопонято 44, а также, весьма возможно, пропущено через призму учёной традиции – например, библейской об «островах народов» по краю экумены (Петрухин, 2001 а, с. 134). Если к этому добавить, что араб. *jazīra* значит не только «остров», но и «полуостров», равно как и вообще «место в окружении вод» (в частности, междуречье), то, как следствие, обречены остаться гадательными всякие попытки указать «острову» руси конкретное место на карте Восточной Европы, вникать во всё разнообразие которых здесь нет никакой возможности⁴⁵.

[45 См. неизбежно неполный, но дающий представление о разбросе мнений обзор: Коновалова, 2001б, с. 170– 171; дополним его только догадкой ориенталиста, что речь будто бы идёт о Готланде (*Togán*, 1939, S.229).]

К выводу о сводном характере рассказа об «острове» руси пришла И.Г.Коновалова (2001б, с. 169–189); исследовательница реконструирует ещё одну струю информации об «островной» руси, независимую от «среднеазиатской» (условно выражаясь) информации «Анонимной записки» (*mutatis mutandis* – Ибн Хордадбега / ал-Джайхани), характеризуя её как «средиземноморскую». Наиболее ранним из сохранившихся текстов этой «средиземноморской» традиции, в котором говорится об «острове»

руси, является Ибн Са'ид ал-Магриби (вторая половина XIII в.); описывая в своём географическом трактате «море Манитас» (Азовское), он замечает: «В нём есть острова, населённые русами, и поэтому его также называют морем русов. Русы в настоящее время исповедуют христианскую веру. На севере этого моря впадает река, текущая из огромного озера Туна (Дон. – А.Н.). На западном берегу этой реки лежит Русийа – главный город русов. Русы – многочисленный народ, выделяющийся своей силой среди храбрейших народов Аллаха» (Ibn Sa'īd, p.136; Коновалова, 2001б, с.179–180; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с.150–151). Через определение руси у ал-Бакри (XI в.) как «народа островного и корабельного», живущего по соседству с дунайскими болгарами и часто «спускающегося в море Нитас (Чёрное. – А.Н.)» (al-Bakrī 1, p.264; Калинина, Коновалова, Петрухин, 2009, с. 126; таким образом, ал-Бакри воспроизводит в разных местах своего сочинения обе традиции) и другие, еще более ранние, данные И. Г.Коновалова возводит «средиземноморскую» традицию также к IX в. и считает её сверстницей «среднеазиатской».

Такое заключение создаёт сильный соблазн с помощью топографически определённых сведений ал-Бакри и Ибн Са'ида привязать, наконец, к месту «плавающий» по просторам Восточной Европы «остров» руси Ибн Русте. Автор гипотезы квалифицирует такие попытки как методически некорректные (Коновалова, 2001б, с. 186), но нелегко понять почему, если, конечно, считать, что за обеими «островными» традициями так или иначе стоит историческая реальность. Другое дело, что любая «меотийская» локализация до-Олеговой Руси немедленно вступает в кричащее противоречие с обсуждавшимися выше сведениями византийских и латинских источников, которые заставляют помещать её существенно севернее (потому-то и приходится поставить крест на некогда популярных рассуждениях о некоей азово-причерноморской Руси IX в.). Наиболее естественным выходом из этой коллизии был бы, на наш взгляд, отказ от датировки «средиземноморской» традиции IX в.; её данные всё-таки лучше всего вписываются в историческую канву X столетия, эпоху Игоря или даже Владимира после крещения.

Взгляд историка, удручённый видом источниковедческих и историографических руин на месте некогда цветущей литературы об «острове» руси, ищет в источниках любых других указаний на местоположение руси IX в., управлявшейся каганом. В качестве одного из таких указаний в науке справедливо воспринимается факт заимствования у хазар титула правителя, которое предполагает не только политическое соперничество, но и определённую географическую близость – если не прямое соседство, то, самое меньшее, наличие даннической сферы, спорной между двумя каганами. Ясно, что среднеднепровская локализация в этом отношении сильно выигрывает. Древнерусское историческое предание, зафиксированное в начальной летописи, даже знает, что это была за сфера – северяне, радимичи, вятичи; правда, отмену хазарской дани с них летопись относит к эпохе киевских князей X в. Олега и Святослава, но это уже финал соперничества, которое, понятно, должно было начаться много раньше, в до-Олеговы времена. И напротив, крайне трудно понять, что могло побудить предводителя руси, размещавшейся где-нибудь в районе Ладоги или в Поволховье, прибегнуть к такой новации в титулатуре, которая в первой трети IX в., да и в позднейшее время, явно ничего не могла говорить окружающим его славяно-финским данникам.

Соседство руси и хазар в IX столетии – не только следствие умозаключений; в распоряжении науки давно есть вполне аутентичный текст, её подтверждающий.

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

Настало время добавить к числу южнонемецких источников, разобранных выше, ещё один – так называемый «Баварский географ» (рис.5). Это – совсем небольшой сухой перечень этнонимов, преимущественно славянских, как правило, с указанием количества «городов» (*urbes, civitates*), принадлежащих тому или иному народу; по мере удаления от франкских границ эти количества неумеренно возрастают и вряд ли заслуживают доверия. Известна единственная рукопись памятника⁴⁶, которая по палеографическим признакам датируется IX в. и квалифицируется как продукт скриптория монастыря Райхенау в Швабии⁴⁷ (на Боденском озере, у истоков Рейна) (Bischoff, 1960, S.262, Anm.3). Кодикологический анализ подтверждает такое заключение, но старания уточнить на его основе датировку – до 821 г. (Nový, 1968, S. 139–140), после 842/850 г. (Назаренко, 1993, с.8) – оказываются некорректными (Назаренко, 2001, с.57–58). Хронологические оценки, исходя из содержания текста, колеблются от рубежа VIII–IX вв. до середины – второй половины IX в. (после 844 г.), но для нашей темы они представляют косвенный интерес, так как относятся только к первой, меньшей, части памятника (где перечислены славянские племена, бывшие непосредственными восточными соседями Франкского государства), тогда как упоминание о руси и хазарах содержится во второй части, которая возникла явно отдельно от первой и была соединена с ней впоследствии. Есть основания связывать вторую часть с той информацией о славянах и вообще народах Центральной и Восточной Европы, которая аккумулировалась в 860-е гг. в ходе кирилло-мефодиевской миссии в Великой Моравии (Назаренко, 2001, с.51–70), да и само название памятника в рукописи – «Описание городов и областей на северном берегу Дуная» («*Descriptio regionum et civitatum ad septentrionalem plagam Danubii*») – выдаёт византиноцентричную перспективу и поначалу должно было, очевидно, составлять заглавие одной только второй части или её основы. Приведём фрагмент «Баварского географа» с упоминанием о руси (неидентифицируемые названия даны только в латинском оригинале): «*Velunzani, 70 городов, пруссы (Bruzi), во всех направлениях больше, чем от Энса до Рейна, Vuizzunbeire, хазары (Caziri), 100 городов, русь (Ruzzi), Forsderen liudi, Fresiti, Seravici, Lucolane, венгры (Ungare), висляне (Vuislane), сленжане (Sleenzane), 15 городов, лужичане (Lunsizi), 30 городов*» и т. д. (следует ещё несколько племён силезско-лужицкой локализации).

При всей неясности многих названий (за деталями отсылаем к подробному историко-лингвистическому комментарию: Назаренко, 1993, с.15–51), в целом заметно, что список расчленён на группы, в каждой из которых этники объединены по принципу соседства их носителей. Соседство венгров и вислян (на Верхней Висле, в районе Кракова) способно повести к предположению, что подразумеваются венгры уже после их переселения в Карпатскую котловину, что имело бы следствием необходимость отодвинуть создание «Баварского географа» на X в. Однако трудно себе представить, чтобы автор записки в её сводном виде соединил бы сведения о венграх X в. с данными о славянах, столетием более ранними. Кроме того, во второй части памятника присутствует этнонимическая номенклатура IX в., которая была «перекрыта» венграми с их приходом на Дунай – например, «восточные ободриты» (*Osterabtrezi*) (Ann. r.Fr., a. 824, p.165–166; Назаренко, 1993, с.22, примеч.18). О том же свидетельствует и молчание «Баварского географа» о печенегах. Приходится думать, что висляне открывают перечисление племён силезско-лужицкой группы (это было бы вполне естественно) и между ними и венграми в Ателькузу (так же, как между пруссами и хазарами) пролегает географическая цезура. Это заставляет привязывать и русь-Ruzzi, и малопонятные названия от *Forsderen* до *Lucolane* к

северопричерноморскому (в широком смысле) региону, помещая их, условно говоря, между хазарами на востоке и венграми на западе. Стало быть, и данные «Баварского географа» подводят нас к выводу о предпочтительности среднеднепровской локализации руси IX столетия.

Для полноты общей картины остаётся подчеркнуть, что сведения византийских источников о походе 860 г. в их сумме также не могут быть в полной мере согласованы с локализацией нападавших на крайнем северо-западе Восточной Европы. Главным препятствием здесь является, безусловно, указанная выше дневная дата появления «русского» флота под стенами Царьграда – 18 июня, коль скоро мы принимаем свидетельство «Брюссельской хроники». Она (дата), как мы видели, с точностью до нескольких дней совпадает со временем прихода кораблей Игоря в 941 г., относительно которых нет причин сомневаться, что они отправлялись из Киева. Совсем иное дело – Ладога, Рюриково городище или т. п. Вскрытие Днепра в его верховьях происходит в конце марта – начале апреля, а судоходство начинается две-четыре недели спустя (Jäger, 1995, S.504); на более северных реках – соответственно, ещё позднее. Плавание от Киева до Константинополя, описанное в середине X в. Константином Багрянородным (Const.De adm. 9, p.46– 51), должно было занимать по приблизительным подсчётам около шести недель (DAI 2, p.37, комментарий Д. Оболенского), причём с учётом времени на сборы, караван успевал отправиться только в июне; прибавив ещё примерно три недели на путь от Волхова до Киева, получим около двух месяцев. Конечно, Константин имел в виду торговые суда, военные двигались быстрее. Но и тогда выходит, что огромный флот в несколько сот ладей стартовал по Волхову примерно в конце апреля или начале мая, сразу после ледохода, без всякой подготовки – картина, мыслимая разве что теоретически.

Допустить зимовку кораблей ближе к Понту, например, в Белобережье, мы не можем, так как при налаженной византийской разведке это исключило бы внезапность нападения, а оно было именно внезапным, как подчёркивал патриарх Фотий: «набег варваров не дал молве времени сообщить о нём <...> но сама явь бежала вместе с вестью» (Phot. Hom. / Laourdas., p.16; Кузенков, 2003, с.35). Этому конкретному хронометражу можно противопоставить разве что риторически неопределённые выражения патриарха Фотия (непосредственно продолжающие только что приведённую цитату), будто «русский» флот явился из мест, которые «отделены столькими землями и племенными владениями (ἐθνάρχιαί), судоходными⁴⁸ реками и морями без пристаней» (Phot. Hom. / Laourdas., p.27; Кузенков, 2003, с.35), да и то при большом желании, ибо такое описание в равной мере подошло бы как к ладожсково-волховской, так и к среднеднепровской Руси.

В данной работе нас не должна занимать многострадальная проблема происхождения имени др.русск. русь, однако уделить внимание последнему как возможному лингвистическому источнику не только собственно языковедческих, но и исторических реконструкций, связанных с русью / Русью IX в., совершенно необходимо. Многообразие форм этого имени в различных языковых традициях даёт для того и основания, и возможности. Напомним, что применительно к IX столетию набор аллографов оказывается следующим: греч. Ῥῶς, араб. ar-Rūs / Rūsiya, лат. / д.-в.-н. Ruzzi, Rūzâra (Rugi «Раффельштеттенского устава» как этноним искусственного происхождения оставляем в стороне). Логика и общее требование максимальной экономичности научной гипотезы делают весьма желательным, чтобы это

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

многообразии сводилось к минимуму исходных форм, а всего лучше – к одной. Если учесть, во-первых, что графема *z* в древне- и средневерхненемецких текстах, как правило, отражала обычный спирант [s], потому что этимологический д.-в.-н. *s* произносился палатально (шепеляво, вроде русск. ш)⁴⁹, а во-вторых, что *-âra* – это собственно древневерхненемецкий суффикс, который служил одним из наиболее употребительных формантов для производства катойконимов от топонимов (названий жителей от названий местностей: *Tenimarkâra* «датчане» < *Tenimark* «Дания» и т. п.), то единственным существенным различием приведённых форм станет разницей в вокализме: *ō* / *ū*. Ввиду, возможно, примерно равной хронологической древности греческой и арабской форм и отсутствия *ō* в арабском, нельзя со всей определённой решительностью решить, зависит ли араб. *ar-Rūs* от греч. Ῥῶς, или является самостоятельным отражением самоназвания руси; но вот древневерхненемецкие формы с *ū* уже никак не возводимы к греческим. В отличие от арабского, в древневерхненемецких диалектах (в том числе и в древнебаварском) *ō* был налицо, а это значит, что оригиналом для южнонемецких форм послужил этноним или топоним с *ū* в корне. Постулат о едином источнике для всех трёх языковых традиций оттого, заметим, вовсе не страдает, поскольку ср.-греч. *ō*, будучи звуком очень закрытым, служил, как известно, обычным субститутотом для подударного иноязычного *ū*, в частности, славянского (Vasmer, 1941, S.239)50.

[50 Дополнительной – а может быть, и главной – причиной для закрепления в греческом языке именно формы Ῥῶς стало, как давно замечено (Флоровский, 1925, с.505– 520; и мн.др.), сопоставление руси с библейским северным народом Ῥῶς, упоминаемым у пророка Иезекииля в контексте пророчеств об эсхатологической угрозе Израилю (Иез. 38–39). Намеки на такое сопоставление есть в самых ранних текстах. Уже в «Житии св. Георгия Амастридского» русь названа народом, «губительным и на деле, и по имени (выделено нами. – А. Н.)» (Васильевский, 1893, с.64); в окружном же послании патриарха Фотия о руси говорится как «о том самом так называемом» народе Ῥῶς (Phot.Ep. 50; Кузенков, 2003, с.73, 75), что явно выдаёт библейскую аллюзию.]

А вот не раз настойчиво высказывавшееся в последние годы предположение, будто греч. Ῥῶς непосредственно отражает гипотетическое скандинавоязычное самоназвание руси **rōþ(s)*- (Мельникова, Петрухин, 1989, с.33–34; Бибииков, Мельникова, Петрухин, 2000, с.36–37; Кузенков, 2003, с.78, примеч. 11; Мельникова, 2010б, с.226), таким достоинством не обладает, и это – принципиальный (впрочем, не единственный) его недостаток. Внешне столь непритязательное заключение влечёт за собой тем не менее важные следствия. В самом деле, оно означает – ни много, ни мало, – что уже в середине – второй половине IX в. и в Баварском Подунавье, и при общении с арабами и греками русь по каким-то причинам не просто предпочитала изъясняться по-славянски (выговаривая *skotъ*, а не *skattr*), но и пользовалась славяноязычным самоназванием. Перед нами, безусловно, фундаментальный факт. При бесспорно скандинавской этнической принадлежности первоначальной руси и очевидном значении самоназвания для самоидентификации его можно объяснить, насколько мы видим, только одним – достаточно далеко зашедшей славянизацией этой скандинавской руси уже в самое первое время её пребывания в Восточной Европе.

Такое поведение делает её, улавливаемую письменными источниками IX в. первоначальную русь, весьма непохожей на русь X в., русь Олега и Игоря. Средневековые аллографы имени русь в верхненемецких диалектах дают

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

возможность сделать ещё одно существенное наблюдение. Имеет смысл задаться вопросом, стоит ли за лат. *Ruzzi* «Баварского географа» и другими более поздними упоминаниями в латиноязычных текстах та или иная лексема живого языка, оформленная латинской флексией, или мы имеем дело с фактами собственно письменной, литературной традиции? Конечно, если вспомнить, что имя русь добиралось до носителей древнебаварских говором вместе с его носителями, то мысль о живом, изустном, заимствовании станет почти несомненной. Однако чисто методически было бы важно получить тот же результат, если возможно, собственно лингвистическими средствами. И сделать это, действительно, удаётся. При ознакомлении с вариантами имени русь в средневерхненемецких текстах (XII–XIV вв.) выясняется, что абсолютно господствующим среди них является вариант с умлаутом корневого долгого *u*: *Riuz(z)en* > *Reuz(z)en*. Такая форма никоим образом не могла быть заимствована из древнерусского, а могла возникнуть только вследствие развития на южнонемецкой почве из более ранних форм, основообразующий суффикс которых содержал *j*, собственно, и вызывавший умлаут. Однако известно, что в древнебаварском *j* в таких позициях перестал фиксироваться на письме уже с начала IX в. (Schatz, 1907, S. 99, §91c–d; Braune / Eggert, 1975, S. 110–112, 206–207, §118, 223).

Таким образом, мы получаем даже больше, чем хотели: не только доказательство того, что этникон русь был на юговостоке немецких земель фактом как литературного, так и разговорного языка, но и примерный *terminus ante quem* для заимствования этого этникона в древнебаварский: не позднее начала IX в. или, учитывая всё-таки некоторую статистически обусловленную лабильность историко-фонетических датировок, во всяком случае, не позднее первой половины столетия (Назаренко, 2001, с.21–25). Как видим, достаточно несложные лингвистические наблюдения вполне подтверждают данные письменных источников в отношении времени знакомства обитателей Баварского Подунавья с русью и даже несколько радикализуют их.

Итак, мы исчерпали круг источников, с которыми непременно должен считаться исследователь, если он поставит перед собой цель очертить историю того, что в историографии иногда именуют несколько вольным термином «Русский каганат» IX в. Не станем под ним подписываться, но и не будем столь придирчивы, чтобы протестовать против подобного неологизма. Всё-таки некое политическое образование, в котором организующую роль играл скандинавский этнический компонент по имени русь; многие черты хозяйственного и политического быта которого живо описаны восточными авторами; которое развило почти беспримерную военную и торговую активность преимущественно в Средиземноморье (хотя и не только там); в котором существовала епископия Константинопольского патриархата; во главе которого стоял правитель с титулом «каган» – такое образование налицо. Почему бы ему не именоваться «Русским каганатом»? Источники ничего не сообщают о том, когда и в связи с чем он исчез с политической карты, но складывается впечатление, что это происходит на рубеже IX–X вв. вследствие появления на юге Восточной Европы скандинавских находников совсем другого типа, и памятный всем по описанию в Повести временных лет захват Киева князем Олегом – один из моментов этого процесса.

В заключение ещё раз напомним, что мы намеренно ограничились кругом письменных источников, источниковедческими и отчасти языковедческими наблюдениями над этими текстами, излагая дело так, словно археологии не существует на свете. Мы

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

отчётливо понимаем, что получившаяся в итоге картина, к которой подводит материал письменных источников, вступает в противоречие с данными археологии, пока не обнаружившей применительно к IX в. следов скандинавского присутствия южнее Верхнего Поднепровья. Собственно, это противоречие и должно стать, по нашему убеждению, точкой приложения герменевтических усилий исследователей разного профиля – историков, археологов, лингвистов. Однако непременным условием успеха таких усилий является – кажется странным об этом напоминать – учёт всего корпуса наличных источников, их взаимная гармонизация. Да, историку бывает досадно, что с введением в науку некоторых новых материалов в околонучной литературе порой с новой силой вспыхивают, казалось бы, давно похороненные недоброкачественные дискуссии. Но случившееся где-то злоупотребление источником – вовсе не причина в дальнейшем его игнорировать, а напротив – лишний повод обойтись с ним подчёркнуто добросовестно, то есть, в случае несогласия, постараться опровергнуть аргументы, которые выдвинуты теми, кто его использует. Можно всё разъять на части: набег на Константинополь – «изолированный эпизод» (и посольство 830-х гг. – тоже, приходится добавить), ни *Rugi* «Раффельштеттенского таможенного устава», ни *Ruzaramarcha* грамоты Людовика Немецкого, «очевидно, не имеют прямого отношения к исторической руси IX в.» (Петрухин 2001 а, с. 127–142). «Прямого» не имеют, значит, имеют косвенное? Какое? Как это себе представить? Понятно, что при такой пристрастности, мотивы которой *pro* очевидны, а доводы *contra* не приводятся, можно получить только то, что немцы метко называют *Wunschbild*. Чего да не будет».

Итак, данный обзор, - это то, к чему вам, возможно, в связи с данной темой, придется возвращаться не раз, поскольку далеко не каждый хорошо ориентируется и помнит на память все нюансы, с ней связанные. Она обширна, и даже знание ее, лежащее у наших ног, благодаря поколениям исследователей, не гарантирует быстрого осмысления. Я же, последую рекомендациям А.В. Назаренко и попробую показать вам кое-что необычное, что, возможно, однажды, позволит другим устранить эти заявленные противоречия.

Глава 2

ТАВРОСКИФЫ

Что же касается Черноморской Руси, все еще волнующей русских ученых, то я, надеюсь, с нею покончил раз и навсегда.

Ф.Ф. Вестберг. 1908

Черноморская Русь — ее абсурдность доказана еще учеными прошлого века, тем не менее, ее сторонники появлялись в 20–30-х гг., не исчезли они и ныне.

А.П. Новосельцев. 1990

В верховьях хазарской реки есть устье, соединяющееся с рукавом моря Найтас (Черное море), которое есть Русское море; никто, кроме них (Русов), не плавает по нему, и они живут на одном из его берегов. (Аль-Масуди (X в.)

Вы все еще хотите понять, почему, в условиях хозяйствования в исторической науке российского «неонорманизма», стоящего на службе политической идеологии России, нормальному исследователю приходится начинать чуть ли не с Адама, с работ и исследований 19ст.? А как может быть иначе, если вам, как у россиян говорят, «на серьезных щах», с умным видом морочат голову? Ведь в какой-то момент, проявив определенную настойчивость, вы начинаете замечать, что академичность этих современных российских исследований — чистый блеф. Выдача желаемого — за действительное. Имитация исследований.

К тому же, не последние в науке люди, вдруг чистосердечно признаются вам, что проблему разрешить не могут. Все источники переведены, раскопки проводят уже полтора века, суть проблемы очерчена и всем интересантам понятна, казалось бы — работай, анализируй, и результат не заставит себя ждать. Однако, оказывается, что «независимый исследователь» — это какая-то фикция, и без команды своих научных руководителей все эти историки такой дуристикой, естественно, не занимаются. А этим руководителям сюрпризы не нужны, тем более такие, о которых пойдет речь, по разным причинам — начиная от карьерных до более высокого порядка. Но, я такими тугими путями не связан и задача у меня простая — показать чего стоит их современный извод «норманнской теории» и, какая хотелка стоит за сознательным отказом ее развивать, ввиду якобы дефицита знания.

Ради нее они вполне согласны объявить «русь» каким-то безродным скандинавским сбродом, до которого на родине настолько никому не было дела, что про него там начисто забыли. Пусть так. Ради этой сверхзадачи они готовы жертвовать принципами науки и продолжать эксплуатировать сомнительную летописную басню о призвании варягов и захвате ими Киева. Только потому, что для них, а это их маленький российский секрет, она имела и имеет не научную ценность, — научной ценности в ней ноль, а совсем другую — идейную. Ради сохранения этой простацкой сказки, исказившей летопись в конце 13ст. когда столица Руси лежала в руинах, они возвели ее в ранг предания, и выстроили на ней целую библиотеку из своих работ, лишь бы кто-либо не заметил подвоха, а

теперь, для вида, жалуются, что археология и источники не помогают им ее легитимизировать. Но это не самая большая проблема российских историков. Все, на самом деле, пойдет наперекосяк, если, однажды, они откажутся от нее, к чему научный поиск и принцип объективности, побуждают постоянно. Особенно сегодня. Поскольку, в этом случае, как кое-кто из них хорошо понимает, а другие – догадываются, исчезнет не только упоминаемая узким кругом историков «варяжская проблема», посыпятся идеологемы с которыми большинство россиян живет с детства. «Старшие братья», станут – «младшими», учебники придется переписывать. Так что, когда они видят, что стоит на кону, научные принципы отступают на второй план.

К чему же привела окончательная переориентация фокуса внимания исследователей в связи с вопросами происхождения руси на Север в последние четверть века? Постепенно, на второй план, как кажется, не вполне заслуженно, но ожидаемо, ушел один довольно любопытный вопрос этно-географического характера, который не раз уже подымался в историографии – почему византийские источники, именно византийские, нигде, ни в одном месте, не отождествляют «росов» со скандинавами – фулитами? Они ведь знают их. На остров Фула переправлял своих герулов еще Прокопий Кесарийский в своей «Истории войн» серед. 6ст. А, кто из историков не слышал о крымских Фулах и древнем «фульском дубе», который срубил в 861г. Константин Философ? Или о варангах с «острова Фула».

Напротив, тех, кого мы, благодаря усилиям российских историков, привыкли представлять, как восточно-европейских норманнов – русь, как иногда их прямо и аттестуют некоторые поздние источники, происходящие из Италии, греческая традиция, неизменно трактует как – скифов или еще более специфично, - как тавроскифов. Это общеизвестные вещи, на которые обращалось внимание еще в 19ст. Конечно, исходя из наличной на сегодня суммы данных источников – это вопрос частный, не обладающий особой важностью и больше имеющий отношение к этнонимической традиции византийцев, возможно, просто ориентирующей взгляд читателя на север, откуда приходили эти варвары – рос. Но откуда происходит прижившееся там наименование – тавроскифы? Понятно, что скифами греки продолжали именовать жителей прежней Скифии – как росов, так и кочевников, живущих в Северном Причерноморье, и такое объяснение вполне приемлемо. Что же касается именования росов, как тавроскифов, идущего, по крайней мере, от 10ст. – оно по-прежнему загадочно. Можно только удивляться, каким образом, историки 21 века сумели задвинуть этот вопрос на периферию внимания своей читательской аудитории. Элегантно вытолкнуть его из поля зрения. И я тут не намерен ходить по кругу, снова поднимая все эти старые нерешенные проблемы, многими трактуемые как – избитые и решенные, чтобы просто поставить их на вид, в пику современности. Моя задача на данном этапе показать вам, что для нашей проблемы их второстепенность – мнимая! Сломать шаблон. Поскольку, я понимаю и ориентируюсь в том, как вся эта головоломка выглядит в целом, с учетом историографии вопроса, «тянуть нить», чтобы распутать клубок, мы будем здесь. От вас же требуется решить, насколько такой шаг оправдан. Именно такой путь в изучении проблемы прошел, в свое время, и я, и теперь мне нужно провести им других. А вам решить, - ведет ли эта «тропа» к цели или нет.

Их мнимая второстепенность вызвана смещением исследовательской оптики на Север, в связи с активной научной деятельностью того направления, которое российский историк С.В. Томсинский назвал «Ленинградским неонорманизмом». Лишь в последние десятилетия. И то обстоятельство, что проблема т.н. Приазовской Руси, якобы

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

убедительно закрыта археологией и сдана в архив А.В. Гадло, по существу тут ничего не меняет. Адекватного ответа по-прежнему нет. Если не считать за ответ хохму, которую иногда можно услышать в связи с этим. Слышал ее от одного украинского историка, убежденного, что это прозвание идет от древне-греч. слова ταῦρος «бык», и носило оскорбительный характер. Смешно? Но эти ребята не шутят.

В виду ограниченности нашего знания, важно ли для науки иметь его? В самом деле, какая разница, почему скандинавов обосновавшихся в 10ст. в среднем Поднепровье у греков вошло в обычай именовать, кроме прочего, еще и тавроскифами? Возможно, какие-то основания для этого у них и были – некоторые из сохранившихся византийских источников, косвенно намекают на их присутствие и активность в 10ст. в этом северочерноморском районе. Имеются ввиду степные края, прилегающие к Крыму с севера – их греки издавна и называли «тавроскифией». Но что это меняет, может спросить нетерпеливый скептик? Возможно ничего, но может, стоит к этому обстоятельству присмотреться повнимательней? Еще Д.И. Иловайский обратил внимание, что: *«Относительно отечества Варангов византийские известия указывают иногда на Германию, иногда на далекий остров, находящийся на океане, который они называют Туле, а чаще всего причисляют их к Англичанам. Под островом Туле у Византийцев разумеется вообще крайний северный остров, так что, смотря по обстоятельствам, под ним можно разуместь острова Британские, Исландию, острова и полуострова Скандинавские».*

Что же касается «народа рос», то, мы можем заметить, что привязка его следует неизменно к Скифии, а по происхождению - к германцам, которыми греки к 10ст. называли уже только жителей франкского королевства (φραγγοί), (словарь «Суда»- 10-11вв.) но никогда не к странам Севера Европы! Это при том, что, как нас уверяют историки, они понимали, с кем имеют дело – Константин Багрянородный передает названия порогов на «росском» языке, в котором недвусмысленно угадывается сегодня древнескандинавский. Должно немного настораживать, равно, как, правда, и сбивать с толку. Оказывается, не только скандинавская традиция, ничего не знает о великих деяниях своих подопечных на Востоке, о них не в курсе и традиция более развитая – византийская, что для любого новоиспеченного интересанта, по правде говоря, должно быть вдвойне странно. Но, возможно, греческая традиция во главу угла привыкла ставить их географическое место жительства, когда на рубеже 9/10ст. они получили контроль над Средним Поднепровьем? Тогда, почему ориентиры, даваемые их дошедшими до нас источниками, в связи с народом рос, больше тяготеют к району Северного Причерноморья? Простой ведь вопрос. Однако чтобы его поставить сегодня, после стольких настойчивых научных усилий россиян, внушить всем свою старую северную сказку, нужно быть или очень дерзким или тупым. В зависимости от уровня понимания.

В нашем распоряжении есть два рода таких свидетельств. Они давно всем известны. Одни довольно расплывчато указывают на какие-то территории явно к северу от Крыма. 1. Это и гомилии патриарха Фотия «На нашествие росов» 860 года, когда было нападение на Константинополь: «Откуда обрушилась на нас эта страшная гроза гиперборейская?»; «коварный набег варваров не дал молве времени сообщить о нем, чтобы были обдуманы какие-нибудь меры безопасности, но сама явь бежала вместе с вестью — и это в то время, как нападали оттуда, откуда мы отделены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней». Русь именуется, как «народ скифский и варварский», «народом с севера», «народом от краев земли», «кочующим». При этом, как подмечают византийцы(Чхайдзе В.Н.) отсылка к гиперборейам, т.е.

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

живущим «за северным ветром» (др.-греч. Ὑπερβorea — «за Бореем», «за северным ветром»), совсем не обязательно указывала на далекий или крайний север. «Константин Пигонит, адресат Михаила Хониата, до 1182 г. собирал подати “поблизости от гипербореев”, “на той стороне пролива”, и часто “посещал климаты Понта”, то есть, согласно гипотезе А. П. Каждана, осуществлял свою деятельность на азиатском Боспоре». (Чхаидзе В.Н. Восстановление византийской власти на Боспоре (последняя четверть 11 в.).

2. Это и информация из трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» середины 10ст.: «В самых же верховьях реки Днепр обитают Росы, через эту реку отплывающие, [когда] к ромеям отправляются». С ней коррелируют более ранние сведения из «Тактики» Льва VI - византийского императора (с 886 до 912) из Македонской династии: «Малые же или большие дромоны по качеству вражеского народа снаряжать надо. Ибо не есть одно и то же снаряжение кораблей сарацинов или [снаряжение] так называемых росов северных скифов. Ибо если сарацины кумварии используют большие и медленные, скифы же акатии малые, и легкие, и быстрые: поскольку через реки в Евксинское море попадают, они не могут большие суда иметь».

Другие, по какой-то необъяснимой причине, как уже давно замечено, тяготеют к Причерноморью. Начиная с упомянутого А.В. Назаренко Жития Георгия Амастридского первой половины 9ст. где есть и такой пассаж при рассказе о нападении росов на греческое побережье: «Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их нечестивые алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу...убийство девиц, мужей и жен, и не было никого помогающего, никого готового противостоять». Как обычно комментируют это место из Жития? Тавроскифское «гостеприимство» стало нарицательным у византийцев благодаря известному мифу, отраженному в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», о жителях Таврики (Крыма), убивающих иноземцев. Примерно таким образом. Все, занавес. Лаконично да?

Можно упомянуть и Иоанна Скилицу, - византийского чиновника и хрониста XI — начала XII вв. в связи с тем же нашествием на Константинополь 860г. записавшего: «Все лежащее на берегах Евксина и его побережье разорял и опустошал в набегах флот росов (народ же рос – скифский, живущий у северного Тавра, грубый и дикий)». Такое же определение можно встретить и у Иоанна Зонары – византийского историка 12 века. Северным Тавром же у Евстафия Фессалоникского, к примеру, (ок. 1115 — ок. 1195 гг.), как известно, называются именно горы Крыма, в отличие от Тавра малоазийского. На всякий случай. И как тут же не вспомнить про Льва Диакона, которому первому приписывают в 10ст. именование росов – тавроскифами. Якобы он положил начало такой традиции, хотя все в курсе, что его «История» не пользовалась известностью, а, следовательно, как могла стать объектом для подражания? Или Житие Георгия Амастридского первой половины 9ст. младше работ Льва?

Еще Иловайский замечал относительно Льва Диакона: «Он же по поводу погребальных обрядов у Руссов говорит, что эллинским таинствам научили их философы Анахарсис и Замолксис, и причисляет к тому же племени самого Ахиллеса. Ясно, что он считает Тавроскифов или Русь потомками древних Скифов понтийских, т. е. туземным народом Южной России». (Д.И. Иловайский: Разыскания о начале Руси). Я тут знакомлю вас с этой информацией концентрированно, поскольку в современные работы по истории Руси она попадает лишь частично и выборочно, как правило, затушёвываемая

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

пространными экскурсами в историю Севера, балто-славянского взаимодействия, скандинавов эпохи викингов. Оставаясь, по сути, необъясненной.

Итак, тавроскифы. Как сообщают нам историки, в данном случае - Пиоро И. С.: **«Название «тавроскифы» в период средневековья становится географическим термином. Именно в таком значении («земля тавроскифов» и «страна тавроскифов») он употреблен в «Житии Иоанна Готского» и «Житии св. епископов Херсонских». В результате архаизации этнонима в X—XIII вв., византийские авторы Лев Диакон, Иоанн Киннам, Никита Хониат «таврами», «тавроскифами», «Тавроскифией» называли русов и государство Русь».**(Пиоро И. С. Крымская Готия)

Почему они считали возможным так поступать, убедительно не может объяснить никто сегодня. А кое-кто просто не хочет. Но, для того чтобы обратить внимание на это странное обстоятельство, нет нужды снова «открывать Америку», достаточно почитать труды историков 19 – 20 ст. Именно тогда, под влиянием этих фрагментарных данных, чудом дошедших до нас византийских источников, и родилась некогда довольно популярная гипотеза о некоем загадочном пристанище «руси» в причерноморском регионе. Якобы те, кого греки именовали «народ рос», вопреки тому, о чем повествует нам Повесть временных лет, изначально ассоциировались у них с жителями северного Причерноморья, какой-то примыкающий к Крыму район которого, они представляли себе, в качестве «месторазвития» этого сообщества. Именно в 19в. особенно часто вспоминали про один раздел Никоновской летописи – достаточно поздней, на самом деле (XVI века), «О князи Русьтем Осколде», где есть такой пассаж: *«Роди же нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху в Ексинопонте, и начаша пленовати страну Римлянскую, и хотяхупоити и в Консянтинград; но взбрани им вышний промысл, паче же и приключися им гнев Божий, и тогда возвратишася тции князи их Асколд и Дир».* Откуда происходит это уникальное свидетельство, и как оно попало в Никоновскую летопись? Тот же А. В. Назаренко, упоминает о нем, в связи с догадками известного советского лингвиста Трубачева О.Н.- последнего сторонника гипотезы о Приазовской Руси: *«Так, в частности, остается загадочным происхождение известия источников XVI в. – прежде всего «Никоновской летописи», - которое является одним из краеугольных аргументов в этой концепции: «Роди же, нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху в Евксинопонте». Предварительные прикидки, странным образом, уводят совсем в сторону от Руси – к сербскому «Паралипомену» Зонары 1388 г. (через Хронограф 1512 года?), причем в самом греческом оригинале Зонары этого известия не отыскивается. У Зонары "τὸ δ' ἔθνος τῶν Ῥώσκιθικόνων". Сербский переводчик заменил в тексте скифы на куманы. В таком виде текст попал в Никоновскую летопись. При этом переводчик регулярно в тексте заменял "скифов" на "куман"».*

Еще Васильевский В.Г. пояснял, что славянским переводчикам Зонары простительно было писать вместо скифов – куманы, так как по словоупотреблению их времени скифы уже были преимущественно куманы, т.е. – половцы, занявшие, земли своих некогда знаменитых предшественников. Итак,- источник тот же – греческая хронография, в которой определение народа рос, как скифского, тавроскифского – традиционно. Интересно, что об этом думают российские византилисты, или, может быть, - французские? Такие, к примеру, как упоминавшийся уже Константин Цукерман?

Подобные мысли, о южном происхождении «руси» историки высказывали не только в 19 ст., когда такую вероятность многие воспринимали вполне серьезно, но и в 20, до тех пор, пока свое решающее слово не сказала археология. И не только антинорманисты. Многие

из сторонников «варяжской гипотезы», также готовы были признать, что, возможно, русь, приходя с севера, использовала в те времена где-то в Северном Причерноморье некую территорию под базу, для подготовки и планирования нападений, откуда они их и осуществляли, что, таким образом, и отметили греки, дав им дополнительное прозвание - тавроскифов. Однако, в отличие от своих оппонентов, они совершенно не считали, что дополнительная информация по этому вопросу способна дать ключ ко всей ранней истории этого сообщества. На то время ввиду отсутствия каких-либо дополнительных данных проблема выглядела неразрешимой, но никому и в голову не приходило совсем избавиться от нее, ограничиваясь, простой констатацией факта. Что об этом думают адепты летописной басни про варягов на 100% уверенные, что варяги, это не наемники царства ромеев, а именно - скандинавы? Вы об этом не узнаете. Разве что анекдот про скифов-быков.

Несколько сузим круг поиска. Как показывают сведения Византийского словаря составленного под общей ред. К.А. Филатова: **«Тавроскифы — народ, чье имя впервые встречается у римского географа Птолемея. Он помещал тавроскифов в низовьях Днепра, но большинство других римских и византийских авторов считали, что это племя жило в Крыму. Византийский историк Лев Диакон во второй половине X в. первым использовал данный этноним применительно к русским».** (Византийский словарь: в 2 т. / [сост. Общ. Ред. К.А. Филатова]. СПб. 2011, т. 2, с.361.) Что это конкретно за район можно узнать из византийской Хрестоматии Страбона: **«Устья реки Борисфена и остров Борисфен находятся в углу Тамиракского залива, а река Каркинит впадает в угол соименного залива. Между этими двумя заливами лежит в виде полуострова Тавроскифия, южная часть которой представляет собой идущий по прямой линии берег, Ахиллов бег».** Не вдаваясь в подробности – это часть Чёрного моря, между северо-западным берегом Крымского полуострова и берегом материка вплоть до «Белобережья». Что же касается «Тавроскифии», то это - район степей к востоку от Низовья Днепра до самого Крыма. «Ахиллов бег» - это узкий остров-коса, тянувшийся в том районе вдоль побережья на более чем 60 км, который греки издавна ассоциировали с Ахиллесом. Сегодня – Тендровская коса.

Запомнив это, вам придется прочесть притчу о том, как была развеяна по ветру старинная гипотеза про некую «Приазовскую Русь» в которую верили многие известные исследователи прошлого. О ней порядком уже успели подзабыть, но для иллюстрации хода мыслей византийцев прошлого, ознакомьтесь с ней именно сейчас, самое время. Краткий обзор этой гипотезы существует. Он давно известен и принадлежит авторству А.В. Гадло – российского этнографа-кавказоведа, доктора исторических наук, работавшего в СПбГУ. Называется: **«Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе».**

«Задача настоящего историографического обзора проследить, как в русском историческом мышлении возникла и укрепилась мысль о существовании на юго-востоке Восточной Европы, в Приазовье и на Среднем Кавказе особой Приазовской (Азово-Черноморской, Тмутароканской) Руси, отличной от Руси Новгородско-Киевской, Поднепровской. Несмотря на то что тема Приазовской (Тмутароканской) Руси занимала довольно видное место в построениях начальной русской истории XIX—XX вв., в полном объеме она никогда не была предметом специального историографического исследования. И хотя имеются детальные историографические обзоры по частным вопросам этой темы, таким, как вопрос о подлинности Тмутароканского (Тмутараканского) камня с надписью князя Глеба, вопрос о
Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

локализации города Тмутороканя и пределах Тмутороканского княжения, об имени города Тмутороканя и, наконец, вопрос о времени славяно-русского продвижения на юго-восток, последовательный обзор развития идеи о Приазовской Руси до настоящего времени в науке отсутствует.¹

Интерес к Тмутороканскому княжению как теме русской истории возник одновременно с первыми попытками научного осмысления всего исторического прошлого Русского государства. Вопрос о месте древнего Тмутороканского княжения был поставлен впервые московскими книжниками середины XVI в. Поводом для поисков забытого удела послужило завоевание в 1554 г. Астрахани. В сложной дипломатической ситуации, возникшей в связи с последовавшим после завоевания присоединением Астрахани к Московскому государству, правительство Ивана Грозного выдвинуло тезис о тождестве Астрахани и древнего русского владения «Тмутаракани». Московские историки середины XVI в. приписывают эту мысль самому Ивану Грозному: «И въспоминая царь и великий князь древнее свое отечество, яжепрежебывыи его родители... великий князь Владимир... разделяя области на части детям своим и ту Азторохань, тогда именовалася Тмуторокань, и да ее сыну своему Мстиславу...»² Была ли на чем-нибудь, кроме «воспоминания» царя Ивана, основана версия о тождестве Астрахани и Тмутороканя — судить трудно. Учитывая склонность средневековых книжников к этимологическим упражнениям, можно допустить, что эта версия возникла из некоторой фонетической близости двух имен — «Асторокань», как произносили на Руси в XVI в. татарское название города Хаджи-Тархана, и «Тмуторокань». Так, в частности, считал Н.М. Карамзин.³ Но не исключено, что «воспоминание» могло быть основано на каком-то не дошедшем до нас древнем известии, которое связывало забытый к XVI в. Тмуторокань с Юго-Востоком.⁴ Однако при всех объяснениях естественности возникновения этой версии не исчезает ее основное качество — явная тенденциозность. Она появилась в связи с определенными политическими задачами Русского государства и была использована в качестве идеологического обоснования стремлений московского самодержавия к продвижению на Юго-Восток и Северный Кавказ. Версия о тождестве Астрахани и Тмутороканя продержалась в течение всего XVII в. И только в самом конце его Дмитрий Ростовский вновь поставил вопрос, «где город Тмуторокань?»⁵ Близкий к истине ответ в 30-е годы XVIII в. был дан одним из первых русских академиков Г.-З. Байером, который отождествил Тмуторокань с Таматархой Константина Багрянородного и локализовал ее на месте современного Темрюка. Эта мысль была высказана Г.-З. Байером вскользь в трактате, посвященном истории Азова. Написанный вскоре после Азовских походов Петра трактат Г.-З. Байера, даже судя по его титулу, имел явную политическую окраску. Значительная эрудиция и внешняя объективность ученых штудий не помешали Г.-З. Байеру, вслед за своими московскими предшественниками середины XVI в., доказывать законность притязаний русского самодержавия на степные пространства восточноевропейского Юго-Востока.⁶ Несмотря на ряд упоминаний (И.Н. Болтин, Г.-Ф. Миллер, В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, Ф.А. Эмин и др.) до открытия в 1792 г. надписи Глеба, в сочинениях историков XVIII в. Тмуторокань занимал довольно скромное место.

Первое определение проблем, связанных с Тмутороканским княжеством, первый очерк поисков Тмутороканя и первый обзор его истории был сделан только в 1794 г. А.И. Мусиным-Пушкиным.⁷ До 30-х годов XX столетия, когда в качестве исторического источника стали пользоваться массовым археологическим материалом, с

фактической стороны мало что было прибавлено к сведениям о Тмуторокане, которые были им собраны. Поводом для «Исторического исследования» А.И. Мусина-Пушкина послужило открытие камня с надписью Глеба Святославича. Надпись указала истинное положение Тмутороканя и, казалось, разрешила проблему его локализации. Однако вскоре возникли сомнения в ее подлинности, а следовательно, и в правильности определения места нахождения Тмутороканя. Несмотря на тщательное исследование «Тмутараканского» камня А.Н. Олениным,⁸ а затем П.Г. Бутковым,⁹ дискуссия о его подлинности и соответственно о информативной значимости затянулась на целое столетие. Впрочем, скептическое отношение к «Тмутараканскому камню» и русскому княжеству X—XI вв. на берегах Керченского пролива не сказалось на развитии представлений о древнем периоде русской истории. Мысль о Тмутороканском княжестве на Тамани, т. е. на территории Западного Предкавказья, тщательно обоснованная А.И. Мусиным-Пушкиным и вслед за ним А.Н. Олениным и П.Г. Бутковым, прижилась в русском историческом мышлении. Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, Д.И. Иловайский, В.Г. Веселовский, В.О. Ключевский, М.Д. Приселков, С.Ф. Платонов, А. А. Шахматов, Б.Д. Греков и другие крупнейшие исследователи истории Древней Руси признавали подлинность камня и Тмутороканя на Тамани и в своих общих построениях исходили из этой реальности.

Покончив с загадкой о месте Тмутороканя, А.И. Мусин-Пушкин попытался ответить на вопросы, вытекавшие из обоснованного им решения: когда присоединена Тмутаракань к России, какому народу Тмутаракань принадлежала прежде и др. Опираясь на летописные известия, он пришел к заключению, что до присоединения «Тмутараканского владения к России» оно принадлежало хазарам, а присоединено было при «Игоре I или, по крайней мере, при сыне и преемнике его Святославе». Война Святослава с хазарами, взятие Белой Вежи, поход на ясов и касогов — вот вероятные события, вследствие которых, по его мнению, произошло подчинение «русскими» Тмутороканя.¹⁰ Вряд ли можно сомневаться в том, что предпринятое по повелению Екатерины II исследование «Тмутараканского камня» и истории Тмутороканского княжения непосредственно было связано с политическими интересами России, только что овладевшей Крымом и Таманью. И хотя нет оснований подозревать, как это делал в 1826 г. П.П. Свиньин, русское правительство в фальсификации, а А.И. Мусина-Пушкина в тенденциозной необъективности,¹¹ все же очевидно идеологическое значение тмутороканской проблемы в период освоения Россией Причерноморского юга и Прикавказья. Обоснованный А.И. Мусиным-Пушкиным факт существования русского владения на берегу Керченского пролива в Южном Приазовье в X—XI вв. его современники трактовали как аргумент в пользу традиционного антинорманнистского представления о южном происхождении славяно-русов. На этой основе и возникла концепция Приазовской (Азово-Черноморской, Азово-Таврической, Северо-Кавказской) Руси. И хотя сконструирована эта концепция была в начале XIX в. Г. Эверсом, ее детали были выкованы еще в середине XVIII в. первым историком-антинорманнистом в российской науке — М.В. Ломоносовым. В дискуссии 1749—1750-х годов, которая разгорелась в стенах Академии наук вокруг диссертации Г.-Ф. Миллера «О происхождении и имени народа российского», а затем и в «Древней российской истории» М.В. Ломоносов «отстаивал гипотезу автохтонного развития славяно-русов» в Восточной Европе, противопоставив ее «досадительной» для русского патриотизма «норманнистской» гипотезе.

Утверждая автохтонность славяно-русов в Восточной Европе, М.В. Ломоносов производил их от сарматского племени роксалан, обитавших, согласно греко-латинской традиции первых веков н.э., между Днепром и Доном. «...То неоспоримо есть, что российский народ имеет свое происхождение и имя от роксолан древних», — писал М.В. Ломоносов в «Замечаниях» на диссертацию Г.-Ф. Миллера.¹² «Каким языком роксаланы говаривали? На сие отвечаю, что говаривали они языком славенским...»¹³ «Роксоланская земля в древние времена простиралась от Черного моря и до Варяжеского и до Ильменя-озера», — утверждал М.В. Ломоносов.¹⁴ При этом исходной посылкой для М.В. Ломоносова являлось убеждение в том, что славяне «сарматам единоплеменными от древних писателей засвидетельствованы»¹⁵ и что «древнейшее всех переселение славян, по известиям старинных писателей, почитать должно из Азии в Европу». Эта этногенетическая концепция М.В. Ломоносова не была оригинальной, она восходила к историческим построениям XVII в. и, в частности, к связанному с польской средневековой историографией Киевскому Синопису, устаревшему даже для середины XVIII в.¹⁶ Но заслуга Ломоносова состоит в том, что он, по словам С.Л. Пештича, «сформулировал для своего времени целостное представление о происхождении славян, русского народа и русского государства», что и привлекало к его концепции русских историков последующих поколений. Антинорманистскую линию М.В. Ломоносова в русской историографии продолжил Г. Эверс. Однако, по существу, он следовал М.В. Ломоносову только в том, что отрицал привнесение государственности в среду восточных славян скандинавами и отстаивал южное, роксаланское происхождение этнонима «Русь». По своей сущности концепция Г. Эверса была ближе к «норманнской теории». Как и норманисты, Г. Эверс искал внешний источник развития восточных славян, но, в отличие от норманистов, находил его не на севере, а на юге. «Теорию» норманнского происхождения русской государственности Г. Эверс заменил турецко-хазарской «теорией». Роксалан, предков Руси, он считал народом «турецкого и, вероятно, хазарского племени...». Россы-роксаланы («турки»), по Г. Эверсу, обитали первоначально на Северном Кавказе между Черным и Каспийским морями и входили в состав Хазарской державы. Г. Эверс называет их «хазарские русы», или «черноморские россы». Он полагал, что они впоследствии смешались «с новгородскими и киевскими словенами, которые от сего назывались также россами». «Полуостров Тмутарокань» Г. Эверс называет «родовым наследием Рюриковой династии», которая, по его представлениям, была также хазарского происхождения.¹⁷ «Теорию» турецкого происхождения «россов» Г. Эверс обосновывал, ссылаясь, главным образом, на арабские известия. Арабские источники, как правило, взятые в поздних компиляциях, послужили основанием для его утверждения, что «между Каспийским и Черным морем жили россы прежде, нежели история упоминает где-либо народ сего имени». В подкрепление этой версии он использует договоры с Византией 911 и 944 гг., которые якобы свидетельствуют о том, что «россы» обладали побережьем Русского (Черного) моря до похода Святослава. Именно Святослав, по Г. Эверсу, покорил Тмутарокань, «черноморских россов», во время похода на Восток.

«Теория» турецко-хазарской Руси Г. Эверса не получила развития в русской науке, но его мысль о существовании Руси в Тмутарокане до Святослава и Владимира в дальнейшем настойчиво повторялась. Идущее от И. Тунманна (Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlicheneuropäischen Völker. Leipzig, 1774. Theil I) представление о турецко-татарском (т. е. тюркском) происхождении скифов, гуннов, болгар и хазар, соответствовавшее начальному периоду изучения народов Великой

степи в европейской науке, которое было распространено Г. Эверсом на роксалан-россов, в 30—40-х годах XIX в. под влиянием идей Ю. Венелина уступило место славянской концепции. Еще М.В. Ломоносов считал древних болгар одним из славянских народов. В первой половине XIX в. эту линию продолжил П.Г. Бутков, взгляды которого также представляли синтез норманистских и антинорманистских построений. Он полагал, что с середины V в. н. э. Приазовье было заселено болгарскими (т. е. славянскими) племенами, которые после покорения их хазарами получили имя черных (в его толковании, подвластных) болгар. Завоевание Тмутороканя и Приазовья Киевом он связывал с походом Святослава (965 г.), но в то же время считал, что «руссы еще до Святослава имели пристанища свои при устье Боспора Киммерийского у обитателей тамошних: или готов-тетракситов, соплеменных рюриковым руссам, или у черных болгар... соплеменников славянских...»¹⁸

В середине XIX в. русская историческая мысль под влиянием идеологии славянофилов обратилась к старой ломоносовской концепции об азиатской прародине славян и их длительном автохтонном развитии на территории Восточной Европы. Наиболее отчетливо возрождение этой концепции проявилось в монографии В.И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (СПб., 1859), который полагал, что Юго-Восток был «издревле» заселен славянами. «Сильно сомневаюсь в возможности успехов Святослава в том случае, если бы в землях Придонских не было вовсе русской стихии, русских поселений», — возражал он Н.М. Карамзину, считавшему, что начало русского продвижения на Юго-Восток было положено только походом 965 г.¹⁹ В.И. Ламанский, как и его предшественники, не располагал фактическими данными о раннем заселении славянами Юго-Востока. Мысль об исконности славяно-русского племени на юге Восточной Европы получила законченное оформление еще в «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова, а основной тезис, приведенный В.И. Ламанским в подтверждение этой мысли, о том, что Святослав якобы не мог одержать победы в стране ясов и касогов без «русской стихии», был использован еще П.Г. Бутковым в его споре со «скептиками». Необходимо отметить, что в наиболее детальном очерке истории вопроса «о русской стихии» в Приазовье до конца X в., который был опубликован в 1941 г. И.И. Ляпушкиным, значение работы В.И. Ламанского в развитии гипотезы о Приазовской Руси явно переоценивается.²⁰

В 60-х, а особенно в 70-х годах XIX в. интерес к проблеме Приазовской (Азово-Черноморской) Руси значительно возрос. Царская Россия оправилась от поражения, нанесенного ей во время Крымской войны. Начался период идеологической подготовки к новой политической акции. Намечалась полная ликвидация последствий Крымской кампании. В этой атмосфере проводились исследования С.А. Гедеонова, Н.П. Ламбина, Д.И. Иловайского, Е.Е. Голубинского, исследования, в которых идея Приазовской Руси получила наиболее яркое выражение.

В начале 1860-х годов с обоснованием существования Приазовской (Черноморской) Руси выступил С.А. Гедеонов. В этюде «К вопросу о Черноморской Руси» (СПб., 1862 г.) он представил оригинальный славянофильский вариант концепции Г. Эверса. В основе его построения лежало распространенное в средневековой греческой литературе отождествление русов с тавроскифами, которое возникло из стремления средневековых авторов (Кедрин, Зонара, Лев Диакон, Иоанн Киннам, Никита Хониат и др.) к подражанию классическим образцам античной литературы и соответственно использованию античной этнонимии. Сущность концепции С.А. Гедеонова заключалась в следующем. Черноморская Русь, обитатели которой были известны в

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

средневековых греческих источниках под именем тавроскифов, находилась на восточном берегу Крымского полуострова. Часть этой Руси со времени Олега и Игоря, «вероятно, состояла к Киеву в данничьем отношении по примеру Древлянской земли», другая часть находилась под греческим протекторатом. Между Первой и Второй болгарскими войнами (между 969 и 971 гг.) Святослав совершил поход на Крымский берег с целью «окончательного присоединения к варяжской державе (т. е. к Киеву. — А.Г.) Восточной Руси». Результатом похода было появление нового, «Тмутараканского» княжества.²¹ С.А. Геденов выступил против А.А. Куника, который до начала 1860-х годов был явным противником раннего появления «русской стихии» на Юго-Востоке и утверждал, что нет никаких древних источников, которые бы свидетельствовали о поселениях Руси на берегах Черного моря до Владимира.²² Он обрушил на А.А. Куника массу доказательств: известие «оморе русов» у ал-Масуди, известие «о русских письменах», якобы найденных в Херсоне Кириллом, известия о походах русов на Амастриду и Сурож, топоним *Malorossa* у Равенского географа, пассаж из Никоновской летописи («роди же, нарицаемые Руси... живяху во Ексинопонте»), статью о «греческой кубаре» в договоре Олега 911 г., статьи о «Корсуньской стране» в договоре Игоря 944 г., детальный разбор «Анонима Газе» и даже *argumentum a silentio* — молчание летописца о действиях Святослава между 969 и 971 гг.

Под давлением С.А. Геденова А.А. Куник отступил. Он признал (1874 г.), что из «Записки» («Аноним Газе») в сопоставлении с договором 944 г. и свидетельством современного арабского писателя Масуди ясно усматривается, в какую именно раннюю эпоху русское владычество распространилось на берегах Крыма и на Азиатской стороне Боспора Киммерийского.²³ Он признал также, что в договоре 944 г. «намекается на владение русского великого князя на Киммерийском Боспоре или неподалеку от него»,²⁴ что «на какое-то прочно утвердившееся русское владение в каком-нибудь восточном углу Черного моря, или на Азовском море, указывает статья в Олеговом договоре» относительно помощи «греческой кубаре», повторенная в договоре 944 г.²⁵ Однако, несмотря на кажущееся обилие собранных С.А. Геденовым аргументов, ни один из них не содержал бесспорных доказательств идеи о существовании Черноморской Руси. Все они, взятые в отдельности, легко могли быть истолкованы как *pro*, так и *contra*. Концепция С.А. Геденова приобрела убедительность только благодаря тому, что он нашел стержень, скрепивший все эти аргументы. Таким стержнем С.А. Геденов сделал «Аноним Газе», пресловутую «Записку готского топарха», источник, введенный в арсенал русских исследователей средневекового Причерноморья А.А. Куником. «Аноним Газе», остроумно связанный С.А. Геденовым с Крымом и Святославом, с тех пор стал объектом пристального внимания нескольких поколений русских ученых, ему посвящена обширная литература, его несколько раз переводили на русский язык. Но в результате почти столетних штудий «Аноним Газе» приходится исключить из числа источников, имеющих отношение к Таврике и Приазовью. Таким образом, оценивая с современных позиций гипотезу С.А. Геденова и увлеченного ею А.А. Куника, мы должны констатировать, что возведенное ими сооружение лежит в развалинах, ибо из-под него постепенно был изъят фундамент.²⁶ К сожалению, многие исследователи второй половины XIX — первой половины XX в. не замечали, или старались не замечать, разрушительного воздействия научной критики на столь ненадежный источник, как «Аноним Газе», продолжая верить в прочность концепции, построенной на его основании.²⁷ Возникший в лагере антинорманнистов тезис о Приазовской (Черноморской) Руси со

временем перекочевал в противоположный лагерь. Еще в 1838 г. М.П. Погодин, отзывавшийся до этого о концепции Г. Эверса, как о «черноморских нелепостях»,²⁸ попытался объяснить существование отдаленного русского княжения с позиции норманнизма. «Может быть, это была колония варяжская со времен Аскольда или Святослава, от которых и пошло название русского моря», — писал он.²⁹ В 1874 г. Н.П. Ламбин опубликовал обширное исследование, в котором, опираясь на источники, сведенные в работе С.А. Гедеонова, попытался доказать, «что Тмутараканское княжество основано Олегом и его норманнской дружиной».³⁰ В своем построении он исходил из мысли, что в договор 944 г. под заглавием «О Корсуньстей стране» летописец включил не связанный с основным текстом отдельный трактат, который был заключен особо между Херсоном и каким-то русским князем, отличным от великого киевского князя Игоря. Н.П. Ламбин предположил, что этот неизвестный русский князь был не кем иным, как вассалом Игоря и что его владения лежали к востоку от Херсона на берегах Боспора Киммерийского (Керченского пролива). Ссылаясь на Н.Г. Буткова, он поместил врагов Херсона и этого русского князя, по договору «черных болгар», на территории Восточного Приазовья.

В подтверждение мысли о существовании русского княжества в Южном Приазовье уже во времена Игоря Н.П. Ламбин приводит использованные С.А. Гедеоновым отрывки из «Истории» Льва Диакона, отождествившие русов с тавроскифами, и замечание о том, что после разгрома под Константинополем Игорь в 941 г. бежал к берегам Киммерийского Боспора. Отсутствие упоминаний об этом русском владении у Константина Багрянородного (*Deadministraudoimperio...* 42.) Н.П. Ламбин объясняет с чрезвычайной легкостью. Он считает, что под именем Алании у него «сокрыта почему-то» (так у Н.П. Ламбина. — А.Г.) Русь Черноморская, лежавшая, как он полагает, у берегов Керченского пролива, а под титулом владетельства Алании (ο αἰθιοῦδοκράτορ) подразумевается русский князь — вассал Игоря.³¹ За этими предположениями следует вывод: «Итак, рассмотренные нами статьи Игоря договора указывают на исторический факт, не подлежащий ни малейшему сомнению, и притом чрезвычайно важный, хотя и не замеченный никем доселе (?! — А.Г.); а именно, что то русское княжество, которое, под названием Тмутараканского, впервые упоминается в летописи под 988 г. и которого основание обыкновенно, впрочем, только по догадке, приписывают Святославу, существовало уже в первой половине X в. под управлением вассала князя Киевского Игоря, и уже тогда, как видно, служило сборным пунктом, откуда русские князья, упоминаемые в договоре, тревожили область Херсонскую и откуда выходили, без сомнения, и те полчища руссов, которые, по известным восточным писаниям, опустошали Прикаспийские страны».³² П.П. Ламбин характеризует русское княжество на берегах Керченского пролива как разбойничий притон, обитателями которого были варяго-руссы, черноморские готы, черные болгары и горцы западного Кавказа.³³ Образование этого «притона» — Черноморской Руси (Тматороканя) — он относит к промежутку между 884 и 906 гг. Как Г. Эверс и С.А. Гедеонов, он полагал, что статья Олегова договора (911 г.) «о кубаре греческой» прямо свидетельствует о существовании русского владения в Киммерийском Боспоре. Н.П. Ламбин отвергает предложенное С.А. Гедеоновым толкование «Анонима Газе» и пытается доказать, что этот источник подтверждает его мысль о покорении Олегом Черноморья и «владений хазарских и греческих при Киммерийском проливе».³⁴

Несмотря на то, что работа Н.П. Ламбина была подвергнута резкой критике (С.А. Геденов, Д.И. Иловайский, В.Г. Васильевский, Д.И. Багалеи), данная им характеристика Приазовской (Черноморской) Руси как многоязычной, разноплеменной, полувоенной, полукупеческой, полуразбойничьей вольницы, возглавляемой варяго-руссами и основанной одним из первых русских князей, была усвоена русской историографией. Именно эта характеристика Приазовской Руси заключала в себе норманистский антитезис, выдвинутый в дискуссии с антинорманистами против концепции сплошного исконного заселения Юго-Востока славянами. Линию Н.П. Ламбина продолжил Е.Е. Голубинский.³⁵ Признавая, что «о русах Азово-Таврических пока не найдено никаких исторических сведений», он в то же время утверждал, что «не может подлежать никакому сомнению» то, что они существовали, поселившись «в Тавриде и над нею при устье Дона неизвестно когда до основания нашего государства и потом исчезнув...»³⁶ Е.Е. Голубинский попытался расширить круг косвенных свидетельств в пользу существования Приазовской (у него — Азово-Таврической Руси). «Несомненным доказательством», по его мнению, являются «названия мест, сохранившиеся даже до довольно позднего времени», т.е. данные позднесредневековой северо-причерноморской топонимики. К уже неоднократно использованным до него арабским известиям «о море русов» и «русском острове» где-то на севере известной арабам ойкумены он прибавляет сообщения ал-Идриси (XII в.) о городе Русия (Росия) и топониме из итальянских периплов XIV—XVII вв. — *Varangolimena*, *CasardiRossi* и др., свидетельства важные, но отнюдь не решающие вопроса о населении Приазовья до X в.

Е.Е. Голубинский полагал, что русы, явившиеся в 839 г. в Ингельгейм ко двору императора Людовика, были русы Азово-Таврические, поскольку их правитель носил заимствованный у хазар титул — каган. Из этого он делал вывод, что «в Тавриде» русы обосновались задолго до 839 г. На Тамани варяго-руссы, полагал он, слились в один народ с родственными им христианами-готами, и, следовательно, «роушьские письмены», найденные в Херсоне Кириллом, — это готские богослужебные книги в руках варяго-руса с Тамани. Упомянутая патриархом Фотием первая русская епископия, по его мнению, находилась в Тмуторокане и была преемницей греческой епископии, которая существовала у готов-тетракситов до прихода варяго-русов (норманов) на Тамань. Продолжая мысль Н.П. Ламбина, Е.Е. Голубинский считал Тмуторокань периода азово-таврических русов «воровским притоном», основанным для грабежа соседних земель. Этим русам он, подобно С.А. Геденову, приписывал нападения на Амастриду и Сурож и полагал, что именно они были виновниками нападения на Константинополь в 860 г. Зависимость от Киева Азово-Таврическая Русь, по его мнению, признала при Игоре еще до 944 г. Успехи киевской политики X в. в Приазовье он объяснял тем, что киевские князья якобы обнаружили здесь колонию своих родственников-норманнов.

Одним из наиболее активных поборников Приазовской (Азово-Черноморской) Руси в 70—80-х годах XIX в. был Д.И. Иловайский. Ему принадлежит основанная на идеях Ю. Венелина и П.Г. Буткова стройная концепция южного, славяно-болгарского, происхождения Руси. Мысль об «исконном существовании Руси Приазовской» Д.И. Иловайский проводит в ряде исследований, связывая ее со всей системой аргументов своей последовательной антинорманистской концепции («системы»).³⁷ Свою «систему» Д.И. Иловайский называл «роксаланской», или системой «стародавнего туземного происхождения Руси». Русь, основавшая Русское государство, — писал он,

— «была не только племя туземное, но и славянское»; «это... целый народ, ветви которого простирались до Черного моря и Дона».38 «...Рось, или Русь и роксаланы — это одно и то же название, один и тот же народ».39 Как и у С.А. Гедеонова, А.А. Куника, Н.П. Ламбина, Е.Е. Голубинского, у Д.И. Иловайского и две Руси — Азово-Таврическая и Днепровская. По существу Д.И. Иловайский полностью воскресил этногенетическую концепцию Киевского Синописа, повторенную в середине XVIII в. М.В. Ломоносовым. Подобно Г. Эверсу, он возводит Приазовскую (Тмутороканскую) Русь к племени роксалан, которые, однако, в его «системе» представляют восточных славян, а не «турко-хазар», как в концепции Г. Эверса. Приазовская Русь Д.И. Иловайского идентична, как и у П.Г. Буткова, славянской Черной Болгарии, т.е., по его мнению, остаткам славянского Болгарского союза, разгромленного в 70-х годах VII в. хазарами, и Артании — «третьему центру Руси» арабских источников. Именно эту «русь» византийцы, по его мнению, называли в X в. скифами или тавроскифами.

Как до него С.А. Гедеонов, а вслед за ним Е.Е. Голубинский, Д.И. Иловайский полагал, что упоминание Фотия о крещении Руси относится к Руси Приазовской. Ей же принадлежат, по его мнению, посольство в Ингельгейм, «роушьскиеписьмены» в Херсоне, походы на Сурож и Амастриду. «Появление Руси (здесь Руси Киевской, Поднепровской. — А.Г.) на берегах Боспора Киммерийского восходит собственно к первой половине IX века, — писал Д.И. Иловайский, — но окончательное утверждение здесь их господства на всю восточную часть Таврического полуострова совершилось не ранее эпохи Игоря, т. е. приблизительно во второй четверти X века».40 Исходной посылкой этногенетической концепции Д.И. Иловайского, как и его предшественников: М.В. Ломоносова, П.Г. Буткова и В.И. Ламанского, было признание азиатской прародины славян. Славяне-роксаланы в Причерноморье и в Приднепровье и славяне-праболгары в Предкавказье представлялись Д.И. Иловайскому частями единого славянского племени, отставшими в эпоху движения славянского массива из Азии в Европу. В 70—80-х годах XIX в. эта гипотеза уже не отвечала возросшему уровню европейской славистики. Только консервативностью мышления, приверженностью к старым традиционным представлениям, архаичностью методов исследования (наивная этимологизация), которые вполне уживались в эпоху русофильствующего самодержавия с активной проповедью панславизма, можно объяснить возрождение и популярность этой средневековой концепции в русской историографии конца XIX в.

Однако следует отметить, что в начале 80-х годов XIX в. появляются попытки осмыслить возникновение Тмутороканского княжества с принципиально новых позиций. «...Основание Тмуторокани нужно поставить в связь с колонизационным движением северян на юго-восток и юг», — писал в 1882 г. Д.И. Багалеи.41 Он затруднялся определить время возникновения Тмутороканского княжества, но полагал, что «во всяком случае при Игоре Тмуторокань уже существовала, может быть, она была и раньше». Впервые мысль о северянской, т.е. реальной восточно-славянской этнической основе Тмутороканского княжества была высказана в 1873 г. Н.П. Барсовым, который, однако, в соответствии со взглядами на историю общего славянского этногенеза, считал, «что славянское (и именно северянское. — А.Г.) население с глубокой древности доходило по Черноморскому побережью до Кавказских гор...»42

В начале XX столетия идея Приазовской Руси подвергалась резкой атаке со стороны А.А. Спицына.43 Как археолог, А.А. Спицын привлек к осмыслению старой исторической проблемы новый источник — археологический материал; как историк, Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

он разработал новый метод исследования: от источников вещественных к источникам литературным. А.А. Спицын первым подошел к изучению запутанной проблемы с материалистических позиций, противопоставив стихийно-материалистический метод исторического исследования субъективно-идеалистическому методу Д.И. Иловайского и других историков второй половины XIX в. Опираясь на археологический материал, А.А. Спицын высказался против идеи о раннем проникновении славяно-русского населения на Юго-Восток. По его представлениям, Юго-Восток был издревле заселен ираноязычными народами. Иранцы-аланы, а не славяне, как утверждал в 70-х годах Н.П. Барсов, по мнению А.А. Спицына, «задавали тон» культуре Хазарского каганата; аланы, а не славяне составляли этническую основу Тмутороканского княжества в XI в. А.А. Спицын полагал, что начало славяно-русской колонизации края было положено походом Святослава, но он не верил в сам факт существования Тмутороканского княжества на Тамани и сомневался в подлинности «Тмутараканского камня».44

Подробный разбор восточных и византийских источников, которые в течение всего XIX в. принимались как неоспоримые свидетельства в пользу идеи о существовании Приазовской (Черноморской) Руси, в начале XX в. предпринял Ф. Вестберг.45 «Эта Черноморская Русь наделала много зла в русской науке и поэтому пора с ней навсегда покончить», — писал он. «Неразборчивое и ненаучное отношение к показаниям восточных писателей породило ужасную путаницу, в которой погрязнет еще немало ученых, занимающихся исследованиями по древнерусской истории».46 Ф. Вестберг подверг анализу устои концепции — сообщения арабских источников об «острове русов», «о море русов», упоминания Льва Диакона о возвращении Игоря к Киммерийскому Боспору, статью «О греческой кубаре» в договоре Олега и статью «О Корсуньской стране» в договоре Игоря. Объектом для критики он избрал неудачный 3-й том монографии С.А. Гедеонова «Варяги и Русь» и также неизданные замечания к нему А.А. Куника «Галиндо и Черноморская Русь», в которых, как он полагал, была сконцентрирована аргументация обоих исследователей в защиту Черноморской (т. е. Приазовской) Руси.47 Кроме того, он представил анализ концепции Н.П. Ламбина и в связи с этим вновь прокомментировал «Аноним Газе» и некоторые разделы, посвященные Северному Причерноморью, из трактата Константина Багрянородного «*De administrando imperio*».48 Ф. Вестберг пришел к выводу, что побережьем Таврики до похода Святослава владели хазары и, допуская влияние Киевской Руси на Крым (что, по его мнению, вытекает из «корсунских» статей в договоре Игоря), отрицал возможность утверждения Руси в районе Керченского пролива в середине Xв. при Игоре.

Ф. Вестберг справедливо отмечал, что С.А. Гедеонов и А.А. Куник использовали известия восточных авторов без предварительной критической обработки. Его призыв к осторожности в обращении с восточными источниками был для русской науки чрезвычайно ценен, поскольку свидетельства восточных авторов стали использоваться русскими историками прежде, чем они подверглись научной критике ученых-ориенталистов.49 Так, подготовленный к 1868 г. и изданный в 1870 г. основной свод восточных известий «о славянах и русских» А.Я. Гаркави, который оставался главным, а нередко и единственным источником сведений восточных авторов о Восточной Европе для большинства отечественных историков практически вплоть до 70—80-х годов XX в., появился до критического издания арабских источников, которое было начато в 1870 г. на западе де Гук.50 К тому же он был составлен и

прокомментирован А.Я. Гаркави под влиянием концепции С.А. Геденова. Таким образом, в отечественной науке сложился порочный круг, и следы его не вполне изжиты до настоящего времени: неясные и сбивчивые восточные свидетельства комментировались с самого начала в духе определенной концепции, а затем использовались для ее же доказательства.⁵¹ Однако, несмотря на то что негативная часть исследования Ф. Вестберга содержала суждения весьма важные для дальнейшего развития представлений о древней русской истории, его исследования не оказали на русскую науку того действия, на которое он рассчитывал. Позитивная часть его концепции, представляющая рецидив крайнего норманнизма в духе В. Томсена, оттолкнула от нее не только антинорманистов, но и сторонников центристской позиции. Явно скандинавский привкус его «восточной кухни» мешал и современникам, и историкам следующего поколения уловить то новое и положительное, что заключали для русской науки его труды.⁵²

В начале XX в. отрицательное отношение к идее Приазовской Руси высказывали и другие исследователи. Так, С.М. Середонин, автор «Исторической географии России», предполагал, что русские в Тмуторокане появились только со времени Владимира, который, по его мнению, подчинил этот край с целью обеспечения «выхода русской восточной торговли».⁵³ Византист Ю.А. Кулаковский писал: «Остается доселе неясным, когда русские прочно обосновались на побережье (Керченского пролива. — А.Г.)», — и склонялся к тому, что наиболее вероятным событием, положившем начало русскому владению в Приазовье, был не упомянутый летописью поход на хазар 1016 г.⁵⁴

Антинорманистскую линию Г. Эверса—Д. И. Иловайского в первой четверти XX в. продолжил В.А. Пархоменко.⁵⁵ Метод его исследования был очень близок к методу его предшественников 70—80-х годов XIX в., хотя он чаще пытался подкрепить письменные свидетельства археологическими данными. Концепция В.А. Пархоменко нашла большое число приверженцев и была очень популярна в 20—30-х годах XX в., тогда же она переключалась на запад вместе с русскими историками-эмигрантами, где ее развитие было продолжено в трудах В.А. Мошина, Г. Вернадского и др. В.А. Пархоменко полагал, что к моменту сложения Русского государства (VIII—IX вв.) восточное славянство состояло из трех больших групп: северо-восточной, юго-восточной и юго-западной, в каждую из которых входили предки позднее определившихся летописных племен. Юго-восточная (хазарская) группа с VI в. обитала к северу от Азовского моря. В ее состав входили будущие поляне, северяне, вятичи и радимичи, которые составляли военный союз. Византийское название этого союза и входивших в него племен — анты. Позднее те же византийцы называли эти племена *Ῥως* (Фотий, Аматорл и др.), а восточные авторы — Артанией. Юго-Восточная Русь входила в состав Хазарской державы. «Пребывая в лоне Хазарского царства, славяне-русы, видимо, пользовались, как объединяющим торгово-политическим центром, его столицей — городом Итиль... Но, позаимствовав от хазар начало государственности, вероятно, не позже второй половины VIII в... уже во второй половине IX в. Юго-Восточная Русь должна была образовать свой самостоятельный центр, каковым по летописным данным к началу XI века оказалась Тмуторокань, — весьма возможно, не первый по времени центр культурно-политической жизни этой Руси».⁵⁶ Таким образом, Тмуторокань, который, по В.А. Пархоменко, возник не позже конца IX в., — это самостоятельный культурно-политический центр Юго-Восточной славянской Руси. Очевидно, что В.А. Пархоменко

в своих построениях идет по стопам Г. Эверса. Для него, как и для его предшественников начала XIX в., основная проблема ранней русской истории сводится к вопросу: «где русы заимствовали начало государственности?» И эту проблему он решает так же, как и Г. Эверс, но в отличие от него говорит о переселении на Днепр из Приазовья всего племени полян, а не только князя и дружины. Он пишет: «Киево-Полянское русское княжество создано было Юго-Восточной Русью в борьбе за среднее Поднепровье с юго-западными восточно-славянскими племенами в X в.». Поляне, уйдя из Хазарии», «перенесли оттуда с собой в Киев черты хазарского государственного устройства и уклад жизни...»⁵⁷ Усвоение «хазарской государственности» Юго-Восточной Русью заключалось, по мысли В.А. Пархоменко, в образовании своего каганата, который поляне затем перенесли в Киев. Мысль о русском каганате получила в дальнейшем развитие в трудах Г. Вернадского, но была сформулирована, как мы отметили выше, еще Д.И. Иловайским и Е.Е. Голубинским.

Последним приверженцем линии Г. Эверса — Д.И. Иловайского следует признать Г. Вернадского, который, как и его ближайший предшественник В.А. Пархоменко, в поисках колыбели русской государственности наткнулся на идею о Приазовской Руси.⁵⁸ Развита в 40—50-х годах XX столетия концепция Г. Вернадского значительно сложнее односторонней антинорманистской концепции его предшественников. Г. Вернадскому на почве Приазовской Руси удалось сконструировать изящную, хотя и эклектическую, гипотезу о существовании Асо-славяно-норманнского каганата в Тмуторокане, откуда он начинает историю Русского государства. Эта гипотеза представляет сложную комбинацию противоположных суждений относительно этнической истории Юго-Востока, которые были выработаны в русской науке к началу XX в. Она сочетает умеренный славянофильский автохтонизм в духе В.А. Пархоменко с иранофильством В.Ф. Миллера — М.И. Ростовцева и воинствующим норманизмом Е.Е. Голубинского. Г. Вернадский утверждает, что славяне-анты (восточная ветвь славянского мира, подчиненная иранцам-асам и принявшая их имя 'ás (ед. ч.), 'ántes (мн. ч.), и иранцы-асы, в том числе и светлые асы (Rukhs-as — роксаланы), с начала н. э. обитали в теснейшем соседстве в районе Азовского моря и Тавриды (т.е. Крыма). В конце VII в., после ухода болгар на Дунай, хазары подчинили себе приазовских славяно-асов-антов. Последние стали играть важную роль в хазарской армии и администрации. В период обострения борьбы хазар и арабов (737 / 738 г.) приазовские асы (Rukhs-as — греч. 'Ρως) призвали на помощь норманнов, которые где-то в конце второй четверти VIII в. (после 739 г., но до 750—760 годов) образовали в Азовском регионе Русский каганат, столицей которого стал As-gard в Кубанской дельте около или на месте Тмутороканя. Этот каганат просуществовал до 989 г., когда Приазовская Русь была присоединена к Киевскому государству, правители которого приняли после этого титул кагана. В 20—30-е годы в зарубежной исторической науке, главным образом в трудах русских ученых-эмигрантов, одновременно с развитием концепции Г. Вернадского разрабатывался и откровенно норманистский вариант гипотезы о Приазовской Руси. Наиболее ярко он был представлен в работах В.А. Мошина. В.А. Мошин воспринял восходящую к началу XIX в. мысль о варяжском государстве на территории Хазарского каганата, центром которого якобы был Тмуторокань (Неаполь — Новгород). Отсюда, по его представлению, были совершены набеги на византийские владения в Таврике «князя Бравлина» Сурожской легенды и русского князя Хельгу Кембриджского документа, нападение на Амастриду в начале IX в. и набег на Константинополь в 860 г. «Аноним Газе» он безоговорочно принимает в трактовке А.А. Куника, приспособив ее

к норманнистскому варианту гипотезы о Черноморской Руси. Он полагает также, что разгром Хазарии в 969 г. совершила не Киевская, а «Таманская Русь». 59

В советской историографии вопрос о привнесении «государственных начал» в Поднепровье извне был окончательно снят трудами Б.Д. Грекова и его школы. Признание марксистского тезиса об имманентном развитии восточного славянства и закономерности процесса образования в его недрах классов и государства сделало бессмысленным продолжение между историками-марксистами дискуссии о путях импорта государственности. Вопрос, откуда — с севера из Скандинавии или с юга из Хазарии — восприняли русские славяне «основы государственного быта», утратил всякое значение уже в 30-е годы. Только те историки, которые не поняли или не приняли исторический материализм (западные историки Г. Вернадский, В.А. Мошин и их последователи — Г. Пашкевич, Н.В. Рязановский, А. Стендер-Петерсен), могли в середине XX в. серьезно выступить в защиту норманизма или антинорманизма. Вследствие этого в советской науке тема Приазовской Руси отделилась от проблемы образования Древнерусского государства и среди проблем внешнеполитической истории Киевской Руси заняла более скромное место. Однако как часть проблемы восточнославянского этногенеза тема Приазовской Руси не потеряла своего значения. Вопрос об этнических основах восточноевропейского Юго-Востока, Тмутороканя и его окружения, стал предметом длительной и острой дискуссии 30—50-х годов. Линия автохтонизма (М.В. Ломоносов — Д.И. Иловайский) в 30-е годы XX в. была переосмыслена с позиций «яфетической» теории Н.Я. Марра. В приложении к вопросу о Приазовской Руси наиболее полно в 30-е годы XX в. она сказалась в работах В.В. Мавродина. Сам же Н.Я. Марр полагал, что на Юго-Востоке, который издревле был заселен аборигенами-яфетидами, носителями языков, близких к древнейшим местным языкам Кавказа, «происходила трансформация яфетических племен в славянские, в частности, русские...»⁶⁰ Подобно Д.И. Иловайскому, он считал, что в византийских источниках именем 'Ρως называется Тмутороканская (Черноморская) Русь, но, в его понимании, это были яфестиды-абхазы, которые, по его представлениям, имели языковое сходство с восточно-славянским миром. Однако, по мнению Н.Я. Марра, население Тмутороканя приобрело славянский облик не только за счет языковой и соответственно этнической трансформации аборигенов, но и за счет притока с севера ранее трансформированных яфестидов, которые стали славяно-руссами.⁶¹ В.В. Мавродин, подобно Н.Я. Марру, писал: «Русь Черноморская — Русь яфестическая, но из нее вырастает, трансформируясь и скрещиваясь, и Русь протомеидская, индоевропейская...»⁶² Этот процесс превращения яфестидов в славяно-руссов, аналогичный процессу тюркизации и финнизации других яфетических групп, шел, согласно взглядам Н.Я. Марра, которых придерживался и В.В. Мавродин, по всей Восточной Европе. Отрицая старую теорию славянского автохтонизма в тех формах, которые были приданы ей Д.И. Иловайским, И.Е. Забелиным и другими автохтонистами конца XIX в., В.В. Мавродин таким образом приходил к утверждению славянской автохтонности в новой форме, соответствующей «яфетической теории» Н.Я. Марра. Однако в ортодоксально марристской по форме концепции В.В. Мавродина отчетливо проступали черты другого, нового, более реалистического понимания этногенетических процессов, происходивших на юге и юго-востоке Европейской равнины в первой половине I тыс. н.э. Это новое заключалось в признании постоянной подвижности и динамичности языковых и этнокультурных обществ этого региона, в признании постоянного взаимопроникновения, ассимиляции одних обществ другими, диффузии и движения, языковой, этнической, расовой гибридности. В.В. Мавродину

пришлось отстаивать концепцию Приазовской Руси в тот период, когда археологами (А.А. Миллер, М.И. Артамонов, И.И. Ляпушкин) был уже собран значительный фактический материал, свидетельствующий против тезиса о существовании на Нижнем Дону и в Приазовье русского населения до конца X в. Не учитывать эти данные было невозможно. Но, поскольку они шли вразрез с традиционным утверждением автохтонистов о том, что успешным политическим акциям Поднепровской Руси на Юго-Востоке способствовало наличие славяно-русских поселений на берегах Азовского и Черного морей, В.В. Мавродин попытался объяснить отсутствие славяно-русских древностей на Юго-Востоке до конца X в. местным своеобразием материальной культуры приазовских русов. «Материальная культура, быт, обычаи, одежда и т.д. этих русов-славян носят местный характер... Они кавказцы, а следовательно, отличаются от славян средней полосы», — писал В.В. Мавродин.⁶³ Это положение, ставящее под сомнение возможности метода дифференциации различных этнокультурных групп с помощью археологических памятников в целом, вытекало из традиционной со времени Н.П. Ламбина характеристики Приазовской Руси как особой синкретической общности — «притона». «Русь Черноморско-Азовского побережья до времени Святослава, — пишет В.В. Мавродин, — это и славянские купцы, и воины, появившиеся в городах и селениях Хазари, Крыма, Кавказа, Нижнего Дона, и отдельные колонии переселенцев, и гнезда русифицированных этнических групп, перевоплотившихся из племен сарматского мира, близких социально и в культурно-языковом отношении другим племенам, скрещивающимся в северной и лесостепной зоне с уже подлинными славянами».⁶⁴ Отсутствие новых положительных свидетельств в пользу существования Приазовской Руси поставило В.В. Мавродина в трудное положение. Ему пришлось защищать тезис о Приазовской Руси старым оружием своих предшественников. Отсюда и апелляция к арабским источникам (Артания на Тамани), и отождествление Неаполя Скифского с Новгородом, откуда, как сообщает Сурожская легенда, русы напали на Сугдею (Сурож — Судак), и предположение о южном «государстве» русского кагана на основании Вертинских анналов и т. д. В.В. Мавродин был последним, кто в отечественной науке стремился на основе только письменных источников и лингвистических данных без привлечения массового археологического материала отстаивать тезис о Приазовской Руси. В своих последующих работах, в том числе в таких монографиях, как «Очерки истории Левобережной Украины» (Л., 1940) и «Образование Древнерусского государства» (Л., 1945), В.В. Мавродин выступал как активный сторонник синтеза литературных и археологических свидетельств. В этих работах он уже пересмотрел многие собственные положения, высказанные в 30-е годы. Он признал в Новгородской легенде Новгород Ильменский, «русский каганат», «остров русов» и этноним «тавроскифы» стал связывать с Киевским Поднепровьем и т.д.⁶⁵ В изданной в 1971 г. научно-популярной книге «Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности», получившей широкий общественный резонанс, тема Приазовской Руси вообще отсутствует и на риторический вопрос «Где был расположен русский каганат?» автор отвечает вполне определенно: «Несомненно, не на побережье Азовского и Черного морей...»⁶⁶ В статье, специально посвященной Тмутороканскому княжеству, вышедшей в 1980 г., В.В. Мавродин также проявляет полное несогласие с гипотезой о Приазовской Руси, сторонником которой он вступил в науку в 30-е годы XX в.⁶⁷

А.Н. Насонов, опубликовавший свое исследование, посвященное оценке роли Тмутороканского княжения в истории Восточной Европы, в 1940 г., т. е. вскоре после

выхода в свет работы В.В. Мавродина, уже отказался подробно исследовать вопрос о славяно-русском населении в Приазовье до исторически достоверного факта — перехода Тмутороканя под власть киевского князя. Он разбирает только один из вопросов древнерусской политической истории, его цель — «установить, когда Тмуторокань сделалась зависимой от Киевской Руси, и выяснить обстоятельства, обусловившие эту зависимость».68 Но отказавшись детально разбирать запутанную этногенетическую проблему, А.Н. Насонов не смог уклониться от того, чтобы не высказать свое негативное отношение к Приазовской Руси. Он писал: «У нас нет данных, чтобы распространить Черноморскую Русь в IX в. на Таманский полуостров... показанием источников уstraивается, наконец, положение, что Тмуторокань была с IX в. славяно-русской».69 В то же время он допускает, «что уже в первой половине IX в. и, быть может, ранее существовали русы, осевшие в Крыму».70 Это допущение основывалось на хорошо известном смешении в византийской литературе Руси и тавроскифов (ср. С.А. Гедеонов) и на известных арабских рассказах о загадочном «острове русов», который он, вслед за А.Я. Гаркави, был склонен локализовать на севере Крыма.71 Но это для него было не основным. Главное, он стремился доказать, что Тмуторокань был отвоеван у хазар в 944 г. Игорем (ср. А.И. Мусин-Пушкин) во время похода русов на Каспий (события в Бердаа), по его мнению, явно инспирированного Византией. Обстоятельно аргументированная гипотеза А.Н. Насонова получила широкое распространение среди советских историков. Наряду с работами археологов М.И. Артамонова и И.И. Ляпушкина она способствовала тому, что в дальнейшем в советской науке сложилось более или менее «скрытое скептическое отношение к Приазовской Руси».72

В начале 30-х годов в дискуссию о Приазовской Руси активно вмешались археологи. Продолжая линию А.А. Спицына, М.И. Артамонов, изучая массовый археологический материал, добытый во время систематических работ Северо-Кавказской археологической экспедиции 1923—1930 гг., возглавляемой А.А. Миллером, подтвердил, что до конца X в. Юго-Восток был заселен племенами, основной археолого-этнографический признак которых — керамика — существенно отличается от керамики, характеризующей памятники того же времени (VIII—X вв.) на исконных славянских территориях.73 Таким образом, археологический материал вновь свидетельствовал о том, что Юго-Восток вошел в сферу славяно-русской культуры только в XI в. При этом М.И. Артамонов убедительно показал, что до похода Святослава Нижний Дон и Приазовье, находившиеся под властью Хазарского каганата, были заселены не аланами-иранцами, как полагал А.А. Спицын, а болгарскими, тюркскими по языку, родоплеменными группами, которые были родственны хазарам. Наиболее полно хазаро-болгарская гипотеза была обоснована М.И. Артамоновым в конце 30-х годов.74 Опубликованная в 1941 г. работа ученика М.И. Артамонова И.И. Ляпушкина нанесла еще более чувствительный удар гипотезе о славянской автохтонности или, в более смягченной форме, древности в Приазовье и вообще на Юго-Востоке, включая Крым.75 И.И. Ляпушкин исследовал массовый археологический материал самого Тмутороканя (Таманское городище). Он подтвердил вывод А.А. Спицына — М.И. Артамонова о том, что до конца X в. Приазовье не являлось областью распространения славяно-русской культуры, она появляется здесь только в XI в., сменяя культуру салтово-маяцкую. Как и М.И. Артамонов, И.И. Ляпушкин, в отличие от А.Н. Насонова, полагал, что русская колонизация Подонья и Тамани началась только после разгрома Хазарии Святославом. В конце 40-х и в 50-х годах XX в. тема Приазовской Руси вновь привлекла к себе внимание и вновь стала

предметом острой полемики. В наступление перешли сторонники идеи о древности славян в Приазовье. М.И. Артамонов и И.И. Ляпушкин были обвинены в «нигилистическом отношении» к славянам, Приазовскую Русь вновь стали рассматривать как «очаг славянства на юге».76 Появился даже тезис, правда, не нашедший широкой поддержки, «об автохтонности славян в Крыму», этносеологически связанный с гиперавтохтонизмом яфетической теории Н.Я. Марра.77

Новая концепция Приазовской Руси исходила из господствовавшего в 40-х и начале 50-х годов XX в. мнения о том, что памятники культуры полей погребения III—IV вв. (черняховская культура) оставлены древними долетописными славянами, а пальчатые фибулы, в значительном количестве известные из Керчи и с Южного берега Крыма, являются признаком исключительно славянского (антского) женского костюма VI—VII вв.78 Открытие на территории Крыма погребальных комплексов, напоминающих по обряду захоронения (трупосожжение) и сопровождающему инвентарю памятники Черняховской культуры Поднепровья, дало повод говорить о проникновении славянского населения в Крым с III в. н.э. «Мы можем проследить проникновение славян в Крым и Тамань почти за тысячу лет до образования Тмутороканского княжества», — утверждал в 1952 г. Б.А. Рыбаков79 на сессии Отделения истории и философии АН СССР, состоявшейся в Крымском филиале Академии, где специально рассматривался вопрос о месте Крыма в истории восточных славян. Однако авторы этой, на первый взгляд, новой концепции оказались в двойной зависимости от исследователей XIX в.: во-первых, над ними тяготела освященная временем традиция, во-вторых, они приняли письменные источники, способствовавшие утверждению этой традиции без нового критического исследования, в том виде, в каком их оставили сторонники Приазовской Руси XIX в., несмотря на то, что насущная потребность в пересмотре этих источников была доказана тогда же в 50-е годы XX в. М.В. Левченко и П.О. Карышковским.80 Наконец, они явно спешили с этнической интерпретацией весьма недостаточно тогда еще изученного археологического материала и прежде всего памятников черняховской культуры.

По мнению сторонников этой, в целом археологической, концепции, движение славян в Крым и на Тамань, начавшееся в III в., продолжалось в последующие столетия, и к IX—X вв. эти области оказались «в сильной мере славянизированы». В доказательство этого положения ссылались на находки якобы «славянской посуды» на городище близ с. Планерское (Коктебель) в Крыму, в ряде мест на Керченском полуострове, на Фанагорийском и Патрейском городищах на Тамани и, наконец, на городище древнего Тмутороканя. Под «славянской посудой» понимались, как правило, кухонные горшки, изготовленные на вращающейся подставке или гончарном круге, имеющие характерно отогнутый наружу венчик и округлую или слегка вытянутую форму тулова, покрытые снаружи линейным или линейно-волнистым горизонтальным рифлением, нанесенным зубчатым штампом во время формовки тулова сосуда. Эта группа керамики (как это было доказано еще в предвоенные годы М.И. Артамоновым81 и И.И. Ляпушкиным,82 а впоследствии С.А. Плетневой,83 и подтверждено многими другими исследователями) впервые была определена как славянская В.А. Городцовым в конце 20-х годов XX в. На авторитет В.А. Городцова ссылались Б.В. Лунин, А.С. Башкиров, А.П. Смирнов, Н.С. Барсамов, В.Н. Бабенчиков, П.Н. Шульц и многие другие археологи, касавшиеся вопроса о славянском заселении Юго-Востока.84 В течение многих лет мнение В.А. Городцова пропагандировал А.В. Арциховский, писавший о «русских поселениях в Крыму с керамикой, аналогичной керамике Киева и Новгорода XI—XII вв.».85 В.А. Городцов

познакомился с этой керамикой впервые в 1927 г., осматривая материалы из разведок А.С. Башкирова на Тамани.⁸⁶ В 1928 г. он сам побывал на Кубани, где увидел керамику селищ у аула Тлюстенхабль и у ст. Пашковской (в окрестностях Краснодара), которые были открыты местным краеведом М.В. Покровским. Керамику с линейно-волнистым горизонтальным рифлением В.А. Городцов признал очень сходной с керамикой старой Рязани. Группа курганов, кучно расположенных у аула Тлюстенхабль недалеко от селища, навела его на мысль «о курганных могильниках великорусов». В его дневнике позднее появилась запись об этом: «Не славяно-русское ли здесь селище и курганы? Не остатки ли это поселений Тмутараканского времени?»⁸⁷ В его архиве сохранился набросок незаконченной статьи «Древности Тмутараканского княжества», относящейся, по-видимому, к 1930 г., в которой развивается мысль о существовании в Прикубанье славяно-русских селищ и городищ, относящихся ко времени княжества, т. е. к XI—XII вв. «Здесь необходимы археологические раскопки, — писал В.А. Городцов. — Все это так интересно, что хотелось бы принять участие в решении возникающего ряда археологических вопросов».⁸⁸ Очевидно, что В.А. Городцов ограничился лишь поверхностным знакомством с материалом средневековых памятников Среднего Прикубанья. Однако возникшее на основании традиционной исторической концепции и весьма поверхностного осмотра нового археологического материала суждение о принадлежности широко распространенного на Юго-Востоке вида керамики славяно-русской культуре было принято как догма. А.П. Смирнов попытался даже связать этот вид керамики с керамикой черняховской культуры III—IV вв., что являлось в начале 50-х годов XX в. одним из доводов в пользу мнения о древности славян в Крыму и Приазовье.⁸⁹ Правда, в ряде исследований 50-х годов XX в. эта концепция подвергалась критике,⁹⁰ однако сторонники Приазовской Руси продолжали апеллировать к авторитету В.А. Городцова, при этом, иногда явно впадая в противоречия, горшки с линейно-волнистым орнаментом считали славянскими (русскими), по В.А. Городцову, но датировали этот вид керамики VIII—X вв., по И.И. Ляпушкину.⁹¹ Синтез традиции и опровергающего ее материала находит в эти годы отражение не только в публикациях конкретных результатов археологических исследований, но и в работах, претендующих на некоторую концептуальность. В этом отношении показательна статья А.Л. Монгайт, посвященная Тмутараканскому княжеству XI в.⁹² На основании материалов, полученных Волго-Донской экспедицией 1949—1951 гг. в Подонье (М.И. Артамонов) и Таманской экспедиции 1952—1955 гг. в Южном Приазовье (Б.А. Рыбаков), которые специально занимались изучением средневековых памятников, он признает, что славянское население на Юго-Востоке появилось не ранее похода Святослава, и одновременно утверждает, что «сведения византийских писателей позволяют предполагать существование уже в IX в. в Тмутаракани какого-то южного форпоста восточных славян» (с. 56. Прим. 11). Ниже он делает следующее замечание: «Нет доказательств наличия славянского населения на Северном Кавказе в Средние века. Очевидно, была ошибочной посылка, что Тмутараканское княжество возникло на славянской этнической основе. Это была русская колония, появившаяся в результате завоевания...» И далее следует традиционная характеристика Тмутараканя как «поселения местных племен со многими чертами аланской и адыгейской культуры и со следами значительных связей с Византией», восходящая к Н.П. Ламбину с его гипотезой о «воровском притоне». «Завоевание» А.Л. Монгайт, вслед за А.Н. Насоновым, датирует эпохой Игоря (!?), ссылаясь при этом на Кембриджский документ, который он толкует в духе В.А. Мошина, а не эпохой Святослава, как это, по-видимому, должно было бы следовать из признанных им археологических свидетельств.

В последующие десятилетия (60—90-е годы XX в.) интерес к теме Приазовской Руси заметно ослабел. Это объясняется в значительной степени тем, что проведенные с большим размахом в послевоенный период в Южном Приазовье (Крым и Тамань) археологические исследования не подтвердили тезис о раннем заселении края славянами, хотя порой в литературе встречаются рецидивы традиционной концепции. При этом показательно, что этот тезис в последние десятилетия, как правило, развивают авторы, прямо не занимающиеся разработкой письменных или археологических источников. Они не учитывают историографии проблемы, корпуса накопленной информации и достижений исторической науки. Симптоматично, что воскрешение мифа о Приазовской Руси в последние десятилетия происходит уже не на крымской, а на кавказской почве.⁹³

Для изучения подлинной истории Южного Приазовья в период, предшествующий образованию Тмутороканского княжества, большое значение имела работа А.Л. Яковсона о раннесредневековых поселениях Восточного Крыма, опубликованная в 1958 г.⁹⁴ А.Л. Яковсон обобщил материал, добытый археологами на Крымской и Таманской стороне Керченского пролива и вновь показал отсутствие в материале VIII—X вв. следов славяно-русской культуры. Вслед за И.И. Ляпушкиным он пришел к выводу об общности культур VIII—X вв. в Крыму, на Тамани и в Подонье, в то же время отметив ряд отличий, придающих крымским памятникам салтово-маяцкого типа «облик местной культуры». Однако позиция А.Л. Яковсона оказалась не вполне последовательной: в других работах он не только готов был признать Приазовскую Русь «поселением русской дружинной вольницы» в районе Керченского пролива, но даже допускал существование в IX в. «нового города Руси, возникшего где-то в Восточной Таврике или по соседству с ней», в Тмуторокане, не позже середины X в.⁹⁵ Тем не менее исследования А.Л. Яковсона определили начало нового этапа в изучении Южного Приазовья, поскольку, несмотря на полуторавековую дискуссию о Руси в Приазовье, вопросы средневековой этнической истории края никогда не разрабатывались столь основательно. Правда, для этого имелись объективные причины: недостаток и неясность письменных свидетельств и отсутствие археологического материала, но немаловажная причина состояла и в том, что миф Приазовской Руси, возникший в начале XIX в., плотно закрывал тот реальный этнический фон, на котором возникло в действительности Тмутороканское княжество. В связи с этим показательно высказывание А.П. Смирнова, одного из наиболее активных защитников идеи о Приазовской Руси в середине XX в.: «Решение упирается в неразработанность вопроса о времени появления славян в Крыму, на Тамани и на Дону и в определении той этнической среды, в которую попали славяне в этом крае».⁹⁶ Исследования А.Л. Яковсона существенно отличались от всех предшествующих работ по раннесредневековой истории края. Археологические данные, количество которых в послевоенные годы значительно возросло, позволили А.Л. Яковсону перейти к конкретному изучению поселений VIII—IX вв. На основании накопленного материала А.Л. Яковсон попытался написать первый после Ю.А. Кулаковского очерк истории края и наметил направление дальнейших исследований. А.Л. Яковсон поставил и ряд новых проблем. Среди них важнейшей следует признать проблему культурной преемственности между населением античного и средневекового периодов. До включения в канву исторического исследования археологических материалов постановка этой проблемы была невозможна.⁹⁷ Доминирующим в VIII—IX вв. в Южном Приазовье А.Л. Яковсон, вслед за А.А. Спициным, считал «аланский элемент», но в то же время он предполагал, что среди обитателей края значительную часть

составляли черные болгары. И хотя А.Л. Якобсон не говорил прямо о потомках древнего античного населения, из контекста его статьи явно следует, что, говоря о «возрождении края», он имел в виду экономический и культурный подъем старых античных землевладельческих общин, переживших длительный, глубокий кризис, который наступил в Южном Приазовье после гибели Боспорского царства в IV в. Причину «оживления» края А.Л. Якобсон видел в благоприятной политической ситуации, которая, по его мнению, сложилась в этом регионе вследствие установления его фактической независимости от Византии и Хазарии, а также вследствие «стабилизации» в южнорусских степях, наступившей в конце VII в. после ухода болгар на Дунай. Иное объяснение «оживлению» Южного Приазовья в VIII—IX вв. дал М.И. Артамонов.⁹⁸ Он связывал появление оседлых земледельческих поселений в Крыму и на Тамани с процессом оседания степняков-кочевников, который в это время интенсивно шел на границах Хазарского каганата. По мнению М.И. Артамонова, возникновение в VIII в. оседлости и земледелия в этом регионе было следствием усиления хазарской власти, а не следствием независимости края от хазар, как думал А.Л. Якобсон. М.И. Артамонов полагал, что хазары в этом регионе не только сохраняли значительную политическую активность вплоть до X в., но и составляли часть его населения. М.И. Артамонов затруднялся определить этнический состав обитателей края в целом, склоняясь, однако, к мысли о том, что край был заселен болгарами, родственными хазарам в языковом и этнокультурном отношении. Концепция М.И. Артамонова была значительно подкреплена С.А. Плетневой, изучавшей керамику Таманского городища из раскопок Б.А. Рыбакова, проводившихся в 1952—1955 гг.⁹⁹ С.А. Плетнева показала, что «оживление» Таматархи — Тмутороканя связано с распространением власти хазарского каганата на Южное Приазовье. Вместе с хазарами здесь появилась салтово-маяцкая культура, которую С.А. Плетнева приписывает аланской и болгарской этническим группам. Пришедшие вместе с хазарскими властями новые поселенцы, по мнению С.А. Плетневой, в этнокультурном отношении поглотили «несомненно преобладавшее местное население», ибо интенсивно развивающееся в хазарский период гончарное производство, как выяснила С.А. Плетнева, совершенно не было связано с керамическими традициями предшествующего периода. Несмотря на различную историческую интерпретацию археологического материала, А.Л. Якобсон, М.И. Артамонов и С.А. Плетнева признают, что археологическая культура Южного Приазовья в VIII—IX вв. представляла локальный вариант так называемой салтово-маяцкой культуры (или, вернее, нескольких культур, по традиции объединяемых общим названием). Правда, А.Л. Якобсон был склонен считать значительным вклад потомков древнего античного населения в процесс формирования и этого локального варианта и культуры (комплекса культур) в целом. Он даже полагал, что эту культуру следует именовать «северопричерноморской, ибо Таврика стала важнейшим очагом ее развития» в VIII—IX вв.¹⁰⁰ Тем не менее А.Л. Якобсон не отрицал притока носителей салтово-маяцкой культуры (т.е., по его мнению, северопричерноморской) из Приазовья в Восточный и даже в Юго-Западный Крым.

Совершенно противоположная концепция развития края в период, предшествовавший возникновению Тмутороканского княжения, сложилась в 50-х годах XX в. в среде крымских археологов, в частности у исследователей городища на плато Тепсень (близ с. Планерского) В.П. Бабенчикова и М.А. Фронджуло. Если в публикации 1955 г. В.П. Бабенчиков не отрицал наличия на «городище аланской и болгарской посуды», считая, впрочем, ее «каким-то особым вариантом» и настаивая на наличии «видов,

характерных для славянской керамики»,¹⁰¹ то в работе 1958 г. он вообще не признает связи между культурой Тепсеня и культурами салтово-маяцкого круга.¹⁰² Не снимая тезиса о присутствии в материале Тепсеня элементов славянской культуры, В.П. Бабенчиков выдвинул положение о некой северопричерноморской средневековой культуре, одним из вариантов которой якобы и является культура Тепсеня. В отличие от «северопричерноморской» культуры А.Л. Якобсона, которая, по мнению автора, в основном тождественна салтово-маяцкой культуре, «северопричерноморская культура» В.П. Бабенчикова — М.А. Фронджуло представляется особым палеоэтнографическим комплексом, который, по их мнению, существовал в VII—X вв. в Восточном Крыму и на Тамани. Правда, М.А. Фронджуло не отрицает полностью, подобно В.П. Бабенчикову, связей между культурой Тепсеня и культурой салтовских поселений в Подонье, но он признает присутствие в Восточном Крыму, «только отдельных элементов» салтовской культуры (пощеные сосуды, украшения) и соответственно не признает этнического родства между обитателями Южного и Северного Приазовья.¹⁰³ Стремление крымских археологов второй половины 50—60-х годов XX в. выделить Южное Приазовье в особый этнокультурный район и нежелание признавать исторически сложившееся единство этого края с северным Приазовьем, Северным Кавказом и всем степным кочевым Юго-Востоком — в историографическом аспекте нельзя рассматривать иначе, как последнюю попытку удержать призрак Приазовской Руси, уходящий в прошлое исторической науки.¹⁰⁴

Полуторавековая история идеи о существовании особой Руси в Приазовье до того, как Русское государство, сложившееся в Поднепровье, двинулось на овладение Азово-Черноморским и Северо-Кавказским краем, отражает историю развития русского исторического мышления в целом. Рожденная в процессе первых попыток научно осмыслить древнейшее прошлое русского народа идея Приазовской Руси возникла из субъективной, чисто логической интерпретации спорных и недостаточно изученных письменных источников. Не будучи связана с прочной базой объективных исторических свидетельств, она в дальнейшем легко меняла окраску и переходила из арсенала антинорманистов к норманистам и обратно. История развития идеи о существовании Приазовской Руси может служить примером того, как историческое мышление пробивается к истине сквозь субъективистские построения и схемы, как количественное накопление фактического материала приводит к переоценке качества знаний, разрушает привычные сложившиеся суждения и воздвигает на их месте новые, соответствующие новому более высокому качеству информации и уровню науки».

Смог ли кто-либо с тех пор, иначе интерпретировать эти «спорные и недостаточно изученные письменные источники», пережившие крушение Греческого царства? Нет, они все также у нас перед глазами, и сила этих отрывочных свидетельств, по-прежнему влияет на умы многих исследователей, вопреки даже археологическому аргументу. Они лишь побуждают догадываться, что за реальность стояла за ними, и как много текстов этой культуры было утрачено, но никто еще не подверг их сомнению. Их только убирают с глаз долой, все реже ставят на вид, как будто отсутствие славянских или скандинавских древностей в Крыму, Приазовье или на Тамани до рубежа 10/11ст. или молчание Повести временных лет, каким-то образом их дезавуирует. Уже в 1973г. в печать идет статья историка и археолога Д.Л. Талиса: «Топонимы Крыма с корнем "рос"», начинающаяся с констатации того, о чем абзацем выше рассказывает очерк Гадло А.В.: «Проблема так называемой Приазовской Руси в течение длительного времени порождала острую

полемику¹. В истории изучения Средневекового Крыма оживленную дискуссию в 50-х годах вызвал вопрос о времени появления славян и руси в Крыму². Накопленный за два десятилетия археологический материал показал, что сколько-нибудь убедительных данных в пользу предположения о проникновении в Крым славянского населения до IX—X вв. не существует. Результаты исследований последних лет на Украине и в Крыму еще более ослабили аргументацию сторонников этой точки зрения». И тем не менее: «В соответствии с данными некоторых византийских и арабских источников, начиная с первой половины IX в., росы обитали в Крыму⁷. Об этом же говорит наименование тавроскифы, широко применявшееся византийскими авторами для обозначения руси. При всей сложности объяснения его, в особенности его возникновения⁸, несомненна первоначальная связь средневековых носителей этого имени с территорией Крыма». И следом: «Вопрос о том, почему славяне Приднепровья, начиная с X в., также стали называться росами, или русью, выходит за пределы задач этой статьи. Как бы этот вопрос ни решался, а предлагаемые решения многочисленны и зачастую противоположны²⁸,— ясно одно: Днепровскую Русь византийские писатели называли тавроскифами и таврами именно потому, что на нее было перенесено название народа, действительно обитавшего в Крыму в VIII—IX вв. т. е. росов». Автор поддержал новую концепцию археолога Д.Т. Березовца об идентификации этой ранней южной руси с алано-болгарским населением, чьи поселения были уничтожены в Крыму в 10ст. вторжением печенегов. Якобы топонимы с корнем «рос», фиксируемые в Крыму по итальянским портуланам послемонгольского времени, указывают на исконных носителей этого имени. Что говорить, если подобную точку зрения, пусть сегодня мало кто ее разделяет, можно встретить и сегодня, к примеру, у российского историка и писателя Королева А. С.: «Приазовская Русь действительно существовала, но это была Русь не славянская, а, если так можно выразиться, «салтовская». Или в статьях российского историка М.И. Жиха. К примеру: «Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации русского каганата» 2018 года, где рассказывается о том, что: *«Известный советский археолог Дмитрий Тарасович Березовец (1910-1970), открыватель пеньковской и волынцевской культур, сформулировал и наметил третий путь в поисках начальной Руси, резко отличный от большинства как "норманистских", так и "антинорманистских" теорий: ранние русы во главе с хаканом, известные из восточных и западных источников, по мнению Березовца, были аланами, носителями салтово-маяцкой археологической культуры: памятники салтово-маяцкой культуры располагаются ровно на том месте, где ранние восточные авторы локализуют русов, а этнографические описания русов у восточных авторов в точности соответствуют этнографическому портрету аланов, рисуемому по археологическим материалам (к сходным выводам о локализации Русского каганата в регионе Верхнего Дона и аланской этнической основе данной политики в тоже время пришёл русский историк эмигрант Г.В. Вернадский, причём Вернадский и Березовец, видимо, не знали о работах друг друга и независимо пришли к общему выводу: Русский каганат письменных источников - это аланское политическое объединение в верховьях Северского Донца и Дона). К сожалению, все соответствующие работы Д.Т. Березовца были опубликованы после безвременной смерти учёного, поэтому полноценного обсуждения новой концепции не состоялось, а поскольку она противоречила всем господствующим подходам и теориям (как "норманистским" попыткам связать русов со скандинавами, так и "антинорманистским" поискам руси в Среднем Поднепровье), то, не смотря на весь научный авторитет Д.Т. Березовца, была волонтаристски забыта (ну а концепции Г.В. Вернадского в СССР можно было обсуждать только в рамках «критики буржуазной историографии»).* Только в конце 90-х - начале 2000-х годов в работах В.В.

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

Седова и Е.С. Галкиной концепция Русского каганата как особой политики на юго-востоке Европы была возвращена в актуальный историографический контекст».

Идея Причерноморской Руси поддержана была и известным советским славистом Трубачевым О.Н. Свою книгу «К истокам Руси» он начинает с той же закрытой археологией темы: «Начиная этот непростой и, смею заверить, выстраданный рассказ о Руси Азовско-Черноморской, невольно переросший в остро ответственный, а потому вселявший в меня смущение, неоднократно откладываемый и вновь избираемый и уже на протяжении ряда лет не новый для меня сюжет – о Руси и ее названии, я приглашаю читателя обратить свой взор на юг, в данном случае – не на Крым, а на тот, в сущности, крайний юг собственно Руси-России, который при всех ее могучих прирастаниях и разрастаниях как был тысячу лет назад, так и остался фактически самым отдаленным южным форпостом Руси-России в ее исторически древнейших – европейских – пределах. Это Тамань, Таманский полуостров, древняя Тмутаракань». Будучи больше лингвистом, чем историком, автор, тем не менее, призывал исследователей не отказываться от этой, в значительной степени, дискредитированной южной концепции. Такова убедительность тех ориентиров, которые содержатся в скупых отрывочных сведениях византийских источников.

«У Тамани, снискавшей в литературе прошлого века репутацию самого скверного городишки на юге России, было большое прошлое – русское и дорусское. Это прошлое интересно и заслуживает нашего рассмотрения и даже пересмотра не только само по себе, оно небезразлично и для углубленного понимания вечного вопроса, «откуда есть пошла Русская земля», в особенности же того, как и откуда она стала так называться. Важность правильных ответов на эти взаимосвязанные вопросы давно поняли не только у нас в стране: «Тот, кто удачно объяснит название Руси, овладеет ключом к решению начал ее истории[7]. Но сначала – по порядку. Самым серьезным суждением предшествующей научной мысли о Тмутараканском княжестве мы должны признать мнение о загадочности его возникновения и существования[8]. И наоборот, односторонне упрощенными представляются нам суждения тех современных исследователей, для которых начало русской Тмутаракани датируется лишь временем после походов князя Святослава во второй половине X века[9], а их критика «умозрительности» мнения старых исследователей о присутствии там славян в более ранние века[10] становится, как увидим далее, все более голословной. И это при том, что старое, почтенное мнение о глубоких местных корнях Тмутараканского княжества[11], в свою очередь, уже не может удовлетворить нас сегодня, когда накоплены материалы для не столь однозначных, более широких решений и неожиданно конкретных ответов в духе славянско-неславянской взаимности.

Словом, попытка дать современное решение проблеме Тмутараканского княжества вновь влечет за собой весь комплекс Азовско-Черноморской Руси, несмотря на запретительные нотки в современной критике. Повторяется типичная ситуация в науке (и науковедении), когда инициаторы запретов или анафем на проблемы, будь то «ненаучная» («донаучная») теория дунайской прародины славян или, как в данном случае, древних корней Тмутараканского княжества и Азовско-Черноморской Руси, оказываются вынужденными расписаться как минимум в собственной недалекости.

Я имею в виду недавно высказанное мнение, высказанное, надо сказать, бегло и в полной уверенности, что речь идет о вчерашнем дне науки: «Ее (легенды о Черноморской Руси. – О.Т.) абсурдность доказана еще учеными прошлого века, тем не менее, ее

сторонники появлялись в 20 – 30-х годах, не исчезли они и ныне»[12]. Вот тезис, в котором я вижу типичный завал на пути к истине и собираюсь построить немалую часть своего дальнейшего изложения в плане расчистки этого завала, для чего, думаю, накопилось достаточно материала. Надо иметь, правда, при этом в виду, что спорящие уже с давних пор подвизаются в некоем подобии заколдованного круга, избрав либо славянскую идею в интерпретации этой южной приморской Руси, либо отрицание славянской идеи, а заодно – как бы для вящего порядка – и полное отрицание этой своеобразной Руси. В числе одного из первых «запретителей» Черноморской Руси называют Ф.Ф. Вестберга с его исследованиями начала XX века, полемика с которым велась в основном с позиции изначального славянства этой Руси[13]. Позиция эта в прошлом была весьма активной, и ее защищали не последние имена в русской историографии – Гедеонов, Иловайский, Багалей и, конечно, Пархоменко[14]. Потом или, вернее, уже тогда произошло то, что просто не могло не произойти, – некий исторический обман зрения. В самом деле – ничего не стоило спутать туманную Русь Азовско-Черноморскую с несравненно более известной Днепровской, Киевской Русью, и нет смысла, видимо, особенно пенять за это историкам, оценивая сейчас трудность вопроса и двусмысленность источников. Памятуя об этой двусмысленности источников, да и самого русского вопроса на раннем этапе, не следует удивляться тому, что и проблема Азовско-Черноморской Руси обретала порой варяжский, норманнский акцент[15], и мы сталкиваемся с этим не один раз. Хотя и тут комплекс сведений об Азовско-Черноморской Руси явно мешал гладкости и цельности картины ранней истории Древней Руси в целом, и отчаянные попытки избавиться от этого комплекса способны были бы вызвать даже наше человеческое сочувствие, если бы дело было только в этом. Чего стоят, например, упрямые попытки уточнить в желаемом смысле перевод знаменитых трех мест из Льва Диакона. В соответствующих местах у этого византийского историка содержатся: (1) требование императора Цимисхия к князю Святославу, чтобы тот «удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору...» (VI. 8), далее, (2) напоминание Цимисхия Святославу о том, что отец его Игорь спасся к Киммерийскому Боспору с десятком лодок (VI. 10), наконец, (3) высказывается предостережение, «...чтобы скифы (то есть русь. – Т.О.) не могли уплыть на родину и на Киммерийский Боспор в том случае, если они будут обращены в бегство»[16]. Оказывается, комментаторов очень встревожило, что эти действительно яркие слова о Киммерийском Боспоре (то есть Керченском проливе) как месте, куда возвращаются скифы – тавро-скифы – росы, «дали многим историкам пищу для предположений о существовании Приазовской Руси. Но данная гипотеза зиждется лишь на неточности перевода, как латинского – Газе, так и старого русского – Попова...»[17]. Но «неточность» – если считать таковой упоминание о Боспоре Киммерийском – сохранена и в новейшем, видимо добротном, переводе М.М. Копыленко, и от ключевой роли Киммерийского Боспора в толковании этого вопроса не уйти никуда ни нам, ни комментаторам, как бы они ни редактировали употребление союзов в переводах Льва Диакона. Они, эти комментаторы[18], способны вызвать скорее раздражение, чем признательность, поскольку воюют с очевидностью, попутно без всяких оснований пытаюсь посеять сомнения в «четких географических представлениях» Льва Диакона, а заодно и других ученых византийцев. Все это делает для нас сомнительными доводы самих этих скептиков, желающих ограничить черноморскую сферу деятельности первых русских князей днепровским устьем. С нашими скептиками не согласен и текст договора Игоря с греками 945 года, где содержится совершенно недвусмысленный особый параграф, убеждающий в том, что греки знали о распространении интересов Руси также к востоку от Херсонеса и всячески противились этому: «А о Корсуньсте и стране. Елико же есть городов на той части, да не имать волости князь руский, да воюеть на тех

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

странах, и та страна не покарается вам»[19]. И речь идет, заметим, о делах задолго до Владимира Святого и его появления у стен Корсуня-Херсона-Херсонеса. Но суть вопроса этим далеко не исчерпывается». И далее: «И все же именно сдержанность оценок археологов повлияла на общее состояние проблемы в науке. Археологи же склонялись к тому, что до рубежа IX – X веков славянские поселения «не выходили за пределы лесостепи» и в юго-восточную зону не углублялись[27]. Правда, эту слишком суммарную и чрезмерно скептическую оценку в наших глазах существенно корректирует мнение опытейшего современного археолога: «Археологически южная колонизация почти неуловима»[28]. Ясно, что перед нами – классический *argumentum ex silentio*, иными словами – ситуация, когда из отсутствия (молчания) источников нельзя вывести ни наличия славянского населения, ни тем паче наоборот. Готовность к скептическому решению, впрочем, перевесила и у некоторых исследователей обрела форму вывода, что, например, русские застали в Тмутаракани этническую группу хазарского времени, «а не потомков античного населения»[29]». (Трубачев О.Н. «К истокам Руси»).

Антинорманисты искали оседлое славянское население в этом приморском районе, полагая, что ранняя русь – категория не социальная, а этническая, норманисты – скандинавские артефакты. Некоторые, прозорливо отождествляя эту Приазовско-Черноморскую Русь с «островом русов» мусульманских источников, упорно помещали его в дельте Кубани или Дона. Предположительно, без серьезных попыток обосновать такую точку зрения. Археологи, касательно 9го ст. убедительно опровергли и тех и других.

А что же данные византистики? Они никуда не делись, их просто перестали замечать. Между тем, они еще могут быть полезны, воскресив для нас эту «роусьскую» Атлантиду. Разумеется, если мы прислушаемся к мнению советских археологов и перестанем искать там, где ее никогда не было! Поскольку они по-прежнему, неизменно предлагают четкие ориентиры, способные пролить свет на эту двухсотлетнюю загадку. Каким образом? Мы просто сместим внимание чуть в сторону от магистрального направления заданного российскими историками 19 века. И, к изумлению скептиков, пазл начнет складываться сам собой, а подтверждения начнут рисовать картину, которую мало кто из неискушенных в теме интересантов ожидал бы увидеть, вопреки всем «запретительным ноткам» в современной российской критике, о которых мимоходом упоминал О. Н. Трубачев.

А теперь – взрыв мозга,- представьте, насколько заполитизирована эта тема была и в 19-20вв., если ее пытались подсветить через Тамань, которая никакого отношения к «Тавроскифии» никогда не имела? Задумайтесь на минутку. Просто подумайте. Забудьте про чистую науку. Это дешевый миф. Тем более, когда речь идет об исторической науке 19 века. Эти российские служаки самодержавия и империи, справедливо полагая, что уверенно разделаться с гипотезой о «Приазовской Руси» никаким норманистам с их варяжской байкой никак не светит, просто решили подсовывать следующим поколениям исследователей новые альтернативные сюжеты, лишь бы увести их внимание в сторону. Аж, до Таманского полуострова. Запутать все так, чтобы черт ногу сломал.

Глава 3

«РОСИЯ»

«Помни дни древности, помни годы всех поколений, спроси отца своего и скажет он тебе, старцев твоих и они скажут тебе» (Второзак. XXXII, 7.)

«О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!» (Слово о полку Игореве)

А теперь я покажу вам эту якобы «абсурдную» Черноморскую Русь. Просто потому что немного знаю историю Украины, без определенного уровня понимания которой, как оказывается, опознать ее невозможно, что и доказывают современные исследования россиян. А в этой украинской истории есть, кому рассказать нам о том, что мы спрашиваем. Пусть эти люди давно уже и мертвы. На след ее, исчезнувшей без следа, замолчанной поздними редакциями Повести временных лет и так инеузнанной, мы выйдем, сперва, благодаря тем же грекам, и российским переводам их письменных источников. Затем арабская традиция подтвердит греков, и я покажу вам фокус по серьезнее – прямые подтверждения этих данных в традиции скандинавской. Поскольку все три указывают на одно и то же: «русь» рассматривали, как сообщество Северного Причерноморья изначально. И не подозреваете вы об этом исключительно благодаря российским историкам - скандинавистам. Ключи к отгадке этой головоломки находятся в их руках. И не наша вина, что они не спешат их показывать. Итак, если вы готовы, начнем.

Временновыпишем кредит доверия Евстафию Фессалоникскому, жившему в 12ст.- архиепископу Фессалоникийскому, византийскому историку и писателю, оставившему по себе, кроме прочего, один малоизвестный, но для нас сейчас интересный пассаж в комментариях к Дионисию Перизегету – древнегреческому географу 2 века н.э. Его перевод выглядит так: «К северу от Истра,- говорит он,- **живут следующие племена:** германцы, саматы, т. е. сарматы, геты, вастарны, неизмеримая земля дасков, аланы, **тавры или росы, живущие около Ахиллова Бега**, меланхлены, геппимолги, невры, ипподы или по некоторым хазары, гелоны и агафирсы». Кроме подмеченного традиционного для греков приема архаизации, на какое направление он указывает? По неясной, ускользающей пока от нас причине, в связи с «племенем» росов он указывает на какую-то территорию около некоего Ахиллова Дрома – «Тавроскифию» византийцев. Люди редко поясняют вещи, которые и так всем известны, и Евстафий Солунский, здесь не исключение, так что, каких-либо дополнительных разъяснений, в этом тексте нет. Но, вот, допустим, мы проявим интерес к такой загадочной схолии, поскольку Ахиллов Дром, является ориентиром вполне узнаваемым – это современный остров Тендра, Тендровская коса, находящаяся в пределах херсонской области Украины в нескольких км от берега, по ту сторону от Днепровского лимана. Она вытянута в северо-западном направлении на 65 км, придовольно небольшой ширины упоминается в греческих источниках со времен Геродота. И, хотя это никак не Крым, античные авторы, опять же, традиционно относили ее к Тавроскифии. К примеру, византийская Хрестоматия Страбона, так описывает ее южную границу: «Устья реки Борисфена и остров Борисфен находятся в углу Тамиракского залива, а река Каркинит впадает в угол соименного залива. **Между этими двумя заливами лежит в виде полуострова Тавроскифия, южная часть которой представляет собой идущий по прямой линии берег, Ахиллов**

бег». Об этом я уже упоминал в предыдущей главе. Так что сегодняшние национальный природный парк «Олешковские пески» или Национальный заповедник «Аскания-Нова», это и есть Тавроскифия, и уж никак не крымские горы тавров или Тамань.

Тот же Евстафий Солунский в тех же комментариях к Дионисию Перизегету так поясняет его название: «Бег Ахиллов на котором живет племя тавров, представляет собой узкую и длинную косу; по Геродоту, это низкий полуостров вроде ленты (или перевязи), длиной почти в тысячу стадиев к востоку, песчаный, в два стадия ширины. Этот бег пробежал эллинский герой Ахилл, преследуя агамемнонову дочь Ифигению, похищенную из Авлиды в Скифию, когда Артемида подменила ее ланью для жертвы. Ахилл, пробыв здесь долгое время, как думает и Ликофрон, дал этому месту свое имя». Его называли по-разному, Ахиллесово ристалище у Геродота, Дромос Ахиллеос у Плиния Старшего или Ахиллов Бег у Помпония Мелы. Существовало предание, что в древности на этой косе тренировался в беге герой Илиады Ахилл. Ее западный мыс, по римскому географу Птолемею (87-165гг н.э.), назывался Священным, а жили в этом районе-тавроскифы, обитатели района низовий Днепра. Отсюда видно, кого имел ввиду Евстафий Солунский, когда упоминал тавров или росов – очевидно, что все тех же тавроскифов. Таким образом, у нас в наличии уже два ориентира от византийских писателей 12ст.: «у северного Тавра» Иоанна Скилицы, и «около Ахиллова Бега» Евстафия Солунского. И оба они, строго говоря, почему-то указывают не на Среднее Поднепровье, а на все тот же район Тавроскифии античных географов. Каким боком к ним Крым или Тамань, надо спрашивать у россиян или тех, кто любит есть лапшу, приготовляемую их историками.

Также общеизвестно, что одним из прозваний росов в византийских источниках, как следует из византийской хроники Псевдо-Симеона (последняя треть X века) было – дромиты: *«Росы, или еще дромиты, получили своё имя от некоего могущественного Роса, после того как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться»*. Это темный текст, к которому нет авторских пояснений, и где, главным образом повествуется об одном из морских нападений руси на Византию. Само же прозвание «дромиты» многие исследователи еще со времен 19ст. производят от того же Ахиллова Дрома. Многие, но далеко не все. Как сказано у Гедеонова С.А. в его книге «Варяги и Русь», так поступал еще российский историк и филолог А.А. Куник (1814–1899). Автор добавляет: «Против этой, впрочем, с грамматической точки зрения, безупречной этимологии, восставал преимущественно Келер и, кажется, не без основания. От греков название руси дромитами выйти не могло не потому только, что никакая русь, да и вообще никакой другой народ не жительствовавший на Тендерской косе, но и по причине самой неопределенности этого имени. Слово «дромос» имеет множество различных значений в греческом языке; кроме основного бег, оно означает место ристалища, гуляние, крытый портик, преддверие храма, оркестр, а впоследствии и церковную службу. Производное отсюда «дромитос» получало географический смысл не иначе, как в соединении с другим, определенным местным названием. О производных от местностей, посвященных памяти Ахиллеса, Стефан Византийский говорит: «Gentile, Achilleotes, et etiam Achilleitesessepotest, et Achilleodromites». Взятое отдельно слово «дромитос» относилось бы к Ахиллесову бегу, как слово «политос» (civis, municeps) к жителям Неаполя, Константинополя и т. п. Странно также, что дромитами русь названы у греков только один раз, по поводу Игорева похода; географические названия так скоро не исчезают; еще страннее, что Симеон Логофет, большой охотник до заимствованных из

мифических преданий Древней Греции словопроизводств, не обратил внимания на классическое, общепринятое (по г. Кунику) толкование слова «дромиты» от Ахиллесова бега, а предпочел ему прозаическое «от скорого бега». Тем не менее, толкование, намекающее на связь этого прозвища с Ахилловым дромом, как кажется, сейчас преобладает. В 20м веке его поддержал известный византист А.А. Васильев. А в 1981 в своей статье, упомянул в «Византийском Временнике» Николаев В. Д.-«Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г». Автор считал, что «русь-дромиты» Псевдо-Симеона, эта некая славяно-варяжская вольница, обитавшая в устье Днепра и на побережье Черного моря, «русская промысловая и торговая вольница, напоминающая будущих «галицкихвыгонцев» и бродников, с которыми ее роднит даже смысловое значение наименования «дромит»: *«Дромитами, отмечает А. А. Васильев, русские были названы не потому, что могли быстро бегать, а по названию места в устье Днепра, откуда они отправлялись в грабительские набеги 35. Это был длинный узкий участок земли или побережья, известный с древних времен как Ἀχιλλέωςδρόμος, или Ахиллов бег. Культ Ахилла Понтарха был распространен на северных берегах Черного моря (остров Ахилла, храм Ахилла в Ольвии). Уже Птолемей около 140 г. н. э. говорит о тавроскифах как об обитателях окрестностей Ахиллова дрёма. Но название «тавроскифы» было позднее перенесено византийцами на русских 36. Географ VI в. Стефан Византиец упоминает Ἀχιλλέωςδρόμος, называя его островом, а его жителей — Ἀχιλλεοδρομίται. Участок Ахиллова дрёма был очень низким местом, подверженным наводнениям, по всей вероятности, никогда не был населен, и, таким образом, Ахиллеодромиты, как можно предполагать, обитатели terra firma, т. е. берега, противоположного дрому».* (Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г.). Прав ли он в этом своем убеждении? Скоро проверим.

И вот этих же самых людей киевского князя Святослава Лев Диакон в том же 10ст., по какой-то причине, именует тавроскифами в своей «Истории», - упорно считается, что он первый употребил это прозвище, и наделяет такими интересными чертами:

- «Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну — мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых страшат всякими пугалами».

- «Говорят, что скифы почитают таинства эллинов (тут язычников), приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Замолксиса, то ли у соратников Ахилла. Ведь Арриан пишет в своем “Описании морского берега”, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера».- «Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием. О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, что он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: “Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос».

- «О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные, - когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть. Вот какое убеждение владеет ими».

Как бы там ни было с «дромитами», трудно поверить, что речь идет о народе, а не о какой-то специфической социальной группе, правда? Еще труднее угадать в этих «тавроскифах» - скандинавов из описания Ахмада ибн Фадлана того же столетия. Даже с первой попытки. Однако нам требуется больше конкретики. И тут большую службу могут сослужить тексты договоров с греками вставленные в Повесть временных лет. А именно один из пунктов договора руси с греками 944/45гг. Его фактическая часть, как давно доказано, имеет все признаки копии подлинного соглашения хранившегося в императорской канцелярии византийских императоров. И лишь впоследствии переведенного на старославянский. Споры идут по поводу обрамления и самого раннего из них – 911г. Конкретно же к тому, который был заключен после неудачной войны князя Игоря с греками, о которой упоминает, кстати, и Лев Диакон, вопросов меньше всего. Когда с них сняли копии, перевели и включили в летопись, точно не известно. Некоторые особенности оформления, как пишет А. Толочко, указывают на последнюю четверть 11ст. (Толочко А.П. Очерки начальной Руси). Но в нем есть один очень любопытный пункт, способный, если его, не только правильно читать, но и правильно понять, указать нам верное направление поиска. А заодно, и ключ к разгадке тайны этого «русского каганата», и того, что за сообщество в те времена манифестировало себя такой странной формулой «Мы ѡт рода Рускаго». Призванный регулировать русско-византийские отношения, он содержит не только пункты, касающиеся правовых отношений между людьми из Руси и подданными императора греков, но и одно четкое обязательство по поводу защиты владений Византии в Крыму. Выглядят они в переложении со старославянского так: **«И о Корсунской стране. Да не имеет права князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, но когда попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать, — дам ему, сколько ему будет нужно. И об этих: если придут чёрные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране».** Все. Я не буду подробно повторять всех тех, ведущих в никуда, версий, по поводу объяснения этого пункта, - прошу меня простить. Все обстоит еще хуже, если он вообще выпадает из поля зрения реконструкций исследователей. Однако от него никуда не деться. Он есть, и его надо объяснять, что, как оказывается не так-то просто сделать. Дело осложняется неопределенной локализацией этих помянутых «черных болгар», тревоживших византийских дипломатов. Краткий обзор проблемы можно встретить в комментариях к трактату Константина Багрянородного «Об управлении империей», где есть краткая запись в главе 12 «О Черной Булгарии и о Хазарии»: «[Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами». Содержание этого текста составлено, как считается в середине 10ст. и глава явно не закончена. Эта вся информация, которую она содержит. Комментарий к академическому изданию составлен такой:

[1 Ср.: DAI, 42.77. Черная Булгария известна также по Повести временных лет: согласно договору Игоря 944 г. с Византией, русский князь обязывался защищать

"Корсунскую землю" (округ Херсона) от черных болгар, нападавших из Приазовья. Локализация спорна: область Кубани (Ласкин Г. Сочинения Константина Багрянородного. М., 1899. С. 76; Златарски В. История. Т. I. Ч. 1. С. 114) или междуречье Днепра и Дона (Westberg F. Die Fragmente des ToparchaGoticus // Memoires de Academieimperiale des sciences de St.-Petersbourg. SPb., 1901. Т. V/2. S. 103,107; Marquart J. Streifzuge. S. 503; Vasiliev A.A. The Goths.P. 101). Д. Моравчик (GLAI. II. P. 62) считает возможным отождествить Черную Булгарию с Волжской (см. также: Брун Ф. Черноморье. Т. I. С. 31-32, 100, 107; Macartney C.A. On the Black Bulgars // Byzantinisch-neugriechisches Jahrbuch. 1930-1931. Bd. 8. S. 150-158; Смирнов А.П. Волжские Булгары. М., 1951; ср.: Гадло А.В. О черных и внутренних болгарях. Одна из спорных проблем исторической этнографии южнорусских степей // Географическое общество. Доклады по этнографии. Л., 1968. Вып. 6. С. 3-25). В материалах Комиссии АН СССР "Константин Багрянородный" высказано, однако, другое мнение: «Видно, что лежала [ЧернаяБулгария] по соседству с Хазарией и притом ближе к Руси. Нельзя отождествлять [ее] с Волжской Булгарией (Брун Ф.К. Черноморье. Т. I. С. 31, 100) и с территорией Кубани, занятой аланами (= Иловайский [Д.И.] Розыскания о начале Руси. [С.] 290; Ласкин [Г. Сочинения]. [С.] 76). Вернее думают Вестберг и Маркварт: [она находилась] между Днепром и Хазарией, занимая часть старинной области кутигуров или котрагов к западу от Танауса. Ср.: Середонин [СМ.] Лекции. С. 86» (Архив АН СССР. Ленинградское отд-ние. Ф. 126. Оп. 1. N 10) Действительно, как явствует из сообщений Константина, русы, направляясь в Тавриду, проходят от Днепра путь через Черную Булгарию и Хазарию, что делает уязвимой волжскую локализацию Черной Булгарии Константина.]».

Развернутый имеется - у Гадло А.В. Проблема состоит в том, что на время заключения договора и написания этого трактата, в степях от Дона до Дуная, вот уже несколько десятков лет как кочевали печенеги, вытеснившие с этих территорий венгров, ушедших на запад. Этим же печенегам приписывают и погромы в ареале распространения салтовской археологической культуры, соотносимой с алано-булгарским населением Хазарского каганата. Как в степной части Крыма, так и в бассейне Северского Донца. Хронологически они относятся к началу 10ст., как раз к тому времени, когда печенеги передвинулись в этот регион. Тот же трактат Константина Багрянородного описывает местности, где они кочуют, по обеим сторонам Днепра, вплоть до Дуная и степной части Крыма, и совершенно непонятно, где там, в северном Приазовье, могли удержаться остатки болгарского населения, имеющие дерзость, вести себя независимо по отношению к печенегам и Византии. Исходя из информации трактата, им просто нет места в тех степях. Некоторые предполагают, что такую возможность имели прикубанские болгары, жившие по ту сторону от Керченского пролива, в сфере влияния Хазарии. Осуществлять же такие набеги было возможно в особо холодные зимы, когда пролив замерзал, но тогда непонятно, как русь могла воспрепятствовать этому, не имея в «Корсунской стране» права ни воевать, не контролировать территории. Напротив, как мы видим согласно договору, «князю русскому» оттуда могли дать помощь воинами. Никаких данных позволивших бы науке утверждать о наличии в Крыму каких-либо районов подконтрольных руси в середине 10ст. также нет. Все говорит о противоположном. Да и зачем, в случае нападения с Тамани ждать реакции «русского князя», если в Крыму зимовали печенеги, одной из их «фем», по словоупотреблению трактата «Об управлении империей» на которую, согласно того же трактата Багрянородного, византийцы имели влияние:

«О пачинакитах и херсонитах. [Знай], что и другой народ из тех же самых пачинакитов 1 находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами 2, и исполняют поручения как их, так и василевса и в России, и в Хазарин 3, и в Зихии 4, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам».

Они имели возможность сориентироваться быстрее, чем кто-либо другой из соседей «Климатов», причем, также быстро, как и налетчики. Как же решить эту задачу? Предварительно, к примеру, в качестве рабочего варианта, предположить, что «росов», в данном случае,romeипредполагали привлечь,к делу, которое было этому сообществу по силам. Это для начала. Здравый смысл может подсказать, что против мобильных, конных групп кочевников естественно эффективнее всего было применять такие же мобильные отряды, способные быстро реагировать на изменение ситуации. Исходя из того, что мы знаем, росы на данную роль не годятся. Еще четверть века спустя после заключения рассматриваемого договора, росы, как подметил Лев Диакон, слабо владели навыками верховой езды и почти не имели лошадей. В рассматриваемое время они известны были, главным образом, как «морская пехота», и в таком качестве, греками традиционно и рассматривались. В какой же ситуации они могли быть полезны против кочевниковугрожавших Крыму с точки зрения византийской дипломатии? Честно говоря, если разобраться тут вариантов не так много и довольно странно, что говорить об этом выпадает мне. Они могли рассматриваться византийскими властями либо как наемники, несущие службу в укреплениях- но тогда для того, чтобы стал возможным упомянутый пункт договора, нет вообще никаких оснований: кого и куда при таком сценарии мог не пускать «князь русский»? Либо,-а тут уже надо думать, - они могли быть полезны в конкретной ситуации,в теплое время года, когда нужно было перекрыть речные переправы, по пути следования предполагаемых налетчиков, что росы, располагая «акатиями малыми, и легкими, и быстрыми: поскольку через реки в Евксинское море попадают», действительно могли предпринять эффективно. В теплое время, поскольку - именно тогда печенеги отсутствовали в Крыму. Исходя из логики их способа хозяйствования, обусловленного местной географической спецификой, они должны были откочевывать, следуя«за травой», на север.Этот народ занимался отгонным скотоводством, отходя на юглишь осенью. Также как, впоследствии, делали и другие кочевники, жившие в этих краях,зимую у моря, на юге, где снежный покров был минимальным, о чем мы знаем, благодаря документам главным образом– позднего средневековья и Нового времени. С той только разницей, что печенеги, по-видимому, не имели постоянных зимовищ. При учете такой специфики их быта в этом регионе, они просто не смогли бы вовремя воспрепятствовать кому-либо, кто решился пойти в набег на греческие владения. Имеем ли мы право сделать такое умозрительное предположение? Почему бы и нет. Итак – весна-лето. Перекрытие переправ. Как переправлялись через реки кочевники, идущие налегке в набег, историки в общих чертах представляют – это не секрет. Таких описаний, идущих от разных столетий, осталось немало, при этом, что естественно, они довольно схожи:в наиболее удобном месте люди загоняют коней в воду и с их помощью преодолевают узкое место. Иногда предварительно мастерят камышовые плоты под поклажу, чтобы не замочить припасы или луки. И так, не теряя времени, быстро переправляются. Преградить им дорогу или обратную дорогу, целесообразнее всего было в месте переправы, которое известно было всем, кто знал эти места, и именно такое поручение «не пускать» росам выполнить было под силу. В каком же случае при учете географии тамошнего края такая ситуация могла возникнуть? В том, когда предполагалось, что эти черные болгары на пути в Крым, будут

переправляться через Днепр с запада. Можно попробовать смоделировать подобную ситуацию, поскольку археология сейчас улавливает присутствие носителей салтовской культуры к западу от Днепра. Об этом писал еще тот же А. В. Гадло: **«Население Приазовья и Северного Кавказа 8-10 вв. и проблема черных болгар в русской историографии»**. Исследователь был убежден, что локализовать черных болгар 10 века в Приазовье не следует. Как, впрочем, и Черную Болгарию, аргументируя ее западное по отношению к Приазовью местоположение таким образом: *«Из главы 12-й трактата «Deadrainistrandoimperio» также не следует, что черные болгары обитали в Приазовье: «О Черной Булгарии и Хазарии. И так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами».*²⁴ На основании этой главы обычно полагают, что Черная Булгария должна быть сопредельна Хазарии.

Не имея данных для определения границ Черной Булгарии, попытаемся установить западные пределы Хазарии. *«...Между ал-Константинией и их страной (страной хазар. — А.Г.) 15 дней пути...», — сообщали Хаздаи Ибн-Шафуту прибывшие в Кордову посланцы византийского императора.*²⁵ Хаздаи Ибн-Шафут, передающий в своем письме хазарскому царю Иосифу рассказ этих посланцев о Хазарии, под термином «ал-Кустантиния», вероятно, понимал не только город Константинополь, но и всю территорию к югу от Дуная. В противном случае мы должны были бы допустить, что, по представлению византийского посольства, граница Хазарии проходила по Дунаю, так как только за 15 дней до района Дуная мог добраться идущий из Константинополя караван. Это маловероятно. Скорее всего, осведомители Хаздаи имели в виду тот же караванный путь в Хазарию, что и Константин Багрянородный, и, рассказывая Хаздаи о Хазарии, отсчитывали расстояние от того же пункта на Дунае.²⁶ Константин исчислял расстояние от Дуная до хазарской крепости Саркел в 60 дней пути. За 15 дней, разумеется, можно было покрыть только четверть этого расстояния. Следовательно, остается признать, что по представлениям обитателей Константинополя середины X в. Хазария начиналась где-то в низовьях Днепра. Попробуем проверить это заключение. В анониме С. Шехтера («Кембриджский аноним») говорится: *«...между нашей страной (Хазарией. — А.Г.) и Кустантиной по морю 9 дней (пути) и сухим путем — 28 дней».*²⁷ Здесь под Кустантиной понимаются порт и город, а отсчет ведется от пределов Хазарии. 28 дней — вполне удовлетворительный срок, чтобы караван мог покрыть путь от низовьев Днепра до Константинополя, и слишком незначительный, если допустить, что отсчет в данном случае велся от пункта, более удаленного на восток. В письме царя Иосифа, адресованном Хаздаи Ибн-Шафуту, находится еще одно подтверждение тому, что в середине X в. западной границей Хазарии считался Днепр. *«С западной стороны (запад по отношению к Итилю. — А.Г.) живут 13 народов... располагающихся по берегу моря Кустантинии, оттуда граница поворачивает на север до большой реки по имени Юз-г».*²⁸ Отождествление реки Юз-г (= Ва-г-з пространной редакции) с Днепром подтверждается двумя вескими доводами. Во-первых, тем, что для Днепра и в других источниках зафиксировано название Узу — Озу и близкие им формы, передающие тюркское Özü. Во-вторых, тем, что большинство из не названных в краткой редакции «13 народов» — обитатели городов Таврики. Они перечислены в пространной редакции. Последний довод иногда отвергался в связи с сомнениями в подлинности пространной редакции. Но теперь, когда подтверждена аутентичность источника, нет оснований не доверять его показаниям.²⁹

Итак, три разных автора, исходивших из разных побуждений, независимо один от другого свидетельствуют об одном и том же: по представлениям середины X в. Хазария начиналась в низовьях Днепра. Это вовсе не означает, что Южнорусская степь до низовьев Днепра была населена хазарами. Константин Багрянородный определенно говорил, что «с низовьев реки Дуная... начинается Печенегия, и область их (печенегов) поселения простирается до хазарской крепости Саркела».30 «Печенегия очень близка к Херсону, но еще ближе к Боспору».31 Царь Иосиф определял протяжение Печенегии (Б-ц-ра) в 4 месяца пути.32 О постоянных столкновениях хазар с печенегами (гузами) в Приазовье около 950 г. говорил ал-Масуди.33 Взаимоотношения печенежских племен и Хазарии были крайне неустойчивы и колебались от открытой войны до признания полной вассальной зависимости. Несмотря на значительное ослабление Хазарии в середине X в., ее престиж был еще очень высок, и хазарское правительство предпринимало серьезные действия для его поддержания. Даже при наличии крупных печенежских племен к востоку от Днепра, хазарское правительство не отказывалось от активизации войны с Византией в Таврике в годы правления Романа Лекапина (919—944).34 Следовательно, в середине X в. низовья Днепра могли рассматриваться не только как номинальная граница Хазарской державы, но и как фактический предел действия хазарских отрядов и находившихся в вассальных отношениях к хазарскому кагану родоплеменных групп». Следовательно, как заключал автор, Черная Болгария должна была находиться к западу от Днепра. Как бы там ни было с Черной Болгарией, но каких-то болгар по культуре к западу от Днепра археология действительно фиксирует для 10 века. Это приморская часть Днестро-Дунайского междуречья, где в 9-10ст. сформировалась т.н. балкано-дунайская археологическая культура, основными элементами которой были, как славянский, оседлый, так и болгаро-тюркский. Обособленный регион, служивший своего рода убежищем для разных групп кочевников со времен болгар хана Аспаруха, укrywшихся здесь от хазар, до полунезависимых от Крымского ханства буджакских татар 17в. Византийский хронист Феофан (ок.760-818 гг.), еще на рубеже 8/9ст. описывал его так: «Наконец третий из них (из братьев), именем Аспарух, перейдя реки Днепр и Днестр, что к северу от Дуная, и захватив Огрос (Онгрос), поселился в землях между ним и вышеупомянутыми реками, поскольку заметил он, что место это защищенное, и трудно напасть на него с любой из сторон, будучи топким с передней стороны, а с других сторон – окруженным кольцом рек». В позднем средневековье он получил наименование – «Буджак», по-турецки – висак «угол». На севере его историческая граница проходила по Верхнему Траянову валу. На востоке – по Днестру, на западе – по реке Прут, на юге – по Дунаю. На его территории располагалась т.н. Буджакская степь. Ныне это юго-западная часть Одесской области Украины и южные районы Молдавии. Так вот, распространение территории Первого болгарского царства до Днестра не доказано по сей день, так что с большой долей вероятности можно утверждать, что жившие там тогда кочевники сохраняли определенную независимость от своих задунайских родичей. Как пишут на этот счет археологи: «Об этом свидетельствует не только отсутствие единой сложившейся культуры на поселках 10в. данного региона, но и данные письменных источников. Константин Багрянородный в описании путешествия торговых караванов русов из Киева в Константинополь писал «...приходят к Селине, так называемому ответвлению (рукаву) реки Дунай... От Селины они никого уже не боятся и, вступив на Булгарскую землю, входят в устье Дуная». Следовательно, в представлении данного автора земли Болгарии начинались в устье Дуная». (Смиленко А.Т. Козловский А.А. Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья. 1987). И это именно то, единственное место - убежище, в причерноморских степях, где элементы салтовской культуры

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

фиксируются археологией до начала 11ст. Характеризуя население этого края в 10ст. после принятия в Болгарии христианства, молдавский историк и археолог Н.Д. Руссев, основываясь на выводах археологии, пишет: «Вне русла главных перемен оставались группы болгар, вбивавшие в себя тюркских переселенцев из Северного Причерноморья. В условиях начавшегося после смерти Симеона ослабления государства они могли долго сохранять существенные архаические черты самобытности. Общая обстановка времени царствования Петра (907-970) способствовала дальнейшему притоку тюрков. Импульсы из степи постепенно придавали придунайскому региону этнополитическую обособленность. С большой вероятностью можно утверждать, что такая маргинальная общность обитала в степях у границ исторического «Онглоса» к концу существования Первого болгарского царства. Такие аморфные коллективы легко взаимодействовали с более активными родственными группами, представители которых при благоприятных условиях могли составить ядро вновь формирующегося этнического конгломерата. Этот процесс прослеживается уже в середине 10 ст. когда Болгария, по сути дела, без сопротивления сдала печенегам почти все свои степные владения к северу от низовий Дуная. При этом некоторые поселения балкано-дунайской культуры, судя по отдельным находкам, пережили дунайские походы Святослава 967-971гг. и продолжили существовать к югу от Нижнего Троянова вала вплоть до 11ст.». (Н.Д.Руссев Феномен болгаро-дунайской культуры и история Дунайской Болгарии. 1981). Подробнее об этой археологической культуре рассказывается в автореферате диссертации В.И. Козлова «Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI вв. н. э.: балкано-дунайская культура», где автор упоминает и о проблеме локализации Черной Болгарии: «Осмысление феномена балкано-дунайской культуры в степном Северо-Западном Причерноморье возобновило интерес ученых к проблеме локализации, так называемой Черной или Внутренней Болгарии. Сформировалась точка зрения, что Черная Болгария – это область Дунайской Болгарии, лежавшая к северу от Дуная и к западу от низовьев Днепра/ Гадло,1968; Артамонов,1973; Макаровский, 1975/. Однако, несмотря на многие аргументированные и интересные доводы, такое решение вопроса о местонахождении Черной Болгарии все же нельзя признать однозначным, поскольку до сих пор памятники балкано-дунайской культуры не обнаружены на территории к востоку от Днестра, которая вXв. была занята печенегами».

Однако, пусть местонахождение Черной Болгарии и вызывает споры, вероятность того, что именно жители этого степного угла, некогда покинувшие под давлением печенегов свою старую родину, могли однажды в 10ст. нащупать возможность пробираться в Крым, довольно высока. По сути, у данного предположения, нет альтернативы. Им достаточно было осторожно следовать вдоль побережья, избегая печенегов, откочевывавших со своими стадами по весне. 300 км марша и одна серьезная водная преграда – Днепр. С какой скоростью кочевники, ведя с собой по паре-тройке коней, могли совершать свои налеты, можно узнать, читая описания Нового времени относящиеся к татарам. Такая команда молодцев была бы в Крыму через несколько суток дороги. Итак, у нас есть кандидаты на роль «черных болгар» из договора 944/45гг. Теперь следует определить, о каком районе Днепра могла идти речь в переговорах греков с их северными контрагентами и посмотреть, что из этого получится. Имелся ли таковой вообще или реку в низовьях можно было преодолеть в разных местах? Где эти «черные болгары» могли переправляться на крымскую сторону?

И тут, те, кто кое-что понимают в истории Украины, скорее всего, припомнят Каховку и Каховскую ГЭС перегородившую Днепр с пятидесятых годов. По ней сейчас проходит

трасса Р 47 и железнодорожный переезд. И естественно, что ее не строили в случайном месте. Она стоит в том же районе, который люди, использовали для переправы через Днепр столетиями, как, к примеру, и знаменитая запорожская ДнепроГЭС - старшая ее родственница. Можно припомнить бои на Каховском плацдарме 1920г., когда там велось сражение за переправу между «Русской Армией» Врангеля и Красными или вторую мировую войну. Можно узнать кое-что о временах более отдаленных, когда через эту переправу проходил знаменитый «Черный шлях», которым татарская орда следовала в Коронные земли Речи Посполитой. Она почиталась лучшим перевозом татарским, охранялась несколькими турецкими крепостями, крупнейшей из которых был Казы-Кермень, или Газикерман (осм. Gazikerman — крепость воинов за веру), стоявший некогда на возвышенности в районе современного Берислава. Описание его оставил турецкий дипломат Эвлия Челеби, побывавший в этих краях в середине 17ст. В 1695г. его штурмовали российско-украинские войска Мазепы и Шереметьева, после чего крепость так и не восстановилась. В то время переправу в этих местах называли по-турецки «газилер-геремих» - переправа газиев. Лишь южнее Днепр снова разливается, создавая новые протоки. В районе же Каховки он течет одним течением, сравнительно не широко. К тому же, до затопления, посреди Днепра в этом месте тянулся ряд островов, крупнейшим из которых считался десятикилометровый остров Тавань. Они то существенно и облегчали переправу. «Таваньские перевозки» упоминаются еще в 15ст. в описании южных границ Великого княжества Литовского. Как писал Михалон Литвин, автор известного трактата «О нравах татар, литовцев и москвитян» середины 16в., посол Великого княжества Литовского в Крымском ханстве: «Нет пути более обычного, как древняя, давно проложенная и хорошо известная дорога, ведущая из черноморского порта, города Кафы, через ворота Таврики на Таванский перевоз на Днепре, а оттуда степью на Киев».

Итак, зная все это, мы не ошибемся, предварительно предположив, что «черные болгары», в случае, если бы им пришлось переправляться через Днепр, использовали бы не каждый участок этой широкой реки, к которому имели выход, а тот же район. И именно в этом месте, вероятно, согласно расчетам византийских стратегов их должны были поджидать росы, перекрывая им дорогу, или обратную дорогу. Однако, если мы не ошибаемся в своих расчетах, то перед нами встает главная проблема такой реконструкции – временная. Поскольку, как они могли успеть перекрыть район переправы, пребывая в Среднем Поднепровье? Ведь, хотя византийские источники и связывают их активность с рекой Днепр, однако помещают их существенно севернее, в Киеве, там, где скоро начнет складываться княжеский домен, известный под названием «Роусьская земля» - так называемая у историков «Русская земля» в узком смысле. По крайней мере, тот единственный, из дошедших до нас, который хоть что-то рассказывает про их образ жизни в 10ст.

По правде говоря, вышеупомянутый пункт договора 944/45 гг., если о нем не забывали, давно наталкивал исследователей на подозрение, в существовании какого-то пристанища руси вблизи крымских владений Византии. Где-то «в окружии Таврии», как писал о «князьях жестоких тавроскифов» византийский историк 12 века Константин Манассия, когда повествовал о нападении аварского кагана на Константинополь в 626г. И тут не важно, ждали ли этих болгарских налетчиков со стороны Приазовья или с запада, но внимание историков, как уже было показано, зачастую, вопреки прямым указаниям источников, странным образом, обращалось к востоку – к той самой фантомной Приазовской Руси, существование которой в 20в. опровергла археология. Почему это

внимание срабатывало, таким образом, сказать еще сложнее, ведь Таманский полуостров никогда не фигурировал в представлениях о Тавроскифии. Не думаю, что это случайная ошибка. Скорее уловка политического россиянина в какой-то момент осознавшего угрозу того, что он может поступиться объектом своего исследования в пользу украинцев.

Можно предположить, что кто-то мог успеть предупредить греков о надвигающейся беде, но, кто мог предупредить среднеднепровских росов? Довольно простой вопрос, однако, обыкновенно, в наше время, он останется без ответа. От Киева до Крыма примерно 650 км по прямой! Степными тропами, без дорог, сколько бы понадобилось времени, добраться в середине 10ст. до ставки киевского князя? По Днепру, до района бывших таваньских перевозов - спускаться около шестисот км – это приблизительно неделя скорой дороги в ладьях, не считая сборов и преодоления знаменитых днепровских порогов. Не просто сплава по реке со скоростью современной байдарки, а при работе гребцов, что могло дать примерно 80 км в день.

Можно еще раз напомнить, что сказано о росах в византийском трактате середины 10ст. «Об управлении империей». В нем рассказывается о многих народах, о росах же, главным образом, в главе 9. Называется она «О росах, отправляющихся с моноксилами из Росии в Константинополь».

[Да будет известно], что приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а другие из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам, росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичеву, которая является крепостью-пактиотомросов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи, что означает по-росски и по-славянски "Не спи". Порог [этот] столь же узок, как пространство циканстирия, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моносилах, затем нагие, ощупывая своими ногами [дно, волокут их], чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая [ее] шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что значит "Островок порога". Он подобен первому, тяжек и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моноксилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает "Шум порога", а

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

затем так же — четвертый порог, огромный, нарекаемый по-росски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны 35. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов 36. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внося груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-росски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моносилы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-росски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает "Кипение воды", и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-росски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как "Малый порог". Затем достигают так называемой переправы Крария, через которую переправляются херсониты, [идя] из Руси, и пачинакиты на пути к Херсону. Эта переправа имеет ширину ипподрома, а длину, с низа до того [места], где высовываются подводные скалы, — насколько пролетит стрела пустившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против росов. После того как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие — кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми. От этого острова росы не боятся пачинакита, пока не окажутся в реке Селина. Затем, продвигаясь таким образом от [этого острова] до четырех дней, они плывут, пока не достигают залива реки, являющегося устьем, в котором лежит остров Св. Эферий. Когда они достигают этого острова, то дают там себе отдых до двух-трех дней. И снова они переоснащают свои моносилы всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили [с собой]. Так как устье этой реки является, как сказано, заливом и простирается вплоть до моря, а в море лежит остров Св. Эферий, оттуда они отправляются к реке Днестр и, найдя там убежище, вновь там отдыхают. Когда же наступит благоприятная погода, отчалив, они приходят в реку, называемую Аспрос, и, подобным же образом отдохнувши и там, снова отправляются в путь и приходят в Селину, в так называемый рукав реки Дунай. Пока они не минуют реку Селина, рядом с ними следуют пачинакиты. И если море, как это часто бывает, выбросит моносил на сушу, то все [прочие] причаливают, чтобы вместе противостоять пачинакитам. От Селины же они не боятся никого, но, вступив в землю Булгарии, входят в устье Дуная 57. От Дуная они прибывают в Конопу, а от Конопы — в Констанцию... к реке Варна; от Варны же приходят к реке Дичина. Все это относится к земле Булгарии. От Дичины они достигают области Месемврии — тех мест, где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжелое плавание. Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия, что именуется "кружением", а именно — в Славиниивервианов, другувитов, кривичей, севернее и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киаву. Потом так же, как

было рассказано, взяв свои моносилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию».

Согласно этому тексту, для которого издателями подготовлены пространные комментарии, росы, торгующие с Константинополем, привязаны к Киеву и крепостям тамошнего края, лишь часть из которых поддается опознанию. Дорогой к ромеям служит им Днепр, которым они минуют опасные степи, занятые печенегами. И, если не считать упоминания их среднеднепровских владений, как некой почему-то «Внешней Росии», в этой главе нет и намека, на какое-либо их присутствие в Северном Причерноморье. Между тем, принимая во внимание расчеты многих историков, как прошлого, так и настоящего, оно должно было иметь место именно в то время, когда сочинялся трактат. На чем они основывались, я уже постарался разъяснить выше. Итак, комментарий издания по поводу странного выражения «Внешняя Росия»:

Выражение «Внешняя Росия» допускает несколько толкований.

1) "Внешняя Росия" — подчиненная росам территория славян со всеми перечисленными ниже городами, "внутренняя" (этого термина у Константина нет — он восстанавливается как оппозиция к "внешней" Росии) — собственно Киев, откуда выходят "все росы" в полюдь. В этом случае к "внешней Росии" придется причислить даже Вышгород — Вусеград (см. коммент. 14 к гл. 9), княжеский "Ольгин град" в середине X в., что маловероятно.

2) "Внешняя" и "внутренняя" Росии — два основных пункта пребывания росов: Немогард — Новгород, где сидел Святослав, и Киев, в котором Константин помещает "всех росов". Тогда все прочие города, перечисленные императором, не включаются ни во "внешнюю", ни во "внутреннюю" Росию (ср.: Насонов А.Н. "Русская земля". С. 31; Mosin V.A. Начало Руси. Норманы в восточной Европе // BS. 1931. Рос. 3. Р. 305), а принадлежат пактиотамросов — славянам (ср. обозначение Витичева как крепости-пактиотаросов; см. коммент. 25 к гл. 9). В гл. 37 Росия противопоставлена землям уличей, древлян, лендзян и прочих славян, платящих ей дань. Возможно, Константин, повсюду противопоставляя славян и росов, пытался разделить их и территориально, чему соответствовала и полученная им информация о "всех росах" в Киеве. Из самого трактата очевидно, что росы присутствовали и в Новгороде, и, как следует из данных археологии, в других пунктах, отмеченных Константином (см. коммент. 6, 11, 13, 16 к гл. 9). Росы и княжеская дружина вообще не могли замкнуться в стенах лишь двух подвластных росам крепостей: дружинные погосты в X в. известны по всей Восточной Европе на важнейших речных магистралях Древнерусского государства (Петрухин В.Я., Пушкина Т. А. К предыстории. С. 100-112). Таким образом, и земли между Киевом и Новгородом, и особенно речные пути, по-видимому, не были нейтральной зоной, куда росы наезжали лишь на время полюдь — они были закреплены за киевским князем системой погостов.

3) Гипотетическая "внутренняя" Росия — страна полян (Manojlovic G. Studije. Knj. 187. S. 24) или Русь в узком смысле — Киевская, Черниговская и Переяславская земли (Приселков М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен.зап. ЛГУ. Сер.историч. наук. 1941. Вып. 8. С. 233-235; Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 89). Однако Чернигов назван наряду с Новгородом и Смоленском вне связи с Киевом, равно как Вышгород и Любеч (на территории полян); Переяславль же не назван вообще: города "Русской земли" в узком смысле не выделяются

Константином в отдельную группу (ср.: DAI. II. P. 25). А.Н. Насонов ("Русская земля". С. 31) находит у Константина противопоставление "внешней России" с Новгородом собственно России, где князем (архонтом — см. коммент. 10 к гл. 9 и коммент. 10 к гл. 8) был Игорь, сидевший в Киеве. Но договор Игоря с греками 944 г. (ПВЛ. Ч. 1. С. 34-39), упоминающий наряду с послами великого князя Игоря, княгини Ольги и других также "сла" Святослава, заключен был от "всех людей Руския земля". Таким образом, киевский великий князь в X в. — не князь Руси в узком смысле, но правитель всей Русской земли, включая Новгород, как, по-видимому, и следует понимать титул "архонт России" у Константина. В гл. 37 Константин противопоставляет территорию (хору) России землям славян, платящих дань России, в которой Насонов видел Русь в узком смысле. Но Константин говорит о южных границах России и округах (хорах), с которыми соседят печенеги, поэтому сужение территории России до Среднего Поднепровья неправомерно.

4) "Внешняя Росия" — Северная Русь с границей где-то между Новгородом и Смоленском (DAI. II. P. 26; ср. наименование Смоленской и Новгородской земель Верхней Землей — Ипатьевская летопись, 1148 г.: ПСРЛ. СПб. 1908. Т. 2. Стб. 369). В этом случае перечисленные вслед за Новгородом (относительная самостоятельность которого подчеркнута тем, что называется новгородский князь Святослав) Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород входят во "внутреннюю Росию". Непосредственная связь Любеча, Чернигова и Вышгорода с Киевом не подлежит сомнению. Смоленское Поднепровье по данным нумизматики (Янин В.Л. Денежно-весовые системы. С. 149-151) в середине X в. входило в ареал южнорусской денежно-весовой системы, что свидетельствует о включении территории смоленских кривичей в сферу влияния Киева; полюдь с кривичей собирал киевский князь. По Б.А. Рыбакову, маршрут полюдя (по периметру племенных территорий древлян, дреговичей, кривичей и северян) проходил через перечисленные Константином города, поворотным пунктом был Смоленск (Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 316 и след.). В таком случае вероятно, что "внутренняя Росия" — это территория Руси, освоенная полюдем киевского князя (ср.: Рыбаков Б.А. Первые века. С. 36-37). Вместе с тем в реконструкции Рыбакова не учтены упомянутые Константином "прочие славяне", с которых собиралось полюдь, и платившие дань России уличи и лендзяне, наряду с древлянами не входившие, согласно Константину (см. гл. 37 и коммент. 15), в Росию. Неясным остается и положение Смоленска, который древнерусская традиция относит к Верхней Земле наряду с Новгородом (ПВЛ. Ч. 2. С. 350-351).

Существует также ряд других менее обоснованных гипотез о локализации "Внешней" и "Внутренней" Росий (см.: DAI. II. P. 26). Среди последних — их отождествление О. Прицаком с "каганатом Руси", состоящим из двух территорий, которыми для середины X в. являлись Днепровский путь — "Внешняя Росия" и Ростовская земля (метрополия) — "Внутренняя Росия". См.: Pritsak O. Where Was Constantine's Inner Rus'? // Harvard Ukrainian Studies. 1983. Vol. VII. P. 555-567.

5) Наиболее убедительным представляется предположение А. Поппэ, что деление Руси на "внешнюю" и "внутреннюю" проводилось самими византийцами; таким образом, "внутренняя Росия" — ближайшие к Византии земли в Приднепровье, "внешняя Росия" — отдаленная Новгородская земля (Поппэ А. Rhosia // SSS. 1972. Т. 4. Cz. 2. S. 496-497). Ср.: Soloviev A. Н ехw 'RwVia// Byzantion. 1938. Vol. 13. P. 2331). Д. Оболенский отмечает, что Новгород лежал на периферии Древней Руси с точки зрения и Константина, и правителей Киева (DAI. II. P. 26). "Внешняя ар-Русийа"

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

упомянута ал-Идриси, но, как и у Константина, нигде не противопоставлена "внутренней" (Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР, 1982 г. М., 1984. С. 209). Впрочем, тот же автор упоминает "внутренних" и "внешних" баеджиртов (Там же. С. 216). Если учесть, что восточные авторы, например ал-Хорезми (Калинина Т.М. Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // Там же. С. 184, 196), следовали Птолемию в традиции разделения Скифии на внешнюю и внутреннюю, то закономерен вопрос, не повлияла ли эта античная традиция и на сочинение Константина. Существенно, что он упоминает также внутреннюю Персию (гл. 22) и, в соответствии с античной традицией, внешнюю Испанию (гл. 24, она же "Малая"). Ср. также выделение "окольных Славиний" (αἰπερίΣκλαβινίαί) на Балканах в византийских текстах IX-X вв. (см.: Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне и Византия. С. 88). Таким образом, наиболее вероятно, что Константин следовал античному "эгоцентрическому" принципу выделения внутренней и внешней частей описываемого региона (по отношению к описывающему), а не собственно древнерусской традиции (см.: Петрухин В.Я., Шелов-Коведяев Ф.В. К методике исторической географии. "Внешняя Росия" Константина Багрянородного и античная географическая традиция // ВВ. 1988. Т. 50. С. 184-190).

Мы ненароком зацепили еще одну старую проблему историографии происхождения Руси, проистекающую, в основном, из обычного свойства людей не рассказывать о том, что и так всем известно. Трактовку греческого выражения «Внешняя Росия». Обзор ее можно встретить у разных историков. От них, честно говоря, начинает болеть голова. Напоминает российские дебаты по поводу того, кто сбил малоазиатский боинг. Один из недавних, более-менее вменяемый, сделан российским историком и писателем А.С. Королевым «Пределы Руси в представлении Константина Багрянородного» 2018г.:

«Константин Багрянородный четко разделяет русов и славян-пактиотов. В гл. 37 он расширяет список этих пактиотов, а заодно еще раз проясняет характер их отношений с русами, сообщая о том, что «фема» печенегов «Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами» [1, с. 157]. Итак, все славяне - ультины - уличи, вервианы (или дервленины) - древляне, друговиты - дреговичи, кривитеины - кривичи, северии - северяне и загадочные лензанины (лендзанины) - это не русы, а их данники. Константин Багрянородный дает исчерпывающий перечень славянских народов, обитавших в бассейне Днепра. Исключение составляют лишь загадочные летописные поляне, столицей которых был Киев (определяемый в «Об управлении империей» как главный город русов). Полян в трактате нет. Зато в описании царственного автора появляются лензанины, неизвестные по русским летописям.

Из текста понятно, что славяне своих торговых караванов в Византию не отправляют. В то же время к флотилии русов присоединяются моноксилы из Милиниски (Смоленска) и Чернигоги (Чернигова). Первый, как известно, располагался в земле кривичей, а второй - в земле северян. Получается, что города русов никак не связаны с окрестным славянским населением. По существу, Константин Багрянородный считает русов населением городов, экономически связанных с Византией и подмявших под себя местное славянское население, которое было лишено возможности напрямую контактировать с византийцами. В гл. 42-й вполне определенно сказано: русы живут «в верховьях реки Днепр..., отплывая по этой реке, они прибывают к ромеям» [1, с. 173]. Эти «верховья», сравнительно со всей

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

протяженностью Днепра до впадения в Черное море, указаны географически верно - от Милиниски до Киава. Четкое привязывание пределов Руси к Днепру следует и из приведенного «годового цикла жизнедеятельности» русов: во-первых, моносилы поступают от славян, в землях которых располагаются водоемы, соединенные с Днепром; во-вторых, оживление в речном сообщении начинается в апреле, когда Днепр в районе Киева вскрывается ото льда [2, с. 264]; в-третьих, сборным пунктом для судов назначается Витичев, а на сбор дается два-три дня. Загадочным представляется упоминаемый в трактате «Немогард», в котором княжил Святослав Игоревич. Мнение, что «Немогард» - это Новгород, считается едва ли не общепринятым (см., например: [3, с. 726]). Из него, кажется, логично следует вывод, что традиция сажать старшего сына на княжение в Новгороде, точно утвердившаяся в XI в. в роду Рюриковичей, берет свои истоки с середины X в. Внимание исследователей привлекло и упоминание о «внешней Росии». На закате советской эпохи Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин в комментарии к 9-й главе труда Константина Багрянородного дали краткий обзор «толкований» этого «выражения». Во-первых, «внешняя Росия» может быть понята как земли славян (в которых располагались перечисленные города), подчиненные Киеву, т.е. «Росии внутренней» (термин устанавливается в качестве оппозиции к «внешней Росии»), откуда русы выходят для сбора дани. Другой вариант - Росия «внешняя» (Новгород, где княжил Святослав) и «внутренняя» (Киев) - два основных пункта пребывания русов (А. Н. Насонов, В. А. Мошин). Следующая версия: «внутренняя Росия» - это Русь «в узком смысле» (земля полян), а «внешняя» - Северная Русь, граница которой проходила между Новгородом и Смоленском (М. Д. Приселков, Б. А. Рыбаков). Кроме того, выделение «внешней Росии» могло быть проявлением не русской, а византийской географической традиции: «внутренняя Росия» - это ближайшие к Византии земли (Приднепровье), а «внешняя» - более отдаленные (Новгородская земля) (А. Поппэ) [1, с. 308-310]. Сами Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин, как бы подводя итог, признали «наиболее убедительным» предположение А. Поппэ, а «наиболее вероятным» объяснением появления словосочетания «внешняя Росия» в «Об управлении империей» - то, что «Константин следовал "эгоцентрическому" принципу выделения внутренней и внешней частей описываемого региона (по отношению к описываемому), а не собственно древнерусской традиции» [1, с. 309, 310]. Таким образом, идентификация Немогарда как Новгорода, казалось, получала дополнительное подкрепление.

Недавно А. В. Назаренко справедливо усомнился в таком понимании выражения источника, заметив, что «если быть непредвзятым, оно допускает одно-единственное толкование»: все упомянутые в трактате императора города - Новгород, Смоленск, Любеч (?), Чернигов и Вышгород - входили во «внешнюю Русь» [4, с. 419]. Толкование же коллег он сопоставил с идеей А. В. Соловьева, который еще в 1938 г. предложил понимать смысл выражения Константина Багрянородного не как «внешнюю», а как «дальнюю Росию». По мнению А. В. Соловьева, «дальняя Росия» включает всю территорию от Новгорода до Киева. «Ближняя Росия», в трактате не упомянутая, - это «русские поселения в Тавриде, на Босфоре Киммерийском» [5, с. 136; 6, с. 24]1. А. В. Назаренко обратил внимание на то, что А. В. Соловьев был чуть ли не единственным исследователем, указывавшим на невозможность отделить в списке русских городов Константина Багрянородного Русь «внешнюю» от «внутренней». «От гипотезы А. В. Соловьева, - пишет А. В. Назаренко, - было взято факультативное, а безусловное - отброшено. В результате возник гибрид его догадки с упомянутым расхожим представлением, сводящимся к тому, что под "внешней Русью" Константин

будто бы имел в виду более удаленную от Царьграда Новгородчину, а под "внутренней" - более близкое Среднее Поднепровье с Киевом при границе между ними где-то в районе Смоленска». И «приговор» этой «новой разновидности старой идеи... остается в силе: она по-прежнему находится в противоречии с источником, из комментария к которому родилась» [4, с. 420]. После этих слов тем более странно звучит общий вывод исследователя. А. В. Назаренко считает, «что Киев вовсе не случайно не назван при перечислении городов "внешней Руси": будучи стольным городом князя и княжеского рода, он как раз и составлял "внутреннюю Русь", где находилась резиденция "архонтов" Руси *incorpore*» [4, с. 422]. Но в источнике Киев не стоит «отдельно» от «перечня» русских городов. Из текста трактата следует, что от «внешней России» отделен лишь Константинополь, куда прибывают моноksилы из городов русов. То, что по пути к Константинополю они «сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас», откуда в зимнее время выходят в «кружение» «со всеми росами» их «архонты», вовсе не предполагает отделение Киева от остальной «Росии», подобно Витичеву, который византийский автор называет «крепостью-пактиотомросов». Наконец, вряд ли Вышгород, располагавшийся на расстоянии 20 км от Киева и принадлежавший, как следует из «Повести временных лет», жене киевского князя Игоря Ольге, относился к какой-то другой Руси [7, с. 29]. Получается, что в представлении Константина Багрянородного «внешняя Росия» состоит из городов, разбросанных по Днепру. О том, какие территории включала в себя «Росия внутренняя», в тексте трактата императора не сказано ничего. М. А. Шангин и А. Ф. Вишнякова (кстати, придя к правильному выводу, что в тексте «Об управлении империей» термин «внешняя Росия» относится и к Новгороду, и к Смоленску, и к Любечу, и к Чернигову, и к Вышгороду, и даже к Киеву) решили, будто Киев «выделен только для того, чтобы показать, что русские из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода приходят на собственных моноksилах, киевляне же, не имея своих лесов, - на покупных». Исходя из этого, исследователи предлагали попросту исключить из текста источника слово «внешняя», сочтя его появление там результатом ошибки, допущенной переписчиком [8, с. 97]. Вряд ли следует принять это предложение, ведь кроме Константина Багрянородного словосочетание «внешняя Русь» («ар-Русийа внешняя») встречается и в арабских источниках (например, в труде ал-Идриси (XII в.) «Развлечение страстно желающего странствовать по землям» (кстати, тоже без противопоставления ей «внутренней Руси»)) [9, с. 209]».

Далее, автор возвращает внимание коллег к тем же, всем известным, нюансам источников, не замечать которые, могут только слепые. Правда, лишь с тем, чтобы вновь вспомнить про забытую гипотезу о Приазовской Руси, где-то на Керченском полуострове или Тамани:

«А между тем, исходя из отрицания присутствия русов в Приазовье и Крыму ранее второй половины X в., невозможно объяснить сообщение ал-Мас'уди (ум. 956 г.) о том, что море Найтас (Черное море) - это «Русское море, никто кроме (Русов) не плавает по нему, и они живут на одном из его берегов» [11, с. 130]. Кроме того, в русско-византийском договоре 944 г. есть статья «О Корсунской стране», обязывающая русов мешать набегам на Херсон черных болгар, появляющихся со стороны степей [7, с. 25]. Для выполнения этого обязательства русы должны были находиться где-то недалеко от Корсунской страны - в Крыму, на восточных или северных берегах Азовского моря. Об этом же косвенно свидетельствуют и статьи договоров 911 и 944 г., в которых говорится, что русы обязуются помогать кораблям византийцев,

потерпевшим кораблекрушение [7, с. 19, 25]. Речь здесь также идет, скорее всего, о происшествиях на море - близ берегов Черного или Азовского морей».

Это действительно удивительно, но россияне даже те, кто не может игнорировать византийские источники, даже зная, где искать, ходят по кругу. Одни намеренно, другие – неосознанно, как под гипнозом. И далеко не только автор известной книги о князе Святославе. Причем сами источники намекают им, что направление на восток от Крыма неверно. А.С. Королев, к примеру, сам замечает это, но относит на счет плохой информированности составителей трактата:

- «Обращают на себя внимание и некоторые странности в описании русов и соседних с ними народов, которые встречаются не только в сочинении Константина Багрянородного, но и в «Истории» Льва Диакона. Так, во 2-й главе своего трактата Константин Багрянородный пишет: «[Знай], что пачинакиты стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб. [Знай], что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами» [1, с. 37]. А далее содержится непонятное утверждение: «Ведь они (русы - А. К.) покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в Росии не водилось» [1, с. 39]. М. В. Бибииков, комментируя этот текст, пишет об ошибочности информации Константина Багрянородного, которую тот получил, «вероятно, от византийского купца, а не от болгарина или печенега, знавших лучше реальную ситуацию» [1, с. 283, 284]».

- «В 6-й главе трактата император сообщает: «[Знай], что и другой народ из тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами, и исполняют поручения как их, так и василевса и в Росии, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях» [1, с. 41]. Речь идет о Причерноморье - и племя печенегов другое, и рядом с ними Херсон, Хазария, Зихия - группа адыгских племен на побережье Черного моря. Но здесь же оказывается и Росия, хотя, как мы знаем, в другом месте трактата местожительство росов-русов привязывается к Днепру».

- «Эту путаницу усугубляет информация из 37-й главы, целиком посвященной печенегам: «Пачинакия делится на восемь фем, имея столько же великих архонтов... Восемь фем разделяются на сорок частей, и они имеют архонтов более низкого разряда. Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно фемаКуарцицур, фемаСирукалпеи, фемаВороталмат и фемаВулацопон - расположены по ту сторону Днепра по направлению к краям [соответственно] более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов. Остальные же четыре рода располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией, фема Харавои соседит с Росией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами».

Автор сам видит, что речь в трактате шла явно не о районе Киева, поскольку к нему, как впрочем, и к упомянутым «славиниям» нельзя было отнести следующее наблюдение: «Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в Росии не водилось». Никто в Константинополе не сомневался, что славяне – земледельцы или что они держат

рабочий скот. Считать иначе было бы, наверное, наивно, а обвинять авторов трактата в такого рода заблуждениях – слишком просто. А.С. Королев, также как и некоторые другие современные российские историки, хорошо понимает, что прозвание «тавроскифы» в отношении руси не родилось среди греков на ровном месте. Но, при этом, упорно держится старой гипотезы про Росию, где-то на Керченском полуострове или Тамани. Ее отрицает не только археология, но и трактат «Об управлении империей», где к востоку от Днепра помещены не те объединения печенегов, которые упоминаются в связи с их соседством с росами. Какой бы путанной не была его информация о местонахождении печенежских племен. Она и вправду выглядит запутанно, ведь есть место, где вообще сказано «[Знай], что пачинакиты с наступлением весны переправляются с той стороны реки Днепра и всегда здесь проводят лето». Имеется ввиду, что они переходят с левого берега Днепра на правый, следуя по направлению Днестра. Те ли из них, с которыми имели дело в Крыму греческие чиновники, или какие-то другие, совершенно не ясно.

Как бы там ни было, теперь вам тоже должно быть, очевидно, что успеть из «Внешней Росии» преградить дорогу черным болгарам, никакой возможности не было. Просто за дальностью расстояния, поскольку вся степь, вплоть до лесов по правому берегу Роси, занята была кочевниками - печенегами. И лишь севернее, за буферными пустошами, начинались территории подконтрольные росам. Путь к этим «таваньским перевозам» на то время для них был один, по Днепру. А, если так, то зачем византийской дипломатии было решать проблему черных болгар при помощи росов? Это имело бы смысл только в одном случае. Когда бы они, постоянно, хотя бы в теплое время года, имели пребывание, где-то поблизости к стратегически важной переправе. Но, не на черноморском побережье. Поскольку, как справедливо заметил А.В. Назаренко, в связи с локализацией росов нападавших на Византию: «Допустить зимовку кораблей ближе к Понту, например, в Белобережье, мы не можем, так как при налаженной византийской разведке это исключило бы внезапность нападения, а оно было именно внезапным, как подчёркивал патриарх Фотий: «набег варваров не дал молве времени сообщить о нём <...> но сама явь бежала вместе с вестью». Известно, что в то время, жители византийских Климатов ловили рыбу прямо в устье Днепра.

И тут впервые в наше поле зрения попадает одна, связанная с Днепром, очень необычная, но, как оказывается, очень плохо знакомая россиянам локация – Каховское водохранилище. А именно – Запорожье доиндустриальной эпохи, до затопления этого района. Тех времен, когда еще не было каскада гидроэлектростанций, железных дорог, городов Никополя, Энергодара или Запорожья. Когда на месте каховского моря ни много не мало на сто с лишним км. простиралась плавни и острова Великого Луга. Его знают, главным образом, потому что некогда он являлся убежищем запорожских казаков Украины. Это место, до его затопления, очень хорошо описано одним человеком – украинским историком Адрианом Кашенко (1858 – 1921) в его произведении «Великий Луг Запорожский», в котором он описывает его по собственным впечатлениям – таким, каким застал его писатель в начале 20 столетия. Это описание не единственное, но довольно красивое. Удивительно, но, похоже, оно так и не было переведено на русский. Адриан Кашенко переживал, что просторы днепровского Луга могут быть совсем уничтожены, так и не дождавшись своих исследователей и внимания к себе науки. И, похоже, так оно и получилось, к сожалению. После войны, в 1955—1957 годах почти вся территория этого уникального места, за исключением нескольких сотен гектаров в юго-восточной части острова Хортица и на левом берегу Днепра, была затоплена искусственным Каховским морем. Эта история хорошо известна в Украине, в отличие от России. Так, под водой

оказалась не только важная часть истории Украины – преданная забвению и неисследованная. Не только более 90 населенных пунктов, откуда отселили 37 тысяч жителей, не только 221 тысяча га сельхозугодий и лесного фонда, старинные кладбища, могильники и забытые всеми городища в дебрях этих плавней на островах, о которых писал Кащенко, но и кое-что еще. Под воду ушла та самая «Росия», греков, которую вот уже двести лет безуспешно ищут российские историки! Та, что в представлении ромеев, находилась в «Тавроскифии», «около Ахиллова бега» или «у северного Тавра», где «не водилось» коров, коней и овец. Она также утонула тогда, в 1956. И живет теперь только на старых картах, в окружении тех самых скифских курганов тавроскифов разбросанных по степи. Пусть для вас это еще и не очевидно. Эти места всегда ассоциировались с деятельностью запорожских казаков, как будто до них,днепровского Луга не существовало, или он не играл в жизни региона никакой заметной роли. Хотя это всего лишь иллюзия, порожденная короткой памятью человека. Я покажу вам это наглядно.

Итак, краткий ликбез для россиян по поводу этой местности авторства украинского историка Д.И. Яворницкого из его переведенной на русский книги «История запорожских казаков»: «Почти все береговое пространство Днепра, кроме порожистого, представляло собой роскошные и едва проходимые плавни, доставлявшие запорожским казакам и лес, и сено, и множество дичи, и множество зверей. Плавни эти представляли собой низменность, покрытую травяной и древесной растительностью, изрезанную в разных направлениях речками, ветками, ериками, заливами, лиманами, заточинами, покрытую множеством больших и малых озер и поросшую густым, высоким и непроходимым камышом. Из всех плавней в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся у левого берега Днепра, против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, на том же берегу вниз по Днепру, против урочища Палиивщины, выше Рога Микитина». Таково историческое название данной местности у украинцев. Но естественно, что громадные по площади речные плавни существовали тут с древности. Заросшие листовным лесом, камышом и рогозом, они начинались от острова Хортицы, и простирались на 110 км до днепровского острова Скалозубова в Херсонской области, занимая площадь более 400 км². Эти пойменные луга и заболоченные островки, зажатые между Днепром и сопровождающей его в этих краях рекой Конка, имели ширину местами до 25 км издавна служили надежным убежищем от степняков разным предприимчивым людям Украины, спускавшимся сюда Днепром, главным образом, на промыслы – за рыбой и солью, которую добывали на побережье Черного моря. Упоминание о них в связи с древнерусскими событиями и войнами с половцами 12ст. есть и в одном из изводов Повести временных лет – Ипатьевской летописи 15 века, где эти места названы также - «лугом днепровским». В связи с войной Ростислава Рюриковича с лукоморскими половцами зимой 1190г. Вообще, судя по летописям, там, в районе Хортицы, где некогда совершали свои жертвы язычники росы Константина Багрянородного, на «протолчем броде», князя, в связи с военными действиями против кочевников, собирались довольно часто. Как с конным войском, так и ладьями, как это было с галичанами накануне похода на Калку 1223г. Русь хорошо знала эти места. И именно они, странным образом, идеально подходят на роль того места откуда «тавроскифы» или «скифы» греческих хронистов, 10-12ст. могли оперативно перекрыть район переправ за 90 км ниже по течению. Так что придется нам повнимательней присмотреться к «днепровскому лугу». Вдруг мы на правильном пути? Или ничем не сможем подкрепить такую скандальную догадку, к радости скептиков.

Наши очевидцы давно уже умерли, и нам остается полагаться лишь на тексты, которые живописуют эти места, в то время как тамошние леса еще не вырубил, землю не раздали российским дворянам, а слободы не заселили немецкими колонистами. На те, которые старше 19 века. Как в прошлом описывали Запорожье? Можно взять знаменитое описание Украины французского архитектора Гийома Левассера Боплана, середины 17ст. Взгляд «сверху» так сказать, из польской Украины на кануне восстания Хмельницкого 1648г. Сам автор дальше порогов не спускался, и писал об этой уникальной местности со слов других людей, но вам полезно будет знать это описание:

«Несколько ниже Кашеварницы (Kaszawanice) и до Кичкаса (Kiczkosow) 149 находится много прекрасных мест для поселения. Кичкас - небольшая речка, впадающая в Днепр (Nieper) или Борисфен с татарской стороны. От нее берет название коса, замкнутая указанным Борисфеном и огражденная, как видно на карте, двумя неприступными пропастями. Доступ к ней возможен лишь со стороны поля по довольно низменной местности, имеющей около 2 тысяч шагов. Стоило бы преградить это место, чтобы иметь прекрасный и укрепленный город. Правда, поверхность здесь неровная, в форме бугров, так что то на одном участке татарский берег господствует над этой местностью, то на другом последняя возвышается над татарской. Эти места очень высоки, русло реки открытое, свободное от преград, очень узкое, особенно к югу, что на карте, как вы увидите, обозначено точками, там находятся места, которые показались мне наиболее узкими. Я видел, как поляки стреляли из лука с одного берега [реки] на другой и стрелы падали далее чем на сто шагов от противоположного берега. Именно здесь самая большая и наиболее удобная татарская переправа, так как тут русло имеет не более 150 шагов, берега очень доступны, а местность открыта, и татары совсем не боятся засад. Эта переправа также называется Кичкас. В полулье ниже начинается «голова» Хортицы (Chortizca) 150, но так как я не заходил дальше указанных мест, то [189] расскажу вам только то, что смог почерпнуть из рассказов других, и поэтому не считаю возможным выдавать их за чистую монету. Так, говорят, остров очень значителен по размерам, высок и опоясан почти сотней обрывов, и, следовательно, мало доступен. Он занимает до двух лье в длину и половину лье в ширину, особенно в своей верхней части, так как по направлению к западу он сужается и понижается; он никогда не подвергается наводнениям. На нем много дубов и он был бы прекрасным для поселения местом, которое служило бы сторожевым укреплением против татар. Ниже этого острова река течет, сильно расширяясь. Еще ниже, находится Великий остров (WielskyOstro) 151, до двух лье в длину, совершенно лишенный растительности, но не имеющий большого значения, поскольку весной почти полностью затопляется водой за исключением середины, где остается сухое пространство до 1500-2000 шагов в диаметре. Напротив острова со стороны Татарии течет речушка, которая впадает в Непр и называется Конская вода (Konsekawoda) 152; она очень быстрая, образует боковой канал, продолжающийся на два лье ниже острова Тавань (Tawan) вдоль татарского берега, [она] то отделяется от [русла] реки (Днепра), то снова сливается с ним, оставляя большие песчаные отмели между своим руслом и Непром. Томаковка (Tomahowka) - остров до одной трети лье в диаметре или около того, почти круглый, очень высокий, поднимающийся в виде полушария, весь покрытый лесом. Если взойти на его вершину, то виден весь Непр от Хортицы (Chortika) до Тавани. Остров очень красив, я только не смог узнать, какие у него берега 153. Он расположен ближе к Руси, чем к Татарии. Хемиский (Skemislyky) избрал его местом своего убежища, когда ему угрожала осада 154. [191] Именно в этом месте они [казаки]

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

начали собираться, когда поднялись для выступления в мае 1648 г. и выиграли 26 мая битву близ Корсуня (Korsum) 155. Несколько ниже реки Чертомлык (Czertomelik) 156 почти посредине Непра лежит довольно большой остров, где находится какая-то развалина 157. Остров этот окружен более чем десятком тысяч других островов и островков, разбросанных вдоль и поперек крайне хаотично, неравномерно и запутанно; одни из них сухие, другие - болотистые, к тому же все сплошь поросли тростником толщиной в пику, который мешает видеть разделяющие их каналы 158. Именно в путанице этой местности казаки устроили свое убежище, которое называют Войсковой Скарбницею (SkarbnizaWoyskowa), то есть войсковой сокровищницей. Весной все острова заливаются водой, сухим остается только место, где находятся развалины. Ширина реки здесь достигает одного лье от берега до берега. Именно здесь все турецкие силы оказались не способными что-либо сделать. Здесь погибло много турецких галер, которые преследовали казаков, возвращавшихся с Черного моря; заплыв в эти лабиринты, они не смогли отыскать дороги, а казаки задали им жару, обстреляв со своих лодок сквозь камыши. С тех пор галеры не заходят в Днепр дальше 4-5 лье [от устья]. Рассказывают, что в Войсковой Скарбнице (SkobniczaWoyskowa) 159 находится множество пушек, спрятанных казаками в каналах, и никто из поляков не может узнать, где именно. Кроме того, говорят, что они [поляки] никогда не бывают в этих местах, а сами казаки хранят местонахождение оружия в тайне, не желая раскрывать ее; впрочем и среди казаков немногие знают об этом. Все артиллерийские орудия, добытые [193] у турок, они опускают на дно, даже деньги прячут там и вынимают только по мере надобности. Каждый казак имеет свой отдельный тайник, ибо, захватив добычу у турок, они делят ее между собой, а после возвращения в эти места каждый прячет, как уже говорилось, под водой свою маленькую добычу, то есть предметы, которые не могут испортиться от воды».

В наше поле зрения попадает и район современного ДнепроГЭС,- «протолчий брод» Ипатьевской летописи – кичкасский перевоз, известный еще византийскому императору Константину Багрянородному, который называл его Крарийской переправой. И остров Томаковка, на котором казаки держали коней, и где одно время была одна из сечей, и многие другие характеристики этого места. Хотите взгляд «снизу»? Несколько позднее в тех местах с татарской ордой побывал турецкий дипломат Эвлия Челеби (1611—1682), чьи путевые заметки, собранные в «Книгу путешествий» частично перевели на русский. Он называет их - «Сарыкамыш». Запорожье в глазах стамбульского турка удостоилось такой характеристики: «Из-за того что [в местности, расположенной] между Днепром и Черным морем, на песчаных землях имеются колодцы с прекрасной и вкусной водой, татары называют ее Копкую, что означает «местность, где много колодцев». Здесь совсем нет и следов каких-либо строений. И только на дорогах, принадлежащих неверным, много таких мест, где находятся засады. Отсюда мы снялись и шли на восток двенадцать часов к стоянке Сарыкамыш. Это опасное и жуткое место, заросшее камышом, на берегу Днепра. Неверные — казаки — прячутся в этих камышовых зарослях, охотятся на пеших и проезжих и берут их в плен, заковывая в цепи». От средневекового тюркского названия этого места, собственно и происходит старинное турецкое прозвание днепровских казаков - *سارگامیڭ قازاقلاری* SarıKamışKazakları – «казаки желтого камыша». А вот как видел из Крыма Запорожье Эмиддио Дортелли д'Асколи — католический монах Доминиканского ордена, возглавлявший в 1624—1634 гг. доминиканскую миссию в Каффе, автор «Описания Черного моря и Татари», составленного в 1634 г. Он упомянул о нем в связи с активностью украинских казаков на

Черном море в его время, но сама манера описания любителям искать «джазиру русов» может показаться интересной:

«Но, если Чёрное море было всегда сердитым, с древних времен, то теперь оно несравненно чернее и страшнее, по причине многочисленных чаек (saiche), всё лето опустошающих море и сушу. На крайних пределах Руссии (Russia), провинции подвластной Полонии (Polonia), есть скалы и леса, образующие как бы остров на реке Нипро (Nipro) по-турецки Оза (Osa), как сказано выше 13. Эти Россы (Rossi), называемые иначе казаками (Cosacchi), дабы мстить татарам, ежегодно набегавшим на них с целью грабежа, стали в последние 30 лет спускаться, на выдолбленных челнах (legnicopcavi) и хорошо вооруженные, по этой самой великой реке Оза, от которой и получили прозвище “Озакозак” (OsaCosach), в Чёрное море, причиняя немало вреда прибрежным местам Татарию и проливу Чёрного моря. На море они завладели сначала маленькими [98] судами и, поощряемые удачей в своих предприятиях, с каждым годом стали собирать все большие суда и в большем количестве и, наконец, дошли до того, что 10-ть лет тому назад 300 с лишком челнов вышли в море и сразились с целым флотом падишаха (Gran Signore)». Благодаря вышеизложенному вы сами можете понять какое именно место д' Асколи описывает как «остров». Причем, в то время Запорожье не являлось сезонной стоянкой или сборным пунктом казацких ватаг, в чистом виде. Люди оставались зимовать там на некоторых островах постоянно. В беспокойные времена вокруг них для безопасности, регулярно нужно было колоть лед и так беречься от случайных нападений со стороны степи, но это мало кого останавливало. Об одном из таких истовых запорожских атаманов 17ст. осталось упоминание, что он не выходил «на волость» 15 лет. Вам стоило бы прочесть про эти нижнеднепровские заливные луга больше, поскольку здесь я не могу рассказывать об этом долго. Однако, что дальше с нашей развиваемой умозрительной схемой?

Как бы там ни было, все же эти прямые свидетельства про пребывание славян «на низу» Днепра, происходят главным образом от позднего средневековья, вопрос же стоит таким образом – можем ли мы экстраполировать подобную ситуацию на времена более ранние, а, если да, то, - насколько ранние? Ведь мы знаем, что в 12ст. на какие-то участки «Великого Луга» выгоняли зимой свой скот лукоморские половцы, а позднее, после монгольского разгрома, левобережную границу этого района облюбовали под одну из своих ставок золотоордынцы. Их каменные постройки в Кучугурах разбирались на стройматериалы российской армией и местными жителями еще в 19в. Возможно, традиция спускаться Днепром за пороги была прервана во времена Золотой Орды, когда соль давным-давно возили из Галичины, а торговля с Константинополем, пришла в упадок. Тогда почему мы узнаем в тех самых «славянских» названиях порогов Константина Багрянородного, позднейшие украинские их имена? Не во всех, но в некоторых из них – бесспорно. Прерывалась ли она вообще с тех времен, когда через пороги шли ладейные караваны росов, описанные в трактате «Об управлении империей»? По правде говоря, не очень на то похоже. Особенно, если вспомнить загадочных «бродников» русских летописей.

Как рассказывают о первом их упоминании в письменных источниках: «Никита Хониат в речи по поводу похода византийцев в 1190 г. против болгар коснулся событий 1186 г. и, говоря о союзниках болгар, потерпевших вместе с ними поражение, сообщил следующее: «...Куманы, народ доселе непорабощенный ... и весьма воинственный и те, что происходят из Вордоны, презирающие смерть, ветвь Тавроскифов, народ любезный богу войны, оказавшие помощь балканским варварам... склонились вместе с ними

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

побежденными и погибли». Каких только версий не высказано о том, кем они являлись и где в Северном Причерноморье имели пристанища. Мы, по крайней мере, уже знаем, в отношении кого византийские авторы 10-12 ст. использовали прозвание «тавроскифы», так что, в этом месте, ломать себе голову не над чем. Да, разгром Константинополя крестоносцами в 1204 г. последующие смуты и турецкое завоевание, не пощадили византийские библиотеки и очень многие тексты утрачены навсегда, что и порождает проблемы, связанные с интерпретацией того, что осталось, но по поводу того, к кому относилось это прозвание, если куманы упомянуты отдельно, разночтений не наблюдается.

Федор Иванович Успенский (1845-1928), полагал, что употребленное Хониатом выражение «Вордона», весьма вероятно, связано с др.-русск. бродъ и производным от него термином бродники, встречающимся в летописях: *«Не может быть сомнения, что вместе с куманами помогали болгарам и русские. Но выражение οἱ ἔχΒορδόνης вызывает в свою очередь ряд запросов, на которые мы не вполне можем ответить. По воззрению составителя слова; здесь разумеется область или земля, населенная русскими. Было бы, впрочем, слишком большою притязательностью искать такое местное имя в географической номенклатуре Молдавии или Трансильвании. При том же у писателей весьма обычно употребление географических терминов вместо или в смысле этнических, и на оборот; в нижеприводимых актах на латинском языке легко видеть эту замену одного термина другим. Таким образом, если бы отыскалось племенное или народное имя в придунайских областях, которое бы можно было сблизить с местным, употребленным Н. Акоминатом, тогда устранились бы сами собой многие недоумения. Для грека естественнее выражение Βορδόνια, чем Βροδόνια т. е. бродня, как и в латинских актах, рядом с правильным употреблением: Brodnicterra, или regio Brodnici — встречается и Borotnik, termini Prodnicorum и т. п.»* А что такое «бродня» как не заливные луга? Как писал еще Мавродин В.В.: *«Трудно объяснить происхождение термина «бродник». М. С. Грушевский связывает его с понятием «бродить».[1041] На этой же точке зрения стоит Новицкий, указывающий, что Симеон Логофет наименование причерноморских русов — «дромиты» переводит как «бегун», «ходок», что, по-видимому, относится к бродникам.[1042] Некоторые исследователи связывали термин «бродники» с «брод» — «переправа» и помещали бродников у Керченского пролива, Керченской переправы, другие производили это слово от «бродов» — заливных, болотистых лугов пристепной полосы».*

Давайте угадывать про какую страну «Броднию» могла идти речь в связи с тавроскифами? Есть еще один ориентир. Как пишет в одной из своих работ украинский востоковед Бубенок О.Б.: *«В венгерских документах говорится о направлении в начале XIII в. католических миссионеров в страну Броднию, которая находилась в непосредственной близости от Азовского моря».* (Ясы и бродники в степях восточной Европы (6-начало 13 вв. 1997). Пишет об этом, конечно же, не только он один, но, что это за страна? Давая описание «страны ар-Русийа внешней» марокканский араб Мухаммад аль-Идриси в т.н. «Книге Рожера» середины 12 ст. писал относительно Поднепровья: *«Что касается города Бармуниса, то он расположен на реке Данабрис(39); это красивый город. От него до города Синубули шесть дней [пути]; это большой процветающий город, [стоящий] на реке Дану(40), с западной стороны. Точно так же от города Бармуниса до города Кав, [стоящего] на реке Данабрис, вниз по реке шесть дней [пути]. От него до города Баразула, [находящегося] к северу от реки ал-вади(41), пятьдесят миль».*(Перевод И.Г. Коноваловой по: Идриси. Р. 909-913). «Кав» - это Киев,

«Данабрис» - Днепр, а «Баразула» - какой-то пункт ниже по Днепру, примерно в 70км от Киева. Что же касается упоминания «реки ал-вади», где-то неопределенно, к югу, то Коновалова И.Г. , к примеру, так комментирует это место: *«41 Приводимое ал-Идриси слово вади (обозначающее, как правило, не столько полноводную реку, сколько сухое или временно пересыхающее русло) может свидетельствовать о намерении географа подчеркнуть наличие близости от города Баразула брода через реку. Активно применяя термин вади при описании жарких стран Азии и Африки, ал-Идриси практически не пользуется им для рассказа о реках Восточной Европы. Формы названий древнерусских городов в 4-5 секциях VI климата говорят о том, что сведения об этих городах дошли до ал-Идриси в передаче нескольких лиц, по своему происхождению являвшихся славянами, греками или жителями латинской Европы. Не исключено, что данные о существовании брода у города Баразула были сообщены географу информатором, знакомым с лексикой, восходящей к лат. vadum, i n (мелководье, брод) — итал. vado, исп. vado, рум. vad. Созвучие латинского корня vad с хорошо известным ал-Идриси арабским словом вади, возможно, и побудило географа использовать привычный ему арабский термин».* И можете не сомневаться, -это единственное упоминание «реки ал-вади» в его труде, относилось не к какому-то броду.

На самом деле это не новость в украинской историографии, усматривать в этом сообществе своеобразных предшественников днепровского казачества. Такой взгляд на феномен бытует очень давно. Наряду с другими. «О бродниках, ведущих полукочевой образ жизни в причерноморских степях между Днепром и Дунаем, известно, что они занимали, подчеркнуто независимую позицию по отношению к русским князьям и степным кочевникам, а участие в далеких военных походах стало для них своего рода доходным промыслом» пишет А.В. Майоров. («Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII—XIII вв.»). Как отмечала С. А. Плетнева: «Для локализации месторасположения в степях броднических поселений в нашем распоряжении есть только косвенные данные. Бродники упоминаются, как правило, вместе с половцами, связанными с Черниговским княжеством (с Ольговичами). Отсюда можно сделать вывод, что они жили где-то рядом с этими половцами, кочевавшими, как мы видели, в бассейне Дона. В археологических разведках, которые наш отряд вел па среднем Дону (в Воронежской области), были обнаружены остатки (скорее следы) нескольких кратковременных небольших поселков (почти кочевий), характеризующихся находками на них, обломков типичных древнерусских горшков XII в. Не исключено, что эти поселки, расположенные в устьях маленьких правых притоков Дона, в скрытых от врагов и ветров овражках, принадлежали выходцам из Руси, бежавшим от притеснений боярства и князей,— бродникам. Возможно, что отдельные их группы находились не только на среднем Дону, но и в других, отдаленных от Дона районах степи. Вероятно, бродниками были основаны поселки, остатки которых, обнаруженные на нижнем Днепре и сопровождавшиеся обширными христианскими кладбищами, характеризуются находками обломков типичных русских сосудов». (С.В. Плетнева. Половцы).

Главная проблема с ними состоит в том, что исследователи затрудняются определиться с происхождением самой группы. Они как бы вырваны из контекста и не ясно, какой стихией было порождено это сообщество – кочевой или славянской. Чье влияние было определяющим? Кроме того, среди земель с ними связанных, западные источники – венгерские, главным образом, по крайней мере, с 13ст. почему-то, упоминают Поднестровье. В связи с этим исследователи давно испытывают затруднения с их локализацией, поскольку их активность больше связана с территориями, среди которых

историки чаще всего называют Дон или Днепр. Хотя возможное объяснение этому феномену всегда у них перед глазами. Оно состоит в том, что бродники Галицкого княжества, элементарно имели там постоянное жительство и семьи, и составляли достаточно заметную прослойку тамошнего населения, тогда как для промыслов или другого рода сезонных предприятий, спускались Днестром к морю. Главная же их база, как и у других, причисляемых к этому сообществу, судя по всему, находилась в Запорожье. Просто потому, что пройти мимо такого убежища или предпочесть его какому-то другому в этих краях, для жителей лесостепной полосы, было бы достаточно странно, как и показывает история Украины. Неожиданное наблюдение, да? Венгры, как своих ближайших соседей, знали и выделяли только этих – галицких, отсюда и ожидаемые затруднения историков. Мысль, что «галицкие выгонцы» и «бродники» это представители одной и той же социальной группы, совсем не нова, и, хотя и не доказана, заслуживает, возможно, большего внимания. Случайно ли в поле зрения историков эти галичане попадают именно в связи с тем обстоятельством, что крупными силами идут на ладьях в Запорожье, о чем и сказано в Воскресенском списке летописи, где содержится рассказ о начале войны с монголами 1223г? *«Галичане и Вол(ы)нцы, киждо со своими князьми; а Куряне, и Трубчяне, и Путивлицы, и киждо со своими князьми придошаконьми. А выгонцы Галичкыя придоша по Днепру и воидоша в море. Беболодеи тысяща. И воидоша во Днепръ и возведоша пороги и сташа у реки Хорьтице на броду у Протолчи».* Как пишет польский исследователь Адриан Юсупович: «Чтобы установить этимологию слова "выгонцы" мы должны обратиться к словарю местных этнических диалектов. Одним из значений этого слова является «отток воды в устье реки». Это означает, что слово «выгон» относится к людям, живущим в районе устья реки. Наряду с этим термином «выгонцы» может быть переведено как разговорное слово «бродники» (Адриан Юсупович: 2012 Галицкие «выгнанцы» или «выгонцы»?).

Откуда же взялось в Причерноморье это военизированное сообщество, -«*те, что происходят из Вордоны, презирающие смерть, ветвь Тавроскифов, народ любезный богу войны*»? Достаточно много косвенных данных, как вы сами можете видеть, самым странным образом, почему-то снова указывает на Низовье Днепра. Кто был их предшественником, и чьи традиции они продолжали, надеюсь, вы скоро поймете сами. Эти «предшественники» давно уже остепенелись, управляя землями до Балтийского моря, набрались солидности, занялись международной коммерцией, пересели на коней, оставив старые прадедовские обычаи спускаться за пороги. Они стали властью в этих землях. Нет? Соврал?

Но, возможно, мы ошибаемся, и следует двигаться дальше, осторожно игнорируя географический детерминизм, пусть, нехорошие мысли, в связи с ним, и лезут в голову. Как пишет Коновалова И. Г. в 13-14ст. некоторые мусульманские авторы упоминают о русах-христианах, обитавших на неких островах Азовского моря: *«В сочинении Ибн Са'ида "Китаб баат ал-ард фи-т-тулва-л-'ард" ("Книга распространения земли в долготу и широту") после описания крымского города Судака помещено следующее известие: "К северу от него лежит вход из вышеупомянутого моря Ниташ в море Маниташ шириной около 30 миль и протяженностью с юга на север около 60 миль. Затем начинается море, расширяющееся с запада на восток [на расстояние] около двух и одной трети дня плавания, а с юга на север – около 160 миль. В нем есть острова, населенные русами, исповедующими сейчас христианскую веру. На севере этого моря [в него] впадает река, текущая из огромного озера Тума. На западном берегу этой реки лежит Русийа – главный город русов. Русы – многочисленный народ,*

выделяющийся своей силой среди храбрейших народов Аллаха». Также в статье приведено сообщение ад-Димашки о том, что «Они населяют несколько островов в море Манитас и обладают военными судами». (Коновалова И. Г. Состав рассказа об "Острове русов" в сочинениях арабо-персидских авторов X-XVI вв.).

К какому времени относятся эти сведения, если русы, упоминаются в качестве христиан? Не отголоски ли это какой-то путаной информации о тех же «бродниках», о которых шла речь выше? Как и днепровские казаки, теоретически, они могли попадать в Азовское море, как, впрочем, и следовать назад, обходя днепровские пороги, поворачивая влево, в реку Самара, от которой переходили на один из ее притоков, а далее, с одним 2-4 км волоком в реки Кальчик или Кальмиус, впадающие в Азовское море. На такую возможность указывают более поздние источники. Такой маршрут украинских казаков упоминал еще Боплан в 17ст. и было бы странно, если бы люди в тех же краях обретавшиеся ранее, его не знали, или не имели каких-либо временных пристанищ на островах и косах Приазовья, хотя бы, на случай штормов. Их существование подробно разобрал серьезно изучавший этот вопрос советский географ и историк Генрих Анохин (1925-2006) в своей статье «Тайные маршруты русов». Он считал, что пути из Днепра в Азовское море знали и использовали еще в 9-10ст. Как тот, что позволял перебраться с Самары-Волчьей в Кальмиус, так и связывавший Запорожье с Азовским морем непосредственно, через реки Конку и Берду: *«Другой, нижний, путь из Днепра начинался ниже его знаменитых порогов. Прямо за островом Хортица входили в реку Конка, из нее попадали в исток Берды и по ней сплавлялись в Азовское море. А еще раньше, когда климат в степях был влажнее и теплее, можно было выйти в бассейн Азовского моря по Конке без волока. Ибо в те времена западнее высшей точки Приазовской возвышенности - Бельмак-Могилы существовала трифуркация, то есть здесь был водораздел, от которого сток вод шел на три стороны света: на север - река Конка, в Днепр; на запад и далее на юг - река Молочная, в Азовское море; на юг - реки Берда и Обиточная, тоже в Азовское море... Те, кто плыл от устья Берды в направлении Таганрогского залива, назначали на случай штормовой погоды первый сбор, или "отстой", на Долгих островах. Следующий отстой - у Ейской косы и островов в устье Ейского лимана. А если флотилия выходила из рек Кальчик или Кальмиус, то местами отстоя были Миусский лиман, а далее (до входа в реку Дон) - мелководная Андреевская бухта, что восточнее современного города Таганрог».* (Г.И. Анохин «Тайные маршруты русов» // Мир путешествий. — 1996. — № 4.). И, похоже, что автор в своем исследовании нисколько не ошибался, хоть на него и не обратили особого внимания историки. В пользу его модели говорит и византийский военный трактат «Тактика Льва» составленный императором Львом VI (886—912) около 905 года, где указывается, что росы в Черное море попадают по рекам, и упоминания альтернативного маршрута «тавроскифов» к Киммерийскому Боспору у Льва Диакона.

Как бы там ни было, И.Г. Коновалова считает, что это продолжение арабо-персидской фантастической традиции об «острове русов». И, похоже, поскольку о ней уже, в связи с «русским каганатом» упоминалось, настало время кое-что узнать и про нее. Все на основании писаний адептов летописных «варяго-русов», строго в духе этой химерной теории.

Глава 4

«ОСТРОВ РУСОВ»

Ибн Ийас (1448-1524)

«Описание страны русов. Они большой народ из турок. Страна их граничит со славянами. Они [живут] на острове, окруженном озером, и он подобен крепости, защищающей их от врагов».

Абу-л-Фида (1273- 1331)

«Русия — это умма (сообщество) тюрок, соседствующих на востоке с гузами»

На море-океане,

На острове Буяне,

Пусть даже он запрятан

Под камень бел-горюч...

Однажды в море грозном

Найду я этот остров,

Найду я этот камень,

Найду я этот ключ. (Валерий Ярушин, текст песни)

«Трудно найти в современной отечественной историографии работу о ранней истории Руси, автор которой не обращался бы к «Анонимной записке о народах Восточной Европы» и содержащимся в ней сведениям об острове и хакане русов», - так начинается статья российского историка В.А. Шорохова: «Остров русов в современной отечественной историографии: географический объект или мнимая реальность?» 2009 года. «Во многом это связано, к сожалению, с упрощенным отношением к источнику, основанном на его характеристике, сформулированной в трудах современных востоковедов. То, что определяется авторитетным арабистом как «сводка информации» [8. С. 139], некритически используется историками и археологами для «орнаментации» своих концепций происхождения Руси будь то «северная» (с точки зрения локализации) норманистская теория в версии В. Я. Петрухина [32. С. 176-177; 33. С. 70 и др.] или «юго-восточная» в интерпретации Е. С. Галкиной [5. С. 93-112]. В связи с этим мы решили проследить некоторые тенденции в источниковедческом изучении «темы острова русов», формирование стереотипов ее восприятия в современной отечественной историографии, выявить причины возникновения таковых и предложить способы их преодоления. Оговоримся, что под «современностью» мы понимаем период с начала 1980-х годов, когда в условиях постепенного ослабления идеологического контроля на предмет соответствия идеям «однобокого антинорманизма» [7. С. 44] сформировалось мнение по рассматриваемому вопросу большинства ныне здравствующих авторитетных исследователей. Прежде

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

всего, при решении поставленных задач следует ответить на вопрос: каково состояние источниковедческого изучения памятника в рассматриваемый период и в каком виде он доступен специалистам по отечественной истории? «Анонимная записка о народах восточной Европы» — не дошедшее до нас, в оригинале арабоязычное произведение (или часть произведения) IX в., посвященное описанию этнополитической ситуации на юго-востоке Европы. До нас дошли рассказы о печенегах, хазарах, буртасах, волжских булгарах, мадьярах, ас-сакалиба (здесь — славяне), русах, стране Сарир, аланах. Каждое описание содержит пространственную (локализация относительно предыдущей общности), военно-политическую (международный статус, мобилизационный потенциал) и этнографическую составляющие. При этом объем информации и ее качество варьируются. Кроме того, в тексте содержатся попутные упоминания некоторых народов Европы, не описанных в специальных разделах: м.р.дат/м.р.ват, нандар и ар-рум. Таким образом, перед нами относительно цельное описание восточным автором отдаленного региона мира, составленное по определенной (правда, далеко не всегда выдерживаемой) схеме, которое содержит значительное количество реальной (или кажущейся таковой) информации. В более или менее полном виде произведение было введено в научный оборот около 140 лет назад востоковедом Д. А. Хвольсоном [36]. Однако «Анонимная записка» входит в состав значительного количества произведений исламской литературы, перевода которых на русский язык нет. Наиболее полные версии произведения содержатся в не переведенных полностью «Дорогих ценностях» Ибн Русте, «Украшении известий» Гардизи, «Путях и странах» ал-Бакри и «Природе животных» ал-Марвази. Все переводы «Описания», доступные неарабистам, — отрывки, вырванные из контекста. В этой ситуации самостоятельно проанализировать степень искажения источника под влиянием конкретной текстовой среды просто невозможно. Наиболее значительные фрагменты «Анонимной записки» на русском языке, используемые до сих пор, появились в 1960-е годы². Несмотря на высокое качество перевода, они имеют ряд существенных особенностей, затрудняющих адекватный анализ произведения. Так, работа Б. Н. Заходера, охватывая практически все содержание «Анонимной записки», распределяет его вместе с другими материалами восточных авторов по тематическим разделам, что значительно усложняет восприятие этого и без того неоднородного источника [10]. Переводы свидетельств «Описания», сделанные А. П. Новосельцевым для соответствующего раздела коллективной монографии «Древнерусское государство и его международное значение», отражают все наиболее важные версии сводки, но только о славянах и русах [28. С. 387-408]. Характерная для обоих переводов выборочность часто обращает исследователей к более ранним изданиям относительно полных версий текста — фрагментам из произведения Ибн Русте в издании Д. А. Хвольсона и публикации «Извлечений из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар» В. В. Бартольда [2]. К затруднениям следует добавить такую особенность исламских средневековых источников в целом и пересказов «Описания» в частности, как искаженная передача иноязычных личных имен и терминов, помноженная на особенности арабской графики. В наибольшей степени это отразилось на «соседях» русов — ас-сакалиба (под которыми в данном случае подразумеваются славяне). При этом искажениям подверглись самые важные сведения — имя правителя славян, его заместителя, а также окраинного и столичного славянских «городов». А ведь от их идентификации зависит и осмысление информации о мадьярах и русах. К началу рассматриваемого периода уже существовала обширная историография, посвященная попыткам интерпретации темных мест «Анонимной записки», предоставлявшая

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

богатый выбор конъектур [3. С. 55, 59-61]. Все эти существенные «но» превратили «Записку» в своеобразный источниковедческий фантом, из-за чего даже арабисты, ссылаясь на восходящие к ней данные, часто предпочитают называть лишь автора используемой компиляции. В качестве примера недоверия к источнику можно привести работы А. П. Новосельцева. Показательно, что в издании «Описания» середины 1960-х годов этот отечественный востоковед уверенно выделял корпус данных «Анонимной записки» и комментировал самые сложные места произведения, в том числе касающиеся острова русов, располагавшегося, по его мнению, «где-то на севере Восточной Европы» [28. С. 403]. Однако в статьях 80-х годов отношение А. П. Новосельцева к «Записке» претерпело существенные изменения. В частности, произошло «свертывание» попыток интерпретации информации об острове русов. Уже в статье 1982 г., посвященной изучению истории бытования титула каган в Восточной Европе, автор ограничил использование источника анализом упоминаний в нем этого термина применительно к хазарам и Русь, воздержавшись от попыток локализации острова (т. е. владений одного из каганов) [29. С. 371, 378]. В работе 1986 г., описывая общественный строй восточных славян, исследователь использовал данные о набегах русов на ас-сакалиба для реконструкции «древнего варианта полюдьа» [29. С. 404]. Однако без интерпретации информации об острове русов отождествление нападений последних на ас-сакалиба (а именно так, в виде актов агрессии против соседей, представлены действия Руси в «Описании») с полюдьем выглядит спорным. Автор обходит эту тему молчанием. Следующим важнейшим этапом в изучении А. П. Новосельцевым данных «Анонимной записки» стала фундаментальная монография, посвященная хазарам. Известный востоковед не менее двенадцати раз обращался к информации «Описания», а в разделе об источниках даже датировал произведение (до 875 г.) и назвал вероятного автора — Ибн Хордадбега. Но в аналитической части исследования потенциал «цикла известий» явно недоиспользован, особенно когда речь заходит о перемещениях мадьяр и проблеме Русского каганата. В первом случае А. П. Новосельцев почти полностью положился на данные Константина Багрянородного и Венгерского анонима, а «ранние восточные известия о хакане русов» отнес к скандинавам, правда, затруднившись локализовать их на просторах Восточной Европы [31. С. 205-211] (при этом тема острова русов вновь не была упомянута). Своеобразной кульминацией размывания представлений А. П. Новосельцева о загадочном географическом объекте стала его работа 1991 г. В ней были решительно отвергнуты гипотезы о южном местонахождении острова, но и северный вариант назван неубедительным. Единственным доказанным фактом исследователь признал скандинавскую принадлежность описанной в источнике Руси [30. С. 8-9, 19]. Результаты деятельности А. П. Новосельцева по изучению «Анонимной записки» продемонстрировали необходимость диверсификации подходов к изучению источника, невозможность его адаптации к гипотетическим реалиям вроде «Дунайской Руси» или «Ладожского каганата». В этих условиях продолжавшиеся попытки «использования» «Описания», казалось, уже не могли быть восприняты всерьез. Естественным выходом из создавшейся ситуации стало обращение к составу источника и выявление в нем отдельных сюжетных пластов. Эта работа была проделана в начале 2000-х годов ученицей А. П. Новосельцева И. Г. Коноваловой [21]. В своих исследованиях ей удалось показать, что «Записка» была изначально неоднородным произведением, к тому же весьма выборочно цитируемым компиляторами. Так, И. Г. Коновалова определила иранские эпические источники рассказов об обстоятельствах появления русов на острове [21. С. 178] и отделила их от основного массива сведений Ибн Русте, Гардизи и ал-Макдиси. Конкретную

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

локализацию острова в Черном и/или Азовском морях исследовательница связала с исламской географической традицией Средиземноморья [21. С. 182]. Важным следствием глубокого анализа источников стал скепсис И. Г. Коноваловой в отношении попыток соотнесения острова русов с реальным географическим объектом [21. С. 171]. Работа И. Г. Коноваловой, несомненно, стала шагом вперед в вопросе интерпретации «Описания» как части живой арабо-персидской литературной традиции. Однако отношение данного автора к источнику иногда гиперкритично. Например, вряд ли можно согласиться с выделением двух равноценных версий «Анонимной Записки», происходящих, соответственно, из Ирана и Средиземноморья. Ведь данные о плаваниях Руси по Черному морю, использованные писателями 11-17 вв. для конкретизации рассказа об острове русов и восходящие к самостоятельным сюжетам ал-Масуди и школы ал-Балхи (X в.), очевидно не были частью появившейся не позднее конца IX столетия «Записки». Выявление в работах И. Г. Коноваловой источников «Анонимной записки» внутри исламского мира, ставящее под сомнение возможность соотнесения упоминаемых в ней географических объектов с действительностью Восточной Европы, оказало ограниченное влияние как на историографию «Описания» в целом, так и на труды ее коллег-ориенталистов. Так, Д. Е. Мишин и Т. М. Калинина концентрируют свое внимание на вопросах, решение которых традиционно считается прерогативой востоковедов. В центре внимания находятся конъектуры и сравнение отдельных вариантов описания. Причем при их интерпретации в ряде случаев преобладает тенденция к принятию выводов Д. А. Хвольсона, первого издателя версии Ибн Русте. Есть также темы, дискуссия по которым считается завершенной. Двойная локализация ас-сакалиба (проверенный временем ответ на попытки соотнести данную общность с вятичами и реалистический характер источника снова и снова приводятся как доказанные факты). Автор статьи констатировал свертывание попыток интерпретации информации о русах и их острове, и постарался наметить возможные пути преодоления сложившейся ситуации: «Поэтому наиболее перспективным направлением изучения «Описания» представляется выявление его возможных литературных источников, прежде всего в рамках современной ему арабской географической традиции. На конкретном примере попытаемся продемонстрировать возможности, которые предоставляет подобный подход. Попробуем предположить, что автор «Анонимной записки», восполняя недостаток (преодолевая противоречивость?) реальной информации и ориентируясь на традицию, ввел в текст некоторые мнимые реалии. В каких разделах они могут быть обнаружены?

Наиболее соответствуют общепринятой характеристике описания, данные о печенегах, хазарах, буртасах и булгарах, т. е. народах Поволжья и южного Приуралья. Именно в этих местах путешественники с Востока, прежде всего купцы, могли побывать лично. Столь же полны сведения о мадьярах. Но уже рассказ о славянах явно скомпилирован из разных источников и содержит множество бытовых деталей, которые вполне можно отнести к диковинкам (например, рассказ о самоубийстве безутешной вдовы [28. С. 388-389]). В рассказе о русах, внешне вполне соответствующем «формуляру» описания, отсутствует важнейшая его деталь — локализация относительно ближайших соседей (хотя есть сведения об острове и его размерах). А страна ас-Сарир вообще описана лапидарно и со сказочными подробностями. Из этого перечня выделяется раздел о Руси и ее правителе. Мы отметим лишь те его особенности, которые могут быть интерпретированы как заимствования из более ранних географических произведений. Главное отличие

раздела о русах состоит в том, что этот народ знаком анониму лишь в качестве грозного противника соседних общностей. По этой причине автор вообще отрицает существование у них сельского хозяйства («они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян» [28. С. 397; 12. С. 05]). Кроме того, место обитания Руси, согласно «Описанию», — остров посреди озера (Ибн Русте) или моря (Гардизи). Прежде всего необходимо еще раз отметить, что многочисленные попытки увязать пресловутый остров с реальным географическим севером Восточной Европы несостоятельны хотя бы в силу того, что не подтверждаются единственным параллельным описанием части этого региона в IX в., известным как «Баварский Географ». И упоминание в нем Руси рядом с Хазарией, и географический охват произведения в целом, и недавно реконструированные А. В. Назаренко причины возникновения данного южнонемецкого памятника исключают возможность помещения русов первой половины — середины IX в. в Приладожье. В. Я. Петрухин в одной из своих недавних работ высказал предположение о возможном преломлении в данном рассказе книжных легенд об островах в Северном океане [32. С. 70]. Представляется, что развитие этой гипотезы имеет определенные перспективы. Какую легендарную географическую традицию мог приспособить к имевшимся сведениям аноним?»

На самом деле, информация об «острове русов» попала к мусульманам через посредство ромеев, что скоро вам станет ясно чуть менее чем полностью, но странно тут то, что возможность локализации этого объекта на юге, рядом с Хазарией, даже не рассматривается, что выглядит несколько не логично, хотя и в духе этих манипуляторов. В конце концов, В.А. Шорохов склоняется к мысли, что данная традиция помещать русов на остров, возможно, является отголоском античных легенд об амазонках, живших на островах Северного Внешнего моря. И, в рамках «варяжской теории» такое предположение вполне логично, поскольку откуда еще могли прибывать скандинавы? В представлении мусульманских ученых – откуда-то с крайнего севера, сведения о котором черпались из старой античной географической традиции.

Что еще можно добавить про изучение темы «острова русов»? В связи с ней, пройти мимо статьи российского историка-востоковеда И.Г. Коноваловой «Остров русов» как географический образ» было бы, наверное, довольно легкомысленно: «Первым в арабско-персидской литературе связным описанием русов, а также их контактов со славянами и другими народами Восточной Европы является рассказ об «острове русов» арабского ученого Ибн Русте (начало X в.)¹. Различные версии этого рассказа дошли до нас также в составе сочинений целого ряда арабских и персидских авторов X–XVI вв. — Мутаххара ал-Макдиси, Гардизи, ал-Бакри, ал-Марвази, Ахмада Туси, НаджибаХамадани, Фахр ад-дина Мубаракшаха, Мухаммада Ауфи, Закарийи ал-Казвини, Ибн Са'ида ал-Магриби, Абу-л-Фиды, Шамс ад-дина ад-Димашки, Мирхонда, Ибн Ийаса, а также персидских анонимов, составивших сочинения || уд¹ дал-'ālam («Пределымира», ок. 982 г.) и Муджмаат-авār¹ || («Собрание историй», 1126 г.). Сопоставление версий рассказа показало, что их первоисточником была так называемая «Анонимная записка», составленная в конце IX в. и характеризующая следующие народы Восточной Европы: печенегов, хазар, буртасов, болгар, венгров, славян, русов, жителей Сарира, аланов². В составе рассказа об «острове русов» — если принимать во внимание все его версии — выделяются несколько пластов тематически разнородной информации: это, во-первых, сообщения о географическом положении, размерах, климате, природных богатствах и людских ресурсах земли русов; во-

вторых, сведения о происхождении русов и обстоятельствах их появления на «острове»; в-третьих, известия этнографического плана (черты характера, внешность, одежда, обычаи, религия русов); наконец, данные о социальной организации русов и функциях их верховного правителя, а также о сфере деятельности русов и их внешних контактах. Сообщения исламских авторов об «острове русов» неоднократно переводились на русский язык, начиная с XIX в.; в 1965 г. наиболее важные из них были заново переведены и проанализированы А.П. Новосельцевым, а в 2009 г. — Т.М. Калининой³. Изучение рассказа об «острове русов» и в особенности споры об его местонахождении породили огромную историографию. Большинство востоковедов, начиная с Х.-М. Френа, помещают его в северной части Восточной Европы — в районе Новгород, Ладоги, Ростова — Ярославля или в Волго-Окском междуречье. В пользу северного положения «острова русов» высказываются также многие историки Древней Руси и археологи, предлагающие и ряд других вариантов его локализации в пределах этого региона — Старую Руссу, острова Сааремаа и Рюген в Балтийском море, Карельский перешеек. Параллельно с точкой зрения о местонахождении «острова русов» на севере в историографии высказываются и предположения о том, что поиски «острова» следует вести в южном направлении — в Киеве, в районе Кубанской дельты и в Приазовье в целом, в Крыму, в Северной Добрудже, на Каспии⁴. Практически все исследователи, сформулировавшие те или иные предположения относительно местонахождения «острова русов», исходили и исходят из двух посылок. Во-первых, из представления о том, что «остров русов» — это некое гомогенное «русское» пространство, откуда русы приходят в землю славян и которая является отправной точкой для их заморских походов. Во-вторых, из уверенности в том, что арабо-персидские авторы, повествуя об «острове русов», описывали некий реальный географический объект в пределах Восточно-Европейской равнины и омывающих ее морей — будь то остров (или группа островов), полуостров (ибо арабское слово *джазл* допускает и такой перевод), город с подвластной ему округой или область, расположенная в междуречье крупных рек. Соответственно, одним из основных направлений исследования стал поиск либо такого объекта, который более или менее отвечал бы имеющимся в мусульманских источниках данным о географическом положении и размерах «острова», его населению, климате, полезных ископаемых и т.п., либо «островного» топонима, вроде древнескандинавского наименования Новгорода *Hólmgarðr*.

А поскольку информация об «острове русов» в различных версиях рассказа не лишена противоречий, то аргументация в пользу той или иной интерпретации сообщений арабо-персидских авторов неизбежно опирается лишь на отдельные сведения источников, оставляя без внимания прочие. Следствием такого подхода является сосуществование в историографии двух прямо противоположных оценок степени достоверности данных об «острове русов». С одной стороны, в рассказах мусульманских авторов находят поддающиеся идентификации сведения, вплоть до «точных топографических деталей», на основе которых даже делаются попытки реконструкции карты «острова»⁵, с другой — обвиняют арабо-персидских ученых в пристрастии к «сказочной экзотике» и желании «поразить читателя курьезами», которые в значительной мере девальвируют приводимую ими информацию и тем самым освобождают исследователя от необходимости искать ей объяснение⁶. При этом одна и та же признаваемая достоверной деталь описания может с равным успехом использоваться в качестве доказательства при локализации «острова русов» в самых разных концах Восточной Европы. Так, например, указание источников на

заболоченную почву и сырой климат «острова» рассматривается как убедительное свидетельство местонахождения этого объекта и в Новгородской земле, и на Тамани, а также в Крыму, Северной Добрудже и на острове Рюген. История исследования рассказа об «острове русов» показывает, что попытки прямого переноса на карту сведений исламских авторов об этом объекте не дают убедительных результатов. Такая методика не учитывает, что в случае с «островом русов» мы имеем дело не с реальной географией, а с географическим образом. Этот образ формировался с конца IX в. на стыке двух традиций арабо-персидской географии, каждая из которых отражала внешнюю активность русов на разных направлениях — юго-восточном (Нижняя Волга, Каспий, Ближний Восток) и юго-западном (Черное и Средиземное моря)⁷.

Одна традиция представлена рассказами авторов X–XIII вв., живших в Иране и на сопредельных территориях, которые входили в состав государства Саманидов и пришедших им на смену Газневидов, Караханидов и Сельджукидов, — Ибн Русте, ал-Макдиси (и пользовавшиеся его материалами Йакут и Закарийа ал-Казвини), анонимного автора ||уд¹ дал-‘алам, Гардизи, ал-Марвази, Мухаммада Ауфи. Источники информации, которыми пользовались эти ученые, принадлежали к сфере торговых и политических контактов восточных провинций халифата с Нижним и Средним Поволжьем. Другая традиция отражена в сочинениях арабских авторов второй половины XI — первой трети XIV в. — ал-Баكري, Ибн Са‘ида, Абу-л-Фиды и ад-Димашки. Источники информации этих ученых были связаны не с восточными, а с западными, средиземноморскими, областями халифата, что позволило им собрать сведения об «островах русов» в Черном и Азовском морях... Таким образом, с точки зрения своего состава рассказ об «острове русов» неоднороден, а сведения о нем, циркулировавшие на востоке и западе исламского мира, помещены в разный географический контекст.

Если обратиться к пространственной структуре самого образа «острова русов», то она двучастна. Для описания русов составитель «Анонимной записки» использовал два масштаба: первый — микромасштаб, обрисовывающий (вплоть до бытовых деталей) устройство общества русов в их локусе власти; второй — куда более крупный региональный масштаб, показывающий место «острова» в системе отношений с другими странами и народами. Мы видим, во-первых, ядро «острова» — локус власти, а во-вторых, ресурсную базу русов — славянскую периферию с размытыми границами. Все остальное — совершенно не в фокусе, в частности, то множество расположенных на «острове» городов, о которых говорит аноним.

Образы, задающие внутренние параметры «острова русов», все до одного безымянные: авторам всех версий рассказа неизвестно наименование хотя бы одного их города¹³, реки или горы; неизвестен язык русов; в средне-азиатской традиции рассказа не указано даже название того моря (или озера), в пределах которого находился «остров русов». Все конкретные данные, сообщаемые о русах, касаются организации их общества и верховной власти или являются сведениями этнографического толка (нравы, обычаи, одежда), которые мусульманские информаторы узнавали либо от самих русов, доходивших с купеческими караванами до ближневосточных городов, либо от своих хазарских и болгарских контрагентов, поддерживавших торговые отношения с областями русов. Даже единственный арабский путешественник по Восточной Европе X в. Ибн Фадлан, видевший русов собственными глазами, встретился с ними в Булгаре, то есть за пределами собственно русской территории. В отличие от сообщений о всех других народах

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

региона, в рассказе о русах в «Анонимной записке» нет указаний на расстояния между землей русов и другими народами. Можно говорить даже о своего рода экстерриториальности «острова русов»: на политической карте региона страна русов присутствует, но в географическом смысле ее как бы и нет. И дело тут не в недостатке конкретных сведений у арабских географов, а в самой реальности конца IX в., когда составлялась «Анонимная записка».

В литературе уже неоднократно отмечалось, что в рассказе об «острове русов» русы противопоставлены славянам, но при этом не учитывалась природа этого противопоставления. Между тем ограниченность русов от славян — как ее рисуют арабо-персидские авторы — была не пространственно-географической, а социокультурной, экономической и политической¹⁴. Русы противопоставлены славянам прежде всего по своему образу жизни: их единственное занятие — торговля рабами и пушниной, они сами ничего не производят, а все необходимое для жизни берут у славян силой. Мечи русов названы их основным «средством производства», а также единственной вещью, передаваемой по наследству рядовыми русами. По словам Ибн Русте (первого по времени автора, рассказывающего об «острове русов»), русы состоят из отдельных групп (لَا'يفا, букв. «класс», «разряд», «группа», «религиозная община»), которые только перед лицом внешнего врага выступают солидарно, а между собой непрерывно соперничают. Описанный порядок разрешения таких споров позволяет считать, что какую-то роль во внутригрупповой консолидации играли кровнородственные связи: когда конфликтующие были недовольны приговором правителя, их спор разрешался путем поединка, за ходом которого наблюдали родственники (أشْطرا, букв. «род», «племя», «родня») с обеих сторон. Поэтому большинство переводчиков данного фрагмента передают термин لَا'يفا как «род» или «племя»¹⁵.

Вместе с тем у слова لَا'يفا есть и другие коннотации. Оно происходит от глагола لَافا, обозначающего такие действия, как «обходить кругом», «совершать обход», а также «плавать», «держаться на воде». Это позволяет полагать, что Ибн Русте говорит о русах-дружинниках. О том, что составитель «Анонимной записки» имел в виду именно их, можно заключить по информации более позднего варианта рассказа об «острове русов», сохранившегося в составе персоязычного сочинения конца X в. ||^د ال-'آلام, где отмечается, что среди русов есть «группа, отличающаяся доблестью и благородством» (перс. мурува)¹⁶. В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский и А.П. Новосельцев видели в этом сообщении «Худуд ал-алам» свидетельство о наличии у русов определенной категории воинов-дружинников, основным занятием которых были набеги на соседние народы¹⁷.

Важная деталь рассказа об «острове русов» — это указание на то, что среди русов нет землевладельцев («нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен»), откуда следует, что территориализация власти в обществе русов в конце IX в. еще находилась в зачаточном состоянии, а само их государство в это время фактически являлось самоорганизованной правящей знатью. Об отсутствии какой-либо территории за пределами резиденции правителя, на которую бы распространялась власть русов, говорит и характер описания «острова», в котором не фигурируют названия его городов, рек, гор и других географических объектов или упоминания о внешних границах руси. Вполне вероятно, что отсутствие информации о политических границах руси конца IX в. и привело к формированию образа Русской земли как «острова», то есть пространства, ограниченного от остального мира естественными границами. В параллель к данному сообщению можно привести текст договора руси с Византией 911 г., где русские послы, принося клятву, демонстрируют не территориальное, но родовое самосознание («мы от рода русаго»)¹⁸.

Если выйти за рамки рассказа об «острове русов» и обратиться к упоминаниям о русах в других исламских источниках IX — первой половины X в., то мы увидим, что в них нет никаких сведений о месте обитания русов, зато есть многочисленные указания на теснейшую связь русов со славянской средой. Ибн Хордадбех — первый

арабский автор, упоминающий о купцах-русах, — прямо называет их «видом» славян¹⁹. Интерпретация сообщения Ибн Хордадбега о русах обычно ведется в контексте нумизматических реконструкций торгового пути от Балтики до Багдада. И, соответственно, основное внимание уделяется самому маршруту русов. А вот откуда приходят русы, как правило, остается вне поля зрения, и понятно почему: Ибн Хордадбех ничего не говорит не только о стране русов, но и хотя бы о каком-либо месте их проживания. Ему известно лишь то, что русы везут свои товары из «самых отдаленных [окраин страны] славян», причем в Хазарию они попадают по «Реке славян», а о том, каким путем они добираются до Черного («Румийского») моря, Ибн Хордадбех не сообщает. То есть на международном рынке русы появляются, можно сказать, из ниоткуда, и единственной частью пространства, маркируемой как «русская», оказывается торговый маршрут, по которому они идут. При этом по мере удаления от Багдада этот путь русов становится все менее и менее отчетливым для их исламских контрагентов, теряясь где-то у «самых отдаленных [окраин страны] славян». Плотный «славянский» контекст сообщения о русах (везут товары из земли славян, плывут по «Реке славян», говорят по-славянски) не случаен: Ибн Хордадбех описывает русов через знакомый арабам этноним «славяне» (ساقلان) и называет их «видом» (джинс) славян, а обрисовывающий сходные торговые маршруты Ибн ал-Факих (начало X в.) вообще не пользуется этнонимом «русы» и приписывает эти торговые маршруты славянам²⁰. Таким образом, до начала X в. внешний наблюдатель с трудом мог отграничить русов от славян. С одной стороны, Ибн Хордадбех подчеркивает особенность русов, но с другой — тут же указывает, что это особенность в рамках славянской общности («вид славян»), а для Ибн ал-Факиха выделенность русов из массы славян становится уже совсем неразличимой. Очевидно, что Ибн Хордадбех в лице русов описывает новый этносоциальный феномен, который именно в силу его новизны с трудом поддается описанию. О том, что это именно этносоциальный феномен, говорит то, что для описания русов как части славянской общности Ибн Хордадбех использует тот же самый термин джинс, что и для обозначения каст в своем рассказе об Индии. В современном Ибн Русте источнике другой языковой традиции, «Раффельштеттенском таможенном уставе» (904/6 г.), также имеется свидетельство тесной связи русов со славянами: согласно этому уставу, купцы-славяне, приходящие в Баварское Подунавье, приходят туда «от руси» (de Rugis)²¹. То есть земля («остров») русов в описании мусульманских авторов предстает не чем-то внешним по отношению к земле славян, а напротив, тем, что бывает трудно отграничить от нее. Поэтому «остров русов» можно определить как часть земли славян, где формируется новая идентичность — русы. И географический образ «острова русов» эту новую идентичность и показывает *instatunascendi*. Чуть ли не единственной конкретной подробностью географического плана, относящейся непосредственно к земле русов, является сам термин «остров», поиски которого стали своего рода навязчивой историографической идеей. Арабское слово *джазир* употребляется как физико-географический термин в значении «остров», «полуостров», «большой участок суши, окруженный водой» (например, ал-Джазирой называется область в междуречье Тигра и Евфрата). Для наименования водного пространства, окружающего «остров русов», в переводах на русский язык используется слово «море», в то время как арабское *бар* имеет и другое значение — «большая река» (Нил, к примеру). У некоторых авторов вместо термина *бар* стоит *буайра* («озеро»)²², которое морфологически является уменьшительным от слова *бар*. Учитывая весьма широкий смысловой диапазон всех этих терминов, следует признать, что в действительности под словосочетанием «остров русов» мог подразумеваться любой участок суши, омываемый водой, в том числе речной. Основными центрами получения информации о русах на востоке и западе мусульманского мира во второй половине IX — начале X в. были не сами русские земли, а Булгар, Итиль, Багдад, каспийские, причерноморские и средиземноморские города, причем во все эти пункты (за исключением Багдада) русы прибывали по воде, создавая у местных жителей стойкое впечатление о том, что способ передвижения на кораблях является единственно возможным в той стране, откуда приезжали русы.

Поэтому первоначальное представление о русах как об «островном» народе вряд ли покажется сильно преувеличенным. Характерно, однако, что по мере накопления информации о русах в мусульманских странах термин «остров» совершенно перестает употребляться восточными авторами при характеристике Руси. Уже в рассказе о трех «группах» русов (середина X в.), где приводятся первые в арабо-персидской литературе наименования русских городов, о каком-либо «острове русов» ничего не говорится²³.

Весьма показательны, что поздние арабо-персидские авторы не обращали внимания на географический смысл термина *джазлра* («остров», «полуостров»), а понимали рассказ об «острове русов» как обобщенную информацию о русах и их правителе, в связи с чем пространственная локализация «острова» не представляла для них никакой проблемы: они просто помещали «остров русов» там, где пребывал известный им древнерусский верховный правитель. Например, ряд писателей XII–XVI вв., повествующих об истории принятия христианства русами, связывали данные об «острове русов» с именем русского князя, при котором христианство стало государственной религией Древней Руси²⁴.

Итак, имея перед глазами этот предваряющий, важный обзор от специалиста в своем деле, вы, наконец, созрели прочесть переводы интересующих нас источников, поданные в третьем томе издания «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия» выпущенного в 2009-10 гг. под редакцией Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Это издание стало, без преувеличения, событием для всех, кто интересуется древней домонгольской историей Руси, и обязаны его появлением мы таким известным российским историкам, как А. В. Подосинов (античное источниковедение), М. В. Бибиков (византийское), Т. М. Калинина и И. Г. Коновалова (арабо-персидское), А. В. Назаренко (средневековое западноевропейское), Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельникова (скандинавское). И, прежде чем последовать совету И.Г. Коноваловой, относительно поиска древнескандинавских «островных» топонимов, которые можно было бы соотнести с информацией средневековых арабо-персидских источников, нам нужно ознакомиться с ними или освежить память. Они содержат уникальные сведения о жизни и быте восточных славян и русов 9 ст. Такой себе моментальный снимок через исламский фильтр, мимо которого пройти было бы большой ошибкой:

I.4. Рассказ об «острове Русов» в сочинениях X–XVI вв.

I.4.1 Ибн Русте

Абу Али Ахмад ибн Умар Ибн Русте – арабский географ, перс по происхождению, жил в иранском городе Исфахан в IX – первой трети X в. Он был автором большого энциклопедического труда «Книга дорогих ценностей» («Китаб ал-а'лак ан-нафиса»), составленного в 903–925 гг. Существует единственная рукопись седьмого тома сочинения, который посвящен астрономии и географии. В сохранившемся разделе книги содержатся самые ранние в арабской географической литературе сведения о русах, славянах, хазарах, буртасах, булгарах, мадьярах. Весь блок сведений Ибн Русте о народах Восточной Европы исследователи называли «Анонимной запиской о народах Восточной Европы» и датировали примерно 70–90-ми годами IX в., по упоминанию государя Великой Моравии Святополка. Эта идентификация, как и время написания «Анонимной записки», не общепризнаны. Еще до публикации критического издания труда Ибн Русте (BGA T. VII) были изданы фрагменты его труда (под ошибочным именем Ибн Даства) в переводе Д. А. Хвольсона.

I.4.1.3

Между страной печенежской и страной славянской 10 дней [пути]176.[Речь идет о времени до 90-х годов IX в., когда печенеги кочевали между реками Уралом и Эмбой. Расстояние в 10 дней пути точно определить невозможно, поскольку день караванного пути составлял, по представлениям арабов, от 30 до 40 км. Многие исследователи полагали, что речь идет о маршруте от печенегов до границ земель вятичей (см. след примеч.). Однако есть сомнения в точности сведений Ибн Русте («Анонимной записки») о расстоянии между печенегами и славянами: Д. Е. Мишин предположил, что эти цифры должны отмечать расстояние между венграми, а не печенегами, и славянами (Мишин 2002. С. 54–55).] **В начале пределов славян – город, называемый Ва?и?177.** [В тексте Ибн Русте не хватает диакритических знаков, поэтому невозможно точно определить написание названия города. У Гардизи в аналогичном фрагменте: Вантит (см.: I.4.4.1), в «Худуд ал-Алам» – Вабнит (см.: 1.4.3.1). На основании созвучия большинство исследователей связывали этот город с племенным центром вятичей (Westberg 1899. S. 213; Минорский 1963. С. 147; ŽAI–2. S. 110–111. Ods. 192; Рыбаков 1969. С. 185–195; Рыбаков 1982. С. 259; Петрухин, Раевский 1998. С. 165) и народом в.н.н.тит, который упоминался в письме хазарского царя Иосифа (см.: II.4.2) и идентифицировался с вятичами. В последнем случае так был назван народ (гоим) а не город. Если рассматривать положение этого города со стороны печенегов, то речь, действительно, может идти о племенном центре вятичей: наиболее близкими к печенегам во время их пребывания между Уралом и Волгой могли быть как раз они. Однако археологи дают достаточно широкий ареал их расселения: и близ Воронежа, и на Оке, и на верхней Волге, поэтому никаких серьезных оснований для идентификации каких бы то ни было конкретных вятических археологических памятников с упомянутым Ибн Русте городом славян Ва.ит не может быть. Тем не менее ряд археологов, без достаточных оснований, идентифицировали городище под Воронежем с городом Вантит (Пряхин, Беседин, Разуваев, Цыбин 1997). Следует также отметить, что славянские поселения, если судить по источникам, никогда не назывались по имени племени.] **Идешь к ней (стране славян. – Т. К.) по степям, бездорожью, через источники вод и густые леса, пока не придешь в их страну. Страна славян – равнинная и лесистая, и они живут в ней. У них нет ни виноградников, ни пашен. Есть у них подобие больших бочонков, сделанных из дерева, и в них – улей для пчел и меда. Они называются 'л.с.х[По Д. А. Хвольсону, улишдж – слово, близкое к хорватскому «улей»; схожее написание, по мнению Д. А. Хвольсона, встречается у Ибн Фадлана: ал-с.дж.в или ас-саджу (Ибн Русте/Хвольсон 1869. С. 28–29; 126. Примеч. 65). Эта трактовка была принята М. Я. де Гуге при издании текста Ибн Русте (Ибн Русте. Р. 143. Nota «g»). А. Я. Гаркави привел как аналогию неясному слову болгарское сидж – «напиток» (Гаркави 1870. С. 264. Примеч. 5). Подробно термин Ибн Фадлана (см.: I.5.1) был проанализирован А. П. Ковалевским при переводе текста, где слово объяснялось посредством разных языков, в том числе русским словом сыта, сычевка (Ибн Фадлан 1939. С. 107. Примеч. 349). Б. Н. Заходер, также сравнивая написания слова у Ибн Русте и Ибн Фадлана, предложил значение соты и перевод: «Есть у них вроде кувшинов из дерева, в них сделаны ульи для пчел и их меда, называемые соты...». Он же отметил, что у Гардизи вместо неясного арабского слова стоит словосочетание «медовый дом» (Заходер 1967. С. 110–112). Т. Левицкий предпочитал значение «улей» (ŽAI–2. S. 112. Ods. 198). А. П. Новосельцев принял трактовку Д. А. Хвольсона и полагал, что речь идет об ульях, а не напитке (Новосельцев 2000в. С. 294. Примеч. 178; 296).]** **Из одного большого бочонка получается 10 кувшинов [меда]. Они – народ, который пасет свиней, как овец. Когда кто-то из них умирает, его сжигают на огне, а их женщины, если кто-то умер, ранят себе ножом руки и лицо. На другой день после сожжения этого умершего они идут к нему, берут**

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

пепел с этого места, кладут его в глиняный сосуд и ставят на холм. Когда проходит год после того, как он умер, они берут 20 больших бочонков меда, менее или более того, и направляются к тому холму, собираются родственники умершего, едят там и пьют, затем расходятся. Если умерший имел трех жен, и одна из них утверждает, что была его любимой, то устанавливает она около умершего два деревянных столба, укрепляют их в земле, затем кладут на их вершины другой [столб], подвешивают в центре веревку, один конец которой привязывается к шее, и она становится на подставку. Когда она это сделает, подставку выбивают из-под нее, и она остается повешенной, пока не задохнется и не умрет. Когда же умрет, то ее бросают в огонь и сжигают. Все они – почитатели огня¹⁷⁹. [Об обычае сожжения умерших в славянских племенах радимичей, вятичей, северян и кривичей упоминает ПВЛ. Обряд кремации известен как по письменным, так и по археологическим свидетельствам у славян, балтов, германцев и др. до принятия христианства (Белецкая 1968; Петрухин 1995. С. 195–205).] Сеют они более всего просо. Когда наступает срок жатвы, берут они зерна проса в ковш, поднимают его к небу и говорят: «О, Господи, ты, который даешь нам пищу, дай ее нам в изобилии!». У них есть разные виды лютней, гуслей и свирелей. Длина их свирели – 2 локтя; на их лютнях 8 струн. Напитки у них из меда. Они радуются во время сжигания умершего, считая, что радуются ради милосердия их бога над ними. У них нет вьючных лошадей, кроме небольшого [числа], и нет верховых лошадей, кроме как у высокопоставленного лица. Их оружие – дротики, щиты и копья, а другого у них нет. Их глава коронуется, и они подчиняются ему и действуют по его распоряжениям. Его местопребывание – в середине страны славян. Упомянутый уже известный из их числа, который называется главой глав, именуется Свийт.м.л.к¹⁸⁰. [В рукописях трудов Ибн Русте и Гардизи (см.: I.4.1.3; I.4.4.1) вторая часть имени главы славян передана буквами м.л.к., что может означать малик, т. е. «царь». Д. А. Хвольсон предложил конъектуру: изменить букву м на б, поскольку, как он писал, слово, означающее «царь», «тут не дает смысла» (Ибн Русте/Хвольсон. С. 139). Несмотря на то, что впоследствии многие высказывали сомнение в правомерности конъектуры, версия первого издателя Ибн Русте не может быть отброшена. Дело в том, что форма Свит-малик неорганична для арабского языка: нормой должно быть Свит ал-малик (Мишин 2000. С. 59). Вероятно, подстановка и перестановка слова малик вместо б.л.к. была произведена самим автором «Анонимной записки», и сделана она была потому, что в следующей фразе, зафиксированной Ибн Русте и ал-Марвази (см.: I.4.5), о наличии верховых животных у главы славян, последний назван именно малик. Отсутствие определенного артикля при слове малик у авторов, передававших «Записку», свидетельствует не о более точной передаче имени, как полагал, например, Б. Н. Заходер (Заходер 1967. С. 134–135), а напротив, о непонятности для арабских авторов слова малик без артикля после имени Свийт (Мишин 2002. С. 59). Вариант «Худуд ал-Алам» (см.: I.4.3.1), на который обратил внимание Б. Н. Заходер – Б.смут Свит (Заходер 1967. С. 135), – еще ранее был объяснен Ф. Вестбергом искаженной передачей арабского выражения йусаммунаху Свит, т. е. «называют его Свит» (Вестберг 1908. С. 11–12). Гипотеза, наиболее разработанная Т. Левицким, побуждает считать, что речь идет о Святополке Великоморавском (870–894) (Lewicki 1968. S. 363–376; см. также: Мишин 2002. С. 59). Б. Н. Заходер, однако, не соглашался с этой интерпретацией, полагая, что Святополк Великоморавский был слишком крупным политическим деятелем, чтобы к нему можно было применить титул «глава глав», который ученый почему-то считал отличным «как от власти государя, так и от власти родовых старейшин» (Заходер 1967. С. 136). А. П. Новосельцев переводил название главы славян, буквально следуя источникам: свиет-малик у Ибн Русте и Гардизи,

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

Смутсвит – по «Худуд ал-Алам», Шу.д – у Марвази, полагая, что это был не суверенный государь, а глава объединения племен, вероятно, восточнославянских хорват (Новосельцев 2000в. С. 300). Представляется, что термин «глава глав» равнозначен титулу «верховный владыка», «царь» (малик), поэтому он вполне мог быть применим к государю Великой Моравии (Калинина 2004). Ф. Кмитович отвергал аналогию с великоморавским князем: он полагал, что, поскольку Великая Моравия находилась далеко от торговых путей, по которым ходили мусульманские купцы, то и сведений о ней в арабских источниках не может быть. Вслед за Ф. Вестбергом, Ф. Кмитович считал, что речь идет о восточнославянских полянах. Главу их он предлагал именовать «великий царь» (свет-малик) – по аналогии с хазарским «великим хаканом» (хакан ал-кабир или ал-акбар) (Вестберг 1908. Ч. 14. С. 12; Kmietowicz 1976. S. 181–184). Доводы эти представляются необоснованными: Великая Моравия именно при Святополке добилась независимости и весьма расширила территорию. Арабские писатели вполне могли получить информацию о таком крупном государстве и его правителе – до них зачастую доходили сведения и о гораздо более отдаленных землях. Против гипотезы Ф. Кмитовича свидетельствует и тот факт, что нигде нет известий, чтобы какой-нибудь киевский князь носил титул «великий государь», аналогичный тюркскому или хазарскому (титул каган в данном случае не рассматривается.) **Он выше сут(?)дж-а, а суб.дж181 – его заместитель.** [Рукописи сочинений арабских авторов, упоминающих о заместителе (араб, халифа) царя, дают различные варианты написания его титула. Ибн Русте: сут.дж и суб.дж; Гардизи: су.х, суб.х., сут.дж; другие авторы дают еще более искаженные варианты этого слова: Заходер. 1967. С. 119–121; ŽAll–2. S. 126. Д. А. Хвольсон и М. Я. де Гье предложили конъектуру суб.н.дж, которая соответствовала бы слову «жупанич» (от «жупан»), т. е. титулу высокородного лица у западных и южных славян. С этим вариантом согласились многие исследователи: Marquart 1903. S. 468–470; Бартольд 1973г. С. 39, 59; Марвази. Р. 117–118; Заходер 1967. С. 120, 137–138 (здесь – с оговорками); ŽAll–2. S. 126–127. Note 227; Chwiłkowska 1978.S. 151; Новосельцев. 2000в. С. 295; Калинина 1994. С. 222). Однако Ф. Кмитович высказывал предположение, что за вариантами титула заместителя главы славян скрывается тюркский титул сюбех, где сю – «войско», а бех – «начальник», и слово обозначает воеводу киевских полян. Как справедливо заметила Э. Хвильковска, автор при этом не задается вопросом, существовал ли вообще такой титул у самих полян (Chwiłkowska 1978. S. 165). Д. Е. Мишин предлагает как более приемлемый вариант конъектуру судадж («судец», «судья»), встречающуюся в чешском и хорватском языках; исследователь не отвергает, впрочем, и возможность версии Д. А. Хвольсона (Мишин 2002. С. 86. Примеч. 23). **У этого владыки есть верховые животные, а пища у него никакая другая, кроме как выдоенное из них молоко. У него есть хорошие драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Дж.рваб(?)182; три дня в месяц там бывает торг, там продают и покупают.** [Название города приводится в «Худуд ал-Алам», у Гардизи и ал-Марвази по-разному: Дж.р.ваб, Дж.равт, Х.рдаб, Х.дж.рат, Х.рзан. Многие ученые склонялись к мысли, что под этими искажениями скрывается одноименное название племенного центра хорват, балканских, белых или восточноевропейских (Гаркави 1870. С. 266; Marquart 1903. S. 471–472; Марвази. Р. 35 (comment.); Hudud. Р. 430–431; ŽAll–2. S. 128–129. Ods. 232; Новосельцев 2000в. С. 300). Однако если этот город являлся резиденцией Святополка Великоморавского, то следует вернуться к идее Д. А. Хвольсона и принять версию искаженной арабской передачи названия моравской столицы – Hradistje (Ибн Русте/Хвольсон. С. 142). Не соглашаясь с предположением Д. А. Хвольсона, Б. Н. Заходер пришел к выводу, что вторая часть арабского написания столицы все же весьма напоминает славянское слово «градъ»; такой же гипотезы придерживается Д. Е. Мишин (Заходер 1967. С. 139; Мишин 2002. С.

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

60).] В их стране холод настолько силен, что [каждый] человек выкапывает себе подобие ямы под землей, затем делает над ней островерхую крышу из дерева, как на храме, затем покрывает эту [крышу] землей. В этот погреб приходит человек с семьей и приносит дрова и камни. Затем разводит огонь и раскаляет камень на огне докрасна. Когда камень раскалится сильно, его обливают водой, так что распространяется пар, и нагревается жилье до того, что снимают одежду. В таком жилье остаются они до весны.

Правитель ежегодно объезжает их. И если у кого-то из них есть дочь, то царь отбирает себе по одному из ее платьев ежегодно. А если сын, то также берет по одному из его платьев. Если у кого-то нет ни сына, ни дочери, то отбирает себе платье жены или наложницы. Если [царь] поймает в своей стране вора, то приказывает удушить его или отдать под надзор одного из правителей в отдаленной части страны.

(Перевод Т. М. Калининой по: Ибн Русте. С. 143–145)

I.4.1.4

Что касается русов (ар-русийа), то они – на острове, окруженном озером¹⁸³. [Вопрос местонахождения острова русов занимал ученых, начиная с опубликования известия Ибн Русте. Дискуссия возобновлялась всякий раз с появлением схожих данных других арабо-персидских авторов, восходящих к информации «Анонимной записки». Самая старая редакция рассказа встречается у географа начала X в. Ибн Русте, а наиболее полный вариант – в труде Гардизи (см.: I.4.4.2) с добавлением известий о взимании десятины царем русов с торговцев, а также о службе славян у русов. Сокращенная версия встречается у Мутаххара ибн Тахира ал-Мукаддаси (см.: 1.4.2.1), информацию которого пересказали в XIII в. Йакут и Закария ал-Казвини. Сюжет повторяется также в произведениях ал-Бакри (см.: I.8.3.5), ал-Марвази (см.: I.4.5), в анонимном сочинении «Собрание историй» («Моджмалат-таварих», XII в.), в книгах Ахмеда Туси (XII в.), НаджибаХамадани (XII в.), Ауфи (I.4.6), Мубаракшаха Мерверруди (XIII в.), Мирхонда (XV в.), Ибн Ийаса (I.4.7.1), Шукруллы ибн Шихаба (XV в.) и Мухаммеда Катиба (XVII в.). Отдельные элементы встречаются также в «Худуд ал-алам» (см.: I.4.3.2), в книгах Ибн Са'ида ал-Магриби (см.: I.9.3), Абу-л-Фиды (см.: I.9.4), ад-Димашки (XIV в.). Вариации рассказа в разных произведениях могут зависеть от первоисточника, которым пользовался тот или иной автор, а также от наличия оригинальной информации, добавляемой к традиционному сюжету. На основании сопоставления этих материалов историки пришли к заключению, что рассказ относится к IX в. Большинство связывает остров русов с севером России (Ибн Фадлан 1823. С. 48; Ибн Русте 1869. С. 146–150; Вестберг 1908. С. 25; Бартольд 1963б. С. 822–823; Шахматов 1919. С. 56; Минорский 1963. С. 126; Žalil–2. S. 133–134; Ods. 239; Golden 1982. P. 90; Ловмянский 1985. С. 198; Новосельцев 2000в. С. 309; Франклин, Шепард 2000), хотя никаких конкретных географических привязок текст не дает. Были попытки обоснования местонахождения острова на прибалтийских территориях (Wilinbachow 1961; Трухачев 1982. С. 168–175; Галкина, Кузьмин 1998. С. 466), на юге России или близ ее южных окрестностей (Гаркави 1891. С. 242–248; Насонов 1940. С. 81; Рыбаков 1982. С. 342–358; Трубочев 1993. С. 28–29; Рапов 1998. С. 124–128; Седов 1999. С. 68), в приволжских областях (Смирнов 1928. С. 119–123; В. В. Седов – как один из вариантов). И. Г. Коновалова предложила рассматривать «остров русов» как собирательный образ, в формировании которого выделяются две традиции, отражавшие внешнюю активность русов на разных

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

направлениях – Волжско-Каспийском и Черноморском (Коновалова 2001 г).]Остров, на котором они живут, протяженностью три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как она трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан-рус184.[Употребление титула хакан для правителя русов указывает на важное политическое значение этого звания. Тем самым владыка русов ставил себя наравне с главой некогда могущественной Хазарской державы (Новосельцев 2000г. С. 367–379).]Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются и забирают их в плен, везут в Хазаран185 и Булкар186 и там продают. [Слово Хазаран является персидской формой мн. ч. от слова хазар. Город Итиль делился на западную, дворцовую (Итиль) и восточную, ремесленную (Хазаран) части. В западной части города был дворец царя, сложенный из обожженного кирпича. Жилища в восточной части города представляли собой шатры из войлока, глины или дерева. Там жили купцы разных этносов и прочие люди (Заходер 1961; Заходер 1962. С. 184–191; Новосельцев 1990. С. 130–131).186 Булгар, столица Волжской Булгарии.] У них нет пашен, а живут они лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то он (рус. – Т. К.) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ним и говорит: «Я не оставлю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом». Нет у них ни недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочей пушниной, которую они продают желающим. Получают они плату деньгами и завязывают их в свои пояса. Они опрятны в одежде, мужчины их носят золотые браслеты. С рабами обращаются хорошо, заботятся об их одежде, потому что торгуют [ими]. У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, как и с теми, кто часто бывает у них, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто обидит или притеснит чужеземца, то помогают ему и защищают его. Мечи у них сулаймановы187. [Сулаймановы мечи – мечи франкской работы, высоко ценимые на Востоке.] Если какой-либо их род поднимается [против кого-либо], то вступаются они все. И нет между ними [тогда] розни, но выступают единодушно против врага, пока его не победят. Если же один возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым [они] и препираются. Если обе стороны оказываются недовольными приговором [царя], то по его приказанию дело решается на мечах: чей меч острее, тот и побеждает. На этот поединок приходят вооруженные родственники [обеих сторон], становясь [в ряд]. Затем соперники вступают в бой, и кто победит, тот и считается выигравшим дело. Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем, как будто бы они их (русов. – Т. К.) начальники. Случается, что они приказывают принести жертву Творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что это – жертва богу. Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победенных истребляют и[ли] обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют и все свои набеги и походы совершают на кораблях. [Русы] носят широкие шаровары, на каждые из которых идет по сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают. Никто из них не испражняется наедине, но обязательно в сопровождении трех его

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

товарищей, которые и оберегают его. Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому-то из них удастся приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и попытается его убить и ограбить. Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении.

(Перевод Т. М. Калининой по: Ибн Русте. С. 145–147)

1.4.2 Мутаххар ибн Тахир ал-Мукаддаси (Макдиси)

Судя по нисбе, предки автора или он сам были родом из пригорода Иерусалима. Всю жизнь ученый прожил в г. Бусте в Сиджистане и завершил свой большой энциклопедический труд в 966 г. Космограф XVI в. Ибн ал-Варди и библиограф XVII в. Хаджи Халифа приписывали сочинение основателю классической школы географов Абу Зайду ал-Балхи, последователями которой были ал-Истахри и Ибн Хаукал. В единственной рукописи, найденной в Стамбуле и датированной 1265 г., также стоит имя ал-Балхи, как и в шеститомном издании, выполненном французским востоковедом К. Хюаром. Однако сопоставление с цитатами из более ранних авторов и соображения хронологического порядка привели издателя к выводу о том, что труд принадлежал не ал-Балхи, а Мутаххару ибн Тахиру ал-Мукаддаси (ал-Макдиси), который работал по заказу везира Саманидов. Это обстоятельство издатель отметил в названии третьего и четвертого томов.

Книга творения и истории

1.4.2.1

Что касается русов, то они – на сыром острове, окруженном озером, и это – крепость у них, [защищающая] их от врагов. Общность их – в размере 100 000 человек. Нет у них ни пашен, ни посевов. Граничит их страна со страной славян¹⁸⁸, и они нападают на них (славян. – Т. К.), кормятся их состоянием и пленяют их. [Упоминание территорий славян и русов как пограничных в составе рассказа об острове русов есть только у этого автора.] **Говорят, что если рождается у одного из них ребенок, оставляет ему [отец] меч и говорит: «Нет у тебя ничего, кроме того, что добудет твой меч». У них есть царь. Если [ему приходится] судить двух спорщиков, и недовольны им [противники], то он им говорит: «Пусть судят вас ваши мечи»; чей меч первый [выигрывает], тот и побеждает¹⁸⁹.** [Сокращенный вариант рассказа об острове русов, восходящий к «Анонимной записке»] **Они владели Барда'а [в течение] года и совершали грехи над мусульманами, позорили их женщин, чего не делал раньше никто из людей язычества. И убил их великий и всемогущий Аллах посредством холеры и меча¹⁹⁰.** [Речь идет о походе русов в Барда'а в 945 г. Отмечена подробность, не встречающаяся в рассказе Ибн Мискавайха об этом набеге, а именно, эпидемия холеры среди русов (см.: 1.7.3).]

(Перевод Т. М. Калининой по: Макдиси. Т. IV. С. 67)

1.4.3 «Пределы мира от востока к западу»

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

Анонимный персоязычный трактат «Пределы мира от востока к западу» («Худуд ал-‘алам мин ал-машрик ила-л-магриб») дошел до нас в единственной рукописи. Она была открыта в 1892 г. в Бухаре русским востоковедом А. Г. Туманским, в связи с чем само сочинение иногда называют «Анонимом Туманского». Хотя автор «Худуд ал-‘алам» неизвестен, установлено, что сочинение было написано около 982 г. по заказу эмира из династии Феригунидов, правителя области Гузган (или Гузганан) на севере Афганистана. Судя по составу сведений, вошедших в сочинение, его автор был книжным ученым и вряд ли выезжал далеко за пределы Гузгана. Несмотря на то, что трактат написан по-персидски, он теснейшим образом связан с арабской традицией; высказывалось даже предположение о переводе его с арабского языка. Основными источниками «Худуд ал-‘алам» были арабские переработки «Географического руководства» Птолемея, утраченный труд ал-Джайхани, сочинения арабских географов «классической» школы, прежде всего различные обработки сочинения ал-Истахри, труд Ибн Хордадбега в полной редакции. В «Худуд ал-‘алам» имеется несколько ссылок на неизвестную нам карту, которая, по-видимому, была подготовлена заранее, до составления самого сочинения. «Худуд ал-‘алам» – сравнительно небольшое по объему произведение. Оно состоит из предисловия, нескольких вводных глав, излагающих общегеографические вопросы, и 51 главы с описанием различных областей Земли, пять из которых Аноним располагал в южном полушарии, одну – на экваторе и 45 – в северном полушарии. К числу последних он относил области славян, русов, болгар, печенегов, хазар, алан, буртасов. Сведения персидского Анонима очень разнообразны: они касаются физической и этнической географии региона, а также некоторых событий политической истории населявших его народов. Вместе с тем «Худуд ал-‘алам» – очень сложный для толкования источник, каждое сообщение которого нуждается в сопоставлении с данными предшественников. Детальное исследование сведений Анонима о русах, славянах и хазарах, проведенное В. В. Бартольдом, В. Ф. Минорским, А. И. Новосельцевым и другими исследователями, показало, что эти разделы сочинения дают относительно мало новой информации по сравнению с сообщениями более ранних авторов.

Пределы мира от востока к западу

I.4.3.1

О стране славян¹⁹¹. [Рассказ о славянах в «Худуд ал-‘алам» восходит к данным «Анонимной записки».] **На восток от нее – внутренние болгары и некоторые из русов, на запад – часть Грузинского моря¹⁹² и часть Рума¹⁹³.** [В рукописи: Дарья-йегурзийан (л. За, 8а). В. Ф. Минорский прочел это название как Дарья-йеваранг (Варяжское море). С ним не согласился А. П. Новосельцев, рассматривавший это наименование как искаженное Дарья-йе хазар, т. е. «Хазарское море», как называли Черное море арабские писатели IX в. 193 Аноним употребляет это традиционное арабское наименование Византийской империи в расширительном значении, включая в это понятие все известные ему европейские христианские народы.] **На запад и восток от нее всюду пустыни и ненаселенный север. Это большая страна, и в ней очень много деревьев, растущих близко друг от друга. И они живут между этими деревьями. И у них нет иных посевов, кроме проса, и нет винограда, но очень много меда, из которого они изготавливают вино и тому подобные напитки. Сосуды для вина делаются у них из дерева, и случается, что один человек ежегодно делает до 100 таких сосудов. Они имеют стада свиней, так же как мы стада баранов. Мертвого сжигают. Если у них умирает человек, то его жена, если любит его, убивает себя. Они носят высокие сапоги и рубахи до лодыжек. Все они огнепоклонники. У них**

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

есть струнные инструменты, неизвестные у мусульман, на которых они играют. Их оружие – щиты, дротики и копья. Царь (падишах) их зовется Смутсвит¹⁹⁴, и пища их царя молоко. [В. Ф. Минорский рассматривал этот антропоним как непонятое персидским Анонимом арабское йусаммуна-ху С.вит, т. е. «его зовут Свит».] Зимой они живут в хижинах и в землянках. У них много замков и крепостей. Одежда их большей частью из льна. Они считают своей обязанностью по религии служение царю. У них два города: 1. Вабнит¹⁹⁵ – первый город на востоке [страны славян], и некоторые из его жителей похожи на русов. [Этот славянский город упоминают и некоторые другие арабские и персидские авторы X–XI вв., которые приводят иные варианты наименования: Ва?.и? (Ибн Русте: I.4.1.3), Вантит (Гардизи: I.4.4.1), Историографию см.: Новосельцев 2000в. С. 299–300; Калинина 2000а.] 2. Хордаб¹⁹⁶ – большой город и место пребывания царя. [Наименование этого славянского города в других арабо-персидских источниках имеет несколько вариантов: Джарваб/Джарват (Ибн Русте), Джарват (Гардизи), Хадрат (ал-Марвази), которые, по мнению исследователей, являются искаженными формами слова «Хорват» (Гаркави 1870. С. 266; Новосельцев 2000в. С. 300). Предполагается, что Аноним имеет в виду славянское племя хорват и их центральный населенный пункт, который мог носить такое же наименование.]

(Перевод А. П. Новосельцева: Новосельцев 2000. С. 295–296)

I.4.3.2

Страна [русов]197. [Для описания страны русов Аноним использовал два источника – сведения «Анонимной записки» о русах, живущих на «острове», и данные ал-Истахри о трех «группах» русов (см.: 1.6.1.7).] **На восток от нее – гора печенегов, на юг – река Рута¹⁹⁸, на запад – славяне, на север – ненаселенный север.** [Этот гидроним воплощает представления персидского Анонима сразу о нескольких реках Восточной Европы, точно идентифицировать которые пока не удастся. Среди рек, сведения о которых могли оказать влияние на формирование представления о реке Руте, называют Оку, Дон, Дунай. О различных подходах к трактовке этого гидронима см.: Новосельцев 1990. С. 19–20; Мишин 2000. С. 60–61.] **Это большая страна, и народ ее плохого нрава, непристойный, нахальный, склонный к ссорам и воинственный. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями. Царя их зовут хакан¹⁹⁹ русов.** [Каган (араб, хакан) – алтайский титул, символизировавший верховную власть у древних тюрков.] **Страна их изобилует всеми жизненными благами. Среди них есть группа из моровват²⁰⁰.** [Персидское слово моровват В. Ф. Минорский вслед за догадкой В. В. Бартольда перевел как синоним арабского слова руджула («рыцарственность»). С ними согласился А. П. Новосельцев, увидевший в этом сообщении «Худуд ал-‘алам» свидетельство о наличии у русов определенной категории воинов-дружинников, основным занятием которых были набеги на соседние племена (Новосельцев 2000в. С. 310–311). О термине моровват см. также: Родионов 1988. С. 60–68.] **Знахари²⁰¹ у них в почете.** [Жрецы.] **Ежегодно они платят одну десятую добычи и торговой прибыли государю. Среди них есть группа славян, которая им служит. Они шьют шаровары приблизительно из 100 гязов холста, которые надевают и заворачивают выше колена. Они шьют шапки из шерсти с хвостом, свисающим с затылка. Мертвого сжигают со всем, что ему принадлежало из одежды и украшений. С ними [мертвыми] кладут в могилу еду и питье...Куйа.а²⁰² – город русов, ближайший к мусульманам, приятное место и резиденция царя.**[Отождествляется с Киевом (Новосельцев 2000в. С. 319–320).] **Из него вывозят различные меха и ценные мечи. Сла.а – приятный город, и из него, когда царит мир,**

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

ведется торговля со страной Булгар203. [Волжская Булгария.] **Артаб204 – город, где убивают всякого чужестранца и откуда вывозят очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое, но, как только отводится рука, они принимают прежнюю форму.** [Артаб (название пишется так же, как Уртаб и Иртаб) – упоминаемая в целом ряде мусульманских географических сочинений столица правителя одной из трех «групп» русов, именуемой ал-Арсанийя. Впервые упоминается в сочинении ал-Истахри (см.: I.6.1.7), который, вероятно, позаимствовал эти сведения у своего учителя ал-Балхи. Неясность сведений об этом пункте не позволяет однозначно отождествить его с каким-либо известным нам топонимом. Наиболее известные идентификации – с мордовским племенем эрзя (К. М. Френ, Й. Маркварт), Великой Пермью (Д. А. Хвольсон), землями Окского бассейна (П. Смирнов), Тматороканью (Г. В. Вернадский), Роднем близ Киева (Б. А. Рыбаков), Ростовом и районом Белоозера (А. П. Новосельцев, В. В. Дубов). Не исключено также, что рассматриваемый топоним появился как литературный «собирательный образ», в котором сплелись сведения о разных географических объектах (историографию см.: Новосельцев 2000в; Коновалова 1995а).]

(Перевод А. П. Новосельцева: Новосельцев 2000. С. 304–305)

I.4.3.3

Слово об области болгар внутренних205. [Из более ранних источников этот хороним встречается только в сочинении ал-Истахри, откуда, по всей вероятности, его и позаимствовал автор «Худуд ал-'алам». Однако, если у ал-Истахри в характеристике «внутренних болгар» есть детали, позволяющие отнести их описание к Дунайской Болгарии, то во «внутренних болгарях» персидского Анонима следует видеть либо черных болгар, обитавших в Северном Причерноморье, либо волжских булгар (Мишин 2000. С. 55).] **Это – область, в которой нет ни одного города; жители храбры, воинственны и внушают страх. Их нравы походят на нравы тех турок, которые живут по соседству с областью хазар. Со всеми русами у них война; со всеми окрестными областями они ведут торговлю. Они владеют баранами, оружием и приспособлениями для войны.**

(Перевод В. В. Бартольда: Бартольд 1973. С. 543)

I.4.4 Гардизи

Какие-либо биографические сведения об ученом неизвестны. Исторический труд Гардизи «Краса повествований» («Зайн ал-ахбар») был составлен при Абд ар-Рашиде Газневи (1049–1053) и включал в себя историю персидских царей, Мухаммада и халифов до 1032 г. В заключительном разделе, где речь идет о разных науках и географии, есть, в частности, глава о тюрках, куда полностью входит информация «Анонимной записки», встречающаяся также у Ибн Русте (см.: I.4.1.3 и 4). В качестве источников в этой главе названы произведения Ибн Хордадбега и ал-Джайхани, не дошедшие до нас.

Краса повествований

I.4.4.1

(...) Они (венгры. – Т. К.) побеждают славян и всегда одерживают верх над славянами и рассматривают их [как источник] рабов206. [Так переводит А. П. Новосельцев. Перевод В. В. Бартольда: «Все они производят набеги на славян,

постоянно налагают на славян оброки и обращаются с ними, как со своими военнопленными» (Бартольд 1973 г. С. 59).] **И венгры – огнепоклонники и ходят к огузам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут в Византию и продают (...). Они постоянно нападают на славян. А от венгров до славян 10 дней пути. На крайних пределах славянских есть город, называемый Вантит (...)207.** [См.: I.4.1.3. Примеч. 4.] **Между печенегами и славянами два дня пути по бездорожью, и этот путь [проходит] через источники и очень лесистую местность. А страна славян ровная, изобилует деревьями, и они живут большей частью среди деревьев. Риса у них нет, и нет засеянных полей. Есть у них хижины, сделанные из дерева. Много там меда, так что из одного улья получается 50, 60 или 100 маннов208 меда.** [Манн – «мера веса, величина которой в различных местностях неодинакова» (Бартольд 1973 г. С. 45. Примеч. 18).] **И разводят они свиней и имеют они стада свиней, так же, как мы имеем стада баранов. И если умирает у них женщина, то женщине [той ?] режут лицо ножом. И когда сжигают покойника, на другой день приходят на это место, собирают его пепел, кладут его в мешок и оставляют на вершине холма. Когда минует год после смерти [покойника], готовят много меда, собирается вся семья покойника на этом холме, пьют мед и поминают его. Они почитают быка209, и большая часть их посевов из проса.** [Ибн Русте (см.: I.4.4.1), Мутаххар ал-Мукаддаси (см.: I.4.2.2), ал-Марвази (см.: I.4.5) в аналогичном фрагменте упоминают о поклонении огню, а не быку.] **И когда приходит время жатвы, все то зерно кладут в ковш, затем поднимают голову к небу и говорят: «Это дал ты нам в этом году, подай нам изобилие и в следующем». У них есть разные виды лютней, тамбуров и свирелей. Длина их свирели – 2 локтя; на их лютнях 8 струн. Напиток их делается из меда. Они играют при сжигании мертвого на струнных инструментах и говорят: «Мы веселимся, ибо милость божия сошла на него». Лошадей у них мало. Одежда их – рубаха и высокие сапоги. Обувь их подобна длинным табаристанским сапогам, которые носят женщины Табаристана. Средства существования у них не очень обильны. Оружие, которым они сражаются, – дротики, щиты, стрелы и копья. Глава их носит корону, и все они почитают его и повинуются ему, и первый из их глав [вождей ?] зовется свиет-малик210, а его заместитель – свих211.** [См.: I.4.1.3. Примеч. 7. 211 См.: I.4.1.3. Примеч. 8.] **Столичный город его называется Джарват212.** [См.: I.4.1.3. Примеч. 9.] **Ежемесячно в течение трех дней в этом городе происходит базар, на котором всякие вещи продают и покупают. У них есть обычай строить крепости. Несколько человек объединяются, чтобы строить укрепления, так как венгры на них постоянно совершают нападения и грабят их. Венгры приходят, а славяне запираются в эти укрепления, которые построили213.** [Гардизи в большей степени, чем Ибн Русте, уделяет внимание набегам венгров на славян. У последнего такая информация есть только в разделе о венграх (мадьярах).] **Зимой большей частью они находятся в замках и крепостях, а летом в лесах. У них много рабов214.** [В. В. Бартольд переводит: «У них много пленных» (Бартольд 1973г. С. 59).] **Если схватят вора, забирают его имущество, а его самого затем отсылают на окраину страны и там наказывают. Между ними распространены прелюбодеяния; и если женщина полюбит мужчину, то сближается с ним. Когда он берет себе жену, если она окажется девственницей, то делает ее женой, если же нет, то продает и говорит: «Если бы в тебе был прок, то сохранила бы себя». Если же, став женой, предается прелюбодеянию, то [муж] убивает ее, не принимая извинений. У них много напитков из меда. Есть у них люди, которые имеют у себя 100 больших кувшинов медового напитка.**

(Перевод А. П. Новосельцева: Новосельцев 2000в. С. 296–297; с редакторской правкой Т. М. Калининой, с учетом перевода В. В. Бартольда)

I.4.4.2

Что же касается русов, то есть остров, расположенный в море²¹⁵. [Если в аналогичном отрывке Ибн Русте речь идет об острове в озере (бухайра), то Гардизи употребляет арабское слово бахр – море.] Остров этот протяженностью три дня пути в длину и в ширину и весь покрыт лесом. Почва его такая влажная, что если поставить ногу, то она погрузится в землю по причине ее влажности. У них есть царь, называемый хакан-е рус²¹⁶. [См.: I.4.1.4. Примеч. 11.] Число жителей на этом острове 100 000 [человек]. Эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабство, отводят в Хазаран и Булгар и там продают. У них нет посевов и пашен, а пользуются они обычно славянскими посевами. Если [у них] рождается сын, извлекают меч, кладут возле него, и отец говорит: «У меня нет ни золота, ни серебра, ни скота, чтобы оставить тебе в наследство. Вот твое наследство, сам себе [все] добудь мечом». Торгуют они соболем, белкой и другими мехами. Носят чистые одежды и с рабами обращаются хорошо. И нет у них обыкновения, чтобы кто-то оскорблял чужеземца. А если кто оскорбит, то половина имущества его отдается потерпевшему. Одежда людей русов и славян из льна (...). На острове много городов. У них много сулаймановых мечей. Если они воюют, то стоят друг с другом заодно, не ссорятся между собой и совместно действуют, пока не победят врага. Если возникает между ними спор, идут к хакану и разрешают спор по его решению, или же он приказывает, чтобы решался спор мечом: кто победит, тот и выигрывает [спор]. Есть у них знахари, власть которых распространяется и на их царей. И если знахарь возьмет мужчину или женщину, накинет им на шею веревку и повесит, пока те не погибнут, и говорит, что это – указ царя, – то никто не говорит ему ни слова и не выражает недовольства. Царь их взимает с торговли 1/10 часть. Всегда 100–200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся. И там [у них] находится много людей из славян, которые служат (как рабы? – А. Н.) им (русам. – Т. К.), пока не избавятся от зависимости (рабства? – А. Н.)²¹⁷. [Немного выше и здесь А. П. Новосельцев поставил вопрос, видимо, сомневаясь в точности смысла переводимых фраз. В. В. Бартольд предложил иной перевод фразы: «Много людей из славян приходят служить к русам и служат им, чтобы обезопасить себя» (Бартольд 1973 г. С. 60).] Они носят верхнюю одежду и надевают шапки. И они не доверяют друг другу, так что если один идет испражняться, то два или три других идут с ним вооруженные, охраняют его, и если встретятся друг с другом один на один, убивают. Если убивают у них взрослого мужа, то делают ему все вместе в земле обширную и большую могилу, как просторный дом, и все его имущество, и кувшин для омовения, и питье, и еду кладут с ним и сажают к нему живую его жену, затем закрывают могилу, пока жена там не умрет.

(Перевод А. П. Новосельцева: Новосельцев 2000в. С. 305–306; с редакторской правкой Т. М. Калининой, с учетом перевода В. В. Бартольда).

В эту замечательную подборку не вошел, правда, один анонимный персидский источник 12ст.- "Моджмал ат-таварих" («Собрание историй») содержащий уникальные сведения, а именно – кроме прочего и восточные легенды о происхождении русов, славян, булгар и других народов Восточной Европы. Он был издан в Тегеране в 1939 году. А информацию

по русам перевел с персидского А.П.Новосельцев. Интересующее нас место в переводе выглядит так:

«Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашёл место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался. Место то лесистое и труднодоступное, и никогда ни один человек не достигал того места, разве что Гуштасф по приказу отца своего Лехрасфа в то время, когда Кей-хосров его послал к хазарам и аланам, и об этом будет сказано в своём месте, если захочет Бог. Рассказывают также, что у Руса был сын, которому в схватке с каким-то человеком разбили голову. Он пришёл к отцу весь в крови. Тот ему сказал: «Иди и порази его!» Сын так и сделал. И остался такой обычай, что если кто-либо (русов) ранит, они не успокоятся, пока не отомстят. И если дашь им весь мир, они все равно не отступятся от этого. И один другому у них не оказывает доверия. Когда родится сын, отец кладет ему на живот меч и говорит: «Вот тебе наследство!»

«...И Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил, что это место тесное (для нас двоих). Такой же ответ дали Кимари и Хазар. Между ними началась ссора и сражение, и Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян. Затем он сказал: "Здесь обоснуюсь и им легко отомщу". (Славяне) делают жилища под землей, так чтобы холод, который бывает наверху, их не достал. И он (Славянин) приказал чтобы принесли много дров, камней и угля, и эти камни бросали в огонь, и на них лили воду, пока не пошел пар и под землей стало тепло. И сейчас они зимой так делают».

Так как, легенды Востока или прошлая реальность? И опять Повесть временных лет, в тех редакциях, которые дошли до нас, ничем нам не поможет в понимании того о чем писали эти авторы. Мы только можем отметить про себя, что географические сведения мусульманского Востока о Восточной Европе застыли на уровне, который был, достигнут его наукой во времена Халифата Аббасидов. Что же касается информации н. «анонимной записки», то она отражает ситуацию вообще 9 века, так как в связи с враждой к славянам и русам, упоминает венгров и внутренних болгар, а не вытеснивших их из Северного Причерноморья печенегов, утвердившихся в этих краях с начала 10ст. благодаря хазарам. Мы видим, что эти архаичные сведения четко разделяют славян и русов, хотя и не можем пока адекватно понять природу этого противопоставления. Согласно представлениям, отраженным в «Собрании историй» русы, вообще, оказываются в ареале кочевого мира до прихода в эти края славян. Они не просто соседят с хазарами, строго в духе информации из «Баварского анонима», представляя из себя,какой-то другой, по отношению к славянам, народ, а занимают остров протяженностью три дня пути на их территории, простиравшейся, как мы помним, на запад - до Днепра. Часть этих источников выглядит как компиляция разновременных свидетельств, что, наряду, с некоторыми откровенно фантастическими сюжетами, еще больше осложняет задачу исследователя. Однако кое-какие выводы сделать мы уже можем – арабо-персидские свидетельства о русах, если судить беспристрастно, касательно 9ст. помещают их на юге Восточной Европы, в соседстве венгров, хазар и внутренних болгар. Чтобы там не писали поколения российских историков. В том же ареале, в котором застают их в середине следующего столетия византийский трактат «Об управлении империей». Надо ли говорить, что «джазира русов» протяженностью три дня

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

пути, а это - около 100 км, в том виде, в котором она описана у мусульманских авторов, подозрительным образом, снова, напоминает ту же неприметную локацию, о которой речь шла в прошлой главе. Совпадение? Возможно. У нас нет пока никаких прямых свидетельств ни за, ни против Запорожья. Да, мы вышли на него, но улики по-прежнему мало, а на археологию рассчитывать уже не приходится. Вышли, только потому, что кое-что понимаем в раннемодерной истории Украины, а главное – внимательно читаем работы современных историков ориентирующих нас в очень сложной теме, каждый, в рамках своей специализации. Пусть сам «остров» стараниями российских историков и записан уже в разряд фантазий средневековья. И, памятуя, о том, какого языка наименования порогов Днепра донесли до нас греки, как россияне, предположив, что не всегда в прошлом скандинавы шли через них только с торговыми целями, нам остается последовать рекомендациям историков и с их же помощью, поискать какие-то следы информации о нашей днепровской Атлантиде в скандинавистике. Возможно, такой подход окажется более продуктивным, поскольку потенциал приведенных здесь фрагментарных сведений, слава Богу, хотя бы доживших до нас, судя по всему, мы исчерпали. Помнит ли что-нибудь Скандинавия о подобном своеобразном хабе на пути в Миклагард или Серкланд?

Глава 5

ЭЛЛИПАЛТАР

Всё это с давних времен зовется Хольмгардарики (Hólmgardaríki), а некоторые зовут его Тартарарики (Tartararíki). Все мелкие конунги подвластны самому конунгу Хольмгардарики.

(«Сага о Йоне»)

Называется она Истером, или Дунаем.

Между этой рекой и Океаном

И земель, где живут аланы,

Обитают многие непокорные племена;

Они — дикари и язычники;

Там есть остров, называемый Канси 14,

И я полагаю, что это Роси 15,

Огромным соленым морем

Окруженная со всех сторон.

И вот так же, как пчелы

Из разных их ульев.

Вылетают они огромными, могучими роями,

Где они исчисляются тысячами.

Или словно пришедшие в ярость,

Бросаются они в бой, выхватив мечи,

Мгновенно воспламененные гневом,

И так все вместе, и более того —

Этот народ может выходить,

Чтобы нападать на большие королевства

И совершать великие побоища,

[Захватывать] великую добычу и [одерживать] победы.

(«Хроника герцогов Нормандских» Бенуа Де Сент-Мора – середина 12ст.)

Итак, помня, что пороги Днепра в трактате Константина Багрянородного упомянутые, как русские, имеют древнескандинавскую этимологию, подозревая, что, именно выходцы с Севера, в эпоху викингов, возможно, использовали район Нижнего Поднепровья, как базу для подготовки морских рейдов на государства Ближнего Востока, беремся просеивать скандинавские источники. Известно, что, судя по географической номенклатуре рунических надписей, скандинавы были хорошо знакомы лишь с северо-западной частью Восточной Европы по преимуществу и прибалтийскими землями, и с народами, жившими к северу от Финского залива – об этом предупреждает нас Е. А. Мельникова. Тем не менее, мы будем искать нашу иголку в стоге сена. Юрий Звягин, в поисках упоминаний о пути «из варяг в греки» уже проделал эту работу. И выводы его неутешительны: «географические сочинения скандинавов хорошо знают только Двинско-Днепровскую часть пути, города которой фигурируют во всех сочинениях». Пусть так. Возможно, они приходили по Западной Двине, что было бы естественно – этот путь много более легкий и короткий, чем тот, который нам пытаются навязать российские историки – от Невы и Ладоги по рекам к верховьям Днепра. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что о том, что мы ищем, никто не подозревает. Памятуя хорошее знакомство со скандинавскими источниками украинского медиевиста Омеляна Прицака, рано или поздно выходим на определенный результат – его Regnum Hellesponti. В конце концов: «Т.Н. Джаксон, А.В. Подосинов «Топонимия на перекрестке культур: древнескандинавское название Азовского моря и устная традиция» 2013.

В статье предложена новая версия происхождения гидронима Ellipaltar, зафиксированного в своде исландских королевских саг «Красивая кожа» (ок. 1220 г.) и использующегося в нем при описании событий начала 40-х гг. XI в. Авторы полагают, что этот древнескандинавский гидроним обязан своим происхождением грекам и римлянам, но также и готскому посредничеству, способствовавшему его проникновению в скандинавскую языковую среду. Проведенный в работе анализ источников демонстрирует длительное (на протяжении многих веков) существование устной географической традиции в «скифском» регионе.

Ключевые слова: Скифия, устная традиция, топонимия, гидронимия, Азовское море, греки, римляне, готы, скандинавы, варяги.

В настоящей статье мы хотим предложить свою версию происхождения одного гидронима, зафиксированного в своде исландских королевских саг «Красивая кожа» (ок. 1220 г.) и использующегося в нем при описании событий начала 40-х гг. XI в. Мы полагаем, что этот древнескандинавский гидроним обязан своим происхождением грекам и римлянам, но также и готскому посредничеству, способствовавшему его проникновению в скандинавскую языковую среду. Из сообщений саг и скальдических стихов, равно как и из «Советов и рассказов» византийского полководца XI в. Кекавмена, мы знаем о продолжительной (примерно с 1034 по 1043 г.) службе норвежского конунга Харальда Сигурдарсона в войске византийского императора. Обстоятельства вынудили Харальда бежать из Константинополя. Как говорит современник конунга Кекавмен, «после смерти Михаила и его племянника — экс-василевса — Аральт (т. е. Харальд. — Авт.) при Мономахе захотел, отпросясь, уйти в свою страну. Но не получил позволения — выход перед ним оказался запертым. Все же он тайно ушел...»¹ Рассказав о том, как Харальд «ослепил самого конунга греков», скальды дружно молчат о бегстве Харальда из Константинополя и лишь описывают его плавание из Руси на скандинавский Север. Самый ранний древнескандинавский прозаический источник, «Обзор саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.), проявляет

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

полное неведение о бурных событиях в Константинополе: «И вот, когда проходит некоторое время, отправляется Харальд, брат Олава Святого, домой из Гарда (=Миклагарда=Константинополя. — Авт.) через Аустрвег (=Восточный путь=Русь. — Авт.) на торговом корабле, сильно нагруженном добром и драгоценностями...»². Целый ряд фактов указывает на то, что рассказы саг о заморских походах (*útfærðarsaga*) Харальда в значительной степени основаны на традиции³. Не исключена вероятность и того, что за развернутым повествованием трех больших компендиумов королевских саг тоже лежат устные рассказы; может быть, даже те, что принес на скандинавский Север сам конунг Харальд⁴. В «Гнилой коже» (1217– 1222 гг.), «Красивой коже» (ок. 1220 г.) и «Круге Земном» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), а также в «Хульде» (третья четверть XIV в.) рассказывается, как Харальд переправился через цепи в проливе Сэвидарсунд (Золотой Рог)⁵, выбрался таким образом из Миклагарда (Константинополя) и поплыл затем в Свартахав (Черное море)⁶. Но прежде чем он выплыл в море, у него была вынужденная остановка, и лишь затем он поплыл дальше. Куда? По словам «Гнилой кожи» (а это самый ранний из трех сводов саг), Харальд плывет «на север за море, а оттуда едет по Аустррики (= Восточному государству = Руси. — Авт.) в Хольмгард (= Новгород. — Авт.)»⁷. Однако в «Красивой коже» (а вслед за ней — в «Круге Земном» и в «Хульде») вместо *norþrifirhafit* «на север за море» стоит *norðr í Ellipaltar* «на север в Эллипалтар»⁸. Итак, зафиксировал этот гидроним автор «Красивой кожи» (ок. 1220 г.); два других упоминания — заимствования из этого источника. Еще раз обрисуем маршрут. Харальд выплывает из Константинополя в Черное море, а оттуда — на север в какой-то загадочный Эллипалтар, откуда, наконец, попадает на Русь. Направление движения «на север» в данном контексте указывает, как кажется, на реальное знакомство информанта (кем бы он ни был) с местностью, поскольку на абстрактной ментальной карте средневекового скандинава Русь лежит в Восточной четверти мира и путь в нее, как правило, идет «на восток»⁹.

Что же такое Эллипалтар, находящийся между Черным морем и Русью? Существует несколько вариантов объяснения этого гапакса. Нередко в гидрониме *Ellipaltar* видят обозначение устья Днепра. Среди сторонников этой точки зрения, скажем, издатель «Круга земного» Бьярни Адальбьярнарсон¹⁰, а также переводчики его на английский язык: Э. Морсен и А.Х. Смит¹¹, Л.М. Холландер¹², равно как и издатели русского перевода¹³. Такое толкование вызвано, по-видимому, логикой путешествия Харальда: ведь путь «из Грек в Варяги», по которому он следовал, вел — чисто умозрительно — из Черного моря в Скандинавию через Русь, в первую очередь, по Днепру. При этом Бьярни Адальбьярнарсон отмечает, что слово, возможно, образовано из греч. ἑλίη лат. *paludes*, имеющих значение «болото». Об этом писал несколько раньше А. Стендер-Петерсен (см. ниже)¹⁴. А вот предположение о том, что вторая часть этого гидронима, - *paltar*, отражает латинское слово *paludes*, было высказано уже Н.М. Петерсеном в XIX в.¹⁵ Нам, однако, обозначение низовьев Днепра как «болота» ни в античной, ни в средневековой литературе не известно. Второе мнение относительно *Ellipaltar* — отождествление его с древним обозначением пролива Дарданеллы — *Hellespontus*. На возможность такого прочтения гидронима указывали уже составители аннотированного указателя к двенадцати томам «*Fornmannasögureptirgömlum handritum*»¹⁶. Так понимает его А.И. Ляценко: «Черное море, м. б. искаженное *Hellespontus*»¹⁷, — чей комментарий основан, скорее всего, на народноэтимологическом сближении *Hellespontus* и *Ellipaltar*, с одной стороны, и полным невниманием к тексту саги — с другой: ведь Черное море уже названо в этом

итинерарии, а к тому же указано, что из Миклагарда (Константинополя) Харальд поплыл на север на Русь¹⁸, что исключает для него движение в сторону Дарданелл.

Впрочем, *Hellespontus* (Хеллеспонт = Геллеспонт) средневековых авторов не всегда, по мнению исследователей, связан со Средиземноморьем. Так, у датского хрониста Саксона Грамматика (к. XII —нач. XIII в.) из трех случаев использования гидронима *Hellespontus* в легендарной части его «Деяний датчан» (кн. I, VIII и IX) два, полагают исследователи, указывают на более северные области: в одном фрагменте фигурирует «Хандван, король Хеллеспонта, около города Дуна»¹⁹, под которым издатели английского перевода текста Саксона понимают совр. Даугавпилс²⁰; в другом говорится о победе Ярмерика (= Германариха) над пиратами из Хеллеспонта²¹. Сравнение описанного Саксоном триумфа Ярмерика над хеллеспонтийцами, славянами (*Scilavi*) и свеонами (*Sueones*) с текстом Иордана (*Get.* 117–120), где перечислены победы короля над херулами (*Heruli*), венетами (*Venethi*), антами (*Antes*), склавенами (*Scilaveni*) и эстами (*Aesti*), позволяет комментатору этого текста заключить, что, коль скоро, согласно Иордану, херулы жили к северу от Азовского моря, их замена на хеллеспонтийцев была логичной, ибо для Саксона эти последние были обитателями Восточной Европы²². А. Стендер-Петерсен, посвятивший этим сюжетам у Саксона небольшое исследование, оставшееся неизвестным современному комментатору, отождествил упомянутый хронистом «Хеллеспонт около города Дуна» (что он прочитал как «Дон») с Азовским морем, увидев в первой части названия греч. ἕλη (хеле). Он высказал предположение, что варяги могли знать то описание Меотиды (*juxta Meotida paludeinhabitansinlocis stagnantibus, quas Greci Elevocant*), которое мы встречаем в тексте Иордана (см. ниже), а что сами они называли эту болотистую страну и Азовское море тем именем, которое позднее употребит Снорри в «Саге о Харальде Суровом Правителе» в «Круге Земном» (добавим от себя: а до него — автор «Красивой кожи») — *Ellipaltar*. Тем самым, до Саксона, по мнению Стендер-Петерсена, дошла готско-варяжская традиция²³.

Любопытно, что пришедший к сходным результатам О. Прицак независимо от Стендер-Петерсена (по крайней мере, не ссылаясь на него в книге 1981 г.) определил Хеллеспонт Саксона как «Хеллеспонт Азовского моря»²⁴. Исходя из ошибочного посыла, что Саксон опирался на «Круг Земной» Снорри Стурлусона²⁵ (а вовсе не на варяжскую традицию, как полагал Стендер-Петерсен), Прицак заключил, будто первый элемент гидронима *Ellipaltar* (*Elli-*) напоминал Саксону о первой части имени *Hellespontus* (* *Hella*)²⁶, а, основываясь на своем внетекстуальном понимании значения топонима *Ellipaltar* (= основные водные пути бывшего Боспорского царства, соединявшие Азовское море с бассейном Волги через Дон и Донец)²⁷, он приписал Саксону использование античного Хеллеспонта в несвойственном ему значении. Наконец, имеются исследователи, которые понимают *Ellipaltar* как обозначение Азовского моря. Упомянутые выше составители аннотированного указателя к двенадцати томам «*Fornmannasögureptirgömlumhandritum*» предложили (кроме Хеллеспонта) и второе, альтернативное, прочтение, представив его к тому же как более предпочтительное — «*Palus Mæotis* (соврем. Азовское море)»²⁸. О. Прицак тоже в ряде случаев говорит о более узком значении топонима: «Тут Елліпальта є назвою для Азовського моря»²⁹.

Из трех предложенных толкований гидронима *Ellipaltar* нам видится наиболее предпочтительным последнее. Нам представляется, что это имя следует понимать

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

исключительно как обозначение Азовского моря. Приведем свою аргументацию... Остановимся подробнее на античных названиях Азовского моря. Со времен Геродота греческие авторы называли Азовское море Меотидой (Μαιώτις) или Меотийским озером (ἡ Μαιῆτιςλίμνη – Herod. I. 104 in Ionia dialect, etc.). Слово λίμνη означает как «озеро», так и «болото», т. е. имеется в виду водоем со стоячей водой, отсюда — «пруд, озеро, болото». Латинское обозначение Азовского моря передает греческое название. Римляне называли это море Меотидой (Maeotis), или же Lacus Maeoticus «Меотийское озеро», или Paludes Maeoticae «Меотийские болота», а часто просто Paludes «Болота»³⁶. Таким образом, одно греческое слово λίμνη переводилось двумя словами «озеро» и «болото», которые свободно заменяли друг друга. Так, описывая Северное Причерноморье, римский автор I в. н. э. Помпоний Мела в своей «Хорографии» (I. 112) в рамках одной фразы называет Азовское море и Болотом, и Озером: «Затем в сторону уходит не очень широкая область, простирающаяся между Понтом (Черным морем. — Авт.) и Болотом (Paludem — Азовским морем. — Авт.) до Босфора (Керченского пролива. — Авт.); река Кораканда (Кубань. — Авт.), впадая одним руслом в озеро (in lacum), а другим в море, превращает ее в полуостров (Таманский полуостров. — Авт.)».

Что касается греческого слова (τὰ) ἔλη, то это — множественное число ἀττὸ ἔλος «болотистое место, заливной луг», и в этом смысле оно полностью соответствует множественному числу латинского paludes «болота» (а также — заметим пока в скобках — др.-исл. Ellipaltar). Хотя Стендер-Петерсен утверждает, что «греки использовали это слово (τὰ ἔλη) для обозначения болот Меотиды, т. е. Азовского моря»³⁷, мы, тем не менее, практически ни разу не встречаем этого названия Азова в античных источниках. Следует, правда, отметить, что некоторые древнегреческие авторы используют применительно к Меотиде слова того же корня и приводят его «болотную» характеристику. Так, например, Страбон пишет о пелагиде (VII. 6. 2): «Эта рыба нерестится в болотах Меотиды (ἐν τοῖς ἔλεσι τῆς Μαιώτιδος)»; он же отмечает (VII. 4. 1), что Гнилое озеро (ἡ σαπρὰ λίμνη = совр. залив Сиваш), являющееся западной частью Меотиды, «весьма болотисто (ἐλώδης) и едва судоходно для шитых из кожи лодок, так как ветры легко обнажают мелкие места и затем снова покрывают их водой». Оппиан сообщает (Halieut. I. 504–513), что пелагиды, собравшись там, «где Меотида соединяется с морем, у болотистого устья и покрытых водой зарослей камыша», мечут икру. Полибий же так характеризует это море (IV. 40. 8): «Занесение Меотиды (илом рек. — Авт.) представляет собой уже осуществившийся факт: глубина ее в наибольшей части достигает только пяти или семи оргий (1 оргия = 1,85 м. — Авт.), почему и плавание по ней уже невозможно для больших судов без лоцмана».

Только один текст может указывать на употребление слова ἔλη в качестве наименования Азовского моря. Мы имеем в виду известное место из Иордана (VI в.), который пишет следующее о победах готского царя Германариха, дошедшего в своих завоеваниях до Меотиды (Get. 117): «По сообщению историка Аблавия³⁸, вышеуказанное племя (Heruli — херулы = герулы. — Авт.) жило близ Меотийского болота (iuxta Meotidapalude), в топких местах (in locis stagnantibus), которые греки называют "эле" (ele), поэтому и именовалось элурами (Eluri)³⁹» (перевод Е. Ч. Скржинской). Итак, Иордан дает греческое (в латинской транскрипции) название Азовского моря в форме «Эле», а народ, живущий близ Азовского моря, называет «элурами». Как до этого текста, так и после него, речь идет о том же племени, но

только как о герулах— готском племени, вышедшем из Скандинавии⁴⁰. Надо отметить, что в упоминании элугов Иордан не оригинален. Этот этноним фигурирует у греческого писателя III в. н.э. Дексиппа⁴¹ (в XII книге «Хроник»), которого цитирует в VI в. Стефан Византийский (Ethn. 269. 11–12); однако эти авторы, в отличие от Иордана, считали элугов местным «скифским» народом: Ἐλουροί (или Ἐλουροί), Σκυθικὸν ἔθνος, περὶ ὧν Δέξιππος ἐν χρονικῶν β. Так же и следующие Дексиппу Георгий Синкелл в конце VIII — начале IX в. (Fr. 717. 9: греческим походом 267–268 гг. командовали элуры=герулы и остготы) и Иоанн Зонара в XII в. (Anp. XII. 24) относили их к скифо-сарматскому миру. Е.Ч. Скржинская (не знавшая, впрочем, о мнении Синкелла и Зонары) склонна была думать, что это — местный, конно-степной народ, а не германо-готский (какими были Иорданом же описываемые герулы)⁴². В результате исследователи приходят к выводу, что «Аблавий (на которого ссылается Иордан. — Авт.) использовал труд Дексиппа. Этимология, разумеется, ложная»⁴³, т. е. герулы были искусственно идентифицированы с каким-то местным приазовским (скифским?) племенем из-за сходства в названии⁴⁴. В.П. Буданова приводит научную литературу, в которой «неоднократно ставился вопрос о необходимости проводить различие между гелурами из области Меотиды, происхождение которых неясно, и герулами-германцами, размещавшимися в III–IV вв. в Нижнем Подунавье»⁴⁵. Сама она, очевидно, считает эти два названия идентичными, судя по отсутствию имени элугов в Этнонимическом списке в конце ее книги (там есть только герулы на стр. 171–172). Итак, из сообщения Иордана можно сделать вывод, что от греч. ἔλη («болото») было образовано имя народа элуры — «жители болота». т. е. Азовского моря⁴⁶. Поскольку информацию об элурах Иордан позаимствовал от Аблавия, писавшего Готскую историю, да еще — не исключено — на готском языке⁴⁷, можно предположить готское посредничество в передаче гидронима Элпипалтар⁴⁸. Фигура самого Иордана — родившегося на Нижнем Дунае в готской семье, возросшего в греческом Константинополе и писавшего в Равенне поллатыни, — очень символична для соединения всех трех этнолингвистических начал. Можно думать, что уже в этой среде произошло соединение греческого (идущего от Дексиппа) и латинского (от латинизированных готов — Аблавия и Иордана) корней. Проблема готского посредничества нуждается в кратком историческом экскурсе относительно готского присутствия в Северном Причерноморье (в Крыму, на северном побережье Азовского моря и на Северном Кавказе). Тема «Готы в Крыму» подробно изучалась отечественными и зарубежными исследователями⁴⁹, привлекавшими как археологический материал⁵⁰, так и письменные источники. История готов в Крыму насчитывает несколько столетий, начиная с середины III в. н.э. вплоть до XV в., а по некоторым данным, возможно, и до конца XVIII в., когда Екатерина II присоединила Крым к России. В середине III в. готы дошли в своем движении от берегов Балтики до Северного Причерноморья, а когда пришедшие с востока гунны разгромили готов (в 370–375 гг.), часть их осела в Юго-Западном Крыму. Там готы создали свое царство (знаменитая страна Дори), приняли христианство. В Готии уже в IV в. была учреждена готская епархия, подчинявшаяся Константинополю, ее епископы участвовали во многих Вселенских соборах вплоть до второй половины XII в.; известна должность топарха Готии. Еще в 1253 г. Вильгельм Рубрук, посетив Крым, писал: «Между Херсоном и Солдаией расположены сорок укрепленных местностей, почти каждая из которых имела свое собственное наречие; между ними были и многие готы, наречие которых является тевтонским (multi Goti, quorum idioma est teutonicum)». В «Легенде об Антонио Римляnine», будто бы основавшем в Новгороде монастырь и умершем в 1147 г., рассказывается о некоем

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

«греченине готфине» — купце, который мог разговаривать с Антонием на греческом и латинском языках, так как Антоний не говорил по-русски⁵¹. Говоря о местной греческо-готской устной традиции, следует иметь в виду существование готского эпоса, который мог на протяжении столетий передавать историческую информацию. Так, Иордан, рассказав о победах готов над народами Восточной Европы, пишет (28): «Отсюда уже, как победители, двинутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории» (перевод Е.Ч. Скржинской). Отметим в этом тексте географическую привязку готского песенного фольклора (Северное Причерноморье) и его связь с историческим трудом Аблавия, который, по-видимому, составлял основу описания Северного Причерноморья в готскую эпоху⁵². В связи с этим Х.-Ф. Байер остроумно заметил: «Песни отзвучали в Италии уже в VI веке, но в Крыму пелись еще, как кажется, готскими девушками в конце XII в.»⁵³. Имеется в виду местоиз «Слова о полку Игореве» (строки 263–266 по Б.А. Рыбакову), где говорится: «Готскія красныя дъвьывъспъша на брезгъ синему морю...поють время бусово...». Подлинность «Слова» в последнее время находит все больше подтверждений в трудах как лингвистов, так и историков⁵⁴. Суммируя существующие точки зрения на «время бусово», можно предположить, что здесь говорится о том, что готские девушки, живущие у побережья Азовского моря⁵⁵ (=Эллипалтар?), продолжают петь песни о героическом прошлом готов и о победе, которую готский король Винитарий одержал в 375 г. над антским (славянским?) королем Бозом (или Божом)⁵⁶. Это мнение широко распространено в отечественной науке, начиная с А.А. Шахматова (так же думают А.С. Орлов, М.Н. Тихомиров, А.А. Васильев, Х.-Ф. Байер и др.). Таким образом, историко-эпическая традиция готов Приазовья могла сохраняться долго, вплоть до появления здесь варягов...

Топоним *Ellipaltar*, если его вторая часть восходит к латинскому *paludes*, плохо укладывается в предложенную Стендер-Петерсеном схему смешанного русско-варяжского/варяжско-русского языка. Неслучайно, исследователь предложил и другие возможные источники этой составляющей: слав. **bolto*, церковнослав. *blato* и русск. *boloto*, как, впрочем, и греч. *πόρος* («путь, переправа, переход») *πορθμός* («пролив, переправа, переезд») или *πόντος* («море»)⁹⁴. На славянский источник второй части композита указывал также и О. Прицак: «Скандинави сприйняли цю загальну назву як назву місця і додали до неї “власне” (слов’янського походження) слово для позначення “багнуки” або “болота”. Так утворилася назва *ellipalta*, “еллі-болото”»⁹⁵. Думается, что в толковании гапаксов исследователи все же находятся на зыбкой почве допущений и гипотез. Основным исследовательским методом оказывается метод поиска аналогий. Нам представляется, что предложенная нами греко-латино-готско-скандинавская гипотеза возникновения названия Азовского моря, зафиксированного в «Красивой коже» в рассказе о Харальде Суровом Правителе в форме *Ellipaltar*, не менее подкреплена аналогиями, чем теория «специального варяжского языка» (такого *russenorsk* 96 эпохи викингов), и имеет право на существование».

Возможно, вам понадобится прочесть этот текст дважды. Поскольку, на самом деле, речь в нем идет не о греко-латино-готско-скандинавском названии Азовского моря, а о греко-скандинавском именовании Запорожья или Великого Луга Днепра и происходящем от него альтернативном названии Низовья Днепра. И я тут не собираюсь апеллировать к

неопределенным понятиям типа здравого смысла, предлагая вам самим представить, как люди Харальда с одним кораблем пробираются на Русь реками «на выстрел из лука» среди половецких территорий, предпочтя их Днепру. Либо задаваться вопросом, почему греки или римляне никогда не называли Азовского моря таким образом. Я покажу вам это более определенно. Посредством живучести гидронимов, как таковой. А также, для наглядности, чтобы не оставалось вопросов,- на материале одной из знаменитых скандинавских саг. А вы уже сами будете судить, адекватно ли объяснение или можно говорить о каких-то сомнениях. Потому, что, если кто-то с «варяжского моря» однажды заявляет вам, что-то вроде: «Нам, однако, обозначение низовьев Днепра как «болота» ни в античной, ни в средневековой литературе не известно», стоит задуматься точно ли это так?

В книге украинского лингвиста, доктора филологических наук Аллы Петровны Коваль (1923-2009) «Знайомі незнайомці. Походження назв поселень України» 2001г, автора многих научных и научно-популярных трудов, внезапно, при определенном стечении обстоятельств, мы можем наткнуться на такое объяснение названия древнерусского поселения в устье Днепра: «Олешки: «Давньогрецька назва цієї місцевості — Елексчи Елісс, у середні віки — Еліссія; на італійських картах XIV ст. — Елісс. У давньоруських літописах XIII ст. — Ольтьє (Олетье); інша давньоруська назва — Ілея. Обидві давньоруські назви відповідають двом формам давньогрецької назви. Проте висловлювалася думка, що назва міста Олетье походить від давньоруського Єльха (вільха)». Речь о когда-то существовавшем порте в Низовьях Днепра, при самом почти его устье, на месте Цюрупинска – Алешек. Археологически, правда, его точно еще не локализовали, но считается так. О какой же местности нам рассказывают в связи с данным древнерусским форпостом у Черного моря? Согласно итальянским портоланам 13ст.- о названии Нижнего Днепра. Причем это не новость. Историко-географические исследования давно выявили этот факт. Также, вполне понятно у кого итальянцы позаимствовали данное прозвание. Вы сами можете открыть перевод с латыни «Гетики» Иордана и на странице 329 посмотреть комментарии Е.Ч. Скржинской касательно реки Эрак, упоминаемой там, в связи с войной готов с гуннами. И столкнуться с чем-то вроде нижеследующего: «Elice — Днепр. Это отчетливо объяснено в сочинении Контарини: «В Киеве (Chio) есть река, которая на местном языке называется Danambre (Данапр, Днепр), а на нашем — Leresse; она протекает около города и впадает в Великое море» (Contarini, p. 68 v). Заметим, что еще в середине XIII в. Иоанн Плато Карпини, говоря о четырех реках татарской равнины — Neper, Don, Volga, laes (Ioh. De Plano Carpini, p. 743), — привел местное название Днепра (и Плато Карпини, и Контарини, каждый в свое время, проехали через Киев). На итальянских мореходных картах, или портоланах, Днепр отмечается названием Egehe, Eresse, Elexe, Elice. Так, как правило, называли эту реку авторы самых известных портоланов: Петр Веконте из Генуи (1311—1321 г.), Франциск Пициган из Венеции (1373 г.), Грациоз Бенииказа из Анконы (1469 г.) и многие другие (см., например: А. Е. Nordenskiold. Periplus). Повторяющиеся надписи на мореходных картах свидетельствуют о том, что названия Egehe и т. п. были в практике западноевропейских моряков XIV—XVI вв. Однако похожим именем называли Днепр и за много столетий до этого времени. В сочинении Иордана (оно написано в 551 г.) упомянута река Егас в связи с борьбой между остроготами и антами и победой гуннов над остроготами (см.: Иордан, стр. 115, 323—324. — Здесь же приведены и другие названия Днепра: Данапр, Борисфен, Вар, Варух, Алике, Еликс, Лякс). Константин Порфирородный, передавший в своем трактате «De administrando imperio» (середина X в.) реальные географические названия, пишет не об античных Борисфене и Тирасе, а о Днепре и Днестре. В списках

византийских епископий, в так называемых «Notitiaeepiscopatum» (X—XIII вв.), упоминается река Элисс. См. Изданные Г. Гельцером нотии в «Abhandlungen der bayerischen Akademie der Wissenschaften» (Philos.-philol. KL, Bd. 21, 1901, S. 632)».

Советский историк-медиевист филолог Е. Ч. Скржинская писала об этом еще в пятидесятых, в статье «О склавенах и антах, о мурсианском озере и городе Новиетуне» (Византийский временник т.12. М 1957): «Отождествление Эрак— Днепр подтверждается некоторыми более поздними средневековыми аналогиями. На итальянских мореходных картах — портоланах XIV—XV вв. встречается обозначение Днепра названиями Egehe, Egesse, Elexe, Elise. В записях венецианского купца Иосафата Барбаро, который много лет (с 1436 по 1452 г.) прожил в городе Тане близ устья Дона, названа река Эличе (Elise). Соответственно контексту под ней следует подразумевать Днепр. В этих источниках отражена не древняя топонимика, которая, конечно, уже отмерла в XIV—XV вв. и могла встретиться лишь в литературных произведениях, но живая, обиходная топонимика, воспринятая из словаря местного населения. Портоланы и записи купца создавались практиками в помощь деловому ознакомлению со странами, где было выгодно торговать. Поэтому можно быть уверенным, что название Egehe (и другие, близкие ему фонетически, формы) было в XIV—XV вв. общеизвестным названием Днепра. Отсюда допустимо заключение, что и имя Эрак относилось к Днепру. Возможно, что Эраком, Egehe, Elise, называли Днепр только в его нижнем течении, то есть ниже порогов, примерно начиная от Крарийской переправы, к которой в течение столетий сходились многие степные пути». Точно также, кстати, греки чередовали «л» и «р» в их прозвании герулов, о которых еще пойдет речь ниже — «элурь»/эрулы». Никакой ошибки нет, и можно только удивляться неосведомленности российских историков. Археолог, медиевист Н. Д. Руссев в одной из недавних статей упоминает о древнейшей итальянской лоции Черного моря второй половины XIII ст., где Днепр фигурирует под именем «Элексе», — это все не тайна. («Два варианта городской истории средневекового Причерноморья — Белгород и Олешье» 2015.) С этим итальянским названием Днепра в форме d'ellexe, ellexe, ellexe, egehe, нас знакомят украинские историки, изучавшие средневековые генуэзские документы.

Таким образом, мы довольно уверенно можем утверждать, что скандинавский гапакс Ellipaltar, к изумлению быть может некоторых, имеет отношение не к Азовскому морю, а к нижнему течению Днепра, что, в общем-то, укладывается в логику повествования в сагах. Причем, что скандинавы, что итальянцы в средние века знали эти места под одним из византийских названий, производным от греческого слова (τὰ) ἔλη, — множественное число от τὸ ἔλος «болотистое место, заливной луг». Кроме того, что также стоит отметить, во избежание путаницы, такое прозвание, не имеет никакого отношения к Гилейскому морю упоминаемому римской картографией за Борисфеном. Это что касается гидронима, упоминаемого сагами.

Но, кого-то, возможно, способно заинтересовать упомянутое вскользь сочинение средневекового датского хрониста Саксона Грамматика (1140-1216) «Деяния данов», а именно, последовательные упоминания им в четырех книгах неких «hellespontici» с которыми неоднократно воюют на Востоке легендарные датские короли. От Хадинга, жившего по его хронике, чуть не во времена Одина, до знаменитого Рагнара Лодброка — легендарного датского конунга 9ст. И такое любопытство будет вполне оправданно, поскольку эта информация, действительно, выглядит неожиданно и интригующе. По крайней мере, для тех, кто проявляет внимание к деталям. Более того, самое неожиданное в ней то, что скандинавский хронист, как можно заметить, описывая

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

исторические события времен готов, говоря об этих «геллеспонтиках», пересказывает историю росомонов Иордана. Один из фрагментов его «Гетики». И при этом, нисколько не смущаясь несообразностью, доводит их деятельность до эпохи викингов. И пусть российские историки деликатно об этом факте не упоминают, самим своим молчанием показывая, что такие второстепенные мелочи в средневековых скандинавских исторических сочинениях им не интересны, вам стоит запомнить эту подробность. Поскольку утверждение, что скандинавская традиция ничего не знает об истории Руси не верно! На русский, кстати, этот трактат перевели только в 2017 году, и совсем не российские скандинависты!

Читая комментарии к этому средневековому сочинению, неожиданно для любого интересанта, довольно трудно понять кто они. Согласно его упоминаниям они известны разбоями на море, своей славой и древностью. К тому же, тесно связаны с рутенами, с которыми в 9 книге, повествующей о временах 9 ст. довольно странным образом и отождествляются. Кроме того, имеют в тех краях обширные владения и берут дань с многих племен. Комментаторы этого труда также затрудняются с их идентификацией, что вдвойне необычно. В тексте хроники мы сталкиваемся с латинизированным вариантом наименования их королевства – Hellepontus, но, как известно, в европейской традиции так принято было называть пролив Дарданеллы разделявший Европу и Азию - др.-греч. Ἑλλήσποντος. Его греческое название «море Геллы» происходит от древнего мифа, согласно которому, в нем утонула, упав со златорунного барана дочь орхоменского царя Атаманта и богини облаков Нефелы – Гелла. Однако, как уже не раз было подмечено комментаторами трактата Саксона, название этого загадочного королевства Востока, исходя из контекста повествования датчанина, хоть и совпадает с принятым общеупотребительным именованием знаменитого пролива-моря, явно относится автором к какому-то другому месту! Никто не сомневается, что Саксон Грамматик знал Геллеспонт, как пролив, но, те, кого он именовал «геллеспонтиками» к нему явно отношения не имели. Датские историки на их счет гадают до сих пор. Почему? Да потому что там, среди историков, они никого не интересуют. Никакой устоявшейся точки зрения по этому поводу нет, по сей день, хотя для их точной идентификации, благодаря работе одного норвежского исследователя все уже давно готово. Единственно в чем мнения скандинавистов, как правило, сходятся, так это в том, что Hellepontus Саксона и Ellipaltar саг, представляют из себя ученое и бытовое прозвание одного и того же места известного на Севере Европы в средние века. Пусть и забытого позднее напрочь. Из такого отождествления и происходит то, владеющее многими историками убеждение, что образованные скандинавы знали и упоминали два Геллеспонта. Второй из которых – загадка. Омельян Прицак знал о нем по скандинавским источникам, где он именуется «Regnum Helleponti» и произвольно помещал в устье Дона, где, по его мнению, в 9ст. якобы активно действовали скандинавы, перебравшиеся сюда с Волги—этот то район Азовского моря О. Прицак и считал «русским каганатом» мусульманских источников. Авторы вышеприведенной статьи, как видно, разделяют эту точку зрения на прозвание Азовского моря, но это ложный след, к сожалению. Чтобы проиллюстрировать вам это наглядно, если для кого-то это до сих пор не очевидно, можно привлечь одну исландскую сагу, как считается, 13 ст., дошедшую до нас в рукописях 15-16вв. которую изучают довольно долго. На ее примере я покажу вам кое-что, чего, по какой-то причине, не замечали прежде. След той же северной ученой традиции про два Геллеспонта.

В окрестностях озера Меларен в Швеции известно почти три десятка памятных рунических камней, датируемых 11ст. – их называют камнями Ингвара. Их ставили в

память о людях погибших в одном походе на Восток того же столетия. Большинство из известных рунических камней Швеции связано с этих несчастливым походом, который исследователи датируют 30-40г. 11ст. Почти все надписи на них однотипны:

- Sö 131 Спюти, Хальвдан, они установили этот камень по Скарди, своему брату. [Он] уехал отсюда на восток с Ингваром, в Серкланде лежит сын Эйвинда;

- Sö 179 (Gripsholmstone) Тола велела установить этот камень по своему сыну Харальду, брату Ингвара. Они отважно уехали далеко за золотом и на востоке накормили (собой) орлов. Умерли на юге в Серкланде;

- U Fv1992;157 (Arlandastone) Гуннар и Бьёрн и Торгрим воздвигли этот камень по Торстейну, своему брату. Он умер на востоке с Ингваром. И сделали этот мост;

- U 654 Андветт и Кар, и kiti, и Блэси, и Дьярв воздвигли этот камень по Гуннлейву, своему отцу. Он был убит на востоке с Ингваром. Бог да поможет их душам. Я, Альрик, высек руны. Он мог хорошо вести корабль;

- Sö 281 Альви велела сделать памятник по ... брату Ульва. Они на востоке ... с Ингваром в Серкланде...;

- U 778 Тьяльви и Хольмлауг велели установить все эти камни по бака, своему сыну. Он один владел кораблем и вел [его] на востоке в войске Ингвара. Бог да поможет душе бака. Аскель высек;

Единственный источник, повествующий об этой экспедиции – исландская средневековая сага именуемая «Сага об Ингваре Путешественнике». Ее исследовала Г.В. Глазырина, составившая первый ее перевод на русский, и комментарии. Издана в 2002 году. Предполагают, что она была записана в память о походе знатного шведского хевдинга Ингвара – родственника конунгов Швеции. Реконструкции событий связанных с этой экспедицией посвящено немало исследований, но в круг наших интересов историография вопроса не входит. Считается, что это был совместный поход шведских викингов и русов куда-то в Закавказье или на Каспий. Однако сага составлена так замысловато, что усмотреть в ней отражение какой-то устной традиции, а тем более – понять и восстановить ход событий того предприятия, оказывается почти невозможно. И, похоже, что это было сделано составителями намеренно. Ей свойственна иносказательность такого рода, который практиковала средневековая европейская ученость, учившаяся на аллегориях, смысл которых мы уже плохо понимаем. Тем не менее, не смотря на символичность многих задействованных авторами образов, кое-что мы можем увидеть даже сквозь эту странную манеру изложения. А именно – куда шел Ингвар. Или, вернее, куда направляли его составители саги. А здесь вам, думаю, станет уже интереснее, поскольку, авторы оставили зацепки, часть из которых мы можем выявить и понять. Никого не убеждающих трактовок вероятного пути Ингвара – полно. Какой из них следовать – дело ваше. Рискните послушать еще одну, которая, хотя бы, не будет морочить вам голову. Итак, сага рассказывает нам о том, как Ингвар покинул родные края: *«Через некоторое время отплыл Ингвар из Свитьода на 30 кораблях и не спускал парусá до тех пор, пока они не пришли в Гардарики; и принял его конунг Ярицлейв с большим почетом⁵³. Пробыл там Ингвар три зимы⁵⁴ и научился говорить на многих языках⁵⁵. Он услышал рассказы о том, что с востока по Гардарики текут три реки, и самой большой была та, что находится посередине⁵⁶. Тогда стал ходить Ингвар по Аустррики⁵⁷, и спрашивал, не знает ли кто из людей, откуда та река течет, но никто*

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

не мог ему этого сказать. Тогда снарядился Ингвар в путь из Гардарики, чтобы пройти и узнать, насколько длинна эта река⁵⁸». Предполагается, что речь идет о Ярославе Мудром, что же касается реки, по которой он пошел - Западной Двине. Такой вывод делают по информации другой саги – саги о Хрольве Пешеходе, где есть такой пассаж: «В то время конунг Хреггвид был очень стар. Рассказывают, что, когда конунг был молод, он часто бывал в грабительских походах и ему принадлежали [земли] вокруг реки Дюны, которая течёт по Гардарики, и оттуда грабил в Аустррики различные народы. Оттуда он привёз редкостные драгоценности. Эта река по размеру третья или четвёртая на свете. Источник этой реки искал Ингвар Путешественник, как говорится в саге о нём». Дюна – это скандинавское название Западной Двины. И вот, далее происходит у шведов встреча с великаном, затем с драконом, после того прибывают они в прекрасный город выстроенный из мрамора, где правит королева Силькисив, и где много язычников. Там, на Аустрвеге шведы зимуют, и с наступлением весны плывут по реке дальше. Однажды летом навстречу отряду Ингвара устремились суда, вынудившие его остановиться. Выступил один человек, назвавшийся Юльвом из города Гелиополя. Узнав о том, кто были путешественники и куда они направляются, Юльв пригласил их провести у него зиму и настоял, чтобы его предложение было принято. В этом месте авторы начинают с нами свою игру в отгадай-ка всерьез: «Он сидел каждый день, беседуя с Ингваром, и рассказали они друг другу много новостей из своих стран, текущих и бывших. Ингвар спросил, не знает ли он, откуда течет эта река; тогда Юльв ответил, что он точно знает, что она вытекает из того источника, который называется Линдибеллти⁸⁸. Оттуда течет и другая [река] до Раудахав⁸⁹, и там находится большой водоворот, который называется Гавив⁹⁰. Между морем и рекой находится тот мыс, что называется Сиггеумви⁹¹. Река течет еще недалеко, прежде чем спадет она со скал в Раудахав, и мы называем это концом света». Для начала комментария Г.В. Глазыриной по поводу упомянутых названий:

- 88. Линдибеллти (Lindibellti). - В других древнескандинавских памятниках топоним не зафиксирован и является *haxahlegomenon*. Э. Ольсон полагал, что название "Линдибеллти" - плод фантазии автора текста (Olson 1912. S. LXXXVI). Название является композитом. Форма косвенного падежа *lindi* должна соответствовать существительному женского рода *lind*. Согласно данным словаря Р. Клизби и Гудбранда Вигфуссона, в древнеисландском языке имеется два омографа *lind*, имеющие значения: 1) липа; 2) родник, ключ; источник; ручей. Относительно второго из омографов авторы замечают, что данное слово - очень редкое в древнеисландском языке и употреблено лишь в героической "Песни о Сигурде", но распространено в современном языке для обозначения источника (Cleasby, Gudbrand Vigfússon 1957. Bl. 389). Слово *belti* (лат. *balteus*; англ. *belt*) может означать: 1) пояс, в особенности изготовленный из металла, в частности серебра, или вышитый, например, принадлежащий женщине; в поэзии для обозначения моря могут использоваться кеннинги "пояс (*belti*) островов" или "пояс земли". 2) *Belti* как обозначение *Mare Balticum*, которое восходит, по их мнению, к литовскому слову *baltas=albus* - "белый". Сочетание корней *lind* и *belti* при употреблении второго из них в этом значении дало бы топоним "Источник Балтийского моря". В таком случае под рекой, питающей его, следовало бы понимать Западную Двину. В этой связи сразу же возникают ассоциации с упоминанием "Саги о Хрольве Пешеходе" о том, как проходил маршрут Ингвара и его отряда (см. коммент. 58). 3) *-belti* как компонент, входящий в состав специальных терминов, например в астрономии, и обозначающий некую зону (место, район) - зону облаков, холода и др. (Cleasby, Gudbrand Vigfússon 1957. Bl. 57). Это значение слова позволяет интерпретировать название *Lindibellti* как "зона

источников", "место, где находятся источники [рек]". Таким образом, в данном контексте наибольшее внимание следует уделить, очевидно, второму и третьему значениям слова, приводимым авторами словаря.

- 89. Раудахав (Rauðahaf; также HafiðRauða) - Красное море. В большинстве раннесредневековых исландских памятников, в особенности памятников ученого содержания - географических трактатах (например, в "AlfræðiÍslenzk"), топоним употреблен именно в этом значении. В древнеисландской мифологии этим термином обозначался Мировой океан, окружающий землю (Cleasby, GudbrandVigfusson 1957. P. 222, 483). На возможность понимания значения названия Rauðahaf в "Саге об Ингваре" именно как "Мирового океана" указала Е. А. Мельникова (Мельникова 1998. С. 205).

- 91. Сиггеум. - Название Сиггеум (др.-исл., лат. Siggeum, греч. Sigeion) является, очевидно, еще одним заимствованием из "Этимологий" Исидора Севильского (Olson 1912. S. LXXXVI; HermannPálsson, Edwards 1989. P. 7). Согласно Исидору Sigeum представлял собой возвышенность (в тексте саги - мыс) на азиатской части Геллеспонта - пролива Дарданеллы, соединяющего Мраморное и Средиземное моря;

И вот, Ингвар покидает королевство Юльва, минув пороги, доходит до истока этой реки, по которой он плыл, и, без всякого объяснения внезапно оказывается у мыса Сиггеум, рядом с Раудахав. Только в этом месте можно заметить, что это не сказка, а – сага-притча, поскольку ранее нам рассказывают, что «тогда Юльв ответил, что он точно знает, что она вытекает из того источника, который называется Линдибеллти⁸⁸. Оттуда течет и другая [река] до Раудахав». Главная шутка тут в том, что Ингвар по сюжету не спрашивал о другой реке и том, куда она течет, он, вроде как, искал исток той, по которой плыл. А следом, вдруг оказался у Раудахав и мыса Сиггеум, куда можно было попасть лишь по другой реке, и куда Ингвару, при буквальном прочтении саги, совсем ни к чему было следовать. Конунг Гелиополя как бы наметил ему его будущий путь к Геллеспону. Там шведы крадут сокровища у дракона, который их охраняет, и возвращаются к порогам. Но чуть ранее происходит такой эпизод:

«После этого приключения Ингвар со своими людьми ушел, и обследовали они тот мыс, к которому они пришли. Они обнаружили там замок и увидели, что там был большой зал; а когда они вошли в зал, увидели они, что внутри он хорошо убран, и обнаружили там много денег и множество драгоценностей. Тогда спросил Ингвар, не хотел бы кто-нибудь там остаться на ночь и разузнать все, что только можно. Соти сказал, что он не испугается. Когда наступил вечер, отошел Ингвар со своим войском к кораблям, а Соти где-то спрятался. А когда стало совсем поздно, привиделся ему наяву дьявол в человеческом облике и сказал:100–«Сильного и могущественного человека звали Сиггеусом. У него было три дочери. Им дал он золота. А когда он умер, был он похоронен там, где вы теперь видели дракона. После его смерти старшая [из дочерей] стала сожалеть, что разделила золото и драгоценности со своими сестрами. Она сама погубила себя. Ее примеру последовала вторая сестра. Третья жила дольше других, и получила наследство своего отца, и правила этим местом, но не только пока она была жива. Она дала название мысу и назвала [его] Сиггеум. Она навещается в этот зал каждую ночь со множеством дьяволов, и я — один из них, посланный, чтобы передать тебе вести. Драконы съели мертвое тело конунга и его дочерей, но некоторые люди думают, что они сделались драконами–100. 101–Тебе следует знать, Соти, и рассказать Ингвару, своему конунгу, что давным-давно этим путем прошел Харальд, конунг свеев, и в пучине Раудахав он пропал со своими

спутниками, и теперь он пришел сюда как страж; и как свидетельство [достоверности] моего рассказа здесь в зале хранится его стяг, и пусть Ингвар возьмет его с собой и отправит в Свитьод, чтобы не пребывали они в неведении, что приключилось с их конунгом—101. Тогда берет Ингвар стяг, что стоял в зале, и затем идет к кораблям со своим войском. Берет он теперь курс назад; и дал имя большому порогу, и назвал его Белгсоти¹⁰³».

Это, несомненно, аллегория на какие-то конкретные исторические представления, связанные с этим местом, так как их видели составители саги, на Севере христианской Европы, но понять, на что нам намекают из нашего сегодня довольно сложно. Итак, мы знаем начало пути – это река Дюна – Западная Двина. И знаем конец – Сиггеум - мыс на азиатской части Геллеспонта. «Река течет еще недалеко, прежде чем спадет она со скал в Раудахав» - Красное море. Чтобы понять, что это за море мы возьмем, к примеру, статью российского востоковеда М.Д. Бухарина «Возникновение понятия «Черное море» в средневековых географических традициях» 2013 года. И откроем для себя «Америку»:

«В «Хождениях» русских путешественников современное Черное море именуется до определенного периода «Чермным», и употребление этого названия хронологически непосредственно предшествует появлению в «хождениях» названия «Черное море». Так, в «Хождении Зосимы в Царьград, Афон и в Палестину» (1419–1422) говорится о Коснятине – «деспоте Черьмного моря»⁶³, а в «Хождении на Флорентийский собор неизвестного суздальца» (1433 г.) говорится уже о современном Черном море как о «черном»⁶⁴. И в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.» Черное море упоминается лишь как «черное»⁶⁵. Исключительный интерес в данном контексте представляет карта мира болгарского ученого XV в. Константина Костенечского ⁶⁶, имеющая следующую ориентацию: запад внизу, восток наверху, юг справа, север слева. На западе четко видны три названия: «Испания», «Гадир» и «Наше море» (Mare nostrum – Средиземное море). В центре виден «Иерусалим», на юг от которого уходит «Черьмное море» (Красное море), западный берег которого образует «Египет». Водный бассейн между Иерусалимом и «Каспийским морем», расположенным в северо-восточном углу карты, занят еще одним аналогичным названием: «Черьмное море», за которым можно прочесть еще один указатель: «въсток». Под этим вторым Черьмным морем может иметься в виду только нынешнее Черное море. В «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1468–1474) для обозначения Черного моря также употребляется прилагательное «чермный»: в разночтениях Летописного извода («третье море Черное/Черьмное» – л. 442), в основном тексте Летописного извода («Милостию божиею приидох до третьяго моря Чермнаго, апарсийскимъ языкомъ дория⁶⁷ Стимбольская» – л. 458), в Троицком (Ермолинском) изводе («Божиею милостию приидохъ до третьяго моря до Чермнаго, а парьсейскимъ языкомъ дория Стимъбольскаа» – л. 392), в Сухановском изводе («третиие море Чермное» — л. 411об.; «Божиею милостию приидохъ до 3 моря Чермнаго, а парскийскимъ языкомъ дория Стимболская» – л. 421)⁶⁸. Таким образом, еще в третьей четверти XV в. название «Черное море» еще не вполне утвердилось в славянской традиции, доминировать продолжало «Чермное море». Это обстоятельство тем интереснее, что «Черьмное море» было привычным названием современного Красного моря, использовавшимся, например, в Лаврентьевской летописи (Л. 32) при изложении ветхозаветного Исхода; его же нужно, видимо понимать и под названием «Чермна река» (Л. 1 об.): эта «река» течет из Эфиопии на восток, что в целом соответствует конфигурации Эритрейского моря в античной географической традиции.

В связи с этим забытым названием Черного моря упоминает автор и о нашей саге:

«Основным вопросом в рассматриваемом контексте остается смысл талассонима Rauiðahaf: следует ли отождествлять его с совр. Красным морем⁷³ или речь в данном случае может идти лишь об обозначении Окружающего (Красного) океана и какого-либо моря (в частности совр. Черного) как его части? Другими словами: мог ли автор саги перенести название Rauiðahaf с обозначения Окружающего океана на бассейн какого-либо одного моря? Географические представления в «Саге об Ингваре Путешественнике»⁷⁴ едва ли поддаются надежной реконструкции⁷⁵. Во второй части (главы 5–8) саги описывается «восточный поход» Ингвара. Вряд ли его описание в саге можно воспринимать как надежный путеводитель, однако некоторые косвенные данные могут рассматриваться как указывающие на знакомство составителей саги с черноморским регионом. Как сообщается в саге, Юльв – конунг Гелиополя – поведал Ингвару, что река, по которой проходило плавание его отряда, вытекала из источника Линдибелти, и что другая река, вытекающая из него, ведет к Красному морю, а место впадения «другой реки» в Красное море называется концом света⁷⁶. В данном фрагменте важным представляется отождествление «конца света» с выходом к Раудахав, т.е. Красному – Окружающему – морю: едва ли край земли мог выводить к реальному черноморскому бассейну⁷⁷. Возможно, в этом же контексте следует воспринимать сообщение саги о том, что один из кораблей Ингвара отправился в Миклагард (Константинополь)⁷⁸. Как следует из повествования, этим же путем «ранее» прошел Харальд, конунг свеев, который сгинул в пучине Раудахав, т.е. «Красного моря», вместе со своим отрядом».

Ни для кого не секрет, что Черное море, кроме прочего, называли «морем русов». След этой традиции виден по мусульманским источникам. Заметен он и по Повести временных лет: «А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Руским, - по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра». Идет же такое альтернативное прозвание от обиходного прозвища русов укоренившегося в Византии - «Византийцы нарекают их [русов] русийа, смысл этого [слова] – 'красные, рыжие'» (Аль-Масуди) «В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду (а qualitate corporis) называют Ρουσιος, русиос, мы же по их месту жительства зовём норманнами» (Лиутпранд Кремонский). Так писали осведомленные люди в 10ст. хотя никакой связи кроме той, что воспринималась на слух, просто по созвучию, в этих словах, на самом деле, не было. Ее дорисовывало воображение.

В общем, тут и так понятно, что мыс Сиггеум не стоял на краю земли, однако в тексте саги он, как можно уже было заметить, не на своем месте на азиатской части Геллеспонта - пролива Дарданеллы, что, конечно же, не случайно. *«Оттуда течет и другая [река] до Раудахав, и там находится большой водоворот, который называется Гави. Между морем и рекой находится тот мыс, что называется Сиггеум. Река течет еще недалеко, прежде чем спадет она со скал в Раудахав, и мы называем это концом света»* - говорит конунг Гелиополя Ингвару. Авторы саги сочиняли ее по определенному плану, в общих чертах представляя себе географию и то, что нужно донести до читателей, которые сами должны были отгадать эту загадку. Сделать же это, как вы понимаете, они были в состоянии только в том случае, если знали про другой Геллеспонт из которого на самом деле и совершен был поход Ингвара! Где же он помещался авторами саги?

«Он услышал рассказы о том, что с востока по Гардарике текут три реки, и самой большой была та, что находится посередине. Тогда стал ходить Ингвар по Аустррики, и спрашивал, не знает ли кто из людей, откуда та река течет, но никто не мог ему этого сказать. Тогда снарядился Ингвар в путь из Гардарики, чтобы пройти и узнать, насколько длинна эта река».

Скандинавская традиция сама подсказывает нам, что это Западная Двина, исток которой Ингвар якобы и искал. Где-то там, у ее истоков составители поместили Lindibelitti - "зону источников", "место, где находятся источники [рек]". А теперь прямо в духе книжной культуры питавшей такого рода сочинения вспомним известное из Повести временных лет расхожее представление: «Повесть временных лет» описывает Оковский лес в Сказании об апостоле Андрее как своего рода географический центр, откуда берут начало три великие реки: «... Днепр же вытекает из Оковского леса и течёт на юг... Двина из того же леса вытекает и течёт на север... Из того же леса вытекает Волга и течёт на восток». Какая река вела к Раудахав и сиггейскому мысу?

И вот, странным образом, мы пришли туда, откуда начинали, в «эллипалтар», второй Геллеспонт, - Запорожье. Нормальный поворот? А теперь, спросите себя, почему об этом рассказывает вам не российский скандинавист? Место, судя по саге, с очень плохой репутацией у скандинавских средневековых книжников. И можно не сомневаться, что под именем Юльва – конунга Гелиополя, просившего Ингвара помочь ему в борьбе с братом, мы имеем дело с одним из правителей тех самых «геллеспонтиков» Руссии скандинавской традиции, о которых и писал Саксон Грамматик, - с одним из правителей Руси. Давно было замечено, что в западных хрониках именно Ярослава Мудрого, в крещении Георгия-Юрия, по-видимому, упоминают, как «Юлиуса Клодия, короля ругов» (Guillaume 1914: 185) или - Малесклода, как в английской «Истории англо-русских отношений при Ярославе Мудром. ЛГУ, 1945). На этого «Юлиуса Клодия», как некоторые и подозревали, и намекали составители саги, когда выводили своего коварного Юльва. Так что, у данной точки зрения добавилось аргументов. Саксон Грамматик и в правду не выдумал свой Северный Геллеспонт. Следовательно, как мы уже видим, к разочарованию скептиков, скандинавы некогда не только знали подозрительный нам район, они и трактовали его в том же духе, - как базу для морских походов язычников на государства Востока. Людей же, которые их совершали, они называли в рамках своей ученой традиции по имени этого места. И источником их знаний, очевидно, была Византия.

Почему очевидно? Потому что именно из византийских источников и происходят те уникальные сведения, которые византинистами, как правило, не замечаются или подвергаются сомнению, но в которых Борисфен, недвусмысленно, отождествляется с Геллеспонтом. Речь о двух таких свидетельствах, которые знает наука - от VIст. н. э. В толковом словаре греческого филолога и лексикографа V или VIст. н.э. Гезихия сказано: **«Борисфен: Геллеспонт, есть и река» (Βορυσθένης ὁ Ἑλλάσποντος. ἔστι δὲ καὶ ποταμός – Борисфен = Геллеспонт)**. Еще одно содержится у Стефана Византийского, и дошло от VIст. н.э. Он сообщает такое: **«Борисфен, город и река Понта; так же назывался и Геллеспонт до Геллы»**. Оба они уникальны и достаточно поздние, и никто из античников, на самом деле, по сей день не знает, что эти странные упоминания значат. То ли то, что современный Дарданельский пролив–Геллеспонт, первоначально назывался также как Днепр –Борисфеном, то ли что-то другое – возможно, след какой-то путаницы понятий, все забылось. Якобы это название пролив

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

мог носить у греков до утверждения нового прозвания «моря Геллы». Как он мог носить у греков такое прозвание, если древние сообщали, что оно – скифское, никто не знает, но такая гипотеза есть. Замкнутость их цеха не позволяет однозначно истолковать эту информацию.

Как правильно «читать» это классическое «казнить нельзя помиловать»? Вам должно быть уже понятно, что такое этот 'Ελλήσποντος до 'Ελλάη, не смотря на значительную утрату византийских источников, которая, вот по таким вот «фортелям» и осознается – это было старинное греческое прозвание Низовий Днепра до плавней Великого Луга, как и предполагала Е. Ч. Скржинская. Оно и пошло от него. И неопровержимое историческое доказательство этому вы скоро получите.

И ведь нельзя сказать, что он не привлекал внимание археологов. Там было сделано достаточно случайных находок. Начиная от кладов дирхемов в Низовьях Днепра, находок мечей каролингского типа – при строительстве Днепрогэса, к примеру, в 1928 году, когда напротив Кичкаса у левого берега Днепра было найдено пять богато орнаментированных мечей или в 2011 – когда рыбак выловил из реки меч с клеймом мастерской «ULFBERHT» возле острова Хортица. Заканчивая, находками византийской керамики 10ст. или якорей византийского типа. У того же острова Хортица в 1970г. во время земляных работ, на глубине 5-6м обнаружили деталь лодки-долбленки из мореного дуба, IX-X веков. Хранится в Запорожском областном историко-краеведческом музее. А о скольких находках ничего не известно? Что там находили люди в этих плавнях еще в 19в. писал Адриан Кашенко, как и о никем необследованных островных городищах, кстати. Так, видимо, бывало и ранее. Иначе, что могло дать повод, к примеру, инженеру-подпоручику князю С. И. Мышецкому в его «Истории о козаках запорожских» писать нечто подобное: «На оной реке Белозерке был славный старинный город, именуемый Белозёрка ж, которой был построен от древнего Немецкого народа, Франков, которые в то время тут жили, а потом оный народ вышел в Немецкую землю, а по ним тамо имелась в том городе владетельница, прозываемая Белозерская, и имела тут малое владение. А как Татарский Хан, Мамай, шёл на Россию с войной, то она владетельница от страха Мамаева оставила тот свой город и поселилась внизу Днепра на Очаковской стороне, о котором ниже упомянуто будет, а Мамай, пришед, оный город разорил. На оной же речке в 1736 году от россиян был построен ретраншемент с редутами». Мышецкий находился в Сечи с 1736 по 1740 год как раз в связи с ведением там «крепостных работ». Как возникла эта легенда? На картах Риччи Заннони это место обозначено, как Tatar Eski Meteresi /крупное укрепление/– Татарские Старые Окопы и речь шла, по-видимому, о Каменском городище у посёлка Каменка-Днепровская. Но, что там такое раскапывали в 18ст., что люди считали его городом «древнего Немецкого народа»? Все эти археологические сигналы традиционно воспринимаются, как подтверждение функционирования пути по Днепру, хотя на самом деле, свидетельствуют о чем-то большем. Часто ли находят подобные якоря в других местах? Может мечи? Последний раз их находили в Каспийском море, почти двадцать лет назад, о чем азербайджанский археолог, к примеру, писал так:

ИЗ ВАРЯГ... К ХАЗАРУ

Часто проплывая среди скал в акватории мыса Амбуранского (Кехня Бильгя), на севере Абшерона, аквалангисты различали среди подводного пейзажа явно чужеродный предмет, сильно обросший ракушками. Подводную находку не без труда вытащили на берег, очистили от наростов, в три раза превышавших по объему сам предмет. И

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

обнаружили... древний металлический якорь. С виду он был похож на букву "Т". Напоминал адмиралтейский, но заметно отличался от него своей конструкцией, очевидно, являясь все же прообразом этого типа якорей. Рога якоря были прямые, с обломанными приподнятыми концами, в центре нижней части имелся выступ-пятка со сквозным отверстием. На веретене якорь имел шипы (заплечики-"орехи"), к которым, скорее всего, крепился не сохранившийся деревянный шток.

За этой находкой последовали и другие. Так, вскоре у членов подводно-археологической экспедиции оказались три однотипных металлических якоря и целый набор якорных камней разной конструкции — от эпохи бронзы и до средневековья. И тут же последовали вопросы: чьи же эти необычные якоря? Кто ими пользовался и когда? С каких веков они к нам вернулись вновь?

Прошло еще несколько лет, и наши подводно-археологические работы переместились в другой регион Каспия — в окрестности острова Свиной (в прошлом — остров Санги-Мугань). В поисках следов морского сражения, в ходе которого летом 1669 г. Степан Разин якобы потопил около 50 персидских судов, нам стали попадаться под водой якоря разной конструкции, и среди них — опять же типы якорей, которые мы подняли с морского дна у берегов Абшерона. С тем чтобы узнать, наконец, чьи эти якоря, мы обратились к исторической литературе. Но по скудным сведениям о якорях, древнем мореплавании и судостроении удалось только выяснить, что якоря, подобные "каспийским", некогда были подняты со дна Средиземного моря при изучении ранневизантийского корабля VII века, а также во время раскопок древнего порта Томи на Черноморском побережье. Они датируются уже V веком н.э.

В 1974 году при обследовании дна Днепра у северного берега острова Хортица, украинскими подводниками был найден такой же тип якоря. Так вот, выяснилось, что этими якорями в раннее средневековье пользовались византийцы, русы, восточные славяне, а также норманы. Окончательный вывод о принадлежности якорей помогло сделать письмо директора Запорожского краеведческого музея, подводника-археолога Георгия Шаповалова, поздравившего бакинцев с интересными находками — якорями русов и выславшего рисунки подобных якорей, найденных на дне Днепра.

Словом, получилась интересная увязка найденных на дне Каспия якорей с известными походами русов на западное и южное побережье Каспия в IX-XI вв. Так, арабские авторы Ибн Хордадбех, Аль-Масуди Ибн Исфендияр, Ибн Мискавейх и другие оставили сведения о нескольких походах русов на Восток в IX-XI веках. Первый такой поход относят к 60-80 гг. IX века, второй — 909-910 гг., третий — 912-913 годам и четвертый — к 945 году. В исторической литературе известны и другие походы русов на южное побережье моря Хвалынского (Каспийского). Русы обычно спускались на своих судах по Днепру к Черному морю, через Азов поднимались по Дону и, переволочив свои суда на Волгу через земли Хазарского каганата, выходили к Каспийскому морю.

Весьма большого внимания заслуживают сведения известного арабского ученого Аль-Масуди. В своем труде "Промывание золота" он сообщает: "После 300 года хиджры (912-913 г.г. н.э.) случилось, что около 500 кораблей, из коих на каждом было сто человек (из русов) вошли в рукав Найтаса, соединявшегося с Хазарскою рекою... И русские суда распространились по этому морю, толпы их бросились на Джиль, Дайлем, на города Табаристана, на Абесгун, который находится на Джурджанском берегу, на Нефтяную страну и по направлению к Азербайджану..."

О другом походе в 943 году говорится в “Книге испытаний народов” персидского автора Ибн-Мискавейха: “В этом году (332 хиджры/943 г.) отправилось войско народа, известного под именем русов, к Азербайджану. Устремились они к Берда (Барда)”. Советский историк В. Минорский в монографии “История Ширвана и Дербента” рассказывает об истории походов русов до XI века: “Под 377 г. х/? Эмир Маймунб.Ахмад, будучи сильно утесняем непокорными раисами, вошел в сношение с русами, которые затем и прибыли на восемнадцати судах... Эта флотилия должна была состоять приблизительно из 1800 человек. Сначала только одно судно подошло к Дербенду в целях разведки. Эмир был освобожден, но население перебило русов. Остальные семнадцать кораблей направились к Ширвану и Мукану (Мугани, к старой реке...). В 423 г.х. (1032) они (русы) опустошили Ширван, но в силу каких-то обстоятельств (потеря судов?) должны были отступить по сухопутью через Дагестан”.

С чем же связаны эти походы? Затевались ли они только ради грабежа? А может, преследовали иные цели. К примеру, дипломатические. Чтобы в этом разобраться, необходимо вспомнить политическую обстановку времени, отдаленного от нас на целое тысячелетие. В этот период в Восточной Европе образовывается и усиливается Киевская Русь. Она устанавливает торговые и культурные связи с Византией. В 911 г. заключается русско-византийский договор. В летописи сказано, что киевский князь Олег послал своих мужей “построить мира и положить ряд” между Русью и Византией... В это же время в районе устья Волги, включая северное побережье Каспия до Дербенда, находилось мощное государство Хазар. Через Хазарию проходили важные торговые пути, связывавшие Восточную Европу, Византию, Киевскую Русь со странами Переднего Востока. Начиная со второй половины IX века в Азербайджане также проходил процесс образования и развития отдельных государств, принимавших участие в политической борьбе Арабского халифата с Византией и хазарами. Так, территория южного и северного Азербайджана в 40-х годах X века входила в состав государства Саларидов. В последней четверти X века появились государства Шаддадидов со столицей в Гяндже и Раввадидов — со столицей в Тебризе, а также Ширваншахов - Мазьядидов, занимавшее северо-восточную часть Азербайджана. В состав государства Ширваншахов-Мазьядидов входили “области Маската, Дербенда, Кабалы, Шеки, Санарина, Бейлакана, а иногда Барда”. Вот в это время и проходили известные походы русов на побережье Каспия и в Закавказье, отмеченные в письменных источниках. В литературе по истории Азербайджана хотя довольно часто и встречаются сообщения об этих походах, но всегда рассматриваются в отрыве от тех международных событий, которые сложились к тому времени. Более убедительно эти походы интерпретирует доктор исторических наук А. Сахаров в своем монументальном труде — “Дипломатия древней Руси”. Притеснения Византии со стороны арабов на западе и усиливающаяся с каждым годом Болгария вынуждали ее противиться союзу Киевской Руси с Востоком. В свою очередь русские князья свою цель в восточных походах видели в ослаблении тыла хазарского каганата, своего противника. Хазары же, в свою очередь заинтересованные в ослаблении арабов в Закавказье, свободно пропускали большие отряды русов на Каспий.

Останавливаясь на военно-союзническом соглашении Византии и Руси, А.Сахаров пишет: “Посольство Руси в Константинополь можно отнести к началу 60-х годов IX века”. Самая ранняя датировка похода русов в районы южного Прикаспия относится

также к 864 году. Русско-Византийское соглашение 60-х годов IX в. предопределило активность Руси на Востоке. Вполне вероятной представлялась мысль о том, что русский набег на Абесгун был не только грабительским предприятием, но и определенным политическим действием Руси, обязавшейся по договору 60-х годов IX века нанести удар по владениям халифата — врага Византии в Прикаспии, в то время когда арабы вели наступление на империю в Малой Азии. И не исключено, что рейд русов на Абесгун состоялся именно в середине 60-х годов IX века, когда положение Византии на Востоке было весьма трудным.

Данные исторической науки и найденные на дне Каспия якоря позволяют уточнить морские маршруты, проложенные русами на Каспии в то далекое тысячелетие. По всей видимости, русы не прокладывали в этих походах новые дороги, они шли по известным древним торговым путям. Неудивительно, что уже значительно позже, в XVI-XVII вв., по тем же путям прошли струги Степана Разина. Кроме того, из исторических источников известно, что все маршруты русов в походах IX-XI вв. проходили через Дербенд, тогда входившего в состав Ширванского государства. Этот город-государство занимал важнейший стратегический рубеж на Каспийском побережье, где скрещивались морские и сухопутные торговые пути. Этот город-крепость - железные ворота в Закавказье. Далее русы проплывали вдоль западного побережья Каспийского моря, проходили мимо каменной гряды “бармака” (Беш-Бармаг) и направлялись к северному побережью Абшерона. Они останавливались, очевидно, у селения Бильгя. В это время уровень Каспийского моря был значительно ниже современного, и селение, которое располагалось на нижней террасе у воды, имело удобную гавань. Именно здесь подводно-археологической экспедицией Музея истории Азербайджана и было обнаружено несколько якорей, оставленных древними русами. Во время этих плаваний, как отмечает Масуди, “...укрылись на островах, которые находятся лишь в нескольких милях от нефтеносной (области)”. Такими островами были Пираллахи и Наргин. Попытки выбить русов с этих островов не увенчались успехом, и “тысячи мусульман были убиты и потоплены” (Масуди). Дальнейшее продвижение русов шло по разным маршрутам, ибо, как опять же отмечает Масуди, “суда русов разбрелись по морю и совершали нападение на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абесгун, стоящий на берегу Джурджана”. И, конечно же, они никак не могли миновать острова Санги-Мугань (Свиной). Нами во время подводно-археологических работ в его акватории обнаружено было большое количество якорей русов разной величины, свидетельствующие об их пребывании на этом острове. Ведь Санги-Мугань стоял на важном морском пути к югу Каспия, а также к выходу на речную трассу — реку Куру. Если помните, Минорский, отмечая поход русов в 987 году, со ссылкой на Масуди, пишет: “Остальные (семнадцать) кораблей направились к Ширвану и Мукану (Мугани) к “старой”(?) реке”. Так вот, напротив острова Санги-Мугань археологической экспедицией музея было обнаружено средневековое городище IX-XII вв, как предполагается — город Мугань (Мукан). Его территория была разделена несколькими протоками-рукавами старицы реки Куры. Очевидно, именно по этому рукаву — Кухаи-руд (старая река), кстати, отмеченному под вопросом Минорским, поднимались суда русов вверх по реке Куре до города Барда. Причем этим маршрутом они пользовались довольно часто, встречая на пути сопротивление со стороны войск Ширваншахов. Именно по этому пути, как мне кажется, прошли дружины русов, наемников правителя Аррана Фадл Мухаммада в пору, когда последний боролся против сына Аскарыйа, осажденного в Бейлакане. И, как отмечает Минорский, получив богатое вознаграждение, русы затем двинулись на запад — в Рум. Скорее всего, в

западную часть Кавказа, находившуюся под влиянием Византии. Значит, и этот древний торговый путь по рекам Кура и Риони знали русы: через Каспийское море к Черному они приплывали на Тмутаракань (Керчь).

Мы проследили древние маршруты русов по Каспийскому морю — вдоль азербайджанского побережья, и они совпадают с древними торговыми путями, связывающими народы Кавказа, Закавказья и Ирана. Но по этим дорогам проходили не только воины и торговцы, они были связующим культурным звеном между многими народами Востока и Запада. Известный советский океанолог В. Богоров очень верно заметил, что “заимствование культуры и техники шло быстрее у прибрежных жителей”. Народы, имевшие свой берег, быстрее развивались. Через Каспийское море шло широкое общение азербайджанского народа с народами Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии и Ирана.

Виктор КВАЧИДЗЕ (2003)

В том, что якоря – византийские, а корабли русов всегда упоминаются, как моноксило-однодеревки, конечно есть проблема, поскольку не это мы ожидаем услышать в связи с морским делом скандинавов, практиковавших постройку килевых судов, однако, что касается якорей, - особой проблемы нет. О практике закупки их у греков упоминает один из договоров руси с Византией приведенный в Повести временных лет– 907г. Случайности-совпадения? Один из таких якорей - «двухлопастный якорь, вероятно, с корабля русов IX-X веков», - как его аттестует И. Г. Анохин, найден был на глубине 1,5-1,7 м в пойме реки Конка, возле города Пологи Запорожской области, учениками 4-го и 5-го классов местной школы. Мальчики принесли якорь в местный городской музей. Длина якоря - 64 см, ширина - 51 см. Сейчас он хранится в историко-краеведческом музее города Пологи. Это километров сорок к востоку от запорожских плавней. Исследователь считал, что подобные находки маркируют маршруты флотилий русов, а сам этот путь по рекам Конке и Берде, связывал Запорожье с Азовским морем очень давно. (Г.И. Анохин «Тайные маршруты русов» // Мир путешествий. — 1996. — № 4.).

Теперь, когда столько дорожных знаков настойчиво указывают нам ориентиры, можно не сомневаться, что мы правильно их читаем. Вы еще не раз в этом удостоверитесь, несмотря на гипнотическое влияние российской историографии. Она все время уводит внимание в сторону, но вам стоит, раз отказаться от ее наезженной колеи и все станет с головы на ноги. Эти ориентиры настойчиво показывают нам, что «джазира русов» восточных источников никакая не легенда, что бы там не писали по этому поводу, и мы будем продвигаться по этому следу дальше. Какие бы препятствия российские «неонорманисты» нам не создавали, поскольку для них признать подобный факт, равносильно выстрелу себе в ногу. Чем их варяжская легенда лучше легенды об «острове русов»? Лишь одна из них может быть басней, и понятно, какую из них знатоки скандинаво-русов таковой объявили.

А, поскольку, как известно, одним из критериев достоверности гипотезы, является ее способность объяснять факты, которые не учитывались при ее разработке, мы, опираясь на это новое, - будем иметь наглость так считать, полученное нами знание, попробуем решить еще одну давнюю проблему. Ведь, раз мы при помощи специалистов по вопросу, непреднамеренно указавших нам правильную дорогу, «вычислили» этот «остров русов», и оказалось, что он не легенда, и не плод фантазии средневековых мусульман, а реальный географический объект, лишь память о котором погребена под толщей

времени, значит, у нас есть фора перед другими исследователями. И мы можем попробовать дешифровать другие загадки источников. К примеру, ответить на вопрос, почему о нем не упоминает другая арабо-мусульманская традиция, идущая от 10 века – более поздняя. Или может быть, мы, просто, не узнаем его в ней? Речь про рассказ, о трех «группах» русов, одна из которых, не поддается опознанию, по сей день. Как пишет о нем И.Г. Коновалова он «относится к числу самых известных и вместе с тем наиболее неясных сюжетов средневековой арабо-персидской литературы. С начала XIX в. к различным версиям этого рассказа неоднократно обращались не только востоковеды, но и историки-слависты и археологи, занимающиеся изучением средневековой Руси». И, тем не менее, если локализация первых двух групп русов - Куйабы в Киеве, Славии, где-то на Севере в Поволховье, - особых разногласий у исследователей давно уже не вызывает, то информация о третьем центре русов – по-прежнему, является нерешенной исторической задачей. По поводу его локализации существует полтора десятка версий, и ни одной общепринятой. Как подают о нем информация сегодня? Берем хрестоматию «Древняя Русь в свете зарубежных источников» и читаем такое:

«В 10 в. среди ученых халифата сформировалась географическая школа, которая в современной европейской науке получила название классической. В трудах представителей этой школы наиболее ранние сведения о Древней Руси приводятся в виде рассказа о трех «группах» русов. Основателем «классической» школы географов считается среднеазиатский ученый ал-Балхи (ок. 850-934гг.). Около 920 г. он написал сочинение, известное под разными названиями: «Картины климатов» (Сувар ал-акалим), «Виды стран» (Ашкал ал-билад) или «Упорядочение стран» (Таквим ал-булдан). Оно состояло из собрания географических карт, сопровождавшихся кратким пояснительным текстом. Труд ал-Балхи в подлиннике не дошел до наших дней, однако послужил основой для произведений ученых. В начале 30х гг. 10в. сочинение ал-Балхи обработал выходец из Южного Ирана ал-Истахри (первая пол.10ст.) – первый по времени представитель «классической» школы географов, сочинение которого дошло до нас. Вторую редакцию своей книги, по традиции озаглавленной «Книгой путей и стран» (Китаб ал-масаликва-л-мамалик), ал-Истахри составил около 950 года. Она-то и получила наибольшее распространение в мусульманской историографии, где бытовала также в персидских переводах. Продолжателем ал-Истахри был уроженец города Насибина в Верхней Месопотамии Ибн Хаукаль (10в.). В середине 10в. он объехал почти весь мусульманский мир от Испании до Индии, причем сделал это, по некоторым свидетельствам, в качестве политического агента сначала египетских Фатимидов, а затем багдадских Аббасидов и испанских Омейядов. Ибн Хаукаль побывал, в частности, на юге Каспия, где беседовал с беглецами из Хазарии, сообщившими ему сведения о русах и прочих народах Восточной Европы. Свое сочинение – «Книгу путей и стран» (Китаб ал-масаликва-л-мамалик) – Ибн Хаукаль начал писать под впечатлением от встречи с ал-Истахри и задумал ее как исправленную переработку труда последнего. Однако работа над книгой, продолжавшаяся в течение 50-70гг 10в. привела его к созданию вполне самостоятельного географического сочинения, хотя и включавшего многие материалы ал-Истахри. Согласно ал-Истахри и Ибн Хаукалю, русы подразделялись на три «группы», каждая из которых имела отдельного правителя и свой ареал проживания. Правитель первой «группы» - ближайшей к Булгару – сидел в городе, называемом Куйаба. Резиденцией правителя второй «группы» русов был город ас-Слав, а сама группа именовалась ас-Славиййа. Правитель третьей «группы» русов – ал-Арсаниййа – находился в городе Арса. Куйаба являлась оживленным торговым

центром. В Арсу же не мог проникнуть ни один чужеземный купец из-за распространенного там обычая убивать иностранцев. Купцы Арсы сами вели торговлю, спускаясь по воде для продажи мехов и металлов (олова или свинца). Торговыми контрагентами русов являлись Хазария, Византия, Волжская Булгария».

Теперь фрагмент из сочинения ал-Истахри по переводу Т. М. Калининой:

Русов три вида³⁰⁹. [Араб, джинс (перс, горух) – «вид», «группа», «категория». Поэтому неточны те переводы, где употребляются термины «племя» или «центр» (Гаркави 1870. С. 187). Отсутствие конкретных географических привязок привело В. Я. Петрухина к мысли о мифологичности этих известий, связанной с традицией тернарного деления самых разных структур в индоевропейской мифологии (Петрухин 1982. С. 143–158). Тем не менее первые два вида русов обычно идентифицируются.] **[Один] вид их – ближайший к Булгару, и царь их располагается в городе, называемом Куйаба, а он – больше, чем Булгар**³¹⁰. [Столица Волжской Булгарии.] **А вид их самый отдаленный называется Салавийа**³¹¹. [Большинство исследователей полагает, что подразумеваются ильменские словене на севере. Ал-Истахри опускает наименование центра этих славян.] **А вид их [третий] называется Арсания, и царь их располагается в Арса**³¹². [По поводу названия и местоположения третьего города и третьей области существует множество точек зрения: Арзамас, Рязань, Пермь, Тмуторокань, город в Крыму, город на Волге, город на Оке, анты, Чернигов, город и территория северо-западного Урала в районе Чердыни, западнославянский остров Рюген, область Ростова-Белоозера, Сарское городище близ Ростова и др. (Обзоры см.: Thulin 1979. P. 103–107; Коновалова 1995а; Новосельцев 2000в. С. 321–323).] **Люди достигают для торговли Куйабы. Что же касается Арса, то не упоминают, чтобы кто-нибудь входил в нее из чужеземцев, потому что они убивают каждого, кто ступит на их землю из иностранцев. И вот спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о своих делах, и не позволяют никому сопровождать их, и не входят в их страну**³¹³. [Еще А. Я. Гаркави предполагал, что эти сведения нарочно распускались купцами из Арсании из соображений боязни конкуренции.] **Привозят из Арса черных соболей и олово**³¹⁴. [Араб.расас. В современном словаре слово имеет два значения: «свинец», а в устной речи – «олово». Однако в «Минералогии» ал-Бируни приводятся отдельные термины: расас – «олово» и усруб – «свинец» (Бируни 1963. С. 241). Поэтому можно отдать предпочтение слову «олово», которое могло доставляться или с Урала, или с запада – с Балтики (Новосельцев 2000в. С. 323). В других частях Восточной Европы таких месторождений нет.] **Русы – народ, [который] сжигает своих умерших, и сжигает вместе с имуществом близких для их блага. Часть их бреет подбородок, а часть закручивает [бороды] подобно лошадиным гривам. Одежда их – короткие куртки, а одежда хазар, булгар и печенегов – длинные куртки. Эти русы торгуют с хазарами, торгуют с Византией и Великим Булгаром**³¹⁵... [Столица Волжской Булгарии, выше именуемая просто Булгар.]

Из сочинения Ибн Хаукаля; по переводу Т. М. Калининой:

Русов три вида³⁴². [Араб.аснаф (мн. ч. от синф) – «род», «сорт», «класс», «категория».] **[Один] вид их – ближайший к Булгару, а царь их – в городе, называемом Куйаба, и он больше, чем Булгар. А вид самый высокий из них**³⁴³ называется С.лавийа, и царь их [живет] в С.ла – городе для них. [‘А’ла мин хум. Речь идет о местоположении этого вида русов (С.лавийа) по отношению к предыдущему.] **И вид их [третий] называется ал-Арсания, и царь их [располагается] в Арса – городе для них. Люди**

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

достигают для торговли Куйябы и ее окрестностей. Что же касается Арса, то я не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал, что входил в нее [когда-либо] чужеземец, потому что они убивают каждого, кто ступит на их землю из иноземцев. И вот они спускаются по воде, торгуют и не сообщают ничего о своих делах и своих товарах, и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. Возят из Арса черных соболей, бурых лисиц, свинец и частично ртуть³⁴⁴. [У ал-Истахри речь шла только о вывозе свинца (расас).] Русы – народ, [который] сжигает себя, когда умирает, и они сжигают со своими пленниками своих невольниц, для их наивысшего блага, как делают [люди] Индии, люди Ганы, Куги и другие. Часть русов бреет свою бороду, а часть закручивает [бороды] подобно лошадиным гривам, или заплетает. Одежда их – короткие куртки, а одежда хазар, болгар и печенегов – длинные куртки. И не прекращают русы торговать с хазарами и Румом (...). А внутренние болгары – христиане и мусульмане. И не осталось в это наше время ни болгар, ни бургасов, ни хазар [из-за] народа рус, кроме разбросанной неполной [части этих народов], и [даже] за ней рыскал [народ рус]. Целями и надеждами бежавших было оставаться по соседству со своими областями. И дошло до меня, что большинство из них вернулось в Итиль и Хазаран при поддержке Мухаммада ибн Ахмада ал-Азди, владетеля Ширваншаха³⁴⁵, и содействовал он им (беженцам. – Т. К.) своими воинами и своими людьми, а они, надеясь, просили, чтобы с ними заключили договор, и они были бы покорны им за участок земли, на котором они (беженцы. – Т. К.) будут жить³⁴⁶. [Видимо, надо читать: «владетеля Ширвана» или «властителя, Ширваншаха». Ширваншах Мухаммад ибн Ахмад ал-Йазиди правил в 981–991 гг. 346; О падении Хазарии вследствие набега русов и связи с этим событием походов Святослава существует обширнейшая литература. Последние по времени работы со сведениями о библиографии: Новосельцев 1990. С. 221–224; Коновалова 2003б. С. 190.]

А теперь фрагмент из ал-Истахри, по Берлинской рукописи в переводе А.Я. Гаркави, который эти хрестоматии дружно забывают:

«Эти русы торгуют с хазарами, торгуют с Румом и Булгаром Великим. Они граничат с Румом на севере. Они многочисленны и достигли такой силы, что обложили данью те <земли>, которые соседят с их страной из <числа земель> Рума. А внутренние болгары — христиане».

И, наверное, у каждого, может возникнуть закономерный вопрос, - если сведения школы ал-Балхи – верны, то каким образом русы, соседили с землями Рума? Ведь «Куйябу» от крымских владений Византии отделяла полоса степей, занятая печенегами, шириной более шестисот км. Если не подозревать, как сделали мы, наличия неучтенного элемента в этой головоломке, то получается, что по смыслу для ал-Арсанийи в этой воображаемой карте нет места. Одна группа - ближайшая к Булгару, с центром в Куйябе, другая - самая верхняя. Где тогда третья? Между тем это описание, самой своей краткостью, предполагает некую пространственную ось центром которой, очевидно, является Куйяба. Нижней же частью – последняя загадочная группа. Информация о ней перекликается с данными византийских источников о тавроскифском гостеприимстве - обычае убивать иноземцев, который они приписывали «росам»: «то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу». (Житие Георгия Амастридского). Кроме того, известно, что название третьего центра русов у ал-Истахри, передается, как Арса либо, как Арта, примерно, как в «Худуд-ал-Алам». И ни в одном из арабских списков его сочинения никакой «Арсы» или «Арсанийи» нет. Последний перевод возможен только с

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

персидских переводов его сочинения, однако известно, что этот автор писал по-арабски. На персидский его сочинение перевели только в 11ст.

Я тут намеренно не привожу данные ал-Идриси – сицилийского географа 12ст. компилировавшего сведения греков и мусульман, поскольку, благодаря тому, что понимаю, хорошо вижу, что они ошибочны. Этот марокканский араб пользовался главным образом современными ему сведениями греков, что хорошо видно из перевода его сочинения, и то обстоятельство, что в эту картину были вмонтированы данные из сочинений арабов Халифата двухсотлетней давности, доверия подобной компиляции не добавляет. Складывается впечатление, что ал-Идриси, описав вполне реальную географию Поднепровья 12ст., не догадываясь о том, что сведения географов Халифата - устаревшие, каким-то образом, вынужден был сам вычислять расстояния между воображаемыми «центрами» русов. На то время никто уже не мог рассказать ему, как обстояли дела в Восточной Европе более чем два столетия назад. По поводу его варианта рассказа о трех «группах» русов, полностью разделяю мнение тех, кто считает, что сообщения поздних авторов не следует использовать для уточнения данных ал-Истахри – Ибн Хаукаля. Люди играли в игру «испорченный телефон» задолго, до того, как она получила такое прозвание. В данном случае – есть хороший пример. Как и не привожу выдержку из краткой редакции ал-Истахри, которую вполне обоснованно считают более поздней вставкой, где утверждается, что Арта находилась между Хазарией и Дунайской Болгарией.

И вот, зная это, предположим, что информантами мусульманских географов были представители народов говоривших на языках тюркской ветви – их земли лежали между русами и Халифатом. Возможно, это были печенеги, возможно – болгары. Могли они при описании русов, пропустить наш днепровский «остров»? Таких опасных мест в 10ст. для любых представителей кочевого мира в их краях, наверняка, было не много, так что вряд ли. Как бы там ни было, носители языков половецко-кыпчакской группы, к которой, как считается, близок был и язык печенегов, и сегодня, спустя тысячу лет, опознают в этом названии третьей группы русов обозначение места. Даже не понимая, о чем речь. Хоть карачаево-балкарцы, хоть крымские татары. Где – «Артта(н)» – будет - сзади, позади, за спиной, та - аффикс места, а «ия» - владение – хоть в переводе с половецкого (см. Александр Николаевич Гаркавец. Кыпчакское письменное наследие. ... Кыпчакский словарь. По армянописьменным памятникам XVI-–XVII веков.– Алматы 2010- лексема «art»), хоть с карачаево-балкарского. Анна Комнина в связи с битвой при Левунионе 1091 года, записала в «Алексиаде», что куманы и печенеги говорили на одном языке. Если же мы знаем, что речь идет о гидрониме, трудно ли будет догадаться, что он обозначал? Даже если вторую часть композита мы толкуем не правильно.

Ладно, пусть это и выглядит, учитывая обстоятельства, немного скандально, но мы уверенно локализовали эту «джазиру русов», даже без помощи археологии. Все предыдущие главы посвящены доказательству этого тезиса. Так что, если кто-то думает, что вас тут развлекают, пора прозреть. Вам просто дают оружие против научного официоза. Не «пули из говна», как у Фоменко с Носовским, осознанно дурачащих своих доверчивых читателей или сотен любителей, уверовавших, что знают, как все было, лучше историков, а то, чем поперхнется любой, кто захочет игнорировать этот тезис, после тщательного с ним ознакомления. Любое из выложенных тут свидетельств вы всегда можете проверить на подлинность. И я тут не могу объяснить, почему ошибалось столько подготовленных людей, и возможно ли такое. Но, если все ориентиры показывают на одно направление, а российская историография шла и идет в другую

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

сторону, то это,- как минимум повод задуматься. Нет? Перепроверьте, может, я дурачу вас? О. Это совсем не паранойя. В мире, где ты не имеешь монополии на информацию, не получается что-либо утаивать. Единственный вариант - захватить право на ее толкование, и так россияне искусством интерпретации издавна себе и помогают.

Проверяйте, читайте, думайте. Если не верите своим глазам, спрашивайте тех, кто понимает. Учитесь удивляться. Этот «остров» не фантазия средневековья с его людьми с пёсыми головами, чудесами и легендами про диковинки заморских стран, как, впрочем, многие и подозревали. Более того, он оказался совсем не там, где его ожидают увидеть все те, кто, как и я, раньше, последовательно разделял бы взгляды норманистов. И это проблема. Эта локация, мягко говоря, много южнее, чем ожидалось. И это обстоятельство еще не худшее для апологетов данной школы. Почему он так долго выпадал из поля зрения исследователей, не смотря на зомбирование россиян? Возможно, из-за излишнего доверия к дошедшим до нас спискам Повести временных лет, возможно из-за плохого знания историками, занимавшимися этой проблематикой некоторых нюансов украинской истории. Именно - украинской. Ведь называл же почему-то востоковед О́сип -Юли́ан Ива́нович Сенко́вский (1800-1858) еще в 19 веке Запорожье - «Днепровской Скандинавией руссов». Возможно, его просто не хотели замечать. Возможно, все в то время были зачарованы Таманью. Вопрос достаточно политизирован. Но, как бы там ни было, я постарался вам его показать. Естественно, после того, как удостоверился в том, что ошибки нет. Его, этот «остров русов», все еще возможно опознать, пусть он и ушел под воду, не смотря на то, что прошла тысяча лет! Нужно только знать ориентиры,- это уже работа медиевистов, - и я вам их дал. И вот в вашем распоряжении уже есть надежное знание того, что такое «Росия» или «Артанийя» или «остров русов». Пусть, возможно, некоторые в этом пока и сомневаются. Главные доказательства впереди. Однако, что из этого следует?

СКАНДИНАВЫ?

Русы — громадное племя; они не подчиняются никакому царю и никакому закону. [...] Русы состоят из многочисленных племён разного рода. (Аль-Масуди 940-е гг.)

И они народ сильный и могучий и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары (ал-Марвази).

В общем, в чем состоит возникшая проблема? Помимо того, что искомое недостающее звено, локализуется очень далеко от районов связанных с активностью скандинавов в 9ст. Да, условно говоря, мы можем предположить, что теперь немного лучше понимаем, что такое «русь» в 9 столетии. По крайней мере, ясно, что это не народ и не государство, в традиционном понимании этих понятий, а социальная группа, как впрочем, многие и подозревали. Можно даже понять примерно, что это за сообщество было первоначально, и на что нацелено, раз обустроивало себе базу в таком месте. По-прежнему трудно уяснить, откуда эти люди собирались туда и кем являлись в этническом плане, но даже на данном этапе осознания проблемы, источники ставят нас перед довольно неожиданной дилеммой. Внимание византийцев и арабов к этому выявленному нами хабу, представляется настолько излишним, что закрадывается подозрение, что они именуют это «кочующее» сообщество не по какому-то этническому - племенному признаку, а, исключительно по именованию самого этого места – их островного убежища. Арабская традиция, если вы заметили в отношении русов, также танцует от причерноморского региона. Это особенно заметно по переводам Аль-Масуди. Оно крепнет и в связи с изучением скандинавских средневековых источников, которые почему-то проявляют ту же асимметрию, именуя «геллеспонтиков» Русции или Востока по некому греческому топониму в латинской передаче - Геллеспонту, который, по сути, очевидно, тождествен греческому книжному топониму Росия, что мы и видим при сопоставлении обеих традиций. Из которых скандинавская, очевидно, вторична, думаю, это не нужно специально доказывать. И это – проблема. **Поскольку, если греки именуют эту местность «Росией», а не болотом - заливными лугами, то делают это, судя по всему, под влиянием тех, кого мы привыкли считать «народом рос», но не под влиянием скандинавов!** Что для нас должно быть очень неожиданно, по правде говоря. Наоборот, те, как мы видели, заимствовали и запомнили подлинно греческое прозвание данного района. Они знают его, но что действительно странно,- не знают никакой «Росии» или Руси или «Русской земли». Если же византийцы вытащили эту «Росию» на свет, в связи с появлением на горизонте «народа рос», просто для именованя его основной базы рядом с черноморским побережьем, как топоним, производный от принятого у них имени этого народа, то, придется признать, что ни при чём тут и славяне с их «Русской землей», чисто по лингвистическим соображениям. Элементарно потому, что славянское «русь» при прямом заимствовании греками, никак не превращалось в «рос». Что верно и в обратном направлении. В XX в. и зарубежные, и отечественные филологи неоднократно обращали внимание историков на то, что чередование звуков О/У и Ъ/У, позволявшее историкам легко выводить «русь» из основы

«рос», в восточнославянских диалектах практически невероятно. Так что, в связи, с каким обстоятельством и под чьим влиянием греки могли отказаться от знакомого им гидронима «эле» или «Эллеспонт» в пользу – загадочной «Росии», по-прежнему пока не ясно. Ни славяне, ни скандинавы не могли повлиять на греческое прозвание этого места, что наталкивает на предположение, что греки именовали его так по какой-то другой причине.

Более менее тут очевидно одно – греческое «Росия» и славянское «Русская земля» или «Русь», понятия, имевшие в среде славян 10-12ст. тенденцию к расширению на Среднее Поднепровье, судя по всему, независимо друг от друга, первоначально значили одно и то же. Так называли Великий Луг Днепра, - Запорожье. Именно такое умозаключение напрашивается в связи с тем, что мы уже знаем, и подтверждения ему, естественно, мы получим, так как находимся на правильном пути. К сожалению, не от сегодняшних российских скандинавистов. Среднее Поднепровье – Внешняя Росия греков, это лишь подплатежные росам «славинии», в том числе, и полян – «лендзян» трактата «Об управлении империей», но никак не та самая «Роусь». Называли, по имени людей рос/рус. Если для кого-то это не очевидно, пока можем отбросить эти выводы, как недостаточно обоснованные.

И, чтобы не прослыть малограмотными еретиками, покусившимися на выводы лингвистов, касательно происхождения этнонима «русь» от скандинавов через финское посредство, попробуем «пристегнуть» этот хаб к районам, где, судя по археологии, наблюдалась в 9ст. активность скандинавов. Ведь, не смотря на такие прозвища даваемые греками, как скифы или тавроскифы, они хорошо понимали, откуда приходят эти росы – «В самых же верховьях реки Днепр обитают Росы, через эту реку отплывающие, [когда] к ромеям отправляются». (DAI. 42. 60-61) Арабские источники, вслед за ромеями, констатируют, что «Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян». (Ибн Русте). Какое понятие о верховьях реки Днепр имели в Константинополе в середине 10ст. мы вряд ли узнаем, но попробовать представить себе ситуацию, при которой скандинавские сообщества Поволховья и Приладожья, ориентированные на волжский торговый путь, разведали дорогу по Днепру к Черному морю, мы можем. При такой реконструкции, на сегодня, всем примерно уже понятно, где сходились бы инициаторы подобных дальних рейдов в южные моря – предположительно, - люди кагана «народа рос» и их скандинавские подкрепления. Подобные встречи логично происходили бы в районе волоков из Западной Двины и Ловати в Днепр. Около современного Смоленска, примерно там, где находится сегодня всем известный археологический комплекс Гнездово. Одни шли бы из Скандинавии по Западной Двине, как это и рассказывается в скандинавских сагах, другие – из Поволховья, по знаменитому в будущем пути «из варяг в греки», известному, к сожалению, только по Повести временных лет». Вторые, возможно, должны были выдвигаться загодя, зимой, на санях, при всем остальном в качестве грузов, и рубить лес для судов уже в районе Днепра. Ну, или преодолевать весной несколько трудных волоков, переходя последовательно из одной речной системы в другую. В любом случае, при подготовке таких масштабных, беспримерных по дальности пути, предприятий, как, к примеру, разгром Амастриды, совершенный до 40х гг. 9ст., нападение на Константинополь 860 года, или рейды в Закавказье, в обозначенном районе должен был функционировать крупный транзитный логистический центр, как сказали бы сегодня. Однако вторая наша проблема в том, что, как установили археологи, до конца 9ст. его не существовало. Как сегодня пишут о Гнездово? Берем сайт Смоленской объединенной экспедиции (МГУ, ГИМ, М-З "Гнездово"):

«Гнёздово – это название многое значит для тех, кого интересует история России, кто бережно и с уважением относится к ее памятникам. На обоих берегах Днепра в 13 км к западу от Смоленска расположился Гнёздовский комплекс археологических памятников – курганный могильник, когда-то насчитывавший около 4000 курганов и несколько поселений, в том числе укрепленных, общая площадь которых составляла более 30 га. К настоящему времени сохранилось около 1500 курганов и одно поселение, что объясняется в значительной мере расположением комплекса в зоне активной хозяйственной и строительной деятельности растущего города. Это крупнейший на территории России и Европы комплекс археологических памятников, относящихся к периоду образования древнерусского государства – его площадь составляет почти 200 га... Возникший на рубеже IX - X вв. на берегу Днепра небольшой поселок довольно быстро стал важным торгово-ремесленным центром, в котором мирно уживались славянин и скандинав, воин-дружинник и ремесленник, торговец и землепашец. Время расцвета Гнёздова – это X век, когда оно становится одним из важнейших центров на «пути из варяг в греки...», своеобразном стержне формирующегося государства, который связал Север и Юг Европы. О том, что здесь находятся многочисленные курганы, стало известно случайно, благодаря масштабным работам по прокладке железной дороги Витебск – Орел. В 1867 году во время этих работ на окраине деревни Гнёздово был найден клад серебряных украшений X в. (ныне хранится в Государственном Эрмитаже). Место обнаружения клада и привлекло к себе внимание историков и археологов. Материалы многолетних археологических раскопок позволяют нам представить себе не просто древнюю жизнь этого пригорода современного Смоленска, но и его торговые связи, характер хозяйства и особенности развития ремесла, своеобразие этнического состава населения, его языческие обряды и признаки постепенного проникновения христианства. Наиболее известная часть Гнёздовского комплекса археологических памятников – это курганы, образующие несколько групп, большинство из которых расположено на правом берегу Днепра, часть из них плотным полукольцом подступают к территории Центрального поселения. Курганные группы расположены цепочкой вдоль правого берега Днепра почти на 3 км. Несколько курганов сохранилось в настоящее время и на левом берегу Днепра, напротив городища. Курганы Гнёздова составляют самый крупный из сохранившихся в Европе языческих могильников IX- начала XI вв. Подавляющее большинство гнёздовских курганов содержит погребения местного населения, славян и скандинавов».

И вспоминаем, что «Датировка Гнездовского археологического комплекса первой половиной IX в. не признана ни одним современным исследователем и требует специального обоснования, а не утвердительной констатации». (А.С. Щавелев, А.А. Фетисов К исторической географии Восточной Европы IX В. 2. 2015). Касательно этого района археологи пишут в связи с 9ст. так:

«В VIII–IX вв. Смоленское Поднепровье и Подвинье отнюдь не было изолированным регионом. Выделяется два основных направления внешнеэкономических связей местного населения. Одним из них, вероятно, являлось «широтное», которое связывало Смоленщину через Среднее Подвинье (где жило то же самое население) с Юго-Восточной Прибалтикой, прежде всего с Латгалией. По этому, условно говоря, двинскому пути к смоленским кривичам, как можно предполагать, привозили различные украшения из медных сплавов, особенно массивные литые гривны, браслеты и пр. Не исключено, что эта торговля распространялась и дальше на восток, в бассейн Оки.

Другим важным направлением внешней торговли было «юго-восточное», которое связывало Смоленское Поднепровье с северными районами Хазарского каганата (Нефёдов, 2002). Оттуда на территорию Смоленщины (возможно, при посредничестве родственного носителем КСДК роменского населения) поступали различные украшения, детали костюма и конской сбруи из медных сплавов, а также стеклянные бусы и, возможно, в небольшом количестве серебро. Можно утверждать, что территория северо-западной Смоленщины являлась периферией зоны экономических интересов Хазарского каганата. Материалы раскопок смоленских длинных курганов показывают, что привозные изделия распространены в изучаемом регионе повсеместно и довольно равномерно. Это свидетельствует о существовании уже во 2-й половине VIII – 1-й половине IX в. развитой сети внутренних путей сообщения и о тесных связях между поселениями смоленских кривичей. Имеются единичные, но достаточно надёжные данные, позволяющие утверждать, что скандинавы проникли в Днепродвинское междуречье (но не на левобережье Днепра) и начали там селиться уже в IX в. Известно по крайней мере одно достоверное скандинавское погребение IX в., раскопанное в курганном могильнике Шишкино (Городок) на р. Царевич в бассейне Днепра. Найденные в нём равноплечая фибула, бронзовые пуговицы салтовского круга и набор стеклянных бус подтверждают именно такую датировку комплекса (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 502, 505). Ещё одним важным источником является широко известный клад у д. Кислая, найденный на селище, культурный слой которого содержал в том числе керамику КСДК. В состав клада с младшей монетой 837/838 г. входил так называемый полубрактеат Хедебю (Шмидт, 1969; Нахапетян, Фомин, 1994, с. 146, 184), что указывает как минимум на участие скандинавов в формировании этих сокровищ, которые, очевидно, поступили в бассейн р. Каспля откуда-то с севера. На сегодняшний день это единственный клад IX в., известный в изучаемом регионе. Можно предположить, что первые группы скандинавов, проникавшие в Днепродвинское междуречье и пытавшиеся (иногда успешно) закрепиться там надолго, привлекала не столько перспектива дальнейших вояжей на юг Восточной Европы и в Византию, сколько возможность включиться в торговлю местного славянского населения с Хазарским каганатом.

В конце IX – начале X в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье начала формироваться археологически фиксируемая инфраструктура транзитных военно-торговых коммуникаций, которые входили в систему «волокового» участка пути «из варяг в греки». Несомненно, эта сеть коммуникаций складывалась на основе внутренних путей сообщения, существовавших в VIII–IX вв... Следует подчеркнуть, что география и гидрография военно-торговых путей между средней Ловатью и верхним Днепром практически исключала их использование в летнюю межень и сильно затрудняла таковое даже в половодье (особенно учитывая, что из-за климатических причин и сильной облесенности берегов рек половодья в конце I тыс. были значительно ниже современных). Этот участок пути «из варяг в греки» мог активно функционировать только зимой как сухопутный и (с серьёзными трудностями) весной как водно-сухопутный (ср.: Микляев, 1992). Судя по имеющимся данным, в окрестностях Гнёздова, на расстоянии около 40–50 км по прямой (одного-двух дневных переходов) от него, почти полностью отсутствуют могильники КСДК с погребениями X в., что свидетельствует если не об исчезновении, то о резком сокращении числа населённых пунктов этой археологической культуры вокруг Гнёздова уже в первой половине столетия (Нефёдов, 2011, с. 77). Этот процесс сопровождался древнерусским расселением в окрестностях раннегородского центра. Интерпретировать

приведённые факты можно двояко: с одной стороны, как начальный этап ассимиляции носителей КСДК древнерусским населением, с другой стороны, как следствие конфликтов, вызванных военно-административным давлением на местных жителей. (В. С. Нефёдов Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.) 2012).

Неплохая интрига, да? Вот уж, где хочется сказать «этого не может быть»! Однако все, так как есть, ничего не поделать. Трактовать присутствие викингов в Среднем Поднепровье 9в. как завоевание, подобно тому, как это делалось, к примеру, шведскими историками раньше, становится все сложнее именно благодаря археологии. Остается предположить, вслед за А.В. Назаренко, что нижнеднепровскую базу использовала некая группировка скандинавов «первой волны», проникшая в Среднее Поднепровье в начале 9ст. Север же, со всеми своими ОТП, где сходились торговцы отовсюду, в то время, судя по всему, развивался, по законам коммерции и торговли на дальние расстояния, не создавая каких-либо крупных территориальных протогосударственных объединений. Ориентированный на связи с Хазарией по Волге, хоть и при активном проникновении скандинавов, он не виновен в создании того хищнического «militarygovernment» во главе с каганом, которое, наводило в 9ст. ужас на сопредельные страны. Безотносительно к тому, захвачен ли был какой-то северной группировкой Киев в конце 9ст. как любят порассуждать россияне по мотивам их любимой части варяжской басни.

Стоит понимать, что кроме проблемы функционирования речного торгового пути «из варяг в греки», вокруг которого, якобы, складывалось древнерусское государство – на нее, справедливо, не устают обращать внимание исследователи, есть еще и проблема выбора, якобы решенная в пользу Среднего Поднепровья первыми князьями летописи. С точки зрения наших теперешних знаний о ситуации того времени в Восточной Европе, он выглядит совершенно иррационально. И историки сегодня это хорошо понимают. Возможно ли, чтобы скандинавские элиты Севера Восточной Европы, как мы знаем, не будучи монополистами в торговле пушниной могли себе позволить одной рукой вести торговлю на рынках Волжской Болгарии и Хазарии, а другой – пытаться отторгнуть у той же Хазарии часть ее владений или отлавливать людей на продажу, среди ее славянских данников? Дошло до того, что Хазария вынуждена была строить укрепления. В регионе, совершенно выпадающем из их коммерческих интересов и настолько от них удаленном? В самом деле, какая реальность может стоять за путаным рассказом летописи о приходе Олега в Киев? Вопрос риторический. При непредвзятом анализе результатов даваемых археологией, с большой долей вероятности, давно можно утверждать, что летопись лжёт. По крайней мере, в тех поздних редакциях послемонгольского времени, которые дошли до нас. Но Олег из Новгорода, которого тогда просто не было, и захват им Киева – это священная корова российского «норманизма», которую, поверьте, трогать никому не дадут. Повесть временных лет и так слишком многое предпочитает скрывать, если вы не заметили. Если уж в Скандинавии 13 века представляли в общих чертах историю происхождения верховной власти в этих краях, то, как об этом могли не знать в Киеве того времени?

Но нам оставили летописную сказку 13ст. про апостола Андрея Первозванного, с подробным описанием пути из греческого Херсонеса по Днепру, Ловати, Ильменю, Волхову и озеру Нево в Варяжское (Балтийское) море. И кто мог подумать, что со временем она породит вполне научную концепцию возникновения древнерусского государства вдоль речных маршрутов движения варяжских военно-торговых дружин из Северной Европы в Византию? Концепцию, которая, как я не перестану напоминать, Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

совершенно не научна, поскольку стоит на искажении летописи и других оснований под собой не имеет. От слова совсем. Подкрепить эту лживую вставку в летопись нечем, а опровергнуть - легко. Тем не менее, на этой басне стоит целая теория, в угоду которой российские историки фактически зачищают все здравые начинания исследователей. И пока она исправно обслуживает интересы России, где ее втюхивают всем, начиная со школы, от нее не откажутся. Поэтому вы и должны знать то, что они не хотят выставлять на показ. Вы ведь не найдете того что тут изложено ни в одной из их книг по истории.

Наверное, не лишним будет напомнить о том, что и так знают все, кто интересуется данной темой:

«...результаты столетних археологических изысканий с полной определенностью доказали, что предположение о существовании Балто-Днепровского транзитного пути между Северной Европой и Византией – всего лишь одно из громких исторических заблуждений. Об этом еще в 1950 г. было заявлено со страниц советского журнала «Вопросы географии». Один из ведущих советских географов С. В. Бернштейн-Коган на большом археологическом и нумизматическом материале, с привлечением письменных источников убедительно продемонстрировал мифичность такого пути [4. С. 239 - 270]. Письменные источники (ни византийские, ни скандинавские) не содержат никаких данных о скандинавско-византийской торговле; археология прямо опровергает существование таковой. Например, на острове Готланд – крупнейшем центре международной торговли на Балтике – за период VIII – X вв. найдено 67 000 монет. Из них византийских всего 180, тогда как арабских – 23 000, английских – 14 000, германских, фризских, польских – 27 000 и т. д. Крайне редкие находки на территории Скандинавии византийских монет и предметов византийского экспорта говорят об отсутствии налаженных торгово-экономических связей между этими регионами.[3] В Новгороде византийских находок еще меньше, чем на Балтике. Зато их много на юге, в Киево-Черниговской земле. На этом основании Бернштейн-Коган выделил две торгово-экономические зоны на Руси XI – начала XIII вв.: южную, ориентированную на Византию, и северную, ориентированную на балтийский регион. Киев тяготел к черноморской, а не к балтийской торговле. Новгород, наоборот, был активным участником балтийской торговли, но практически не участвовал в торговом обмене с Византией. Граница между этими торгово-экономическими зонами проходила между Киевом и Смоленском. Скандинавия же вообще не была реальным агентом в византийской торговле, так как ей нечего было предложить на византийском рынке, а предметы византийского производства попадали туда главным образом не через Русь, а через Западную Европу. Автор подкреплял свои доводы еще одним веским географическим аргументом: маршрут с Балтики от устья Невы до верховьев Каспли (через Ладогу, Волхов, Ловать и двойной волок из Ловати в Западную Двину и из Двины через Касплю в Днепр) составляет 1 400 км. По Западной Двине от ее устья до верховьев Каспли – всего 820 км. От Готланда до устья Западной Двины морем ближе, чем до устья Невы. Поэтому трудно думать, чтобы варяги (под которыми автор традиционно понимает скандинавов) избирали более длинный путь, сопряженный с двумя волоками, вместо более короткого с одним. Поэтому «варяжским» путем мог быть только путь по Западной Двине, а дорога с Днепра через Ловать имела исключительно местное значение и использовалась преимущественно зимой. Итоговый вывод автора бесспорен: ни в торговом, ни в военно-политическом отношении транзитного балто-днепровского пути из Скандинавии через Неву и Волхов не существовало. Путь между Балтийским и Черным морями не был единой

трансконтинентальной магистралью, а распался на три самостоятельные части: балтийскую (Смоленско-Новгородскую); «греческую», до половины XIII в. обслуживавшую сношения Киева с Византией; и трассу между Киевом и Новгородом, которая использовалась главным образом для внутренней торговли и внутренних сношений. Аргументы, С. В. Бернштейна-Когана долго оставались под спудом. Большинство историков предпочитало их игнорировать. Но в 90-е годы с критикой традиционных представлений о пути из варяг в греки выступил ряд археологов, прежде всего, Александр Микляев. Оставаясь в рамках традиционного норманизма и не подвергая сомнению скандинавство варягов, Микляев пришел к выводу, что большая часть пути «из варяг в греки» «была сухопутной и эксплуатировалась зимами не столько в качестве международной трансконтинентальной магистрали, сколько в качестве внутреннего пути, связывающего два государствообразующих центра Древней Руси – Новгород и Киев» [21. С. 137]. По сути, через сорок лет он пришел к тем же самым выводам, что и С. В. Бернштейн-Коган в 1950 г., подкрепив их дополнительными аргументами – опытом собственных полевых работ и данными палеогеографии. Опираясь на результаты археологических исследований, он установил, что во второй половине I тыс. н. э. вода в реках северо-запада стояла как минимум на 3 метра ниже современного.[4] При столь большой разнице не могло быть и речи о плавании по Усвяче (притоке Западной Двины) и особенно Ловати, изобилующей порогами и перекатами и в настоящее время, при более высоком уровне воды. Ученый напомнил, что «никогда никакие суда», даже в обильном водой XVIII веке, не поднимались вверх по Ловати – этому препятствовали пороги, тянущиеся чуть ли не на 200 верст от устья до Великих Лук. Поэтому «скандинавы» не могли плавать из Новгорода в Киев из-за маловодности рек и невозможности прохода даже небольших судов. Добираясь до Ладого водным путем осенью, при попутных западных ветрах, дующих в это время года, они ждали зимы и дальнейший путь в Новгород и Киев проделывали по зимнику...

Таким образом, столь разные источники, как скандинавские саги, арабские географические сочинения, наставления сыновьям византийских императоров и русских князей, летописные сведения согласно указывают, что в лесной зоне Восточной Европы передвижения на большие расстояния совершались, как правило, зимой. На основании этих данных даже те исследователи, которые не сомневались в существовании водного пути из Балтики в Черное море, вынуждены были признать, что «зимний путь был наиболее удобным и явно предпочитался» [6. С. 306]. Поэтому логично предположить, что в древности торговые трассы в северной, лесной зоне Восточной Европы по причине маловодности и труднопроходимости рек вообще использовались преимущественно зимой – по замерзшим руслам рек. В связи с этим обращают внимание многочисленные находки ледоходных шипов на местах расположения восточноевропейских эмпориев, таких как Гнездово, Рюриково городище или Тимерево...

С 1986 по 2001 гг. было организовано пять экспедиций: четыре по Неве через Волхов и Ловать до Днепра и Черного моря и одна от Рижского залива по Западной Двине.[17] Относительно поставленных целей все они закончились полным провалом. Отрезок водного маршрута от Ловати до бассейна Двины для всех четырех экспедиций оказался совершенно непроходимым. Суда от Ловати до Днепра пришлось тащить от озера к озеру армейскими вездеходами либо везти автотранспортом. Даже двинский путь оказался непроходим по воде: судно, построенное по образцу морских кораблей

викингов, не смогло преодолеть речных мелей, и от Даугавпилса (250 км от Риги вверх по Двине) на Днепр его пришлось везти.[18] Особенно показательна экспедиция на судне «Айфур» с экипажем в 10 человек, чьи параметры (длина 9 м и ширина 2,2 м) были рассчитаны на передвижение по небольшим рекам. Судно было построено по скандинавской технологии: с клинкерной обшивкой и килем. Однако при прохождении порогов в среднем течении Ловати киль у судна был сломан. Остальной отрезок пути по Ловати (300 км из 500) и волок в приток Западной Двины р. Усвячу судно не проходило, а было перевезено автотранспортом. Второй волок между Двиной и Днепром протяженностью 65 км судно транспортировали по шоссе на колесной тележке, причем без снаряжения и продуктов, которые тоже везли автотранспортом [31. С. 300 – 301; 18. С. 388]. Даже днепровский маршрут (несмотря на отсутствие порогов на реке в настоящее время) оказался непосильным для шведского судна: от г. Светлогорска до Херсона вниз по течению Днепра судно периодически шло с использованием буксира из-за сильного встречного ветра. Чтобы как-то согласовать эти неутешительные результаты с догмой, участник экспедиции петербургский археолог П. Е. Сорокин выдвинул предположение, что скандинавы путешествовали в два этапа: сначала из Средней Швеции в Новгород, а на следующий год по весеннему половодью в Киев [31. С. 302 – 303]. Тем самым он вернулся к выводу С. В. Бернштейна-Когана о поэтапном преодолении скандинавами маршрута в Византию: сначала в Новгород, потом из Новгорода в Киев на службу русским князьям и лишь затем некоторые отправлялись в Византию. Таким образом, экспедиции экспериментально подтвердили то, что уже было доказано совместными усилиями географов и археологов: никакого транзитного водного пути между Балтикой и Черным морем по трассе Ладога – Днепр не существовало. Торгово-транспортная магистраль между Киевом и Новгородом использовалась для местных нужд и внутренней торговли и преимущественно в зимнее время, что подтверждается малочисленностью византийских вещей в Новгороде и отсутствием кладов на всем протяжении Ловати (кроме Городка на Ловати, т. е. Великих Лук). И археологически, и экспериментально существование вымышленного историками балто-днепровского транзита из Скандинавии в Византию через Русь следует считать опровергнутым. (Федотова П.И. География против истории: был ли возможен торговый путь «из варяг в греки» 2019).

Что-то произошло с летописанием только после монгольского погрома, а, скорее всего, при митрополитах Киевских и всея Руси – Максиме (в сане митрополита с 1283), и его преемнике - Петре, переориентировавшихся на Северную Русь и перенесших туда митрополичью резиденцию из Киева. Начальная летопись, однозначно, не выглядела так противоречиво первоначально. Однако если то скандинавское сообщество, о котором мы говорим, изначально опиралось на ресурсы Среднего Поднепровья, откуда только и можно было, строго говоря, позволить себе, сколько-нибудь регулярное пребывание в нижнеднепровских плавнях Запорожья, то, как подобное предположение согласовать с археологами? Через сто с лишним лет раскопок, они в упор не видят присутствия скандинавов в этом регионе до конца 9ст.:

«На основе этих географических и хронологических наблюдений, необходимо сформулировать несколько следствий, принципиальных для исторических реконструкций. Во-первых, необходимо решительно поставить под сомнение гипотезу о том, что в IX в. некая «первая волна скандинавов» («перво-русь») появилась на юге Восточной Европы, поселилась там и активно действовала, но не оставляла никаких археологически фиксируемых следов, кроме глобальных разрушений. Эти

«ранние скандинавы» должны были обладать уникальной спецификой, которая заключалась бы в полном отказе от всех скандинавских и североевропейских этнокультурных признаков. Они не пользовались типичными формами скандинавского оружия, не использовали скандинавские погребальные обряды, не оставляли признаков торговой (клады, погребения с торговым инвентарем) и военно-административной (создание своих опорных пунктов, погребения воинов) активности. Нам феномен такой тотальной маскировки представляется крайне маловероятным». (А.С. Щавелев, А.А. Фетисов *К исторической географии Восточной Европы IX в.* 2. 2015).

Зато они видят следующее: «VIII век для ареала большинства славянских археологических культур Восточной Европы покажется на удивление спокойным и малонасыщенным примечательными изменениями. Исключение – формирование волынцевской культуры, занимавшей Днепровское Левобережье и небольшую полосу Правобережного Приднепровья на Киевщине, с отдельными „выплесками” в Верхнее Подесенье и бассейн Верхней Оки. В этнографическом описании Повести временных лет этот ареал делился между четырьмя разными славянскими союзами племён: полянами, северянами, радимичами и вятичами, все из которых перечислены летописью в качестве данников хазар. Именно в волынцевских комплексах встречаются прямые салтовские импорты (кухонная и тарная посуда, предметы вооружения и снаряжения коня, украшения пояса, серьги, бусы), а также созданные под салтовским влиянием группы собственно волынцевских предметов (гончарная посуда, железные орудия труда), ярко демонстрирующие прямые контакты рассматриваемой группы славянского населения с Хазарским каганатом². Ареал памятников волынцевской культуры близко совпадает с ещё двумя примечательными в историческом плане ареалами – зоной распространения „антских” кладов VII века, а также северной границей погребений и комплексов перецепинской культуры, отражающих вторжение кочевников в лесостепь во второй половине VII века, в эпоху активной экспансии хазар на запад в Восточной Европе³. На смену волынцевской культуре на Левобережье Днепра пришла роменская, заметно уступающая волынцевской в уровне гончарного производства и интенсивности культурных контактов с ареалом Хазарского каганата. Такая „деградация”, противоречащая теории стадийного развития обществ, долгое время ставила в тупик исследователей проблемы, заставляя либо видеть в „волынцевцах” особую культурную и этническую группу населения, синхронную „роменцам”, либо подозревать какие-то разрушительные по последствиям исторические события конца VIII – середины IX века⁴.

После новой фазы исследований (1984–1989) городища Битица I на р. Псёл, когда было установлено распространение картины пожара по всей площади памятника, а также обнаружены клады и останки захороненных погибших жителей городища в котлованах жилищ⁵, версия о катастрофическом финале волынцевской культуры начала приобретать всё более веские основания. Такая же картина (клад и останки погибших жителей) в 2002 г. была прослежена раскопками в Посулье на волынцевском поселении Мельники I возле с. Андрияшевка в 120 км на юго-запад от Битицкого городища⁶. Горелые жилища, часто с раздавленными полными сосудами, открыты также на других волынцевских поселениях с обширной географией: в Приднепровье – Киев (Старокиевская гора), Обухов II, Бучак Столпяги; Подесенье – Шестовица, Целиков Бугор; Посемье – Волынцево; бассейне Псла – Гочево III. На поселении Волынцево (ур. Стан) с эпизодом гибели поселения также могут быть связаны

экстраординарные погребения детей в хозяйственных ямах, перекрывавших более раннее жилище № 257. Датировка финала волынцевской культуры на данный момент основывается на трёх ключевых наблюдениях. Первое: набор женских и мужских украшений горизонта разгрома Битицы отличается от состава Фотовижского клада и отражает следующую стадию эволюции материальной культуры славянского населения региона. Второе: набор украшений пояса, оружия и конского снаряжения салтовского облика из поздневолынцевских комплексов (Битица, Ходосовка, „Севский клад“) соответствует признакам салтовского горизонта II (ок. 790–35 гг.), none включает более поздних элементов горизонтов III–V 9. Третье: ни в одном из исследованных на данный момент волынцевских погребальных, поселенческих комплексов или кладов не обнаружено дирхемов или иных восточных монет, что трактуется обычно как предшествование времени существования волынцевской культуры началу массового поступления дирхема в Восточную Европу¹⁰...

Возможно, дальнейшие археологические находки в будущем смогут подкорректировать картину, но на данный момент приходится сделать однозначный вывод – после 815/816 гг. произошёл долговременный обрыв поступлений дирхема к населению ареала салтовской культурно-исторической области. Концом IX века может датироваться лишь клад из станицы Вешенской (с младшей монетой 874–892 гг.), достоверность даты которого, впрочем, невысока, поскольку из него сохранились и подверглись определению всего 4 монеты²². Следующим по времени выступает клад из Саркела, включавший дирхемы 907–962 гг. чеканки²³. Прекращение поступлений восточной монеты к населению Хазарии выглядит достаточно странным на фоне сообщения письменных источников о посольстве хазар (вскоре после сильного голода в столичном Атиле) к визирю халифа ал-Ма'муна – ал-Фадлю ибн-Сахлю (813–818)²⁴ именно в период, когда, по археологическим данным, следовало бы ожидать повод к разрыву отношений. Зеркальная картина наблюдается в ареалах славянских культур Восточной Европы, где с первых десятилетий IX века, наоборот, впервые появляются клады дирхемов. Так, в рамках ареала волынцевской культуры появляются клад 1848 г. из Нижней Сыроватки (младшая монета 812/813 г.) и клад 1959 г. из Нижних Новоселок (младшая монета 811/812 г. или 816/817 гг.). Несколько севернее, в предполагаемом ареале радимичей в Посожье, появляются клад из Яриловичей (младшая монета 820/821 г.) и Касаляк (младшая монета 823/824 г.). Далее на северо-запад расположены клад 1822 г. из Могилевской губернии и 1835 г. Из Минской губернии с младшими монетами 802 г. чеканки. Заметна концентрация кладов данного периода и в вятичском Поочье, где клад IX века выпадают наиболее стабильно²⁵. Небольшое Новотроицкое городище роменской культуры на р. Псёл, так же, как и Битицкое, носит следы разгрома (пожары, клады, раздавленные наборы посуды, „нетипичные“ погребения людей в сгорелых жилищах). Но из его раскопок происходит денежно-вещевой клад из 10 монет (младшая монета 818/819 гг.) и лома серебряных украшений середины IX века, а в сгоревшем жилище № 1 найден пробитый для ношения дирхем 833/834 гг. чеканки²⁶. Несмотря на разные даты младших монет, оба объекта относятся к одному горизонту разгрома поселения, случившегося уже в последней трети IX века²⁷.

Что касается полянского Правобережного Приднепровья, то здесь к ранней стадии поступлений дирхема исследователи относят лишь комплексы с монетами городища Монастырёк культуры Луки-Райковецкой, сменяющей в данном регионе в IX в. волынцевские памятники²⁸. Впрочем, дирхем 740/741 г. в жилище 1 селища

Монастырёк найден в комплексе уже с лепной и гончарной керамикой X века, ланцетовидным наконечником стрелы и блесновидной застежкой X века, а фельс 814 г. чеканки в жилище 2 городища сочетался с гончарной посудой X века. К более раннему горизонту заселения городища принадлежит только жилище 7 с дирхемом 761/762 г. чеканки, в котором, при преобладании лепной посуды, всё же найдены и фрагменты гончарной керамики IX – начала X веков²⁹.

Каким образом объяснить наблюдаемый парадокс, особенно в контексте распространённого убеждения о сохранении посреднической роли Хазарского каганата в „восточной” торговле до момента его гибели? Что за события ок. 812–816 гг. обусловили начало поступлений восточной монеты к славянам – бывшим данникам Хазарского каганата, при одновременном разрыве притока дирхема к населению ареала салтовской культурно-исторической области, т. е. собственно Хазарии, или, как минимум, вызвали серьёзнейший кризис поступлений монет? Связаны ли эти события с масштабным разгромом в ареале волынцевской культуры, произошедшим, согласно показаниям салтовских предметов из поздневолынцевских комплексов, в рамках первой трети IX века?

Ответ на вопрос, кто именно причастен к гибели Битицкого городища, вызвал заметные разногласия у исследователей. Так, Виктор Приймак связал её с событиями „гражданской войны” в Хазарии в начале IX века после принятия иудаизма беком хазар³⁰. К такому же объяснению склоняется и Владимир Енуков³¹. А. Григорьев модифицировал данную гипотезу, полагая, что в начале IX века славяне сами воспользовались ослаблением Хазарского каганата вследствие смуты и „изгнали иноплеменную верхушку” (т. е. „волынцевцев”), оставшись, тем не менее, в подчинении хазар³². Другую версию предложил Евгений Шинаков, также рассматривая „волынцевцев” в качестве какого-то „иноэтничного населения”, но датируя разгром Битицкого городища (как опорного пункта сбора хазарской дани) последней третью IX века и связывая военную акцию с русами³³. Сергей Конча отнёс гибель городища к середине IX века, полагая, что оно представляло собой центр независимого славянского „государственного образования”, уничтоженного мадьярами³⁴. Необъяснимым в свете версий Е. Шинакова и С. Кончи выглядит полное отсутствие дирхемов на Битицком городище, если оно представляло центр сбора дани уже в период поступлений восточной монеты к славянам. Обе также лишены хронологической части аргументации и представляют классический вариант использования „широких датировок” для подгонки „археологического события” под заданный письменными источниками хронологический диапазон. Обратная ситуация с моделью „гражданской войны в Хазарии”, поскольку её датировка Михаилом Артамоновым 20–30-ми гг. IX века была основана как раз на представлениях автора об археологической дате разгрома Правобережного Цимлянского городища³⁵. При определении последней М. Артамонов ориентировался на клад дирхемов с младшими монетами 809–813 гг., а также исходил из представления о Правобережном Цимлянском городище как предшественнике левобережной крепости – Саркела, возведенной в 838–839 гг. Новые исследования Правобережного городища от такой идеи заставили полностью отказаться – крепость, несомненно, существовала некоторое время параллельно с Саркелом или даже была построена синхронно с ним, на что указывают находки в слое и заполнении объектов характерных саркельских кирпичей³⁶. Что же касается времени сокрытия клада, найденного у ног погибшей женщины, то более показательнее фрагментированное состояние абсолютного

большинства его монет, а не дата чеканки младшей (806/807)³⁷, принадлежащей к одним из последних поступлений восточной монеты к хазарам в начале IX века.

Согласно сообщению Кембриджского Анонима иудей-военачальник стал царем Хазарии только после религиозного диспута³⁸, дата которого точно известна благодаря миссии Константина Философа. По состоянию на 861 г. всё ещё оставались союзниками хазар и мадьяры, осаждавшие Хернонес, тогда как после смуты именно к ним сбежала и присоединилась проигравшая группа хазар – кавары (кабары)³⁹. Источники первый раз упоминают кавар как союзников мадьяр лишь в 881 г., во время вторжения в земли франков: „Первая война с Унграми под Венией. Вторая война с Коварами под Кульмите”⁴⁰. Таким образом, восстание кавар и разрыв отношений хазар с мадьярами приходится на промежуток 861–881 гг. и никак не могут быть связаны с бурными событиями начала IX века в ареале волынцевской культуры. Подозрения в причастности самих мадьяр, кроме более поздней даты их появления в Северном Причерноморье – 824–831 гг.⁴¹, снимает также „фактор дирхема”. Гипотетические набеги мадьяр в славянские земли никоим образом не могли вызвать приток сюда восточного монетного серебра, как и прервать его поступление в Хазарию. Более того, в комплексах известных на данный момент памятников типа Субботцев, отождествляемых с культурой древних мадьяр, всё ещё не обнаружено ни одного дирхема. В том, что это не случайность, убеждает Больше-Тиганский могильник, оставленный группой мадьяр в Поволжье, где монет также нет в ранней части погребений IX века, а появляются дирхемы лишь после 900 г.⁴² Переселение мадьяр на запад от Урала началось после прекращения массового притока дирхема в салтовский ареал, но ситуация отсутствия в субботцевских погребениях Причерноморья даже фрагментированных монет VIII века сходна с картиной, наблюдаемой в волынцевской культуре – тесные культурные связи с салтовским населением совсем не гарантировали получение от него монетного серебра. И, напротив, документировано поступавшие в ареал восточных славян в середине – второй половине IX века дирхемы по какой-то причине не попадали в процессе обмена даже к ближайшим соседям – мадьярам и салтовскому населению Подонья. Если часть славян – данников хазар всё ещё продолжали в этот период платить дань каганату, то делалось это несомненно не монетой.

Опираясь на картину заметного ослабления ремесленных и культурных влияний Хазарии на Левобережье Днепра на этапе роменской культуры в IX веке, нами было высказано предположение, что пожары на волынцевских поселениях и разгром Битицкого городища могут объясняться набегами ранних русов и более ранним, чем представлялось прежде, переподчинением славянских данников Хазарии⁴³. Эту гипотезу поддержал Сергей Воронятов⁴⁴, а Александр Моця отметил, что выходу русов на политическую арену в 838–839 гг. должно было предшествовать успешное противостояние с Хазарией в борьбе за контроль над Поднепровьем⁴⁵. А. Григорьев, напротив, счёл гипотезу неправдоподобной, полагая, что военные акции русов подобного масштаба потребовали бы создания поблизости опорных „дружинных” центров, в то время как археологические памятники пока не известны⁴⁶. Проецируя на начальные фазы истории русов „дружинную” модель Руси X века, А. Григорьев следует логике древнерусских летописцев, описавших прибытие варягов-руси в IX веке исключительно через модель оседания в славянских городах (градах). Реалии ранней эпохи викингов в Западной Европе в IX веке были совсем иными, и на этот факт справедливо обратил внимание Алексей Толочко, отказавшись от поиска „опорных

*центров” даже для „армии 860 года”, совершившей нападение на Константинополь⁴⁷. Несложно заметить, что, при всей обширности ареала гипотетического набега начала IX века, в локализации волынцевских поселений со следами разгромов или пожаров прослеживается одна общая закономерность – все они находятся далеко от границ степи и непосредственно на берегах крупных речных магистралей (Днепр, Десна, Сейм, Сула, Псел, Стугна). Показателен также пример поселений Столпяги и Бучак, на которых исследованы сгоревшие жилища с наборами оставленной в спешке посуды. Указанные поселения располагались почти напротив на разных сторонах Днепра, и одновременное нападение на них возмознолишь для неприятеля, передвижавшегося на судах. Такое же характерное „береговое” расположение наблюдаем и у наиболее ранних кладов дирхемов в бывшем волынцевском ареале...» (Алексей Комар (Киев). *Между Русью и Хазарией: Днепровское Левобережье IX века в свете современной археологии*. 2017).*

Таким образом, Среднее Поднепровье, судя по данным накопленным археологией, избавляется от хазарской власти и влияния много ранее, чем рассказывают нам послемонгольские редакции княжеской летописи. Так что на основании данных одной только археологии уже можно утверждать, - **варяжская басня никакое не предание, это именно – лживая история**. А их там во вводной части заново присочинили достаточно. Вы скоро сами убедитесь в этом. И таки, возможно, это избавление от хазарской власти, произошло, не без помощи скандинавов, поскольку, некоторые типы оружия вне контекста, найденные в Украине, намекают на их северное происхождение. Это франкские мечи типа «В» по типологии Яна Петерсена, - «каролинги» датируемые, главным образом по рукояти концом 8 - началом 9 века. Типология создана более 100 лет назад и уже давно стала классикой. Один происходит с городища у села Хитцы Полтавской области и был найден еще в начале 20 века, другой – с правобережной Украины, из села Бичева Житомирской области. Они очень ранние, и мода на такие рукояти и навершия проходит в Европе до середины 9ст. Это качественное оружие, изготавливавшееся в рейнской области фиксируется археологией еще лишь в одном из курганов смоленской области конца того столетия – деревня Новоселки, и два экземпляра происходят из мест много севернее. Как подмечал А.Н. Кирпичников: «Среди древностей X в. мечи типа В не встречаются». (А.Н. Кирпичников. *Древнерусское оружие*.). И то, что такие вещи найдены в Украине, наряду, кстати, с экземплярами византийских мечей, должно наводить на некоторые размышления. Находят ли подобное оружие севернее? Да, археология не улавливает здесь постоянного присутствия скандинавов, историки, памятуя о том, где добывали и торговали дорогой пушниной, не видят причин для этого, но это оружие кто-то же должен был завозить? Однако если не было «опорного дружинного центра» в районе волоков из Двины в Днепр, о каких более менее регулярных набегах и походах скандинавов в Черное море можно говорить, применительно к 9ст.? Археологические факты можно примирить с письменными источниками, соотнести, но как, без ущерба для адекватного восприятия их можно проигнорировать? Кто-нибудь знает ответ? И мы не пойдем этим бесперспективным путем. Он никуда не ведет, кроме как к пустой болтовне. Но у нас есть один козырь – мы знаем, что такое «джазира русов», и без особого труда можем сообразить, кто до нее в то время мог дотянуться в действительности. Да, это будут не жители Скандинавии, но такое смещение внимания в сторону Среднего Поднепровья, на самом деле, вынужденно. Поскольку, как мы можем предположить, на то время, доступ к плавням Великого Луга, преимущественно имело мужское население поселений по обоим берегам Днепра и его притоков, - тем больше повода обратить внимание на его материальную культуру.

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

«Невидимость» скандинавов в Среднем Поднепровье, предварительно, спишем на небольшую численность этой пришлой группы, при ее большом влиянии, как поставщиков качественного оружия среднеднепровским славянам. И будем искать ее следы, заранее будучи готовыми к принятию того напрашивающегося предположения, что они изначально вписались в существующие в регионе социальные структуры, не действуя автономно. Ничего другого на данном этапе не остается. Эта группа уже неоднократно попадала в поле зрения историков в связи с информацией, содержащейся в Бертинских анналах, имеющих запись за 839г.:

«С ними [послами] он [Феофил, император Константинопольский] прислал ещё неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ (gens) их, называются рос (Rhos) и что король (rex) их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он [Феофил] просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путём, дабы не подвергались при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав [цель] их прибытия, император [Людовик] узнал, что они из народа свеонов (eosgentesse Sueonum), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет.[2]».

Так поступим мы в надежде отыскать ее следы здесь, в рамках традиционной модели принятой в норманнской теории - русы=скандинавы. Однако сразу же нам могут напомнить, что мы вступили на скользкую тропу: А. С. Щавелев «Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины 9 века» 2014:

Возведение крепости Саркел и других крепостей Хазарии было произведено византийскими инженерами в римско-византийских строительных традициях. Миссия спафарокандидата Петроны Каматира датируется временем правления императора Феофила, т. е. до 842 г., возможные крайние даты могут варьироваться от 833 г. до 839-840 гг. Раннюю датировку 834-837 гг. поддерживал А. П. Новосельцев, позднейшую 839-840 гг. — С. Б. Сорочан. Археологические датировки крепостей в целом совпадают с историческими: конец VIII — первая половина IX в. Очевидно, что причины возведения Саркела и других крепостей были экстраординарными. Несомненно, одной из причин стало появление в причерноморских степях кочевого народа венгров. Саркел и другие крепости выполняли как военно-пограничные, так и административные функции. Но венгры создавали угрозу для хазар лишь с Запада. Между тем, цепочка крепостей защищала территорию хазар с северо-запада и севера. Сейчас в историографии возобладала версия, согласно которой крепости были построены для защиты от военной угрозы появившейся руси, пришедшей якобы в Поднепровье. Эта идея восходит к М. И. Артамонову и А. П. Новосельцеву, сейчас ее активно отстаивает А. В. Комар. Со ссылкой на последнего эта идея была принята в недавней статье С. В. Воронятого, который, впрочем, допускает, что угрозу создавал «каганат росов», находившийся далеко на севере в Ладого. Это предположение никак не аргументировано, русь выбрана как самая теоретически подходящая причина мобилизационного строительства хазар. «Мощным врагом хазар» «могли быть лишь русы», — безапелляционно пишет А. В. Комар. Между тем, археологических

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

подтверждений проникновения руси в IX в. на территории, близкие к Хазарии, нет. Следов концентрации скандинавских дружинных древностей в первой половине IX в. в Южной Руси тоже нет. Равно как нет и следов военной активности руси этого времени в регионе. Нет ни одного памятника дружинной культуры, откуда мог быть направлен удар руси против хазар. Поэтому гипотеза о военной угрозе Хазарии со стороны руси ничем, кроме общих соображений и историографических стереотипов, не подкреплена. Археологически и исторически гораздо более вероятен вариант, что крепости были созданы для контроля территорий славян, входивших в Хазарский каганат, причем не просто контроля, а предотвращения потенциальной военной угрозы. Картографирование хазарских крепостей и территории земли северян доказывает эту идею. Крепости были направлены исключительно против славянского племени северян. Линия обороны хазар расположена строго вдоль границы расселения северян, примерно в одном дневном переходе от границы их расселения. Потенциальными противниками хазар в первой половине IX в. могут выступать именно славяне северяне (носители Роменской культуры). Согласно А. В. Григорьеву, Роменская культура сложилась в результате переселения во второй половине VIII — начале IX в. групп мигрантов с Дуная. Миграция с Дуная шла в два этапа: первые переселенцы пришли в середине VIII в., вторая волна — в начале IX в. Причем время появления второй волны пришельцев-славян хронологически совпадает с гибелью Волынцевской культуры и крупного административного центра хазар — городища у села Битица. Носители Волынцевской культуры представляли собой смешанное население (славяно-алано-болгарское?), Волынцевская культура испытала сильное влияние Салтовской. «Волынцевское» население было опорой системы непосредственного контроля хазар над славянскими территориями. Гибель Волынцевской культуры в ареале земель северян и полян четко датируется первой четвертью IX в., археологически фиксируется бегство носителей Волынцевской культуры на восток».

Довольно интересно, какое значение для противодействия венграм могло иметь не расширение одной, а строительство двух крепостей напротив друг друга – Саркела и Правобережного Цимлянского городища. Было ли для них главной задачей изолированно друг от друга пытаться препятствовать переправе в этом районе венгров, или все-таки главной задачей было контролировать движение по Дону, прикрывая Низовье этой реки, где, как сейчас пишут, отмечается наибольшая плотность, собственно, хазарского населения того времени? В том числе, и - служить пунктами раннего оповещения, в случае движения по реке некоего противника. «В процессе исследования базы данных (по состоянию на 2000г.) с помощью программы ArcView удалось проследить пространственную динамику ареала подкурганых погребений во времени и установить, что наивысшая плотность распространения данного обряда в IXв. приходится на территорию бассейна Нижнего Дона протяженностью 175 – 200км... На выделенную область приходится большинство рунических надписей (М.И.Артамонов, И.В.Синицын, Л.С.Ильюков, И.Л.Кызласов, И.В.Белинский, Е.И.Беспалый, И.В.Волков, И.Н.Парусимов, В.П.Глебов, А.А.Иванов) и большинство находок византийских и восточных монет (В.В.Кропоткин, А.И.Семёнов, Т.С.Ноопан, Е.В.Круглов). На эту же территорию приходится большинство находок луков «хазарского» типа (А.И.Семёнов) и наивысшая концентрация находок металлических зеркал с длинной ручкой (А.А.Иванов), аналогичных бахмутинским, джетыассарским и кенкольским (Н.А.Мажитов, Л.М.Левина, И.Г.Равич, С.Э.Зубов)». (Г.Е. Афанасьев «О самоидентификации Хазарского каганата в IX в. (по данным системы обороны)». М.

2014). Эта - хазарская «Цимлянская оборонительная агломерация» (Камышевское, Левобережное и Правобережное городища), как ее теперь называют, не напоминает ли подобные усилия турок в Нижнем Поднепровье, предпринимавшиеся ими много позже в условиях казацких рейдов? Турецкое правительство в 16-17ст. также строило крепости на переправах, не в последнюю очередь для противодействия этим рейдам или раннего о них оповещения.

Тем не менее, будем пробовать, поскольку вынуждены будем согласиться, что именно этот регион и это время гибели волынцевской археологической культуры, наиболее подходят в качестве условий, породивших ту специфическую военизированную социальную группу, которую мы знаем под именем русов. Исходя из того знания, которое мы добыли предварительно. В теории, модель должна выглядеть таким образом, чтобы ядро сообщества было изначально славяно-скандинавским, с тенденцией к увеличению удельного веса последних, за счет пополнения прибывающими соотечественниками к концу 9ст. Это часть нашего послезнания, поскольку известно, что та династия, которая, в конце концов, пришла к власти, упрочив свое положение, имела скандинавские корни и активно использовала связи с этим северным регионом. Также как известно, что, на середину 10ст. «росские» названия порогов все еще имели скандинавское происхождение. По мере развития конфликта в него, вероятно, вовлекалось все больше зависимых и независимых от хазарской власти славянских сообществ, что в конечном итоге, при длительном противостоянии теоритически и должно было запустить процесс сложения надэтнической воинской субкультуры в Среднем Поднепровье, который кристаллизовался к временам Константина Багрянородного и Ибн Фадлана, зафиксировавших ситуацию с росами в своих сочинениях. На середину 10ст. четко видно, что в глазах греков росы – это люди из России. Не той – Внешней и подплатежной им, в связи с которой упоминаются шесть восточно-славянских общностей: древлян, дреговичей, кривичей, север, уличей, и полян — загадочных лендзян трактата. А той самой России, где все они традиционно сходятся. Отталкиваясь от нее и будем двигаться дальше.

Как представляют себе археологи расстановку сил в регионе накануне этого события?

«Во второй половине 8-начале 9в. на обширные пространства Юго-восточной Европы распространяется власть могущественного Хазарского каганата. Собственно Хазария охватывала треугольник от Нижнего Дона и дельты Волги до Терека и предгорий центральной части Кавказа. В степном Крыму, Приазовье, Подонье и Нижнем Поволжье кочевали покоренные хазарами болгарские орды, а верховья Дона, Северского Донца и Оскола населяли переселенные с Кавказа аланы (Плетнева 1986: с41-45). На севере власть итильских правителей признавали буртасы (бурт-с), волжские болгары (булг-р), савиры (с-в-ар), эрдзя (арису), черемисы (ц-р-мис), вятичи (в-н-н-тит), северяне (с-в-р) и радимичи или поляне (с-л-виюны). Политическая мощь каганата во многом определялась его выгодным географическим положением, позволявшим хазарам выступать в качестве торговых посредников между Европой и странами арабского Востока... Из Хазарии дирхемы шли в Восточную Европу по двум направлениям – волжскому и донскому. Первый, играл роль трансконтинентальной магистрали, связывал мусульманский мир с Прикамьем и Северной Европой. Вторым обслуживал потребности северных провинций Хазарского каганата. Он шел по Дону (аланы и донские славяне), с которого караваны попадали на Верхнюю Оку (вятичи) при посредстве волока, существовавшего еще в конце 16в...

Соблюдение своих интересов каганат мог осуществлять при помощи воинских контингентов, размещаемых в землях подвластных племен. В 1991г. на роменском городище «Гора Ивана Рыльского» (г. Рыльск) М.В. Фроловым было исследовано разрушенное погребение хазарского воина, сопровождавшееся захоронением коня и собаки, а также найденными неподалеку наконечниками двух втульчатых ромбовидных копий и характерными для степных древностей 8-9вв. железными двухсоставными удилами с гвоздovidными псалиями. Предположительно, предметы и кости были выброшены из округлой ямы, аналоги которой известны на некоторых могильниках салтовской культуры. По мнению исследователя, «обнаруженное погребение является несомненным свидетельством контактов обитавших на городище северян с кочевым населением степей на ранних этапах развития роменской культуры» (Фролов 1992: с14). Возможно, обнаруженное М.В. Фроловым захоронение свидетельствует о присутствии в Рыльске на рубеже 8-9вв. хазарского подразделения, контролировавшего стратегически важный район соединения шедших через Курское Посеймье торговых путей...Хазарскими форпостами могли быть также Супрутское городище на Упе, контролировавшее вероятный участок перехода из Дона в Оку, Чернигов, закрывавший выходы в Нижнее и Верхнее Поднепровье, и Киев, являвшийся плацдармом хазар на правом берегу Днепра. Оплотом хазарской власти на Днепровском Левобережье могло быть расположенное на р. Псел недалеко от г. Сумы (Украина) прекрасно укрепленное Битицкое городище. Вероятно, здесь находилась ставка хазарского наместника – тудуна и размещался отряд воинов, в обязанности которых входили сбор дани, отражение вражеских набегов и поддержание спокойствия среди зависимых от каганата племен. Население Битицы было многонациональным. Об этом говорят обнаруженные во время раскопок юртообразные жилища кочевников, сосуществовавшие с типичными для славян полуземлянками. Городище являлось и крупным ремесленным центром, в округе которого действовали гончарные мастерские, чья продукция находила сбыт на обширной территории Днепровского Левобережья». (А.В. Зорин, А.Г. Шпилев Перед Русью (Восточная Европа в 9ст.: опыт реконструкции. Северская земля и Хазарский каганат в 9в. 2009).

Читаем П.П. Толочко: «Откуда пошла русская земля» 2018, А.В. Григорьева: «Северская земля в 8- начале 11в. по археологическим данным» 2000, О.В. Сухобокова: «Земля незнаема»: Население бассейна Среднего Псла в 10-13вв.», Т.Н. Никольскую: «Земля вятичей», О.П. Моцю: «Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. (по данным погребальных памятников. 1987), различные статьи археологов на ту же тему (к примеру, А. Комар: Поляне и северяне) и,- попадаем в тупик. Пусть и начинаем различать славянские сообщества региона. Поскольку тот масштабный конфликт начала 9ст. действительно выглядит, совершенно, как местный «междусобой». Какой-то бунт против хазарской администрации, серия налетов на поселения, с большими жертвами и запустением многих территорий на днепровском Левобережье. Хазарские «Лоялисты» удерживаются в бассейне Северского Донца и Дона – это та самая «страна славян» из описания Ибн Русте «в 10 днях пути от печенегов» с царем, который имеет верховых лошадей: «У этого владыки есть верховые животные, а пища у него никакая другая, кроме как выдоенное из них молоко» - главой вассальной хазарам администрации. Мятежное население вынуждено спасаться на север и развивать приемы фортификации. На Левобережье они подвергаются набегам кочевников, как это было с Новотроицким городищем, но мало по малу, со второй половины 9ст. возвращаются на ранее утраченные земли, создавая цепочки укрепленных поселений по правым берегам притоков Днепра. Небольшие открытые селища группируются вокруг мысовых городищ с

укреплениями. Причем основной людской ресурс для заселения, к примеру, Черниговщины составили не только северяне, но и славяне Правобережья Днепра. Как пишет А. Комар, вероятно также присутствие в составе формирующегося населения и отдельных групп кривичей и радимичей (А. Комар Закономерности развития Среднего Поднепровья в IX–X вв. по археологическим данным 2012.)

Складывается впечатление, что они вынуждены выживать в режиме противостояния со степью. Кроме того – выходцы с Днепровского Левобережья развивают какую-то разбойную активность на Средней Оке, где периодически застают врасплох торговцев с севера, заставляя людей закапывать ценности, нарушая, таким образом, торговлю с Хазарией. И проблема в том, что земля этих людей, логично описывалась бы следующей за «страной славян», а следующими в описании Ибн Русте, следуют русы: «Что касается русов (ар-русийа), то они – на острове, окруженном озером». Где тут место для скандинавов, набегов викингов, и продвижения их интересов? А главное, в чем они могли состоять? Для 9 века нет никаких следов применения принятых в то время в Скандинавии типов строительства, – в том числе и укреплений, вооружений, кроме упомянутых мечей и одного наконечника копья. Ни других типов оружия, ни находок наконечников стрел, ни элементов защитной экипировки, ни типичных погребений до конца столетия. Зато кое-что из этого неожиданно есть рядом – на Северском Донце в районе Святогорской Лавры, и по результатам раскопок супрутского городища, контролировавшего переход с Дона в Оку – ответвление волжского торгового пути, действительно освоенного скандинавами. Оно погибло предположительно в самом конце 9ст. Этой же дорогой по Донцу некогда ходили днепровские казаки, спускаясь на Дон мимо Святогорского монастыря. «На берегах Северского Донца были найдены фрагменты скандинавского меча типа E (IX-X вв.) у села Татьяновка Славянского р-на Донецкой обл., фрагмент меча типа H (IX-X вв.) на городище у села Маяки этого же района и заклепка от скандинавского судна в культурном слое IX в. этого же городища» (Androshchuk F. What does material evidence tell us about contacts between Byzantium and the Viking world c. 800-1000 // Byzantium and the Viking World. Uppsala, 2016).

Что касается Супрут: *«Исследования Супрутского городища на р. Упе (правый приток Оки) в Тульской области (Григорьев 2005; Мурашева 2008) показали, что это поселение было одним из наиболее ранних мест проживания в Восточной Европе варягов (ок. середины IX в.), при этом в Супрутах выявлены выразительные следы влияния салтовской культуры, из чего можно сделать вывод, что, в Супрутах базировался варяжский отряд, находившийся на службе у салтовцев (Фетисов, Щавелев 2017: 71–72). Интересно, что ближайшие аналогии скандинавским артефактам из Супрут обнаруживаются на Готланде, что указывает «на возможный регион, откуда происходила супрутская группа викингов» (Мурашева 2008: 39)».* (М.И. Жих Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата).

«В связи с событиями рубежа 9-10вв. особый интерес представляют материалы разгромленного в то время городища Супруты в землях вятичей на Упе. Среди них обращает на себя внимание обилие предметов скандинавского и северного происхождения: котлы, весы, ланцетовидные наконечники стрел, роскошные удила в стиле Борре, гривны и фибулы с гранеными головками, ледоходные шипы, щитовидные подвески, ладейные заклепки. Во всем этом видится яркая иллюстрация к высказыванию Т.С. Нунана относительно «соперничающих между собой групп викингов», которые опираясь на местные племена, вели между собой борьбу за контроль над богатствами Восточной Европы». Подобной точки зрения

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

придерживается и В.В. Мурашева, считающая, что совокупность материалов Супрутского городища отражает процесс «установления викингами контроля над важнейшими речными путями Восточной Европы». По мнению исследовательницы, «городище являлось ключевым пунктом инфраструктуры этого участка пути и было занято некоей варяжской дружиной, превратившей его в «административный центр и в пункт сбора дани» (Мурашева 2006: с 199)...население Супрут, судя по всему, имело смешанный славяно-балто-финский состав, в быту и культуре которого прослеживалось значительное хазарское влияние. (Воронцова 2002: с109-119)». ((А.В. Зорин, А.Г. Шпилев Перед Русью (Восточная Европа в 9ст.: опыт реконструкции. Северская земля и Хазарский каганат в 9в.2009).

В этом Поднепровье у населения есть большие зерновые ямы и много мысовых крепостиц-острогов, где можно переждать внезапную облаву венгров, и, наверняка, много вооруженных людей, по такому случаю, но нет ничего, что привлекло бы сюда отряды викингов или наводило на мысль, что неприятности ждали с севера. Есть выходы к рекам, лодки однодеревки и возможность заниматься отхожими промыслами ниже по Днепру, вплоть до моря, но нет каких-либо сложившихся международных торговых связей или особо ценных в то время ресурсов. Как утверждают сейчас археологи, торговый путь по Днепру не работал до конца 9ст. Есть курганный обряд разных типов, как ингумации, так и кремации, особенно разнообразен он на Правобережье, но нет традиции богатого сопроводительного инвентаря. Исходя из того же послезнания, и анализа письменных источников, никто не оспаривает присутствия здесь скандинавов, но насколько оно могло быть представительным или определяющим для судеб этих краев, если за сто с лишним лет раскопок никто не смог в этом убедиться? Стоит ли так поставить вопрос? Поскольку же, кроме того, теперь мы знаем, что это за «остров», наконец возникает крамольная мысль – насколько справедливо для 9 века тождество русы=скандинавы?

Чтобы передать имя своего сообщества местному славянскому населению, необходимо было оставить после себя нечто большее, чем то, что мы можем констатировать, пусть письменные источники и не оставляют выбора. Это правда, с ними нельзя не считаться, еще столетием позже Ибрагим Ибн Якуб (912-966), арабоязычный еврейский путешественник из мусульманской Испании, сообщал о русах, на основании собранной им в Европе информации, что они живут на восток от Мшки (Мешко, князь польский), то есть от поляков, что они и славяне приходят из Кракова с товарами в Прагу, что они с запада нападают на кораблях на Брусов (прусов) и что на запад от них находится город женщин. Далее, он замечает, что из земли славян товары доходят морем и сушей до земли русов и до Константинополя, и что главные племена севера говорят по-славянски, потому что смешались с ними, например Ал-Тршин (?) и Анклий (?), и Баджакия (печенеги), и русы, и хазары. «[Русы] говорят по-славянски, потому что смешались с ними (славянами)». Примерно в это же время Константин Багрянородный упоминает о «росских» названиях порогов, в которых лингвистами уверенно опознаются – древнескандинавские корни. Однако, когда это «смещение», по представлениям тогдашней Европы, могло произойти, если археология отмечает появление скандинавов в Среднем Поднепровье лишь в конце 9ст., а Баварский географ передает их самоназвание явно не в скандинавской форме уже к середине того столетия?

Как отмечал Х. Ловмянский в своем исследовании «Русь и норманны» в связи с изучением следов скандинавской топонимики Руси: «Даже если учесть, что поселения на юге были крупнее по размерам, чем на севере, и потому играли большую роль в процессе колонизации, поражает, что главный политический центр Руси, Киев, не привлекал

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

скандинавов: в бывшей Киевской губернии едва наберется 5 скандинавских названий. Зато они гораздо многочисленнее в бассейне Волги...».

Конечно, на данном этапе, это будет дерзкое утверждение, но или мы ошибаемся с нашим «островом» не смотря на все «дорожные знаки» источников указывающие на него, или вся норманнская теория с ее постулатом русь=скандинавы, и тут археология в качестве немого арбитра нас не рассудит, увы. Не помогут и попытки сдвинуть хронологию летописного прихода варягов в Киев на более позднее время, не помогут и фрагменты дошедших до нас византийских знаний. Срезать углы не получится. И как быть в таком случае? Сдаться или довериться выявленным ориентирам и копать дальше? Работать уже с сомнительными легендами и мифами, которые так не любит критика?

Ромеев и их письменные источники в непоследовательности и противоречиях касательно информации об их северном соседе не обвинял, кажется только ленивый историк. Когда мы читаем первую гомилию византийского патриарха Фотия (820—896) на шествие росов, произнесённую им, как известно, с кафедры собора Святой Софии в Константинополе перед горожанами во время нападения флота росов на столицу Византии летом 860 г., кого он имел ввиду, скандинавов?

«Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный — но получивший имя от похода на нас, неприметный — но ставший значительным, низменный и беспомощный — но взошедший на вершину блеска и богатства». Характеристика: «имеющий дерзость [в качестве] оружия», естественно, больше подходит восточным славянам, у которых с их болотными рудами, кузнечное дело традиционно не было развито из-за отсутствия доступа к железу богатому на содержание металла, также как и «причисляемый к рабам», поскольку венгры, согласно источникам, после набегов, продавали людей ромеям на рынках Крыма. «Маджгарийа нападают на русов и саклабов и продают их в Рум как рабов». (Гардизи — персидский географ и историк). Зная историю Украины можно прикинуть, каково было выживать в этих межующих со степью краях в 9-10ст. Или, к примеру, кого имел ввиду Константин Манассия (1130-1187) когда писал свою «Всемирную хронику», в которой славянские союзники авар, штурмовавшие с моря Константинополь в 626 году, названы «тавроскифами»? Скандинавов? «Византийский историк Феофан указывает, что войска прибыли с Истрии на большом количестве долбленых лодок, заполнивших весь залив Золотой Рог 26). Патриарх Никифор писал, что множество славян действовало в союзе с аварами. Славяне бились на лодках-однодеревках. Среди погибших находились и женщины-славянки 27). Другой историк Константин Манассия, который при написании своей хроники в XII в. пользовался более ранними источниками, славян, принимавших участие в осаде Константинополя, называет тавроскифами, жившими вокруг Таврии: "Дабы никакая из напастей людских не превзошла беды того времени, судьба подняла на греков и все народы, обитающие в окружи Таврии. Князя жестоких тавроскифов, собрав корабли с несчетным числом воинов, покрыли все море ладьями-однодеревками. Перс был подобен колючему скорпию, злобный скиф — ядовитому змию, тавроскиф — саранче, что и ходит и летает" 28)». В другом месте манассиевой хроники (в среднеболгарском переводе) есть выражение "корабли таврских скиф" с глоссой "ветри руси". откуда, по мнению И. Дуйчева, совершенно ясно, что корабли таврских скифов — корабли русов 29). Это известие напоминает рассказ древнерусского хронографа (по редакции 1512 г), в основу которого положен ряд византийских источников о множестве тавроскифов, союзников скифского кагана,

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

приплывших на кораблях — деревянных ладьях 30)». (Я. Е. Боровский Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград). Понятно, что этот византийский автор экстраполировал современные греческие представления о росах 12ст. на времена более ранние, но под «тавроскифами, жившими в округии Таврии» разве он имел ввиду скандинавов?

Но, тем не менее, как утверждают их источники, русы - «от рода франков», т.е. германцев. Впрочем, часто, как и славяне. Феофилакт Симокатта, еще в 7 столетии отождествлял славян с готами. В связи с убийством киевского князя Игоря, Лев Диакон называет убийц князя – германцами, между тем из киевской летописи известно, что тем способом казнили его древляне. Некоторые другие византийские писатели поступали таким же образом, поясняя, что готами называли – скифов, т.е. жителей областей к северу от Черного моря, и что именно эти готы использовали для своих морских экспедиций монохилы. (см. А. П. КАЖДАН: КОСЬМА ИЕРУСАЛИМСКИЙ И ПОХОД РУСИ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ). Тем не менее, «русь» последовательно отделяют от славян, и откуда происходят все эти противоречия в византийской традиции, никто объяснить нам не спешит. Да, надежные исторические источники, и не только византийские, действительно не оставляют выбора. Они давно переведены, признаны, введены в научный оборот и, игнорироваться не могут. Мертвые молчат, нам же остается только недоумевать. Каким образом, некая предполагаемая, немногочисленная и невидимая группа скандинавов по непонятным причинам осевшая в Среднем Поднепровье, за пол столетия успела сообщить тамошним славянским территориальным сообществам свое имя? В идеале, как утверждают лингвисты, сделала это – при финском посредничестве. Причем, эта восточно-европейская дружинная корпорация среди византийцев уже успела прослыть в таком нелюбимом качестве, как - «многими многократно прославленные и в жестокости и скверноубийстве всех оставляющие за собой росы, которые, поработив находящиеся кругом себя и отсюда помыслив о себе высокое, подняли руки и против Ромейской державы» («Окружное послание» патриарха Фотия 867года). Кем прославленные, когда, какими многими? Вопросом, как такое возможно, исследователи задаются довольно давно, но, по большому счету, без особого результата. Как сейчас мы. Даже не зная, где находился тот «остров» и был ли он вообще, даже при определенном доверии к Повести временных лет. За исключением самых «умных». Те сразу списывают все на риторические приемы, склонность к преувеличению, заблуждения информаторов, ошибки переписчиков и т.п. штуки присущие средневековью, избавляющие от внимательной работы с источниками. Именно данный вопрос питает антинорманизм, не давая этому направлению сойти на нет вот уже более двухсот лет. Сегодня, далеко не всегда причина в «ложно понимаемом патриотизме». Многие просто хотели бы разобраться в этой головоломке, особенно, когда археология давно уже старается помочь в решении данной проблемы. Но официальная российская историческая наука в лице ее союза скандинавистов-византинистов на помощь никому не спешит.

Как нам объясняют М.В. Бибииков, Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин в своей статье «Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики» 1999 года: *«Стремление некоторых исследователей интерпретировать название рос в памятниках первой половины IX в. в качестве обозначения восточных славян, населявших Среднее Поднепровье, как представляется, противоречит данным источников, в первую очередь соотносению в них наименований рос и славян или конкретных восточнославянских этнонимов. Во-первых, ни в одном византийском источнике IX - середины X в. не содержится отождествления росов и славян.*

Напротив, эти наименования употребляются отдельно друг от друга, в ряду прочих этниконов. Продолжатель Хроники Феофана перечисляет состав войска, в котором между армянами и фракийцами помещаются "рос" и славяне. Во-вторых, в тех, не слишком частых, случаях, когда автор определяет этническую принадлежность росов, они рассматриваются как "франки", т.е. выходцы из Западной Европы: "росы, происходящие от рода франков". Таково определение их этнической принадлежности в хрониках Псевдо-Симеона, Георгия Амартола по Ватиканскому списку, Продолжателя Феофана. В-третьих, при перечислениях этнических групп в Восточной Европе или их описаниях восточные славяне и росы последовательно разделяются и даже противопоставляются. Это особенно отчетливо прослеживается в трактате "Об управлении империей" Константина Багрянородного, который, не давая эксплицитной этнической характеристики росов, четко отделяет их от славян (кривичей, дреговичей и др.) как по социальному признаку, так и по языковому, что в терминах средневековой историографии соответствует этническому. Косвенные свидетельства того, что византийцы под росами понимали скандинавов, находят прямое подтверждение в многократно обсуждавшемся пассаже Вертинских анналов под 839 г., где сообщается, что пришедшие от Феофила к Людовику Благочестивому росы оказались при ближайшем рассмотрении "от рода свеонов". Таковым было понимание этих этнонимов и самими славянскими переводчиками византийских хроник, которые в пассаже "рос... из франков" заменяли этноним франки на варяги, под которыми древнерусские авторы подразумевали скандинавов».

И все это частично, правда, никакого заговора норманистов. За исключением того, что византийцы вполне себе различали франков-германцев и фулитов-скандинавов. Однако, как тут и сказано, если даже не брать в расчет косвенные свидетельства о послах, ромей числили «росов» от рода франков, а не славян. Однако в чем главный подвох, и о чем действительно стоило бы говорить - почему так сложилось в византийском летописании? Вдруг нас не удовлетворит такое простое объяснение. Ведь не только мы можем обманываться. Если наука, каким-то образом, где не становилась в этом «росском» саду камней, благодаря усилиям адептов неонорманизма, так и не заметила, что их на один больше, то, что мешает нам предположить, что рисуемая ею картина не только не полна, но и, возможно, ошибочна? Ошибочна, именно в части главного своего постулата о том, что «русь» 9ст. н.э.- это сообщество скандинавское. Я понимаю, что тут посягнул уже не на российский извод «норманнской теории» с его варяжской басней, а на целый пласт исторических источников косвенно указывающих на скандинавское происхождение данного сообщества, который знаком историкам по всему миру и определяет их понимание происхождения Руси. Но, что будет, если мы все-таки доверимся ориентирам источников и посмотрим, куда они нас выведут?

Как мы можем заметить наличие самого этого подвоха, если откажемся искать дружины неуловимых скандинавов в Среднем Поднепровье 9 века? По хорошему знанию переводов европейских письменных источников, связанных с данной темой. В том числе и тех из них, которые в варяжскую гипотезу никак не вписываются. Они то, давно объявленные продуктом заблуждений отдельных ученых средневековья или просто – загадочными, более всего и сигнализируют нам о подлинных причинах этой противоречивости средневековых взглядов на росов. Здесь начинается для вас самое интересное, о чем не рассказывают книги «неонорманистов» и что игнорирует российская историческая наука.

Многие уже обращали внимание на то обстоятельство, что некоторые средневековые письменные источники без всяких объяснений почему-то удревняют историю руси, более того, временами, ставят ее совершенно в другой географический контекст, что всегда списывалось на счет сочинительства и фантазии средневековой европейской культуры. Как, впрочем, и наделение реальных носителей этой истории абсолютно чуждыми им архаичными прозваниями – рутены, руги, - якобы по созвучию. И я тут не только про немецкие сказания об Ортните или норвежскую «Тидрек-сагу» 13ст. о временах переселения народов – «собрание северных саг, почти единственный источник германской героической саги», как о ней пишут, где фигурируют «Rúzimöppum», явно пристегнутые составителями к средневековой Руси. Но и о целом ряде других, якобы ничего не стоящих для науки и восстановления событийной канвы истории, свидетельств, о которых знают все интересующиеся вопросом. Вот как, к примеру, об этом же пишет Е.С. Галкина в своей книге «Тайны русского каганата»: *«Проблема происхождения этнонима «русь» — одна из самых сложных и запутанных. И во многом потому, что это название встречается в Средние века в самых разных областях Европы, обозначая явно не одно и то же. Русов знают и арабы, и персы, и франки, и византийцы. Когда впервые состоялось знакомство этих народов с русами — определить очень трудно. С одной стороны, во многих поздних сочинениях, когда уже широко была известна Киевская Русь, а потом и Московия, в рассказах о событиях II—VIII вв. называются русы. Византийский писатель XIV в. Никифор Григора упоминает русского князя, служившего при дворе императора Константина в начале IV в. Составленная в Московской Руси Степенная книга, излагая в форме генеалогий историю Руси от Рюрика до Ивана Грозного, рассказывает о битве римского императора Феодосия (379—395) с «русскими вои». Там же говорится о нападении русов на «Селунский град» (Салоники). В VI в. в Причерноморье и на Кавказе восточные авторы начинают упоминать русов. Но делают это в основном авторы XI—XVI вв. Единственное современное сообщение — рассказ неизвестного сирийца, обычно именуемого Псевдо-Захарией, о народе рос в Северном Причерноморье, жившем по соседству с амазонками, песьеголовыми и другими фантастическими племенами. Подобное сообщение вызвало естественное недоверие ученых, многие из которых поспешили объявить росов Псевдо-Захарии ременищенцией упоминавшегося в Ветхом Завете термина «наси-рош» (в переводе с иврита «верховный глава»). Якобы в результате неточного перевода на греческий — «князь Рош» — возникло представление о мифическом народе росов, живущем на краю света».*

О чем рассказывает «Степенная книга» XVI в.: «еще же древле и царь Феодосій Великій имеяше брань с Русскими вой, его же укрепи молитвою велікій старецъ Египтянинъ именемъ Иванъ Пустыинникъ»? Как отмечал А.Г. Кузьмин, сведение это было заимствовано, скорее всего, из жития Ивана Пустыинника и, следовательно, также имело отнюдь не древнерусское происхождение.

Да и далеко не она одна. В. В. Мавродин: *«Термины «Русь» и «рось» - очень древнего происхождения и встречаются в разных местах. Термин «галл» отложился в названиях Галлии, Галиции и Галатии; термин «ибер» или «ивер» - в названиях Иверии, Иберии, Ибернии. Все это говорит за то, что одно и то же наименование этнического порядка может отложиться в названиях стран, очень отдаленных друг от друга. Мы не знаем, когда термин «русь» появился на севере. И нам хорошо известно, что термин «рос» появился на юге очень давно. Если говорить о племенных наименованиях и отбросить библейские «рос», то на юге восточной Европы народы, в имени которых встречается*

термин «рос», начинают упоминаться со времени сарматов. Я имею в виду роксаланов («светлых», т.е. белых, господствующих аланов?), аорсов, росиев (rosaye) Ефрема Сирина (IV в.), росомонов Иордана и sag о Германарихе, hros Псевдо-Захарии (VI в.). Кто были они, эти народы «росского» начала? Один и тот же ли народ носил это название? Думаю, что нет. Тут были и народы иранского происхождения (роксоланы), и племена, родственные связи которых установить не представляется возможным. Некоторых из них связывают с германцами (термин «розомены» сближается с маркоманами, hros Псевдо-Захарии объявлялись герулами, как это, например, имеет место у Маркварта), других – с иранцами (аорсы, роксоланы) и т.д. От них перебрасывают мостик к ruzzi Географа Баварского, «ros»-ам Бертинских анналов и т.д. и т.п., т.е. к «доваряжской Руси», которая столь часто фигурировала в спорах антинорманистов с норманистами. За последнее время принято считать rosaye, hros, розомонов не кем иным, как русскими – славянами, одним из бесчисленных племен антов. Может быть. Пока что все это – лишь догадка» [Мавродин, 2009, с. 416-417].

В связи с этим, можно припомнить и старославянские «Жития Константина-Кирилла», где есть рассказ о пребывании будущего создателя славянской письменности в Херсонесе (Корсун) в 861г.: «Обрѣте же ту Евангѣлье и Псалтырь, русьскы писмены писано, и чьловека обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою. И бесѣдовавъ с нимъ и силу рѣчиприимъ, своеи бесѣдѣ прикладая различно писмена гласная и съгласная. И къ Богу молитву держа, въскорѣ начатъ чисти и сказати. И мнозѣся ему дивляху, Бога хваляще». Что это было, описка переписчика? Какие писмена это были, - Библия на готском или «сурские», т.е. сирийские, как считает сейчас большинство, полагая, что переписчик ошибся? Что имел в виду перс Фахр ад-дин Мубарак-шах, когда писал в 13ст., что: «У хазар тоже есть письмо, которое происходит от русского; ветвь народа румийцев (греков), живущая около них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего 22; (больше букв нет); большая часть этих хазар, которые употребляют это письмо, — иудеи»? Единственную рукопись его сочинения нашел в Лондоне В.В. Бартольд. На какой тип письма похожи тюркские руны? Многие обращали внимание на сходство их со старшим футарком германцев (3-9ст. н.э.) И те и те записывались, правда, справа на лево. Все это имеет какое-нибудь отношение к скандинавам эпохи викингов или можно говорить о баснословии средневековья? Историю, про каких «росов» рассказал однажды Федор Успенский, в связи с взятием Константинополя крестоносцами в 1204г.?

«На площади Тавра стояла колоссальная медная статуя, вывезенная из Антиохии. Ее считали и за изображение Иисуса Навина, указывавшего на западную страну Гаваон, и за Беллерофонта на Пегасе; хотя, казалось бы, трудно смешать столь различные сюжеты. На пьедестале, по Кодину (поздняя редакция так наз. Патриа, или «Древностей» города), были рельефные изображения будущих судеб города и русских, которые его опустошат. В копыте колоссального коня была заложена статуэтка варвара, но франки, разбив статую на мелкие куски, не позаботились, по словам Хониата, разобрать, что было написано на статуэтке, и ее также бросили в огонь». (История Византийской империи. Федор Иванович Успенский)

Она фигурирует и у Никиты Хониата и в т.н. «Патриях Константинополя» 10 века, в разделе о статуях, каковой авторы компиляции приписали Иоанну Лиду - византийскому чиновнику VI в., автору нескольких книг, посвященных антикварным изысканиям, историку-хронографу. И выглядит так:

II. Патрии Константинополя. О статуях[224]

[Из Иоанна Лиды]

47 (48). О Тавре. На Тавре стоит статуя Феодосия [I] Великого, которая раньше была серебряной. Там он принимал послов от народов. Там же были сперва дворец и гостиница римлян, а именно в так называемом Алониции. Наверху большой колонны была поставлена статуя Феодосия[352], а его сыновья стоят: Гонорий наверху каменной арки к западу, Аркадий же на восточной каменной арке, над прекрасными большими четырехгранными столпами[353]. Посередине же двора гигантская конная статуя, которую одни считают Иисусом, сыном Навина, а другие — Беллерофонтом; привезена же она из Антиохии Великой[354]. На четырехгранном постаменте конной статуи, высеченном из камня, выбиты рельефы с изображением последних дней Города, когда росы разорят Город. А подножием [статуи служит] маленькая человеческая фигурка из бронзы, связанная и коленапреклоненная, которая держится за левую ногу гигантского коня, и она обозначает, что там написано[355]. Точно так же там огромная полая колонна[356]. А Ксиролоф содержат изображения последних дней Города и его взятия, высеченные в рельефах.

Комментарии к этому тексту даны такие: 354: *Par. считают ее статуей Феодосия I (379–395), но в реальности это было изваяние Феодосия II (408–450). Беллерофонтом всадника считали потому, что у коня не было упряжи, как у Пегаса, а Иисусом Навином — потому, что он протягивал руку к закату.*

355: Это было изображение покоренного варвара, вероятно, на пьедестале статуи тетрархов.

356: Триумфальная колонна с винтовой лестницей внутри.

(Легенды Царьграда 2022. Виноградов А.Ю, Кравченко А.А, Яковлев А.Н.)

Как это все понимать? Достаточно ли намеков в этих исторических источниках на то, что проблема с двойным дном? Можно ли извлечь из подобных сведений крупицу реальности, была ли она в них? И думаю, хватит ходить вокруг да около.

Теперь уже предваряющий тезис – имя, которое получило это сообщество в том далеком 9м столетии, не скандинавское, оно не имеет скандинавского происхождения, которое ему приписывают. Лингвисты ошибались! Никакого отношения к скандинавам эпохи викингов оно также не имеет. Для Украины оно местное и происходит от древнегерманского топонима, а точнее - гидронима. При том, что скандинавы, действительно участвовали в сложении этой изначально славянской субкультуры Среднего Поднепровья, как впрочем, видимо, и не только они. Что это была именно социальная группа, вам должно быть ясно уже и так. Благодаря предпринимательской активности скандинавских обществ в Восточной Европе сложилась цепь форпостов вдоль волжского пути, либо, как в случае с Полоцком или Гнездово – выводящих на него. Однако никакого отношения к русам до своего включения в состав подконтрольных им территорий, все эти «варяги» не имели. **Не скандинавы продвигались на юг, захватывая территории, а княжеские тамги правителей русов, шли на север. Шли вслед за дорогой пушниной и контролем торговых маршрутов проходивших из Северной Европы на Волгу.**

И сегодня все это можно сделать более менее очевидным для любого, кто заинтересуется вопросом. Вопреки тому, что вы привыкли читать и слышать в связи с данной темой. Как и доказать, что Начальная летопись в своей вводной части, где теперь рассказывается о призвании варягов и захвате ими славянских территорий, была искажена. Не содержа первоначально такой информации, она подверглась серьезной переработке только после монгольского нашествия. **Изначально, ни о каком транзите власти с севера на юг в ней речь не шла и не могла идти!** Доказать, на основании тех же письменных источников, информация которых остается неизменной вот уже довольно давно. Как бы это внешне претенциозно не звучало. Ей просто пользуются выборочно. Я сожалею, что должен писать об этом вразрез с мнением науки, и что все это выглядит как очередная «сенсация», однако что мне остается? Понимаете ли, то, что я покажу, должен делать не я, а российская официальная наука в лице своих скандинавистов, но этого от них вы не дождетесь. Поскольку никто из них сам себе вредить не будет. Никто не хочет стоять у истоков слома одной из главных российских идеологем.

Причина двойственности того взгляда на росов, который мы наблюдаем в византийском летописании, основана не на противопоставлении славян и скандинавов. Она объясняется, скорее, тем обстоятельством, что для греков «росы» – это, по-простому, изначально те, кто занимают «Росию», и никто другой! А подвох в том, что для византийцев, с их развитым чувством историзма, это место, - украинское Запорожье, издавна, еще до появления там среднеднепровских славян, ассоциировалось с одной знаменитой у них «скифской» общностью, «от рода франков», которая, таким же образом, использовала тот же район задолго до руси 9 века. Удивительно? Использовала, не по случайному совпадению, а, как уже должно быть, вы догадываетесь, в силу того же пресловутого географического детерминизма, который довлеет над этими краями всю их доиндустриальную историю. **Именно ее, как нам и предстоит вычислить, называли «народ рос» и именно ее древнегерманское имя греки перенесли на славян, освоивших Днепровский Великий Луг.** Другими словами, славянская воинская субкультура, оформившаяся, как подсказывает нам археология, в Среднем Поднепровье в 9 ст. в ходе противостояния с Хазарией, с укоренением ее присутствия в Запорожье, по той же известной нам из истории днепровских казаков Украины модели, посчитана была греками, за славянизированных потомков, наследников и продолжателей варварских дел древних германцев, еще эпохи переселения народов! Такая вот забытая непредвиденная коллизия, случившаяся, скорее всего, из-за одного маленького лингвистического нюанса. Причем именно с подачи греков и через их посредство, подобный взгляд с 9 ст. усвоили всюду в Европе, также как и на мусульманском Востоке, что нас сейчас с толку и сбивает, заставляя всюду искать скандинавский след. И этот странный на наш сегодняшний взгляд греческий концепт, понятно, имеет больше общего с историей идей, а не реальности. Таким образом, помимо невидимого «острова русов» проблема имеет еще одно неучтенное измерение – временное, что и делало ее всегда настолько трудно постижимой. Как это можно прояснить без всяких ухищрений и манипуляций, которые так любят наши северные соседи?

В цитированном абзаце выше отрывке В. В. Мавродин упомянул неких «rosaye, hros, розомонов». Об этих древних именах и пойдет речь. Не как о славянах, к разочарованию бойцов исторического фронта, разумеется, и не из-за простого созвучия этих древних имен с нашими «росами». Почему? Потому что дело далеко не только в созвучии, и у нас, как вы скоро убедитесь, есть ключи к решению этой давней загадки. Причем, что самое необычное, вот уже четверть века! При полном игнорировании со стороны российской

исторической науки. И первый из них это то, что датский хронист Саксон Грамматик (1140-1216) в своих «Деяниях данов», неожиданно называет «геллеспонтиками» тех, кого, как мы знаем, гот Иордан, за шесть с лишним веков до него, упоминает, как «росомонов». О них уже упоминалось в пятой главе, в связи с вопросом, знали ли скандинавы эпохи викингов византийский «Геллеспонт». Упоминает единственный раз, к сожалению, но пока нам будет достаточно и этого. Можно посмотреть, куда выводит эта едва различимая дорога.

Глава 7

РОСОМОНЫ

Злые дела

там свершились,

когда наступило

печальное утро;

в утренний час

черные мысли

о бедах людских

скорбны бывают!

Не нынче то было

и не вчера,

это свершилось

в давнее время,

даже не в древности -

в годы древнейшие;

Гьюки рожденная

Гудрун звала

сынов отомстить

за дочь свою Сванхильд. (Речи Хамдира Старшая Эдда)

Вслед за тем они построили себе град в середине мира и назвали его Асгард, а мы называем его Троя. Там стали жить боги со всем своим потомством, и там начало многих событий и многих распрь на земле и на небе. (Младшая Эдда)

Итак, если мы хотим хоть что-то рассмотреть за этим туманом времени, нам придется довериться ориентирам и идти дальше в прошлое. Осторожно, всматриваясь в очертания, и боясь оступиться при спуске. И говорить больше не о том, что было, а о том, что мы знаем про то, что было. Поскольку никто не скажет наверняка, сколько правдивого содержат те немногие латинские источники, которые дошли до нас от эпохи заката Римской империи. Их сведения нередко уникальны и не поддаются верификации. Там еще темнее, чем в 9 веке, с которым нам приходится иметь дело, и что тогда происходило в Европе, историки представляют лишь в общих чертах, хотя археология

делает успехи и здесь. Теперь о подмеченном «совпадении» и том, куда оно нас выводит. Во времена императора Юстиниана некий гот по происхождению – Иордан, пишет на латыни трактат «О происхождении и деяниях гетов», где излагает историю своего народа. Кем был этот человек, откуда – ничего толком не известно. Его имя мы знаем только потому, что он сам упомянул его в данной работе. Про объект его внимания нужно сказать, что первопроходцем автор не был, о чем, опять же, известно, главным образом, только благодаря его книге. Иордан, пользовался многими утраченными источниками, равно как и готскими преданиями и в этом усматривают главную ценность его трактата сегодня, хоть многие и критически относятся к сведениям этой работы. Обосновывая древность готского народа, он обстоятельно рассказывает о нем и его правителях, начиная с переселения из Скандинавии, заканчивая падением остготов в Италии в его время. Не обходя стороной и то драматическое время, которое мы теперь называем «эпохой переселения народов», когда в Европу вторглись гунны, спровоцировав эффект домино и волны миграций племен. Как известно одними из первых этим движением охвачены были готы, вынужденные покинуть территории своего проживания в Скифии. Предание, изложенное Иорданом, рассказывает, как это случилось. Якобы гунны, проживая по ту сторону Дона, враждуя со скифами, в середине 70х гг. 4ст. случайно узнали о бродячке через Азовское море, которым можно было пройти в Скифию. Олень показал его их охотникам, а за ними ворвалось туда и войско гуннов. Так представляли впоследствии начало той грандиозной эпопеи, основательно перекроившей этнополитическую карту Европы римляне. И именно в связи с теми событиями, предшествовавшими гуннскому вторжению в Северное Причерноморье, Иордан упоминает некий «Rosomogum gens infida». Делает это всего один раз, больше нигде не употребляя это имя. В связи с поражением остготов проживавших в Днепро-Днестровском междуречье и смертью их легендарного правителя из рода Амалов – Германариха. История эта выглядит у него так:

«Когда геты увидели этот воинствующий род – преследователя множества племен, они испугались и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага. Германарих, король готов, хотя, как мы сообщили выше, и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени (росомонов), по имени Сунильду, за изменнический уход (от короля), ее мужа, король (Германарих), движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Амми, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечем. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту часть (готов, которую составляли) остроготы; от них везеготы, следуя какому-то своему намерению, уже отделились. Между тем Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами».

И записана она была, по крайней мере, Иорданом, примерно через двести лет, после предполагаемых событий в Поднепровье. Стоит себе давать отчет в этом. Об этом загадочном свидетельстве дискутируют, со времени становления исторической науки, по сей день. Дело в том, что в перечне подчиненных Германарихом племен, который несколько ранее приводит Иордан, никаких «росомонов» нет. А виновато в этом, главным

образом, не само то резонансное событие, оформившееся со временем в легенду, вариации которой дошли до нас, а созвучие и семантическое совпадение их древнего имени с нашим «народом рос», на что в России обращали внимание очень давно. Однако никакой устоявшейся точки зрения на значение этого имени или связь с каким-либо конкретным этническим сообществом прошлого, к сожалению, до сих пор так и не сложилось. Согласие заканчивается на том, что упомянутые имена – германские. Также, давно замечено, что этот же сюжет долгое время бытовал на Севере, в Скандинавии, где и был записан в 13ст. В «Старшей Эдде» — сборнике древнеисландских песен о богах и героях скандинавской истории он фигурирует сразу в нескольких. Большая часть ее героических песен основана на сказаниях южногерманского происхождения, потому, братья, напавшие на готского короля, их мать и сестра, по происхождению неожиданно оказываются из бургундского эпического рода Гьюки (Нибелунгов). Что, в общем-то, если судить беспристрастно, намекает на искусственное соединение двух сюжетов, один из которых – скандинавский, с нападением на Германариха, - много младше южногерманского эпоса, на который и ориентировались на Севере. Он явно довольно поздний, заимствован у византийской культуры и никакого отношения к устной традиции не имеет. Но, что для нас более важно, он присутствует также и в «Деяниях данов» Саксона Грамматика, во вполне прозаическом изложении, о чем часто забывают, где, как и в скандинавских эддических песнях, чувствуется хорошее с ним знакомство. Такое, которого однозначно не мог дать один лишь труд Иордана.

Скандинавская традиция ничего, кстати, не знающая в отличие от Повести временных лет о племени «русь», знает росомонов из тех же древних южнонемецких сказаний. Знает под именем «Rúzimönnum» из норвежской «Тидрек-саги» о временах остготского короля Теодориха Великого (451- 526), в которых всегда видели просто «русских людей», задним числом почему-то включенных в германский рассказ о древних временах. Но в связи с сюжетом о покушении на легендарного готского правителя нигде их не упоминает. Зато действующих лиц той же драмы Саксон, по какой-то причине, называет знакомым уже нам именем «геллеспонтиков». И это такой же упрямый факт, поддающийся нехитрой проверке, как и наличие росомонов в Гетике. Это-то странное наблюдение нам и предстоит как-то попытаться объяснить.

Как это было? В восьмой книге его «Деяний данов» они упоминаются уже в третий раз. На этот раз из-за конфликта с Ярмериком – Германарихом, фигурирующим там, в качестве 51 короля Дании, находящегося на пике своего могущества. Так поясняют нам комментаторы этого труда. Полный перевод, кстати, издан был лишь недавно, в 2017г. и работал над ним А.С. Досаев. Благодаря усилиям немногих заинтересованных в исторических исследованиях россиян, он теперь доступен широкому кругу людей. В том числе и тем, кто интересуется проблематикой «варяжского вопроса». Написанное Саксоном, касательно готского правителя выглядит так:

«Устроив, таким образом, дела у себя дома, он снова обратил свои ненасытные помыслы на чужеземные страны. Отправившись в плавание, он встретил в море четырех братьев родом из Геллеспонта, мужей искусных и опытных в разбойничьих походах. Недолго думая, Ярмерик вступил с ними в бой. Битва продолжалась три дня, после чего он оставил сражение и заключил с ними мир, получив их сестру в жены и половину податей, которые они наложили на покоренные ими народы».

Сказка имеет продолжение, и мстительный советник правителя строя против него козни, оговаривает его жену, Свавильду, обвиняя ее в измене. Доведя дело до казни - по ней таки прогнали табун лошадей, он бежит к ее братьям:

«...и Бикко, испугавшись наказания за свое несправедливое обвинение, отправился к братьям в Геллеспонт и рассказал им, что Свавильда была предана своим мужем позорной смерти. Когда те на своих кораблях вышли, чтобы отомстить за свою сестру, Бикко вернулся к Ярмерику и объявил ему, что геллеспонтцы готовятся к войне с ним. Посчитав, что безопаснее воевать из-за стен, чем в открытом поле, король отступил в ту крепость на скале, которую сам прежде и возвел. Для того чтобы выдержать продолжительную осаду, он завез внутрь много съестных припасов, а стены с зубцами заполнил воинами. Верхний ярус здания украшали висевшие повсюду сверкавшие золотом щиты и прочие доспехи. Случилось же так, что при разделе захваченной добычи, геллеспонтцы обвинили значительную часть своих людей в том, что те незаконно присвоили себе часть добычи, и всех их перебили. В кровавой междоусобице у них погибло так много воинов, что, посчитав, будто оставшихся сил им будет недостаточно для взятия этой крепости, они прибегли к помощи колдуньи по имени Гудруна. Она сделала так, что все воевавшие на стороне короля воины неожиданно ослепли и обратили свое оружие друг против друга. Увидев это, геллеспонтцы построились «черепашей» и принялись подступать к воротам. Затем они вырвали столбы на которых держались ворота, и ворвались во внутренние помещения замка, сокрушая на своем пути фаланги ослепших воинов. Во время этого замешательства явился Один, который, стремительно бросившись в самую гущу сражающихся, своей божественной мощью вернул данам, к которым всегда относился с отеческой заботой, отобранное у них с помощью колдовских чар зрение. Он также посоветовал им чаще метать во врагов камни, так как геллеспонтцы умели при помощи заклинаний делать свои тела неуязвимыми для копий. Это взаимное истребление закончилось тем, что пали обе рати, а Ярмерик потерял в бою обе руки и ноги, так что его обрубленное туловище каталось среди мертвых тел. Ему в королевстве наследовал Бродер, человек весьма малопригодный для управления страной».

Так выглядит это сказание в датской хронике Саксона Грамматика. Никаких «росомонов» в ней нет, только «Геллеспонт» и «геллеспонттики». Можете проверить. И вот, оказывается неожиданно так, что автор 13ст. уверенно демонстрирует нам, что знает про них больше, чем рассказал, тем, кто знал латынь Иордан. Пусть мы и не понимаем, какими источниками он пользовался, почему упоминает их в качестве морских пиратов и почему продлевает их деятельность до времен викингов. И вся проблема в том, что сюжет этот у него долгое время не замечали, переводу этому всего несколько лет, а на латыни искать его в голову, видимо, никому не приходило. Российский научный официоз его вообще пропустил. Скандинавская традиция пересказывает историю росомонов Иордана, называя их «геллеспонтниками»; сюжеты с ними связанные и имеющие отношение к эпохе викингов напоминают сюжеты Повести временных лет – сожжение города с помощью птиц, нападение на правителя под видом торговцев, но российские скандинависты и бровью не ведут. Наверное, вы подумали, что они не любопытные.

С точки зрения работников пера датских монастырей, нам описывают какое-то воинское сообщество морских разбойников из некоего Геллеспонта, на которое у готского предшественника Саксона нет и намёка. Оно привязано к Востоку и такое же древнее по происхождению, как и народ данов, с которым враждует. В последствии же, теснейшим

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

образом связано с рутенами, с которыми, в 9 книге, довольно неожиданно хронистом и отождествляется. А там уже, внезапно,- речь идет о временах 9 столетия – эпохе викингов. Нам вдруг рассказывают о походах на Геллеспонт знаменитого Рагнара Лодброка – легендарного датского конунга скандинавских сказаний. Того самого, которому приписывают набеги на франков и захват Парижа в 845 году, а также нападение на Англию, где в 865 г. он был разбит и попал в плен. Якобы его казнил король Нортумбрии посредством посажения в яму с ядовитыми змеями. По легенде именно его сыновья, мстя за отца, положили начало завоеванию викингами Англии. Но при чем тут Геллеспонт и «геллеспонттики» понять сложно. Чем он был так знаменит в 12 ст. и почему не давал покоя Саксону Грамматик? И, тем не менее, хронист не выпускал это сообщество из поля зрения, последовательно рисуя нам образ неких активных геополитических игроков длительное время действовавших на «Востоке».

«Затем, собираясь идти в поход на геллеспонтцев, Регнер созвал данов на тинг и пообещал дать своему народу правильные законы. Он объявил, что, если раньше каждый глава семейства отдавал ему на военную службу самого никудышного из своих сыновей, то теперь они должны будут вооружить для него самого крепкого или же какого-нибудь раба, чья верность ни у кого не вызывает сомнений. Покончив с этим, он собрал всех своих сыновей от Торы, кроме Уббо, и в нескольких сражениях полностью разгромил и покорила себе Геллеспонт и его короля Диана. В конце концов, постоянно попадая из одной беды в другую, этот король Диан и вовсе был убит Регнером. Его сыновья Диан и Даксон, женатые на дочерях короля рутенов, получив от своего тестя войско в помощь, горя яростью решили отомстить за своего отца. Увидев их бесчисленное войско, Регнер засомневался, хватит ли его собственных сил для того чтобы одолеть противника, и приказал установить на колеса, либо на повозки «бронзовых коней» и во время сражения изо всех сил вкатывать их в самую гущу вражеских войск. Они столь успешно опрокидывали вражеский строй, что казалось будто бы эти махины, чья неудержимая масса сокрушала все, что стояло у нее на пути, приблизили победу даже сильнее, чем само войско. Один из предводителей геллеспонтцев погиб, другой обратился в бегство, а все их войско было разгромлено. В этом побоище, как говорят, были разбиты также и скифы, с которыми Даксон через свою мать был связан самыми тесными узами родства. Их страна была отдана Видсерку. Неуверенный в своих силах король рутенов, испугавшись войска Регнера, поспешил отступить».

Немного спустя Даксон захватывает и казнит сына Регнера - Видсерка. Но куда Саксон затем посылает мстить его отца? Он отправляет его в Русцию.

«Поручив управление королевством Ивару, он с отеческой нежностью обнял Уббо, которому вернул свое прежнее расположение, и отправился со своим флотом в Русцию. Взяв Даксона в плен, в наказание за его проступок Регнер заковал этого человека в цепи, после чего отправил его в Утгард, где впредь тот и должен был содержаться под стражей. Совершенно очевидно, что в данном случае Регнер проявил удивительную мягкость и сдержанность к убийце своего любимого сына, ведь для того, чтобы удовлетворить переполнявшую его жажду мести, он ограничился ссылкой виновного, вместо того чтобы предать его смерти. Проявленное Регнером милосердие заставило устыдиться рутенов и вынудило их оставить свою вражду к королю, которого даже самая тяжкая потеря не смогла заставить убивать своих пленников. Вскоре Регнер и вовсе возвратил Даксону свое расположение, вернув ему

его страну взамен на обещание каждый год приходить к нему босым в сопровождении двенадцати босых же старейшин и платить дань».

В «Саге про Рагнара», правда, к слову, смерть Видсерка упоминается уже после гибели Лодброка и, ни о какой мести отца за сына там речи вообще не идет, но сюжет, как датского средневекового официоза с его претензиями на величие датского королевства, так и сказания, в этом пункте - схожий. Сын Лодброка гибнет в викингском походе на Юг. И вот уже «геллеспонтики» легким росчерком пера превращаются в рутенов, а их правитель – в правителя Руссии, после чего, насовсем исчезают из его трактата. Такие вот странные метаморфозы. Так ли уж не знал этот хронист кто такие - росомоны? Как бы там ни было, он явно знал о них больше чем мы. Баснословного или нет, тут неважно. Более того, вполне уверенно увязывал их имя с Русью. И что, особенно интересно, продлевал их историю до эпохи викингов! Что за повесть рассказывал датчанин, и что за странное господствующее на Севере Европы представление позволяло ему объединить древних «геллеспонтиков» времен Германариха, с теми, что были современниками датских викингов? Мы ведь можем заметить его следы и по саге об Ингваре Путешественнике, где в конунге Гелиополя, вполне уверенно узнаем одного из правителей Руси. Очевидно, когда-то, в Скандинавии, оно было достаточно распространенным. Нисколько не прогадаем, если по понятным причинам предположим, что такой взгляд на Русь был заимствован из Византии. Такой хорошей памяти об отдаленных событиях прошлого, как у византийцев, ни у кого в Европе тогда не было, как и представлений о том, к примеру, что есть и река Геллеспонт, не только пролив. Ἐλλήσποντος до Ἐλλή. Это чисто византийский взгляд и игра слов, которые в латинскую картографию не перекочевали.

Что же до росомонов, то по поводу этого гапакса из трактата Иордана раньше ломалось немало копий. С одним из последних предположений на их счет выступила И.В. Зиньковская: **«Росомоны Иордана в свете германской эпической традиции и этимологии»** 2008. Ее обзор изучения вопроса должен быть полезен для всех, кого занимает данная тема. Особенно ввиду того тезиса, который собираются вам доказать. Так что с ним стоит ознакомиться.

*«Как известно, их имя больше не упоминается ни в одном из известных исторических источников. В рукописях сочинения Иордана оно чаще всего читается как *rosomonorum gens* (Gen. pl. от *rosomoni*). Рукопись «Гетики» Hs.V дает *rosomonarum*, а рукописи Z – *rosimonorum*. Один раз встречающаяся форма *rosomorum* в Hs. L., вне сомнения, является результатом ошибки переписчика [53]. Следует напомнить, что Иордан именуется росомонов *gens* – как известно, в поздней латыни словом весьма многозначным. В зависимости от контекста оно могло означать и «народ», и «племя», и «род», и «категорию»... Суммируя мнения германских исследователей, Х. Кастрициус допускает, что за словосочетанием *gens Rosomona-rum* мог скрываться и народ, и народность, и воинский союз, и просто знатный род [49]». Разбираясь с филологической стороной проблемы, исследовательница дает такие любопытные разъяснения: «В отличие от историков, лингвисты, исследовавшие происхождение термина и значение имени росомонов, стремятся оперировать конкретными языковыми фактами, а не общеисторическими аргументами [3]. Однако и в их работах наблюдается удивительный разнобой в понимании имени росомонов, заставляющий еще раз вспомнить известную истину – число этимологий обратно пропорционально степени их достоверности. Название «росомоны» – явно сложносоставное. У исследователей, принадлежащих к различным национальным школам и научным*

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

направлениям не вызывает сомнений понимание второй его части – *topi*, поскольку она входит в состав ряда известных древнегерманских этнонимов (ср.: «*markomanni*», «*alamanni*», «*nordmani*»). Хорошо известно, что в германском именовании в социальном плане весьма часто встречается компонент «*tapf*» (муж, человек). В готском языке он имел форму *tapfa*. Эту часть имени росомонов можно однозначно прочесть как «мужи», «люди». Тогда это имя значит что-то вроде «люди рос» по аналогии, например, с норманнами – «людьми севера». Однако камнем преткновения является первая часть имени «*ros-*», явно указывающая на принадлежность этих «мужей» к чему-то или кому-то. По поводу значения этого слова в литературе можно найти целый спектр гипотез от в той или иной степени научно аргументированных до чисто дилетантских. Большинство из них строится на основе так называемой смешанной системы доказательств, когда в одну корзину сваливаются и данные лингвистики, и данные истории, и данные археологии. В этническом плане в росомонах видят иранцев-роксолан (иногда просто алан), русовславян, но чаще всего германцев: готов, герулов, ругов, бургундов и др. Для того чтобы попытаться выйти на наиболее продуктивный путь решения проблемы, кратко рассмотрим основные гипотезы о принадлежности росомонов, сформулированные в отечественной и зарубежной науке. Росомоны – иранцы-роксоланы. Впервые в отечественной науке на рассказ Иордана о гибели Эрманриха в результате измены росомонов обратил внимание М.В. Ломоносов [23]. В споре с академиками-норманистами в имени росомонов особый интерес у него вызвало начальное слово «рос», подобное началу часто встречающегося в античных источниках названия сарматского племени роксоланов. Последних он считал частью народа аланов, обитавших по берегам реки Ра (Волга). По созвучию слов М.В. Ломоносов отождествил эти этнонимы. Росомонов-роксолан он рассматривал как предков славян. Справедливости ради надо напомнить, что М.В. Ломоносов не был первым ученым, сопоставившим античный этноним «роксоланы» со средневековым «Русь». Своими корнями эта идея восходит к европейской географической традиции эпохи Возрождения именовать Россию Роксоланией. Видимо, одним из первых отождествил Россию и Роксоланию в начале XVI в. С.М. Вилибальд Пиркхаймер [26]. Тем не менее сформулированной М.В. Ломоносовым «роксоланской гипотезе» в отечественной науке была суждена долгая жизнь. В различных модификациях ее придерживались русские историки-антинорманисты XIX в., в частности, Д.И. Иловайский [17]. Пересказывая историю Сара и Аммия, смертельно раненных Эрманриха, он даже заменил подлинное имя росомонов, известное только из «Гетики» Иордана, на искусственно сконструированных им «россоланов». Его противникам нетрудно было показать, что последние – не славяне. Судя по немногим, дошедшим до нас именам, они говорили на ином, неславянском языке. «Методика» Д.И. Иловайского сильно дискредитировала и затруднила [42], но, как показала история, вовсе не остановила научный поиск в этом направлении. В частности, уже в XX в. Г.В. Вернадский полагал, что название росомонов в историописании Иордана, если оно не искажено устной традицией, является другой формой произношения имени роксоланов [9]. По его мнению, изначально «*рухс*» могло на некоторых местных диалектах звучать как «рос», «росс» или «русь», в свете чего могут быть поняты источники греческого этнонима *ρωσ* и славянского «русь». Эту весьма дилетантскую «иранскую» этимологическую версию и сопоставление основ «рос» и «рус» трудно назвать научной гипотезой. Как ее вариант можно оценить и идею О. Менчен-Хелфена о том, что росомонами могли быть и аланы – реальные участники событий, в результате которых пала держава Эрманриха [52]. Правда, он считал это предположение недоказуемым и поэтому как-либо его не аргументировал.

Вопрос о росомонах и «Руси» более полувека назад в традиционном для отечественной историографии духе был рассмотрен М.И. Артамоновым [5]. В конце 40-х гг. прошлого века иранист В.И. Абаев обратил внимание на осетинское слово *тојпӕ* – «муж», допуская, что вторая часть имени росомонов может иметь не германскую, а местную иранскую, сармато-аланскую основу с тем же значением «мужи» [1]. Тогда же эту гипотезу активно поддержал С.П. Толстов, считавший роксолан одним из предшественников славян-русов. В росомонах Иордана он видел этноним, непосредственно ассоциирующийся с роксоланами, и «параллельным с именем антов». По мнению этого исследователя, их потомки вошли в состав так называемой Приазовской Руси, положив начало донскому, северокавказскому и нижневолжскому славянству [38]. В то время дальше всех пошел А.Д. Удальцов, высказавший предположение, что росомоны Иордана – это другое название «южной ветви восточных (русских) славян-антов», в которую входили и роксоланы [43]. Он отождествлял два этих совершенно различные этнонима до такой степени, что прямо писал об антах-росомонах. Антов и росомонов в начале 50-х гг. XX в. сблизил и П.Н. Третьяков, правда, более осторожно, чем А.Д. Удальцов [40]. По поводу правомерности сближения росомонов и антов напомним, что Иордан знает и тех и других (Get. § 43, 246). Судя по всему, эти последние, как и их предки-венеты (Get. § 119), находились в подчинении у готского короля Эрманариха. Но в отличие от мнения А.Д. Удальцова и ряда других российских, а также украинских историков в повествовании Иордана росомоны и анты не только не отождествляются, но никогда и нигде даже не соприкасаются. Да и свидетельства о тех и других у Иордана явно восходят к различным источникам. Иранское начало в древнейших этнонимах с корнем «рос» предполагал и В.В. Седов, правда, без какой-либо дополнительной аргументации [33]. Судя по всему, он исходил из своего этнического определения антов-черняховцев как иранцев. Позже он несколько изменил свою точку зрения, допуская вслед за О.Н. Трубачевым возможность происхождения интересующего нас этнонима из индоарийских языков [34]. Иранскую принадлежность имен трех росомонов: Сунильды, Сара и Аммия – не так давно попытался доказать А. Н. Карсанов [18]. В то же время против иранских корней «руси» в этнонимах «роксоланы» и «росомоны» вполне определенно высказался лингвист О.Н. Трубачев [41]. Дело в том, что осетинское «рухс» в языках сарматов и аланов звучало бы как «раухшна». Поэтому названия с основой «русь»/«рос» отсюда объяснить нельзя. А.Г. Кузьмин в поисках истоков Руси не обделил вниманием росомонов, которых он считал остатками иранских племен Северного Причерноморья [22]. По его мнению, они вновь выходят на арену истории во время правления готского короля Эрманариха под именем росомонов, а также упоминаемых тем же автором рогов и ругов. В полемике с немецкими учеными исследователь подчеркнул, что самоназвание этого племени и имена трех его представителей свидетельствуют о реальности существования росомонов. Правда, он локализовал их весьма противоречиво: то где-то на Тамани, по соседству с синдами и меотами, то предлагал искать их в рамках черняховской культуры. Вполне вероятно, что после падения остроготского королевства они остались в Причерноморье. А.Г. Кузьмин допускал возвышение уцелевших росомонов Крыма и Тамани в эпоху Раннего Средневековья, что, на его взгляд, и привело к распространению этого этнонима на другие племена в форме «Росия» и «росы». В очередной раз исследователь попытался связать росомонов с «Русью» наших летописей, ссылаясь на сходстве обычаев славянской руси-полян и таких племён, как аланы и скифы. По поводу последнего аргумента следует заметить, что, к сожалению, наш единственный источник – Иордан – не сообщает ничего конкретного

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

об образе жизни росомонов, а в обычаях полян, с одной стороны, и ранних кочевников, будь то скифы Геродота или аланы Аммиана Марцеллина – с другой, обнаруживается больше различий, чем сходства. Новейший вариант «роксоланской» гипотезы можно найти в книге Е.С. Галкиной [11]. В основных чертах она повторяет наработки предшественников, исходивших из иранской этимологии имени росомонов. Исследовательница полагает, что североиранская принадлежность росомонов более вероятна и связывает их потомков с так называемыми причерноморскими «русами» Подонья – Приазовья, которые были известны раннесредневековым арабским авторам в форме ар-рус. Однако основанием для заключения об ираноязычии последних служит лишь предположение А.П. Новосельцева [27] и их созвучие с названием северокавказского племени Рухс-ас, возводимого некоторыми историками к древним роксоланам Северного Причерноморья [14]. По мнению Е.С. Галкиной, именно они стали основным этносом в формировании Русского каганата VIII–IX вв. в лесостепном междуречье Дона и Донца. Концептуально точка зрения Е.С. Галкиной явно восходит к идеям Д.Т. Березовца, Д.Л. Талиса, О.Н. Трубачева о Причерноморской или Приазовской Руси, в которой определяющую роль играл старый иранский (или индоарийский) этнический элемент.

В последние десятилетия проблеме роксолан – росомонов немалое внимание уделили и украинские ученые. Киевский лингвист О.С. Стрижак привел свои соображения о возможной связи предков «росов» и роксолан [37]. Он высказался за возможность лингвистического перехода иранского этнонима «роксоланы» в имя росомонов у Иордана, а от них к «роси». Украинский историк Ю.В. Павленко также попытался связать сарматов-роксолан с иордановыми росомонами [28]. По его гипотезе в первых веках н. э. в Поднепровье сложилось сильное славяно-сарматское объединение «Роксолания», которое контролировало якобы не только практически всю территорию Левобережной Украины, но и лесостепное междуречье Днепра и Дуная (заметим, в античную эпоху оно неизвестно ни одному из авторов и впервые появляется только в ученых сочинениях эпохи Возрождения для обозначения России. – И. З.). По его мнению, через черняховскую культуру III–IV вв. славянизированные роксоланы могут быть увязаны с иордановыми росомонами. Одновременно с Ю.В. Павленко среднеднепровскую группу сарматов отнес к роксоланам О.В. Комар, поддержавший идею связи последних с росомонами [20]. Правда, позже после более детального изучения письменных, археологических и лингвистических материалов по проблеме «роксолан – росомонов – роси» он вынужден был отказаться от рассматриваемой гипотезы ввиду ее полной научной бесперспективности. Но он допускает, что под именем росомонов в германской традиции мог скрываться кочевой ираноязычный народ (скорее всего аланы), подлинное имя которых в источниках не называется [21]. Пример современного, крайне усложненного варианта иранской гипотезы можно найти в работах В.А. Абакумова [2]. На его взгляд, росомоны сложились в этнополитическую единицу ещё в дочерняховский период (I–II вв. н. э.), в процессе взаимодействия местного савромато-поставхатского населения и одной из пришлых групп собственно росиев — сарматов-аорсов. В «черняховидный» же период своего существования (III–IV вв.) росомоны функционировали как окраинный, северо-восточный компонент Рейдготии (т. е. страны остроготов-грейтунгов. – И.З.). В.А. Абакумов утверждает, что росомоны сохраняли, по-видимому, свой скифо-сарматский диалект и иранские собственные имена (Сар, Амми). Германизация носителей пограничного северскодонецкого варианта черняховской культуры в тот период была непродолжительной и весьма поверхностной. Затем оказавшись где-то во 2-й четв. VI

в. в антском этно-политическом союзе, росомоны постепенно славянизировались. Как мы видим, если отбросить наукообразную терминологию, и эта гипотеза строится на более чем шатких, иногда откровенно фантастических основаниях. В основу ее конструкции положены этнонимы, носителей которых никогда не было в Поднепровье (что стоит только сконструированный псевдоэтнос «савромато-поставхатское население»!), связь же между остальными достоверно не прослеживается. И так, и российская, и украинская наука к концу XX в. фактически вынуждена была вернуться к авторитетному заключению Е.Ч. Скржинской, высказанному полвека назад: «Сводит росомонов к исторически засвидетельствованным роксоланам (Страбон, Птолемей, Иордан) нет оснований» [35]*. Еще более жесткую оценку «роксоланская гипотеза» получила в комментариях А.Н. Анфертева к переводу «Гетики» Иордана [4]. Против отождествления роксоланов и росомонов, на наш взгляд, явственно свидетельствует еще один, незамеченный исследователями факт. Иордан, хорошо знавший сочинения Страбона (Get., 12), Помпония Мелы (Get., 16), Корнелия Тацита (Get., 12), Помпея Трога (Get., 48,61), Клавдия Птолемея (Get., 16–19) и других античных авторов первых веков н. э., не мог не обратить внимание на часто встречающийся у них этноним «роксоланы». Более того, он его знает в форме «*aroxolani*» и указывает, что последние тогда обитали к востоку от Дакии (Get., 74). Из этого факта можно сделать заключение, что в отличие от современных исследователей имя роксоланов («араксоланов») не вызывало у Иордана никаких ассоциаций с росомонами. Между тем, хорошо известно, сколь важную роль в «творческой кухне» готского историка играли сопоставления, основанные на созвучии, как правило, далеко не полном различных этнонимов. Достаточно вспомнить хрестоматийный факт – подмену Иорданом (или его предшественниками) древнего имени гетов его соотечественниками-готами.

Росомоны – «славяне-росы». В исходной части эта гипотеза близка «роксоланской», но акцентирует внимание на изначальном славянстве носителей этнонимов с основной «рос». В отечественной науке уже почти два с половиной столетия доминирует точка зрения, что росомоны Иордана – это одно из самых ранних упоминаний приднепровских славян в форме «люди росы». Как уже указывалось, она была впервые сформулирована М.В. Ломоносовым в гл. 9 его главного исторического сочинения «О происхождении и древности россов, о переселениях и делах их» [4]. Справедливости ради следует напомнить, что именно М.В. Ломоносов первым обратил внимание на сходство звучания основы «рос» и названия р. Рось в Правобережье Днепра, многократно повторенное его последователями в XX в. Точка зрения М.В. Ломоносова оказалась наиболее привлекательной и для советских ученых. По существу она легла в основу т. н. «южной гипотезы» происхождения Руси.

Еще в начале XX в. германский востоковед И. Маркварт обратил внимание на имя *Hros* у сирийского автора VI в. Псевдо-Захария Ритора [52]. Он первый попытался научно обосновать связь этого, библейского по происхождению этнонима с росомонами Иордана, но в последних он видел германское племя. Через сорок лет идея И. Маркварта была подхвачена советским востоковедом Н.В. Пигулевской, сопоставившей народ *Hros*, упомянутый в «Церковной истории» Псевдо-Захария, с летописной Русью [29]. Вскоре эта гипотеза приобрела характер весьма жесткой концепции, доминировавшей в советской науке фактически до конца XX в. Уже в тезисах доклада 1951 г. «К вопросу об образовании древнерусской народности» Б.А. Рыбаков особое значение в древнерусском этногенезе придавал племени иордановых росомонов. В них он видел

одно из сильных восточнославянских (антских) племен [30]. В то же время «росомоны» – это русские дружинники на юге, которым приходилось то вступать в союз с готским князем, то враждовать с готами. В дальнейшем эта идея получила развитие в целом ряде больших и малых работ академика. С ними он связал «ядро будущей русской народности». Вслед за Н.В. Пигулевской Б.А. Рыбаков сопоставил этноним «росомоны» со свидетельством VI в. Псевдо-Захария Ритора о народе *Hros* и с приднепровским гидронимом *Рось*. В готской и аланской среде слово «росомоны» означало «люди росы» [32] и, скорее всего, они уже были славянами [31]. По его заключению, росомоны изначально обитали в киево-росском регионе, а затем заселили отсюда район Днепровской Луки и порогов. Проживая по соседству с подданными Эрманариха, росомоны в своих интересах должны были поддерживать нормальные мирные отношения с готами и, возможно, как-то оплачивали этот мир или платили им проездные пошлины, что Иордан представил читателям как подвластность готам. Так из одного имени росомонов под пером Б.А. Рыбакова родилась целая история взаимоотношений славян-росомонов и готов, с которой собственно и начиналась история Руси: роксоланы → росомоны («народ рос») → народ *Hros* Псевдо-Захария Ритора → византийский этноним *ῥῶς* и, наконец, летописная «Русь». Однако нельзя не заметить, что между ее ключевыми звеньями вместо строгих научных доказательств мы находим лишь ряд допущений, на что неоднократно обращалось внимание в последнее время [15]. Да и практически каждое звено указанной выше цепочки базируется не на надежно установленных фактах, а на частной гипотезе, в свою очередь нуждающейся в верификации и дальнейшей разработке. Достаточно напомнить хотя бы один факт – древней летописной формой написания названия р. *Рось* была *Ръсь*, а жители ее берегов назывались не росы/руссы, а поршане [37]. Существование особого славянского племени русов в правобережье Днепра исторически не доказуемо и не подтверждается данными каких-либо источников. Таким образом, исчезает главное основание для сопоставления имени иордановых росомонов, гипотетических росов и летописной руси. Известный киевский археолог и историк М.Ю. Брайчевский считал, что этническая природа росомонов остается спорной, однако контекст, в котором они упомянуты, позволяет полагать, что у Иордана имеются в виду восточные славяне [6]. Основной его аргумент – косвенный. Исследователь исходил из того, что источник, упоминающий росомонов, датируется VI в. н. э., то есть эпохой, когда процесс формирования славянской Приднепровской Руси уже проявил себя в достаточной степени. Однако все же заметим, что у Иордана росомоны упоминаются в связи с событиями иной эпохи – финала черняховской культуры, когда этно-культурная ситуация на Юге Восточной Европы была совсем другой, нежели в VI в. Не вдаваясь в подробный анализ весьма многочисленных работ российских и украинских археологов-славистов, отметим лишь, что для одних из них росомоны Иордана – это одна из групп черняховцев IV в., населявшая Среднее Поднепровье, в особенности бассейн реки *Рось*. Другие археологи связывали носителей этнонимов с корнем «рос» с племенами раннесредневековой пеньковской культуры VI–VII вв. Третьи предлагали видеть в имени росомонов лишь иное название венедов или антвов.

К настоящему времени обоснованно отвергнуты как несостоятельные попытки возвести летописное «Русь» непосредственно к росомонам Иордана. А значит, отпал главный «ретроспективный» аргумент в пользу их славянской принадлежности. Как представляется, он носил не столько научный, сколько идеологический и политический характер – во что бы то ни стало доказать исконность и славянскую

принадлежность названия «Руси» и этноса его носителей. Напомним, что о неславянской принадлежности племени росомонов весьма аргументировано писал Отто Йричек еще более ста лет назад [51]. Да и судя по звучанию имен трех росомонов у Иордана – Сунильды, Сара, Аммия – они не были славянами (об этом см. ниже). В XX в. и зарубежные, и отечественные филологи неоднократно обращали внимание историков на то, что чередование звуков О/У и Ъ/У, позволявшее историкам легко выводить «русь» из основы «рос», в восточнославянских диалектах практически невероятно [19]. Против «росомонских» корней Руси в последнее время весьма аргументированно выступил И.Н. Данилевский, акцентировавший внимание на том, что эта гипотеза строится на омонимии вышеназванных этнонимов, имеющих разное происхождение [15]. Он еще раз напомнил, что между историческими свидетельствами о роксаланах, росомонах, с одной стороны, и «Русью» – с другой, зияет лакуна почти в целое полутысячелетие. Ее не удастся сколько-нибудь убедительно заполнить ни археологическим, ни лингвистическим материалом достоверно славянской принадлежности.

Росомоны – древнегерманское племя.

Со времени первых публикаций «Гетики» Иордана немецкие исследователи чаще всего видели в росомонах одно из восточногерманских племен, подчиненных Эрманариху. Расхождения касались лишь этимологии их этнонима, а также их конкретной племенной принадлежности. Росомонов относили к готам, герулам, ругам, а также к другим древнегерманским племенам. Как уже указывалось, еще сто лет назад И. Маркварт сопоставил имя Hros в названном выше сирийском источнике Захария Ритора с иордановыми росомонами [52]. В последних он видел германское племя, мигрировавшее вместе с готами из Скандинавии и осевшее в причерноморских степях. Исследователь допускал их принадлежность к герулам. В германской историографии XX в. герульская гипотеза является едва ли не самой популярной. Ее разделяют такие маститые современные исследователи, как австриец Хервиг Вольфрам, немец Отто Гшвантлер, датчанин Хакон Станг и др. [10]. Расхождения начинаются лишь при попытках установить значение самого этнонима росомонов и производную от него конкретную племенную принадлежность. Попытаемся кратко суммировать основные результаты изучения проблемы росомонов в рамках «германской» гипотезы. Германские исследователи практически единодушны в том, что из контекста Иорданова рассказа нельзя установить, к какой языковой группе принадлежали росомоны. Однако имя главного женского персонажа, Сунильды, уверенно определяется как германское (гот. Swōna-hildis, др.-сканд. Svanhildrs). Также и имена ее братьев, Сара и Аммия, большинство лингвистов возводят к древнегерманским основам [53]. Германские исследователи обратили внимание и на то, что Сунильда, Сар и Аммии в слегка измененной форме еще долго сохранялись в именном континууме древнегерманских саг. Уже более ста лет первую часть имени росомонов германские ученые (Т. Гринбергер, С. Гутенбруннер, О. Гшвантлер и др.) чаще всего возводили к древневерхнегерманскому цветообозначению *rosato/rosoto* – слову, которое употреблялось для передачи различных оттенков красного цвета (чаще всего встречается значение «красно-коричневый») как тела человека, так и вещей. Дополнительно они ссылались на упоминание т. н. «красных германцев» у античных и византийских авторов. Исходя из этой этимологии, О. Гшвантлер считал возможным видеть в росомонах союз воинов, красящих волосы в красный цвет [50]. В последнее время эту гипотезу попытался всесторонне обосновать датский историк

Х. Стане [36]. Он еще раз напомнил о германском обычае ритуального окрашивания волос красным цветом перед вступлением в бой, заимствованном германцами у кельтов**. Наконец, в 1978 г. шведский историк С. Сюдерлинд предположил, что уцелевших от гуннского нашествия готов их славянские соседи называли «русь», якобы от других слов «руд(у), рус(у)», т. е. «русые», откуда, по его мнению, и «росомоны» – т. е. «русые» [58]. Недавно Г. Нойман вслед за С. Бугге склонился к иной интерпретации «красноты» росомонов [53]. Последнюю они считали семантически взаимосвязанной с их коварным поведением – изменой королю Эрманариху (*Rosomonorumgensinfida*). В подтверждение этой точки зрения Г. Нойман приводит ряд свидетельств из германской средневековой традиции о бытующем в народе недоверии к «красным» («рыжим»), собранных Е. Швентнером еще почти сто лет назад [57]. По его мнению, этот цвет в различных древнегерманских языках маркировал смертельный страх и ужас. В этом смысле «росомоны» могло быть германским иноназванием какого-то враждебного готам племени или рода.

Другие германские исследователи предлагают иные этимологии начального корня в имени росомонов, например, от древнегерманского *Ross* («конь» + *mann* – «человек»). В свое время с несущественными оговорками ее принял российский лингвист О.Н. Трубачов, также увидевший в имени росомонов готское *ros* «конь» + аланское *tojne* «человек» [41]. Сторонники «конской» гипотезы полагают, что название «росомоны» могло быть эпическим именем, обозначающим «людей на конях», «конников». Реже в имени росомонов лингвисты видят «защитников лошадей» — от *(h)rosmund*, по странной логике вспоминая, что Сунильда/Сванхильд была растоптана лошадьми. В то же время среди германских исследователей естественно не получила поддержки «роксоланская гипотеза». О. Гшвантлер вслед за С. Бугге по праву отклонил идею какой-либо лингвистической связи между этнонимами росомонов и народа всадников роксолан [50]. Более чем спорной признается этимология имени росомонов у Т. Гринбергера из гот. *brusato* – «ледовые люди» (*Eismänner*), а также у Р.Кёгеля из композита *brausi-tuni* – «сильные духом», «храбрые»; и тем более у Штайнхойзера из *rūsamuna* – «люди с бурным характером» («mit stürmischen Sinn») [53]. Некоторые лингвисты объясняют название росомонов готским словом *raus* – «камыш». Наконец существует гипотеза, возводящая имя росомонов к готскому *rotsmenn* – «гребец», «моряк». Однако ни рассказ Иордана, ни позднейшие древнегерманские саги не содержат даже малейшего намека на связь росомонов с морем, если не считать свидетельства готского историка (*Get.*, 117), что герулы (эрулы, но не росомоны!) обитали в болотах и топких местах, откуда и получили свое имя от *(h)ele* «болото» в связи с их местожительством у Меотиды с ее камышовыми берегами.

В поисках истоков Руси Д.А. Мачинский предложил обратиться к готскому периоду и естественно не мог пройти мимо росомонов Иордана [24]. Он попытался объяснить два эти названия как варианты одного и того же скандинавского этнонима. По его предположению, прибалтийские финны уже в первые века н. э., называли скандинавов *ruotsi, rots* («дружина»). Однако в столь раннее время этот финский термин еще нигде достоверно не зафиксирован. К тому же, как уже отмечалось, большинство лингвистов считают, что «рус» и «рос» имеют совершенно различные корни, несопоставимые между собой [3]. На первый взгляд, весьма оригинальный вариант германо-славянской гипотезы предложил Л.Н. Гумилев [12]. По его мнению, по происхождению росомоны являлись германцами-скандинавами ранней волны. Он склонялся к мысли признать росомонов за группу ругов и считал их маргинальным

германским племенем. Росомоныруги отличались воинственностью и кормились военной добычей, но как вандалы и анты, были не в ладах с готами. По Л.Н. Гумилеву, росомоны убежали от гуннов не на Дунай, вместе с прочими готами, а на Днепр. Их отношения со славянами были сложными и лишь постепенно они слились в единый древнерусский этнос. Но в III–IV вв. они были только союзниками, ибо их общими врагами были готы. Оценивая весьма смелую гипотезу Л.Н. Гумилева, следует признать, что кроме последнего факта (вражды с готами, а точнее — с их королем) она не имеет сколь-нибудь надежных оснований в источниках. Нам ничего не известно о происхождении росомонов, как, впрочем, и об их уходе на Днепр, не говоря уж о последующем слиянии со славянами. Последние предположения ученого носят чисто умозрительный характер и приведены с целью обосновать его концепцию происхождения Руси. Не так давно О.В. Шаров рассмотрел две гипотезы происхождения названия росомонов [44]. Первая по существу предлагает вернуться к старому предположению Ф. Брауна, возводившему происхождение корня *ros* от гот. *hrod-hrop* в греческой огласовке, когда *h* не передается, а *d/p* переходит в *s* [7]. В качестве второго варианта гипотезы Санкт-Петербургский исследователь приводит также весьма старую точку зрения, что за основой *ros*- скрывается эпический топоним *Rosmofjoll* («Красные Холмы»), упомянутый в 17-й строфе исландской «Песни об Атли». В этом случае этноним «*rosomoni*» мог означать буквально «люди местности *Ros*». В германском эпосе «Красные холмы» располагаются где-то на берегах Рейна, на территории бургундов. Это обстоятельство, а также совпадение функций мстителей-росомонов у Иордана и бургундов из эпического рода Гьюки позволило О.В. Шарову высказать предположение о тождестве тех и других, т. е. росомоны – это просто другое название германского племени бургундов. Иногда росомонов рассматривали как один из знатных готских кланов типа королевских родов Балтов и Амалов [10]. Но и это предположение не находит прямого подтверждения в источниках. Поэтому Х. Вольфрам предложил даже прекратить размышления на эту тему и призвал довольствоваться лишь фактами. Однако принадлежность упомянутых Иорданом росомонов к знати, окружавшей короля Эрманариха, весьма вероятна. Наконец, для нашей темы особенного внимания заслуживает точка зрения Карла Мюлленхофа, которую разделял и Теодор Моммзен. Они считали «коварное племя росомонов» эпическим именем: «*potepericum... ethauddubiemythicumneuehistorikum*». Вслед за ними Отто Иричек и крупнейший исследователь истории древних германцев Людвиг Шмидт полагали, что росомоны, неизвестные ни одному из авторов, кроме Иордана, существовали лишь в эпосе: «это племя представляется эпически-фиктивным» [56]. Однако Л. Шмидт допускал, что рассказ о мести росомонов можно связать с часто случавшимися восстаниями племен, подчиненных остроготскому королю и послуживших причиной его смерти, наступившей как раз в тот момент, когда готы особенно нуждались в авторитетном предводителе для борьбы с гуннами.

Итоги историографического анализа

Таким образом, более чем столетние исследования лингвистов и историков этнонима росомонов у Иордана не привели их к сколь-нибудь определенному и однозначному заключению о его этимологии и тем более происхождении, которое бы убедило и историков. Как уже отмечалось, большинство германских ученых выводят их имя из *rosamo/rosomo* – «красные», «красно-коричневые», предполагая, что росомоны получили его за воинский обычай красить волосы в красный цвет. Однако при всей

кажущейся убедительности «цветовая» этимология росомонов далеко не бесспорна. Забегая вперед, позволим хотя бы напомнить, что в германском героическом эпосе Хамдир, Серли и их сводный брат Эрп выделяются не рыжими, а черными волосами [13], а их сестра Сванхильд – светлыми. К тому же, мода на окраску волос известна и у других германских племен, имевших самые различные названия. Так, перед сражением с римлянами Юлий Цивилис из племени батавов окрасил волосы в красный цвет (Тас. Hist. IV. 61). По свидетельству Аммиана Марцеллина (XVII. 2. 2) один аламанский воин «по своему обычаю» точно так же окрасил свои волосы. Так что для германцев эта традиция была совсем не в диковинку и поэтому вряд ли она могла послужить причиной появления особого этнонима «росомоны». Росомонов пытались искать в различных регионах Восточной Европы. Сторонники их славянской (антской) принадлежности локализируют это племя, как правило, в ареале черняховской культуры, к северу от территории, занятой остроготами Эрманариха, т. е. в Среднем Поднепровье или Надпорожье [32]. Р.А. Агеева предполагает обитание в IV в. подвластного готскому королю племени росомонов в междуречье Днепра и Дона [3]. Сторонники роксоланской, и шире – иранской этнической принадлежности росомонов чаще всего сдвигают их на восток в Приазовье и Прикубанье, не исключая и Крыма [22]. Некоторые исследователи допускают, что росомоны могли обитать где-то по соседству с гуннами, ближе к Танаису-Дону и поэтому имели с ними, в отличие от готов, «сепаратные» союзнические отношения. Однако следует заметить, что в тексте сочинения Иордана не содержится каких-либо указаний для сколь-нибудь определенной локализации росомонов. Несомненно одно, что братья-росомоны в самый драматический момент истории остроготов находились в окружении короля, что и позволило им, судя по всему, беспрепятственно совершить заговор против Эрманариха.

Новый подход к проблеме росомонов

В науке ценятся гипотезы, позволяющие открывать новые факты, идеи, смыслы, которые подтверждаются независимыми, подчас неожиданными сведениями. Они призваны связать в единое непротиворечивое целое свидетельства самого разного рода. Мы предлагаем весьма радикально изменить направление исследования проблемы росомонов и, прежде всего, отказаться от явного или скрытого этноцентризма в подходе к ней, тем более что этнических гипотез, как было показано выше, высказано предостаточно. Нам представляется исключительно важным то обстоятельство, что имени росомонов нет ни в одном из двух перечней покоренных Эрманарихом племен: пространном, среди так называемых «северных народов» (Get., 116), и кратком, где упомянуты только герулы, венеды, эстии (Get., 117–120). Исчезло оно и из раннесредневековых саг. Поэтому любопытно посмотреть, кем оно было заменено. Если в списке подданных короля Эрманариха росомоны не значатся, как, впрочем, и не называется место их обитания, то, может быть, и искать их надо в ином, совсем не в этническом поле.

Давно установлено, что Иордан или автор, которому принадлежит основное оформление текста о росомонах, не всегда хорошо понимал то, о чем пишет [4]. Это обстоятельство постоянно следует иметь в виду, обращаясь к «Гетике» Иордана как основному историческому источнику по интересующей нас теме. Другой важный аспект состоит в том, что сюжет о росомонах может быть существенно прояснен в свете более поздней германской эпической традиции, к чему неоднократно призывали наши предшественники [46]. В ней Эрманариху также противостоят

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

Сунихильда/Сванхильд, ее родные братья Сёрли (Сар) и Хамдир (Аммий), а также их сводный брат Эрп, отсутствующий у Йордана. Немалый гносеологический потенциал раннесредневековых саг как исторических источников по указанной проблеме нами проанализирован в другой работе [16]. В историографической части статьи мы убедились, что росомоны – племя, весьма спорное в этническом отношении. Однако сопоставление степени аргументированности «роксоланской» (иранской), «росской» (славянской) и «германской» (готской, герульской, ругской, бургундской) гипотез, убеждает, что продуктивнее всего исследование проблемы росомонов можно вести на древнегерманской почве. Иначе говоря, росомонов следует искать под «готским зонтиком» (выражение Х. Станга). Название их рода отражает один из древнегерманских способов образования этнонимов. Сунильда и ее братья, вероятнее всего, носят германские имена...

Судя по древненорвежской «Песне Хамдира» (Hamðismál) и знаменитому изображению, высеченному на готландском камне Ардре VIII, героическая песнь о гибели Эрманариха-Йормунреккане позже второй половины VIII в. была известна и в Восточной Скандинавии. Причем в этой саге Сванхильда (Svanhild) уже становится женой короля, которую он приказал из-за супружеской измены растоптать конями. В свою очередь, мстя за эту расправу, на Йормунрекке во время сна совершили покушение братья Сванхильды, Хамдир и Слрли (Amrius и Sarus Йордана). Они отрубили спящему королю руки и ноги, но не успели отсечь голову. Пришедший в себя раненый Йормунрекке приказывает своим воинам забросать братьев камнями. Здесь следует напомнить, что побитие камнями – ритуальный способ казни у готов [62]. Людвиг Бюиссон полагает, что именно эта ключевая сцена убийства Йормунрекке высечена в верхней части знаменитого надгробного камня из Ардре VIII [47]. Здесь слева изображена фигура мужчины с поднятым мечом, рядом фигура мужчины, лежащего на полу, и над ним справа стоящие фигуры двух мужчин и одной женщины (в трактовке Л. Бюиссона – соответственно Хамдира, Слрли и Сванхильды). На наш взгляд, возможна и несколько иная интерпретация изображения на камне из Ардре в свете скандинавской эпической традиции. В «Песни о Хервёр» («Hervarar saga», 7) – одной из так называемых «саг древних веков», но записанной в XIII в., – главным персонажем является король Эрманарих (Хейдрек). В ней утверждается, что «Хейдрек будет звать его народ и станет он самым сильным на Земле». Еще в юности он убивает мечом, носящим «говорящее» имя Turfi ng (ср.: тервинги – этноним визиготов), своего брата и за это отправляется отцом в изгнание на чужбину. Хейдрек уходит на восток, вначале в Гардарики, далее в Хуналанд («Страну гуннов»), пока наконец не становится королем Рейдготланда. Reidgotaland – в сагах название эпической прародины готов [25]. Вначале он проявляет себя как мудрый мирный король страны «блестящих готов» (хрейдготов = гревтунгов). Однако в конце жизни Хейдрек вступает в спор с Одином и, не сумев отгадать его загадку (Heidreksgatur), поднимает меч против бога. И из-за этого неверные слуги, придворные убивают своего короля [48]. По упомянутым в саге топонимам и этнонимам, изложенный выше рассказ считается очень ранним, восходящим к готскому сказанию. На наш взгляд, именно этот сюжет дает ключ к иной интерпретации изображения на камне Ардре VIII, нежели у Л. Бюиссона. Дело в том, что фигура мужчины слева, поднявшего к небу меч, явно отгорожена от основной сцены убийства короля. Поэтому можно предположить, что мужская фигура с мечом – это сам Хейдрек-Эрманарих, посмевавший поднять оружие на Одина, лежащая мужская фигура – тот же Хейдрек, но уже убитый придворными, справа его протагонисты – Хамдир, Сёрли и Сванхильда. Кажется, именно этот раннесредневековый эпический

сюжет вместе с изображением на камне Ардре VIII может пролить свет на вопрос, откуда в более раннем рассказе Иордана взялись загадочные росомоны. Дело в том, что в лексиконе готской Библии, записанной Ульфиллой в IV в., есть не только слово *tanpa* – «муж», но и слово *rohsns* = др.гр.οίκος – «двор» [60]. Известно, что последнее употреблялось и остроготами, т. к. производное от него слово *razna* сохранялось в языке крымских готв вплоть до позднего Средневековья [39]. Если это так, то получается, что *rohsomannas* — *rosomoni* по-готски могло означать что-то вроде «люди двора», т. е. «придворные». В таком случае коварные братья-росомоны Сар и Аммих – это лишь придворные, слуги из окружения Эрманариха, а не особое, покоренное им племя (этнос), которое так долго и безуспешно искали историки и археологи. Во всяком случае, таковыми они стали в общегерманском эпическом сюжете эпохи Великого переселения народов. В этом контексте получает логическое объяснение и странное, на первый взгляд, имя одного из братьев – росомонов Аммих, включавшее древнюю основу со значением «слуга». В таком ключе вопрос о росомонах еще не рассматривался в нашей науке. Представляется, что предложенный выше подход проливает свет на событие, послужившее прелюдией к гибели остроготского королевства Эрманариха – это был заговор среди приближенных остроготского короля. Наша гипотеза снимает целый ряд неразрешимых вопросов не только в истории готв в Северном Причерноморье, но и в предистории Древней Руси. Во всяком случае, кажется, ее истоки следует искать, не привлекая проанализированное выше свидетельство Иордана о заговорщиках-росомонах».

По этой статье видно, что автор не знакома с «Деяниями данов», иначе ей пришлось бы пересматривать свои выводы. Она ничего не знает, о сюжете Иордана про росомонов, пересказанном там. Как незнакомо с ними, судя по всему, было и большинство советских историков. На то время их еще не перевели полностью. Это было сделано только в 2017г. и, естественно, усилиями совсем не российских «неонорманистов». И дело тут вовсе не в баснословии Саксона Грамматика относительно древних времен его народа, а в том, что он, очевидно, описывает тех, кого знает средневековая европейская ученость. Знают южнонемецкие предания и скандинавские саги, знают римляне, Иордан и византийцы. Знает даже домонгольская Русь еще не утратившая память: «В Новгородской I летописи содержится под 6712 г. текст «Повести о взятии Царьграда фрягами». Там в соответствии с исторической действительностью главным руководителем крестоносного войска, захватившего и разграбившего Константинополь в 1204 г., назван маркграф монферратский Бонифаций — один из крупнейших североитальянских феодалов того времени. Анонимный русский автор «Повести» называет его не по имени, а лишь «Маркос от Рима», где словом «Маркос» передана итальянская форма титула «маркграф» — «marchiso», «marchese». Но чтобы вызвать у читателей или слушателей «Повести» знакомые ассоциации и связать в их сознании местонахождение североитальянских владений маркграфа с чем-то им уже известным, автор, поясняя, добавляет: «в граде Бьерне, идеже бе жил поганый злыи Дедрик». (И. Э. Клейненберг «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи. 1974). Это та самая «Тидрек-сага» о временах Теодориха Великого (451- 526) с ее «Rúzimönnum» и недвусмысленными ассоциациями со средневековой Русью, так часто удивлявшими раньше российских историков. Если это было не особое «племя», зачем Скандинавия включила данный банальный сюжет о придворных убивших своего короля в свой эпос? С такими вводными он никогда не получил бы подобного резонанса и известности, какую имел на Севере. Его заимствовали только потому, что там было кого прославлять поэтам и что рассказывать

детям, и речь шла о «своих». О великих делах предков, как это тогда понимали, так скажем.

Кто же тогда такие эти древние росомоны-геллеспонттики? Какое сообщество эпохи переселения народов скрывается от нас под этими древними именами и почему в Европе когда-то его ассоциировали с Русью? Отважимся поставить вопрос таким образом? Ведь у нас есть все основания для этого, пусть сегодняшние «независимые исследователи» ими и пренебрегают или не замечают их вовсе. Тем хуже для них. Куда выводит эта тропа?

Как сказано в приведенной в 5 главе статье Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова «Топонимия на перекрестке культур: древнескандинавское название Азовского моря и устная традиция» 2013: *«Сравнение описанного Саксоном триумфа Ярмерика над хеллеспонтийцами, славянами (Sclavi) и свеонами (Sueones) с текстом Иордана (Get. 117–120), где перечислены победы короля над херулами (Heruli), венетами (Venethi), антами (Antes), склавенами (Sclaveni) и эстами (Aesti), позволяет комментатору этого текста заключить, что, коль скоро, согласно Иордану, херулы жили к северу от Азовского моря, их замена на хеллеспонтийцев была логичной, ибо для Саксона эти последние были обитателями Восточной Европы».*

Простое наблюдение, да? Послушаемся комментатора средневекового датского трактата? Здесь выходим мы впервые на имя тех, кого искали. То, под которым их чаще всего упоминали римляне. Судя по всему, их подлинное имя и самоназвание, в отличие от германских прозвищ, воспринятое и греко-римским миром, переименовав его, придавшим ему несколько другой, свой смысл – по созвучию. То, под которым они более всего были известны в Средиземноморье.

На самом деле, ни немецкая историография, ни скандинавистика, никогда особо не сомневались, что объяснение этому имени росомонов придется давать им, а не славистам. И не редко, с определенной осторожностью, как мы и видели по статье И.В. Зиньковской, таки увязывали его с одним забытым давным-давно сообществом, чье имя то и дело мелькает в калейдоскопе племен, вызывавших тревогу у римлян, память о которых донесли до историков позднеимперские источники. Судя по ним, когда-то оно было знаменито и среди германцев и среди римлян, выделяясь на фоне других племен, у которых, как правило, пользовалось дурной славой. Итак, - герулы и герульская гипотеза германской историографии XX в. Отождествление росомонов с неким, знаменитым, когда-то среди германцев и римлян племенем герулов. Насколько можно положиться на нее в нашем исследовании? Можно ли ей доверять в виду той пестроты мнений на предмет росомонов, которую продуцировала советская наука? Кто они были? Какую информацию оставил нам про них в связи с Германарихом из рода Амалов Иордан?

«После того как король готов Геберих отошел от дел человеческих, через некоторое время наследовал королевство Германарих, благороднейший из Амалов, который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим. Покорил же он племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов. Славный подчинением столь многих [племен], он не потерпел, чтобы предводительствуемое Аларихом племя герулов, в большей части перебитое, не подчинилось – в остальной своей части – его власти. По сообщению

историка Аблавия, вышеуказанное племя жило близ Мэотийского болота, в топких местах, которые греки называют «(h)ele», и потому и именовалось элурами. {118 } Племя это очень подвижно и – еще более – необыкновенно высокомерно. Не было тогда ни одного [другого] племени, которое не подбирало бы из них легковооруженных воинов. Хотя быстрота их часто позволяла им ускользать в сражении от иных противников, однако и она уступила твердости и размерности готов: по воле судьбы они [элуры] также, наряду с остальными племенами, покорились королю готов Германариху. {119 } После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за [слабости их] оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает и множество вооруженных подступает. Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, – именно при перечислении племен, – происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенев. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха. {120 } Умом своим и доблестью он подчинил себе также племя эстов, которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана. Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью».

Комментарий к изданию 1960 года Е.Ч. Скржинской: «*το έλος, τα έλη* – болото, поемные луга (лат. *palus*). От этого слова Иордан производит название племени, которое он несколькими строками выше определяет как «племя герулов» («*gens Herulorum*»), а затем, разъяснив слово «*e1e*» (*έλη*) как «местность стоячих вод», «заболоченные пространства» («*loci stagnantia*»), именуем уже «элурами» («*Eluri*»). Кратко об элурах упоминается в этническом и географическом словаре Стефана Византийского (со ссылкой на XII книгу Дексиппа – III в. н. э.), писавшего, по-видимому, в V в.: «элуры – скифский народ» («*Ελουροι Σκιθικόν έθνος*). В связи с этой краткой справкой примечательно свидетельство Аблавия. Иордан сообщает, что, по данным Аблавия, элуры жили близ Мэотиды, т. е. к востоку от остроготов. В другом месте (§ 23), уже не обращаясь к данным Аблавия, Иордан причисляет герулов (не элулов) к племенам, явившимся из Скандии, т. е. к готским племенам («*Heruli... inter omnes Scandiae nationes*»). Сведения Аблавия, знакомого с событиями и жизнью в Восточной Европе, наводят на мысль, что герулы-элуры не могли быть, как говорит Иордан, германским племенем, вышедшим из Скандии. Герулов-элулов Иордан противопоставляет готам Германариха; их быстрота и подвижность («*velocitas eorum*») – качества степняков-конников – должны были «уступить твердости и размерности готов» («*Gothorum tamen stabilitate subiacuit et tarditati*»). Из слов Иордана следует, что Германариху было нелегко покорить герулов-элулов: словами «*Herulorum cedes*» («побоище, поражение герулов») Иордан как бы показывает значительность победы. Нельзя не отметить здесь же, что к V в. относится ряд сведений о герулах, которые не имеют никакой связи с упомянутыми выше примэотийскими элурами и являются германским племенем. О герулах-германцах Иордан сообщает, что они: а) выступали в войсках Алариха; б) в войсках Одоакра (вместе со скирами и торкилингами); в) участвовали в междоусобных войнах после смерти Аттилы, сражаясь наряду с готами, ругами, свавами, гуннами, аланами».

Не странно ли прийти нам туда, откуда начинали? Не смотря на скептицизм А.М. Ременникова и Е.Ч. Скржинской, подвергших сомнению их германское происхождение, на том лишь основании, что греко-римские источники часто упоминали их, как «скифов», прописывая «близ Меотиды». Совпадения – случайности? Кроме того, что ища Русь и ее «остров», мы случайно заглянули за «завесу» и увидели то, что не ожидали и не должны были заметить – наше Запорожье времен древних готов, - еще не потопленное, без труб Никопольского завода ферросплавов или Запорожской ТЭС, а такое, каким знали его в старой Украине, каким помнят его теперь только историки. Оpoznать его в этом забытом «(h)ele» поздней античности. Ведь именно от него в действительности и происходит то греческое прозвание этих мест – Эллеспонт, с которым знакома была и Европа. С ним в латинской форме – «Геллеспонт» мы уже имели дело раньше.

Откуда известно, что это прозвание для Низовья Днепра происходит от греческого слова обозначающего «болота, заливные луга»? На это прямо указывает один средневековый источник. Его нет в русскоязычных хрестоматиях, и упоминания о нем редко где встретишь, но, лет двадцать пять назад на него в связи с темой своего исследования, обратил внимание норвежский историк культуры, исследователь Хакон Станг в своей монографии «The Naming of Russia». Oslo 1996. О ней еще пойдет речь впереди. Тезисы к ней переведены были на русский язык в 1999г. в статье автора: «Наименование Руси (герульская версия)».

Так вот, в связи с античными представлениями о местопребывании герулов около Меотиды, Станг привлек один малоизвестный европейский письменный источник раннего средневековья – Космографию Этика из Истрии, которая, хоть и отсылает нас к наследию римского писателя и географа 5 ст. н.э., напрямую с ним не связана. Этот латинский текст имеет черты авантюрного романа, и своим появлением, как считается, обязан 7 или 8ст. н.э. Он лишь прячется за именем известного географа, и впервые упоминается немецким богословом и лексикографом Рабаном Мавром (780-857). Якобы некий западноевропейский церковник Иероним, - не путать с одним из отцов церкви, однажды перевел ее, несколько сократив, с греческого на латынь с какой-то старой книги. Она описывает путешествия этого Псевдо Этика «по нации скифа» по миру и описывает разные народы за пределами римской ойкумены. Не всегда прямо и понятно и на довольно сложной латыни, как отмечают специалисты, исследовавшие этот памятник, но, со многими уникальными сведениями, касательно позднеантичных представлений о Германии. То, что Европа была неплохо знакома с этой книгой, можно иногда заметить по легендам со средневековых карт. Что нас там интересует? По сюжету Этик пребывает на острове «меопаронитов», каковое название Станг объясняет через «Этимологии» Исидора 7 века: *«Это название напоминает об «Этимологиях» Исидора, где читается: «Миопаро – очень маленькое «паро»...Германские разбойники такими пользуются на побережье океана или в болотах ради их быстроты»*. Первую часть этого неологизма толкуют и, как отсылку к Меотиде – Азовскому морю древних. Таково, видимо, происхождение этого слова в Европе: *«The Meoparot name its inventor may have found most felicitous: Not only does the vessel get its corresponding ethnonym; in the most appalling wise (to any philologist) the very name combines the Maeotic (here, MEO-tic) and the PA-ludes.»*

Далее следует пересказ Стангом сюжета из космографии об этих древних пиратах и том, с применением каких хитростей они губят корабли, и какую известность себе снискали. Будто бы они знали способ передвигаться под водой, и чтобы узнать его к ним обращался сам Александр Македонский. Будто, они изобрели битум, которым Александр укрепил

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

Каспийские ворота, за что удостоились от него многих подарков. Там, в их краях он воздвиг большие алтари, которые до сих пор называются алтарями Александра. **«Это важная информация – пишет Станг. Эти пираты укрывались в окрестностях алтарей Александра – хорошо известного древности памятника у берегов Нижнего Днепра, напротив острова Левка выше по течению».** Есть, кстати любопытная античная легенда, согласно которой именно на этом острове к западу от устья Днепра (о-в Березань) был похоронен сам Ахилл. Другой претендент на эту почесть – остров Змеиный. **«Затем по левой стороне Евксинского [Понта] лежит в море против Борисфена прославленный остров героев: его называют именем Левка, потому что пернатые, которые здесь обитают, - белые; по преданию здесь блуждают по пустынным долинам души Ахилла и других героев. Это награда Зевса, что сопровождает лучших [из людей] за доблесть, ибо доблести выпала вечная слава».** (Дионисий Перизет).

Потом тут же следует рассказ о неких «Сапаеос», в которых Станг опознает отголоски старинных преданий о герулах: **«Название это, напоминающее доеврейский Кананеям, Ханаан в Палестине, объясняется по-иному: от латинского Сапае «камыш, тростник».** Здесь имеется ввиду народ проживающий «в болотах и районах переполненных камышами». Судя по отрывку из космографии, так их называли некие германцы, живущие по соседству. Эти «камышники» не имеют правителя, пропитывают волосы особой мазью или жиром, живут на острове, занимаются мореплаванием и торговлей, а на войну выступают пешими. **«Все районы их обитания теперь в совокупности называются Германия. Это те самые, у которых необычно крупные тела и конечности и самые суровые нравы... Сотня областей, как сказано, лежит... от реки Рейн прямо до Океана, многие острова, и болота Меотиды».** И вот, наконец, следует пассаж из космографии, который, как считает Станг, относится к преданию о герулах и Азовскому морю: **«44. On Boats. ...Laughingly he derides what they write about the Heli[s] and its cognate [word] called Helispontus... Being able to see the similarity between an island here and in the Pontus, they for this reason called this constricted sea the Helispontus».** Смеясь, он вышучивает то, что они пишут о Хели(с) и родственном ему слове, называющем Хелиспонт... Способные увидеть сходство между островом здесь и в Понте, они, по этой причине, и называют это замкнутое море Хелиспонтом». «В этом Heli[s], как пишет Станг, мы узнаем греческое слово означающее «болото» и давшее начало the Heruli... Оба они являлись игрой слов, происходившей от того же самого 'Eli, «болота», которая, в свою очередь, не могла быть продуктом чистой случайности. «Это замкнутое море», где, как было сказано, обитал этот развращенный народ, судя по формулировке и контексту – Азовское море... О том, почему оно выглядит, как остров нам остается только гадать». «This constricted sea» where the said lewd people dwells is, judging by wording and context, the Sea of Azov, being both separate from, and more constricted than, the Black Sea. As to which 'look-alike' island was meant, we are left to guess. (с. 87) Как тут не вспомнить соседний амазонкам народ «hros» из сирийского источника VI в. - "Церковной истории" Псевдо-Захарии: «Соседний с ними народ hros, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей». Это упоминание, объявленное современными российскими историками баснословным и не заслуживающим доверия, тем не менее, в наше время неожиданно снова нашло поддержку в лице польского исследователя Х. Ловмянського: «Зато первым подлинным упоминанием о руси, не вызывающим оговорки, мы готовы признать название hros». Пусть и без серьезных попыток развить эту мысль. Почему? Потому что – логика.

И вот, благодаря Хакону Стангу, в поле зрения которого попал этот довольно трудный для понимания, средневековый латинский текст мы, наконец-то, уже можем воссоздать четкую формулу некогда, очевидно, известную европейской средневековой учености, забытую лишь впоследствии – **росомоны = геллеспонттики = герулы**. Следы подобного отождествления все еще можно заметить и поставить на вид. А также,- правильно прочесть загадочные упоминания византийских источников: **«Борисфен: Геллеспонт, есть и река», «Борисфен, город и река Понта; так же назывался и Геллеспонт до Геллы»**. Что означало это византийское «Ἐλλάσποντος до Ἐλλά» применительно к Днепру, после знакомства со скандинавскими и итальянскими средневековыми прозваниями Низовий Днепра, думаю, уже очевидно и для самых упрямых скептиков. К этим-то людям, а не скандинавам эпохи викингов, средневековая Европа, по какой-то причине, как вы можете сами видеть, Русь и относила. Как имя, так и историю. Что б там не рассказывали вам российские историки. Есть идеи, по какой причине?

Мы даже можем начать догадываться, откуда у арабо-персидских авторов 9ст. мог появиться сюжет об «острове». Безотносительно к фактической стороне дела, т.е. - тому, насколько подобная архаичная книжная схема-представление совпадала с прошлой реальностью. Даже не зная еще ничего толком о самих этих герулах. Более того, к своему удивлению, можем обнаружить, нечто, чего раньше никто не замечал и не подозревал – точное место основной герульской базы в поздней античности. Поскольку многие полагают, что их нужно локализовать где-то на побережье Азовского моря. Хотя источник четко говорит, что: «По сообщению историка Аблавия³⁸, вышеуказанное племя (Heruli — херулы = герулы. — Авт.) жило близ Меотийского болота (iuxta Meotida palude), в топких местах (in locis stagnantibus), которые греки называют "эле" (ele)», а не где-то на Азовском море. **Так что Запорожье, судя по всему, не пустовало и во времена римлян.** Пусть наша короткая память и знает его только в связи с днепровскими казаками Украины, как будто Великий Луг Днепра не существовал до них вовсе. Сам исследователь тут же вынужден признать, что: *«Одно, по крайней мере, можно отметить: Псевдо-Этик из Истрии отрицает связь названий Хели(с), Хелиспонтус с Азовским морем, Меотидою других авторов, признавая существование единственного Геллеспонта – пролива между Эгейским и Мраморным морем»*, но особого значения этому обстоятельству не придает, упомянув лишь, что тот же Приазовский Хелиспонтус, встречается много позднее у Саксона Грамматика (в12 веке). И это естественно, поскольку скандинависту простительно не знать исторической географии Украины.

Кто такие эти герулы? Иордан упоминает, что они вышли из Скандзы, хоть и получили свое имя от некоего места в Приазовье, Прокопий Кесарийский, что они, впоследствии, вернулись туда (на остров Фула), Сидоний Аполлинарий видел их в Галлии, при дворе вестготских королей: «Тут бродит и герул с посиневшими щеками; его родина лежит на самых отдаленных берегах океана, и цвет лица у него почти один с морскими водорослями». Их имя постоянно мелькает в калейдоскопе племен упоминаемых римлянами во времена переселения народов. Они совершают дерзкие морские нападения на римские провинции, начиная с 3ст. н.э. разоряя в ходе таких дальних рейдов то побережья Черного моря, то Галлии, то даже северо-западной Испании, и, судя по именам некоторых из их предводителей, под этим самоназванием скрываются далеко не одни только скандинавские элементы. Пусть, большинство исследователей и склонно считать, что ядро этого сообщества неизменно составляли выходцы из Скандинавии. И это понятно, поскольку средиземноморье привыкает называть их по привязке к их первой операционной базе в земле готов, а не по каким-то другим критериям. Мы можем понять

это случайно, непреднамеренно вычислив ее, поскольку принято считать, что те герулы-эрулы-элуры Приазовья, там жили фактически, что и приводило к спорам по поводу их происхождения. Вам должно быть уже ясно в связи с чем, упоминалось это место. Домом, этот своеобразный сезонный логистический хаб, естественно, не для кого быть не мог. А наиболее удивительно во всем этом то, что, как оказывается, мы вполне можем доверять уникальным сведениям, изложенным про них Иорданом, не смотря на недопонимание которое они вызывают у многих историков.

Причем тех, кто использовал эту местность под базу в те давние времена, упоминали нередко, в качестве скифов, как впрочем, и готов, задолго до Германариха. Упоминали, главным образом, в связи с т.н. знаменитой «Скифской войной» 238-271 гг. получившей свое прозвание из-за греков, которые традиционно именовали скифами всех варваров, населявших северные берега Чёрного моря. Римские историки использовали название «Готская война» по имени наиболее сильного племени в варварской коалиции и, если вам необходимо узнать о ней больше – информации сохранилось достаточно, интернет в помощь. Эти люди отметились там целой серией масштабных морских налетов на римские провинции Балкан и Малой Азии, о которых сохранились отрывочные сведения у Иоанна Зонары, Георгия Синкелла, Зосима, Аврелия Виктора, в биографиях императоров Галлиена, Аврелиана, Тацита, став для Южан сущим бедствием. Начиная с 254 года, когда в Северном Причерноморье, куда добрались готы, уже лежали в руинах родная Истрия Этика, Ольвия, Танаис, Тира, а Боспорское царство, явно не от хорошей жизни, перестало чеканить монету. Они неизменно фигурируют в списках племен участвовавших во вторжениях в империю, погромах приморских городов, вплоть до Афин, Спарты, Византия, грабежах побережий и известных святилищ. Причем, если у ранних авторов, чьи свидетельства дошли до нас, их преимущественно называли просто – скифами или готами, то, к примеру Синкелл в 8ст. н.э. или Зонара в 12ст. называют их уже более однозначно – герулами. (С.В. Ярцев Морские походы варваров в 258-269гг. 2015г.) Под собственным именем они известны с 267г. и, как и ожидалось бы, в отличие от готов, только в связи с морскими экспедициями, что для римлян оказалось, видимо, неприятной неожиданностью.

При том, что германцев в Северном Приазовье, археология почти не замечает, они задействуют огромные флоты, о чем упоминают римские хронисты, численностью якобы от пятисот до двух тысяч кораблей, и собирательно называются римлянами - «меотидами». Черняховская археологическая культура в Северном Причерноморье, как известно, представлена лишь к западу от Днепра. Но сами эти походы часто описывались, как начинавшиеся от Меотийского озера или «из области Меотиды» - что, как нам объясняют сегодня, было данью общим античным географическим представлениям о скифах, живущих вокруг или к северу от нее. (В.В. Лавров Восточные германцы в Приазовье в 3-4вв. н.э. 2000). Однако источники разделяют готов и герулов, и, под впечатлением работ специалистов по периоду, складывается впечатление, что Скандинавия активно участвовала уже в тех войнах 3ст.- «периода солдатских императоров», исправно поставляя в земли готов морские дружины искателей удачи до самого поражения своих союзников. *«Применение варварами тактики морских вторжений традиционно объяснялось влиянием античных городов Северного Причерноморья. Однако за весь предшествующий, почти тысячелетний период сосуществования античных городов и варварских племен в Северном Причерноморье последние ни разу не осуществляли морских набегов. Практика морских вторжений могла быть обусловлена присутствием среди участников готских войн выходцев из*

Скандинавии, издавна знакомых с мореплаванием. По крайней мере археологические материалы, свидетельствующие об интенсивных контактах Скандинавии и Северопонтийского региона, дают дополнительные аргументы для выдвижения подобной гипотезы». (Лавров В. В. Из истории скандинаво-причерноморских связей (III-IV вв. н. э.)1997).

И, тем не менее, что, наверное, стоит подчеркнуть, «герулами» или «меотидами», римляне первоначально почему-то называли не готов или каких-либо скандинавов, самих по себе, о которых какое-то представление имели, а именно ту «сборную солянку» налетчиков из загадочных «заливных лугов» близ Меотиды.

Это наблюдение важно само по себе, поскольку дает ключ к пониманию феномена. Готы же, как мы пока что, предположим, оглядываясь на ученую традицию средневековой Европы, несомненно, использовавшую более ранние сведения, до нас не дошедшие, называли это сообщество – росомонами. Нам предстоит еще попытаться проверить такое напрашивающееся предположение. Что же касается древних скандинавов, то археология показывает, что Восточная Европа действительно не была непроницаема для них в ту эпоху. Контакты между Севером Европы и Средиземноморьем осуществлялись, это очевидно любому, кто заинтересуется работами археологов, и такие корабли, как, к примеру, знаменитое судно из Нидама (Дания), видимо, спокойно могли пройти реками Восточной Европы и оказаться в Черном море. Водный путь, маркированный скандинавскими и римскими вещами эпохи переселения народов, как предполагают археологи, проходил не по Западной Двине, как это было в эпоху викингов, а трассой Неман – Вилия – Березина – Днепр, по какой-то причине, обходя днепро-двинский путь. Там, где были найдены остатки этого корабля, кстати, датские археологи среди множества вещей обнаружили и бронзовую подвеску с интересной рунической надписью "harjilaz ahti". Сейчас ее датируют 320г. н.э. и переводят обычно как, - «герулы завладели мной».

Теоритически, в ту эпоху «римского климатического оптимума», как и в случае с росами византийских источников, они могли сделать это, даже не проходя днепровских порогов. Свернув, не доходя до них на Днестре в самарское устье и пройдя ее притоком – рекой Волчьей и далее уже по ее левым притокам - рекам Гайчур, Мокрые Ялы, они оказывались бы, через один волок, сперва в Азовском море, как и сигнализировали греко-римские источники. Не говоря уже о пути из Запорожья по Конке в Берду. Как утверждал Анохин Г.И. эти степные речушки-"каналы" в недалеком по историческим меркам прошлом были глубоководными. (Анохин Г.И. Тайные маршруты русов. Вопросы истории. 1996). Кстати, напротив него, чуть выше по течению, где сейчас расположено Каменское – Днепродзержинск советского времени, местные краеведы упоминают некий камень-оберег на правом берегу Днепра, называемый в этих краях в старое время «римским» или «Романовым». На нем был выбит вписанный в круг крест (символ колеса фортуны, как о нем пишут) – так вот, этот символ обычен не только для христианской символики: «Адекватно истолковать значение креста в круге, при всей его внешней простоте, чрезвычайно сложно. Аналогичные символы (соляные по своей сути), довольно обычны на наскальных изображениях лодок Скандинавии (Бохуслен, Сконе, Халланд) и сопредельных регионов Европейского Севера еще с неолита и эпохи бронзы (Фиркс. 1981. С. 6)». (А. А. Хлезов Руны с горы Опук). И это не единственный след, возможно, оставленный именно герулами. «На плите, перекрывающей вход в грот № 51-а так называемой Каменной могилы – известнякового сильно разрушенного останца с многочисленными фотами и пещерами, находящегося в 18 км к северу от г.

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

Мелитополя (Украина), сотрудником краеведческого музея г. Мелитополь Б.Д. Михайловым было выявлено граффито, возможно являющееся старшерунической надписью. На другой плите, перекрывающей плиту с, возможно, руническим граффито, нанесено изображение корабля с мачтой и прямоугольным парусом. Не исключено, что эти два граффити связаны между собой». (Е.А. Мельникова Скандинавские рунические надписи 2001). Давно дело было. Никто не скажет наверняка, но сведения вообще любопытные, и вам, возможно, полезно будет знать об этом.

Между тем, что касается современного научного взгляда на герулов, как считает большинство исследователей, слишком много признаков указывает на то, что мы имеем дело не с именем народа или племени, как поверхностно упомянул Иордан, а с самоназванием социальной группы, лишь немного переименованной греко-римской цивилизацией, во многом подобной той, которую мы исследуем. Быть может к большому нашему удивлению. А за одно, и- торжеству идеей географического детерминизма, можно добавить, в шутку. Ведь мы и так это понимаем, судя по тому, с каким местом их ассоциировали в римское время. Оно не очень-то подходило для проживания с семьями и ведения какого-либо хозяйства, ни в древности, ни в средние века.

Характеризуя ту далекую эпоху переселения народов, Г.С. Лебедев, к примеру, об этом писал так: *«В этих переселениях и войнах племенные социальные организмы не просто перемещались на новые земли, смешивались с завоеванным населением и трансформировались в «варварские» (в тенденции – раннефеодальные) королевства. Как и в более ранних миграциях, по-видимому, возникали, и принципиально новые, неустойчивые, но действенные формы социальной организации. В источниках эти формы нередко «маскируются» под «нормальные» этносы, хотя судьба их, от происхождения до исчезновения, далеко не столь определена, как у этих этносов. В ряде этнонимов следует видеть скорее особого рода «социальные движения» и объединения, соционимы особого рода военных организаций (как позднее, да и в наши дни «избыточную» этническую нагрузку обретает в современной масс-культуре и понятие викинги, ставшее синонимом скандинавов). Эти формы организации отчетливее всего проступают впервые, вероятно, под именем герулов (эрулов), таинственных спутников и соратников готов. Herules латинских и греческих источников, eorles англосаксов, jarlar ранних песен «Эдды», в самоименовании рунических надписей 5 века – eirilaz, с 267г. по 459г. известны на пространстве от Азовского моря до Испании, они составляли преторианскую гвардию императоров в Риме до 476г. и Константинополе (532г). «Эрулы» выступают как дружины отборных воинов (Иордан, 118), они сражаются пешими и нагими, отличаются огромным ростом и силой, появляются в красных одеждах или боевой раскраске, перемещаются на большие расстояния бегом или очень быстрым шагом, не теряя воинского строя и боеспособности, уверенно действуют на легких морских боевых судах (возможно именно к ним относилось и наиболее раннее из известных употреблений термина wicingas в англосаксонском «Видсиде»). Эрулы, как ранее, может быть, и «кимверы», и «тевтоны», посвятившие себя пожизненно – военным походам, - разноплеменная воинская элита, в бурных условиях 4-5вв. обретавшая способность к самоорганизации. В древнейшей из песен «Эдды» Jarl, Karl u Trael – «ярл» (благородный воин), «карл» (свободный земледелец) и «трэл» (раб) – выступают как первичные сословия общественного миропорядка (Rigsthula), и jarlar в древнейших юридических формулах Скандинавии, таких как karlfolkoksvajarla («карлы и их ярлы»), носит не потестарный, но элитарный характер значения. Ярлы (эрлы, эрулы) – еще не «феодальные» владыки,*

но своего рода «офицерский состав» народного ополчения («фолк»-«полк»). Того же порядка явление, видимо, и росомоны Готской державы (восстанавливающие «военное» значение древнесеверного *ruth*, в контаминации с готским *hrods*, «слава», и общегерм. *Man*, «муж»). Те и другие исчезли вместе с этой державой и по мере стабилизации новых «варварских королевств», вступивших на путь «римско-германского синтеза» Западной Европы... Однако, безусловно, «воинские союзы» эрулов (и им подобные) сконцентрировали в своей среде не только военные навыки и отношения, но и ряд новых ценностей, как духовных, так и материальных: привычку к золоту и умение его обрабатывать, знание магических рун, искусство поэзии, посвященное Одину (богу воинской одержимости – *oddr*, и одновременно – поэтического вдохновения). После 508г. эрулы возвращаются в «Скандзу», откуда «с их собственных мест» к тому времени их вытеснили даны (Иордан, 23) и где они «странствовали по Скандинавии, добывая и деньги и похвалу за свои знания, как рун, так и героических песен... Таким образом, руны и эпос, распространялись среди скандинавов, составляя культурный континуум до эпохи викингов и вдохновляя песенную культуру «Эдды» и «скальдики». (Г.С Лебедев Эпоха викингов.)

Да, это именно те, кому, по всей видимости, Северная Европа обязана, распространением сурового и мрачного воинского культа Одина. Именно так считают некоторые скандинависты сегодня. По какой-то причине, так считал уже Снорри Стурлусон (1178-1241)- ирландский историограф, известный, как составитель Младшей Эдды и Круга земного» (*Heimskringla*)- обширного свода саг, посвященных норвежским конунгам от легендарных времен вплоть до 1177 года. Как рассказывают нам старинные северные предания, с ними Один и другие Асы и перебрались в Скандинавию из «Великой Свитьод», лежащей к северу от Черного моря. Что речь в этих преданиях шла о герулах, а источником информации о них были византийские историографы, я покажу вам предельно ясно. Пусть большинство европейских скандинавистов по сей день, и числят их за средневековые выдумки. Зная те обрывочные остатки представлений о герулах, что дожили до сегодняшнего дня от римских времен, стоит ли удивляться тому, что скандинавские легенды средневековья превратившие «Асов» в культурных героев, отчего-то указывают именно на территорию современной степной Украины?

«Самой же Швеции (именно так она называется) имя дано от имени тех областей, откуда Один со своими впервые вышел. Тех, что лежат к северу от Меотийского болота и которые древние скандинавы называли Свитьод Великой, или Холодной». («Сага о Скульдунгах»). Российские скандинависты разъясняют, что такое эта «*Svitjod hinn mikla*» – Великая Свитьод. **«На формирование хоронима, вероятно, оказало влияние почерпнутое из Западноевропейской хорографии античное название Великая Скифия, с которой Великая Свитьод прямо отождествляется в „Описаниях Земли“ II и III и других трактатах». Чрезвычайно интересно, что по мнению средневековых скандинавских авторов, их страна – Скандинавия – была заселена из Руси, то есть из Великой Свитьод. В свою очередь, Великая Свитьод считается сначала заселенной Тюрками».** Двадцать лет назад норвежец Тур Хейердал искал их следы в Приазовье, о чем написал книгу «В погоне за Одином. По следам нашего прошлого». К сожалению, искал он их не совсем там. Почему? Возможно потому, что до конца не понимал, кого конкретно ищет. Возможно из-за того, что следуя буквальному «прочтению» текстов Снорри Стурлусона, неверно выбрал точку отсчета, избрав за таковую Низовье Дона. Он искал материальные следы «Асгарда» Снорри, каковой, тот, помещал, где-то к востоку от Танаиса; если понимать его тексты буквально,

что большая ошибка, как можно заметить и в случае с некоторыми сагами, которые категорически нельзя принимать ни за устное предание, ни за чистые басни. Некоторые из них, как вы могли уже заметить, на самом деле, являлись искусно составленными притчами, продуктом интеллектуального творчества хорошо образованных людей, адресованным своему кругу, пусть и не все понимают такой нюанс. Исландский рыбак того времени понял бы в них не больше чем мы сегодня. Не исключение тут и тексты Снорри Стурлусона, что наглядно проиллюстрировать можно, таким примером, имеющим отношение к правильной локализации этого самого пресловутого Асгарда из саги:

«Круг Земной¹, где живут люди, очень изрезан заливами. Из океана, окружающего землю, в нее врезаются большие моря. Известно, что море тянется от Нёрвасунда до самого Йорсалаланда. От этого моря отходит на север длинный залив, что зовется Черное море. Он разделяет трети света². Та, что к востоку, зовется Азией, а та, что к западу, некоторые называют Европой, а некоторые Энеей³. К северу от Черного моря расположена Великая, или Холодная Швеция⁴. Некоторые считают, что Великая Швеция не меньше Великой Страны Сарацин, а некоторые равняют ее с Великой Страной Черных Людей. Северная часть Швеции пустынна из-за мороза и холода, как южная часть Страны Черных Людей пустынна из-за солнечного зноя. В Швеции много больших областей. Там много также разных народов и языков. Там есть великаны и карлики, и черные люди, и много разных удивительных народов. Там есть также огромные звери и драконы. С севера с гор, что за пределами заселенных мест, течет по Швеции река, правильное название которой Танаис. Она называлась раньше Танаквисль, или Ванаквисль⁵. Она впадает в Черное море. Местность у ее устья называлась тогда Страной Ванов, или Жилищем Ванов. Эта река разделяет трети света. Та, что к востоку, называется Азией, а та, что к западу, — Европой. Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одним». (Круг Земной. Сага об Инглингах).

На какую реку, какую местность этой реки, и какое сообщество нам намекают? Как думаете, мы на верном пути? Почему буквально понимать этот пассаж нельзя? В первую очередь, даже не из-за того, что в нем фигурируют драконы и карлики, а элементарно, потому, что в средневековой Европе никто не считал, что Дон впадает в Черное море или что именно оно разделяет Европу и Азию. Обратите внимание на повтор – **«разделяет трети света². Та, что к востоку, зовется Азией, а та, что к западу, некоторые называют Европой, а некоторые Энеей».** Это выражение не случайно повторено дважды и содержит в себе прямой намек на тот географический объект, который, в действительности, имел в виду автор. Штука в том, что любая космография средневековья, под которые и рядится этот отрывок, рассказывала, что Европу от Азии отделяет в первую очередь Геллеспонтское море, а не Черное, а Танаис (Дон) впадает в болото Меотиду, и случайно такие ошибки допустить было сложно. Вся образованная Европа знала такие элементарные вещи. Она же, в лице ирландских современников Снорри, сто раз указала бы ему на них или поправила позднее, поэтому подобное чудачество так просто не объясняется. Ключ к правильному толкованию этого места саги дает «Младшая Эдда» Снорри, где «Асгард» неоднократно и недвусмысленно отождествляется с Троей:

«Вблизи середины Земли был построен град, снискавший величавую славу. Он назывался тогда Троя, а теперь — страна Турков»,

«Вслед за тем они построили себе град в середине мира и назвали его Асгард, а мы называем его Троя».

Обычно это место толкуют так, что сюжет, приведенный Снорри Стурлусоном, по смыслу состоит из двух частей. Согласно первой из них, отраженной в прологе к “Snorra-Edda”, прародиной нордических Асов являются сначала Троя, а местом деятельности, даже Фракия, по ту сторону пролива. И уже потом, после исхода, Один правит где-то к востоку от Танаиса. А с ним, кочует и Асгард-Троя. Однако, вопросом: - «если исход из Трои – это расхожий европейский этногенетический миф, (как обычно считают, оглядываясь на похожую французскую легенду), почему исландец указал на страну турков?», наверняка задавался не один Хейердал. Ведь любому понятно, что европейские представления о Трое, с древности и до эпохи Снорри, с ареалом проживания кочевых племен никакой связи не имели. Не жили турки в тех краях ни во времена Снорри Стурлусона, ни ранее. Ни в представлениях тогдашней Европы, ни в реальности. Это простой исторический факт, поддающийся нехитрой проверке. К тому же, в той же саге об Инглингах прямо говорится, откуда, из какой земли, началось переселение предков скандинавов. А как она там характеризуется?

«Одину и жене его было пророчество, и оно открыло ему, что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имен всех конунгов. Поэтому он вознамерился отправиться в путь, оставив Страну Турков. Он взял с собою множество людей, молодых и старых, мужчин и женщин, и много драгоценных вещей. И по какой бы стране ни лежал их путь, всюду их всячески прославляли и принимали скорее за богов, чем за людей. И они не останавливались, пока не пришли на север в страну, что зовется Страною Саксов». (Круг Земной. Сага об Инглингах).

С чем ассоциировали Трои, вам могут рассказать средневековые справочники-энциклопедии. Трои, землю Трои – «Троаду», с незапамятных времен привязывали к проливу Геллеспонт-Дарданеллы, разделявшему Европу и Азию, на азиатской стороне которого ее и располагали. И вы тут нисколько не ошибетесь, если предположите, что Снорри Стурлусон, в своих притчах, в первую очередь, указывал на другой «Геллеспонт». На, совсем другое место карты. Также, не менее известное образованным людям на Севере христианской Европы в ту эпоху, к которому он почему-то и привязывал свою Трои-Асгард. Также, кстати, поступил и датчанин Саксон Грамматик со своими двумя Византиями, один из которых по его книгам был столицей римлян, а другой – домом Одина. Почему-то. На это обратил внимание еще Омелян Прицак.

Скандинавский «Дом богов» никуда не кочевал. То место действительно находилось «в Стране Турков»: **«Она впадает в Черное море. Местность у ее устья называлась тогда Страной Ванов, или Жилищем Ванов. Эта река разделяет трети света. Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одним».** Исландец, осторожно напоминая о герулах и их днепровской базе посреди земель готов и сарматов, как оказывается, вполне себе хорошо знал, о чем пишет. Точно так же, как и составители саги об Ингваре Путешественнике, вроде как невпопад упомянувшие **«МЫС Сиггеум»**, который согласно «Этимологиям» Исидора Севильского (около 560—636), к примеру, находился на азиатской стороне Геллеспонта, в «Троаде»- земле Трои, всего в полутора десятках км от этого города, а по саге – недалеко от впадения реки в Раудахав. Если помните. Siggeum, a headland between the sea and river, is thought to refer to the

ancient Greek city of Sigeion (Sigeum in Latin) in Troas, the Land of Troy in modern-day Turkey (Schwertheim 2006). It marked the entrance to the Hellespont, more familiarly known as the Dardenelles today. (Jim Gritton. Yngvars saga víðförla and the Ingvar Runestones: A Question of Evidence. 2020). Древний «Sigeion» в греческой традиции издавна маркировал вход в пролив. Трудно судить по какой причине скандинавская традиция, в связи с Одином и его домом, указывала на район Низовий Днепра, но то, что она делала именно это, вам должно быть уже очевидно. Возможно, на пути в Миклагард выходцев оттуда поражали размеры Каменского городища, и все это наложилось на какие-то сведения, почерпнутые от греков, возможно – что-то другое. Судить сложно.

Это знаковое для Северян место, недалеко к востоку, от которого находился дом старого Одина, «дом Богов», даже в эпоху победившего христианства, продолжало привлекать внимание скандинавов. Память о нем выветрилась лишь впоследствии. Настолько, что узнать его мы можем лишь случайно, по отрывочным фрагментарным сведениям, в связи с совершенно другой проблемой.

Сага об Инглингах рассказывает историю взаимодействия неких сообществ Асов и Ванов, табуируя известные и привычные названия, но о каком «племени» нам рассказывают, мы все еще можем понять. Так что, когда "Сага об Инглингах", (гл. VI) рассказывает нечто вроде: «Спутники Одина ("Сага об Инглингах", гл. VI) "ходили без доспехов, дикие, как собаки или волки, кусая свой щит, и были сильны, как медведи или быки. Они беспощадно убивали людей, и ни огонь, ни железо не могли остановить их. Это называлось неистовством берсерков" (букв. "воинов в шкуре (serkr) медведя)". Их знали также под именем ulfhednar, "люди в волчьей шкуре"—сейчас вы можете особо не сомневаться, что **речь идет именно об одних из предшественников днепровских казаков Украины**. Чтоб там не пели сегодняшние скептики. Как, в свое время, справедливо замечал Альфред Хойс, наука или убивает культурную память или укрепляет ее, но игнорировать факты она не может! Это стратегия российских скандинавистов.

Метафорическим языком она знакомит нас с забытой переселенческой историей росомонов-герулов. Причем Снорри явно видел это сообщество неоднородным. Состоящим, в том числе, по-видимому, и из сарматов, как и предполагали Тур Хейердал и Пер Лиллиестрем в своей книге «Погоня за Одином». Источником же всех этих сведений попавших в средневековье в Скандинавию была не какая-либо устная традиция, о которой говорить, наверное, было бы наивно, а накопленные Византией знания, утраченные лишь впоследствии. И вряд ли случайно упомянутые Иорданом в связи с убийством Германариха имена росомонов, как теперь уже понятно, имеют древнеиранское происхождение, скорее указывая на сарматов, чем на германцев. Такие предания старины о своем прошлом скандинавы могли узнать только от Византии.

И их, - герулов, так и не написанная, история имеет продолжение и после ухода готов за Дунай. После более чем столетия опыта пребывания на готских землях в Ойуме. Именно такое – с переселениями, и уходом на Север, как кратко и рассказано исландцем. Можно только удивиться, как время не смогло полностью стереть их следы. В 286г. они упомянуты как атаковавшие Трир варвары, пришедшие из «далеких земель». Уже как о римских наемниках принимавших участие в военных компаниях империи о них пишет Аммиан Марцеллин, замечая, что в 360 году эти союзники имели свои дома за Рейном и входили в элитное подразделение батавов, традиционно вербовавшихся в устье Рейна. И, похоже, мы снова имеем дело с еще одной операционной базой германо-

скандинавских групп, на этот раз на ваттовом побережье Фризии, где предположительно локализуется ее Т. Бранд (Troels Brandt *The Herulsin Scandinavia*. 2013).

Как свидетельство об одной из последних грабительских морских экспедиций «меотийских» варваров, упоминают иногда и рассказ Зосима из его «Новой истории» конца 5в. н.э. о нападении сарматов на Нижнюю Паннонию. По контексту повествования выходит, что они пришли из Черного моря, поднявшись Дунаем на кораблях в 322г.: **«Константин, узнав, что савроматы, живущие у Меотийского озера, переправившись на судах через Истр, опустошают подвластную ему землю, повел против них войска. Варвары выступили против него под предводительством своего царя Равсимода...Константин приблизился, напал на варваров с тыла, многих перебил и еще большее число взял живыми, так что остальные обратились в бегство. (3) Равсимод, потеряв большую часть своих полчищ, сел на суда и переправился через Истр с намерением снова опустошить римскую область. Услышав об этом, Константин последовал за ним, также переправившись через Истр, и напал на варваров, сбежавшихся на один холм, покрытый густым лесом. Он многих убил, в том числе и самого Равсимода, и многих взял живыми...».**Имя этого сарматского вождя по происхождению считается готским, но более любопытно тут то, что он применяет тактику совершенно несвойственную собственно сарматам, на что историки обычно и обращают внимание. (Ярцев С.В. *Варвары Северного Причерноморья в борьбе Константина и Лициния*. 2010). И, возможно, это еще одно редкое, дошедшее до нас свидетельство о действиях причерноморских налетчиков–воинского сообщества герулов.

Как отмечали Хейердал и Лиллиестрем: «Выдающийся французский ученый Жорж Дюмезиль, убедительно доказав родство осетинской и скандинавской мифологии, оставил открытым вопрос о происхождении этой тесной связи, которую отнюдь нельзя свести к общему индоевропейскому наследию [5]. Опираясь на изыскания исландского историка Барди Гудмундссона и норвежского рунолога Карла Марстрандера, крупнейший российский исследователь языка и культуры скифов-сарматов-алан Василий Абаев сделал вывод о посреднической роли германского племени герулов. «Этот „поток культуры“ между Черным морем и Скандинавией далеко еще не исследован во всех его аспектах, но его реальность не вызывает сомнения». (В погоне за Одним) В.И. Абаев рассказывает об этом в одном из своих исследований – «Скифо-европейские изоглоссы» 1965г. в главе «Сирдон-Брикriu-Локи» и, похоже, что к работам всех этих исследователей стоит относиться более внимательно, чем это делается теперь.

После прихода в Европу гуннов они, судя по всему, присоединяются к ним и действуют заодно, хотя в источниках, как пишет изучавший этот вопрос Бранд, это и не отражено, за исключением упоминания о том, что они участвовали на стороне Атиллы в знаменитой битве на Каталаунских полях 451г. В своем исследовании он отмечает, что археологические находки, найденные на территории южной Швеции, недвусмысленно указывают на участие восточногерманских племён в гуннской кампании начала V века. В районах Sösdala, Fulltofta (посреди Скании), в районах Vennebo, Finnestorp, и в пограничных областях Халланд и Гёталанд, найдено снаряжение для верховой езды, выполненное в стиле «Cosoveni» или «Untersiebenbrunn». Я. Тейрал (Jaroslav Tejral) описал этот стиль, как связанный с восточными германцами и аланами, мигрировавшими с территории Боспорского царства. Совпадения, случайности.

После поражения гуннов и смерти Атиллы, его восточногерманские последователи, как сказано об этом в трактате того же Иордана, подняли мятеж против его сыновей и

разгромили их в битве при Недао 454 года, заставив гуннов спешно покинуть Центральную Европу и откочевывать в Причерноморье. И снова герулы засвечиваются, как участники этой войны. И пока западные герулы грабят побережье Галлии и даже Испании, о чем сохранились упоминания относительно 409 и 450х годов, их восточные «братья по оружию», в конце концов, основывают собственное королевство на «янтарном пути» в землях Моравии и Мархфельде (Моравском поле) – равнине к северу от Дуная, покорив и обложив данью всех своих соседей, включая лангобардов. Традиция утверждает, что они составляли костяк войска Одоакра, свергнувшего в 476г. последнего императора Западной Римской империи Ромула Августа, что считается её фактическим концом в любом учебнике по истории. Этот человек избранный впоследствии своими собственными воинами королем Италии, назывался среди прочего и –Rex Herulicus. Однако война с остготами Теодориха положила конец их планам на Апеннинский полуостров, а неожиданное поражение от лангобардов пару десятилетий спустя окончательно вывело из пула активных политических игроков на карте Центральной Европы. Память об их участии в ее делах сохранил немецкий эпос, где они фигурируют под их германским прозвищем, упомянутым Иорданом. Этот готский соционим сохранили сказания о Дитрихе Бернском и Ортните.

Касательно же их основной старой Приазовской базы, где они впервые и получили это свое альтернативное, упрочившееся у римлян прозвание, Станг делится в своей работе одним интересным наблюдением от того же примерно времени. Он упоминает одного арианского епископа Александрии по имени Тимофей, имевшего прозвище «герул». “Timotheus cognomento Hellurus”, “Timotheus cognomento Aelurus”. Так вот, согласно источнику, он был отправлен в ссылку в 452г. не куда-нибудь, а довольно далеко от города Херсонеса, на устье Днепра, туда, где река Днепр впадает в Черное море. Станг заключает, что: «Это по праву считалось вовсе не изгнанием, а «возвращением домой». (The Naming of Russia с62).

Что еще известно сегодня об этом странном сообществе? Прокопий Кесарийский, секретарь и юридический советник восточно-римского военачальника Велизария, написавший уцелевшую работу «История войн», законченную к 553г. в тех книгах, где излагается история войны с остготами в Италии, посвятил герулам целый экскурс (BG. II. 14-15). «*Последние в его времена были союзниками римлян. До того "с древних времен" (ἐκ παλαιῶν) они "поселились" (ἔκοιον) за Истром. Когда на римский престол вступил император Анастасий (491 г.), герулы в сражении с лангобардами потерпели сокрушительное поражение, после чего одни из них "поселились в стране в Иллириях", другие, не пожелавшие перейти Истр (т. е. жить в империи), обосновались почти на краю обитаемой земли (Прос. BG. II. 15. 1). На край земли часть герулов отправилась под предводительством людей "из царской крови" (ἐκ τοῦ βασιλείου αἵματος, – BG. II. 15. 2). По пути герулы прошли через земли славян, варнов и данов. Затем, подойдя к океану и сев на корабли, герулы переправились на о-в Фула».* (Лавров В. В. Из истории скандинаво-причерноморских связей (III-IV вв. н. э.). Кроме того, этих своих современников он обвинял в вероломстве, склонности к пьянству, дурных нравах, странных обычаях убийства-эвтаназии стариков и больных, педерастии, убийстве собственного короля и неуважении к верховной власти. Что из этого было слухами, циркулирующими среди христиан, а что – правдой, мы уже вряд ли узнаем, но репутация у этого сообщества среди римлян в 6ст. была явно скандальной. Судя по всему, они числились у римлян лучшими бойцами среди германских племен, и в то же время -

безжалостными налетчиками. И упоминания о них, мало по малу, исчезают только к середине 6ст.

Известно, что на правах федератов они получили от восточно-римских властей пограничные земли под поселение в Иллирии, и как наемники, долгое время, являлись важным элементом римской армии Юстиниана.

Какую именно территорию им выделили под поселение мы знаем благодаря некому Менандру по прозвищу Протектор (др.-греч. Μένανδρος ὁ τρωτίκτωρ) — византийскому дипломату и историку VI века. Его сочинение «История», написано было при императоре Маврикии (582-602) и целиком до нас не дошло, однако многие важные сведения касательно правления Юстиниана уцелели. Среди них уцелела и такая интересная для нашего расследования информация: *«Юстиниан принял посольство аваров, которые требовали, чтобы было им позволено осмотреть землю, куда их племя могло бы поселиться. Вследствие донесения полководца Юстина, царь имел намерение поселить этот народ в земле эрулов, то есть там, где перед этим жили эрулы. Эта земля называется Второй Пеонией. Царь изъявлял на то согласие, если только авары охотно там поселятся. Но авары были так привязаны к своей земле, что и не думали поселяться вне Скифии. Это дело осталось без движения».* Она приурочена к 562 году. Упомянутая же «Παλιονία Δευτέρα», Pannonia secunda — это междуречье рек Дуная и Савы, вплоть до Дравы на севере, со знаменитым некогда городом Сирмий, в качестве центра. Сегодня этот край называют «Срем». Название происходит от того же древнего города Сирмий — одной из резиденций римских императоров, на дороге из Италии в Константинополь, где до сих пор можно увидеть развалины их дворца (ныне — Сремска Митровица). Это была область плодородная, достаточно низменная и окружённая со всех сторон полноводными реками, кроме того — на то время — пограничная и стратегически важная. Здесь их история и заканчивается. Т. Бранд пишет об их поселении в Среме около Белграда (Сингидунума), попытках крестить их, участии герулов в подавлении восстания Ника в Константинополе в 532 году, в разгроме вандалов в Африке, операциях против остготов в Италии. О дальнейшем, лаконично сообщает Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона:

«Когда, спустя некоторое время, придунайские герулы, недовольные своим королем Охоном, убили его, они послали в Скандинавию пригласить к себе одного из представителей древней династии. Приведенный оттуда Тодасий действительно был признан большинством народа, и лишь меньшая часть последнего подчинилась Свартве (Suartuas), назначенному императором Юстинианом. Тодасий вступил в союз с гепидами и вместе с ними воевал против империи. В 565 г. Синдвальд, предводитель герульского отряда в войске Нарзеса, сделал попытку основать в северной Италии (или в Тироле?) независимое государство; но он был побежден и казнен Нарзесом. Как эти, так и придунайские герулы исчезают бесследно к концу VI века; они сливаются с родственными народностями придунайских областей. Герулы изображаются историками (в особенности Прокопием, VI. в.) как самый буйный, беспокойный и дикий из всех германских народов. В VI веке была сделана тщетная попытка обратить их в христианство. О языке герулов мы знаем очень мало; до нас дошло всего около 16 личных собственных имен и одно нарицательное (bandus — знамя). Этого материала недостаточно даже для решения вопроса, к какой группе германских наречий принадлежал язык герулов. На основании исторических данных, вероятно, что он примыкал к группе скандинавской». Занавес. Информация устаревшая, но в целом — верная. Новых письменных источников про какие-либо события с ними связанные, так и

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

не прибавилось. После того, как они помогают гепидам отторгнуть Срем у Восточной Римской империи, их следы окончательно теряются. Более подробно о них вы всегда можете узнать, читая специалистов.

Помимо того немногого, что сегодня, через полтора тысячелетия мы знаем и понимаем про это древнее сообщество, культивировавшее воинские традиции варварской Европы первых веков н.э., благодаря историкам, обращавшим внимание на упоминания о них, можно еще добавить пару слов о самом их имени. Насколько я понял, чаще всего считается, что название герулы - Heruli - это латинская форма от германских heruloz (множественное число) и herilaz (единственное). Что-то вроде «люди войны, налетчики». Они произошли от древнегерманского «harjaz» - «войско». Современные английские глаголы "to harry" (тревожить, надоедать) и "to harass" (преследовать) произошли от того же германского «heri»(ср. также глагол herja «опустошать»). Как пишет Станг: «Прозвище «(х)элуры», кстати, хорошо перекликается с титулом Одина Херела «военачальник». Такова наиболее распространенная точка зрения сегодня.

Вот такое короткое путешествие в первые столетия нашей эры. Совсем не случайное в контексте нашей темы. Поскольку, помимо того тождества, которое вы можете заметить по европейским средневековым письменным источникам, намекающим внимательному исследователю на то, что **«геллеспонттики» это лишь другое ученое латинское именование древних герулов («росомонов» немецких сказаний), которых, в свою очередь, они почему-то связывают с современной им Русью**, мы можем заметить и кое-что другое. В том случае, разумеется, если решим проверить, насколько это давно забытое средневековое книжное тождество может согласовываться с прошлой реальностью и быть верно, фактически. Ведь довольно любопытно, как могла возникнуть такая концепция. Появился ли этот книжный конструкт в результате кабинетных упражнений средневековых историографов искусственно, или под ним есть какие-то реальные исторические основания? Точно ли именно герулов, некогда называли «рутенами» или «народом рос»?

Главное, что сейчас есть возможность сделать это. И здесь в наше поле зрения впервые попадает загадочная «марка русов» Венгрии, локализованная еще в далеком 1978г. А.В. Назаренко. Правда, без всяких последствий для науки. Никто больше не вспоминал о ней. Хотя она известна была даже англичанам, разместившим ее на Геррефордской карте – старейшей из известных карт мира (13ст.) в Подунавье, или, по карте Генриха Майнцского, с такими легендами: «Daciae Russia» или «Dacia. Hecet Rusia» - «Дакия и Руссия», «Дакия. Здесь есть Русия». Упомянутые карты знают и, собственно, днепровскую Русь, но по поводу ее двойника на Балканах, к сожалению, ничего не поясняют. Средневековые венгерские латиноязычные источники упоминают о ней в связи с событиями 11-12ст.: «Dux Ruizorum (1031г), in marchia Ruthenorum (1127г).

А. В. Назаренко О «русской марке» в средневековой Венгрии 1978.

Общеизвестно, что один из источников 12в. упоминает о существовании на территории Венгерского королевства некоей «русской марки». В науке нет определенного мнения по поводу этого сообщения, что естественно, если принять во внимание его уникальность. Х.Бидерманн отождествляет «русскую марку» с четырьмя комитатами Закарпатской Краины, населенной русскими. К.Я. Грот полагает, что Иштван II, принимая участие в междоусобной борьбе Володаревичей и Васильковичей, находился на Галичине. М.С. Грушевский ограничивается тем, что

сомневается в первом и отвергает второе. Неопределенно и мнение В.Т. Пашуто: «Это, вероятно, какая-то пограничная венгерско-русская территория со смешанным населением. Таковых было немало в зоне Карпат...». Неоднократно возникало предположение о возможной связи этого сообщения с более ранним известием Хильдесгеймских анналов о смерти герцога Имре Святого, сына Иштвана I: «А Гейнрик, сын короля Стефана, герцог русов, погиб плачевной смертью, растерзанный на охоте вепрем». (*Et Henricus, Stephani regis filius, dux Ruizorum, in venatione aba pro discissus, flebiliter obit*). Диапазон трактовок титула «герцог русов» довольно обширен. Осторожен М.С. Грушевский: по его мнению, какие-то русские земли входили во владения Иштвана I. Аналогично мнение В.Н. Шушарина, который склонен рассматривать факт существования под властью герцога Имре «особой области, населенной восточными славянами – древними русами», как реликт территориальной автономии племенных вождей. Установить точное значение термина пытается Д. Дьерфи: «*dux Ruizorum*»= «*dux exercitus regis*» - герцог войскового корпуса, состоявшего из русов. С Дьерфи солидарен и В.Т. Пашуто, который не исключает, однако, вероятной взаимосвязи между русами, которых «водил» Имре, и «русской маркой» из Жития архиепископа Конрада. Но даже постулирование этой взаимосвязи никак не способствует локализации «русской марки» - для запрашиваемого соотнесения герцогского титула Имре с тем герцогством, владение которым по традиции являлось прерогативой венгерских престолонаследников, нет оснований. Решение проблемы едва ли возможно без привлечения дополнительных сведений из других источников. Таковыми вряд ли могут служить хорошо известные сведения о русских поселениях на венгерской территории, начиная еще с 10в., ибо эти поселения не группируются вокруг одного центра, а разбросаны по всей Венгрии от австрийской границы до Трансильвании, так что нет причин предпочитать одно другому и ставить какое-нибудь одно из них в связь с «русской маркой». В качестве дополнительного материала, кажется, можно привлечь одно весьма замечательное сообщение из сочинения сплитского архидьякона Фомы (1200-1268). Это сообщение, являясь явным анахронизмом, помещено в контексте повествования о Диоклетиановых гонениях на христиан, и, возможно, именно поэтому оно выпадало до сих пор, насколько нам известно, из поля зрения исследователей. Фома пишет: «В Паннонии, на границе [с] Рутенией, [Диоклетиан] воздвиг из порфирита не без роскоши храм, который до сих пор, хотя и разрушен, являет [собой] изумительное зрелище [всем] переправляющимся оттуда, как [о том] написано в истории о четырех венчаных». Единственный известный нам комментарий (да и то сделанный мимоходом) к этому месту сочинения Фомы дал М.Бюдинггер в своем издании легенды о мученичестве четырех венчаных («*Passio quattuor coronatorum*»); в качестве одного из доказательств популярности легенды он отмечает, что она была использована «одним далматинским священником (!) для атрибуции каких-то развалин в Венгрии на границе с Сербией». Даже если отвлечься от досадной, ни на чем не основанной прямолинейности этого суждения, оно вызывает возражения уже потому, что сразу далее Фома повествует о других постройках императора именно в Сербии: «В земле же Гетов, что теперь зовется Сербией или Разией...», причем частица «*vero*» явно указывает на отличие в представлении автора Паннонии и этой загадочной Рутении от Сербии. Кроме того, из восьми случаев употребления Фомой термина *Ruteni*, *Rutenia* все восемь, вне всяких сомнений, относятся к Руси и русским; стало быть, едва ли допустимо предположение, что в девятом речь идет о Сербии, которую двумя строками ниже сам автор называет *Rasia*, а не *Ruscia* или *Rutenia*. Итак, следует думать, что наш хронист имел ввиду именно русских, тогда как хронологическая

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

неувязка легко снимается добавлением слова «nunc» - «ныне, теперь», без труда подразумевающегося из контекста (ср.: «terraGetarum, quenucServia...nuncipatur»). Однако *Rutenia* в рассматриваемом сообщении – это, безусловно, не Русь. Даже если топоним *Pannonia*, как это нередко бывало у средневековых авторов, употреблен Фомой в качестве синонима к *Hungaria*, то все равно, чтобы избежать противоречий, придется сделать более чем сомнительное допущение, что Диоклетианова постройка находилась, по мнению Фомы, в Северо-Восточных Карпатах. К тому же в этом случае было бы совершенно неясно, через что переправлялись «*indetransseuntes*», ибо дворец, согласно легенде, на которую ссылается Фома, стоял на берегу реки, в которой и были утоплены мученики.

Однако слова «*inconfinio Rutenie*», кроме обычного «на границе с Рутенией», допускают еще и другую интерпретацию. Дело в том, что термин «*confinium*» имеет, во всяком случае в некоторых венгерских юридических памятниках, еще и специальное значение – «марка». Впервые, как кажется, он появляется во втором декрете Ласло I (1077-1095), где в § 14-16 уточняются обязанности маркграфов (*comitesconfiniorum*) и жителей марки (*custodes confiniorum*). Очевидно, в этом же значении *confinium* употреблен и в декрете Андрея II от 1222г. Если допустить, что и у нашего автора в рассматриваемом контексте *confinium* синонимичен *marchia*, то текст следует читать: «В Паннонии [на территории] марки рутенов...». Такое прочтение не только позволяет устранить вышеупомянутые внутренние противоречия, связанные с упоминанием якобы Руси, но и помогает выяснить возможную локализацию гипотетической «русской марки». Надо думать, хронист не случайно ссылается на легенду о мученичестве четырех скульпторов-христиан, где Диоклетианов храм помещен «в Паннонии...в месте, которое зовется «у тучной горы», что по мнению исследователей этого памятника, означает современную *Fruška gora* в междуречье Савы и Дуная – место, которое и в римских памятниках именуется аналогично. Кроме того, известно, что находившийся как раз на интересующей нас территории архидьяконат Печского архиепископства еще в 13в. назывался «*Marchia*» как, впрочем, и все междуречье Савы и Дравы, хотя оно давно уже перестало быть границей королевства.

Заметим, что такая локализация «русской марки» скорее всего не только не противоречит сообщению Жития архиепископа Конрада, но им подтверждается (хотя и идет вразрез с «самоочевидными» прочтениями этого сообщения): ведь следует учесть, что в 1127г., которым Житие датирует австрийское посольство к Иштвану II, венгерский король готовил, а затем вел большую войну против Византии, так что он находился, вероятнее всего, в южных пределах королевства и едва ли в Карпатах или тем более на Галичине. Любопытно, что на определенную таким образом территорию попадает православный монастырь в Савасентдемете (св. Димитрия на Саве), в который делали загадочные вклады галицко-волынские князья. Если это был жест политической заинтересованности и вежливости, неясно, почему для этого была выбрана обитель, столь удаленная и ничем особым не выдающаяся. Нам представляется, что рассмотренное выше известие позволяет перенести вопрос о существовании в Венгрии эпохи Арпадовичей «русской марки» из области чисто гипотетической в область конкретно обоснованных предположений, хотя имеющийся пока материал не дает, к сожалению, возможности с определенностью судить, например, о том, чем являлась «русская марка» в административном отношении, каким было ее население и т.д.».

По очередному странному стечению обстоятельств нам указали на сегодняшний сербский Срем, бывший некогда, в 12ст. яблоком раздора и ареной столкновений между Византией и Венгрией. На ту самую «Pannonia secunda» римского времени, - «землю эрулов». Опять совпадение? В этом пограничном районе в век крестовых походов происходило немало столкновений, крупнейшие из которых отмечались византийскими хронистами. Но, как оказывается, никакого устоявшегося названия для данной области у ромеев не было. Константин Багрянородный в 10ст. называет ее «земля между Савой и Дунаем», Иоанн Киннам называет ее «Сирмией», Никита Хониат – «Франгохорионом» (Φραγγοχώριον) - землей франков. Сегодня обычно считается, что так этот край греки могли называть с подачи проживавших тут славян, ведь упомянутая выше «Fruška gora» называется так по-славянски. Старосербское Fruzi=Франки. Якобы эти топонимы остались от времени, когда на эти места распространилась власть Каролингов, разгромивших государство авар. Предположение, в свете того, что мы можем заметить, учитывая дискуссию о греческой лексеме «варанг», достаточно поверхностное и, на самом деле, более чем спорное.

Но вот область вновь становится ареной боев и в 1164г. византийцы в который раз захватывают ее в ходе венгерско-византийской войны 1163-1167гг. Причем, на этот раз способны ее удержать до конца столетия. Источники ничего не сообщают о заключении мира между Мануилом I и Иштваном III, но, по итогам войны Срем, Далмация и часть Хорватии отходят Византийской империи. Срем, бывшая венгерская «marchia» включается в фему Сирмий, с центром в Пагационе, а Далмация разделена на два округа. Точные границы этой фемы неизвестны, но считается, что она занимала территории по обе стороны р. Савы, поскольку источники упоминают «Сирмию по эту сторону» и «Сирмию по ту сторону», т.е. южнее реки. И скоро некая загадочная «Росия» внезапно появляется и в документах греков. С ней можно столкнуться при ознакомлении с одним любопытным хрисовулом императора Алексея III Ангела от 1192г. о даровании привилегий генуэзским купцам. Он подтверждает еще более ранний хрисовул от 1169г. покойного императора Мануила I Комнина и в переводе содержит такую формулу:

«Да имеют право генуэзские суда вести торговлю без страха во всех и всегда землях моей царственности, кроме Росии и Матрахи, если только, как говорится, того когда-либо не запретит им моя царственность».

Помянутая Матраха – это греческое именование того же города и области, которые в древнерусских источниках фигурируют, как Тмутаракань – восточный берег Керченского пролива, «земли матрахов». А вот византийская «Росия» - загадка по сей день. Как поясняет нам комментарий на эту императорскую грамоту из 3 тома «Свода византийских актовых свидетельств о Руси» BYZANTINOROSSIKA российского византиниста Бибикова М.В.: «Упоминание «Росии» (Руси?) в договорах византийских василевсов с генуэзцами 1169 и 1192гг. давно вошло в научный оборот. Тем не менее, толкование этого места остается спорным». Этих упоминаний известно всего два, оба происходят от второй половины 12ст., они дублированы латинскими версиями Генуи (Rusiam et in Matraca, Rossia et Matracha) и упоминаниями в западноевропейских хрониках, но о какой византийской «Росии» они толкуют, никто, на самом деле, не знает. Хотя со времен Ю. А. Кулаковского (1855-1919) это упоминание о Росии и принято гипотетически отождествлять с Боспором Киммерийским, т. е. Керчью на том основании, что арабским географом ал-Идриси в XII ст. был указан топоним Rusia в 27 милях от Матрахи (Тмутаракани). В такой интерпретации сомневаются уже давно, и прежде всего византинисты. Поскольку такое название указывает более на исламскую традицию, в

которой так называли реку Дон. Вот как, к примеру, свою позицию по данному вопросу объяснял Соколов Н. П.:

*«К вопросу о значении *he Rhosia* в некоторых византийских памятниках XII–XIII вв.»:*

*«Для решения вопроса о времени проникновения в Черное море генуэзских и венецианских купцов полезно уяснить себе, что должно понимать под словом *he Rhosia* в грамоте Мануила Комнина, выданной им генуэзцам в 1169 или 1170 г., в то время, когда он готовился к разрыву с Венецией. Вопрос этот, как известно, со времени полемики В. Г. Васильевского с Ф. К. Бруном, решается в том смысле, что под *Rhosia* названного нами памятника следует разуметь один из пунктов на Азовском море, обозначаемый на итальянских картах XIV и следующих столетий как *Casale degli Rossi*.^[1726] В этом не сомневается и исследователь одной из смежных проблем М. В. Левченко, как это видно из его статьи в IV томе Византийского Временника.^[1727] Нам думается, однако, что вопрос этот вовсе не так бесспорен, как это кажется. Единственным доказательством существования этого *Casale degli Rossi* являются только что названные итальянские карты. Однако в нашем распоряжении имеется известие Рубруквиса, в котором он сообщает об основании русского поселения в районе нижнего течения Дона в XIII в. по приказу Батыя и Сартака. Это место читается так: *In illo loco fecerunt Baatu et Sartach fieri quoddam casale de Ruthenis in ripa orientali qui transferunt nuncios et mercatores cum naviculis*, где под «тем местом» разумеются устья Дона.^[1728] Только потому, что в распоряжении В. Г. Васильевского уже имелась *he Rhosia* грамоты императора Мануила, он предполагал, что Рубруквис сообщает о другом русском поселении, которое на итальянских картах не обозначено.^[1729] Но нам думается, что вполне позволительно будет спросить, откуда следует, что на интересующих нас картах обозначена *he Rhosia* императорской грамоты, а не деревня русская, о которой говорит Рубруквис? Наименование этого поселения итальянским *Casale degli Rossi* больше подходит к поселению Рубруквиса, чем к географическому пункту, который был хорошо известен императорской канцелярии. Правда, арабский географ XII в., Идриси, говорит о русском городе в устье Дона, но здесь мы согласны с Бруном, который считает, что араб имеет в виду город Керчь, так как за устье Дона он принимает Керченский пролив, с чем согласен и В. Г. Васильевский.^[1730] Заслуживает внимания также то обстоятельство, что итальянские карты помещают *Casale degli Rossi* на левом берегу Дона, т. е. как раз там, где было выстроено по приказу Батыя и русское поселение. В. Г. Васильевский, впрочем, и сам был готов согласиться с Бруном, если бы его не смущало только то обстоятельство, что Керчь нигде в других памятниках не именуется русским городом.^[1731] Из всего этого следует, что надо считать недоказанным, что в грамоте Мануила речь идет о незначительной географической точке на Азовском море, обозначаемой на картах XIV и следующих столетий. К решению интересующего нас здесь вопроса правильнее будет подойти с несколько иных позиций: нужно указать в источниках, наиболее близких ко второй половине XII в., на другие случаи употребления *he Rhosia* и установить значение этого слова. М. Я. Сюзюмовым в одной из его работ достаточно убедительно показано, что слово *he Rhosia*, начиная уже с IX в., утвердилось в греческом языке, как наименование страны руссов, России. Официальным обращением к русским князьям уже в дохристианскую пору было: *ros ton archonta Rhosias*.^[1732] Именно в этом смысле употреблялось это слово и в более позднее время. Приведем некоторые примеры такого словоупотребления. Одним из таких примеров может служить отрывок из письма*

Михаила Акомината, направленного им к Феодору Ласкарису, императору Никейской империи. Интересующий нас отрывок читается следующим образом: *Ei de kai lagon levcon hopoioys he Rhosia katagei eis ten Megalopolin syn te theriake episteiles.*[1733] Неподобно никакого сомнения, что под *he Rhosia* здесь надо понимать наше отечество, в чем не сомневается и сам В. Г. Васильевский, переводя это слово из письма Михаила Акомината вместе с Ф. И. Успенским, как *Русь, Россия*, а не *casal degli Rossi*. [1734] Точно так же и у Георгия Акрополита, писавшего, как известно, также в XIII в., мы встречаемся со страной россос в следующем отрывке: *Epi ta ton Rhoson chorei ekeite te chronon hikanon diameinas, kai tinas ton synggklyson Rhoson syn eavto periagagon.* [1735] Из всех этих данных видно, что по крайней мере с таким же, если не с большим основанием, можно утверждать, что в грамоте Мануила Комнина речь идет о русском побережье вообще, а не о какой-то отдельной точке на Азовском море. Что северные берега Черного моря могли почитаться в Византии русскими, что русские поселения были на нем до рассматриваемого нами времени об этом свидетельствует, между прочим, параллельное наименование *Маврокастро* *he nea Rhosia*, о чем сообщает М. В. Левченко в своей уже упоминавшейся статье о «Записке греческого топарха». [1736]

Наконец, в грамоте императора Мануила, где запрещается генуэзским купцам посещать *Росию* и *Матраху*, речь идет не о городах и не о портах, а о землях, странах, *chorai*: *En pantais tais hopodepote chorais tes basileias mou, anev tes Rhosias kai Matrachon.* [1737] В таком случае грамота императора Мануила предусматривала право торговли и различные льготы генуэзским купцам в пределах своих владений всюду, за исключением Азовского и по крайней мере, северной части Черного моря, а не одного только моря Азовского...».

«Записка греческого топарха» сейчас считается подделкой, а вот предположение Соколова Н. П. выглядит вполне логично, если не знать всех нюансов. От этой «Росии» царства ромеев 12в. осталось и кое-что более существенное, чем упоминание в хрисовуле – есть еще и пара печатей. Обе принадлежали византийской аристократке из рода Музалонов и, как пишет В.Н. Чхаидзе, происходят из мест за пределами Руси, довольно необычны и не имеют точных аналогов в русской сфрагистике, являясь скорее памятниками сфрагистики византийской. «Во второй половине XIX в. известный ученый и знаток старых монет и печатей Г. Шломберже в двух фундаментальных работах по византийской сциллографии, изданных в Париже, опубликовал печать-моливдовул (30,5-32 мм) «*de Theophano Mouzalon, archontissa de Russie*». На одной стороне моливдовула читается семистрочная греческая надпись: *K[ύρι]ε β[οή]θ[ει] τη ση δούλη θεοθάνου ἀρχοντίσ[σ]η Ῥωσίας τη Μουζαλονίσ[σ]η* («Господи, помоги рабе твоей Феофании, архонтиссе Росии, Музалониссе»). Отличаются они также и орфографией написания слова *Ρωσία* с лигатурой *ου* - от *Ρωσία* или *Ροσία* с чередованием в корне *ω/ο* на остальных девяти русских княжеских печатях (конец XI – начало XII в.) с упоминанием этого титула (В.Н. Чхаидзе *Феофано Музалон – Архонтисса Росии* (к вопросу об идентификации)).

В связи с данной темой, есть и еще кое-что, наводящее на некоторые размышления. Вот, к примеру, как, с точки зрения «норманнской теории» истолковать Мухаммада аль-Идриси, написавшего по заказу норманнского короля Сицилии Рожера II в 1154 г. географическое сочинение, в котором есть сообщение о «двух видах» русов? Свой трактат «*Нузхат алт-муштак фи-хтирак алт-афак*» («Отрада страстно желающего пересечь мир») он писал, как раз во времена императора ромеев Мануила I. И, судя по «Внешней Росии», о которой тут уже в связи с его работой упоминалось, компилировал

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

не только труды мусульманских ученых, но и информацию от греков. И вот в его книге есть такой пассаж в рассказе о днепровских русах:

«Русов два вида. Один их вид - это тот, о котором мы говорим в этом месте. А другой их вид - это те, которые живут по соседству со страной Ункариййа и Макадуниййа. И они сейчас, в то время, когда мы составляем эту книгу, уже победили буртасов, болгар и ал-хазар. И не осталось там, кроме них, никакого другого народа, а лишь только [их] названия в [этой] земле». (Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы М., 2006. С.121)

«Ункариййа» – это Венгрия, а «Макадуниййа» - Македония, что же касается самого сообщения, то его обычно не комментируют или относят к категории заблуждений средневековья. Хотя ученых такого уровня, как аль-Идриси, трудно отнести к разряду легковверных обывателей. Во всяком случае, подобное мнение требовалось бы обосновывать. Кроме того такое непроверенное им «заблуждение» как-то же должно было возникнуть! И нельзя сказать, что про эту «другую» Рутению не знали на Западе. Знали. Ее упоминает в одном из своих сочинений, написанном в 1186 году Готфрид Витербоский:

«Гостеприимная земля безвозмездно дает свои пиршества посевам.

Там изобилие плодородных виноградников и полей, деревьев, лугов, рек, рыб, озер.

Там Дунай находит свой первый исток,

а Венгрия, Рутения, Греция дают ему прибежище,

Граница его находится в Италийских Альпах». («Пантеон»)

«Готфрид, как и его современники, добавляя к своему имени когномен - Viterbonensis - Витербоский, указывал тем самым, что он происходит из итальянского города Витербо, расположенного недалеко от Рима. Готфрид родился (ок. 1120 г.) в немецкой, возможно, саксонской семье. Вероятно, его отец получил от императора лен в Витербо, где мальчик провел первые годы жизни. По желанию императора Лотаря ок. 1133 г. он был отправлен в бамбергскую школу, а после ее окончания поступил при Конраде III в королевскую капеллу и оставался там в качестве капелана и нотариуса в правление Фридриха I и Генриха VI. Он дважды ездил послом в Сицилию, трижды в Прованс, один раз в Испанию, четырежды в Рим и часто во Францию. Он сопровождал императоров в их поездках. И всюду, как Готфрид с гордостью писал, на протяжении 40 лет, он читал книги, собирая материал для своих сочинений. Готфрид был также учителем юного Генриха VI, которому посвятил некоторые свои труды. До какого года он был на королевской службе [344] - неизвестно (сохранился подписанный им в 1186 г. документ, который был издан Генрихом VI). Последние годы жизни он провел, видимо, в Витербо, где был его лен. Год смерти его неизвестен». (пер. М. Б. Свердлова. Текст воспроизведен по изданию: Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Вып. II. Середина XII - середина XIII в. М. Институт истории АН СССР. 1990).

Комментарий там дан такой: «Откуда у Готфрида представление о том, что Дунай течет по землям Греции (Византии) и Руси, неясно. Вероятно, это отражение тех смутных географических представлений о Восточной Европе в среде, к которой принадлежал писатель. Вместе с тем, Готфрид стремился модернизировать этно-географическое

изображение Европы и в частности Дуная, известное еще по описанию Тацита». Согласны? Может быть, мы недооцениваем образование и грамотность людей той эпохи?

Упоминание пошлин, введенных в австрийском городе Эннсе Оттокар V (1129—1164) для купцов из Регенсбурга за провоз возов с солью *plaustra in Ruziam vel de Ruzia tendentia XVI. denarius persolvant* – «на Русь и из Руси», как пишут российские историки, точно ли относится к Восточной Европе? Кто не слышал про добычу соли в Галицко-Волынском княжестве, и кому в Регенсбурге могло прийти в голову возить свою соль по Дунаю туда, где ее и так хватало? «Теперь вспомним о засвидетельствованной фрейзингенским (Бавария) епископом Оттоном (1111—1158) переписке начала 40-х годов XII в. Конрада III (1138—1158) с императорами Иоанном и Мануилом Комнинами, которых он просил посредничать в связи с ограблением и убийством «на Руси» (*in Rossia*) немецких купцов». (Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси). Конрад III просит Иоанна поступить надлежащим образом с теми *Reuteni*, которые, оскорбив его державу убили его людей и присвоили себе их деньги. Отвечая на это обращение, Иоанн пишет относительно данного происшествия, случившегося в *Rossia* (транслитерация Оттона Фрейзингенского, который цитирует переписку), что он «поступил так, как подобает его державности». То же вопрос, - откуда известно, что речь шла о Восточной Европе, а не о той самой балканской области по дороге из Италии в Константинополь? Она давным-давно заселена была славянами, это понятно, но все еще известна была как Рузия, Росия или Рутения.

Именно эту балканскую область, судя по всему, имел ввиду Феодор Вальсамон (1140-1199), когда упоминал епископии варваров – Аланию, входившую в Понтийский диоцез, и Росию – относившуюся к Фракийскому. Это место его комментариев из толкований на правила Халкидонского собора, интригует византинистов, по сей день, как впрочем и упоминание того же 28-го правила у Иоанна Зонары. **Вальсамон: «Епископствами же у варваров можно назвать Аланию, Росию и другие. Ибо аланы — Понтийского диоцеза, а росы — Фракийского». Зонара: «На константинопольского же епископа это правило возлагает рукоположение епископов для варварских народов, сущих (τοις ὄσιν) в указанных областях, каковы суть аланы и росы; ибо первые соседствуют (συνπαράκεινται) с Понтийским диоцезом, а росы — с Фракийским».** Что за епископы имелись в виду, уровня ли отдельного города с его округом, как их трактовали византийские каноны, или имелось в виду другое, и каким образом они относились к диоцезам империи, никто сейчас точно не знает. Как пишет российский историк П. В. Кузенков: «Можно предположить, что речь идет либо о епископах иноплеменников, живших на территории Римской империи на правах политической автономии (федератов), либо о миссионерах, направлявшихся за пределы империи из указанных областей. Византийские канонисты XII в. трактовали этот пункт по-разному». (Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии. 2014). Первое предположение некоторым образом подтверждает византийский канонист Алексей Аристин (умер после 1166г): **«По сему епископы Понта, Фракии и Асии и иноплеменные принимают рукоположение от епископа Константинопольского. Ему должны быть подчинены и от него должны принимать рукоположение одни митрополиты Понта, Асии и Фракии, а также епископы иноплеменных народов, которые находятся в этих округах. Ибо округ Македонии, Иллирии, Фессалии, Аттики, Пелопоннеса, всего Эпира и иноплеменных народов, живших в нём, в то время был под властью епископа Римского».** Поэтому-то некоторые историки

православной Церкви давно и предполагали, что какие-то «росы», некогда действительно, жили где-то около Фракийского диоцеза, в землях империи.

Об этих балканских «росах» писал еще востоковед, византолог Константин Успенский (1804-1885), замечая, что, судя по отрывочным сведениям византийских источников, они употребляли сербский язык, и приходили на Афон, в тамошние монастыри. Именно им передан был в 1143г. Ксилургу – старейшая афонская обитель выходцев из Руси, устроенная еще во времена Владимира. Исследователь, правда, затруднялся с локализацией области, откуда пришли эти монахи, но, полагал, что это были выходцы из балканских местностей населенных сербами. (1-е путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845г.) О том, что некие росы могли приходиться из придунайских областей задолго до крещения Руси, писал позднее и В. А. Мошин, изучавший документы сербских монастырей Афона. (Мошин В.А. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI-XII вв. // Из истории русской культуры / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – М., 2002. – Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. – С. 311.)

Все эти наличные данные немного, мягко говоря, не укладываются в прокрустово ложе «норманнской теории» и, как правило, в наше время их игнорируют, но правильная ли это стратегия для науки или дело тут не в науке?

Раз мы можем уже убедиться, что выявленное нами тождество **росомоны=герулы**, не просто продукт средневековой книжной учености, фантазий или заблуждений, как можно было предполагать, не лишним будет процитировать и одну интересную работу по поводу «рутен» Фландрии Рыбалка А.А.: «Подлинная история рутен» 2016года. Нам ведь интересно, как могло так получиться, что именем одного древнего галльского племени из римских источников однажды будут называть Русь? Якобы просто по созвучию с этим латинизмом. Не только Русь, как мы только что видели, но и какую-то местность на Балканах – ничем особо не примечательную Сирмию Иоанна Киннама. А также, как оказывается, почему-то и часть побережья Фландрии к югу от Шельды. Странно, поскольку это кельтское племя, как рассказывают нам римляне, во времена Цезаря жило в южной Галлии, в окрестностях современного города Родез, во внутренних землях этого региона. Как по его имени могло получить название побережье на другом краю Галлии, никто, наверняка, не скажет, но, как-то это случилось. И как показывает А.А. Рыбалка, случилось задолго до 12ст., поскольку «рутенский берег» упоминает в своих книгах еще Гальфрид Монмутский (около 1100 — 1154/1155): «...Юлию Цезарю...довелось оказаться на побережье рутен. Разглядев оттуда остров Британию...» В его произведении «Жизнь Мерлина» есть и такое: «Град приморский Рутуп в обломках на берег ляжет, но восстановит его шлемоносное судно рутена». В 13ст. его менее осведомленный соотечественник, Альфред из Беверли пояснял, что: «Рутупский берег, ныне именуемый Булонским, либо по скалам, либо по галльскому племени рутен назван». Когда древние галльские рутены стали мореходами к 13ст. никто уже, видимо, сказать не мог, но объяснять, откуда идет такое название побережья Фландрии, пытались. Самых жителей этих мест многие хронисты, как Англии, так и Франции, долгое время именовали рутенами, о чем и пишет А.А. Рыбалка:

«Материал, занимательный для небольшого числа ученых, обязанных проходить и самые темные стези в области их ведения».

Любой русский, учивший в школе таблицу Менделеева, обычно помнит, что платиновый переходный металл серебристого цвета – рутений – получил свое

название в честь России, причем в качестве названия был использован латинский хороним. Меньшее число людей знает и то, что название *Ruthenia* изначально к территории и населению восточноевропейской равнины отношения не имело и было заимствовано из латинской ученой традиции [Назаренко 2001: 44]. Изучение последней уже на этапе становления русской исторической науки, привело серьезных и не очень серьезных исследователей к обнаружению нескольких «Россий, бывших некогда вне нынешней нашей России» [Руссов 1827: 463]. Это обстоятельство всегда соблазняло некоторых россиян то на выводы о безбрежном «распространении нашем по планете», то на попытки решения «вопроса, доселе остающегося нерешенным: откуда пришел к Новгородцам Рурик с братьями» [Руссов 1827: 463]. О «развязке» последнего вопроса «заботился» отставной чиновник и литератор Степан Васильевич Руссов (1768-1842), в 20е.- 30е гг. 19в. плодовитый автор статей и рецензий по вопросам русской истории и историографии. Среди прочего, Руссов опубликовал обширную статью, обосновывающую существование многочисленных «Русий» по всей Европе, коих он обнаружил «до семи с некоторыми замечаниями» [Руссов 1827: 465]. В этой статье Руссов находит «вторую Россию» в Бельгии, в сочинении одного ренессансного автора [Руссов 1827: 466-68]: «О России Фландрской: В нидерландской хронике Мейера, изданной в 1561 году, в книге 1 на странице 4 напечатано: «В лето Спасителя нашего 445. Клодий Король Ф ранков, перешед реки Рейн и Мозель и покорив Тунгров, приступил к реке Скальду (ныне Эско, Шельда). Тут обративши в бегство римлян овладел Тамараком и Тарнаком; отсюда с войском своим прошедши в Морины, Голдуера полководца Руссов (Рутенов) и Кимвров, пришедшего к Моринам на помощь, взял в плен с его дочерью; овладев Моринским городом Торванною, пленную Голдуерову дочь отдал в замужество за племянника по сестре своей Блезинде Фландберта и, уничтожив власть римлян, сделал его правителем Бельгийского берега. Посредством сего Фландберта управлян он Кимврами и Рутенами и всю приморскую страну; тогда Франкам открыт путь в Галлию морем и сухим путем. Думают, что сей Фландберт, выгнав Голдина брата жены своей из отечества Кимвров, был основателем и самого названия Фландрии». Поскольку, статья Руссова не вызвала особой заинтересованности в отечественной историографической традиции, а на это конкретное сообщение обратил позднее внимание, кажется, только А.Г. Кузьмин, повторивший его без какого-либо анализа [Кузьмин 1986: 682], мы возьмём на себя смелость такой анализ провести. Оговоримся сразу, что мы решительно не планируем рассматривать вопрос о «рутенах» в контексте европейского представления о Руси и изначально не предполагаем, чтобы этот текст Мейера к подобному вопросу имел отношение (по сути вопроса см., например Назаренко 2001: 42-45). Вопрос на который мы попытаемся ответить далее двояк: (1) какова литературная история рассказа Мейера, из каких источников он почерпнул ее и каков хронологический ряд этих источников; (2) имеют ли фландрские «рутены» исключительно литературное происхождение или за их упоминанием стоит какая-либо историческая или географическая реальность. И хотя автор пришел к выводу, что, скорее всего, они имеют «литературное» происхождение, его статья, возможно, еще будет полезна многим. Так как показывает главное – такое прозвание побережья давно устоялось к середине 12ст. Как показывает автор статьи, его пытались объяснить много раз, из которых самый ранний из известных А.А. Рыбалке случаев – 13ст.: «Поскольку у Мейера постоянно увязываются *SymbrosetRuthenus*, кажется, что основным свидетельством для него был некий Эродокус, а точнее, отрывок из письма аррасского епископа Альвиза одному из своих архидиаконов, Роберту, который приводит Жак де Гиз в прологе к своему сочинению: «**DeRuthenis. Эродокус: Рутены,**

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

которые в древности были албанами, северо-западными кимврами и бриттами, названы по имени своего вождя Рутено. Они занимают приморские порты и гавани от галлов и моринов до порта Rethnoticos [Фортия счел, что речь идет о Рейне – А.Р] и до сих пор живут по берегам океана. Сначала они пришли в страну моринов, где основали город, и в конце концов они стали великой нацией. (Из письма Роберту, архидиакону Остревана, от Альвиза, епископа Арраса, о неустойчивости царств мира сего)».

И дело далеко не в местных краеведах из монастырей побережья, поскольку информация о рутенах Фландрии восходит не к английским, французским или бельгийским авторам, а как показывает Рыбалка, к италийскому вокабулярию еще середины 11 века. Составленному в Италии, видимо Папием Ломбардским. Этот «Elementarium Docrinum Rudementum» - широко используемый и многократно реплицированный латинский словарь-энциклопедия, комментируя «Фарсалии» римского поэта Лукана с упоминанием южногалльских рутенов времени Цезаря, неожиданно забывает про них и дает такой пояснение: Ruteniflavii.e. FlandrensesPopuli – Рутены светлые (русые) жители Фландрии. Почему? У автора один ответ на этот вопрос, здесь рассматривается возможность и другого. Очевидно, пока, только то, что это побережье уже тогда называлось, таким образом, о чем знали и в Италии, а вот рутены Галлии, давным-давно жили только в римских текстах.

«В 1860г. на французском археологическом конгрессе в Дюнкерке был поставлен вопрос: Quelleestloriginedumot RUTHEN appliqueaulittoraldela Flandreetdu Calaisis? Nenexiste-t-ilaucunsouvenir? «Каково происхождение слова Ruthen, применяемого к побережью Фландрии и Кале? Существует ли какая-либо память?», свидетельствующий, что со времен Мейера ясности в этом вопросе не прибавилось. Желание отыскать истоки имени собственно во Фландрии, выразилось в предложении ряда местных топонимов, ка то: Ruyscheure, в районе Газербрука; Rate, в районе деревушки Romby; Ruyt, городской округ Бетюн; Rety, в районе Булони; Renti, в Артуа; все весьма малоубедительно, по мнению самих участников конгресса. На вопрос попытался ответить Ами Куртуа, секретарь-архивариус Общества древностей Моринии, опубликовавший вскоре большую статью по теме [Courtois 1862]. Куртуа пересказывает соображения Мейера, Мальбранка и Тассара, указывая на весьма малую авторитетность их источников, включая Жака де Гиза, а затем пытается, в свою очередь, отыскать подходящие топонимы именно на побережье «земли моринов». В изданном в 1804г описании морского пути от Кале до Остенде он обнаруживает две песчаные отмели lout-Ruytingen и lln-Ruytingen, имеющие общее название Ruyteinge, и констатирует, что имя до сих пор известно фламандским морякам [Courtois 1862: 390]. Куртуа рассматривает это как подтверждение фразы Мейера «Ruthenetiamnuncanautisnostrisappellatur» - «пояныне называется нашими моряками Ruthen». Куртуа предлагает несколько вариантов происхождения имени Ruthen во Фландрии. Ссылаясь на мнение Ренана о происхождении «саксонского берега», он говорит, что Ruthen могло означать районы побережья, издавна заселенные разбойниками или пиратами, и приводит доводы в пользу существования там пиратства и в Средние века. Как уже было сказано выше, ожидаемое название Фландрии в этом случае скорее «Саксония».

Развивая тему сведений римских магистратур, дальше Куртуа делает более оригинальное предположение, что название Ruthenicumlittus, происходящее от имени Ruthen, относилось к берегу между Дюнкерком и Кале, часть античного «саксонского

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

берега» и бывшая «марка далматинских всадников», кавалерийских частей поздней Римской империи, которые, по мнению автора, были славянами, а потому могли называться «рутенами»...Оригинальностью мнение сравнимо с версиями Робертса и Гайеля. Затем Куртуа пишет, что Rut на валлонском означает, в частности, переправу и указывает, что Ruthen может также означать берег пролива, место переправы или начало пути из Франции в Англию, приводя в качестве примера Rotomagus, где была переправа через Сену. Он добавляет, что место переправы через реку Аа ниже Ваттена у Рюмингема носит название Rute [Courtois 1862: 401]. Семантика слова Rut, однако, слишком широка, чтобы отнестись к этому предположению всерьез. Наконец Куртуа отмечает, что немецкое Reute, Rothus на варварской латыни означает осушенный и возделанный низменный участок побережья – польдер. Фламандское слово Ruyten также имеет значение очистки или освобождения. Отсюда следует, что Rut-han может быть истолковано, как «очищенная земля», подготовленная для обработки. Совершенно очевидно, пишет Куртуа, что древняя земля Мерк и берег Дюнкерка два основных польдера между морем и болотами; эти два польдера осушались и были обитаемы в то время, когда окрестные болота еще две трети года находились под водой; польдеры перемежаются отмелями, затопляемыми в дождь, и Страбон называет эти польдеры островами, на которых морини и менапии нашли себе убежище. В подтверждение Куртуа приводит слова Мейера о подобном же, от польдера, происхождении названия самой Фландрии [Courtois 1862:402]. Историк Лилля Виктор Дерод, также участвовавший в дискуссии, комментирует эту версию так: «...низкий, сырой, гнилой, нездоровый...в этом отношении это название прекрасно подходило для побережья нашей страны в то далекое время. Но мы должны понимать, что речь идет о непредвиденном совпадении; другие племена рутенов не заимствовали свое название от фламандского побережья...Таким образом, территория, народ, король, связь с историческими фигурами. Вот что мы знаем о рутенах, которые остаются, однако локальным явлением, детали которого до сих пор не известны» - резюмирует Дерод результаты обсуждения [Derode 1864: 28]. Деталей, впрочем, и в дальнейшем не прибавилось, различные французские обзоры предпочитали пересказывать Куртуа и Мейера...Таким образом, длительные усилия, затраченные на поиски зримых следов рутенов во Фландрии, оказались тщетны. Хотя исследователи и предлагают некоторые варианты топонимов, отчасти созвучные со словом «рутены», убедительность таких предположений невелика, поскольку условно само сопоставление, неизвестно точное время бытования топонима, все они глубоко локальны и ни один из них не обладает значимостью, которая могла бы дать основания для появления такого значительного этнонима, как «рутены». Реальностью по-прежнему остаются только глоссы к Лукану, вдохновившие некогда Гальфрида Монмутского и его последователей...» (Рыбалка А.А.: «Подлинная история рутенов во Фландрии» 2016).

Надо ли говорить, кем, на самом деле, скорее всего, были эти «рутены» с фландрских болот и островов позднеимперского времени, отголоски сведений о которых дожили до средневековья? Те, которые, как писали в 13ст. происходили откуда-то с севера и «в конце концов...стали великой нацией»? И почему на Ближнем Востоке, считали возможным отождествить скандинавских налетчиков напавших на Севилью в 844г. с русами, как это сделал ал-Йа'куби, назвавший норманнов «ал-маджус, которых именуют ар-рус».

И тут пора уже, наверное, наконец, сказать об этом прямо - правильно ли мы интерпретируем все эти отголоски прошлого? В вопросе про «норманнство» руси, зафиксированное некоторыми источниками мы имеем дело с адекватным отображением картины прошлого или с присущим грекам ученым приемом архаизации этнонимии, который, в случае с русью они экспортировали всем своим соседям и на Восток и на Запад? Вопрос не праздный, потому что, как мы можем видеть, имеет под собой некоторые основания и напрашивается сам собой. Основания довольно прочные, как вы можете проверить. Складывается стойкое впечатление, что греки буквально разъяснили всем происхождение того восточноевропейского сообщества с которым им с 9ст. пришлось иметь дело, осознанно удревнив его историю, не много не мало, на пол тысячелетия!

«Как справедливо заметила Л. А. Семенова, представившая краткий историографический обзор проблемы, информация "Книги стран" арабского ученого IX в. ал-Йа'куби до сих пор не имеет удовлетворительной интерпретации, но использовалась в качестве аргумента для обоснования норманнской теории (1). Именно сведения ал-Йа'куби привлекли внимание к нашествию норманнов на Севилью в 844 г., ибо он, кратко сообщив о случившемся, назвал нападавших "ал-маджус, которых именуют ар-рус" (2)...Изложенные данные показывают, что те авторы, которые имели конкретные известия о набеге 844 г., не связывали разбойников, напавших на Севилью, с именем ар-рус, а называли напавших ал-маджус и ал-урдуманийун. Слово ал-маджус означает "огнепоклонники". Этот термин первоначально употреблялся по отношению к народам, которые поклонялись огню или применяли огонь при похоронном обряде: индусам, иранцам-зороастрийцам, славянам, русам и др., следовавшим обряду поклонения огню или солнцу, или к язычникам. Так называли и северных жителей – норманнов...» (Т. М. Калинина Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844г.)

«Подтверждением сведений ал-Йа'куби, как считал А. Мельвингер, были данные энциклопедиста X в. ал-Мас'уди, который тоже упомянул о каком-то набеге русов на Севилью "до 300 г. х." (912 г.): "Жители Андалусии думали, что это были маджусы, которые приходят в это море каждые 200 лет через пролив, вытекающий из моря 'Укийанус, но не через тот пролив, на котором стоит маяк. Я же думаю, а Аллах лучше знает, что этот пролив соединяется с морями Понт и Майотис и этот народ – ар-рус, о котором мы уже упоминали, ибо никто, кроме них, не ходит по этому морю, соединяющемуся с морем 'Укийанус" (29). Пролит, на котором стоял маяк, – Гибралтар – был хорошо известен арабским авторам, как и ал-Мас'уди, и был подробно описан. Представление о море Океан или просто Океане ('Укийанус) было воспринято арабскими учеными из древнегреческой географии, где так называлось окружающее населенную часть суши всемирное водное пространство, ответвлениями которого считались Атлантика, Индийский и Тихий океаны. Но именно Океаном в арабской географии чаще всего именовалась Атлантика (Тихий океан назывался Зеленым, хотя Атлантику тоже иногда так называли; Индийский, по прибрежным странам, – морем ал-Хинда). Многие арабские авторы, в том числе и ал-Йа'куби, и ал-Мас'уди, считали цепь морей от Атлантики через Гибралтар, Средиземное и прочие моря до Черного единым водным бассейном». (Т. М. Калинина Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844г.)

Какие «ар-рус», согласно Масуди, могли приходиться к Испанскому побережью с Севера каждые двести лет от моря Понт и Майотис? Какие из них и когда смешались со

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

славянами, перейдя на их язык, как писал о русах, в середине 10 века Ибрахим ибн Йакуб, собрав о них тогдашние представления Европы? Зачем хитрый исландец Снорри Стурлусон после переселения своих Асов и Ванов в Скандинавию посчитал нужным в «саге об Инглингах» оставить такое любопытное сообщение: *«Свейгдир стал править после своего отца. Он дал обет найти Жилище Богов и старого Одина. Он ездил сам двенадцатый по всему свету. Он побывал в Стране Турок и в Великой Швеции и встретил там много родичей, и эта его поездка продолжалась пять лет. Затем он вернулся в Швецию и жил некоторое время дома. Он женился на женщине по имени Вана. Она была из Жилища Ванов»?* Какое сообщество имел ввиду Титмар Мерзебургский, когда описывал Киев в своей «Хронике» (1012-1018 гг.): *«В этом большом городе, являющемся столицей того королевства, имеется более четырехсот церквей и восемь рынков, народу же неведомое множество. До сих пор этот [город], как и весь тот край, силами спасающихся бегством рабов (servi), стекавшихся сюда со всех сторон, а более всего [силами] стремительных данов (Dani) противостоял весьма разорительным [набегам] печенегов (Pecinegi), побеждал также и других».*

Строго говоря, по какой-то причине нам лаконично описывают потомков, а не каких-то новопришельцев! Именно так. Воображаемую скандинаво-готско-сарматскую воинскую субкультуру Северного Причерноморья, будто бы дожившую до времен славянской Европы Титмара. «Деяния Данов» также подтверждают такой напрашивающийся вывод вполне недвусмысленно.

Так вот, чтобы долго не ходить вокруг да около, все эти письменные источники, отличающие «русь» и славян, называющие ее норманнами, часто правда, наряду с болгарями и хазарами,- такими же народами Севера по византийским представлениям, намекающие на связь с Севером, в действительности, скорее всего, как и утверждает Хакон Станг, рассказывают нам не историю экспансии викингов, как думает большинство, сбитое ими с толку. Да, это удивительно, возможно скандально звучит, но, как есть - они повествуют нам басню более древнюю, - о герулах! Под их внезапно воскресшими древнегерманскими прозваниями, вытщенными византийскими и германскими лексикографами бывшей империи Франков буквально из небытия. Причем, как можно иногда заметить, транслируют точку зрения на этот вопрос исключительно Византии, которая, благодаря своим книжным собраниям, помнила этих «фарангов-варангов» позднеримского времени лучше других. Кстати, еще А.А Куник в 19 веке считал, что **«Наиболее правдоподобное объяснение византийско-греческого слова «варангос» производит его от готского или герульского «варанг»-«союзник».** Известно, к примеру, что при переводе на старославянский язык Хроники Амартола, древнерусский книжник менял «Росы приплыли к Константинополю на десяти тысячах кораблей, которых называют также дромитами, происходят же они от рода франков» - в оригинале, на «от рода варягов». Это факт, о котором еще будет упомянуто, не ясно только почему он так поступал, но, надо думать, греки и русь, понимали друг друга.

Почти все сведения о Руси, как оказывается на поверку, имеют византийское происхождение, как те, что попали на Восток, та и те, что восприняты были на Западе, в том числе и Скандинавией. И мы, были бы в курсе, обо всем этом, если бы не злосчастье империи ромеев. В Средние Века утрачено было слишком много византийских письменных источников. И совсем не случайно Европа, да и Восток, никогда не отождествляли русов с «островом Фулы» или «варварской страной вблизи океана», или «северными островами», в выражениях греков. Почему? Потому что география. Потому

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

что то, единственное, что реально было общего у тавроскифов-руси 9 века и герулов-росомонов-геллеспонтиков-рутенев римского времени, что действительно могло позволить кому-либо отождествить их – это только их основная операционная база – Запорожье. Нет? У меня нет другого ответа на этот вопрос. Нападения осуществлялись из того же района, что и некогда, как в какой-то момент было установлено и подмечено греками. Не заметить такой любопытной детали они не могли. Как этот, должно быть уже очевидный для вас факт, должен был повлиять на образованные слои византийского общества? «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его». Что-то такое.

Отсюда, из этого обстоятельства, скорее всего, и растут ноги у всей истории с «народом рос», ранними его упоминаниями, связанными с ним пророчествами и суевериями, бытовавшими в Византии задолго до того, как «северные варвары» снова посмели тревожить ее побережье. **Эта загадочная операционная база, затопленная водами каховского водохранилища – та самая готско-скифская «Росия», рядом с печенегами, где не водилось коней, коров и овец, и есть главный ключ к истории данного сообщества!** Без него, как бы мы мозаику не складывали, ничего не получится, что, в общем, и демонстрирует история проблемы. Днепровский Луг ушел в тень, его древнее имя забылось, исчезло из книг и памяти европейцев, но все еще может быть восстановлено. Мы хорошо знаем ее под другими прозваниями, поскольку она продолжает оставаться частью истории и памяти украинского народа. И здесь, по-хорошему говоря, речь идет лишь о своеобразном припоминании и узнавании и так знакомого. Как если бы вам показали фотографию кого-то из старших родственников в молодости. Разумеется, для тех, кого не подводит терпение. Что же до россиян, российских историков, с их летописными сказками и странным молчанием, то они вам этого точно не расскажут, либо потому что припоминать нечего, либо по другой причине.

Только, хорошо осмыслив этот факт, можно объяснить ту наблюдаемую поразительную противоречивость письменных источников, которые под русью видят то славян, как, к примеру, в случае с Ибн Хордадбехом: «что же касается до русских купцов — а они вид славян...»(80гг. 9ст), то норманнов. Патриарх Фотий, похоже, прекрасно понимал, с кем имеет дело Византия, когда писал про росов, как: **«...Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный — но получивший имя от похода на нас, неприметный — но ставший значительным, низменный и беспомощный — но взошедший на вершину блеска и богатства; народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий...».** Речь без сомнения шла о восточных славянах, которых, тем не менее, ассоциировали с давно не существующей германо-скандинавской общностью, про которую справедливо можно было сказать нечто вроде: **«но и даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос».** Прозвали же так потому, что те действовали из того же района тем же в общем-то способом, что для многих образованных греков, видимо, являлось очевидным доказательством преемства. Более того, славянский хороним для него, как они, теоретически, вполне в состоянии были установить, имел старое,- готское происхождение. Фотий лишь констатировал ее возрождение, в духе господствовавшего тогда провиденциализма; подметил наличие такого взгляда в византийском обществе,- возрождение в новом качестве- славян (преимущественно) – «руси». Идеи «исторического циклизма» не были чужды ромеям, как, впрочем, и средневековой Европе. Они составляли существенную часть ментальности образованных слоев

общества, для историков это не секрет, и вполне могли формировать взгляд на явление, пусть и далекий от объективного. Все это, естественно способно сбить с толку любого исследователя. Я тут нисколько не отрицаю, все более активного с конца 9ст. участия скандинавов в становлении этого сообщества, как и допускаю присутствие в нем каких-то представителей других неславянских культур региона, поскольку эта воинская корпорация изначально, очевидно, носила надплеменной характер. Однако не заметить ее славянские черты на раннем этапе, честно говоря, сложно. Особенно, если в бесплодных поисках археологических следов скандинавов в Среднем Поднепровье 9ст., попытаться по-новому взглянуть на информацию Константина Багрянородного. На - тот самый главный столп «норманизма».

Как мы теперь можем быть уверены, что «росский» перечень порогов Днепра в его трактате, условно говоря, не «герульский»? Что, если он не имеет никакого отношения к скандинавским информаторам Византии 10ст., наличие которых предполагают историки? Что, если мы имеем дело с воспроизведением какой-то утраченной ромеями записи Proto-Norse еще позднеримского времени, а перечень на двух языках дан больше с целью некоего историко-филологического сравнения? Возможно, потому этот ряд с таким трудом и читается скандинавистами, что он старше Old Norse пусть древнескандинавские корни этих слов и опознаются уверенно и сегодня. На самом деле, лично для меня, такого вопроса уже нет. Рады будете, нет, но, по-другому, с оглядкой на всю сумму наличных данных, учитывая их, быть, просто не могло.

К примеру, почему в этом перечне упор, акцент сделан на славянские значения, а подаются они сами вторым номером? Вам стоит прочесть этот занимательный отрывок еще раз. Для чего вообще они, эти, именно славянские значения, присутствуют там, в рассказе о росах? Так же интересно, к примеру, каким образом, могло так стать, что название первого порога демонстрирует полное тождество славянского и «росского» названий: «означает по-росски и по-славянски Не спи»? - *«Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи, что означает по-росски и по-славянски "Не спи"»*. Пытаясь согласовать значения славянского и "росского" названий, Томсен предложил выражение *ne sofi* — "не спи" от др.-исл. глагола *sofa*, фонетически близкое славянскому "не спи". Однако сам Томсен был вынужден отказаться от этой интерпретации, так как, во-первых, отрицательная частица *ne* обычно не употреблялась вне сложных отрицаний типа *hvertki... ne* и др.; во-вторых, повелительное наклонение сильных глаголов (к которым принадлежит глагол *sofa*) не имело окончания *-i*, типичного лишь для слабых глаголов на *-e*, и, в-третьих, формы повелительного наклонения не употреблялись в древнескандинавских топонимах. Позднее он предложил читать *ves urpi* (от глагола *vera* (архаичн. *vesa*) *urpi* — "быть бодрствующим").

«Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает "Шум порога"». Какая логика стоит за этим отрывком? Разве не имеет это название «безупречную скандинавскую этимологию», как писал еще М. Ю. Брайчевский? Скандинавская версия предполагает *Gellandi* — «шумящий», и известный славянский эквивалент этому названию – «Звонецкий» порог, но его не упоминают. Дело ли тут в ошибке составителя трактата или указывалось на нечто другое? Преимство? На что хотел обратить внимание составитель? Не на семантическое сходство подмеченное греками? *«От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-росски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как "Малый порог"»*. В этом наименовании порога давно опознали его древнескандинавский корень: «это имя относится к порогу «Лишнему» и произведено от скандинавского слова *strukk*», -

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

небольшой водопад, доступный для плавания, однако, что касается окончания *ouu*, то его наличие так и остается неясным. Однако, как пишут об этом, -загадочное окончание слова *strukk* —*ouu* вызвало еще одну попытку объяснить его, предложенную еще в начале 20в. Торбиорнссоном. Он считал его архаическим окончанием именительного падежа множественного числа *struk-un*; или же греческий писец ошибся и написал вместо более позднего обычного «*strukur*» (именительный падеж множественного числа) неправильное «*strukun*». Не стоит ли лингвистам рассмотреть и такую вероятность, в которой предполагаемым «ошибкам» писцов будет минимум места? Как и рассказам про Пилгордский рунический камень Готланда с надписью «они дошли до Айфура», который якобы упоминает один из днепровских порогов из трактата Багрянородного – «Айфор». Разница в одну фонему. Вроде не много, но что за достижение это было, дойти до Ненасытца? Дело в том, что, к тому, что это названия, более древние, чем предполагается – условно говоря, «герульские», подводит не воображение, а, как вы можете заметить, вся совокупность рассматриваемого материала, что еще больше заставляет доверять тем крупным блокам информации, которые дошли до нас благодаря Иордану и другим позднеимским авторам.

И тут пора уже сказать о том, кто первый осознал глубину проблемы, связанной с происхождением имени того сообщества которое первоначально называли «росами». Это был немецкий историк, востоковед Йозеф Маркварт (1864-1930) и было это еще в начале 20 века. Как писал об этом в 1929г. В. А. Мошин: «Новую точку зрения высказал Маркварт, также старавшийся связать норманский период русской истории с древнейшей эпохой. Критикуя Томсена, Маркварт указывает, что византийцы не могли заимствовать имя руси через посредство хазар, так как в тюркских языках нет слов, начинающихся плавными *г* и *л* (вследствие чего русское имя у восточных народов получило формы *Ogus*, *Urus*, *Wyris*, *Oros* и т. п.). Одновременное же появление имени *οἱ Ῥῶς* у греков и *gūs* у арабов опровергает предположение об образовании этого термина от *οἱ Ῥῶς* Иезекииля. Он ставит греческую форму имени *οἱ Ῥῶς* в связь с народом *Hrōs*, упомянутым в числе северокавказских народов в сирийской хронике Захарии Ритора (VI в.), и с росоманами, упомянутыми у Иордана. Маркварт их считает герулами и помещает на берегах Азовского моря. Форма *Ros* (*Ῥῶς* греческая, *Hrōs* сирийская) сохранилась на Азовском побережье до IX века, когда была применена к викингам, явившимся на Черное море в качестве разбойников и торговцев, и совершенно похожим на герулов по своему происхождению, внешности, разбойническому образу жизни и семейным обычаям». (Мошин В.А. Варяго-Русский вопрос.) Советская историческая наука, которую так любят клеймить представители «лениградской» школы, как вы уже могли заметить, в свое время, также связывала имя Руси с теми же «росоманами», но, пришедшим на Юг скандинавским искателям удачи, она в претензии на это древнее имя отказывала. Его вверили днепровским славянам, откладывая уточнение вопроса до лучших времен. Следом, на правильный путь решения задачи, указал норвежец Хакон Станг в своем исследовании *The Naming of Russia*, уже в 1996г.

Многое из того, что сказано в этой главе, лишь проверка и подтверждение его тезиса о возобновлении «герульской традиции» в Византии в связи с активностью руси 9ст. И эту проверку, надо отдать должное проницательности автора, он проходит на удивление блестяще. Пусть в частностях и сложно согласиться с выводами его работы. Автор полагал, что Византия вспомнила герулов, вновь столкнувшись со скандинавами эпохи викингов. Почему согласиться с подобным умозаключением, к сожалению, не получается, я уже постарался объяснить. Так что отсылаю вас к этой, до сих пор малознакомой в

Восточной Европе, но давно достойной перевода монографии. Без знакомства с ней историков, прогресса в понимании истоков Руси, ждать, возможно, придется еще долго. Вас будут кормить мнениями специалистов, и сетовать на сложность проблемы бесконечно. А иначе, придут сторонники старой «гребцовой» версии и - наука закончится.

О ТОМ, КАК ЛЖЕТ ЛЕТОПИСЬ

Теперь необходимо сказать несколько слов про сказку о призвании варягов и том, как эта никчемная басня, исказившая первоначальный вид киевской летописи, повредила представлениям о началах Руси. Как вы уже должны понимать «русский каганат» не уничтожили никакие норманны, как преждевременно предполагали или предполагают некоторые историки, излишне доверяющие ей. Эта социальная группа, избравшая для себя местом сборов Запорожье – таинственную «джазиру русов» арабо-мусульманских источников и положила начало древнерусскому государству. За то, что это именно так, говорят не чьи-то «мнения-сомнения», а доводы более веские, как вы уже могли заметить – традиции скандинавская, византийская и исламская, которые в этом вопросе, друг друга только дополняют. «Фотиево крещение», как и сведения Кембриджского документа, судя по всему, имеют отношение именно к этой локации, и эта локация – Великий Луг Днепра. Что бы там не пели на счет противоречивости и неясности источников историки, так и не понявшие, как их «прочесть», или сделавшие вид, что не поняли. **Скандинавская «русь» – это фантом, ее никогда не было.** Более того, как уже упоминалось, вы не знаете об этом только благодаря российским историкам-скандинавистам! Еще раз в двух словах: В чем афера? Россияне настойчиво историзируют летописный рассказ о приходе варягов, обосновывая это такими соображениями: - (1)скандинавские названия днепровских порогов, -(2) послы кагана «народа рос» оказываются свеонами 839г. (3)многие послы из летописных договоров руси с греками 10 века – судя по именам – скандинавы. Под эту схему подстраивают археологию: поиск следов скандинавов, и старую давно скомпрометированную не рабочую схему «русь-руотси» с финским посредничеством от утраченного скандинавского прототипа. Что из этого следует: сознательное игнорирование сведений из традиций византийской и арабской, а именно – того нюанса, в котором они обе дают согласную информацию: русь – это народ Северного Причерноморья. Таким образом, они ставят все с ног на голову, объявляя летописный рассказ отредактированной летописи, заслуживающим доверия, а сведения ист. источников – заблуждениями греков и мусульман. Главная афера в том, что они умалчивают, что и традиция скандинавская, говорит о том же! Ничего не объясняя, они упорно утверждают примерно следующее: - «Что же касается Черноморской Руси, все еще волнующей русских ученых, то я, надеюсь, с нею покончил раз и навсегда» (Ф.Ф. Вестберг. 1908)- «Черноморская Русь — ее абсурдность доказана еще учеными прошлого века, тем не менее, ее сторонники появлялись в 20–30-х гг., не исчезли они и ныне» (А.П. Новосельцев. 1990). А теперь представьте, если все три: скандинавская, византийская и арабская дают согласную информацию, дополняя друг друга, что тогда? Можно ли доверять поздним редакциям ПВЛ и басне о приходе варягов? Как заметить, что они согласны друг с другом, не смотря на российские манипуляции? Я постарался вам это показать.

И судя по тому, что источники второй половины 9ст. утверждают, что русы торгуют оружием и пушниной – они, каким-то образом, установили контроль над северными торговыми маршрутами еще до конца того столетия. Большие пожары в Старой Ладоге и Рюриковом городище датируются между 863 и 871гг. «Именно в это время (60-70гг 9ст.) количество выпавших кладов на северо-западе России значительно увеличилось: именно в эти годы было захоронено более половины всех дирхамов, зарытых в Восточной

Европе в период между 780 и 899 гг». (В.Н. Седых «Клады» 2008г.) Причастны ли были русы к тому, что тогда происходило на Севере или нет, сказать сложно, но, только тогда у нас появляется первое свидетельство их торговой активности: *«Что же касается до русских купцов — а они вид славян, — то они вывозят бобровый мех, мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны славян к Румскому морю, а с них (купцов) десятину взимает царь Рума (Византии), и если они хотят, то они отправляются по Тис, реке славян, и проезжают проливом столицы хазар Хамлых, и десятину с них взимает их (хазар) правитель. Затем они отправляются к Джурджанскому морю и высаживаются на любом его берегу. Диаметр этого моря 500 фарсангов, и иногда они привозят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад, где переводчиками для них служат славянские рабы. Выдают они себя за христиан и платят джизию».*- Ибн Хордадбех – 80г. 9 столетия. **Не мифические варяги Олега спускались по мифическому речному пути на юг, а днепровские русы, шли на Север за дорогими мехами и контролем над торговлей пушниной.** Так выглядит правдивая история, поставленная с головы на ноги. Та, что, хотя бы, адекватно способна объяснить, почему дирхем в те годы перестал поступать на Север и в Скандинавию – Т. Нунан назвал эту ситуацию «первым серебряным кризисом», а византийской монеты датируемой ранее второй пол. 10ст. (за исключением пары фоллисов) нет в Скандинавии. Об этом уже говорилось в первой главе. В последней четверти 9ст. приток на Север дирхемов по Волжскому пути резко сокращается. Причем, как он считал, с вероятным сокращением эмиссии в Халифате этот кризис связан не был. Доступ серебра в Восточную Европу был искусственно приостановлен. Исследователи подмечают, что с того времени саманидский чекан начинает доминировать, вытесняя монеты Аббасидов. В это же время его процент в кладах Швеции наоборот падает, и такая ситуация наблюдается до 40х гг. 10ст. Таким образом, историки вынуждены констатировать, что скандинавы, на то время, судя по всему, практически утратили прямой доступ к поволжским рынкам, а контроль перешел к восточно-европейской группировке русов.

А следом, возникает и Киев, где археологи фиксируют на Подоле срубные сооружения северного типа (наземные срубы с подклетом), подобные тем, которые выявил Носов Е. Н. при раскопках Новгородского (Рюрикова) городища, расстраиваются Шестовицы. Там появляется пришлая, как утверждают археологи, также, северного происхождения, раннекруговая керамика, которую назовут древнерусской. Таким образом, торговоремесленная инфраструктура, ориентированная на Днепр, формируется в Поднепровье достаточно поздно по сравнению с аналогичными центрами Севера. Эти русы, имеют доступ к дорогой пушнине, рынкам Поволжья, свободный проход через Хазарию и, судя по всему, за это, как мусульманские источники от серед. 10ст. и сообщают - в это время служат кагану Хазарии. И, надо полагать, во всех этих процессах включения русов в международную торговлю, все более активную роль играют выходцы из Скандинавии, как и показывает археология. Если не они их и инициировали вообще. Поскольку первоначально это сообщество, насколько можно судить об этом, складывалось как региональное, хоть и открытое, ориентированное исключительно на военную добычу, а не торговлю. И совсем не трудно догадаться, кто мог открыть для него новые перспективы торговых маршрутов Севера.

Складывалось в Среднем Поднепровье, в довольно неблагоприятном для славян режиме противостояния с Хазарией и кочевниками Северного Причерноморья, где и приобрело те специфические черты, которые мы знаем по «анонимной записке о народах Восточной Европы». Оно не было первым, кто заявил о себе под теперь известными нам

прозваниями «народа Рос» или Рутенов, благодаря чему мы и можем узнать о нем больше правды, чем хочет показать нам российская историческая наука. Это собрание уцелевших осколков средневековых знаний, обросших уже целым ворохом разных конъектур и интерпретаций, только и позволило нам заглянуть за завесу тайны. И осознать кое-что важное, в том числе. А именно - не будь такого достойного внимания исторической науки и историософии стечения обстоятельств, периодически делавшего Запорожье, буквально, своего рода каким-то центром и кузницей воинских обществ этого региона «Скифии», у нас не было бы никаких шансов прикоснуться к этой скрытой реальности. Без мифов и пересказов старых европейских легенд, чудом доживших до нашего времени, у нас не было бы никаких шансов узнать что-то определенное. Необычная ситуация, но, благодаря им пазл только и складывается. Мистицизм и идеи исторического циклизма византийцев – вот то, что позволило этому «народу Рос» воскреснуть, как птице феникс, а нам – проследить его начала.

Возможно объяснение подобных повторяющихся явлений в доиндустриальном мире географическим детерминизмом, в его современной трактовке, позволит лучше понять феномен становления Руси и вам. Весь мир, в том числе и Скандинавия, знали их, как рутенов-росов-геллеспонтиков, знали, откуда они, и никто не локализовал их в Скандинавии или на Севере Восточной Европы. Никто не путал их и со скандинавами эпохи викингов, на что указывали много раз еще в 19 веке. Вам просто морочат голову, по причинам, о которых уже не раз тут было сказано.

А что можно сказать о вымышленном Рюрике и его сотоварищах «из-за моря»? Со времени А.А. Шахматова «призвание варягов» объявляют позднейшей вставкой, однако разве от этой некоторым удобной сказки наука отвернулась? Ее до сих пор задействуют многие российские историки и преподают в школах, усматривая в рассказе летописи не то – предание, не то - притчу о том, что имело место в действительности. Однако есть ли для этого какие-либо основания? Конечно же, для россиян, они есть, но только не научные. С этой сказкой, пытаюсь ее историзировать на разные лады и уверяя всех, что к ней нужно относиться серьезно, носятся до сих пор, совсем не по научным основаниям. Естественно, таковых просто нет.

Говоря о варяжском корпусе наемников из Руси в Византии, В. Г. Васильевский, к примеру, еще тогда вынужден был констатировать, что первоначально он состоял, судя по всему, преимущественно из славян:

«Но положим, что Византийцы имели какие-нибудь причины называть в XI веке Скандинавов Русскими. Остается все-таки вопрос, почему современный армянский свидетель говорит, что 6.000 Русских — народ Рузов, крестившийся в 988 году. Остается вопрос, почему Адемар, описывающий современные ему события — на основании известий, полученных, вероятно, от самых участников в южно-итальянских битвах, — употребляет выражение «gens Russorum», племя или народ Русский. Разве он мог не знать настоящего имени Датчан, Шведов и Норвежцев во времена Канута и святого Олафа? Но если Русские, Русь, 'Ρῶς, Тавроскифы в XI веке суть православные славянские люди, то и Варанги XI века были такие же православные славянские люди, другими словами: варяжская дружина в Византии состояла первоначально из Русских; название Варангов прежде всего принадлежало тому наемному русскому корпусу, который существовал с 988 года; если скандинавские Норманны входили в состав этого корпуса, то они вступали в готовую уже организацию и составляли здесь незаметное меньшинство, так что византийские источники могли совершенно

умолчать о них и называть варяжскую дружину по преобладающему национальному составу русскою или тавроскифскою». И, наверное, очевидно, что так не делала и Повесть временных лет, что мы и можем заметить по следам неуклюжих правок, сделавших введение к ней почти не читаемым и настолько запутанным. Первоначально, история про транзит власти не прямо из Скандинавии, а с Севера на Юг Восточной Европы, в ней содержаться просто не могла! Никакие греческие или киевские монахи не могли сочинить этого, ни в каком виде! И лучше эту правду уяснить себе со всей ясностью до того, как придется писать книги про мифического Рюрика.

Варяжская легенда с претензиями на старшинство Новгорода или Ладоги, невольно выдает свою искусственность, позднее происхождение и замысел ее создателей, поскольку переписчики так и не удосужились полностью уничтожить в летописи следы киевоцентризма. Что было до нее? Там все сказано предельно ясно, не смотря на последующие вставки и искажения. Сказано в «Сказании о славянской грамоте»: *«Поэтому учитель славян – апостол Павел, из тех же славян – и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе у славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозваны были потому, что сидели в поле, а язык был им общий – славянский»*. Так и должен был выглядеть этот рассказ с опорой на греческое летописание. Не смотря на то, что он, видимо, обрезан.

Он странно выглядит, только когда мы не знаем о том, кого именно греки, а вслед за ними и Западная Европа, и арабы, отождествляли с этой славянской «русью», каких варягов. А отождествляли с ней они, вопреки тому, что утверждают «неонорманисты», не современных им скандинавов-норманнов, а древних германцев – герулов-росомонов, обоснование чего на примере средневековых европейских источников вам уже было представлено достаточно ясно, хочется думать. В понятии летописца 12ст. – народ, без сомнения, варяжский, знаменитый, один из предковых, как утверждали греки, у которого, каким-то образом, и взяли имя. Каким образом это могло случиться, я постараюсь изложить позже. Свою фиктивную связь с ним, как известно из летописи, подчеркивали еще морские налетчики, воевавшие с Византией в 10ст.: «Мы от рода русаго». Только поэтому во введении, где сообщается о разделе земли между сыновьями Ноя и дается обзор народов по частям света, русь и фигурирует среди варягов. Заметьте, не территориально, а по классификации:

«В Афетове же части седять русь, чюдь и всиязыци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, сетьгола, любь. Лях[о]ве же и пруси, чюдь преседять к морю Вряжьскому. По сему же морю седять варязи семо ко възтоку до предела Симова, по т[о]му же морю седять къ западу до земле Агнянски и до Волошьски. Афетовобо и то колено: варязи, свеи, урмане, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии, доже приседять от запада къ полуночью и съседяться съ племянемъ Хамовым». (лавр сп.)

Про ее полумифических варяжских предков нам должны были рассказать во введении: *«откуда есть пошла Руская зем[л]я, кто въ Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть»*. Однако - «откуда Руская земля стала есть» мы, к сожалению, узнать из нее уже не сможем. Кто-то постарался об этом. Тем не менее, первоначальный, сконцентрированный на полянах и среднеднепровском княжеском домене характер летописи, не заметить сложно. Она и подходит к началам Руси через

намеченную схему, как и писал А.Г. Кузьмин: Ной - Афет - Словяне – Поляне. И повествует первоначально о возвышении Руси в Поднепровье. О народе, а не о династии.

«Введение начинается с сообщения о разделе земли между тремя сыновьями Ноя после «потопа». Сюда же вставлен обзор современных летописцу северных и западноевропейских народов. С прямой ссылкой на «Сказание о славянской грамоте» говорится о расселении славян. От общего разбора летописец приходит к полянам. Но текст перебивается легендой об апостоле Андрее. Снова рассказывается о полянах, и теперь сообщается о создании Киева. Вводится полемический выпад в адрес тех, кто отказывает в княжеском достоинстве Киею, а затем снова говорится о славянских княжениях и соседних народах, перечень которых уже приводился. Далее летописец вновь напоминает о расселении славян по Дунаю, говорит о нашествии обров (авар) и вновь возвращается к полянам. Рядом с полянами и древлянами на сей раз названы ранее не упоминавшиеся радимичи и вятичи, сообщается о местах обитания дулебов, уличей, тиверцев. Следует описание обычаев племен, причем сначала сопоставляются только поляне и древляне, а затем полянам же противопоставляются некоторые другие племена. Как бы комментарием является ссылка на текст Хроники Георгия Амартола. Завершается введение пересказом легенды о хазарской дани» (А.Г. Кузьмин Начало Руси: Тайны рождения русского народа).

«По прошествии времени, после смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива), стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?». Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?». Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось все это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению. Так было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этому суждено унижить землю Египетскую». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Так же и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день». И вот начинается собственно хроника: *«В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим».* И тут начинаются всем известные чудеса. Рассказ о полянах режется и появляется вставная фальшивая история про призвание варягов не в Киев, что еще было бы логично, с точки зрения династических интересов, а куда-то на Север:

«В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене».

Таким образом, «Русская земля» «прозвалась» не в 852г. как сказано абзацем выше, а, неожиданно, уже позднее. Эта вставка фальшивая от начала, где упоминаются города, которых, как доказала археология, в то время еще не существовало, до конца, где рассказывается о приходе Олега в Киев, нелепом захвате власти – истории совершенно курьезной, и подчинении древлян, северян и радимичей. На что неизменно указывают исследователи с 19ст. несколько, правда, сокращая ее. И тем не менее доказать этого еще никому не удалось, как и точно определить время, когда она была введена в летопись. Несмотря на очевидные всем нестыковки и несообразности, порожденные этой фальшивой историей. Хотя тот факт, что за ней, как, впрочем, и за некоторыми другими сведениями ПВЛ стоят «кочующие сюжеты» Средневековья, отмечен был достаточно давно. Одно более менее понятно – летопись исказили, судя по всему, лишь после монгольского погрома, когда Киев уже лежал в руинах и митрополичий двор покинул его. Исказили в интересах тех, кто по происхождению имел право, но не готов был бороться за эту самую, развоеванную «русскую землю», ее колыбель. В условиях монгольского господства ее решили предоставить самой себе, не привлекая к ней лишнего внимания, сместив и сосредоточив его на династии. Что самое необычное, и это действительно удивительно, но, пройдет время и по той же модели, как мы можем видеть благодаря книгам по истории Украины, на развалинах Руси поднимется Украина и Запорожье снова сыграет свою роль «места силы» в судьбах этого региона.

Пора, наверное, сказать уже несколько слов о варягах. Это понятие, которым в 11-12ст. чаще всего обозначали на Руси скандинавских наемников, ехавших на службу в Византию или предлагавших свои услуги местным князьям, скорее всего, пришло сюда от греков, как и к скандинавам, и, возможно, намного старше, чем полагает большинство. Как писал Иоанн Скилица «варанги», в его время (11ст.) являлись простонародным названием «верных» у византийцев - «варанги... называемые так на простонародном языке». И, на самом деле, оно не обозначало только лишь скандинавов, о чем сказать нам российские историки, сегодня, как правило, забывают! Ни у греков, ни в Руси. Переворачивать все с ног на голову ради одной лживой вставки в летопись, нам ни к чему. На таком шатком основании, сколько теорий не строй, - все будет «варяжской проблемой». Очевидно, что оно всего лишь снова вошло в обиход в Византии 10ст., припомненное из старинной практики. Его стали использовать благодаря распространению византийской книжной культуры, а не влиянию славян или скандинавов, известно же оно там было, по крайней мере, с эпохи раннего Средневековья.

На невозможность лингвистически корректно вывести византийское βαράγγοι из древнескандинавского væringjar, указывают давно. Об этом писал еще Гедеонов Степан Александрович в своем исследовании «Варяги и Русь» уверенно отказывая в первенстве скандинавскому варианту данного соционима. На то же обстоятельство обращает внимание и российский исследователь Владимир Егоров, замечая, что оно: *«ставит под сомнение исходную норманистскую концепцию, предполагающую в триаде «вэринги → варанги → варяги» первичность вэрингов væringjar. Проблема варангов до сих пор не решена и столь серьезна, что её решение, видимо, надо искать в некой*

диалектической противоположности, причём совсем не обязательно с сокрушением устоев норманизма».

Подобным образом, как подмечал Л.С. Клейн, судил об этом еще А.А. Куник, скорее видя в нем древнее готское или герульское слово «варанг»-союзник (Kunik 1844-45). На такую возможность осторожно указывает и итальянский историк права Доменико Пардуччи, проводя параллель между варангами Византии и сословием *waregang*, существовавшем в Лангобардском королевстве, судя по Эдикту Ротари (лат. *Edictum Rothari*, также известному как Лангобардская правда) — своду законов обычного права лангобардов, кодифицированному при короле Ротари в 643 году. Оно означало там людей «приехавших по договору» и живущих на территории принимающей стороны на условиях некоего договора или клятвы. (D. Parducci, «*Glistranierinell'altomedioevo*», *Mirator* 1 (2007) *Foreigners in the Early Middle Ages: notes on ch. 367 of the Edictum Rothari*). Этот же германизм в том же значении, судя по всему, воспринят был и в Византии, где в ранневизантийский период обозначал германских наемников – федератов, тех самых «верных». Происходил же он, вероятно, от древнегерманского слова *waga* (присяга, клятва), родственного русскому слову «вера», на что указывали давно. Об этом еще в 19 веке писал известный германист Вильгельм Томсен.

Только так можно адекватно понять, почему Никита Хониат считал возможным называть Срем – «Франгохорионом», а древнерусские книжники, переводя Амартола, меняли пассаж про русь «от рода франгов», оригинала, на - «от рода варягов». Дело было не в народной переделке слова *Φράγγοι*, со временем превратившегося в *Βαράγγοι*, как считают некоторые, в чем сомневался еще В.Г. Васильевский. Этимологически они, скорее всего, никак не связаны. Просто само происхождение знаменитого византийского союзного корпуса, традиционно связывали с германцами, которых греки в 10-11ст. собирательно называли «франгами». Эти странные, с точки зрения норманнской теории, пассажи источников, более всего и указывают на действительное происхождение понятия. В византийском Словаре Суда второй половины 10 века— крупнейшем энциклопедическом словаре греческого языка сказано четко- «*Γερμανικός ὁ Φράγγος*». Позднее, под влиянием крестовых походов, Византия научилась разделять франков и аллеманов, признав таким образом, окончательный распад Франкского королевства, но это было уже потом.

В роли варангов, воскрешая старую практику, побывала и русь во времена князя Владимира, и лишь впоследствии активность выходцев с Севера заставила восточных славян ассоциировать наемничество со скандинавами. Все дело было лишь в том, что Русь воспринимала культуру Византии. Как и Скандинавия отчасти. «Инородность и позднее происхождение древнескандинавского названия нашли отражение в одной из редакций "Саги о Харальде Суровом Правителе" (по рукописи "Flateyjarbók"), где говорится о положении в Константинополе перед приездом Харальда: "И было там уже множество норманнов, **которых они (византийцы. – Авт.) называют взрингами**" ("*Enmikillmennfjöldivarparáðrfyrirnórðmanna, erþeir kalla Væringja*")». Так пишут даже сами российские историки - Мельникова Е.А. Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в 10-11вв: К истории названия «варяг» 2011. Когда греки упоминали о конкретно скандинавских наемниках, их называли «варангами с острова Фулы», о чем Васильевский В.Г. в своей работе и писал, показывая, что до них «варангами» на службе ромеев были, главным образом – «тавроскифы». Причем отмечал, что: «*В Константинополе знали, что Русские шли не одни, что и они имели много союзников, и что этими союзниками были народы, обитающие на северных островах океана: προσηταίρισάμενος δὲ καὶ* Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

σιμααχικόν οὐκόλιγον ἀπὸ τῶν κατοίκουντων ἐν ταῖς προσαρκτίοις τοῦ Ὠκεανοῦ νήσοις ἑθνῶν. Нет никакой причины сомневаться, что здесь разумеются жители Скандинавии и Исландии, которых Греки, а по следам их — и Византийцы, одинаково считали за островитян. Следовательно, Византийцы умели отличать Русских от Нордманнов и в случае нужды не затруднялись найти соответствующие слова и выражения для обозначения последних».

Но и на древнерусской почве, заимствованное у греков понятие «варяг», не ассоциировалось исключительно со скандинавами, что мы и можем заметить по дошедшим до нас редакциям Киево-Печерского патерика - сборнику рассказов об основании Киево-Печерского монастыря и житий его первых насельников. А именно – по 37му его «Слову» - «Вопросу благоверного князя Изяслава о латинянах», где латинская вера недвусмысленно приравнивается к «варяжской». И, где, к примеру, можно такой пассаж встретить: *«Латиняне Евангелие и Апостол имеют, и иконы святые, и в церковь ходят, но и вера их и закон ложные. Множество ересей всю их землю осквернили, потому что во всей земле только варяги. Великая беда из-за них правоверным, которые с ними живут в одном месте».* Можно ли трактовать это место иначе, чем указание на бывшую империю Каролингов – германское королевство Франков, или норманнская теория сможет объяснить подобные вещи лучше? Понятие «варанг», очевидно, старше эпохи викингов, и трактовалось шире, чем принято думать.

Исследование В. Г. Васильевского, кстати, интересно и актуально и сегодня, пусть его и пробуют сдать в архив:

«Как бы то ни /142/ было, почти несомненным остается тот факт, что имя Варангов впервые внесено было в греческую письменность каким-либо местным малоазиатским писателем-летописцем. Важно это в том отношении, что, быть может, здесь находится путь к объяснению самого происхождения византийского названия Варангов. Уже давно, хотя на довольно шатких основаниях, было высказано предположение, что происхождение этого слова народное, то есть, простонародное. Нужно, следовательно, звать особенности малоазиатских наречий средневековой Греции, чтобы безошибочно решать вопрос. Мы лично не обладаем нужными для того сведениями; да и самые, теперь довольно многочисленные, издания народных греческих песен Трапезундской, Понтийской и прочих областей совсем почти не доходят до Петербурга. Только по цитатам у Сафы, помещенным в предисловии к II-му тому Средневековой Библиотеки, узнаем мы, что в народных песнях припонтийских Греков, носящих на себе следы глубокой древности и даже именно XI столетия (упоминание об Узах), воспеваются на ряду с греческими паликарами также и Фаранги, которых Сафа прямо принимает за Варангов. Сценой геройских подвигов служат ущелья и клисуры Тавра (Девы, Δέβα), то есть, соседний [220] с Фракисией Кивирреотский округ — тот самый округ, куда, между прочим, стремился Хрисохир со своими удалцами, и далее пограничные области Писидии, Ликаонии и Киликии, за которыми начиналась сарацинская граница XI века, спорный рубеж между двумя мирами, по направлению к Евфрату, Эдессе и Самосате. Мы не спорим против того, что Фаранги могут быть прямо считаемы за Варангов; точно также не отвергаем тождества с Варангами и тех Марангов, имя которых подслушал еще Пуквилль (Pouqueville) в собственной Греции; этим именем, говорят, и теперь дети преследуют и дразнят иностранцев: Φράγγο, Μαράγγο Πίτσι какаράγγο! Мы думаем, однако, что напрасно было бы находить здесь подтверждение западного происхождения Варангов. Трудно согласиться даже с тем, чтобы φάραγγοι были народною переделкой слова
Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

φράγγοι. Тогда нужно будет принять, что имя Варангов образовалось в Греции совершенно независимо от русского /143/ «Варяги» и перешло не из Руси в Византию, а наоборот, и что наша первоначальная летопись современную ей терминологию XI и XII веков перенесла неправильным образом в предыдущие столетия. Легко высказать такое предположение, но, чтобы доказать его строго научным образом, нужны именно строго научные доказательства и точные исследования» (В. Г. Васильевский Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков). И это пророческое допущение в части маршрута термина, ближе к истине, чем все пустопорожние рассуждения сторонников исключительного «норманства» варягов. Возможно, строго научные доказательства и точные исследования однажды таки докажут догадку российского ученого.

Что же касается сказки про призвание варягов, то сама по себе, она, как и подозревали многие, не стоит и абзаца обсуждения. Нужно только учитывать, что именно на этом шатком основании российская историческая наука преимущественно и пытается построить свой исторический нарратив, что обусловлено особого рода целесообразностью, ничего общего с наукой не имеющей. Более интересно было бы знать обстоятельства ее появления в летописи, и в связи с этим лучше процитировать одну интересную статью российского историка Федотовой П. И. «У истоков варяжской историографии: кто и когда внедрил варяжский фальсификат в русские летописи?». Она будет вам полезна для уяснения сути того с чем мы имеем дело, пусть автор и не является сторонником тождества варягов и руси:

Полемика по варяжскому вопросу в российской исторической науке продолжается почти триста лет, но до сих пор не пришла к общепризнанному завершению, так как наиболее продуктивная линия его решения оказалась в стороне от магистрального направления научных дискуссий. С самого начала главный интерес участников научных баталий оказался сосредоточен на проблеме этнического происхождения варягов, и до сих пор основные дебаты вращаются вокруг одинаково ложной дилеммы скандинавского или славянского происхождения варяжских князей. Между тем главная проблема пресловутого «варяжского вопроса» лежит совершенно в другой плоскости: когда в русских летописях появился рассказ о призвании варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора. Большинство современных участников дискуссии даже не касаются этого первостепенной важности вопроса, априорно полагая его решенным. Само существование этой проблемы молчаливо обходится в современных спорах, хотя идея вставного и позднего характера варяжской версии русской истории имеет длительную историографическую традицию. Целый ряд историков XIX – XX вв. указывали на привнесенный характер варяжской легенды и ее чужеродность киевской летописи. О вставном характере Сказания о призвании варягов писал антинорманист Д. И. Иловайский. Собственно киевским он справедливо считал летописный рассказ о Кие, Щеке и Хориве как основателях Киева. В варяжской легенде он усматривал признаки новгородского происхождения, поскольку она выводит начало Русской земли не из Киева, а из Новгорода. Возникновение этого новгородского предания он относил к концу XII – началу XIII вв., когда Новгород достиг значительного политического влияния. Не подвергая сомнению присутствие варяжской легенды в киевской летописи, он полагал, что она была внесена в ее текст не ранее конца XII – начала XIII вв. при киевском князе Рюрике Ростиславиче. По крайней мере, в других сохранившихся памятниках дотатарского периода нет никакого намека на призвание варягов. Особенно показательным в этом отношении «Слово о полку Игореве». Хотя его

создание относится к концу XII в., в нем нет ни одного упоминания о варяжском происхождении русских князей [5. С. 224 – 225, 276 – 277]. Ни одно произведение русской словесности, несомненно принадлежащее дотатарской эпохе (до XIII в.), «не знает ни о варяге Рюрике, ни вообще о призвании варяго-русов» [5. С. 312][1]. Норманист А. А. Шахматов, посвятивший специальное исследование варяжской легенде, вынужден был в этом пункте признать правоту оппонентов. Вслед за Иловайским он квалифицировал рассказ о призвании варяжских князей как вставку в киевскую летопись, заимствованную из новгородского источника. Но его ошибочное и бездоказательное убеждение в тождественности летописей XIV – XVI вв. киевскому своду начала XII в. приводило его к столь же ошибочному выводу о создании Сказания о призвании варягов в середине XI в. Его появление в киевской летописи он относил к началу XII в., а источником считал предшествующую киевской новгородскую летопись [36. С. 185 – 231].

Предложенную Шахматовым раннюю датировку возникновения варяжской легенды ставит под сомнение не только отсутствие каких-либо следов Рюриковой генеалогии в русских источниках домонгольского периода[2]. Не менее важна заключенная в ней идеология, на которую указывал российский искусствовед и историк Ф. И. Шмит. Политическую тенденцию дошедших до нас летописей Шмит усматривал в том, чтобы доказать исконное единство всей Руси, тяготение ее к монархическому укладу и исключительное право на власть Рюриковых потомков, а также полную культурную зависимость Руси исключительно от Царьграда [37. С. 101]. Такое церковно-политическое мировоззрение не согласуется ни с федеративно-демократическим строем Руси XI – XII вв., ни с организацией ее политического класса в виде коллективного «рода русского». Оно отвечает политическим потребностям более позднего времени, когда начался процесс политической централизации русских земель. Наблюдения предшественников были развиты академиком Н. К. Никольским, который пришел к выводу о сфальсифицированном характере варяго-византийской концепции русских летописей. В своей исключительной по ценности монографии о Повести временных лет он убедительно доказал, что в основе летописного повествования о начале Руси лежит источник мораво-паннонского происхождения, который затем был радикально переработан под углом зрения варяго-византийской идеологии. Первоначальная киевская летопись выводила русскую государственность и культуру не с новгородского севера, а с территории дунайских славян. Переработка древнейшей летописи имела также целью доказать происхождение русского христианства и книжности не от славянской кирилло-мефодиевской традиции, а от греческого православного духовенства, представив единственным просветителем Руси греческую иерархию вкуче с княжеским домом [22. С. 8 – 9, 101 – 102].

Объясняя существование в современной науке влиятельной партии «византистов», которая сводит всю древнерусскую культуру к византийскому влиянию, он видел в ней продолжение созданной в XII в. «средневековой фикции» греческого националиста. В своем докладе на сессии Академии наук СССР (1933 г.) Никольский говорил, что занесенный на страницы церковного официозного курса русской истории «легендарный парадокс, тесно связанный с церковно-исторической метафизикой национализма своего времени», на двести лет определил научную традицию изучения русских летописей. В свою очередь, историографическая мысль, «окружив тенденциозную теорию этого церковника ореолом достоверности», «содействовала обоснованию непререкаемости одного из отголосков средневекового умозрения» [21].

Стб. 10 – 11]. Переделку первоначальной славянской летописи в варяго-византийском духе Никольский относил к началу XII в. и приписывал деятельности Сильвестра и стоявшей за ним княжеской власти [22. С. 104].

Идеи Н. К. Никольского прямого продолжения не имели. Из последующих историков к его выводам прислушались только А. Г. Кузьмин и отчасти Б. А. Рыбаков, который в целом остался в рамках шахматовских воззрений на происхождение варяжского сказания. Как и Шахматов, он исходил из тождества «варяжской» и «норманской» концепций, используя эти термины как взаимозаменяемые, хотя никакого тождества между этими двумя разновременными псевдоисторическими построениями нет[3]. Поэтому он уделил много внимания скандинавским связям Мстислава, хотя эти связи не имели никакого отношения к варягам, а потому не могли пролить свет на создание варяжской историографии. Он повторил и ошибочное представление Шахматова о внесении варяжской легенды в текст киевской летописи из новгородского источника середины XI в. (по мнению Рыбакова, «Остромировой летописи»). Правда, Рыбаков связывал создание варяжской («норманской» в его терминологии) традиции не с Нестором, а с другими киевскими летописцами, близкими князю Мстиславу Владимировичу: редактором «Повести временных лет» выдубицким игуменом Сильвестром (в 1116 г.) и неким «неизвестным по имени писателем» около 1118 г. [27. С. 297, 300 – 302]. По его мнению, созданная в Новгороде в середине XI в. варяжская легенда была включена в киевскую летопись в начале XII в. проваряжскими идеологами Мстислава Великого, в корне исказив ее первоначальный рассказ о начале Русской земли. В отличие от Шахматова, который не отказывал в достоверности новгородскому преданию о варягах, Рыбаков характеризовал его как «грубоватую и неумелую фальсификацию», произведенную при Владимире Мономахе и его сыне «в определенных политических целях» [28. С. 225 – 226].

А. Г. Кузьмин, возражая Шахматову, который приписывал внесение варяжской историографии печерскому монаху Нестору, резонно замечал: «трудно допустить, чтобы враждебная киево-полянской концепции варяжская легенда могла быть внесена в летопись кем-либо из летописцев киево-печерской традиции» [11. С. 42]. Однако историк выпустил из вида, что вообще невозможно допустить внесение в киевскую летопись новгородской версии возникновения древнерусской государственности, согласно которой Киев получил княжескую власть из Новгорода. Невозможно по причине как острой конкуренции этих двух древнерусских центров, так и расхождения этой версии с исторической реальностью: не Киев получил князей из Новгорода, а новгородцы в 970 г. пригласили на княжение сына киевского князя[4]. Проновгородская версия могла быть внесена в киевскую летопись только после исчезновения Киева как политического центра Руси, то есть уже в послемонгольское время[5]. В то же время А. Г. Кузьмин высказал не лишнее основание предположение, что варяжское происхождение было первоначально генеалогической легендой лишь одной ветви русских князей – Мономашичей, и только впоследствии было принято в качестве общей генеалогии «рода русского» [11. С. 53]. Это важное соображение требует некоторой корректировки. В киевской летописи XII в. в том виде, в котором она дошла в составе Ипатьевского свода, нет даже намёка на варяжское происхождение русских князей, хотя киевский стол в этот период занимали преимущественно потомки Мономаха (из киевской, смоленской и ростово-суздальской ветви). Следовательно, та княжеская ветвь, которая явилась инициатором варяжской генеалогии, была некиевского происхождения. Единственным из Мономашичей, у кого имелся мотив для

лоббирования варяжской генеалогии, был Юрий Долгорукий. Шестой сын Владимира Мономаха Юрий-Георгий-Гюрги с юных лет находился на попечении варяга Георгия Шимоновича[6]. Именно среди потомков Долгорукого мы впоследствии и находим пропагандистов этой генеалогии.

2

Для определения времени появления варяжской легенды следует принимать во внимание и указанный Ф. И. Шмитом идеологический аспект. Промонархическая и провизантийская идеологическая концепция не могла возникнуть в начале XII, а тем более в XI в. Для ее появления просто не было почвы: ни объективной, ни субъективной. Русские князья не ставили под сомнение коллективно-родовой принцип владения Русской землей, а наличие «русской партии» среди духовенства и князей XII в. и происходившая в это время борьба за русского митрополита говорит о том, что церковная гегемония Византии не воспринималась русским обществом как ее безусловное право. Возникновение предпосылок для такого одновременно проваряжского и прогреческого церковно-политического мировоззрения можно предполагать не ранее конца XII – начала XIII вв. у занимавшего владимирский стол младшего сына Юрия Долгорукого – Всеволода Большое Гнездо. Сын воспитанного варягом Юрия от матери-гречанки, несколько лет проживший в Византии, Всеволод вполне мог пропитаться идеями византийской культурной гегемонии и монархической власти. Однако и такое допущение остается только в области предположений. Никакой реальной источниковой базой для вывода о появлении варяжской легенды уже в начале XIII в. историки не располагают. Оставаясь на почве фактов, а не реконструкций и предположений, первая дошедшая до нас запись варяжской легенды фиксируется только в конце XIII века – в таком памятнике церковного права, как Новгородская Синодальная Кормчая. В начале этой Кормчей помещен краткий Летописец константинопольского патриарха Никифора, дополненный таким же кратким русским летописцем. Русские записи начинаются с известия о приглашении русью, чудью, словенами и кривичами варяжского князя Рюрика с братьями Синеусом и Трувором. Текст Летописца по Синодальной Кормчей был опубликован дважды: Археологической комиссией в приложениях к первому тому Полного собрания русских летописей (1846 г.) и академиком М. Н. Тихомировым в 1962 г. [13. С. 248 – 252; 30. С. 235 – 239]. При этом М. Н. Тихомиров опубликовал еще две ранние записи с аналогичным текстом варяжской легенды: в Варсонофьевской Кормчей конца XIV в. и Толкованиях на Слова Григория Богослова середины XIV в.[7]. Все три указанные записи в составе этих рукописных памятников содержатся в одном и том же включенном в них тексте – Летописце вскоре патриарха Никифора. Странным образом за прошедшее с момента их публикации время эти первые записи варяжской легенды из Кормчих книг конца XIII – конца XIV вв. до сих пор не стали объектом специального исследования. Хотя они имеют первостепенное значение для выяснения происхождения варяжской легенды, поскольку содержатся в рукописных подлинниках, более ранних, чем первые дошедшие до нас списки «Повести временных лет»[8]. На пути их изучения следует выделить три самостоятельные проблемы. Во-первых, содержание раннего варианта варяжской легенды в Кормчих книгах конца XIII – XIV вв. расходится с вариантами летописей XV – XVI вв. Во-вторых, важно установить время появления русской редакции содержащего их источника – Летописца вскоре патриарха Никифора. Эта проблема связана с решением третьего вопроса – о времени появления северно-русских Кормчих книг, так как более ранних памятников с русской

редакцией Летописца на сегодняшний день неизвестно. В отличие от летописных версий, формулировка варяжской легенды во всех трех ранних вариантах полностью совпадает. В Новгородском и Варсонофьевском списках Летописца сказано: «придоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи к Варягомъ, реша: земля наша велика...» [20. С. 238]. В другом варианте Летописца (в составе Синодальной рукописи № 117) имеется сходная запись: «придоша к Варягам Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и рекоша им...» [31. С. 206 – 207. Прим. 1]. Приведем эти отрывки из русской части Летописца Никифора целиком:

Новгородская Кормчая

...при сего цесарстве [византийского императора Михаила] придоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи къ Варягомъ, реша: «земля наша велика и обилна, а наряда в неи нетуть, поидите княжить и володеть нами». И избрашася три браты с роды своими, старей Рюрикъ седее Новегороде, Синеушь на Белеозере, Труворъ въ Изборьске, от Адама лет 6370. По двюю лета Труфоръ и Синеушь умре, и прия всю власть в Руси Рюрикъ. <...> В 12-е лето цесарства его [императора Василия] Рюрикъ умре, дастъ княжение Олгови сроднику своему и сына малого Игоря.

Варсонофьевская Кормчая

...при сего цесарстве придоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи къ Варягомъ, реша: «земля наша велика и обилна, а наряда в неи нетуть, поидите княжить и володеть нами». И избрашася три браты с роды своими, старей Рюрикъ седее Новегороде, Синеушь на Белеозере, Труворъ въ Изборьске, от Адама лет 6370. По двюю лета Труфоръ и Синеушь умре, и прия всю власть в Руси Рюрикъ. <...> В 12-е лето цесарства его Рюрикъ умре, дастъ княжение Олгови сроднику своему и сына малого Игоря.

Синодальная рукопись № 117

А от 7-го сбора до оумертвия Михаила цесаря лет 64 и 9 месяць и 7 днии. При сего же цесарстве придоша к Варягам Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и рекошаимъ: «земля наша добра и велика и обилна, а наряда в неи нет, придете княжит и владеть нами». И избрашася 3 братья с роды своими, старей Рюрик седе в Новегороде, Синеоушь седе на Белеозере, Труворъ седе во Изборьске. По двюю лету Труворъ и Синеоушь оумроста и прия Русскую область Рюрик.

Таким образом, во всех трех памятниках с ранним вариантом варяжской легенды строго выдержана одна и та же версия событий. Это единообразие обнаруживает первоначальный вариант рассказа о призвании, в котором еще не было отождествления руси с варягами. Наоборот, русь указана среди племен, приглашавших варяжских князей. Но при соединении варяжской версии с киевской летописью компиляторы столкнулись с серьезной проблемой: в киевской летописи не было варяжских князей. В ней фигурировали только русские князья и Русская земля. Надо было ликвидировать возникшее противоречие между приглашением варяжских, но дальнейшим правлением русских князей. С этой целью редакторы Лаврентьевской летописи догадались объявить варягов русью. Так родилась знаменитая фраза: «придоша к варягом, руси». Однако в Лаврентьевской летописи эта декларация так и осталась пустым звуком, так как эта псевдорусь «называла себя варягами» («сицебосязвахуть и варязи суть» – «ибо называли они себя варягами») [14. Стб. 19].

В качестве «работы над ошибками» появилась вторая редакция – в Троицкой (1408 г.) и Ипатьевской (ок. 1425 г.) летописях. Тут швы соединения этого информационного вброса уже несколько сгладились: «идоша за море к Варягом, к Руси, сицебо звахуть тьи Варягы Русь» («пришли к варягам, руси, ибо звались те варяги русь»). Но, по недосмотру редакторов, эта варяго-русь все равно приглашала саму себя: «ркоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи» («сказала русь» и прочие, обращаясь к варягам-руси) [6. Стб. 14]. Поэтому потребовалась дальнейшая работа по редактированию текста, отразившаяся в Радзивиловской летописи (конец XV в.): «идоша за море к варягомъ руси, сицебо тии звахуся варязи русь... Решарусичюдь, и словени, и кривичи, и вси...» [26. С. 16]. Здесь слово русь поставлено не в именительном, а в дательном падеже, так что обращалась уже не русь, а обращались к руси. Таким образом, только к концу XV в. наконец-то была счастливо найдена непротиворечивая формула приглашения «варяго-русских» князей, окончательно слившая воедино варяжскую и русскую историографические концепции. Как видим, процесс этого средневекового творчества был довольно длительным. Летописцам потребовалось сто лет, чтобы осознать противоречие между варяжской и русской версиями начала русской государственности, и еще сто лет, чтобы загладить наиболее очевидные швы сшивки двух разнородных историографических концепций.

Однако консерватизм средневекового сознания приводил к дальнейшей трансляции начальной версии варяжского сказания даже тогда, когда по всем летописям уже прочно господствовала компромиссная «варяго-русская» схема. Так, среди статей, помещенных перед летописным Патриаршим сборником (Никоновской летописью, XVI в.), мы находим Летописец Никифора, в котором рассказ о призвании в точности соответствует варианту Кормчих книг. После известия о правлении императора Михаила сказано: «При сего царстве приидоша Русь, Чюдь, Словене Новгородци и Кривичи къ Варягомъ, реша: «земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нетъ, поидите княжити и владети нами», и избрашася три браты с роды своими, старей Рюрикъ седее въ Новегороде, Синеусъ на Белеозере, Труворъ въ Изборске: отъ Адама леть 6370; по двою лету Труворъ и Синеусъ умре, и приять всю власть въ Руси Рюрикъ» [23.С. XVIII][9].

3

Итак, момент появления компромиссного варяго-русского варианта варяжского сказания фиксируется точно – 1377 год, когда редакторы Лаврентьевской летописи слили два разных народа в одну небывалую «варяжскую русь», сохранив при этом элементы прежнего рассказа. Но когда возникла первоначальная версия варяжского сказания, в которой еще не было отождествления варягов и руси? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к тексту самой Новгородской Кормчей, на первой странице которой указана дата ее создания. Проблему для историков создает то обстоятельство, что эта дата дефектна (в ней стерта последняя или, скорее, две последних цифры). Однако указано, что «В лето [67...] написана бышагнигы сия повелением благовернаго князя новъгородьскаго Дмитрия, а стяжаниемъ боголюбиваго архиепископа новгородьскаго Климента» [40. С. 287]. Великий князь владимирский Дмитрий Александрович в последний раз занимал новгородский стол в 1284 – 1291 гг., а Климент был новгородским владыкой с 1276 по 1299 г. Таким образом, Новгородская кормчая могла быть написана в промежуток с 1284 по 1291 год. Именно этим временем датировал ее появление ведущий специалист в области

древнерусского церковного права Я. Н. Шапов [39. С. 300]. Другие исследователи относят ее создание к 1280 – 1282 гг.[10].

Однако эта датировка указывает лишь время, когда Летописец был внесен в Новгородскую Кормчую. Но когда был создан сам текст Летописца Никифора с русскими известиями? Ответ на этот вопрос содержится в самом тексте этого источника. По своему содержанию Русский летописец, включенный в состав греческого Летописца Никифора, представляет собой Временник русских князей, то есть краткий хронологический перечень русских князей с указанием продолжительности их княжений (10 лет, 4 лета и т. п.) от Рюрика до Дмитрия Александровича, сына Александра Невского. На время его составления указывают последние сообщения. В конце Летописца говорится о начале владимирского княжения Дмитрия Александровича («и нача ведати великое княжение Дмитрии Ольксандровичь»), что имело место в 1277 г. Затем сообщается о смерти в «татарехъ» князя Бориса Ростовского (1277) и вокняжении в Ростове его сыновей Дмитрия и Константина, что произошло после смерти их дяди Глеба Васильковича, умершего через 6 месяцев после возвращения из Орды (13 декабря 1278 г.). Этим сообщением о смерти ростовского князя Глеба Белозерского, то есть концом 1278 г., русский летописец заканчивается [20. С. 239]. Следовательно, Временник был составлен, не ранее конца 1278 г., скорее всего, в 1279 г.

При этом важно, что два других ранних списка русских Кормчих XIII в. – Рязанская (1284 г.) и Владимиро-Волынская (1286 г.) – не содержат в своем составе Летописца Никифора с русским Временником и варяжской легендой. В процессе изучения этих памятников русского права было установлено, что все три русские Кормчие конца XIII в. (Рязанская, Владимиро-Волынская и Новгородская) имеют разные протографы. Рязанская Кормчая 1284 г. представляет собой список (копию) Сербской редакции Кормчей, полученной киевским митрополитом Кириллом в 1262 г. из Болгарии. Она не содержит тех добавлений, которые были внесены при ее дальнейшем редактировании для нужд русской церкви [38. С. 139 – 147]. Как показал Я. Н. Шапов, работа над созданием новой Русской Кормчей велась на протяжении многих лет, причем прошла два этапа. Наиболее ранний ее этап (1273 – 1277 гг.) отразился в Волынском изводе Кормчей – списке, отправленном в 1286 г. Волынскому кн. Владимиру Васильковичу. Подлинник Владимиро-Волынской Кормчей 1286 г. не сохранился, но дошел в более поздних списках XV – XVII вв. [38. С. 160, 185, 208 – 212]. Новгородско-Синодальный список 1280-х гг. представляет собой более позднюю переделку Кормчей, в которую были внесены многочисленные добавления. Летописец Никифора с варяжским сказанием появляется только в этой новгородской обработке Кормчей в числе дополнительных 40 статей, отличающих эту Кормчую от своих предшественниц. Это значит, что Летописец Никифора с варяжской легендой был внесен в Кормчую именно на втором этапе, который Я. Н. Шапов связывал с деятельностью Переяславского собора 1280 г. Во время этого собора с участием северо-русских епископов (новгородского, ростовского и владимирского) и великого князя Дмитрия Александровича митрополит Кирилл скончался (7 декабря 1280 г.). Учитывая сходство Новгородской и Варсонофьевской Кормчих, содержащих идентичный текст русского Временника (при некоторых отличиях в их составе), Шапов предположил наличие у них общего протографа – Переяславской Кормчей 1280 г. [38. С. 206 – 209][11]. Таким образом, сравнительный анализ русских Кормчих книг XIII – XIV вв. дает четкую хронологическую и региональную границу появления варяжской версии русской

истории. Варяжская легенда появляется в памятниках церковного происхождения в 1280-х гг. Ее содержит один и тот же текст: Летописец вскоре патриарха Никифора второй (русифицированной) редакции в составе Новгородской (1280-е гг.) и Варсонофьевской (XIV в.) Кормчих, восходящих к Переяславской Кормчей 1280 г. При этом ни Рязанская Кормчая 1284 г., ни Владимиро-Волынская Кормчая 1286 г. не содержат в своем составе Летописец Никифора и, соответственно, варягофильской историографии. В их основе лежат иные протографы, отличные от протографа северно-русских Кормчих. Это лишний раз подтверждает давний вывод исследователей, что варяжская историография имеет некиевское происхождение. Она берет начало в северных землях Руси, а не в южных или юго-западных.

4

Можно ли предполагать, что она была внесена в Летописец Никифора северных Кормчих книг из какого-то древнейшего общерусского свода? Например, из Киевской летописи XII в. или из ее более поздних владими́ро-суздальских переработок конца XII – начала XIII в.? Такое допущение маловероятно, поскольку ни в Киевской летописи XII в., ни во Владимиро-Волынской летописи XIII в., как они известны по Ипатьевскому своду начала XV в., не прослеживаются никаких следов варяжской историографии. Кроме того, если бы у Кормчих и летописей конца XIV – XVI вв. был один общий источник, их версии должны совпадать. Однако они не только не совпадают, но очевидно, что летописный вариант, в котором варяги и русь слиты в один народ, является вторичным, тогда как вариант Кормчих – первичным. Отождествление варягов и руси возникло, когда редакторы летописей, наконец, осознали возникшее противоречие между «варяжским князем» Рюриком и «русскими князьями» Олегом и Игорем[12]. Каким образом приглашенные русью варяги превратились в приглашавшую их русь? Чтобы затушевать эту неувязку, варягов и русь слили в один народ. Таким образом, концепция «варяго-руси» XV – XVI вв. представляет собой вторичную редакцию первоначальной версии варяжской легенды XIII – XIV вв., в которой русь и варяги выступали в качестве самостоятельных этносов. Этот никогда не существовавший «варяго-русский» гибрид имел целью скрыть противоречие, возникшее от включения северной варяжской версии в русскую киевскую летопись[13].

В таком случае, откуда в Новгородской и Варсонофьевской Кормчих появился сюжет о варягах, если он не был заимствован из общерусского летописания – киевского или владимирского? Остается допустить, что его внесли из какого-то регионального летописца: новгородского, ростовского или переяславского. Наличие самого раннего списка русского Временника с варяжской версией в Новгородской Кормчей заставляет подозревать новгородский источник. Однако, как заметил еще М. Н. Тихомиров, в нем «почти нет новгородских известий», зато относительно много ростовских. Это «может указывать на его ростовское происхождение» [30. С. 235]. В действительности, кроме сообщения о Рюрике, который «седе в Новгороде», в нем вообще нет новгородских известий. Значит, краткий Временник русских князей, попавший в Новгородскую Кормчую, был составлен не в Новгороде. Наряду с М. Н. Тихомировым и другие исследователи приходили к мысли, что непосредственным источником русского летописца Кормчих книг послужило ростовское летописание[14]. С Ростовом и ростовской епископской кафедрой связывал создание северной редакции Русской Кормчей и Я. Н. Щапов [38. С. 208 – 209]. К такому выводу приводит, прежде всего, наличие в этой краткой и небольшой по объему русской летописи множества ростовских известий. Они начинаются с сообщения о Константине Всеволодовиче и

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

его сыновьях, вокняжении в Ростове после смерти Константина его сына Василька (1218 г.), за которым следует сообщение о его гибели от татар в 6746 (1238) г., затем о правлении в Ростове «княгыни Василковой» (вдовы Василька, Марии Михайловны) вместе с сыновьями Борисом и Глебом после гибели мужа. Заканчивается летописец сообщением о смерти ростовских князей Бориса (1277) и Глеба (1278) Васильковичей и вокняжении в Ростове сыновей Бориса – Дмитрия и Константина (1278). Следовательно, в качестве дополнения к краткой всемирной хронике Никифора был использован такой же краткий русский Временник ростовского происхождения.

Обстоятельства, сопутствующие созданию этого Временника, были подробно рассмотрены в исследовании советского историка Ю. А. Лимонова, посвященном летописанию Владимиро-Суздальской Руси. Лимонов пришел к выводу, что русский Временник из краткого Летописца Никифора Новгородской Кормчей был составлен на основе ростовской переделки владимирской летописи. Ростовская редакция владимирского свода была осуществлена во второй половине XIII в., не ранее 1262 г. и не позднее 1280 г. Наиболее вероятным временем ее создания Лимонов считал конец 70-х гг. XIII в. [15. С. 138 – 139]. Стимулом к созданию первого ростовского свода послужило обострение династической борьбы среди князей Северо-Восточной Руси. Свод предназначался для князя Бориса Ростовского, в силу своего старейшинства заявившего права на владимирский стол после смерти великого князя Василия Ярославича в январе 1277 г. Однако внезапная смерть Бориса в Орде, куда он направился наравне со своими соперниками за ярлыком на княжение, перечеркнула эти планы. Новым великим князем в 1277 г. стал сын Александра Невского Дмитрий Переяславский [15. С. 152 – 153]. Начало ростовского летописания Лимонов относил к первому десятилетию XIII в. и связывал с деятельностью старшего сына Всеволода Большое Гнездо – ростовского князя Константина и его сыновей. Другой советский историк М. Д. Приселков относил возрождение владимирского летописания в Ростове к 1263 г., полагая, что ведшаяся здесь с 1263 по 1281 гг. ростовская летопись вошла затем в Переяславский свод 1281 г. [25. С. 147 – 152, 158 – 160]. Я. С. Лурье отмечал в поздних московских летописях XV в. следы некоего «ростово-суздальского свода», начиная с 6785 – 6786 (1277/78) гг. [16. С. 97]. Л. Л. Муравьева относила окончание ростово-суздальского свода, составленного при князе Борисе Васильковиче, к 1276 – 1278 гг. [18. С. 207]. Таким образом, исследователи русского летописания, несмотря на расхождения в частности, согласно относили создание первого ростовского свода к 60 – 70-м гг. XIII в. Именно этим временем и следует датировать возникновение варяжской версии русской истории, которая впервые письменно фиксируется в русском Временнике ростовского происхождения, включенном в состав Летописца патриарха Никифора Новгородской Кормчей 80-х гг. XIII в.

5

Была ли варяжская генеалогия русских князей ростовским или новгородским изобретением? Однозначно ответить на этот вопрос не позволяет отсутствие как ростовских, так и начала новгородских летописей. Однако появление варягов в качестве устроителей русской государственности в ростовском летописце вряд ли можно назвать случайностью. Ростов с конца XI – начала XII в. находился под управлением варягов, а именно, ростовского тысяцкого варяга Георгия Шимоновича, опекуна Юрия Долгорукого. Георгий был сыном варяжского князя Шимона (Симона), бежавшего на Русь примерно в 40-е гг. XI в. и поступившего на службу к киевскому князю Ярославу Владимировичу. Тысяцкий являлся вторым лицом в светской

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

администрации русских княжеств, совмещающая обязанности главного сборщика налогов и предводителя ополчения. Вся первую половину XII в. ростовским тысяцким оставался варяг Георгий Шимонович, и можно думать, что его потомки сохраняли эту должность. По крайней мере, когда отдаленные потомки Георгия Шимоновича – под именем бояр Вельяминовых – вновь появляются в поле зрения летописей XIV в., они занимают ту же должность тысяцких, что и их возможный предок XII века[15]. Только уже не в Ростовском, а в соседнем Московском княжестве.

Обращает на себя внимание и тот факт, что ростовское летописание XIII – XIV вв. до нас не дошло, хотя Ростов не пострадал от монгольского вторжения (во время Батыева нашествия зимой 1237/1238 гг. город сдался без боя) [7. С. 49]. Более того, Ростов был оплотом ордынского влияния в Северо-Восточной Руси, имел значительную общину выходцев из Орды, а его князья известны службой ханам и династическими браками с татарками. И во второй половине XIII в., во время непрерывных татарских ратей, Ростов редко подвергался разорениям, в отличие от других городов и княжеств Северо-Восточной Руси. В силу этих обстоятельств утрату ростовских летописей невозможно списать на монгольское вторжение. Наоборот, в самый тяжкий период первых десятилетий после монгольского вторжения (с конца 30-х до 80-х гг. XIII в.) именно Ростов оставался главным, если не единственным, центром летописания в Северо-Восточной Руси[16]. По крайней мере, в первое время после нашествия Батыя Ростов оставался единственным церковным центром во всей Ростово-Суздальской земле. Владимир был разрушен, а владимирский епископ Митрофан погиб. До 1250 г. владимирской епархией руководил ростовский епископ Кирилл [29. С. 64]. Таким образом, утрата ростовских летописей имеет иную причину, нежели гибель рукописей в огне военных пожаров и иноземных вторжений[17]. Все это вместе взятое: давнее присутствие в Ростове варяжского клана, ростовский характер первого дошедшего до нас Временника русских князей с записью варяжской легенды, а также исчезновение ростовских летописей, – заставляют подозревать именно ростовское летописание в качестве источника варягофильской концепции русской истории.

6

Возникает вопрос: кто мог быть причастен если не к созданию, то к внедрению варяжской историографии в церковные и летописные памятники последних двух десятилетий XIII в.? Первое подозрение, естественно, падает на первых лиц тогдашней Северо-Восточной Руси как руководителей и летописной, и законотворческой деятельности. Великим князем владимирским в это время был старший сын Александра Невского Дмитрий Переяславский, который занимал владимирский стол с 1277 до своей кончины в 1294 г. (с перерывом в 1281 – 1283 гг.)[18]. Дмитрий неоднократно бывал и на новгородском столе: в 1259 – 1264, 1272 – 1273, 1277 – 1281 и 1283 – 1291 гг. О его непосредственном участии в продвижении варяжской легенды свидетельствует прежде всего прямая запись писца в Новгородской Кормчей, указавшего, что книги были написаны «повелением» новгородского князя Дмитрия Александровича и «стяжанием» (то есть на средства) архиепископа новгородского Климента. Это был не первый опыт участия Дмитрия в церковном законотворчестве. Он был одним из участников Переяславского собора 1280 г., где, вероятнее всего, обсуждался вопрос о создании новой редакции русской Кормчей[19]. Кроме самого Дмитрия Переяславского, занимавшего тогда великокняжеский стол, на соборе в Переяславле Залесском присутствовали:

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

митрополит Кирилл II, скончавшийся во время собора, новгородский архиепископ Климент, епископы Игнатий Ростовский и Феодор Владимирский [2. С. 174 – 175]. При князе Дмитрие в 1280 г., согласно гипотезе Я. Н. Щапова, была создана Переяславская Кормчая, послужившая источником ее последующих северных списков. При нем был создан и Переяславский летописный свод 1281 – 1283 г., существование которого установил М. Д. Приселков[20]. Переяславский князь был, вероятнее всего, инициатором создания Повести о житии и храбрости Александра Невского, отца Дмитрия. Как установил наиболее авторитетный исследователь этого памятника Ю. К. Бегунов, первоначальная редакция этой Повести содержала продмитриевскую версию исторических событий и была нацелена на обоснование династических прав Дмитрия на великокняжеский стол. По заключению Ю. Бегунова, создание этого памятника относится к 1282 – 1283 гг. [1. С. 61]. С некоторой корректировкой (не ранее второй половины 1283 г.) эту датировку следует признать наиболее обоснованной. Таким образом, вырисовывается картина масштабной идеологической работы Дмитрия Александровича в 1280-е гг. На этот период падает и создание летописного свода, и написание Кормчих, и появление Повести о житии и храбрости Александра Невского[21].

Обращает на себя внимание и круг других участников Переяславского собора 1280 г. Ключевой фигурой здесь является ростовский епископ Игнатий, рукоположенный в сан в 1262 г., но управлявший делами ростовской епархии с 1261 г. до самой своей смерти в 1288 г. Он занимал кафедру именно тогда, когда был создан ростовский Временник с варяжским сказанием (1279 г.), включенный в состав греческого Летописца Никифора. К периоду его святительства относится и создание первого ростовского свода, независимо от того, к какому конкретному году приурочивать его появление (к 1263 г., как М. Д. Приселков, или к концу 70-х гг., как Ю. А. Лимонов и Л. Л. Муравьева).[22] Другой участник Переяславского собора 1280 г., новгородский архиепископ Климент (на кафедре с 1273 г.; рукоположен 1275/1276 – 1299 гг.), курировал создание Новгородской Кормчей с этой русифицированной версией Летописца Никифора. На тот же период приходятся годы святительства еще одного участника Собора 1280 г. – епископа Владимирского Феодора (1276 – 1286 гг.) [8. С. 142 – 145, 231 – 233, 409 – 410]. Все трое святителей (Игнатий, Климент и Феодор) были рукоположены в сан митрополитом Кириллом II, составляя, таким образом, круг его прямых кадровых назначенцев. Причастность не только ростовского, но и новгородского духовенства к созданию варяжской историографии очевидна. Об этом свидетельствует целиком проновгородский характер варяжского сказания: 1) утверждение, что старший из братьев-варягов сел на княжение в Новгороде; 2) утверждение о первенстве Новгорода перед Киевом; 3) утверждение, что княжеская власть появилась в Киеве из Новгорода (в то время как в исторической действительности, наоборот, первый новгородский князь Владимир Святославич был приглашен новгородцами из Киева); 4) появление первой известной записи о варяге Рюрикe, который «седе в Новгороде», в Новгородской Кормчей 80-х гг. XIII в. Для уяснения роли новгородского духовенства в варяжском переформатировании русской истории важна деталь, на которую обратил внимание Ю. А. Лимонов. В Суздальской летописи (в составе Лаврентьевского свода) под 1206 годом в уста великого князя Всеволода вложены слова о «старейшинстве» Новгорода: «сыну мои Костантине, на тебе Богъ положилъ переже старейшинство во всеи братьи твоеи, а Новъгородъ Великийи старейшинство иматъ княженью во всеи Русьскои земли» [14. Стб. 422]. Как убедительно показал Ю. А. Лимонов, эта запись не синхронна событию, а является поздним ростовским добавлением во

владимирскую летопись. Новгород не мог претендовать на главенство в Русской земле в начале XIII в., во время политического доминирования Суздальского княжества, а название «Русская земля» в домонгольское время вплоть до середины XIII в. не имело расширительного значения, а применялось исключительно в отношении Киева и соседних южнорусских княжеств. Поэтому вставку о Константине и старейшинстве Новгорода в известии 1206 г. следует отнести ко второй половине XIII в. [15. С. 135 – 136]. Таким образом, ростовская редакция владими́ро-суздальских летописей осуществлялась с явной оглядкой на политические интересы Новгорода. Налицо ростово-новгородский тандем, с 70 – 80-х гг. XIII в. совместно продвигавший варяжскую историографию в русское летописание...

Отсюда следует, что варягофильское переформатирование древнерусской истории было предпринято церковной верхушкой северо-восточных и северо-западных земель (Ростова и Новгорода) с участием светских властей Северо-Восточной Руси. Произошло это в самый тяжелый и бедственный период ордынского ига в последних десятилетиях XIII в. В ситуации общественного хаоса, непрерывных татарских разорений, полного хозяйственного, политического и морального упадка, массового уничтожения носителей исторической памяти и исчезновения собственно Русской земли как политического образования (то есть Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств) оказалось возможным внедрить в русские письменные источники подложную варяжскую генеалогию. Побудительными мотивами к такому переформатированию послужили как банальный этноцентризм участников, так и стремление сохранить политическое доминирование на всем пространстве русских земель династии владими́ро-суздальских князей. Конечно, по прошествии более 700 лет, в условиях уничтожения летописного фонда почти всех русских земель, кроме летописей новгородско-московского происхождения, закулисный механизм создания и внедрения варяжского фальсификата в своих деталях остается скрыт для историков. Одно несомненно: варяжская версия русской истории возникла не ранее XIII в., была созданием варяжского духовенства Ростова и Новгорода и начала активно внедряться в русские церковные и летописные памятники в последних десятилетиях XIII века».

Сомневаетесь? Блажен, кто верует. Пусть, мы можем и не соглашаться с выводами автора статьи относительно «варягофильства» переписчиков. Правящая династия, скорее всего, действительно имела скандинавские корни, о чем помнила. Причем, это было известно, как на Волыни, так и в Залесье. Тем не менее, подложная версия со смещенным фокусом внимания на династию, вместо первоначального повествования о великокняжеском домне, сумела утвердиться. Летопись действительно исказили. Вам должно быть это уже очевидно. Почему так уверенно? Потому что опять же география. Потому что «джазира русов», у того самого восточнославянского заповедного Лукоморья, как называет эти края «Слово о полку Игореве», а не в Скандинавии или Поволховье. Потому, что вся Европа и мусульманский Восток демонстрировали, что знают, откуда идет имя Руси, откуда происходит это государство. И только списки ПВЛ в неизвестно какой редакции, странным образом, рассказывают нам путанную альтернативную версию. Кто же врет? Дайте подумать.

Все что здесь изложено вы можете перепроверить и проанализировать, не покупая абонемент в библиотеку. 21 век на дворе. Для тех, кто, естественно во благо, занимался этими переделками текстов, существовало две истории, почти по выражению Бальзака, - «лживая официальная история... и тайная история, где видны подлинные причины событий». «Тайную», в конце концов, в угоду Мономаховичам, забыли. «Закрывает все

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

дальняя старина и равнодушие историков», как записал в 1596г. польский дипломат, юрист и историк Рейнольд Гейденштейн, повествуя о былом величии Киева и его правителей. Ничего необычного, за исключением вопроса, сколько списков ее тогда существовало, и как удалось переделать их все. Видимо, на то время, их было всего несколько, и собрать их в одном месте не составляло большой сложности. За историю цивилизации такое случалось много раз. История Китая и его династий, к примеру, может рассказать об этом достаточно поучительно. Хотите разобраться, кто в этом больше заблуждается – думайте и сопоставляйте сами. Никто ведь не заставляет что-то обличать или опровергать, крича об этом на весь свет. Вы просто неожиданно сами можете увидеть контуры этой давно отжившей реальности сквозь наслоение фальсификаций, легенд и преданий. Давно и надежно скрытые временем, они, тем не менее, все еще различимы. По крайней мере, для людей, умеющих работать с информацией. Добыть знание, которое ценно и интересно само по себе, разве оно того не стоит? Без оглядки на нагромождения спорных мнений, авторитеты, политику, конкуренцию научных школ и т.п. условности, которыми сушат себе голову по месту работы. Разумеется, в том случае, если вы действительно хотели узнать об этой давней загадке что-то определенное. Пусть и немного.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ

Росы, или ещё дромиты, получили своё имя от некоего могущественного Роса, после того как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться (Симеон Логофет (X век)

*«Тот, кто даст верное определение названию руси, найдет ключ к ее ранней истории»
(Александр Брюкнер)*

Теперь же, когда давно выявленные наукой обветшалые, покрытые вековой пылью дорожные указатели, оставшиеся в небрежении у неонорманистов, благодаря случаю, внимательно нами изучены и когда стало ясно, что они согласно указывают на Юг Восточной Европы, - территорию современной Украины, более того, способны указать дорогу к конкретному месту на карте, не смотря на все манипуляции российских историков, хочется знать, что это новое знание может дать нам для понимания происхождения названия «Русь». Нет? Можно ли соотнести такую добытую дополнительную информацию по проблеме с укорененным сегодня в науке представлением о том, что термин «Русь» происходит от финского слова Ruotsi, первоначально обозначавшего шведов и преобразившегося лишь на славянской почве?

Возможно, кому-то это еще удастся, но, каким образом, представить все сложнее. Лингвисты говорят, что эта лингвистическая схема до сих пор не преодолена. Так может они как-то согласуют ее с тем, что мы можем наблюдать в вопросе относительно локализации руси 9ст.? Преодолеют ли они историческую схему или может, смогут объявить ее обманом зрения, отыскать в ней какие-то слабые места? Подобно тому, как это сделали их же коллеги, ставящие под сомнение скандинавское участие в рождении этого имени. Нас давно убеждают, что древнерусское слово «русь» этимологически точно соответствует современному прибалтийско-финскому названию Швеции и шведов — (фин. Ruotsi «Швеция», ruotsalainen «швед», эст. Rootsi «Швеция, шведский»). Преобразование -ts- в -s'- произошло по закону открытого слога, в силу которого исчез закрывающий звук -t-. Звук -i перешёл в -ь в результате падения редуцированных. Якобы именно эта форма, известная только из новейшей истории региона, некогда и породила славянское обозначение «варягов» Повести Временных лет. Согласно гипотезе, впервые лингвистически обоснованной датчанином В. Томсеном (1842-1927), прибалтийско-финское название шведов *rōtsi восходит к древнескандинавским двусложным композитам типа *gōþ-s-karlar или *rōþs-mannar (þ — буква торн, звук [θ]), обозначающим «гребцов, команду гребного судна». В исторической шведской фонетике, буквой o, в грамматиках ö, обозначается звук у (долгое), [u:]. Сами эти слова восходят к корню *gōþ- «гребля». Аналогичным примером преобразования композита при заимствовании является прибалтийско-фин. lōtsi «лоцман» < ср.-нижн.-нем. lōts-man. К тому же древнескандинавскому концепту гребли восходит название Рослагена (от *Rōþ(r)-s-land-) — побережья Средней Швеции. Слово gōþ ~ gūþ встречается также в младшерунических надписях Уппланда, где может обозначать поход на гребных судах[7]. Предполагается, что финские племена на каком-то этапе своей истории усвоили древнескандинавское

слово, которым шведы именовали свои морские дружины, перенесли его на всех пришельцев с Севера и, в конце концов, передали его славянам. Источником же для образования финского Ruotsi послужили производные от древнескандинавского глагола "грести" (др.-исл. góa), такие как: gōper("гребец") и* gōps(-maðr,-karl). Каждая из таких производных при редуцировании до *rōps (первая часть композита) могла перейти в западнофинское Ruotsi/Roots. Как поясняет в своей книге «Русь и норманны» Х. Ловмяньский: *«Классическая схема норманистов может быть выражена формулой: Ro(d) slagen – Ruotsi – русь – Rhos; считается, однако, что финское название Швеции – Ruotsi происходит не непосредственно от Roslagen (лежащего напротив Финляндии участка шведского побережья в Упланде), а от наименования жителей этой территории. Считается также, что Roslagen заменило древнейшее название области Rōther (46), а жители этой местности назывались rōthskarlar, rōths-maen, rōths-byggjar (47), что, по мнению одних, означало "гребцы", "мореходы", а по мнению других – "жители морских проливов" (48). В финском языке, согласно правилам его развития, это название должно было приобрести сокращенную форму Ruotsi (49). Трудно сомневаться, что этот вывод правилен с точки зрения языковой, однако это не свидетельствует, что исключена возможность иной этимологии слова русь. Случайности затемняют закономерности, и поэтому любое построение, стремящееся раскрыть факты прошлого как закономерности, требует учета исторической обстановки. И именно в данном случае особенно важно соотнесение с историческими данными».*

Попытку такого соотнесения недавно сделал А. Толочко в своей работе «Очерки начальной Руси» 2015г. Не пытаюсь как-то смягчить или снять противоречия, автор, будучи убежденным сторонником норманизма, тем не менее, открыто описывает проблему. Попытаемся осмыслить: *«Летописец полагал русь народом скандинавским и их прародину размещал в соседстве с другими «варягами». Русь, в его представлениях, такое же региональное или родовое название одного из скандинавских племен, как шведы, готландцы, датчане, норвежцы, англосаксы. Летописец, разумеется, не мог знать, что русь примыкает к ряду названий совсем других народов – финских. По своей форме оно тождественно таким обозначениям, как водь, весь, емь, либь, чудь, сумь. Для филологов это обстоятельство с несомненностью указывает, что слово было заимствованно из финского языка, а его финская форма (по аналогии с сумь<suomi) должна реконструироваться как ruotsi. Но русь – не финское племя, поэтому именем ruotsi финны, должно быть обозначали какой-то скандинавский народ. Какой же? В новейшее время ruotsi в финском языке обозначает шведов и Швецию. Итак, славяне заимствовали у финнов название, которым те обозначали одну из групп скандинавов, живших на территории современной Швеции. До сих пор все стройно и даже согласуется с географией и историей: финские племена, расположенные между славянами и скандинавами, должны были вступить в контакт со шведами раньше, и, следовательно, их названия для шведов должны были возникнуть прежде славянских. Но какая же скандинавская форма соответствует финскому ruotsi? Как называли сами себя те шведы, чье имя заимствовали финны? С этих мест начинаются почти непреодолимые трудности скандинавской этимологии, одолеваемые только разной вольностью предположениями и догадками. Дело в том, что никаких раннесредневековых названий – этнических или географических – с основой rōs в Скандинавии не обнаружено. Лингвистам поэтому приходится конструировать гипотетические формы: *rōðsmenn, *rōðskarlar, якобы обозначавшие гребцов, мореплавателей; или же *rōð (e)R со значением «участник морских походов». Вероятно*

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

могут существовать и другие возражения. Это правда, что формы ед. ч. ж. р. на –*ь* оказываются весьма продуктивными для славянской передачи этнонимов, заимствованных из финских языков. Но известны примеры, никак с финским не связанные. Таковы, например, *скуфь* (скифы) и *сурь* (сирийцы). Это, впрочем, книжные слова, адаптированные из греческого. Известны, однако, и вполне «живые» - для передачи названий балтийских народов: *жмудь/жемоить*, *голядь*, *ятвязь*. Скандинавская этимология предполагает, что только адаптация из финского могла бы дать в славянском форму *русь*. Если же заимствования из других языков также производят морфологически идентичные формы, обязательность именно скандинавской гипотезы, строго говоря, исчезает.

Чаша весов в пользу скандинавской этимологии, следовательно, склоняется не ее исключительными лингвистическими достоинствами, а под весом исторических представлений. Она согласуется, как с письменными известиями (*русь* оказывается свеонами и норманнами, еще в начале 10в. носящими скандинавские имена), так и с археологическими представлениями о постепенном освоении скандинавами Восточной Европы, от Финского залива на юг, вдоль течения Волги и Днепра. Впрочем, находя поддержку в историческом контексте, в нем же скандинавская этимология обретает и критика.

Историческая гипотеза скандинавского (шведского) происхождения названия *русь* предполагает три этапа: возникновение самоназвания в среде какой-то группы шведов, профессионально занимающихся мореплаванием; заимствование этого названия финским населением; наконец, передача его славянам. Подобный сценарий будет справедлив при соблюдении одного из двух условий. Скандинавы не должны вступать в прямые контакты со славянами, которые знают о них понаслышке только благодаря финнам. Это противоречило бы наблюдаемым фактам. Либо: шведы в какой-то момент должны принять в качестве самоназвания финское имя (выговаривая его без малейшего акцента) и уже с ним явиться к славянам. Подобное событие было бы довольно трудно оправдать.

Письменные традиции, оставившие первые свидетельства об имени руси, согласно указывают, что *русь* было самоназванием скандинавов именно и только в славянизированной форме. Никаким другим – скандинавским или финским – именем русы никогда не пользовались. В Константинополе, Ингельгейме, Булгаре или Итиле они представлялись исключительно под славянским названием. Требуется, следовательно, еще одно звено гипотезы: шведы в третий раз меняют самоназвание, принимая славянское имя. Происходит все это с калейдоскопической быстротой: по археологическим данным, скандинавы появляются в Восточной Европе во второй половине 8в., а к 839г. уже называют себя по-славянски – *русь*. Поразительно, но славянское имя возникает и успевает стать самоназванием еще до того, как скандинавы прочно поселяются среди славян: их присутствие на Рюриковом городище археологически прослеживается со второй половины 9в., в Гнездове – с рубежа 9-10 веков, наиболее ранние скандинавские материалы Киева и Среднего Поднепровья датируются началом 10 века. Если достоинства лингвистически наиболее удачной и, без сомнения, наиболее успешной гипотезы происхождения названия *русь* настолько скромны, остальное можно оставить без внимания».

С напускной серьезностью нам только что рассказали исторический анекдот, после которого трудно не улыбнуться. Из-за одной фальшивой вставки в летопись историки

изводят нас этими неразрешимыми противоречиями, оставляя без всякой надежды на прогресс. Российский филолог К.А. Максимович не зря довольно пронизательно подмечает: «В рамках скандинавской этимологии руси не находят удовлетворительного решения вопросы, поставленные еще С.А. Гедеоным в его классическом (и в некоторых частях до сих пор актуальном) труде «Варяги и Русь»: если восточные славяне 9в. называли скандинавских шведов именем Русь, то почему в 9в. скандинавы вдруг перестали так называться, а имя Русь было усвоено только тем из них, кто осел на землях восточных славян? Если слово Русь происходит из древнешведского языка и распространялось с севера на юг, то почему название Русская земля первоначально относилось только к землям Среднего Поднепровья (Киев, Чернигов, Переяславь), а не к Новгороду, Пскову, Ладоге? Как известно из ПВЛ, варяги были призваны именно в эти северные края (около 862г.), и лишь затем осели в Киеве (не позднее 882г.)». (К.А. Максимович «Происхождение этнонима русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников» 2006).

Вопросы, поставленные Гедеоным еще в 19в. действительно любопытны и, наверное, не лишним будет процитировать автора, особенно, когда К.А. Максимович дает прямую цитату в сноске: Гедеонов С. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч.1-2. СПб., 1876. С. 291:

«Почему славяне, издавна знающие шведов под их финским названием русь (Ruotsi), перестают называть их этим именем после призвания; еще непонятнее, почему имя руси для шведов прекращается у славян, когда сами шведы зовут себя русью; почему генетическое шведское русь не встречается как народное или племенное ни в одном из туземных шведских памятников, ни в одной из германо-латинских летописей, так много и так часто говорящих о шведах и о норманнах; почему, наконец, шведская русь не именуется русью своей словено-русской колонии». Л – логика. Вопросы Гедеонова остались без ответа – именно поэтому спустя 100 лет Х. Ловмянский был вынужден повторить их снова, ср.: Ловмянский Х. «Русь и норманны». М., 1985.С.181».

Но никто не спешит высказывать своих подозрений сторонним интересантам. Ведь ситуацию пусть она и похожа на хохму, вполне приновились описывать. Нормализовать ее, поставив с головы на ноги пока не удастся. Не много ли это «призвание варягов» стоит науке или за него держатся по какой-то другой причине? Риторический вопрос, да?

Итак, вам должно быть уже понятно, что не существует никакой гипотетической формы *rops, от которой якобы заимствовали финны свое ruotsi. По крайней мере, не предложено никакой удовлетворительной др.-сканд. первоосновы. Кроме того – эта лингвистическая гипотеза заводит историков в такие историко-реконструкторские дебри, что они лишь разводят руками. И только самым продвинутым, в целом, как всегда – все понятно: не найдено, не значит, что не существовало. Ну, раз так, вам еще придется поработать над этим сомнительным тезисом. Я не тешу себя особыми иллюзиями по поводу применения исторической науки для разных благородных практических целей, так что – попутного ветра.

Что же касается «финского посредничества», то, как таковое возможно при том, что вам было показано, судить, в конце концов, не мне. Мне, и так уже понятно, что Русь для среднеднепровских славян это первоначально всего только географический хороним, происходящий от древнегерманского обозначения той же местности за порогами Днепра, и усвоенный, скорее всего от готов. Тех самых крымских готов, которые жили в

Причерноморье со времени миграции сюда германцев в 3ст. н.э. Такой же, к примеру, как Вольт. Сформированный по той же модели, согласно которой греческий хороним Скифия в Повести Временных Лет подается, как Скуфь, а Бактрия – Ватрь. Стоит отдать должное проницательности польского исследователя Х. Ловмянского. Имея ограниченный на 1985 год набор данных, он, тем не менее, решительно отверг скандинавскую этимологию, предварительно подвергнув ее тщательному испытанию. А, следом, возможно, и наметил путь решения этой сложной головоломки:

«Поскольку нет каких-либо следов того, что у восточных славян слово русь первоначально обозначало шведов, представление о нем как об ославяненной форме Ruotsi не находит подтверждения, а, скорее, вступает в противоречие с историческими фактами. Таким образом, эта концепция, на вид убедительная и являющаяся одним из краеугольных камней норманнской теории, основана на этимологическом анализе и не согласуется с историческими [181] данными источников. Языковеды убедительно показали родство слов русь и Ruotsi (55), обоснованно считая второе более древним (аффриката -тс в эпоху викингов была неизвестна славянам) (56); они доказали, что переход Ruotsi – русь возможен (ср.: Suomi – слав. сумь). Но они превысили границы своих исследовательских возможностей, утверждая, что слово русь должно было непременно произойти из Ruotsi. Ведь следует еще считаться с тем, что оба названия, хотя и родственные, могли развиваться независимо одно от другого из одной основы. Именно к такому выводу можно прийти, если отказаться, согласно историческим данным, от выведения слова русь из Ruotsi (57).*

Проникновение в финские языки исходной формы, из которой произошли названия и русь и Ruotsi, должно было произойти очень давно, на что справедливо указывал А. Куник (58); причем эту форму финнам могли передать и не сами славяне. Достаточно вспомнить, что финское название Руси – Venäjä или "страна венеков", – первоначально обозначавшее, скорее всего, территорию [182] западных славян (59) и, наверное не родственное этнониму вятичи (60), заимствовано финнами не от славян, а, как допускают некоторые, от готов с Вислы (61), поддерживавших с балтийскими финнами оживленные торговые отношения (62). В начале нашей эры финны, вероятно, не сталкивались непосредственно со славянами, поскольку между поселениями, занятыми обоими народами, должна была лежать область расселения балтов (63). Только войдя в близкие [183] контакты со славянами, финны распространили название Venäjä на своих непосредственных соседей, восточных славян. Не исключена и другая возможность, а именно что роль посредника в передаче этого названия сыграли черноморские готы, которые могли называть венедами всех славян. Во всяком случае, финские народы окончательно совместили определение Venäja с территорией восточных, а не западных славян. Можно допустить, что при посредничестве черноморских готов в финские языки попало также название, определявшее в начале нашей эры, если не раньше, округу позднейших Киева, Чернигова, Переяславля и получившее у финнов название Ruotsi**. В пользу этого предположения говорит следующее: 1) названия русь, обозначающее некую славянскую территорию, и Ruotsi, обозначающее Швецию, восходят, скорее всего, к довикинговскому времени, как это справедливо предполагал Куник; по мнению лингвистов, они генетически связаны и, как мы пытались показать выше, происходят не одно от другого, а от какого-то первичного названия; 2) территория, определяемая первичным названием, теоретически должна находиться или в Швеции, или в окрестностях*

Киева, а так как первая возможность исключается, следует принять другую; 3) поскольку название первоначально обозначало территорию в Среднем Поднепровье, то очевидно, что финны перенесли его на Швецию, узнав о нем от скандинавов, которые, видимо, в момент передачи названия находились на Руси в качестве воинов или купцов, что в данном случае безразлично. Черноморские готы, которые включились в местные этнические процессы (64), участвовали в торговле, особенно с [184] Боспором и городами южного берега Черного моря (65). Многочисленные археологические находки, особенно III в. н. э., в районе Киева, Чернигова и Полтавы* свидетельствуют о торговых отношениях этого региона с империей (66). Однако торговые связи развивались не только в южном направлении. По археологическим данным (фибулы с эмалью)**; Эстония в римский период поддерживала торговый обмен с Поднепровьем, в особенности с окрестностями современного Киева, очевидно экспортируя на юг меха (67). Грабительские набеги готов или их политические завоевания отражены, без сомнения в преувеличенной форме, в известии Иордана о государстве Германариха, включившем и территории, заселенные финскими племенами (68). В этих условиях знакомство в Эстонии с названием окрестностей Киева естественно; менее ясны причины переноса названия Ruotsi на Швецию. Возможно, что купцами, посредничающими между Средним Поднепровьем (Русью) и Эстонией, были готы, которых финны считали представителями Ruotsi. Более того, если Русь в [185] готский период лежала на северных окраинах владения готов, финны могли называть все готское государство по имени этой наиболее близкой им области. Затем это название было перенесено на заморских купцов готского и вообще скандинавского происхождения и в конечном результате локализовано в Швеции, когда торговые отношения с приднепровской Русью прервались*.

Не говорит ли исследователь нам о тех же людях, которых Иордан называл росомонами, а Псевдо-Захария – народом hros? Греко-римский мир знал их, как герулов, редко употребляя их германское – готское прозвание, и дошедшие от того времени источники действительно указывают на их связи со Скандинавией. Археологи спорят о роли скандинавов в меховой торговле Севера с Югом Восточной Европы (Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. 2010)и, как знать, возможно, польский исследователь прав и финны усвоили это именование через посредство готов еще в римское время. Как поясняют нам комментаторы византийского трактата «Об управлении империей», издания 1991г.: «Существование слова Ruotsi/Roots во всех западнофинских языках с единым значением свидетельствует или о его исконности (что предполагал Ю. Мягисте: Magisle J. Fi. Ruotsi. S. 200-209), или о заимствовании его в период западнофинской языковой общности (Шаскольский И.П. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967. С. 153-156), которая относится к VI-VIII вв. н.э». По крайней мере, как писал Х. Ловмяньский, первым подлинным упоминанием о руси, лично он готов признать hros"Церковной истории" Псевдо-Захарии бст. Почему, в связи с этим полулегендарным упоминанием, он не заметил росомонов Иордана, остается только догадываться.

Как бы там ни было, что касается славянского этникона «русь», то именно - «Русская земля», «Русь»- тот самый, якобы мифический у россиян, «остров русов», и породили имя того сообщества, которое его и распространило в Восточной Европе, а не наоборот. И по-другому, если у нас голова на плечах, а не кастрюля российского производства, рады будем или нет, полагать сложно. Тут вам придется верить своим глазам до конца,

без оглядки на давление лингвистов и авторитетных мнений. За что заранее прошу прощения у специалистов. Эндоним произошел от хоронима, место действия – Северное Причерноморье, и каким боком тут финское посредничество, осмыслить крайне не просто. Тот факт, что славяне именно Низовье Днепра называли Русь, вычислить возможно, продвигаясь по той же цепочке доказательств, которая представлена была выше. Греки с древности называли это место – Эле, Эллеспонт, но со времени появления на горизонте «народа Рос» в 9ст. именуют его – «Росия». Откуда взялась эта «Росия» и почему византийцы не транскрибировали славянское название? У кого они его заимствовали? Это не праздный вопрос, поскольку, как всем давно уже понятно, - цитируя Ловмянского: «замена -у- на -w- не имеет объяснения». Славянское «русь» при прямом заимствовании греками, никак не превращалось в «рос». Что верно и в обратном направлении.

Несклоняемость этнонима 'Ρως в византийских текстах, все-таки кое о чем говорит. Как показал известный византист Дьюла Моравчик (1892-1972) и в ранневизантийской традиции, и у Константина Багрянородного несклоняемые формы этнонимов и других терминов являются следствием прямой транслитерации иноязычных названий народов. Но, в таком случае, если не у славян, то у кого? Скандинавская гипотеза, если только не предполагать, что эти шведы всюду представлялись под разными именами, что больше похоже на анекдоты выше, не в состоянии объяснить такие метаморфозы. Слависты, со своей стороны также указывают на неславянское происхождение слова "русь" в силу фонетической невозможности сохранения исконного славянского s- после u-. Кто же этот посредник? У нас уже есть ответ на этот вопрос. Этот посредник – язык готов. Ведь мы давно уже должны были заметить, что «росомоны» и «народ рос» – это, по сути, одно и то же, - германское, и заимствованное у германцев ромеями, прозвания одного и того же древнего сообщества Северного Причерноморья. Или тут возможны какие-то разночтения – сомнения? И если термином «Рос», ромеи называли конкретный народ, то его производное – «Росия», укажет нам на его землю, на язык тех, кто так ее называл, и даст в руки тот самый утерянный ключ к пониманию этой головоломки.

Славяне заимствовали эту Русь из языка готов, так же как это же сделали византийцы со своей «Росией». И носители Old Norse тут рядом не стояли. Зная про наличие готских поселений в Крыму, можно быть уверенными, что греки вполне в состоянии были опознать в этом славянском прозвании древнегерманское, готское происхождение. И то, что они предпочли именно его, как мы уже выяснили, совсем не случайно. Возможно, именно эта необычная, выясненная греками подробность, как и наличие в лексике среднеднепровских славян готизмов, первоначально и побудило Константинополь, рассматривать это сообщество, как исторически им знакомое, возродившееся. Пусть и в славянском контексте. Что, в общем-то, объяснимо. Нападения совершались из того же района, что и когда-то в древности. Более того, как выяснялось, «северные скифы» по-прежнему называли его почти также. Цивилизация с таким развитым чувством историзма не могла не обратить внимания на подобное совпадение. Так что, когда Лев Диакон называл людей убивших князя Игоря – германцами, он, скорее всего не ошибался, а следовал распространенному у греков историософскому стереотипу в духе - исторического циклизма. Согласно ему, «русь» – это тот самый «народ рос», более всего знакомый грекам по позднеантичным легендам об Александре Македонском, народ из заливных лугов близ Меотиды, которые исстари назывались «Росия». Только – ославяненный, но по сути своих характеристик, как, видимо, имели право считать византийцы – тот же.

Можно ли подобные напрашивающиеся выводы соотнести со скандинавской гипотезой? Ее обзор для «чайников» дал К.А. Максимович в своей статье «Происхождение этнонима русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников» 2006 года:

*«Скандинавская этимология названия Русь сложилась в рамках так называемой «норманнской» теории А. Куника и В. Томсена о происхождении древнерусской государственности. Согласно данной этимологии, подкрепляемой словоупотреблением в древнерусской «Повести временных лет» (далее ПВЛ), имя Русь через посредство фин. Ruotsi «шведы», происходит из древнегерманской основы *rōðs -, отразившейся в др.-швед. rōdher «весло, гребля», rōdhsin – название жителей области Рослаген на Восточной побережье Швеции (Roslagen < *Róþslagen), а также в целом ряде древнешведских композитов - rōdsmæn, rōdskarl, rōdsbyggjar «мореходы, гребцы» или «жители проливов, шхер». «Северная» этимология Руси в интерпретации Томсена в настоящее время отвергнута германистами, поскольку в скандинавских источниках сложные термины rōdsmæn и rōdsbyggjar не встречаются вообще, а термин rōdskarl «жители Рослагена» засвидетельствован лишь с 15 века – при этом данный тип сложения, содержащий s, по соображениям исторической фонетики не может быть древнее 13в. С другой стороны, сторонники «скандинавской» гипотезы вынуждены переносить факт современного финского языка (Ruotsi) на прафинские диалекты 6-7вв. Примером такого подхода может служить так называемая «лундская» гипотеза С. Экбу, который реконструирует для современного финского Ruotsi исходную прагерманскую форму 5-6вв. (!) *rōþ(e)R «гребля», где конечное –R в силу незавершенности процесса ротацизма могло звучать как (z). В качестве германских параллелей приводятся совр. швед. rodd «водное пространство для гребли и особенно рыбалки», норвеж. rog «фарватер для гребли», др.-швед. Rōþer (место фиксации не отмечено) и др.-сканд. (скальд.) rōðs в контексте XI в., однако с неясным значением, которое С. Экбу интерпретирует как «гребля» или «гребное судно». Помимо того, что гипотетическое *rōþ(e)R экстраполирует в глубокую прагерманскую древность ситуацию современного финского языка, настораживает обилие разного рода допущений и насилий над логикой, которые при этом приходится делать. Во-первых, достоверно неизвестно качество «палатального R» в исходе *rōþ(e)R (здесь приходится «предполагать» его «фрикативный» характер и «близость к звонкому альвеолярному [ʒ]»); во-вторых, согласно Экбу, заменой этого гипотетического R при заимствовании в финский «без сомнения» было финское s, поскольку других звуков, подобных R, в финском не было. Здесь возникает вопрос, откуда автор об этом знает – ведь «фрикативность» прагерманского R осталась не более чем гипотезой, да и та явно суггестирована современным фин. Ruotsi. Так образуется типичный порочный круг доказательств, замкнутых друг на друга. Методологическая уязвимость подобных построений не укрылась от исследователей-германистов – вероятно, поэтому они зачастую отказываются от поисков точного прагерманского соответствия современному финскому Ruotsi, ссылаясь на «несомненное существование» самого корня *rōdh – в германских языках. В таком подходе проявляется, увы, вопиющее насилие над этимологической методологией, поскольку научная этимология реконструирует не «корни» слов, а сами слова (точнее, их праформы) – с корнем и всеми необходимыми аффиксами. Если же этимология объясняет только часть слова (корень), а другую часть оставляет без объяснения, то иначе как «народной» такую этимологию назвать трудно.*

Итак, существование в 6-7вв. прагерманских основ *rōðs и *rōþ(e)R обосновывали, с одной стороны, наличием прагерманского корня *rōdh – со значением «весло; гребля» и, с другой стороны, современным финским названием шведов Ruotsi. Как мы видели, эти объяснения наталкиваются на трудности историко-фонетического характера. Однако производство этнонима (Русь) от pomerationis (гребля) маловероятно и по соображениям семантики, поскольку это привело бы к системному смешению сигнификатов – иными словами, к отождествлению в речи действия (гребля) с названием народа или социальной группы. Семантические трудности при выведении термина Русь <Ruotsi из *rōþ(e)R С. Экбу пытался решить указанием на подобное развитие (от обозначения деятельности к названию группы лиц, занимающихся этой деятельностью) «во многих языках»: в частности швед. ledning и англ. direction означает «управление» и «коллектив управленцев». Точно так же швед. rodd якобы означало «гребля» и «гребцы» (однако примеров такого словоупотребления Экбу почему-то не приводит). Действительно, во многих языках имя, обозначающее деятельность, переносится на группу занятых ею людей (в параллель англ. direction можно привести рус.правление, совет, дума как действие и как административный орган) – однако Русь будет первым (и, видимо, последним) случаем, когда имя, обозначающее род занятий, превращено в этноним. Отсутствие типологических параллелей делает эту гипотезу чрезвычайно уязвимой для критики. Следует также иметь в виду, что слово Русь в древнескандинавском не могло обозначать и какой-либо социальный коллектив, поскольку в этом случае ожидалось бы оформление данного слова посредством суффикса принадлежности -ing- (как в др.-сканд. væringjar «варяги», kulfingar «колбяги») – однако в слове Русь данный суффикс как раз отсутствует.

Что же касается финского слова, то оно до сих пор не имеет надежной этимологии (*rōþ(e)R, как мы видели, таковой не является) и, следовательно, перед нами типичный случай определения одного неизвестного (*rōþ(e)R) через другое (Ruotsi). В лингвистике, как и в математике, подобные доказательства не имеют силы. Если фин. Ruotsi до сих пор остается лингвистической загадкой для германистов, то имя Русь, наоборот, легко выводится из финского слова. Происхождение слова Русь из Ruotsi объясняют упрощением консонантной группы ts>s. Действительно, в праславянский период консонантные группы ts, ds, ps, bs упрощались в s – ср. сигматический аорист 1 л.ед.ч. чись, вгьсь< šitson, vêdson, а также происхождение др.-рус. весь «вепсы, финский народ в окрестностях Белого озера» из фин. Väpsi. В пользу происхождения Русь из Ruotsi свидетельствует, как будто, и соответствие фин. ио/рус.у, ср. заимствования из русского в финский язык: гумно>kuotina, лужа>luoso и др., а также заимствование из финского в древнерусский – сумь «финны» <Suomi.

Впрочем, это лингвистически безукоризненное решение наталкивается на проблемы историко-географического характера. Так, в рамках «скандинавской» гипотезы пока не получило объяснения то странное обстоятельство, что восточные славяне, имевшие непосредственные контакты со скандинавами, почему-то заимствовали основу *rōðs – опосредованно, через финнов. «Скандинавская» гипотеза оставляет без ответа вопрос, почему древнейшие варианты названия Руси в немецких источниках начиная с 9 века (Ruzaga, Ruzzi, Ruzi), во-первых, происходят из Баварии (т.е. с юга Германии), а во-вторых, как показывает наличие в корне и, заимствованы из славянского (древнерусского) языка, хотя более естественным было бы заимствование данного слова на севере Германии непосредственно из древнешведского (но тогда с корневым о, как в * rōþs). Между тем нижненемецкие

(северные) варианты названия (Ruci, Rusci) вторичны по отношению к верхненемецким (южным). Аналогично скандинавские наименования Ruci Russar (Ruzzar), Rusia, Ruciland происходят не из древнешведских, а из континентальных европейских источников. В рамках скандинавской этимологии руси не находят удовлетворительного решения вопросы, поставленные еще С.А. Геденовым в его классическом (и в некоторых частях до сих пор актуальном) труде «Варяги и Русь»: если восточные славяне 9в. называли скандинавских шведов именем Русь, то почему в 9в. скандинавы вдруг перестали так называться, а имя Русь было усвоено только тем из них, кто осел на землях восточных славян? Если слово Русь происходит из древнешведского языка и распространялось с севера на юг, то почему название Русская земля первоначально относилось только к землям Среднего Поднепровья (Киев, Чернигов, Переяславь), а не к Новгороду, Пскову, Ладоге? Как известно из ПВЛ, варяги были призваны именно в эти северные края (около 862г.), и лишь затем осели в Киеве (не позднее 882г.)».

Далее К.А. Максимович делится одним интересным наблюдением касательно этого финского Ruotsi. Оказывается в языках финской группы только фин. Ruotsi имеет значение «шведы». Саамское ruoššâ, коми-зырянское rot'sh, удмуртское džwtš, остякское ručš (ruč), вогульское ruš (ruš), а также lūsa, lūsa, luca, lusa, l'uasa, l'uot'a ненецких диалектов означают «восточные славяне, русские». Автор находит в этой ситуации действие принципа архаичности периферии. В центре языкового ареала проявляются инновации, там и представлена «германская» семантика, а на периферии консервируются архаичные языковые черты. *«Картина распределения этнонима по диалектам усложняется еще больше, если учесть наличие термина ruottši в олонцеком и карельском (т.е. также в центре ареала) в значении «финны», «Финляндия». С тем, что это значение представляет собой семантическую инновацию, кажется, спорить невозможно. Но чем тогда отличается занимающая центральный ареал изосема Ruotsi «шведы» от географически смежной с нею изосемы ruottši «финны»? Следовательно, вопрос можно сформулировать следующим образом: если продолжения праформы rōtsi в финноугорских языках имеют семантику «шведы», «финны» и «русские», то какое из этих значений древнейшее? Историки и археологи «скандинавского» направления полагают (правда, не приводя доказательств), что первично значение «шведы», тогда как лингвистическая методология дает однозначный вывод – первично периферийное значение «русские», а «шведы» и «финны», представленные в центре западно-финского ареала должны рассматриваться как позднейшие инновации. Поскольку «скандинавская» гипотеза, лишённая лингвистической (и, как увидим ниже, серьёзной источниковедческой) базы, не даёт удовлетворительного ответа на все эти вопросы, «северная» этимология этнонима Русь остаётся не более чем догадкой – причём прямых лингвистических аргументов в её пользу нет, а косвенные нейтрализуются таким же (или даже большим) количеством контраргументов».*

Не устраивает подобная устоявшаяся трактовка и одного из крупнейших специалистов по романо-германским языкам А.В. Назаренко, о чем он прямо пишет в своей известной книге «Древняя Русь на международных путях» 2001г. в главе: «Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции (9-12 века):

«Два десятилетия назад мы вынуждены были начать свою статью, посвященную одному из аспектов вынесенной в заглавие темы, с безотрадной констатации, что вопрос о происхождении имени «Русь» в настоящее время, кажется, столь же далек от разрешения, как и в эпоху М.В. Ломоносова и А.Л. Шлецера. С тех пор положение мало

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

*изменилось, и проблема происхождения имени «Русь» продолжает оставаться в ряду тех crucesinterpretum, по отношению к которым накопление историографии никак не приводит к качественным переменам в знаниях о предмете. Несмотря на это, в умах большинства историков и научной публики парадоксальным образом по-прежнему господствует убеждение, что вопрос, по сути дела, давно исчерпан и др.-русск. русь (написание со строчной указывает на то, что имеется ввиду этноним), также как фин. ruotsi «шведы» (и аналогичные формы в языках других финских народов со значением либо «шведы», либо «русские»), восходит к некоему древнескандинавскому прототипу, в качестве которого, за редкими исключениями авторы пребывают в необъяснимом заблуждении, что «советские лингвисты за последние двадцать лет детально исследовали происхождение этого северного названия». Обычно постулируются либо гипокористики от сложных слов с первой основой др.-сканд. *rop- «гребти», вроде *rops-karlar, *rops-тепп «участники походов на гребных судах» (идея, восходящая еще к В. Томсену...), либо др.-сканд. *rop(u)z (этап до ротацизма: >*rōpR> др.-исл. róðr) «гребля», с предполагаемым развитием значения «поход на гребных судах», «гребная дружина» (усовершенствованная модификация гипотезы, предложенная С. Эмбу) ...В то же время из лагеря самих «норманистов» раздавались и продолжают раздаваться голоса, указывающие на лингвистические трудности, с которыми сталкивается эта хрестоматийная точка зрения».*

Некоторые историки, такие как Г. С. Лебедев и В. С. Кулешов еще недавно полагали, что каких-либо серьезных лингвистических препятствий для того, чтобы выводить др.-рус. роусь из др.-сканд. *rōp- непосредственно, без финского посредства, не существует. Именно подобная ситуация дала бы этимологическую почву для греческого Ρως. (В.С. Кулешов К оценке достоверности этимологии слова русь. 2009). Однако убедили ли они кого-то?

Кроме того, есть и другие проблемы и странности в этой загадке. В Западной Европе, как известно, разнообразие вариантов именования Руси необыкновенно, начиная от "книжных" Rugi и Ruteni, продолжая почти правильными романскими Rusi и Russia, и далее множество немецких попыток произнести славянское "с" - Rusci, Ruci, Ruzsi, Ruzi, Ruzzi, Rhos, Ruzaga, Riuzen». Древнейшая фиксация – «Ruzzi» Баварского Географа – 9ст. (монастырь Рейхенау на Боденском озере). Так вот, по наблюдению того же А.В. Назаренко, из предполагаемого др.-сканд. *rops вывести д.-в.-н. Ruz- не получится: «...ведь в древневерхненемецком присутствовал собственный долгий «О» так что следовало бы ожидать др.-сканд. *rops> д.-в.-н. **Roz-. В свете данных латиноязычных источников о том, что носители имени «русь» (пусть даже и скандинавского происхождения или и скандинавского в том числе) уже в первой половине IX в. пользовались именно славяноязычным вариантом самоназвания — др.-русск. русь, гипотезу о скандинавоязычном прототипе ср.-греч. Ρως, думается, нужно оставить. Трудно предполагать, что те же самые древнерусские купцы, которые на Дунае именовали себя по-славянски, в Константинополе почему-то предпочитали древнескандинавское самоназвание». Эта же др.-сканд. форма не может также и объяснить происхождение в немецких латиноязычных документах названия руси как Ruzarii или Rugi. При этом в связи с д.-в.-н. Ruzzi– древнейшей формой записи этнонима на Западе, можно отметить, что в нем трудно опознать и славянское «русь», поскольку, как справедливо заметил Владимир Егоров: «Если ruzzi заимствовано из славянского «русь», то в нём трудно объяснить аффрикату «zz». Об этом, правда, пишет и сам А.В. Назаренко. Обратив внимание на странное разнообразие применяемых в средневековой

западно-европейской традиции в отношении Руси аллографов исследователь разъясняет:

«Далее, нетрудно заметить, что все перечисленные полсотни упоминаний естественным образом разбиваются на две большие группы: формы с «с» (*Rusci, Ruci* и т. п.) и формы с «z» (*Ruzi, Ruzzi* и др.). В первых нет ничего для латинской графики необычного, тогда как аллографы с «z» в латинском контексте обращают на себя внимание. Строго говоря, литера «z» употреблялась в латинском языке только в словах греческого происхождения ... (вроде лат. *baptizare*). Зато она была типична для верхненемецкой графики, где использовалась для обозначения фонем, возникших в разных позициях в результате второго верхненемецкого передвижения согласных из глухого зубного смычного *z*. В зависимости от своего положения в слове Д.-В.-Н. «Z» передавала либо аффрикату [ts], обозначением которой «z» остается и в современной немецкой графике, либо щелевой, близкий к современному нем. *s*, наряду с которым в древневерхненемецком существовал и исконный зап.-герм. *s*, который на письме обозначался буквой «s», но произносился несколько шепеляво, примерно как звук, в современном немецком языке обозначаемый графемой «sch»; поэтому-то и возникла необходимость в новой графеме (Braune, 1975, S. 86, § 87). Вопрос о хронологии передвижения сложен, но большинство исследователей поддерживает точку зрения Э. Шварца, что передвижение глухих смычных в древнебаварском произошло ок. 600 г... Оба звука совпали в средневерхненемецком, начиная с XIII в., после чего «z» закрепилась за аффрикатой, а «s» — за спирантом. В составе верхненемецких или преломившихся через верхненемецкую языковую среду слов, как правило, естественно, имен собственных, «z» проникала и в немецкие латиноязычные тексты. Итак, из сказанного вытекает, что ср.-лат. *Ruz(z)i* — это оформленное латинской флексией слово древневерхненемецкого языка».

И далее:

«Некоторые сложности сопряжены с лингвистической интерпретацией форм с двойным согласным — *Ruzzi / Ruzzia* в аутентичности которых нет сомнений: гемината мешает их объяснению как заимствования из восточнославянского, где известны только формы с простым согласным: др.- русск. *русь, русинь, русьский* (встречающийся иногда в литературе термин «руссы» придуман псевдоученой историографией и источникам неизвестен). В древневерхненемецком двойные согласные, вообще говоря, не были просто диграфами типа «sc», «sz» или т. п. (тем, что применительно к более позднему нововверхненемецкому периоду называется *Konsonantenhaufung* — этимологически неоправданным «нагнетанием согласных»), а отличались также и в произношении: между ними проходила граница слогораздела и они отделялись друг от друга экспираторной паузой, как принято считать ввиду того, что обязательное упрощение геминат происходило именно в тех случаях, когда второй согласный не мог быть начальным следующего слога, т. е. в конце слова и перед согласным... Это, а также несколько дерзкое желание довести идею до ее логического конца, побудило нас в более ранней работе (Назаренко, 1980, с. 54—57) отказаться от представления о заимствовании из восточно-славянского, предположить, что гемината указывает на участие этнонима в верхненемецком передвижении согласных, и реконструировать исходную форму *RUt-. Возраст этой исходной формы отодвигался, следовательно, ввиду хронологии передвижения, по крайней мере до рубежа VI—VII вв. Не решаемся сейчас настаивать на таком предположении, которое сталкивается со слишком явными трудностями. Главная из

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

них состоит в том, что приходится допускать одну из двух (равно маловероятных) возможностей: либо др.-русск. русь и д.-в.-н. Ruzz- развились независимо друг от друга (что выглядит слишком искусственно), либо др.-русск. русь явилось заимствованием из древневерхненемецкого (что резко противоречит всей сумме фактов об истории Руси IX в.)».(А.В. Назаренко «Древняя Русь на международных путях» 2001). Как вам такое?

«Дело, правда, осложняется еще и тем, что этникон Ruzzi (упомянутый впервые в так называемом Баварском географе конца IX в.) должен был, по данным лингвистики, возникнуть в такой форме не позднее рубежа VI-VII вв.9, что безнадежно отрывает его от исторической руси». (Петрухин В. Я. "Русский каганат", скандинавы и Южная Русь. 2001). Вот где черт точно ногу сломает. При этом стоит учитывать, что, как пишет А.В. Назаренко: «При ознакомлении с вариантами имени русь в средневерхненемецких текстах (XII–XIV вв.) выясняется, что абсолютно господствующим среди них является вариант с умлаутом корневого долгого u: Riuz(z)en>Reuz(z)en. Такая форма никоим образом не могла быть заимствована из древнерусского, а могла возникнуть только вследствие развития на южнонемецкой почве из более ранних форм, основообразующий суффикс которых содержал j, собственно, и вызывавший умлаут. Однако известно, что в древнебаварском j в таких позициях перестал фиксироваться на письме уже с начала IX в.». Теперь вам остается только взять таблетку от головной боли. На то, чтобы все это переварить, уходит немало времени.

По странному совпадению, теперь уже исследования лингвистов намекают нам, что загадка имени Руси с двойным дном и одним ключом только лишь от 9века не открывается. Их данные также не укладываются в прокрустово ложе норманнской теории, в основании которой лежит одна никчемная поздняя вставка в летопись. Более того, незаангажированного исследователя они лишь укрепляют в уверенности, что славянский этникон «русь», не имеет прямого отношения ни к греческому Ῥως ни к европейским Ruzzi, Rutheni и Rugi, а лишь, каким-то образом, вызвал их к жизни. Он никогда не заимствовался в таких разных формах, что должно быть, очевидно, и о нем вполне прозорливо высказался Х. Ловмянский еще в 1985 году: «О первоначальном значении названия русь у восточных славян можно только делать предположения. В соответствии с нашими предшествующими наблюдениями, оно должно было быть не этническим (племенным), а географическим понятием, как позднейшие Подолия, Полесье, Волынь». И именно к такому выводу эта работа и приводит. Русь, как понятие, имевшее с 10ст. тенденцию к расширению, первоначально обозначало Запорожье – Великий Луг Днепра. И это – пока, все еще - большая тайна. Поскольку, если вы, к примеру, прямо скажете россиянину, что имя его страны идет от старинного греческого прозвания запорожских плавней Украины – вам, в лучшем случае, покрутят пальцем у виска. Такой она, скорее всего, и останется. Некоторые из сегодняшних деятелей украинской исторической науки могут проявить мнительность, и увидеть в зеркале свои ослиные уши, - будем рассматривать худший вариант. Трудно себе такое представить, да?

Ладно, как бы там ни было, нам нет дела до всех проблем и обстоятельств, которые мешают им заметить слона в музее. Они будут отрицать его наличие до упора или допускать вероятность, но диалога в стиле басни Крылова «А видел ли слона?» быть не может просто по причине скандальности ситуации. Просто стоит понимать это.

Итак, что касается происхождения имени, стоит ли присмотреться к очерченному А.В. Назаренко парадоксу внимательней? Возможно ли чтобы «др.-русск. русь и д.-в.-н. Ruzz-

развились независимо друг от друга», в случае последнего – не обязательно в качестве этнонима? Ведь как мы поняли, в первую очередь, это оформленное латинской флексией слово древневерхненемецкого языка, возможно, поучаствовавшее в верхненемецком передвижении согласных (не позднее рубежа VI-VII вв.). Можно ли допустить одну из этих равно маловероятных возможностей, раз «пазл» не складывается по-другому? Напомню, как пишет А.В. Назаренко: «...приходится допускать одну из двух (равно маловероятных) возможностей: либо др.-русск. русь и д.-в.-н. Ruzz- развились независимо друг от друга (что выглядит слишком искусственно), либо др.-русск. русь явилось заимствованием из древневерхненемецкого (что резко противоречит всей сумме фактов об истории Руси IX в.)».

Попробуем присмотреться к подобному допущению более пристально. Мы будем исходить из уже высказанного, как вы могли убедиться, вполне обоснованного допущения, к которому подводят нас наблюдения лингвистов, что за возникновение европейских имен руси несет ответственность не славянский эндоэтноним, сам по себе, а то самое византийское - ' Ρωσ. Они возникли не из-за частичного созвучия, что, в общем-то, очевидно. И, скорее всего, за исключением Ruzi, имеющего отношение в первую очередь, к балканским южным славянам Срема, чью область и называли первоначально в Германии «Ruzia», заимствование было не лексическим, но, что никто не мог учесть и предвидеть, - семантическим. Заставив Европу рисовать воображаемую связь с германским прозвищем давно исчезнувшей социальной группы, славянский этникон «русь», сам по себе, о происхождении этих имен, естественно, рассказать ничего не может. Поскольку Русь для славян это с самого начала всего только Нижнеднепровский хороним, историю которого миру могли рассказать исключительно византийцы. И по своему, как можно осторожно, предположительно, судить об этом, они это сделали.

Ключ к происхождению этого имени и его западноевропейским аллографам не в «руси», как думает большинство исследователей, а в том самом «народе рос», который старше ее на несколько столетий. Что давно должно быть понятно, безотносительно к тому, откуда оно идет и что значит. Так, снова мы вернулись к герулам-росомонам-геллеспонтикам. К истокам. Возможно, осознание того, что лингвистам стремящимся разгадать происхождение имени Руси следует иметь дело именно с ними, приблизит решение задачи. По крайней мере, так хочется думать. Ведь, как пишет Владимир Егоров:

«Тема происхождения руси и её имени, похоже, неизбывна. Вновь и вновь возвращаются к ней историки и лингвисты, профессионалы и дилетанты, заядлые норманисты и непримиримые антинорманисты. Возвращаются и будут возвращаться, потому что всякого, кому небезынтересна родная история, не может не волновать тайна происхождения и прозвания руси. И того, и другого. Ведь возникновение первичной руси и происхождение её имени вопреки безответственно легковесному, а скорее даже сознательно вводящему читателя в заблуждение заявлению на сей предмет Л. Грот, что «происхождение субъекта и происхождение его имени — это две отдельные истории» [1], на самом деле — одна история. Неразрывная. Её можно рассматривать в двух ракурсах — этногенетическом и лингвистическом, — но увидеть верное решение проблемы во всём объёме, можно только совместив обе проекции. Загадку руси нельзя решить наполовину: нельзя исторически и географически объяснить происхождение начальной руси, не сопоставив ему адекватную этимологию имени; нельзя строить гипотезы о происхождении названия руси вне исторического и географического контекста её возникновения и становления. Проблема перманентно актуальна, так

Петро Федір. Острів русів. Легенда чи реальність?

как базовое для учебников и энциклопедий, взятое из «Повести временных лет» объяснение происхождения имени руси от некоего варяжского племени с таким названием, принципиально не устраивает ни норманистов, ни антинорманистов. Правоверным норманистам так и не удалось отыскать племя «русь» среди скандинавских народов. Антинорманистов всех мастей оно тоже не удовлетворяет, поскольку под варягами традиционно «по умолчанию» понимаются скандинавы. В итоге оба лагеря, норманистский и антинорманистский, сидят у своих разбитых корыт, угрюмо огрызаются друг на друга и ждут поимки золотой рыбки, чьё волшебное слово залатает дыры в их корыте. А дыры латать надо. Проблема происхождения и названия руси не в том, что не предлагается её решений, а в том, что все предложенные решения, в конце концов, утекают в эти дыры и их количество не переходит в качество — многочисленные гипотезы не превращаются в единственную доказанную и не оспариваемую теорему. Хотя для полноты картины и завершённости её композиции необходимо учитывать как исторические, так и лингвистические аспекты проблемы, ведущую роль в поиске истины, вероятно, должны будут взять на себя лингвисты, на чём настаивал ещё один из патриархов историко-лингвистических исследований начальной руси А. Куник. Не забывая, однако, постоянно поверять алгебру лингвистики гармонией истории».

И у меня нет четкого ответа на вопрос, что значит это древнегерманское «рос» или что означало византийское наименование их базы за порогами Днепра, явно адаптировавшее какую-то готскую лексему. Однако некоторые соображения, полезные лингвистам, почерпнутые из историографии вопроса и способные сэкономить время, возможно, могут быть им интересны. Как пишет В.И. Меркулов, руги — это название русов в германских языках, где слог *gi* традиционно заменяет произносимое сочетание «жи». Отсюда также вендское название *Rujan*, то есть «Ружан» (по-германски, Рюген — «Ругский»). «Приведенные лингвистические факты свидетельствуют о том, что германские и латинские хронисты воспринимали на слух названия «ружи»... записывая его в соответствии с грамматическими правилами» (Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? Генеалогическая реконструкция по немецким источникам. М., 2005). И, если это так, - то, таким образом в Австрии в немецкой огласовке называли-записывали первоначально южных славян *Срема* – балканских жителей *Ruzii* - ружан, как называли бы их южные славяне по их месту жительства. Тут вам нужно вспомнить приведенную выше информацию по балканской «марке русов» Венгерского королевства, которую упомянул в одном из своих географических сочинений Мухаммад аль-Идриси в середине 12ст.: «Русов два вида. Один их вид - это тот, о котором мы говорим в этом месте. А другой их вид - это те, которые живут по соседству со страной Ункарийя и Макадунийя». Можно вспомнить, как именовали у них «Тучную гору» Сирмиума – гора франков - Фрушка-Гора. (*starosrpski Fruzi* - *Franci*). Можно также припомнить и австрийские топонимы славянского происхождения, упоминаемые А.В. Назаренко - гора *Rusnik*, *Rousiinize* – местечко в Штирии. Такая фамилия как *Ruznic*, прямо указывающая на выходцев из этой области, на Балканах известна и сегодня.

Что до происхождения заимствованного греками имени народа «*Ῥως*», то, тут главный вопрос к германистам. Мельком уже упоминалось о том, что часть лингвистов в имени росомонов видели готское слово «раус» – «камыш». Именно так трактовал значение их имени известный немецкий историк, филолог и востоковед Йозеф Маркварт (1864-1930), увязывавший это прозвище, единожды упомянутое у Иордана, с герулами. Как обычно пишут в русскоязычных изданиях: «Маркварт предлагает этимологию этнического

названия «росомоны» от слова *gaus*, «камыш», что связывает это название с берегами Меотиды (J. Markwart, *Osteuropaeische und ostasiatische Streifzuege* 1903, S. 353, 368. гот. **Rausa-mans* «люди камышовых зарослей», от *gauskálaros* «камыш». Как учат нас грамматики готского языка [o] как результат расширения краткого [u], на письме обозначался как *au*. Эти звуки встречаются, например, в таких готских словах как *waír* «муж», *saihuap* «видеть», *daug* «дверь». И эта форма «рос», как одно время считал Маркварт, впоследствии «переселившийся» своих герулов на берега Балтийского моря, существовала в районе Майотиса – Меотиды на протяжении столетий.

На такую возможность прочтения указывает и Хакон Станг, упоминая географический компендиум Псевдо-Агатемера от 3 или 4ст. н.э. где фигурирует знакомая нам по Бертинским анналам латинская лексема *Rhos* применительно к одной из рек, впадающих в Каспийское море, которую автор идентифицирует, как Волгу: «*Demaximisfluminibus.... laxartaset Oxus et Rhymmus et Rhos et Cyrus et Araxes Caspiomarimiscentur, Phasisautem et Thermodon et SangarisPontumpetunt*». Станг пишет, что не может быть какого-либо сомнения в том, что таким образом упомянута Волга, традиционно известная грекам из Географии Птолемея, под именем «*Pa*». Этим словом именовали ремень – высоко ценимые лекарственные травы, которыми торговали в Поволжье. Сама же форма названия, упомянутая у Псевдо-Агатемера, несет на себе отпечаток явного заимствования у готов - на лингвистической стадии, называемой поздней готикой, характеризующейся монофтонгизацией. Обозначающее же болотное растение, камыш, позднее готское *Rös* отражает изначальное *gaus*. Это хорошо видно по готской Библии Вульфилы, где готский диграф *-au-* фактически соответствует как *-o-* так и *-u-*. Таким образом, готское *gaus* может соответствовать как Рус(к примеру, в латинском *russeus* и основанном на латыни греческом *rous* [ioi]), так и Рос Септуагинты. А в позднем готском *-au* действительно соответствует греческому *-ö-* (орфографически длинному), в результате чего *Raus* = 'Rös. (*The Naming of Russia Oslo* 1996с73.). Из этих своих наблюдений Хакон Станг, не выводящий, тем не менее, имя росомонов от готского обозначения рогоза вынужден сделать такой вывод: «Рос – безукоризненно объясняется готским словом *raus* «камыш», а вероятнее всего, цветообозначением».

Дело в том, что греческий термин, *Ρουσιος* применявшийся некогда греками к русам, (*ῥοῦσιοῖν* форме мн.числа, красные) заимствован был, как считается, из латыни: «Греч.*ῥοῦσιος* «темно-красный, бурый» происходит из лат. *russeus, russus*». И именно такая характеристика предшественников росов времен римской империи- герулов-росомонов находится в фокусе внимания Станга, поскольку одна из популярных немецких гипотез выводит германское имя росомонов как раз от древнегерманского цветообозначения *rosato* – «красно-коричневый». Что и навело Хакона Станга на предположение, что герулов, как римляне, так и германцы попросту могли называть «красными». Скорее всего, как полагает исследователь, за их пристрастие к красному цвету в окраске волос, элементов воинской экипировки и одежды, которыми отличались германцы. Однако сбрасывать со счетов «камышную» версию Станг не стал, изложив для нас и ее. Принимать во внимание такую вероятность, кроме лингвистических аргументов исследователя побуждает, видимо, и Космография Псевдо-Этика, где в связи с германскими Причерноморскими пиратами, укрывавшимися в болотах, прямо указывалось: «Люди, живущие рядом, называют их *Sapaeos*». Что исследователь трактует как неологизм автора Космографии, переведенный на латынь в значении приближенном к русскому слову «камышники», от латинского *Sapae* «камыш, тростник».

«Здесь имеется ввиду народ, проживающий «в болотах и районах переполненных камышами». (Хакон Станг Наименование Руси. Герульская версия. Тезисы. 1999).

Что подобная номинация групп людей по каким-то характерным признакам местности их проживания в прошлом не редкость, а скорее правило, историки и так в курсе. Так что ничего необычного. Великий Луг, к примеру, как уже упоминалось, турки позднего средневековья называли «Сарыкамыш». Отсюда и принятое у них прозвание днепровских казаков Украины – Sarı Kamyş Kazakları. Если бы готы называли Запорожье подобным образом, отталкиваясь от обилия зарослей камыша, наиболее характеризующих эту местность, стоило бы сильно удивляться такому совпадению? Могло ли готское прозвание Великого Луга Днепра у славян преобразиться в Русь можем выяснить на примере дискуссии по поводу одной старинной отвергнутой гипотезы этимологизирующей Русь из готского слова «слава». Даже не будучи филологами. Итак, теоритически, могло ли готское Rausaland, однажды быть заимствовано среднеднепровскими славянами и преобразиться в «Русь»? Нам ведь давно указывают на вероятное неславянское происхождение слова "русь" в силу фонетической невозможности сохранения исконного славянского s- после u-. В комментариях к трактату Константина Багрянородного «Об управлении империей» об этом сказано так:

«Мнение о "готской" этимологии (Куник А.А. Примечания к кн.: Дорн Б. Каспий, о походах древних русских на Табаристан // Зап. имп. Академии наук, 1875. Т. 26. Кн. 1. С. 54-55, 430-436; Шмурло Е. Восьмой археологический съезд (9-24 января 1890 г. Будилович А.С. К вопросу о происхождении слова "Русь". Доклад на VIII археологическом съезде в Москве 1890 г. // ЖМНП. 1980. N 5. С. 25-29) **не получило распространения, хотя временами делаются попытки его возрождения** (Sederlind S. Russernasrike. Tillfraganomdetostslaviskariketsuppkomst. Stockholm. 1978) **с целью обоснования готской теории образования Древнерусского государства. Слово "русь" возводится ее сторонниками к гот. *hrotps - "слава", восстанавливаемому из засвидетельствованных в письменных источниках прилагательного hrotpeigs (вин.п. мн. ч.) - "торжествующий, победоносный, славный" и ряда однокоренных слов в других германских языках. Как показал Ф.А. Браун, фонетическое обоснование перехода *hrotps>"русь" затруднительно: если гот -o- могло дать др.-рус. -у- (ср.: гот. вока>др.-рус. букъ, гот. doms>др.-рус. дума), то в области консонантизма таких соответствий нет: начальное h+плавный согласный не отпадало в древнерусском языке (ср.: гот. hlaifs> др.-рус. хльбъ); неясно, каким образом готское -rt- могло перейти в др.-рус. -сь- (Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений // Сб. ОРЯС имп. Академии наук. 1899. Т. 64. N 12. С. 5-7; Он же. Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия "Русь" // Зап. Нео-филологич, о-ва при имп. Санкт-Петербургском ун-те. 1892. Вып. II. N 1. С. 45-58). **Маловероятно это заимствование и с исторической точки зрения. Хотя готы прошли по территории Восточной Европы и осели в Северном Причерноморье и Крыму, их влияние прослеживается лишь на юге позднейшего восточнославянского ареала, на севере же и северо-западе Восточной Европы (где представлена топонимика с корнем "рус-") оно отсутствует полностью. Поэтому трудно предположить, что быстро переместившиеся на юг готы (маршрут их миграции, кстати, неясен, но очевидно, что в бассейнах Западной Двины, Верхнего Днепра и в Поильменье они не проходили) оставили за собой название, ставшее обозначением местного населения на огромной, незатронутой ими территории** (Тихонова М.А. К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой**

половине I тысячелетия н.э. // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Археологические исследования, посвященные памяти Харри Моора. Tallinn, 1970. С. 202-206). **Вместе с тем нельзя не отметить, что этнополитическая история готы в Северном Причерноморье изучена крайне слабо, к чему привлечено внимание в работах:** Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье результаты и перспективы // Балто-славянские исследования, 1982, М., 1983 С. 227-263; Лебедев Г. С. Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н.э.) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л. 1988. Вып. 1. С. 79-99».

Пусть это ничего и не доказывает, комментировать особо нечего. Готское Rausaland теоретически, с точки зрения лингвистики, однажды вполне могло превратиться в -роусьская земля. Как разъясняет А.В. Назаренко «вторичный «и» развившийся в славянских языках из дифтонгов..., присутствовал в восточнославянских диалектах (во всяком случае, в некоторых из них) уже в первой половине IXв». И все бы было на уровне вероятности, если бы не один нюанс, как кажется, умножающий ее – готской этимологии, шансы, хотя об этом лучше судить лингвистам.

В свое время А.В. Назаренко изучал аллографы имени «Русь» в немецких средневековых источниках Баварии и Австрии. (А.В. Назаренко Имя «русь» и его производные в немецких средневековых актах (9-14вв.) Бавария-Австрия.). Где он, исследуя их графические особенности, неожиданно выявил многочисленную топонимическую и антропонимическую лексику, происходящую, как считает автор, от этникона «русь», «русин», «русьски». Лексику, видимо, свидетельствующую о средневековых русско-немецких торговых связях, (Регенбург-Киев) восходящих должно быть еще к 9ст. Как установил автор, этникон «русь» имел в двн. форму Riuz- или Ruz, Ruzz, т.е. с умлаутом долгого и или без него, и отразился в целом ряде личных имен фиксируемых сохранившимися документами. Причем в двн. т.е. в наиболее ранний период, затронутый исследованием, вроде как, не прозвищ, а личных имен по происхождению являющихся этнонимом - ситуация достаточно необычная сама по себе. Уже в 12ст. они дали ряд названий местностей в Баварии и Австрии, что и фиксируется сохранившимися документами. Однако я тут хотел обратить внимание на одну любопытную деталь, которую легче всего продемонстрировать на примере приведенных А. В. Назаренко выписок из документов, касающихся современного Reissing. Скорее всего, того, как считает исследователь, который находится около Кельхайма, чуть выше по течению Дуная от Регенбурга:

- регенбургский епископ Хартвиг II дарит монастырю Weltenburg две часовни, из которых una REWSSING nuncupatur, т.е. «одна зовется R» 1162-1163гг., копия 1441г.

- Liutuwinus de Ruzzing 1171г. ориг. лат.

- владения ad RUZIGEN (копия 15в.: REUSSING) дарятся монастырю неким клириком Ulrich von Jachenhausen – Urk Weltenburg 1182-1192гг. Оригинал лат.

- Heinrich plebanus (священник) de REUSSING (копия 15в.: RUSINGE) 1240г. Регенбург, копия 1441г. лат.

- Vlricus de Revzzingecognomine Prunner и его двое сыновей, получают от монастыря Weltenburg земли in REVZZINGE (в копии 15в. В обоих случаях: REUSSINGE) 1263-1267гг. ориг. лат.

- RAEVZZING приход HBNikolaus1326г.
- Conradus Sailerzu REISSING Urk Weltenburg 1396г. Копия первой половины 17ст.
- приходская церковь св. Петра inREUSSING 1399г. копия 15в.
- Friderih Aichennagel Pfarrer(священник) in REWSSING 1413. лат.
- REUSSINGidorffzu REUSSINGт.е. «деревня R» копия 15в. нем.

По поводу этой деревни и ее жителей далее А.В. Назаренко объясняет нам так: «Формант - ing, крайне продуктивный во всех германских диалектах в пору их распространения по обширным территориям Центральной Европы, в др. баварском в качестве суффикса, образовывавшего имена жителей местности (Insassennamen), был со временем вытеснен – agi. Однако А. Бах считает возможным рассматривать образования на – ing на немецком юге в течение всего д.в.н. периода (т.е. по 11в. включительно) как Insassennamen (BachA. Namenkunde, II/2, S. 319). Другая возможность: при посредстве – ing в баварском оформлялись названия земельных участков по имени их владельца: Heining – земля Heine и т.п. (EberlB.Ortsnamen, S.248; Bach A. Namenauf – ing, S. 738). Но и в том, и в другом случаях топоним восходит к личному имени Riuze «русин»; исходной формой было Riuzingen, т.е. ном. Plur. имени жителей: «люди какого-то Riuze» либо «земля Riuze» **Ввиду доминанции форм с двойным «z» считаем невозможным возводить топоним к д.в.н. riuse «Fischreuse, одна из разновидностей рыболовной снасти».** (А.В. Назаренко Имя «русь» и его производные в немецких средневековых актах (9-14вв.) Бавария-Австрия.). Но штука в том, что формы с двойным «s» вместо двойного «z» на этом примере мы можем видеть уже применительно к 12ст. Как и с одним «z», впрочем, что говорит более всего, об отсутствии устоявшейся орфографии в средневерхненемецком того времени. Пусть и при доминанции форм с двойным «z» в наименовании этого поселения. Однако самое любопытное тут не это.

Теперь – фокус. Сегодня, при четких правилах орфографии в литературном немецком, развившемся на базе верхненемецкого

- **Reusse** (устар.) – это русин, русский; Современная немецкая литературная норма Russe является очевидным неологизмом нового времени, копирующим в корневом вокализме русск. русский, тогда как еще в XVIII в. в широком употреблении была исторически возникшая на немецкой языковой почве форма Reusse, закрепившаяся в архаически-торжественной официальной титулатуре российских императоров «Kaiseraller Reussen» «император всероссийский» (А.В. Назаренко);

- **Reuse - feminine, 'weir-basket, weel,' from Middle High German riuse, Old High German rûsa, rûssa, feminine, 'weel, fish-basket' (from Gothic *rûsjô); a graded and lengthened form of Gothic raus (see Rohr). Hence Reuse means literally 'that which is made of reeds.** (An Etymological Dictionary of the German Language, R (1891) by Friedrich Kluge, translated by John Francis Davis). Следовательно, Reuse означает буквально то, что сделано из камыша.

Упомянутая рыболовная снасть «riuse» в средневерхненемецком баварском диалекте – верша по-русски, как могут рассказать нам немецкие словари, происходит от зафиксированных еще в древневерхненемецком слов - rûsa, rûssa. Это фигурирующие в словаре Фасмера М., заимствованные в русский: «*рюжарюза, рюзя "мережа, вентер"*»,

арханг. (Даль), *рјуси* "рыболовная снасть", олонецк. (Кулик.), *рјуси* "обруч, обогнутый сетью", белозерск. (Даль), *рјуха*, арханг. Заимств. из карельск. *rūžä* "верша", фин. *rysä*, эст. *rūza* – то же, которые восходят к шв. *rysja*, норв. *rūsa*, *rūsa*, *rysja*, д.-в.-н. *rūssa*, *rūsa*, нов.-в.-н. *Reuse* "верша"». Сами же эти лексемы, как считают немецкие лингвисты, являются производными от германского обозначения рогоза, который мы часто, по ошибке, называем камышом! Они восходят к прагерманскому **rauza-*, **rausa-*, – рогоз. Судя по всему, потому что, когда-то эти каркасные рыболовные снасти мастерили из его стеблей.

Эти поздние *Reuse*, *Reusse* перешли в немецкие фамилии, и если теперь, при четких правилах орфографии, первое, как считается, происходит от слова рогоз (*Rohr* – (кроме того, известная река, регион - Рур) *Herkunft: mittelhochdeutschundalthochdeutschrōr*, germanisch **rauza-* „Schilf“), второе означает уже – «русин». Однако такой порядок в верхненемецком, судя по всему, бытовал не всегда, что можно заметить, в том числе, и благодаря интернету по реке Ройс (устар. Рёйс, Рейсс; нем. *Reuss*, Swiss German: *Rüüss*) в Швейцарии. Ее германское имя, зафиксированное в 9ст. согласно англоязычной статье о ней - *Rusa*, *Rusia* «The Germanic name isattestedas *Rusa*, *Rusia*fromthe 9th century (sometimes recorded as *Ursainthe Early Modern period*, c.f. *Urseren*),[5] from a nearly Germanic **Rūsi*, oblique **Rūsijō-*» опять таки упоминается в связи с германскими обозначениями камыша-рогоза, а не рыболовных снастей с камышовой оплеткой. (H. Reichert, "Riousiaoua" in Hoops (ed.), *Reallexikon der germanischen Altertumskunde* 25 (1968), p. 27). И уж точно, без всякой связи с русью.

При этом стоит помнить про наблюдение А.В. Назаренко, что: «При ознакомлении с вариантами имени русь в средневерхненемецких текстах (XII–XIV вв.) выясняется, что абсолютно господствующим среди них является вариант с умлаутом корневого долгого *u*: *Riuz(z)en*>*Reuz(z)en*. Такая форма никоим образом не могла быть заимствована из древнерусского, а могла возникнуть только вследствие развития на южнонемецкой почве из более ранних форм, основообразующий суффикс которых содержал *j*, собственно, и вызывавший умлаут. Однако известно, что в древнебаварском *j* в таких позициях перестал фиксироваться на письме уже с начала IX в.».

К тому же реконструируемому прагерманскому **rauza-* относится и готское *gaus* и верхненемецкое *gōr*; *gōra* – трость, тростник-рогоз, стержень, трубка (Köbler, Gerhard, *Neuenglisch-althochdeutsches Wörterbuch*, 2006). Эта последняя форма установилась вследствие ротацизма, которому подвергся в большинстве германских языков звук *z*. еще в римское время (по закону Вернера). И что странно – от древневерхненемецких диалектов не дошло до нас зафиксированного где-либо баварского имени обозначения рогоза кроме упомянутого *gōr*; *gōra*.

Однако в средневерхненемецкий период откуда-то всплывает слово *gīsch*, *rusche*, *rusch* – рогоз. А с ним, и дериваты от него - прозвища людей, к примеру, по именованию местности, занимавшихся его заготовкой или изготовлением изделий из него – рогожников. Откуда идут эти основы с «s» немецкие этимологические словари однозначно ответить затрудняются.

Немецкий словарь братьев Гримм разъясняет, что возможно это заимствование из латыни – *ruscus* – растение Иглица семейства Спаржевых, но тут же высказываются и сомнения на этот счет, вместе с нареканиями на непоследовательность графики того времени и наблюдением, что так называли и папирус, который изготавливался, как

известно из тростника. Был ли у этой лексемы предшественник в баварском диалекте древневерхненемецкого языка? Если это *rusche-* в готском: *raus* в *OldEnglish*: *rysce, resce, risce, rixe*; в *MiddleEnglish*: *rusche, resche, rische*, в *Scots*: *resche, rasche*, в *English*: *rush, resh, rish, rix*, в *OldFrisian*: **reske; *risk*, в *SaterlandFrisian*: *Rääske*, в *WestFrisian*: *risk*, в *OldSaxon*: *rusk, *risk*, в *MiddleLowGerman*: *rusch, risch*, в *LowGerman*: *Rusk, Rusch, Risch*, в *Frankish*: **ruski, *rusk*, в *OldDutch*: **rusk*, в *OldFrench*: *rusche, rousche*, в *OldNorse*: **ryskja; *rusk*, то, как оно звучало и записывалось в *OldHighGerman*?

К имени ли *Riuze* «русин» восходят все эти топонимы, упоминаемые А.В. Назаренко, вроде - *locus, quidicitur RVZZE*, т.е. «место, что зовется R» среди имений монастыря *Neustift* около Зальцбурга (1180-1200), местечко *Raevzzingv* верхнем течении р. Мурили *Ruzaramarcha* – грамоты Людовика Немецкого 9ст.- сельская община к востоку от Эннса в Нижней Австрии? «*locus, quidicitur RVZZE*» не может быть просто устаревшим на то время местным обозначением зарослей рогоза – камышни? Может быть, стоит рассмотреть и другую альтернативу? Это лишь наблюдения человека далекого от лингвистики, но, тем не менее. Вдруг, то *guzzi* которое попало в середине 9ст. в «Баварский географ» монастыря Рейхенау, зафиксировано было для истории при посредстве и с участием греков, что, кстати, и предполагает А.В. Назаренко, и всего лишь означает, записанное латиницей живое слово древневерхненемецкого языка. Они-то, наверняка, должны были знать, что означало готское имя варварского народа, с которым им приходилось иметь дело. Было бы интересно узнать об этом что-либо определенное от лингвистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот такие дела, вкратце, с «норманнской» русью. Скандальное заявление, но, как кажется, давно назревшее. Эта работа намеренно составлена так, чтобы не отнимать у вас лишнее время. Она должна дать набросок, контурный рисунок, который показывает, где проходят линии, и какой образ они вырисовывают. В отличие от сказок российских «неонорманистов» с их Рюриками из Дании и захватом киевских холмов. Если уж вы хотели узнать об этом что-то более-менее определенное. Не то что лежит на поверхности, а кое-что до сих пор скрытое, кое-что из сериала «как было на самом деле». Благодаря работам историков, лингвистов, археологов, сегодня это возможно. Даже, если где-то и вопреки желанию некоторых из них. Если есть сомнения в корректном использовании источников – проверяйте. Никто не морочит вам голову. Исследования историков последнего времени позволяют сделать довольно определенные выводы, пусть во многом и неожиданные.

Каких-либо глобальных выводов историософского характера или генерирования новых смыслов эта работа, естественно, не предполагает. В круг задач, которые перед собой ставил автор, они не входят. Вы ведь не этого ждали от подобной книги? Ее задача – показать вам нечто удивительное, если вы уже почти разучились удивляться. Дать возможность прикоснуться к тайне, всех ключей к которой, нет ни у кого. Возможно, именно вам удастся добыть их. Теперь вы сами можете проверить алгоритм решения

задачи и вычислить, правильно ли она решена. Я лишь случайно, да и то,- в общих чертах, могу претендовать на то, что осознал суть проблемы, которая тормозит исследования в этом направлении и далек от четкого видения того с чем мы имеем дело. Насколько обоснованно – судить вам. Главная ее цель,- рассеять туман вокруг т.н. легенды об «острове русов», где не может быть места просто **иллюзии** узнавания. Вопреки тому, что мы привыкли слышать в связи с данной темой, оно,- это «узнавание», что самое неожиданное, не иллюзорно! Увериться в этом, изучая источники, возможно довольно быстро, несмотря на объем и противоречивость накопленных данных и интерпретаций. Несмотря на монополию россиян трактовать подобные вопросы и весь тот туман, который они нагоняют вокруг этой темы, все ставя с ног на голову. **Лишь бы, однажды, не оказалось, что Россия, в действительности, не имеет никакого отношения к началам Руси, а Украина, с ее жителями, древностями и историей – для этого имени та самая Палестина, исток, и начало. Если уж им так важно, откуда идет само это имя. Почему важно это знать? Чтобы не слушать всякое российское говно про Ладожский каганат, тюркские корни украинского казачества, подаренные российскими царями украинцам земли, Украину, как проект Ленина и австрийский генштаб. Российская историческая наука ведь не спешит вправлять мозги своим гражданам.**

Место этой «легенды» в средневековых представлениях о Руси явно недооценено. Как и роль в ее истории одной забытой уникальной локации, некогда существовавшей на юге Украины. Издавна, будучи неотъемлемой частью истории украинского народа, некогда укрытая от Причерноморской степи непроходимыми зарослями лозы, изрезанная множеством протоков, так толком и неисследованная, затопленная во имя советской энергетики, она все еще может кое-что рассказать о себе. Разумеется - тем, кто готов слушать.

Что же до всего остального, что касается этого загадочного сообщества, то заблуждаться имеем право мы все. Знаменитая хроника, к которой первым делом всегда и обращается исследователь, к сожалению, как об этом все чаще и пишут исследователи, только способствует этому. Давно дело было. Для того чтобы судить безошибочно - слишком давно. Теперь вы точно знаете, чего стоит эта российская варяжская сказка. Также как, на самом деле, давным-давно и ее главные популяризаторы.

P.S. 20 июля 2023г. рашисты подорвали Каховскую дамбу.